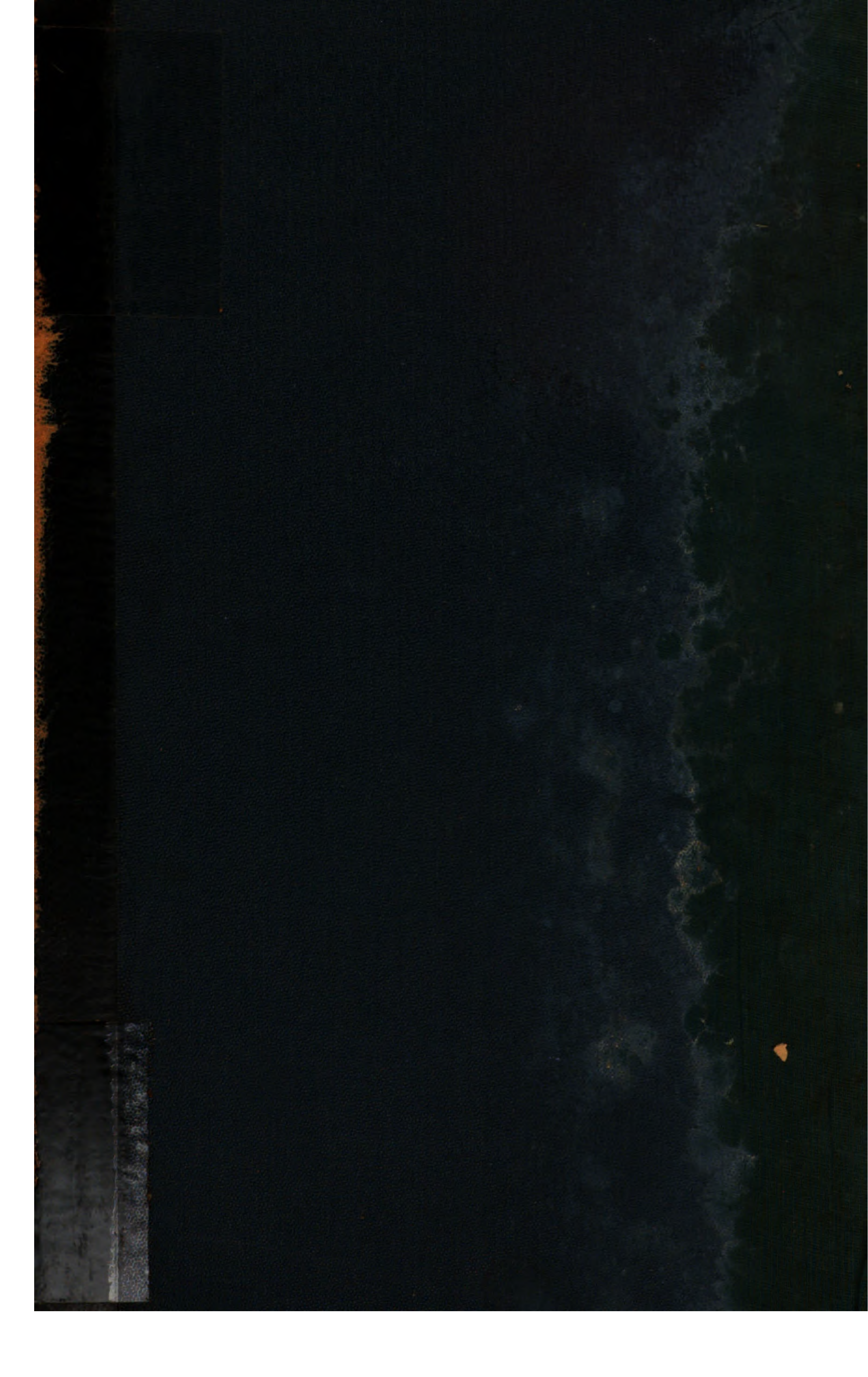
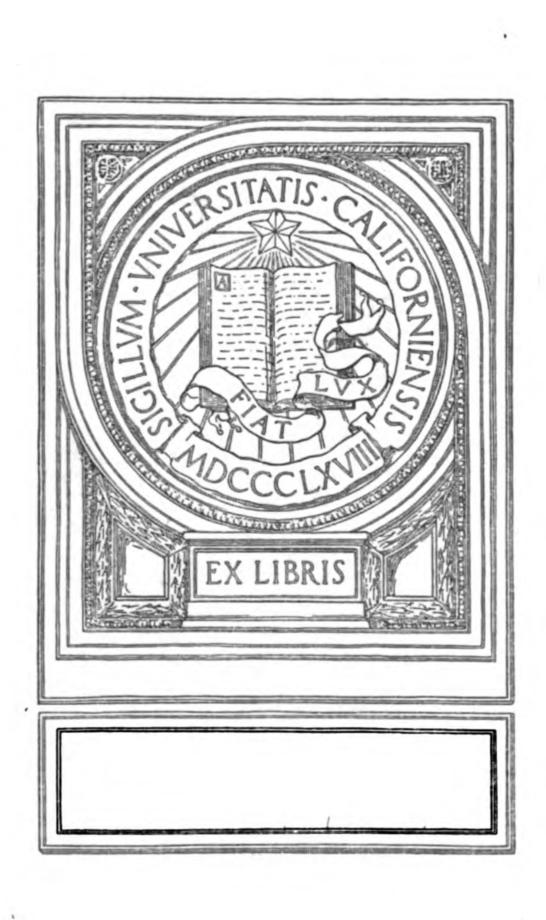

SIGILLVM · VNIVERSITATIS · CALIFORNIENSIS
LVX
FIAT
MDCCCLXVIII
EX LIBRIS

Годъ XI-й. № 6-й.

МІРЪ БОЖІЙ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ

САМООБРАЗОВАНІЯ.

ІЮНЬ

1902 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1902.

ОТЪ КОНТОРЫ ЖУРНАЛА.

Контора покорнѣйше проситъ лицъ, подписавшихся въ разсрочку на полгода и желающихъ продолжать подписку, озаботиться присылкою 2-го взноса не позже 20-го іюня. Всѣмъ не уплатившимъ къ этому сроку высылка журнала съ іюля мѣсяца будетъ пріостановлена.

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

Годъ XI-й. № 6-й.

МІРЪ БОЖІЙ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ

САМООБРАЗОВАНІЯ.

ІЮНЬ

1902 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1902.

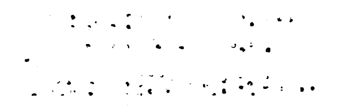
Дозволено цензурою. С.-Петербургъ. 28-го мая 1902 г.

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

ГОРОДЪ И ДЕРЕВНЯ ВЪ РУССКОЙ ИСТОРІИ.

(Краткій очеркъ экономической исторіи Россіи).

(*Окончаніе* *).

V.

Городъ и деревня въ новой крѣпостной Россіи (въ XVIII и первой половинѣ XIX вѣка).

Періодъ новой крѣпостной Россіи находится въ чрезвычайно тѣсной связи съ московскимъ государствомъ. Оставляя въ сторонѣ отдѣльныя частности, нужно вообще признать, что въ Россіи XVIII и первой половины XIX столѣтія развились и опредѣленнѣе сложились тѣ явленія, которыя намѣтились въ Московской Руси. Это, прежде всего, слѣдуетъ сказать объ основномъ экономическомъ явленіи періода,—развитіи денежнаго хозяйства. Въ этомъ отношеніи трудно провести между XVII и XVIII столѣтіями разграничительную черту даже въ томъ условномъ смыслѣ, въ какомъ обыкновенно понимается дѣленіе исторіи на періоды или эпохи: въ сущности, начиная съ половины XVI вѣка и до половины XIX длится все одна *первая* стадія въ развитіи денежнаго хозяйства въ Россіи, характеризующаяся тѣмъ, что все еще не большинство населенія захвачено торговымъ оборотомъ и при томъ захвачено не цѣликомъ, не во всѣхъ хозяйственныхъ функціяхъ, такъ что многія потребности удовлетворяются попрежнему домашнимъ производствомъ.

Довольно многочисленныя и разнообразныя наблюденія указываютъ на ростъ денежнаго хозяйства, въ новой крѣпостной, дореформенной Россіи. Прежде всего бросается въ глаза очень значительное расширеніе внѣшней торговли, особенно морской. Начало этому расширенію морской заграничной торговли было положено лучшимъ устройствомъ архангельскаго порта при Петрѣ Великомъ и завоеваніемъ сначала Азова, потеряннаго, впрочемъ, послѣ Прутскаго похода на довольно продолжительное время, какъ и основанный на Азовскомъ морѣ Та-

---

*) См. «Міръ Божій», май 1902 г.

ганрогъ, а потомъ береговъ Балтійскаго моря у Швеціи, причемъ въ руки Россіи перешли такія важныя порты, какъ Рига и Ревель, а въ 1703 году былъ основанъ Петербургъ, ставшій скоро главнымъ средоточіемъ внѣшней торговли. Въ послѣдующее время торговля всѣхъ этихъ портовыхъ городовъ сильно возросла и кромѣ того, прибавился новый крупный пунктъ вывозной торговли Одесса.—Въ первые годы XIX вѣка цѣнность русскаго вывоза за границу доходила уже до 75 милліоновъ рублей, а иностранныхъ товаровъ ввозилось тогда въ Россію на 52 милліона рублей. Росту внѣшней торговли соотвѣтствовало и развитіе внутреннихъ мѣновыхъ сношеній. Прежде не только въ крестьянскомъ, но и въ дворянскомъ обиходѣ довольствовались для удовлетворенія своихъ потребностей продуктами исключительно—домашняго производства, не покупавшимися, а достававшимися даромъ: употребляли, напр., грубое домашнее сукно и домотканное полотно. Но уже въ XVIII вѣкѣ эти примитивныя ткани стали замѣняться въ потребленіи *покупнымъ* болѣе тонкимъ сукномъ, ситцемъ и миткалемъ. Этимъ пробивалась значительная брешь въ твердынѣ натуральнаго хозяйства. Что денежное хозяйства проникло и въ крестьянскую среду, заставило и крѣпостныхъ землевладѣльцевъ считаться съ условіями рынка,—это доказывается, прежде всего, ростомъ денежнаго оброка въ ущербъ натуральному, замѣной послѣдняго первымъ: безъ товарнаго производства, безъ участія крестьянъ въ торговлѣ такое явленіе было бы немыслимо. Нельзя далѣе не обратить вниманія на развитіе крестьянскихъ отхожихъ промысловъ особенно въ XIX вѣкѣ: въ центральныхъ губерніяхъ половина, двѣ трети, даже три четверти крестьянскаго мужского населенія отправлялись ежегодно въ отходъ, что также незамѣтно втягивало народныя массы въ торговый оборотъ. Наконецъ, можно наблюдать, какъ торговая дѣятельность помогаетъ отдѣльнымъ способнымъ и предпріимчивымъ личностямъ выдвинуться впередъ, выдѣлиться изъ рядового крестьянства, нажить крупные капиталы и выкупиться на волю. Достаточно указать на такіе яркіе примѣры, какъ обращеніе многихъ кустарей-набойщиковъ села Иванова, Шуйскаго уѣзда, въ крупныхъ фабрикантовъ, возникновеніе фабрики Морозовыхъ, тоже бывшихъ крѣпостныхъ крестьянъ, въ Зуевѣ Московской губерніи, въ 1797 году, и обогащеніе Кондратовыхъ, основавшихъ свой металлическій заводъ въ селѣ Варѣ, Муромскаго уѣзда, въ 1831 году.

Переходя къ характеристикѣ относительнаго значенія другихъ отраслей народнаго производства въ Россіи XVIII и первой половины XIX вѣка, слѣдуетъ, прежде всего, констатировать тотъ фактъ, что, какъ и въ предыдущій періодъ, Россія оставалась и въ изучаемое время по преимуществу *земледѣльческой* страной, полевое хозяйство продолжало играть первенствующую роль въ экономической ея жизни. Новымъ въ этомъ отношеніи было только то, что обнаружилось до-

вольно рѣзкое и опредѣленное различіе между средней и сѣверной неземледѣльческой и южной, заокской земледѣльческой областями. Въ основѣ этого различія лежали, несомнѣнно, естестественныя— климатическія и почвенныя особенности названныхъ областей: тучный южный черноземъ и мягкій, благодатный степной климатъ въ высокой степени благопріятствовали земледѣлію, климатъ и почва суроваго сѣвера и сѣверо-востока никогда, какъ мы знаемъ, не давали возможности сѣверному крестьянину заняться полевымъ хозяйствомъ, а влекли его къ промысламъ горному (въ Пріуральѣ), соляному, рыболовному или охотничьему; что касается центральнаго района, то, не обладая естественными богатствами сѣвера, открывавшими просторъ для добывающей промышленности, и не отличаясь такими хорошими климатическими и почвенными условіями, какія содѣйствовали развитію земледѣлія на югѣ, онъ сдѣлался областью, на долю которой выпали задачи устранить существенный недостатокъ, какимъ страдала экономическая жизнь Московскаго государства,—недостатокъ въ правильно-поставленной обрабатывающей промышленности. Въ центрѣ Россіи уже въ XVIII вѣкѣ земледѣліе, сохраняя свое преобладаніе, теряетъ все-таки прежнее исключительное значеніе подъ вліяніемъ развитія здѣсь именно обрабатывающей промышленности. Эта послѣдняя прививается къ жизни въ различныхъ формахъ, изъ которыхъ главныхъ четыре: 1) домашнее производство для домашняго потребленія производящей семьи, при полномъ отсутствіи обмѣна; 2) ремесло или мелкое кустарное производство: рабочій производитъ на заказъ для опредѣленнаго потребителя; иногда онъ открываетъ и спеціальную небольшую лавку для случайныхъ покупателей, кругъ которыхъ невеликъ, такъ что производство разсчитано при этомъ на небольшой мѣстный рынокъ; 3) товарно кустарное производство: кустарь производитъ продукты на обширный рынокъ, иногда даже на заграничный, но сбываетъ онъ ихъ потребителямъ не самъ, а черезъ посредство капиталиста—скупщика, такъ что, хотя производство все еще остается мелкимъ, но сбытъ товаровъ организуется уже капиталистически; 4) фабрично-заводская промышленность: крупные предприниматели-капиталисты берутъ въ свои руки не только сбытъ продуктовъ, но и ихъ производство. Первыя двѣ изъ этихъ формъ—домашнее и мелкое кустарное производство или ремесло—существовали еще въ Кіевской и удѣльной Руси, не говоря уже о Московской, и у насъ уже шла о нихъ рѣчь раньше въ свое время. Онѣ продолжали существовать и въ XVIII и XIX вѣкахъ, сохранились и до настоящаго времени и долго еще не исчезнутъ, но съ теченіемъ времени неудержимо клонятся къ упадку, подавляемыя развитіемъ денежнаго хозяйства и конкуренціей товарно-кустарнаго и фабрично-заводскаго производствъ. Что касается этихъ послѣднихъ, то зародыши ихъ становятся замѣтны лишь въ XVI и XVII вѣкахъ. «Въ Калугѣ,—говоритъ посолъ

*

германскаго императора Сигизмунда Герберштейнъ, посѣтившій Московское государство въ первой четверти XVI столѣтія,—дѣлаютъ деревянные кубки, искусно украшенные рѣзьбой, и другія деревянныя вещи, необходимыя въ домашнемъ обиходѣ; *отсюда онѣ вывозятся въ Московію, Литву и другія сосѣднія страны*». Вотъ яркій примѣръ товарно-кустарнаго производства, разсчитаннаго не только на обширный внутренній сбытъ, но и на заграничные рынки. Первыя фабрики были открыты въ томъ же XVI вѣкѣ: это были такъ называемыя «бумажныя мельницы», т.-е. фабрики для производства писчей бумаги, но онѣ плохо привились, хотя существовали, по уцѣлѣвшимъ извѣстіямъ, и въ XVII вѣкѣ. Въ царствованія Михаила Өеодоровича и Алексѣя Михайловича возникли другіе заводы и фабрики: напр., стеклянные и особенно металлическіе, изъ которыхъ особенно извѣстны заводы Виніуса въ Тулѣ, Марселиса въ Костромѣ и на Шекснѣ и Акемы въ Малоярославецкомъ уѣздѣ нынѣшней Калужской губерніи. Но все это были лишь спорадически—встрѣчавшіеся зародыши той товарно-кустарной и фабрично-заводской производительности, которая становится важнымъ элементомъ русской экономической жизни за послѣднія два столѣтія. Ростъ русской фабричной промышленности въ XVIII вѣкѣ лучше всего характеризуется слѣдующими цифрами: въ концѣ царствованія Петра Великаго во всемъ государствѣ было 233 фабрики; спустя сорокъ лѣтъ, въ 1762 году—считалось уже 984 фабрики, а еще черезъ 35 лѣтъ—въ 1796 году—общее число фабрикъ доходило уже до 3.161. Другими словами, въ 70 слишкомъ лѣтъ число фабрикъ увеличилось почти въ 14 разъ. Въ XIX вѣкѣ развитіе фабричной производительности продолжалось и даже, по всѣмъ признакамъ, шло ускореннымъ темпомъ. Одновременно съ этимъ, особенно съ царствованія императрицы Екатерины II, стало распространяться и товарно-кустарное производство. Оно возникло, главнымъ образомъ, изъ двухъ источниковъ: во-первыхъ, оно было дальнѣйшей стадіей развитія первобытныхъ формъ обрабатывающей промышленности—домашняго и мелкаго кустарнаго производства или ремесла; во-вторыхъ, оно явилось результатомъ разложенія нѣкоторыхъ фабрикъ XVIII вѣка: фабричные рабочіе разносили по деревнямъ извѣстные пріемы того или другого производства, которымъ они научились на фабрикѣ, и такимъ образомъ появлялись кустарные промыслы, нерѣдко успѣшно конкурировавшіе съ фабрикой. Были и другіе, второстепенные источники товарно-кустарнаго производства XVIII вѣка: иногда помѣщики культивировали въ средѣ своихъ крестьянъ тѣ или другія отрасли обрабатывающей промышленности, выписывая изъ-за границы мастеровъ для обученія крестьянъ или отправляя послѣднихъ на выучку въ города къ городскимъ ремесленникамъ; иныя отрасли кустарной промышленности были, наконецъ, непосредственными преемницами существовавшаго еще въ XVI и XVII вѣкахъ товарно-кустарнаго произ-

водства. Подъ вліяніемъ всѣхъ этихъ обстоятельствъ во второй половинѣ XVIII столѣтія изъ кустарныхъ промысловъ достигли расцвѣта пряжа и тканье льна, деревянныя и желѣзныя издѣлія, скорняжное, сыромятное и кожевенное дѣло. Но особенно развернулось товарно-кустарное производство въ царствованіе императора Николая I. Къ этому именно времени—къ 40-мъ и 50-мъ годамъ XIX вѣка— относится процвѣтаніе большинства извѣстныхъ теперь важнѣйшихъ центровъ товарно-кустарнаго производства, какъ Павлова, Иванова-Вознесенска, Ворсмы, Кимръ и т. д. Вообще непрерывное и довольно быстрое развитіе обрабатывающей промышленности въ обѣихъ ея высшихъ формахъ—товарно-кустарной и фабрично-заводской—является однимъ изъ наиболѣе характерныхъ процессовъ въ экономической жизни новой дореформенной Россіи. Не слѣдуетъ только думать, что этотъ процессъ превратилъ значительную часть территоріи государства изъ деревни въ городъ: кое-гдѣ такія превращенія, конечно, замѣтны, и чѣмъ ближе къ концу періода, тѣмъ чаще, но въ большинствѣ случаевъ обрабатывающая промышленность была второстепеннымъ, побочнымъ занятіемъ жителей, главнымъ оставалось земледѣліе. Лучшимъ доказательствомъ этого служитъ тотъ фактъ, что изъ 21.000 человѣкъ крѣпостныхъ, приписанныхъ въ періодъ времени съ 1721 по 1762 годъ къ фабрикамъ, т.-е. предназначенныхъ спеціально для занятія обрабатывающею промышленностью, лишь 8000 человѣкъ были заняты фабричной работой и то не исключительно, остальные же все свое время посвящали земледѣльческимъ занятіямъ. Конечно, нельзя упускать изъ виду и нѣкоторое развитіе ремесла въ городахъ. Объ этомъ свидѣтельствуетъ, между прочимъ, фактъ установленія цеховой ремесленной организаціи; основу ей пытался положить еще Петръ Великій; жалованная грамота городамъ, изданная въ 1785 году Екатериной II, содержитъ уже въ себѣ важную часть— «ремесленный уставъ», въ подробностяхъ разрабатывающій существующее въ главныхъ чертахъ и до сихъ поръ цеховое устройство. Законодательныя мѣры Петра и Екатерины были созданы реальными экономическими потребностями, ростомъ ремесла, и вовсе не являлись поэтому искусственными, безплодными проектами, не привившимися къ жизни.

Итакъ, въ относительномъ значеніи разныхъ отраслей производства въ новой крѣпостной Россіи совершились слѣдующія двѣ перемѣны сравнительно съ Московскою Русью: во-первыхъ, пошло дальше развитіе денежнаго хозяйства, внутренней и внѣшней торговли; во-вторыхъ, сдѣлала крупные шаги впередъ обрабатывающая промышленность.

Говоря о *системѣ хозяйства* и затѣмъ о *формахъ хозяйственной эксплуатиціи труда*, мы будемъ сейчасъ имѣть въ виду лишь *типическія* для даннаго момента явленія, относящіяся собственно къ XVIII вѣку; о тѣхъ зачаткахъ новыхъ порядковъ, какіе въ этомъ отношеніи обнаружились уже въ XIX вѣкѣ, рѣчь пойдетъ позднѣе, при изученіи

исторіи хозяйственнаго развитія Россіи во второй половинѣ истекшаго столѣтія.

XVII вѣкъ завѣщалъ изучаемому періоду преобладаніе переложной системы на бо̀льшей части территоріи страны и начавшееся въ наиболѣе населенныхъ въ то время областяхъ распространеніе трехпольной или паровой-зерновой системы, преимущественно при этомъ экстенсивной, т.-е. такой, когда еще цѣлая половина и во всякомъ случаѣ болѣе трети пахотной земли находится подъ паромъ. Изъ этого видно, какъ много предстояло сдѣлать XVIII-му столѣтію для улучшенія земледѣльческой техники. Тамъ, гдѣ переложная система господствовала вполнѣ и безраздѣльно, съ XVIII вѣка начала распространяться экстенсивная—трехпольная, а недоразвитое трехполье, въ свою очередь, стало смѣняться настоящей паровой-зерновой системой съ трехпольнымъ сѣвооборотомъ, съ правильнымъ дѣленіемъ пахотной земли на три поля, такъ что только треть ея оставалась ежегодно безъ посѣва. Вообще въ теченіе XVIII вѣка трехпольная система земледѣлія становится все болѣе типичной, характерной для нашего отечества. Техника обрабатывающей промышленности была въ то-же время несравненно ниже, чѣмъ система земледѣлія: не только русскій кустарь работалъ руками, съ помощью самыхъ примитивныхъ орудій,—то же самое было и на фабрикѣ. Въ сущности фабрика XVIII вѣка не заслуживала этого громкаго названія: она была мануфактурой, обходилась безъ машинъ, ручнымъ трудомъ, чѣмъ и обусловливалась возможность успѣшной конкуренціи съ нею со стороны кустарнаго производства, которое съ технической стороны было такимъ образомъ ниже фабричнаго. Достаточно сказать, что русской обрабатывающей промышленности XVIII столѣтія былъ неизвѣстенъ даже такой нехитрый и несложный инструментъ, какъ самопрялка. Наконецъ, и техника торговли была довольно примитивна и недалеко ушла отъ коммерческой техники Московскаго государства по той причинѣ, что мало улучшились и пути сообщенія: по прежнему господствовала ярмарочно-караванная система, которая и привела къ процвѣтанію въ то время знаменитаго «всероссійскаго торжища» — Макарьевской ярмарки.

Съ точки зрѣнія *формъ хозяйства* XVIII вѣкъ нужно признать типической *крѣпостной* эпохой, временемъ безраздѣльнаго господства несвободнаго труда. Въ области земледѣльческаго производства это выразилось прежде всего въ сильномъ развитіи барщины, особенно въ черноземной полосѣ. Извѣстно, напримѣръ, что въ началѣ царствованія Екатерины II въ Рязанской губерніи 81% всѣхъ крѣпостныхъ крестьянъ сидѣли на барщинѣ, соотвѣтствующій процентъ для Тульской и Курской губерній доходилъ до 92, для Орловской до 66. Даже въ нечерноземныхъ губерніяхъ процентъ барщинныхъ крестьянъ былъ чрезвычайно высокъ: въ Московской губерніи барщиной были обязаны 64% всѣхъ крѣпостныхъ, во Владимірской 50%, въ Новгородской 51%,

въ Тверской 54%, а въ Псковской губерніи даже 79%. Можно такимъ образомъ признать, что въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ помѣщичья пашня обрабатывалась крестьянской барщиной. При этомъ не надо забывать, что размѣры барской запашки расширялись вслѣдствіе постепенно увеличивавшейся выгодности хлѣбной торговли. Бывали имѣнія, разумѣется, въ видѣ исключенія, въ которыхъ вся удобная земля обращалась подъ владѣльческую пашню; крестьянамъ ничего не оставалось, и они превращались въ безземельныхъ крѣпостныхъ рабочихъ, получавшихъ отъ владѣльца пропитаніе натурой или «мѣсячину». Спѣшимъ оговориться: за исключеніемъ отдѣльныхъ ненормальностей и злоупотребленій барщина, какъ и вообще крѣпостная организація хозяйства, соотвѣтствовала въ XVIII вѣкѣ хозяйственнымъ интересамъ не однихъ только владѣльцевъ-дворянъ, но и крѣпостного крестьянскаго населенія: въ первой стадіи развитія денежнаго хозяйства, когда совершается еще только первоначальная перестройка экономическихъ отношеній на новую основу, экономически-слабые элементы общества, какими, несомнѣнно, и были крестьяне, не могутъ обойтись безъ посторонней поддержки, которую и получаютъ отъ дворянъ-землевладѣльцевъ,—отсюда прочность крѣпостныхъ порядковъ; въ то же время недостатокъ денежныхъ средствъ дѣлаетъ для народной массы болѣе удобной и выгодной барщину, чѣмъ требующійся по условіямъ времени денежный оброкъ. Крѣпостной трудъ соотвѣтствовалъ, вообще говоря, и системѣ земледѣлія: подневольная работа отличается, какъ извѣстно, слабой производительностью, но переложная и трехпольная, особенно недоразвитая-трехпольная, системы земледѣлія и не требуютъ напряженнаго, особенно производительнаго труда. Это замѣчаніе еще болѣе справедливо по отношенію къ обрабатывающей промышленности, техника которой, какъ мы видѣли, отличалась крайней примитивностью. Вотъ почему XVIII вѣкъ есть время, когда трудъ на фабрикахъ и заводахъ былъ почти сплошь несвободный. Когда Петръ Великій сталъ покровительствовать русской фабрично-заводской промышленности, то онъ вынужденъ былъ опереться въ этомъ дѣлѣ на русскій купеческій капиталъ, созданный вѣковой исторіей русской торговли въ предыдущіе періоды исторической жизни Россіи. Купеческая фабрика, развившаяся при Петрѣ, нуждалась въ рабочихъ. По вольному найму ихъ было почти невозможно найти при крайнемъ развитіи крѣпостного права, при усиленной эксплуатаціи труда крѣпостныхъ самими владѣльцами послѣднихъ. Крѣпостными въ собственномъ смыслѣ купцы владѣть не могли, потому что это была спеціальная дворянская привилегія. Поэтому въ 1721 году Петръ разрѣшилъ фабрикантамъ недворянамъ покупать крестьянъ къ фабрикамъ съ обязательствомъ, чтобы они оставались навсегда приписанными къ послѣднимъ, а не оставались собственностью владѣльцевъ. Такіе приписанные къ фабрикамъ несвободные рабочіе получили впослѣдствіи названіе поссесіонныхъ.

Правда, Петръ III запретилъ покупку крестьянъ къ фабрикамъ, и это запрещеніе было подтверждено Екатериной II, но императоръ Павелъ въ 1798 году вновь разрѣшилъ покупать крестьянъ для употребленія въ фабричной промышленности. Купеческая поссесіонная фабрика господствовала главнымъ образомъ въ первой половинѣ XVIII вѣка. Во второй его половинѣ на первый планъ выдвинулась помѣщичья, дворянская фабрика, особенно развившаяся въ царствованіе Екатерины II. Эта фабрика работала уже прямо крѣпостными. Такимъ образомъ формы хозяйства и въ обрабатывающей промышленности XVIII вѣка, какъ и въ земледѣліи, были чисто-крѣпостными.

Чтобы закончить изученіе экономической жизни новой крѣпостной Россіи, намъ остается разсмотрѣть *формы землевладѣнія* въ XVIII вѣкѣ, не оставшіяся безъ вліянія уже извѣстныхъ намъ теперь хозяйственныхъ явленій.

Мы имѣли уже случай убѣдиться, что помѣстье и монастырская вотчина—формы землевладѣнія, преобладавшія во вторую стадію развитія натуральнаго хозяйства, когда господства достигаетъ земледѣліе,—оказались неудобными и стѣснительными, какъ только зародилось денежное хозяйство, потому что денежное хозяйство требуетъ свободы перехода земли изъ рукъ въ руки и возможности превращать землю въ денежный капиталъ, между тѣмъ какъ ни помѣстье, ни монастырская вотчина не удовлетворяли этимъ требованіямъ. Правда, обѣ эти формы земельнаго владѣнія сохранили свое существованіе въ XVII вѣкѣ, но уже тогда было замѣтно увеличеніе служилаго вотчиннаго землевладѣнія насчетъ помѣстной земли, и, кромѣ того, ростъ монастырскихъ владѣній значительно сократился, если не совсѣмъ прекратился, да и самая юридическая природа монастырскаго и особенно помѣстнаго землевладѣнія подверглась перемѣнамъ: неотчуждаемость монастырской недвижимой собственности не всегда строго соблюдалась, а помѣстья разрѣшено было мѣнять и сдавать за деньги. Такъ уже въ XVII столѣтіи помѣстье и монастырская вотчина представляются институтами устарѣвшими, отживающими свой вѣкъ. Начало слѣдующаго столѣтія положило конецъ, прежде всего, помѣстной системѣ, какъ виду земельнаго владѣнія, наименѣе соотвѣтствовавшему экономическимъ условіямъ времени. Въ 1714 году указомъ Петра Великаго, помѣстья и вотчины были слиты въ одинъ видъ дворянской недвижимой собственности, подлежащей свободному отчужденію по волѣ владѣльца. Правда, этотъ указъ налагалъ на дворянъ одно важное ограниченіе: имъ была установлена недѣлимость недвижимой собственности, единонаслѣдіе, т.-е. обязательность передачи имѣнія *одному* изъ сыновей владѣльца безъ раздѣла съ другими, но вскорѣ, при императрицѣ Аннѣ, единонаслѣдіе, согласно желанію дворянства, было отмѣнено. Послѣ того ограниченія свободы отчужденія остались только для родовыхъ имѣній, а въ остальныхъ имѣніяхъ дворянъ простирались лишь на крѣпостныхъ

крестьянъ: такъ какъ крѣпостными могли владѣть одни только дворяне, то и отчуждать *населенныя* имѣнія можно было лишь дворянамъ же. Не трудно замѣтить, что, несмотря на эти ограниченія, дворянская недвижимая собственность XVIII и первой половины XIX вѣка болѣе, чѣмъ помѣстья XVII столѣтія, соотвѣтствовала экономическимъ условіямъ первой стадіи развитія денежнаго хозяйства: теперь уже открывалась въ извѣстной мѣрѣ свобода гражданскаго оборота земли, ея продажи и залога. Неполнота этой свободы оборота недвижимой собственности обусловливалась именно тѣмъ, что денежное хозяйство переживало до половины XIX вѣка лишь первую, зачаточную стадію своего развитія. Монастырская вотчина была нѣсколько лишь долговѣчнѣе помѣстья: она существовала лишь до 1764 года, когда императрица Екатерина II произвела секуляризацію монастырскихъ имѣній, т.-е. отобрала въ казну земли у монастырей и передала ихъ въ завѣдываніе особаго учрежденія, такъ называемой коллегіи экономіи; съ тѣхъ поръ бывшіе монастырскіе крестьяне получили названіе экономическихъ. Они занимали положеніе, во многомъ подобное положенію государственныхъ крестьянъ, жившихъ на земляхъ, которыя принадлежали государству. Такимъ образомъ, денежное хозяйство въ первой стадіи своего развитія повело къ уничтоженію помѣстнаго и монастырскаго землевладѣнія и къ господству сословной дворянской вотчины и государственныхъ земель. Государственныя земли и дворянское землевладѣніе имѣли одну общую черту, составлявшую въ то же время характернѣйшій продуктъ изучаемаго времени: и на дворянской, и на владѣльческой землѣ появилась въ XVIII и началѣ XIX вѣка новая форма крестьянскаго землепользованія. Вся земля, удобная для полевого хозяйства, которою владѣло государство, отдавалась въ пользованіе государственнымъ крестьянамъ; съ другой стороны, и помѣщики обыкновенно отдавали въ пользованіе своимъ крѣпостнымъ за оброкъ или барщину извѣстную часть имѣнія,—въ разныхъ губерніяхъ отъ 45 до 80% всей земли эксплуатировалось крѣпостными на себя. Намъ уже извѣстно, что пока крестьяне были свободны, каждый изъ нихъ садился на опредѣленный подворный участокъ и обрабатывалъ его внѣ непосредственной хозяйственной зависимости отъ своихъ односельчанъ. Такъ продолжалось и первое время послѣ установленія крѣпостного права: землевладѣлецъ—будь то дворянинъ или государство,—все равно—имѣлъ дѣло съ каждымъ отдѣльнымъ крестьяниномъ въ отношеніи хозяйственнаго обезпеченія послѣдняго, снабженія его землей въ достаточномъ количествѣ. Но къ половинѣ XVIII вѣка въ центрѣ Россіи и къ началу слѣдующаго столѣтія на сѣверѣ плотность населенія настолько увеличилась, что многіе крестьяне стали ощущать недостатокъ земли, а у другихъ въ пользованіи оставались очень крупные участки. Такимъ образомъ, начали выдѣляться два слоя среди крѣпостной крестьянской массы: во-первыхъ, крестьяне богатые,

вполнѣ, иногда и съ избыткомъ, обезпеченные землей; во-вторыхъ, малоземельные бѣдняки, крѣпостной пролетаріатъ. Само собою разумѣется, что это разслоеніе не обошлось безъ вліянія медленно, но неуклонно развивавшагося денежнаго хозяйства, создававшаго имущественное неравенство, принижавшаго однихъ и возвышавшаго другихъ. Малоземельное большинство, конечно, сильно страдало отъ недостатка земли, тѣмъ болѣе, что подушная подать, введенная Петромъ Великимъ и налагавшаяся на все мужское податное населеніе безъ различія возраста и достатка, падала въ такой же мѣрѣ на бѣдныхъ крестьянъ, какъ и на богатыхъ. И вотъ бѣдняки сначала на владѣльческихъ земляхъ, а потомъ и на государственныхъ начинаютъ всѣми силами добиваться «земельнаго поравненія», передѣла всей земли, находившейся въ крестьянскомъ пользованіи, по наличнымъ душамъ мужского пола. Интересы крѣпостного пролетаріата вполнѣ совпадали съ матеріальными выгодами землевладѣльцевъ и казны: и тѣ, и другая зорко слѣдили за исправнымъ поступленіемъ оброковъ и подушнаго сбора, а для этого необходимо было, чтобы каждая крестьянская семья пользовалась такимъ количествомъ земли, которое приблизительно соотвѣтствовало бы размѣрамъ платежей, выпадавшихъ на ея долю. Такъ какъ развитіе крѣпостныхъ отношеній привело къ торжеству взгляда на всю землю, какъ полную и безусловную собственность помѣщика, то послѣдній пріобрѣлъ возможность личнымъ распоряженіемъ установить уравнительно-душевной передѣлъ земли между крестьянами. Это и было сдѣлано постепенно въ XVIII вѣкѣ на дворянскихъ земляхъ всей Великороссіи и въ первой половинѣ XIX вѣка на государственныхъ земляхъ сѣвера. Установленный однажды, передѣлъ сталъ затѣмъ повторяться періодически, черезъ опредѣленные промежутки времени, по мѣрѣ измѣненія количества душъ мужского пола пола въ отдѣльныхъ семьяхъ и въ цѣломъ крестьянскомъ обществѣ или мірѣ. *Такъ положено было начало первому элементу земельной общины или мірского землепользованія—періодическимъ передѣламъ.* На этомъ дѣло не остановилось и не могло остановиться. Идея уравнительно-душевого передѣла включаетъ въ себѣ понятіе о томъ, что на каждую наличную крестьянскую душу мужского пола долженъ приходиться земельный участокъ, совершенно равный другимъ такимъ же участкамъ. Между тѣмъ, никогда не бываетъ, чтобы вся земля, находящаяся въ пользованіи крестьянъ одной деревни, была одинаковаго качества: обыкновенно часть ея хороша, плодородна, другая часть средняго достоинства, бываетъ и земля совсѣмъ худая. Стремясь соблюсти необходимое равенство между душевными участками, мірской сходъ лишенъ, поэтому, возможности отводить всю землю на отдѣльную душу сплошь: приходится сначала раздѣлить землю на «коны» или «ярусы» по степени ея плодородія и затѣмъ на каждый душевой участокъ отдѣлить по равной съ другими полосѣ въ каждомъ

кону или ярусѣ. Предположимъ, напримѣръ, что мы имѣемъ деревню въ 10 душъ мужского пола, и что земля этой деревни дѣлится по степени ея производительности (по качеству почвы) на три кона: первый конъ составляютъ 10 десятинъ хорошей, плодородной почвы, второй—20 десятинъ средней и третій 5 десятинъ худой земли, напр., песчаной, болотистой или каменистой. На каждую душу при такихъ условіяхъ придется отдѣлить въ первомъ кону 1 десятину, во второмъ 2 десятины и въ третьемъ ½ десятины. Такимъ образомъ, душевой участокъ въ 3½ десятины въ нашемъ примѣрѣ распадается на три расположенныхъ въ разныхъ мѣстахъ полосы, перемежающіяся полосами, входящими въ составъ другихъ душевныхъ участковъ. *Вотъ второй элементъ крѣпостной земельной общины—черезполосица. Третій важный ея элементъ—такъ называемый принудительный сѣвооборотъ*, т.-е. обязательность для каждаго крестьянина обычныхъ въ общинѣ пріемовъ хозяйства, одной общей съ другими крестьянами системы земледѣлія. Эта черта, помимо черезполосицы и періодическихъ передѣловъ, является непосредственнымъ результатомъ господства трехпольной системы полевого хозяйства: трехпольная система предполагаетъ необходимость пастьбы скота на поляхъ послѣ снятія жатвы; для этого, очевидно, нужно одновременно закончить уборку хлѣба во всей деревнѣ, иначе скотъ будетъ портить неубранный хлѣбъ; а одновременное завершеніе полевыхъ работъ требуетъ одинаковой ихъ организаціи во всѣхъ однодеревенскихъ хозяйствахъ, т.-е. обязательнаго сѣвооборота.

Такъ возникла въ XVIII вѣкѣ крѣпостная земельная община, то крестьянское мірское землевладѣніе, которое и теперь еще господствуетъ въ Великороссіи. Изучая происхожденіе этого учрежденія, мы коснулись вмѣстѣ съ тѣмъ и вопроса объ имущественныхъ отношеніяхъ крестьянства и дворянства, слѣдовательно, вошли уже въ сферу соціальнаго строя, сословныхъ правъ. Большинство тѣхъ экономическихъ явленій, которыя выше намѣчены, представляютъ собою, какъ мы видѣли, не что иное, какъ дальнѣйшее развитіе того, что существовало уже въ Московской Руси XVII вѣка: преобладаніе земледѣлія, развитіе обрабатывающей промышленности, ростъ денежнаго хозяйства, уничтоженіе помѣстья и монастырской вотчины, торжество полной дворянской земельной собственности, увеличеніе барской запашки и барщины, распространеніе денежнаго оброка вмѣсто натуральнаго,—все это явленія, родившіяся не вмѣстѣ съ реформой Петра Великаго, въ значительной степени характеризовавшія собою экономическій бытъ Московскаго государства. Перерыва, пропасти между московскими традиціями и петровскими нововведеніями мы тщетно стали бы искать: вторыя послѣдовательно и постепенно развились изъ первыхъ. Самое большее, что приходится отмѣтить въ этомъ отношеніи,—это количественная разница, бо́льшая яркость и опредѣленность явленій въ

XVIII и XIX столѣтіяхъ сравнительно съ предшествующимъ временемъ. Такой связи экономическихъ явленій соотвѣтствуетъ и извѣстная взаимная зависимость процессовъ соціальныхъ и политическихъ, совершившихся въ Московскомъ государствѣ и въ новой крѣпостной Россіи. Устройство общества сохранило, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ даже и усилило и лишь кое въ чемъ ослабило въ XVIII вѣкѣ тѣ двѣ характерныхъ черты, которыя намѣтились въ предшествующемъ періодѣ,—именно сословность и крѣпостной характеръ. Такъ, дворяне попрежнему были обязаны служить государству, сначала по преимуществу въ военной службѣ, причемъ за уклоненіе отъ службы ждала чрезвычайно суровая кара: конфискація имущества и даже—при Петрѣ Великомъ—политическая смерть, оставленіе «нѣтчика», т.-е. дворянина, не явившагося на службу, безъ защиты закона, такъ что каждый могъ его обидѣть, ограбить, даже убить безнаказанно. Правда при императрицѣ Аннѣ срокъ обязательной военной службы дворянства былъ сокращенъ до 25 лѣтъ, а по манифесту Петра III, изданному 18-го февраля 1762 года, дворянство было совершенно освобождено отъ обязательной службы государству, но это освобожденіе было въ сущности только формальнымъ, такъ какъ «Учрежденіе о губерніяхъ», изданное Екатериной II въ 1775 году, возложило на дворянское сословіе цѣлый рядъ важныхъ обязанностей по областному управленію: дворянство выбирало изъ своей среды множество чиновниковъ въ губернскія административныя и судебныя учрежденія. По остроумному выраженію одного изслѣдователя, дворяне были только перечислены по обязательной службѣ изъ военнаго министерства въ министерство внутреннихъ дѣлъ. Такимъ образомъ, въ организаціи дворянскаго сословія начало обязанности попрежнему преобладало надъ принципомъ права, крѣпостной характеръ сословія не подлежалъ сомнѣнію. Но не менѣе рѣзко была выражена въ дворянствѣ и другая черта общественнаго строя—сословность. Спеціальныя дворянскія сословныя права формулированы были съ особенною ясностью и опредѣленностью при Екатеринѣ II въ жалованной грамотѣ дворянству 1785 года. Главныя *личныя* права дворянства, по этой грамотѣ заключаются въ свободѣ отъ податей и рекрутской повинности и въ неприкосновенности дворянскаго званія безъ наличности особыхъ преступленій, доказанныхъ по суду. Въ то же время дворяне обладали двумя важными *имущественными* правами: правомъ неограниченнаго распоряженія всѣмъ имуществомъ движимымъ и недвижимымъ, и правомъ владѣть крѣпостными крестьянами. Наконецъ, *корпоративныя* права дворянства подверглись дальнѣйшему развитію: они состояли въ правѣ выбирать на дворянскихъ губернскихъ собраніяхъ губернскаго и уѣздныхъ предводителей и депутатовъ для завѣдыванія сословными дѣлами, особенно записью лицъ, пріобрѣтающихъ дворянство, въ родословныя книги; дворянскія собранія получили право хо-

датайствовать о своихъ сословныхъ пользахъ и нуждахъ и даже объ общегосударственныхъ дѣлахъ непосредственно передъ верховной властью. Сословность и крѣпостной характеръ общественнаго строя не менѣе ясны были и въ организаціи городского сословія въ XVIII вѣкѣ. При Петрѣ Великомъ городское сословіе оставалось всецѣло крѣпостнымъ: правда, Петръ учредилъ въ Москвѣ ратушу или бурмистерскую палату съ подчиненными ей въ городахъ земскими избами, а потомъ замѣнилъ ихъ по городамъ магистратами, подчиненными петербургскому главному магистрату, причемъ всѣ эти учрежденія состояли изъ лицъ, выбиравшихся городскимъ сословіемъ, но и бурмистерская палата съ земскими избами, и магистраты были построены на началѣ обязанности, завѣдывали, главнымъ образомъ, сборомъ податей въ городахъ. Это начало обязанности было сильно выражено даже въ жалованной грамотѣ городамъ, данной Екатериною II въ 1785 году, хотя здѣсь замѣтно уже и зарожденіе принципа права, потому что городскія дѣла и городское благоустройство занимаютъ уже не послѣднее мѣсто въ вѣдомствѣ выбиравшейся городскими обывателями городской общей думы, которая, въ свою очередь, выбирала для постояннаго завѣдыванія городскими дѣлами исполнительный органъ—шестигласную думу изъ шести лицъ во главѣ съ городскимъ головой. Зато здѣсь вполнѣ господствовала сословность: каждая изъ шести сословныхъ группъ, на которыя дѣлилось городское населеніе, имѣла особое представительство въ общей думѣ и особый голосъ въ думѣ шестигласной. Что касается, наконецъ, крестьянства, то безусловное господство крѣпостного права въ этомъ сословіи—фактъ общеизвѣстный и прочно установленный: прежде всего переходъ крестьянъ отъ одного землевладѣльца къ другому сдѣланъ былъ совершенно невозможнымъ вслѣдствіе чрезвычайной строгости кары, постигавшей землевладѣльцевъ, которые принимали бѣглыхъ крестьянъ: за невозвращеніе бѣглаго крестьянина грозила полная потеря имѣнія, половина котораго поступала лицамъ, чьи бѣглые крестьяне оказывались въ имѣніи, а половина конфисковалась въ казну; затѣмъ установилась мало-по-малу вотчинная юстиція и полиція, владѣльческій судъ и расправа по всѣмъ дѣламъ, кромѣ важнѣйшихъ уголовныхъ; въ шестидесятыхъ годахъ XVIII вѣка владѣльцы получили право ссылать крестьянъ въ Сибирь на поселеніе, съ зачетомъ ихъ въ рекруты, а также отправлять крѣпостныхъ за дерзкое поведеніе на каторгу. Не надо, наконецъ, забывать, что въ концѣ столѣтія крѣпостное право было распространено на Малороссію, и что Екатерина II и Павелъ I раздавали крестьянъ въ собственность дворянства цѣлыми сотнями тысячъ душъ.

Мы видѣли въ свое время, какое важное значеніе для политической и административной исторіи Московскаго государства имѣли торжество рядового дворянства надъ боярской аристократіей, проникнутой олигархическими стремленіями, и зарожденіе денежнаго хозяйства,

сильно содѣйствовавшее утвержденію идеи о государствѣ какъ союзѣ, имѣющемъ цѣлью общее благо, а не личный интересъ. То же сочетаніе соціально-экономическихъ силъ можно наблюдать, какъ мы знаемъ, и въ новой крѣпостной Россіи,—только въ большей степени, чѣмъ то было въ Московскомъ государствѣ. Вотъ почему общая постановка верховной власти и административный строй XVIII и первой половины XIX вѣка представляютъ собою естественное продолженіе соотвѣтствующихъ явленій XVII столѣтія и отличаются отъ послѣднихъ не принципіально, не въ основныхъ началахъ, а въ частностяхъ. Въ теченіе всего изучаемаго періода самодержавіе оставалось незыблемымъ, и отдѣльныя попытки иной постановки верховной власти встрѣчали дружный отпоръ со стороны дворянской массы, задававшей основной тонъ всей общественной и государственной жизни; эти попытки были при томъ чрезвычайно рѣдки и отличались или устарѣлымъ олигархическимъ направленіемъ, какъ извѣстная попытка верховниковъ при воцареніи императрицы Анны, или подражательнымъ и въ значительной мѣрѣ утопическимъ характеромъ, составлявшимъ одну изъ наиболѣе отличительныхъ чертъ въ мечтаніяхъ декабристовъ. Но оставаясь самодержавной, верховная власть въ Россіи XVIII и XIX вѣковъ въ то же время все болѣе и болѣе проникалась государственной идеей общаго блага, утрачивала все болѣе и болѣе старый вотчинный характеръ и организовала, поэтому, рядъ высшихъ учрежденій для законодательства, высшаго суда и надзора за администраціей. Уже Петръ Великій ясно сознавалъ, что государь—не владѣлецъ, не собственникъ государства, а первый его слуга, и что неограниченность верховной власти государя не стоитъ въ противорѣчіи съ существованіемъ высшихъ государственныхъ учрежденій, дѣйствующихъ самостоятельно въ кругѣ дѣлъ, предоставленныхъ ихъ вѣдѣнію. Это сознаніе нашло себѣ лучшее выраженіе въ высшемъ учрежденіи Петровской эпохи—правительствующемъ сенатѣ. Но сенатъ представлялъ собою еще слишкомъ сложное учрежденіе: онъ вѣдалъ не только законодательство, но и судъ; мало того: въ немъ сосредоточивался еще надзоръ за управленіемъ и руководство всей исполнительной властью и дѣятельностью въ государствѣ. Чрезмѣрная многосложность сенатскаго вѣдомства вызвала выдѣленіе законодательной (точнѣе: законосовѣщательной) функціи и передачу ее въ руки другого учрежденія: верховнаго тайнаго совѣта при Екатеринѣ I и Петрѣ II, кабинета министровъ при Аннѣ, конференціи при Елизаветѣ, совѣта при Екатеринѣ II и Павлѣ I. Этотъ рядъ учрежденій, имѣвшихъ своей главной цѣлью дачу совѣта монарху въ его законодательной дѣятельности, завершился установленіемъ при Александрѣ I государственнаго совѣта, преобразованнаго въ правильное учрежденіе съ постояннымъ составомъ и опредѣленнымъ вѣдомствомъ по плану Сперанскаго.

Экономическія потребности времени—необходимость развитія внѣш-

ней торговли и обрабатывающей промышленности—продиктовали русской внѣшней политикѣ начала XVIII вѣка ея главную задачу—пріобрѣтеніе береговъ Балтійскаго моря. Возгорѣвшаяся отсюда война съ обладавшею этими берегами Швеціей была внѣшнимъ стимуломъ для административныхъ преобразованій Петра Великаго, ставшихъ, въ свою очередь, исходнымъ пунктомъ дальнѣйшихъ перемѣнъ въ управленіи, которыя завершились въ изучаемый періодъ реформами Александра I. Извѣстна та связь, какая существовала между фактами административной исторіи XVIII и первой половины XIX вѣка. Она сводится приблизительно къ слѣдующему: военно-финансовыя потребности, вызванныя войной и состоявшія въ необходимости содержать отдѣльные корпуса арміи насчетъ опредѣленныхъ областей, создали петровскую губернію 1710 года; эта губернія была независима отъ уцѣлѣвшихъ еще старыхъ московскихъ центральныхъ учрежденій,—приказовъ, и потому разрушила послѣднія; въ центрѣ осталось только одно учрежденіе—сенатъ; такъ какъ ему не подъ силу было справиться со всей сложностью многочисленныхъ государственныхъ дѣлъ, стекавшихся въ столицу, то стала неизбѣжной новая реорганизація административной системы; Петръ произвелъ ее въ 1720 году, учредивъ для центральнаго управленія коллегіи и видоизмѣнивъ губернскія учрежденія; дѣло Петра продолжала Екатерина II, преобразовавшая областное управленіе въ «Учрежденіи о губерніяхъ» 1775 года; но во главѣ каждой изъ екатерининскихъ губерній стояло должностное лицо (намѣстникъ, потомъ губернаторъ) съ чрезвычайно-обширной властью, имѣвшее непосредственное отношеніе къ сенату и посреднику между сенатомъ и императорской властью—генералъ-прокурору, а высшія губернскія учрежденія—губернское правленіе, казенная палата и палаты гражданскаго и уголовнаго суда—по значенію своему приравнивались закономъ коллегіямъ; все это разрушило снова центральныя учрежденія, и только при Александрѣ I эти послѣднія, благодаря трудамъ Сперанскаго, были, наконецъ, правильно организованы: появились министерства съ точнымъ кругомъ вѣдомства, отвѣтственностью министровъ и быстротою административныхъ дѣйствій. Такъ развитіе административной системы, имѣя своимъ исходнымъ пунктомъ экономическія потребности, въ послѣдовательномъ своемъ ходѣ подчеркивало идею общаго блага, какъ основу государственнаго союза, и окончательно устраняло остатки прежнихъ безсистемности, случайности порученій, неопредѣленности вѣдомства, непостоянства состава органовъ управленія. Нѣтъ сомнѣнія, что изъ экономическихъ явленій *непосредственное* вліяніе на политическій строй и административную систему оказывало почти исключительно развитіе денежнаго хозяйства. Другія явленія хозяйственной жизни изучаемаго періода отражались въ сферѣ государственныхъ отношеній черезъ посредство соціальнаго строя.

Сказанное даетъ возможность отвѣтить на вопросы: каковы были

взаимныя отношенія города и деревни въ новой крѣпостной Россіи? и въ какой мѣрѣ отразились условія городской и сельской жизни на общемъ ходѣ историческаго развитія русскаго народа въ данный періодъ? Нельзя не признать, что если въ Московской Руси городъ вступилъ уже въ органическую связь съ деревней и сталъ достаточно замѣтнымъ элементомъ общественной жизни, то въ новой крѣпостной Россіи эта связь стала крѣпче, и вліяніе города сдѣлалось сильнѣе Причину этого надо видѣть не только въ томъ, что издревле существовавшая отрасль городской промышленности—торговля—значительно увеличилась и оживилась сравнительно съ предшествующимъ временемъ, но и въ томъ, что городъ пересталъ быть почти исключительно торговымъ центромъ, а пріобрѣлъ также нѣкоторое значеніе, какъ средоточіе обрабатывающей, фабрично-заводской промышленности. Взвѣшивая теперь относительное значеніе городской и сельской промышленности въ XVIII и первой половинѣ XIX вѣка для общаго хода исторической жизни этого періода, мы должны будемъ признать за условіями деревенской жизни попрежнему доминирующее значеніе, хотя это ихъ превосходство является, несомнѣнно, еще менѣе исключительнымъ, чѣмъ въ Московскомъ государствѣ. Въ то же время нельзя подмѣтить никакой особенной борьбы, никакого противорѣчія между городскимъ строемъ и деревенскимъ бытомъ: общая гармонія и единство выражены достаточно ясно. Самымъ серьезнымъ измѣненіемъ, предвѣстникомъ новаго хозяйственнаго періода, именно наступающей въ половинѣ XIX вѣка второй стадіи развитія денежнаго хозяйства, является перемѣна экономическаго типа городского поселенія: постепенный переходъ отъ города какъ исключительно торговаго центра, къ городу какъ центру торгово-промышленному. Въ этомъ залогъ дальнѣйшаго преуспѣянія городского строя, а слѣдовательно большаго значенія городской промышленности, съ чѣмъ неразлучимо и болѣе широкое распространеніе денежно-хозяйственной системы со всѣми ея необходимыми послѣдствіями въ области соціальныхъ и политическихъ отношеній. Но это вводитъ насъ уже въ новѣйшую Россію, когда самые коренные устои русской народной жизни подверглись существенному измѣненію.

VI.

Городъ и деревня во второй половинѣ XIX вѣка.

Съ понятіемъ о реформѣ многіе прежде соединяли—нѣкоторые отчасти и теперь соединяютъ—идею о рѣзкомъ перерывѣ, катастрофѣ, совершающейся внезапно, чуть ли не по мановенію какого-то волшебнаго жезла. Стоячее болото такъ и оставалось бы неподвижнымъ, если бы не являлся великанъ, геніальный человѣкъ, который ведетъ инертное общество по новой дорогѣ часто даже вопреки волѣ этого общества.

Исторію дѣлаютъ великіе люди, которые отнюдь не являются выразителями назрѣвшихъ потребностей и сложившихся стремленій, а напротивъ, сами вызываютъ къ жизни и потребности, и стремленія. Такъ думали, иногда и теперь думаютъ крейніе индивидуалисты въ исторіи, безусловные поклонники личнаго величія, самымъ талантливымъ представителемъ которыхъ является авторъ извѣстной книги «Герои и героическое въ исторіи»—Карлейль. Лучшимъ опроверженіемъ такого взгляда, не говоря о другихъ соображеніяхъ, являются указанія на такія реформы, которыя осуществились, несмотря на отсутствіе геніальной личности. Къ числу такихъ реформъ принадлежитъ отмѣна крѣпостной зависимости крестьянъ въ Россіи, произведенная Положеніемъ 19-го февраля 1861 года. Надъ этимъ великимъ дѣломъ работала, несомнѣнно, цѣлая плеяда талантливыхъ дѣятелей, но тщетно мы стали бы искать между ними всеобъемлющаго и всенаправляющаго генія. Наблюденія надъ подобными случаями и другія побужденія заставляютъ многихъ иначе представлять себѣ происхожденіе преобразовательныхъ мѣропріятій: его приписываютъ торжеству извѣстныхъ идей, распространенію ихъ въ руководящихъ кругахъ общества. Несомнѣнно, такое воззрѣніе представляетъ собою уже значительный шагъ впередъ сравнительно съ вышеотмѣченнымъ взглядомъ на исключительное значеніе героевъ въ исторіи. Но вѣдь и идеи зарождаются не въ безвоздушномъ пространствѣ, питаются и создаются неизбѣжными и неустранимыми житейскими условіями, не могутъ быть оторваны отъ почвы, ихъ вскормившей. Вотъ почему главной задачей при изученіи исторіи всякой реформы является изученіе ея соціально-экономической основы, тѣхъ по преимуществу хозяйственныхъ условій, которыя создаютъ и извѣстный кругъ идей, обращающихся въ обществѣ и усваиваемыхъ общественными дѣятелями, и возможность геніальнаго синтеза и практическаго примѣненія ихъ великимъ человѣкомъ или болѣе или менѣе многочисленной группой людей талантливыхъ. Не то, чтобы все безусловно сводилось непосредственно къ хозяйственнымъ интересамъ и потребностямъ, но главное и основное въ историческихъ перемѣнахъ, несомнѣнно, объясняется экономическимъ элементомъ. Поэтому, изучая причины паденія крѣпостного права въ Россіи, событія, имѣющаго первенствующее значеніе во второй половинѣ XIX вѣка и служащаго видимымъ признакомъ важной общественной перемѣны, мы должны, прежде всего, отмѣтить тѣ новыя явленія, которыя болѣе или менѣе ясно обозначились въ экономической жизни страны.

Говоря вообще, основной экономической причиной крестьянской реформы надо считать дальнѣйшій ростъ денежнаго хозяйства, переходъ его во вторую стадію развитія, когда бо́льшая часть населенія втягивается въ торговый оборотъ, работаетъ для рынка, и для удовлетворенія собственныхъ потребностей закупаетъ продукты чужого труда,

выносимые также на рынокъ въ видѣ товара. Этотъ процессъ развитія денежнаго хозяйства въ первой половинѣ XIX-го столѣтія характеризуется въ значительной мѣрѣ уже тѣми фактами, которые приведены при изложеніи экономической исторіи новой крѣпостной, дореформенной Россіи. Поэтому мы ограничимся лишь указаніемъ, что отмѣченныя тамъ явленія,—въ родѣ увеличенія количества и круга предметовъ, пріобрѣтаемыхъ дворянствомъ покупкою, замѣны натуральнаго оброка денежнымъ, развитія крестьянскаго отхода на заработки, выдѣленія изъ крестьянской массы отдѣльныхъ богачей, крупныхъ капиталистовъ, — находятъ себѣ соотвѣтствіе въ успѣхахъ внѣшней торговли въ Россіи и въ перемѣнѣ хозяйственнаго положенія дворовыхъ людей. Наканунѣ крестьянской реформы цѣнность русскаго вывоза, простиравшаяся въ началѣ XIX вѣка до 75 милліоновъ рублей, поднялась до 230 милліоновъ; въ то же время иностранныхъ товаровъ ввозилось уже на 200 милліоновъ рублей, тогда какъ въ началѣ столѣтія ввозъ не превышалъ 52 милліоновъ. Что касается дворовыхъ, то ихъ хозяйственная роль измѣнилась въ томъ смыслѣ, что хотя общее количество дворовыхъ и увеличивалось, но это увеличеніе приходилось на счетъ тѣхъ изъ нихъ, которые были заняты въ качествѣ рабочихъ въ помѣщичьихъ промышленныхъ предпріятіяхъ, работавшихъ для сбыта, между тѣмъ какъ число дворовыхъ, занятыхъ въ качествѣ личной прислуги, быстро шло на убыль; они стали непроизводительнымъ классомъ, дармоѣдами, тяготившими владѣльцевъ, которые перестали нуждаться въ ихъ домашнемъ трудѣ, такъ какъ начали пріобрѣтать предметы потребленія по преимуществу покупкой. Перемѣна въ экономическомъ положеніи дворовыхъ была замѣчена еще въ 40-хъ годахъ путешествовавшимъ тогда по Россіи нѣмцемъ Гакстгаузеномъ и подтверждается для пятидесятыхъ годовъ наблюденіями надъ отдѣльными помѣщичьими хозяйствами: такъ, въ имѣніи Шипова, Ярославской губерніи, изъ общаго числа 101 двороваго, лишь 15 человѣкъ исполняли обязанности личной прислуги, служили въ домашнемъ хозяйствѣ владѣльца; остальные были почти сплошь отпущены на оброкъ. Наконецъ, немаловажнымъ признакомъ развитія денежнаго хозяйства является очень быстрый ростъ купеческихъ капиталовъ: уже въ 1822 году въ Московской губерніи общая сумма этихъ капиталовъ доходила до 27 милліоновъ рублей, а 11 лѣтъ спустя, въ 1833 году, она достигла уже 39 милліоновъ, что̀ составляетъ около 45% повышенія въ такой короткій срокъ, какъ одно десятилѣтіе.

Ростъ денежнаго хозяйства служитъ несомнѣннымъ признакомъ увеличившагося раздѣленія труда, т. е. развитія обрабатывающей промышленности. Какъ быстро шло развитіе русской фабрики въ первой половинѣ XIX вѣка,—это видно изъ слѣдующихъ примѣровъ: въ важнѣйшей изъ отраслей фабичной производительности, хлопатобумажномъ производствѣ, количество перерабатываемаго хлопка возрасло за 50 лѣтъ

въ 16 разъ; выплавка чугуна за то же время поднялась съ 8 до 16 милліоновъ пудовъ; быстрое поступательное развитіе суконнаго производства засвидѣтельствовано тѣмъ фактомъ, что въ 1850 году, въ Россіи считалось уже 492 суконныхъ фабрики. Параллельно количественному росту фабричной производительности шло и улучшеніе ея техники: ручная работа стала замѣняться машинной; мануфактура XVIII вѣка превратилась въ XIX вѣкѣ въ фабрику въ истинномъ смыслѣ этого слова. Такъ уже въ сороковыхъ годахъ техническій уровень хлопчатобумажнаго фабричнаго производства въ Россіи былъ очень высокъ. Развитіе обрабатывающей фабрично-заводской промышленности и техническій прогрессъ ея оказали чрезвычайно сильное вліяніе на самыя формы эксплуатаціи народнаго труда въ этой сферѣ производства. Мы видѣли въ свое время, что фабрика XVIII вѣка опиралась почти исключительно на несвободный трудъ,—крѣпостной, если она принадлежала дворянину-землевладѣльцу, и поссесіонный, если ею владѣлъ купецъ или выкупившійся на волю крестьянинъ. Но въ XIX вѣкѣ, подъ вліяніемъ роста денежнаго хозяйства, вызвавшаго увеличеніе спроса на продукты обрабатывающей промышленности и принудившаго фабрикантовъ позаботиться о большей производиельности фабричнаго труда, о введеніи машинъ и повышеніи качества фабрикатовъ, малопроизводительный, вслѣдствіе своего принудительнаго характера, несвободный трудъ сталъ замѣняться болѣе плодотворнымъ вольнонаемнымъ. Это, прежде всего, отразилось въ постепенномъ разложеніи основанной на крѣпостномъ трудѣ дворянской фабрики, господствовавшей въ Екатерининскую эпоху: въ 30-хъ годахъ XIX вѣка дворянскія фабрики составляли уже только 15% общаго числа фабрикъ, а въ 40-хъ годахъ процентъ ихъ понизился до 5-ти. Помѣщичья фабрика распадалась на кустарные промыслы, изъ которыхъ въ эвою очередь, образовалась крестьянская фабрика, преобладавшая въ 40-хъ и 50-хъ годахъ. Но на крестьянскихъ и купеческихъ фабрикахъ поссесіонный трудъ оказался маловыгоднымъ. Фабриканты стали предпочитать свободныхъ рабочихъ, такъ что въ 1816 году Александръ I навсегда запретилъ покупку крестьянъ къ фабрикамъ, а въ 1825 году уже 54% всѣхъ фабричныхъ рабочихъ работали по вольному найму. Въ тридцатыхъ годахъ фабриканты громко жалуются министру финансовъ на невыгодность поссесіоннаго труда. Подъ вліяніемъ этого, въ 1840 году былъ изданъ законъ, по которому фабриканты получили право освобождать своихъ поссесіонныхъ рабочихъ за деньги или безплатно. До какой степени этотъ законъ соотвѣтствовалъ вполнѣ назрѣвшей потребности, видно изъ того, что имъ очень скоро воспользовались 103 фабрики: болѣе половины поссесіонныхъ фабрикъ перешли такимъ образомъ, по желанію владѣльцевъ, къ вольнонаемному труду. Итакъ, торжество крестьянской фабрики ознаменовалось къ половинѣ XIX вѣка преобладаніемъ вольнонаемнаго труда въ обрабатывающей промышленности, а это послѣднее явленіе, вызывая усиленный спросъ

на свободныхъ рабочихъ, неизбѣжно выдвигало вопросъ о необходимости освободить крестьянское населеніе отъ крѣпостной зависимости. Мы видимъ, слѣдовательно, что развитіе денежнаго хозяйства и неизбѣжный результатъ его—ростъ фабричной промышленности съ наемнымъ свободнымъ трудомъ—подрывали крѣпостное право въ его основаніяхъ и выставляли крестьянскую реформу въ качествѣ требованія, совершенно необходимаго въ интересахъ народнохозяйственнаго развитія Россіи. Такова первая экономическая причина паденія крѣпостного права въ Россіи: ее мы нашли, такимъ образомъ, въ процессѣ развитія обрабатывающей промышленности.

Не менѣе, если не болѣе, сильно, чѣмъ въ обрабатывающей промышленности, общая перемѣна экономическихъ условій сказалась въ сферѣ земледѣльческаго производства. Описанный сейчасъ ростъ фабричной производительности, неизбѣжно сопровождавшійся большимъ, чѣмъ прежде, раздѣленіемъ труда, спеціализаціей, вызвалъ сильное повышеніе спроса на хлѣбъ на внутреннемъ рынкѣ страны. Этому соотвѣтствовалъ усиленный спросъ на русскій хлѣбъ и на рынкѣ внѣшнемъ, за границей: дѣло въ томъ, что въ XIX вѣкѣ передовыя западно-европейскія страны стали дѣлать очень крупные шаги по пути индустріальнаго развитія, такъ что земледѣліе отступило въ нихъ на второй планъ передъ фабричной промышленностью, а отсюда и явилась повышенная потребность въ привозномъ хлѣбѣ, не удовлетворявшаяся мѣстнымъ, внутреннимъ земледѣльческимъ производствомъ. Увеличеніе спроса на хлѣбъ на внутреннемъ и внѣшнемъ рынкѣ потребовало отъ русскаго земледѣльческаго хозяйства большей производительности: явилась нужда въ большемъ количествѣ хлѣба и при томъ хлѣба лучшаго качества. Другими словами, былъ поставленъ на очередь вопросъ объ улучшеніи земледѣльческой техники. Въ началѣ XIX вѣка недоразвитая трехпольная система земледѣлія, т.-е. такая при которой еще болѣе трети, но менѣе половины всей пахатной земли остается ежегодно подъ паромъ, требующимъ навознаго удобренія, господствовала еще на довольно—значительной территоріи. Это можно было сказать въ двадцатыхъ годахъ отчасти даже о такихъ губерніяхъ, какъ Калужская. Обширныя восточныя и южныя окраины Европейской Россіи и всѣ азіатскія владѣнія въ то же время и долго еще позднѣе оставались широкой ареной первобытнаго переложнаго земледѣлія. Исторія техники русскаго полевого хозяйства въ XIX вѣкѣ сводится къ процессу развитія зачаточныхъ стадій трехполья въ чистую его форму, перехода отъ переложной системы къ трехпольной и, наконецъ, къ процессу появленія еще болѣе интенсивной, чѣмъ трехпольная, плодосмѣнной системы земледѣлія, основанной на уничтоженіи пара, замѣнѣ его посѣвомъ утучняющихъ почву травъ (клевера, вики) и смѣнѣ зерновыхъ хлѣбовъ корнеплодами, причемъ находятъ себѣ обширное приложеніе различные виды искусственнаго удо-

бренія (туки, фосфориты и пр.). Уже въ самомъ концѣ XVIII вѣка смоленскій помѣщикъ Бланкеннагель далъ первый образецъ примѣненія плодосмѣна въ своемъ имѣніи. Въ 30-хъ, 40-хъ и 50-хъ годахъ XIX столѣтія плодосмѣнная система полевого хозяйства на помѣщичьихъ земляхъ не является уже исключеніемъ, рѣдкостью. Особенной извѣстности въ этомъ отношеніи достигли хозяйства двухъ помѣщиковъ,—калужскаго Полторацкаго и тверского Шелехова. Полторацкій имѣлъ цѣлый рядъ подражателей и даже восторженныхъ послѣдователей, нѣкоторые изъ которыхъ дѣлились съ публикой въ агрономическихъ журналахъ того времени результатами своихъ агрономическихъ опытовъ. Хозяйственные документы первой половины XIX вѣка, навѣрное, подарятъ насъ, при ихъ обнародованіи и изученіи, не однимъ извѣстіемъ о переходѣ къ плодосмѣну. Такъ въ послѣднее время стало извѣстно, что рязанскій помѣщикъ Семеновъ примѣнялъ въ своемъ имѣніи систему земледѣлія болѣе интенсивную, чѣмъ развитое трехполье, а Воробьевъ уже въ тридцатыхъ годахъ въ Тверской губерніи сѣялъ клеверъ. Параллельно распространенію болѣе совершенныхъ системъ земледѣлія шли и другіе процессы, указывавшіе на прогрессъ техники полевого хозяйства: увеличивалась площадь запашекъ, вводились улучшенныя земледѣльческія орудія и машины, разводились такія растенія, которыя знаменуютъ собою уже переходъ къ промышленному земледѣльческому хозяйству, разсчитанному на переработку продукта въ другой видъ съ цѣлью болѣе выгоднаго сбыта: такъ стали въ значительномъ количествѣ сѣять свекловицу, имѣя въ виду переработку ея въ сахаръ.

Перемѣны въ земледѣльческой техникѣ подготовили торжество свободнаго труда надъ крѣпостнымъ и въ области земледѣлія. Денежное сельское хозяйство, работавшее для рынка, для сбыта, дорогія усовершенствованныя орудія, интенсивная система полеводства, затраты на искусственное удобреніе, наилучшій рабочій скотъ и т. д. повышали требованія на количество продукта, дѣлали обязательнымъ увеличеніе производительности труда въ земледѣліи; между тѣмъ, барщинный, подневольный трудъ отличается всегда, какъ извѣстно, чрезвычайно слабой производительностью: работая неохотно, поневолѣ, въ пользу другого, безъ всякой для себя выгоды, барщинный крестьянинъ исполняетъ свое дѣло такъ плохо, какъ только можно при надзорѣ за нимъ со стороны вотчинной администраціи; поэтому и земля подъ барской пашней не окупаетъ своимъ скуднымъ урожаемъ по вышенныхъ благодаря усовершенствованіямъ расходовъ. Остается одно средство для повышенія дохода,—употребленіе вольнонаемнаго труда, а для его широкаго примѣненія необходима отмѣна крѣпостного права. Конечно, масса помѣщиковъ-рутинеровъ плохо понимала это и слѣпо противилась реформѣ, въ силу своей косности и неспособности примѣниться къ новымъ условіямъ, но лучшая часть помѣстнаго дворян-

ства хорошо сознавала потребности времени и ихъ необходимую связь съ интересами раціональнаго сельскаго хозяйства. Это прежде всего доказывается коллективными ходатайствами дворянства въ Николаевское время объ освобожденіи крестьянъ и улучшеніи ихъ быта; таковы, напр., проектъ тульскихъ дворянъ, совѣщанія въ Смоленской, Тверской, Рязанской, Петербургской губерніяхъ. Другое доказательство выгодности вольнонаемнаго труда въ сельскохозяйственномъ производствѣ заключается въ высокой доходности тѣхъ сельско-хозяйственныхъ предпріятій, въ которыхъ примѣнялся трудъ вольнонаемныхъ рабочихъ: въ 40-хъ годахъ XIX вѣка въ Московской губерніи такія предпріятія оказывались въ 2½ раза доходнѣе хозяйствъ, основанныхъ на крѣпостной барщинѣ; въ то же время въ Рязанской губерніи барщинныя помѣщичьи имѣнія приносили доходу всего 8—10%, а прибыль при воздѣлываніи земли свободными рабочими по найму достигала 15—20%; наконецъ, въ губерніяхъ: Воронежской, Тамбовской и Саратовской обработка земли вольнонаемными работниками приносила нерѣдко болѣе 50% чистаго дохода съ оборотнаго капитала. Есть еще третій признакъ большей выгодности свободнаго труда въ земледѣліи въ пятидесятыхъ годахъ XIX вѣка сравнительно съ крѣпостнымъ: это—тотъ фактъ, что къ половинѣ XIX столѣтія количество крѣпостныхъ, обязанныхъ земледѣльческой барщиной, въ центральныхъ губерніяхъ сильно сократилось сравнительно съ XVIII вѣкомъ: такъ, напримѣръ, во Владимірской губерніи въ XVIII вѣкѣ 50% помѣщичьихъ крестьянъ сидѣло на барщинѣ, а въ половинѣ XIX столѣтія процентъ барщинныхъ крестьянъ понизился до 30-ти; въ Ярославской губерніи наблюдается за тотъ же промежутокъ времени пониженіе процента издѣльнаго крестьянства съ 22 до 12½, въ Московской—съ 64-хъ до 32-хъ. Правда, сокращеніе барщины и ростъ оброчной системы въ нечерноземныхъ губерніяхъ объясняется не одними условіями земледѣлія, а также развитіемъ здѣсь обрабатывающей фабричной промышленности, дѣлавшимъ выгодной для помѣщиковъ оброчную систему: можно было повысить значительно оброкъ, отпуская крѣпостного крестьянина работать на фабрику и пользуясь высокимъ сравнительно уровнемъ получаемой имъ тамъ заработной платы. Но приведенныя цифры, несмотря на такую оговорку, всетаки доказываютъ, что въ центральныхъ губерніяхъ барщина сильно пошла на убыль, слѣдовательно, золотая пора крѣпостного сельскаго хозяйства безвозвратно миновала. Что касается губерній, лежавшихъ къ югу отъ Оки, то процентъ барщинныхъ крестьянъ въ нихъ или остался безъ перемѣны, какъ, напр., въ Тамбовской губерніи, гдѣ и въ XVIII, и въ половинѣ XIX вѣка на барщинѣ сидѣло 78% крѣпостныхъ крестьянъ, или повысился, какъ въ Пензенской—съ 48% въ XVIII вѣкѣ до 75% въ XIX, или, хотя и понизился, но все же былъ высокъ, чему примѣромъ можетъ служить Курская губернія,

въ которой барщинные крестьяне въ половинѣ XIX столѣтія составляли 75½% крѣпостного населенія, тогда какъ въ XVIII вѣкѣ издѣльныхъ крестьянъ было 92%. На первый взглядъ это показываетъ, что въ черноземныхъ, чисто-земледѣльческихъ губерніяхъ попрежнему господствовалъ крѣпостной трудъ, но при ближайшемъ изслѣдованіи оказывается, что напряженность здѣсь крестьянской барщины объясняется только одной рѣдкостью населенія: по свидѣтельству современниковъ, на югѣ для обработки помѣщичьей пашни не хватало барщиннаго труда крѣпостныхъ, и потому въ большомъ количествѣ употреблялись вольнонаемные рабочіе, приходившіе изъ густонаселенной Малороссіи. Слѣдовательно, вольнонаемный земледѣльческій трудъ игралъ въ степныхъ черноземныхъ губерніяхъ едва ли не бо̀льшую и, во всякомъ случаѣ, не меньшую роль, нежели барщинный подневольный: и здѣсь устои крѣпостного земледѣльческаго хозяйства подгнили, оно стало невыгоднымъ для дворянъ-землевладѣльцевъ.

Не надо забывать далѣе, что кромѣ владѣльческихъ интересовъ были еще интересы крестьянскіе. Для крестьянина увеличеніе барщины и барской запашки знаменовало собою существенный хозяйственный ущербъ, такъ какъ сокращало размѣры его собственной пашни и лишало его всякой экономической самостоятельности. Это было существеннымъ тормазомъ въ развитіи собственно-дворянскаго хозяйства, тормазомъ, ставившимъ это хозяйство въ сильное противорѣчіе съ общими экономическими условіями времени: развитіе обмѣна, денежнаго хозяйства поощряло крупныя сельскохозяйственныя предпріятія, но осуществленіе ихъ становилось невозможнымъ при сохраненіи крѣпостного права, вслѣдствіе противорѣчія ихъ при этомъ условіи экономическимъ интересамъ крестьянства. Два признака указываютъ на невыносимость крѣпостныхъ хозяйственныхъ условій для крестьянскаго населенія послѣднихъ лѣтъ передъ освобожденіемъ: во-первыхъ, въ послѣднія 20 лѣтъ передъ крестьянской реформой прекратился приростъ крѣпостного населенія, что очень знаменательно, такъ какъ свидѣтельствуетъ о тяжеломъ экономическомъ положеніи крѣпостныхъ; во-вторыхъ, въ пятидесятыхъ годахъ XIX столѣтія увеличилось число крестьянскихъ волненій: тогда какъ въ 20-хъ годахъ оно равнялось всего 41-му, теперь оно выросло до 137, цифры очень внушительной.

Наконецъ, всѣ эти обстоятельства—и невыгодность барщины и крѣпостного права для помѣщичьяго хозяйства, и разореніе и возбужденіе крестьянъ, и происходившая отсюда остановка въ возрастаніи народнаго дохода—не были безразличны и съ точки зрѣнія чисто государственныхъ интересовъ. Внутреннее спокойствіе — основная потребность государства. Не менѣе важна для него и внѣшняя безопасность, которая требовала развитія производительныхъ силъ страны, промышленности, торговли, земледѣлія, путей сообщенія, такъ какъ недостатки во всемъ этомъ гибельно отражались на финансахъ госу-

дарства и были основной причиной пораженія, понесеннаго Россіей въ Крымской войнѣ.

Итакъ, вторую экономическую причину крестьянской реформы 19-го февраля 1861 года можно формулировать слѣдующимъ образомъ: денежное хозяйство въ своемъ развитіи привело къ техническимъ усовершенствованіямъ въ земледѣліи, а эти усовершенствованія сдѣлали невыгоднымъ для дворянства, крестьянъ и самого государства крѣпостной трудъ и вызвали его замѣну трудомъ вольнонаемнымъ: замѣна же крѣпостного труда вольнонаемнымъ и означала какъ разъ уничтоженіе крѣпостного права.

Въ конечномъ счетѣ, такимъ образомъ, крѣпостное право пало вслѣдствіе развитія денежнаго хозяйства въ Россіи, могущественно повліявшаго на технику обрабатывающей промышленности и сельскаго хозяйства, а черезъ посредство техники и на формы производства.

Крестьянская реформа оказала громадное, опредѣляющее вліяніе на всѣ стороны русской общественной и государственной жизни. Это вліяніе сказалось, прежде всего, въ сферѣ экономическихъ отношеній. Реформа 19-го февраля сдѣлала свободнымъ трудъ, вывела на рынокъ свободнаго юридически рабочаго, имѣющаго право свободно договариваться объ условіяхъ труда съ предпринимателемъ. Свободный рабочій—необходимый элементъ денежно-хозяйственной системы во второй стадіи ея развитія. Другой ея необходимый элементъ—свободная земельная собственность, которую, за незначительными исключеніями и ограниченіями, можно свободно отчуждать въ руки каждаго, желающаго пріобрѣсти ее, безъ различія званій и состояній. Нельзя, конечно, сказать, чтобы въ современной Россіи земельная собственность стала уже вполнѣ свободной, такъ какъ крестьянское мірское землевладѣніе сохраняетъ значительное распространеніе, а крестьяне не имѣютъ права продавать, дарить, закладывать и завѣщать свои надѣлы. Тѣмъ не менѣе и въ освобожденіи земельной собственности Россія со времени уничтоженія крѣпостного права сдѣлала крупные успѣхи: тогда какъ прежде право владѣть населенными имѣніями принадлежало одному только дворянству,—теперь всѣ сословія получили законную возможность пріобрѣтать и отчуждать землю въ полную личную собственность. При томъ же въ самой крестьянской общинѣ—по крайней мѣрѣ, мѣстами—замѣтны перемѣны: выдѣляются три слоя крестьянства,—высшій или болѣе богатый, средній по достатку и деревенскій пролетаріатъ; послѣдній, не имѣя права продать землю, фактически замѣняетъ эту продажу сдачей своихъ надѣловъ въ долгосрочную аренду за ничтожную плату богатымъ крестьянамъ, а самъ направляется на фабрику, въ городъ или въ помѣщичью экономію для работы по найму; что касается средняго крестьянскаго слоя, то онъ ищетъ спасенія въ переселеніи. Такъ на дѣлѣ масса мірской земли мѣстами сосредоточивается въ рукахъ богатаго крестьянства, и, слѣдовательно, какъ и въ

другихъ случаяхъ, экономическая дѣйствительность переростаетъ юридическую фикцію. Наконецъ, эти двѣ новыя формы производства—свободный трудъ и въ извѣстныхъ предѣлахъ, съ извѣстными, надо думать—временными, ограниченіями свободная земельная собственность создали рядъ существенныхъ перемѣнъ въ самыхъ системахъ народнаго производства. Прежде всего, когда спали крѣпостныя путы, вышло на широкую дорогу русское земледѣліе, и при томъ земледѣліе улучшенное, интенсивное: въ настоящее время плодосмѣнная система—не рѣдкость въ такихъ областяхъ, какъ московская промышленная, центральная земледѣльческая, Бѣлоруссія, Литва, юго-западный край, Малороссія, не говоря уже о Привислиньѣ и прибалтійскихъ губерніяхъ, причемъ замѣчательно, что она прививается не только на владѣльческихъ, но и на крестьянскихъ земляхъ. Затѣмъ открылась возможность болѣе быстраго поступательнаго движенія обрабатывающей промышленности въ ея не столько кустарной, крестьянской формѣ, сколько въ формѣ фабричной, городской. Городской надо называть фабричную промышленность по той причинѣ, что фабрики даже тогда, когда онѣ возникаютъ внѣ черты городской осѣдлости, быстро образуютъ около себя зачаточныя городскія поселенія, нерѣдко разростающіяся въ настоящіе крупные центры. Техническія средства русскаго хлопчатобумажнаго производства увеличились во второй половинѣ XIX вѣка въ 20 разъ, такъ что въ настоящее время они не ниже, чѣмъ въ любой изъ передовыхъ европейскихъ странъ. Цѣнность годового подукта въ хлопчатобумажной промышленности дошла до 430 милліоновъ рублей. Годовой оборотъ шерстяного производства простирается до 150 милліоновъ рублей Въ пятидесятыхъ годахъ годовая производительность русской металлической промышленности оцѣнивалась всего только въ 2 милліона рублей; въ концѣ XIX вѣка уже въ 142 милліона рублей, т.-е. въ 71 разъ дороже. Съ 60-хъ и особенно съ 70-хъ годовъ начинаются крупные и быстрые техническіе успѣхи въ шелковомъ производствѣ, сахароваренiи, шерстяномъ, стеклянномъ дѣлѣ и проч. Существеннымъ улучшеніямъ подверглась и техника наиболѣе доходныхъ отраслей добывающей промышленности, напр. горнаго дѣла и пчеловодства: примѣненіе машинъ въ горнозаводской промышленности быстро увеличилось, а пчеловодство, упавшее было благодаря распашкѣ луговъ и истребленію лѣсовъ, снова ожило въ послѣднее время вслѣдствіе распространенія пасѣчной системы. Наконецъ, и коммерческяя техника постепенно преобразуется. Старинная ярмарочная система падаетъ: уже въ шестидесятыхъ годахъ наблюдается упадокъ крупныхъ оптовыхъ ярмарокъ и и разложеніе ихъ на мелкіе торжки; особенной интенсивности это явленіе достигаетъ съ восьмидесятыхъ годовъ. На смѣну ярмаркамъ являются кредитныя операціи и развитіе комиссіонерства и выставокъ. Параллельно этому быстро растутъ акціонерныя предпріятія: въ теченіе 90-хъ годовъ число ихъ увеличилось вшестеро; соотвѣтственно

возросли и вложенные въ нихъ капиталы. Крупными шагами пошла впередъ и внѣшняя торговля; цѣнность русскаго вывоза передъ крестьянской реформой простиралось, какъ было уже въ свое время нами указано, до 230 милліоновъ рублей въ годъ, а въ концѣ XIX вѣка она дошла до 630 милліоновъ; передъ освобожденіемъ Россія ввозила иностранныхъ товаровъ всего на 200 милліоновъ рублей, а въ послѣдніе годы истекшаго столѣтія ввозъ поднялся до 600 милліоновъ; вывозъ хлѣба изъ Россіи за послѣднія 40 лѣтъ XIX вѣка возросъ въ 4½ раза. Если къ этому прибавить чрезвычайное развитіе путей сообщенія, особенно желѣзныхъ дорогъ, и совершившееся на нашихъ глазахъ введеніе золотой денежной единицы и свободнаго размѣна кредитныхъ билетовъ на золото,—события, которыя были бы немыслимы при крѣпостномъ правѣ, и которыя нельзя не признать отдаленными послѣдствіями его уничтоженія,—то станетъ ясно, сколь многимъ въ экономической сферѣ обязано наше отечество великой исторической перемѣнѣ, которою открывается новѣйшая русская исторія.

Не менѣе знаменательны были перемѣны, внесеныя уничтоженіемъ крѣпостного права на крестьянъ, въ область соціальныхъ отношеній. Великій освободительный актъ 19 февраля 1861 года ясно и громко провозгласилъ и провелъ въ дѣйствительность принципъ гражданской свободы личности въ Россіи, причемъ освобожденіе крестьянъ почти совершенно уничтожило старыя крѣпостныя обязанности, въ той или другой мѣрѣ лежавшія до того времени на всѣхъ сословіяхъ: сохранились лишь нѣкоторые обломки ожившаго крѣпостного строя. Говоря о соціальномъ строѣ Россіи во второй половинѣ XIX столѣтія, надо имѣть въ виду сферу собственно-личныхъ правъ и сферу правъ корпоративныхъ. Крестьянская реформа въ обоихъ этихъ отношеніяхъ, несомнѣнно, внесла большія перемѣны: провозгласивъ принципъ гражданской свободы личности, она ослабила и сословность, выдвинула на первый планъ классовое, экономическое начало, имущественную состоятельность. Однако, о полной замѣнѣ сословнаго начала классовымъ говорить нельзя, можно лишь отмѣтить усиленіе послѣдняго въ ущербъ первому; а затѣмъ не можетъ быть рѣчи и о полномъ, неограниченномъ господствѣ начала гражданской свободы личности. Намъ уже извѣстно, что дворянство въ дореформенной Россіи въ принципѣ было освобождено отъ обязательной службы, въ дѣйствительности же поставляло изъ своей среды чиновниковъ по судебному и полицейскому областному управленію. Только великія реформы императора Александра II, именно земское самоуправленіе 1864 года и произведенное въ то же время преобразованіе судебныхъ учрежденій, сняли съ дворянства не въ одной лишь теоріи, но и на практикѣ обязанность служить государству. А обѣ указанныя реформы связаны крѣпкими генетическими узами съ освобожденіемъ крестьянъ: гражданская свобода личности требуетъ, какъ обязательнаго дополненія, корпоративныхъ правъ сво-

боднаго общества, развитія начала общественнаго самоуправленія, наиболѣе послѣдовательнымъ выраженіемъ котораго и стали земскія учрежденія; та-же гражданская свобода предполагаетъ гласное, устное и равное для всѣхъ правосудіе, ставшее необходимымъ послѣ уничтоженія вотчинной юстиціи помѣщиковъ. Однако остатки дворянской обязательной службы продолжаютъ существовать и въ настоящее время въ нѣкоторыхъ обязанностяхъ, лежащихъ на предводителяхъ дворянства: таковы, напр., обязанности предсѣдательствовать въ земскихъ собраніяхъ, въ съѣздахъ земскихъ начальниковъ, участвовать въ губернскихъ по земскимъ и городскимъ дѣламъ присутствіяхъ и т. д. Нѣтъ, однако, сомнѣнія, что такія обязанности близко соприкасаются по своему юридическому значенію со спеціальными сословными правами, которыя продолжаютъ составлять отличительную черту организаціи дворянскаго сословія въ Россіи и съ 1890 года усилены. Первымъ и главнымъ выраженіемъ сословныхъ корпоративныхъ правъ дворянства служитъ, конечно, сословное дворянское самоуправленіе, ведущее свое начало отъ екатерининской жалованной грамоты дворянству 1785 года. Положеніе о земскихъ учрежденіяхъ 1864 года нанесло существенный ударъ спеціально-сословной дворянской организаціи: завѣдываніе хозяйственными дѣлами уѣзда и губерніи перешло всецѣло въ руки земства, гласные котораго выбирались не на основѣ сословнаго принципа, а на началѣ безсословности, частными землевладѣльцами (въ томъ числѣ и не дворянами), городскими и сельскими обществами. Только новое земское положеніе 1890 года усилило сословный элементъ въ земскихъ учрежденіяхъ: дворяне отдѣлены отъ другихъ сословій, составляютъ особый избирательный съѣздъ, сильнѣе представлены въ земскихъ собраніяхъ, такъ какъ выбираютъ туда наибольшее число гласныхъ несоотвѣтственно относительнымъ размѣрамъ дворянскаго землевладѣнія, и при томъ въ губернскихъ земскихъ собраніяхъ участвуютъ еще не по избранію въ гласные, а по должности всѣ предводители дворянства губерніи.

Тяжелыя податныя обязанности городского сословія, обложеннаго подушною податью, были послѣ крестьянской реформы сильно облегчены и приведены въ большее соотвѣтствіе съ его платежными силами: въ 1863 году подушная подать въ городахъ была замѣнена по-домовымъ налогомъ. Вскорѣ затѣмъ была произведена реформа городского самоуправленія: вмѣсто представительства отдѣльныхъ сословныхъ группъ городского населенія, стоявшихъ въ городской общей и городской шестигласной думѣ обособленно и лишь внѣшнимъ образомъ соприкасавшихся между собою, было введено общее представительство, въ основу организаціи котораго положено не сословное, а классовое начало: по Городовому Положенію 1870 года, избирательными правами стали пользоваться домовладѣльцы, промышленники, торговцы и обладатели свидѣтельствъ—купеческихъ, промысловыхъ на мелочную тор-

говлю и приказчичьихъ перваго разряда. Городовое Положеніе 1892 г. не нарушило классоваго принципа въ городскомъ представительствѣ, съузивъ лишь кругъ избирателей путемъ исключенія мелкихъ домовладѣльцевъ и мелкихъ торговцевъ и тѣмъ давъ окончательный перевѣсъ въ городскомъ самоуправленіи крупному капиталу.

Наибольшее количество остатковъ стариннаго крѣпостного строя и сословности наблюдается въ крестьянствѣ. Здѣсь важно не только существованіе спеціальнаго сословнаго управленія и даже волостного суда, но и сохраненіе стараго крестьянскаго мірского землевладѣнія, круговой поруки въ уплатѣ податей, стѣсненія права переселенія и отлучки необходимостью разрѣшенія властей для переселенія и выдачей увольнительнаго свидѣтельства для отлучки, наконецъ, строгій контроль и дискреціонная (основанная на личномъ усмотрѣніи) власть административныхъ органовъ, земскихъ начальниковъ. Важнѣйшимъ шагомъ впередъ, къ уничтоженію остатковъ крѣпостного строя въ средѣ крестьянства, послѣ реформы 19-го февраля 1861 года нужно считать отмѣну въ 1882 году подушной подати.

Предшествующее изложеніе показываетъ, что паденіе крѣпостного права въ Россіи дало особенно могучій толчокъ промышленности городской, торговлѣ и фабричной производительности,—содѣйствуя вмѣстѣ съ тѣмъ и прогрессу деревенской промышленности, преимущественно земледѣлія. Это существенно измѣнило и характеръ русскаго города и соотношеніе между городомъ и деревней въ экономической жизни страны: изъ поселенія по преимуществу торговаго русскій городъ превратился въ послѣднія сорокъ лѣтъ въ центръ не только торговли, но и фабричной промышленности; играя мало замѣтную, во всякомъ случаѣ подчиненную роль въ экономической жизни дореформенной Россіи, городъ послѣ реформы 19-го февраля занялъ самостоятельное хозяйственное положеніе и выдвинулся въ качествѣ важнаго фактора не только въ экономическихъ отношеніяхъ, но и въ другихъ сферахъ народной и государственной жизни. Если въ историческомъ прошломъ русскаго народа деревенскія сословія—земельное дворянство и крестьянство—имѣли опредѣляющее значеніе, поглощая и подавляя городское населеніе, то въ наше время выдвигаются въ качествѣ видной силы торгово-промышленный классъ и классъ рабочій, включая въ составъ послѣдняго и лицъ, посвящающихъ свое время интеллигентному труду за извѣстное вознагражденіе, являющееся единственнымъ или, по крайней мѣрѣ, важнѣйшимъ источникомъ ихъ существованія.

Окидывая общимъ взглядомъ пройденный нами длинный путь историческаго развитія нашего отечества, можно замѣтить, что основой всего изученнаго процесса служитъ смѣна двухъ главныхъ періодовъ экономической жизни страны: первый изъ этихъ періодовъ—періодъ безобмѣннаго, натуральнаго хозяйства, второй—періодъ хозяйства де-

нежнаго или мѣнового. Хронологическая грань, отдѣляющая одинъ изъ нихъ отъ другого,—это половина XVI вѣка. До этого времени господствовало натуральное хозяйство, послѣ него стало замѣтно развиваться денежное. Но между обоими періодами не было перелома, рѣзкаго и крайняго переворота, разрушительной катастрофы,—напротивъ весь процессъ совершился въ общемъ постепенно и безъ большихъ скачковъ. Въ сущности и каждый изъ двухъ названныхъ періодовъ не представлялъ собою чего-либо разъ навсегда даннаго, на всемъ протяженіи равнаго себѣ, постояннаго и неизмѣннаго, а являлся длительнымъ процессомъ, далеко не однороднымъ въ началѣ и концѣ, такъ что внутри каждаго періода можно отличить особые моменты или стадіи. Первая стадія развитія натуральнаго хозяйства закончилась въ исторіи Россіи приблизительно концомъ XII вѣка; она характеризовалась, какъ мы видѣли, господствомъ первоначальной добывающей промышленности въ крайне-экстенсивной, первобытной системѣ, преобладаніемъ крестьянской поземельной собственности—такъ называемаго вольнаго или захватнаго землевладѣнія—и домашней, семейной формы производства, при крайне слабыхъ проявленіяхъ обмѣна, съ поверхностной и имѣвшей нѣкоторое значеніе лишь для высшихъ классовъ общества примѣсью внѣшней торговли. Соотвѣтственно такому сочетанію основныхъ экономическихъ силъ, главное вліяніе въ общественномъ союзѣ принадлежало въ это время свободному крестьянству, и роль города въ собственномъ смыслѣ этого слова была незначительна: это было мѣсто убѣжища на случай внѣшней опасности, центръ, гдѣ собиралось вѣче, и самое большее—и это далеко не всегда—мѣстный рынокъ для очень узкаго района и съ совершенно ничтожнымъ торговымъ оборотомъ. XIII вѣкомъ начинается вторая стадія періода натуральнаго хозяйства въ Россіи, длящаяся до половины XVI столѣтія. Она характеризуется постепенно усиливающимся перевѣсомъ сельскаго хозяйства, сначала скотоводства, а потомъ и земледѣлія, въ одной половинѣ страны—въ сѣверо-восточной Руси, преобладаніемъ торговли на новгородскомъ западѣ и сохраненіемъ прежняго господства добывающей промышленности въ сѣверномъ краѣ. Княжеская вотчина, развивающіяся помѣстье и монастырская вотчина, оброчная система и свободный крестьянскій трудъ были типическими формами землевладѣнія и хозяйства на сѣверо-востокѣ; крупная боярская вотчина и купеческая компанія были характерны въ этомъ отношеніи для новгородскаго строя; на сѣверѣ уцѣлѣли старое крестьянское семейное землевладѣніе, утратившее лишь прежній кочевой характеръ, и домашняя форма производства. Подъ вліяніемъ всѣхъ этихъ условій сложились два политическихъ организма удѣльнаго времени: аристократическая новгородская республика съ преобладаніемъ владѣвшаго землей и денежнымъ капиталомъ боярства и торговаго сословія и удѣльное княжество съ постепенно усиливавшейся подъ влія-

ніемъ экономическаго господства деревни и сельскаго хозяйства властью князя. Со второй половины XVI до половины XIX столѣтія длится первая стадія развитія денежнаго хозяйства. Земледѣліе остается господствующимъ на всей территоріи страны, но все болѣе выдвигаются на ряду съ нимъ на первый планъ торговля, переставшая быть новгородской монополіей и пріобрѣтшая новые рынки, и обрабатывающая промышленность, сначала въ формѣ кустарной, потомъ фабричной. Соотвѣтственно этому разрушаются помѣстье и монастырское землевладѣніе, смѣняясь сословной дворянской вотчиной и государственнымъ землевладѣніемъ, растутъ барщина и несвободный, крѣпостной трудъ, и развивается подъ вліяніемъ хозяйственныхъ условій колонизація страны. Во главѣ общественнаго союза становится самодержавная власть московскихъ царей, потомъ всероссійскихъ императоровъ. Въ этой стадіи развитія денежнаго хозяйства можно впрочемъ различать два послѣдовательныхъ момента—московскій и новый дореформенный, которые мы и излагали отдѣльно, характеризуя первый, какъ время зарожденія и первоначальнаго развитія порядковъ, сложившихся болѣе опредѣленно во второй моментъ. Наконецъ, освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости было поворотнымъ пунктомъ въ развитіи денежнаго хозяйства, вступившаго со времени этой реформы во вторую стадію, когда обрабатывающая промышленность пріобрѣтаетъ еще болѣе видное значеніе въ экономической жизни, а мѣновое обращеніе хозяйственныхъ благъ захватываетъ все болѣе и болѣе глубокіе и широкіе общественные слои, подъ вліяніемъ чего развиваются свободный трудъ и свободная безсословная земельная собственность, и выдвигаются впередъ торгово-промышленный и рабочій классы, слѣдовательно, вліяніе города увеличивается.

Въ связи съ увеличеніемъ вліянія города стоитъ развитіе той стороны общественныхъ отношеній, которая извѣстна подъ названіемъ культуры въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, т.-е. интересовъ науки, искусства и просвѣщенія, и которая была оставлена въ предшествующемъ изложеніи въ тѣни отчасти съ цѣлью сосредоточить вниманіе читателя на немногихъ основныхъ явленіяхъ, отчасти вслѣдствіе того, что этотъ сложный вопросъ требуетъ особаго обстоятельнаго изученія тѣмъ болѣе, что общепринятыя здѣсь точки зрѣнія должны подвергнуться замѣнѣ совершенно новыми. Сейчасъ мы позволимъ себѣ, поэтому, ограничиться лишь общимъ указаніемъ на громадную культурную роль города, несомнѣнную для всякаго непредубѣжденнаго человѣка. Наши университеты, музеи, академіи, художественныя галлереи, театры, библіотеки корнями своими прочно прикрѣплены къ городской почвѣ и развиваются въ точномъ соотвѣтствіи и неразрывной связи съ увеличеніемъ экономическаго значенія города. Это не значитъ, конечно, что воспитанныя въ городѣ наука, искусство и просвѣщеніе ничѣмъ не обязаны деревнѣ и созданы не для нея. Напротивъ, каж-

дый Божій день мы можемъ наблюдать въ европейской и русской жизни все новые успѣхи пріобщенія деревни къ великимъ благамъ человѣческой культуры и просвѣщенія. Но нѣтъ сомнѣнія, что безъ развитія городского строя невозможенъ былъ бы и пышный расцвѣтъ культуры. Не надо только забывать, съ другой стороны, что и городской строй въ его современномъ состояніи органически связанъ съ историческимъ развитіемъ деревни, и что городъ безъ деревни можетъ существовать еще въ меньшей степени, чѣмъ деревня безъ города.

Вотъ почему не въ мѣру горячіе споры о преимуществахъ городского и деревенскаго строя и слишкомъ рѣзкое противоположеніе перваго второму теряютъ реальное значеніе и практическій смыслъ. Историческое изученіе вопроса, которое, сообщая знанія, должно, несомнѣнно, хоть отчасти приподнять передъ нами завѣсу, скрывающую будущее, дать въ результатѣ предвидѣніе, даетъ возможность предполагать, какова будетъ приблизительная комбинація элементовъ грядущаго хозяйственнаго развитія Россіи. Въ такихъ предсказаніяхъ нельзя обойтись безъ сравненія съ соотвѣтствующими явленіями западно-европейской жизни. Извѣстно, какой необычайной высоты достигло въ XIX вѣкѣ промышленное развитіе самой передовой изъ европейскихъ странъ,—Англіи. Поворотнымъ пунктомъ этого развитія служилъ 1846 годъ, годъ отмѣны таможенныхъ пошлинъ на ввозимый въ Англію иностранный хлѣбъ. Этотъ законодательный актъ нанесъ окончательный, смертельный ударъ англійскому земледѣлію, которому было не подъ силу бороться съ конкуренціей дешеваго хлѣба, ввозимаго изъ земледѣльческихъ странъ, и завершилъ собою процессъ превращенія Великобританіи въ типическую городскую страну, съ полнымъ, безраздѣльнымъ почти господствомъ обрабатывающей фабрично-заводской промышленности и денежнаго капитала. Обширные внѣшніе рынки и эксплуатація некультурныхъ и малокультурныхъ странъ посредствомъ англійскихъ капиталовъ явились естественными дополненіями описанныхъ перемѣнъ во внутреннемъ хозяйственномъ развитіи Англіи. Нѣсколько иную картину представляетъ другая передовая европейская страна—Франція: и здѣсь, правда, развились и достигли преобладанія фабричная промышленность и денежный капиталъ, и потому расширеніе внѣшнихъ рынковъ и приложеніе капиталовъ къ промышленности малокультурныхъ странъ имѣли мѣсто, но вслѣдствіе бо́льшей обширности территоріи, бо́льшаго плодородія почвы, земледѣліе не было совершенно подавлено и продолжаетъ играть видную хозяйственную роль. Извѣстно, на какомъ распутьи стоитъ теперь третья культурная страна современной Европы,—Германія; ей предстоитъ рѣшить важную проблему, какой изъ двухъ типовъ хозяйственнаго развитія, французскій или англійскій, должна она усвоить въ будущемъ, должна ли она превратиться въ чисто городскую страну или сохранить характеръ

страны съ равновѣсіемъ обрабатывающей городской промышленности и деревенскаго сельскаго хозяйства? Каково бы ни было рѣшеніе этого вопроса для Германіи,— можно одно сказать смѣло: его рѣшеніе для Россіи въ опредѣленномъ направленіи не подлежитъ сомнѣнію. Въ самомъ дѣлѣ: Россія представляетъ собою обширную территорію, открытую на всемъ пространствѣ для свободнаго товарнаго обмѣна, и насчитывающую болѣе 130 милліоновъ населенія. Все это населеніе, которое при томъ быстро увеличивается, или даже бо̀льшую его часть немыслимо превратить въ фабричныхъ рабочихъ, потому что въ такомъ случаѣ понадобились бы небывало-обширные рынки для фабрикатовъ и необъятныя пространства некультурныхъ странъ для капиталистической эксплуатаціи. Мы не думаемъ, конечно, утверждать, что развитіе обрабатывающей промышленности въ Россіи имѣетъ неширокія перспективы на будущее или что оно даже едва ли не достигло уже своего конечнаго предѣла, какъ думаютъ нѣкоторые. Напротивъ, обширность территоріи, въ значительной своей части почти еще не тронутой культурою, и многочисленность быстро растущаго населенія служатъ лучшими и неизмѣнными залогами дальнѣйшаго промышленнаго преуспѣянія нашего отечества и связанныхъ съ этимъ успѣховъ въ соціальномъ, политическомъ и культурномъ отношеніяхъ, но, несмотря на это, нельзя предполагать ничтожную хозяйственную роль земледѣлія опять-таки въ виду наличности многочисленнаго населенія, обширной территоріи и значительныхъ пространствъ плодородной почвы. И городской, и деревенской промышленности въ Россіи суждено такимъ образомъ великое будущее, и наше отечество, несомнѣнно, явится болѣе чистымъ и полнымъ представителемъ того типа экономическаго развитія, который составляетъ отличительную черту Франціи.

Литература по экономической исторіи Россіи не отличается богатствомъ. Единственнымъ общимъ очеркомъ хозяйственнаго развитія является соотвѣтствующая глава въ I томѣ «Очерковъ по исторіи русской культуры» П. Н. Милюкова (см. особенно изданіе 1901 г.). Отдѣльныя важныя замѣчанія и характеристики, можно найти у В. О. Ключевскаго въ «Пособіи къ лекціямъ по русской исторіи» и въ «Боярской думѣ древней Руси». Матеріалъ по экономической исторіи кіевской и удѣльной Руси собранъ въ книгѣ Аристова «Промышленность древней Руси». Для экономической исторіи Новгорода имѣютъ значеніе труды Никитскаго «Исторія экономическаго быта Великаго Новгорода» и А. С. Лаппо Данилевскаго «Критическія замѣтки по исторіи экономическаго быта Великаго Новгорода» въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія» за 1895 годъ, № 12. О народномъ хозяйствѣ Московской Руси идетъ рѣчь въ сочиненіяхъ Костомарова «Очеркъ торговли Московскаго государства въ XVI и XVII вѣкахъ», Соколовскаго «Экономическій бытъ земледѣльческаго населенія Россіи передъ крѣпостнымъ правомъ и колонизація восточныхъ степей», Перетятковича «Поволжье въ XV и XVI вѣкахъ» и «Поволжье въ XVII и XVIII вѣкахъ», Багалѣя «Очерки изъ исторіи колонизаціи и быта степной окраины Московскаго государства», Миклашевскаго «Къ исторіи хозяйственнаго быта Московскаго государства», Рожкова «Сельское хозяй-

ство Московской Руси въ XVI вѣкѣ». Сюда же относятся работы, посвященныя исторіи землевладѣнія: Чичерина «Сельская община» (въ «Опытахъ по исторіи русскаго права»), Неволина «Полное собраніе сочиненій», томъ IV, Соколовскаго «Очеркъ исторіи сельской общины на сѣверѣ Россіи», Ефименко «Изслѣдованія народной жизни», т. I (статья «Крестьянское землевладѣніе на крайнемъ Сѣверѣ»), Иванова—статьи въ изданіи «Древности. Труды Археографической коммиссіи Московскаго Археологическаго Общества», особенно статья «Поземельные союзы и передѣлы на сѣверѣ Россіи въ XVII в.». («Древности. Труды Археографической коммиссіи», т. II, вып. 2-й), Сергѣевича «Древности русскаго землевладѣнія»—въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія» за 1900 г., №№ 9 и 10, и за 1901 гг., №№ 2, 3 и 4. Имѣютъ значеніе труды по финансовой исторіи, особенно Милюкова «Спорные вопросы финансовой исторіи Московскаго государства» и Лаппо-Данилевскаго «Организація прямого обложенія въ Московскомъ государствѣ». Наконецъ, важны сочиненія о происхожденіи крѣпостного права въ Россіи: Бѣляева «Крестьяне на Руси», Ключевскаго «Происхожденіе крѣпостного права въ Россіи»—въ «Русской мысли» за 1885 годъ, №№ 8 и 10, Дьяконова «Очерки изъ исторіи сельскаго населенія въ Московскомъ государствѣ». По исторіи народнаго хозяйства въ Россіи XVIII и XIX вв. заслуживаютъ вниманія слѣдующіе труды: Корсака «О формахъ промышленности», Семевскаго «Крестьяне въ царствованіе императрицы Екатерины II» и статья «Крестьянское землевладѣніе на сѣверѣ въ XVIII в. (въ «Русскомъ Богатствѣ» за 1901 г., №№ 1 и 2), указанныя выше сочиненія Чичерина, Неволина и г-жи Ефименко; Лучицкаго «Сябринное землевладѣніе въ Малороссіи (въ «Сѣверномъ Вѣстникѣ» за 1889 г., №№ 1 и 2), Кауфмана «Сибирское землевладѣніе», Милюкова «Государственное хозяйство Россіи въ первой четверти XVIII столѣтія и реформа Петра Великаго», Туганъ-Барановскаго «Русская фабрика въ прошломъ и настоящемъ», томъ I, Струве «Основные моменты въ развитіи крѣпостного хозяйства въ Россіи» (въ «Мірѣ Божьемъ» за 1899 г., №№ 10, 11 и 12), кн. Волконскаго «Условія помѣщичьяго хозяйства при крѣпостномъ правѣ» (въ «Трудахъ Рязанской ученой архивной коммиссіи за 1897 г., т. XII, вып. 2, и отдѣльно), Заблоцкаго-Десятовскаго «Графъ П. Д. Киселевъ и его время» (особенно «Записка о крѣпостномъ состояніи въ Россіи», въ IV томѣ).

Болѣе подробную мотивировку и изложеніе проводимыхъ въ предлагаемомъ очеркѣ взглядовъ читатель можетъ найти, кромѣ упомянутой выше книги пишущаго эти строки «Сельское хозяйство Московской Руси въ XVI вѣкѣ», еще въ слѣдующихъ его статьяхъ: «Натуральное хозяйство и формы землевладѣнія въ древней Россіи» («Жизнь» за 1900 г., № 9), «Денежное хозяйство и формы землевладѣнія въ новой Россіи» («Научное Обозрѣніе» за 1902 г., №№ 2 и 3), «Развитіе экономическихъ и соціальныхъ отношеній въ Россіи XIX вѣка» («Образованіе за 1902 г., № 1) и «Къ вопросу объ экономическихъ причинахъ паденія крѣпостного права въ Россіи» («Міръ Божій» за 1902 г., № 2).

Н. Рожковъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ВЕСНОЮ.

I.

Пѣсня звонкая слышится снова...
Стаи птицъ въ блескѣ дня голубого
Изъ далекаго юга летятъ.
Сердце пылкое ноетъ подъ гнетомъ,
И за вольнымъ и смѣлымъ полетомъ
Очи жадно и долго слѣдятъ.

Лѣсъ и поле горятъ подъ лучами,
Мчатся вешнія воды ручьями,
И рѣка, разливаясь, журчитъ...
Словно радостный праздникъ въ природѣ,
И, какъ чудная вѣсть о свободѣ,
Пѣсня съ яркаго неба звучитъ.

Забываешь о грустной неволѣ,
Что рѣка и широкое поле
И лучами пронизанный лѣсъ
Молча стыли зимою холодной...
Снова рвешься за пѣсней свободной
И все ждешь, какъ ребенокъ, чудесъ!

II.

Усталый я сѣлъ молчаливо
На камень подъ старой сосной.
Спокойныя волны залива
И тихая даль предо мной.

Пахнуло прохладой съ простора,
Отъ вѣтокъ плыветъ ароматъ...
Но буря подымется скоро—
Ее предвѣщаетъ закатъ.

Далекое небо пылаетъ,
И волнъ загорѣлись ряды,
И быстрая чайка мелькаетъ,
Касаясь крыломъ до воды.

Прошелъ я тяжелой дорогой,
Усталый опять побреду,
И все же съ отрадной тревогой
И бури, и грома я жду!

III.

Въ открытомъ полѣ дубъ могучій
Даетъ живительную тѣнь,
Куда лучъ трепетный и жгучій
Не проникаетъ въ знойный день.

Сидишь, скрываемый вѣтвями,
И устремляешь жадно взоръ
На смѣлыхъ птицъ подъ небесами
И зеленѣющій просторъ,

Какъ вьется бабочка, бѣлѣя
На фонѣ нѣжно-голубомъ...
А день все жарче, все душнѣе,
И слышенъ первый, гулкій громъ.

Когда бы дубъ не вѣдалъ бури,
Не видѣлъ гнѣвныхъ, мрачныхъ грозъ,
Онъ до сіяющей лазури
Съ такимъ величьемъ бы не росъ.

А. Лукьяновъ.

ДРУГЪ ДѢТСТВА.

Повѣсть.

(*Окончаніе* *).

IX.

Рано утромъ кучеръ Илья вернулся изъ города и привезъ Евгеніи Петровнѣ письмо Ларисы.

...Больная неожиданно тяжело перенесла дорогу. Слава Богу, что докторъ былъ съ ними, просто подумать страшно, какъ бы они съ Саней одни справились: подъ конецъ такой ужасный припадокъ сдѣлался—думали, что умираетъ. Ѣхать было нестерпимо душно и пыльно. Просто они всѣ голову потеряли: какая была нужда выѣзжать въ самый жаръ? Лучше сто разъ ночью бы въ городъ пріѣхали, чѣмъ такую муку вытерпѣли!.. Теперь они съ Саней ни на минуту не смѣютъ отойти, со страхомъ ждутъ возвращенія доктора.

„...Впрочемъ, чтобы въ больницу не приняли, ужъ этого теперь не можетъ быть“—стояло припиской вдоль листа.

Письмо длинное, безпорядочное. Лариса все возвращалась къ дорогѣ—видно, что въ себя придти еще не успѣла.

Евгенію Петровну письмо страшно разстроило. Она опять доплакалась до истерики; а потомъ всѣхъ прогнала и заперлась въ своей комнатѣ. Дину она нѣсколько разъ назвала „безчувственнымъ истуканомъ“.

— Ça vous abrutie joliment, votre nouveau monde! — крикнула она съ внезапной злостью.

Тетя Женя могла быть груба только въ состояніи полнаго душевнаго и физическаго разстройства, и ея болѣзненная нѣжность къ сестрѣ такъ глубоко трогала Дину, что дѣвушка приняла эту выходку почти безъ обиды.

Правда... Она и себѣ самой казалось безчувственной... Письмо

---

*) См. «Міръ Божій», № 5, май.

Ларисы вызвало какой-то холодный испугъ. Точно прокатившаяся волна личныхъ ощущеній уже смывала жизненность раздирающихъ образовъ... А можетъ быть, просто не хватало воображенія, чтобы воспроизвести разсказъ сестры съ такой потрясающей яркостью, какъ тетя Женя, въ ужасѣ закрывавшая глаза и зажимавшая уши. Совершенно какъ будто она видѣла передъ собою несчастную Аню, бьющуюся въ припадкѣ бѣшенства посреди пыльной дороги.

Дина была бы рада, если бы могла плакать. Повторяла милыя слова няни: „тихій мѣсяцъ, тихій мѣсяцъ", — хоть бы слова эти растрогали ее, какъ вчера! А потомъ стало стыдно и противно на себя за эти усилія.

Весь день она не знала куда дѣвать себя, во что сунуться, чтобы заглушить грызущую тоску. Въ душѣ растетъ одно чувство полной оторванности отъ всѣхъ близкихъ, отъ всего прежняго.

...Съ Ларисой Ивановной нанесеннымъ ей оскорбленіемъ навсегда сквитались за прежнія вынужденныя заботы, въ которыхъ никогда не было любви.

...Саня... Нельзя простить... Нѣтъ, никогда, никогда! Если можно такъ осудить, ничего не понявъ, не разобравъ—даже не попытавшись!

„...Пусть, пусть — Богъ съ нимъ! Незачѣмъ и пробовать объяснять —все равно ничего не пойметъ, или еще не повѣритъ, чего добраго! Выйдетъ опять что-нибудь безобразное, все равно придется разойтись навсегда". Вѣдь только отъ брата она была въ правѣ требовать пониманія и только съ нимъ считалась теперь, какъ съ равнымъ. Лариса—давнишній врагъ. Тетка—человѣкъ изъ другого міра. Во всю жизнь только его одного любила. Хорошъ!... Для него утки на озерѣ важнѣе всего, что у нея на душѣ. Ха! дворянскій гонорь за одно съ Ларисой и тетенькой! Ну, и пусть, пусть...

„...Для виду только держались вмѣстѣ, пока жила мама... потому что она была такая несчастная!"

О матери она думала уже, какъ о мертвой. Физическія страданія, приводившія въ содроганіе Евгенію Петровну,—ее, молодую и здоровую, не могли захватить съ такой силой.

. . . .

Ночью, совершенно неожиданно, студентъ пріѣхалъ на почтовыхъ.

Дина только-что успѣла заснуть; она проснулась отъ неистоваго лая, поднятаго собаками; ничего не понимая, полуодѣтая, выбѣжала изъ своей комнаты. Изъ столовой разносился громкій, раздраженный голосъ.

«Умерла!»—мелькнуло въ умѣ, и она влетѣла въ столовую, похолодѣвшая отъ страха.

Евгенія Петровна еще не спала и первая встрѣтила племянника, какъ была, въ ночномъ халатѣ изъ свѣтлой фланели; она сидѣла у обѣденнаго стола. На столѣ горѣла свѣчка.

Студентъ, загорѣвшій, въ грязномъ до невозможности кителѣ, кружился возбужденно по комнатѣ, какъ-то непривычно жестикулируя и ожесточенно ругая всѣхъ: докторовъ, гостинницу, ямщика, дорогу, жару, Ларису...

Дина присѣла у стѣны и долго не разбирала — умерла-ли мать или жива? Спрашивать не хотѣла, послѣ того какъ Саня машинально оглянулся, когда она входила въ комнату, но больше ни разу не обратился къ ней.

Тетя Женя плакала, не отнимая отъ лица платка. Вскорѣ явилась въ столовую Домна и начала разспрашивать сначала.

Главный докторъ распорядился не допускать къ больной никого изъ близкихъ. Саня вернулся домой, потому что ему нечего дѣлать въ городѣ; а Лариса осталась хлопотать, чтобы перевезти мать въ спеціальное заведеніе, въ Москву.

Евгенія Петровна сердилась и спорила съ Домной,—старуха требовала, чтобы „ея барыню“ сейчасъ же привезли назадъ домой; не оставляли бы одну, беззащитную, „на мученіе лекарямъ“.

Саня, измученный всей этой непривычной для него дозой самозабвенія и физической усталостью, грубо кричалъ на старую няньку.

...„Она, она права! Вѣдь все напрасно — ничто помочь не можетъ. Только новая ломка—испугъ... Только еще дальше отъ дома!“ Думала тоскливо Дина, не вмѣшиваясь въ споръ, съ своимъ страннымъ чувствомъ отчужденности.

Одна свѣча уныло освѣщала комнату, съ безпорядочными фигурами взволнованныхъ и раздраженныхъ людей. На старыхъ рыжихъ обояхъ металась длинная тѣнь Сани; головной платокъ Домны походилъ на монашескій клобукъ. Мухи, потревоженныя непривычнымъ свѣтомъ, сухо щелкались о потолокъ.

Евгенія Петровна объявила, что она беретъ на себя всѣ издержки. Лариса ничего устроить не съумѣетъ,—чего добраго, вздумаетъ еще хлопотать о томъ, чтобы больница отправила на свой счетъ—напрасно только время терять!

— Я поѣду въ городъ и обращусь прямо къ предводителю!

Евгенія Петровна едва-ли и сама знала, причемъ тутъ предводитель,—просто потому, что сложилась генеральская привычка во всѣхъ дѣлахъ сноситься прямо съ высшими инстанціями.

Дина не выдержала:

— Тетя! Мнѣ кажется, что тутъ нужны только деньги... зачѣмъ же къ предводителю?!

Она понимала негодованіе Домны, кричавшей на весь домъ:

— Старайтесь, старайтесь съ рукъ спихнуть! Думаете, коли денегъ кучу зря выбросите, такъ совѣсть этимъ уймете!

Саня, наконецъ, за плечи вытолкнулъ расходившуюся старуху изъ комнаты . . . .

Выходя изъ столовой, Дина вся дрожала отъ усилія сдержать себя. У себя въ комнатѣ она громко восклицала, чтобы облегчить душу:

— Да, да! Я съ Домной, съ Домной! Домна цѣлые годы няньчилась, какъ съ ребенкомъ, и сейчасъ готова запереться съ нею вмѣстѣ... Никто не можетъ сдѣлать для нея больше Домны, не во гнѣвъ вамъ, тетушка Евгенія Петровна!..

Хотѣлось думать только о матери,—какъ для нея легче, бережнѣе, уважительнѣе. А въ хлопотахъ тети Жени всегда какъ можно больше людей должны принимать участіе, — такая ужъ привычка барская. Подниметъ на ноги всѣхъ докторовъ въ городѣ... взбаламутатъ вновь старыя, давно улегшіяся сплетни да праздные пересуды вокругъ дорогого несчастнаго имени... Какъ разно люди любятъ и проявляютъ свои привязанности!..

Заснуть Дина больше не могла.

Небо чуть-чуть свѣтлѣло. Очертанія сада проступали смутно, затушеванныя туманомъ, неуловимымъ, пока его не озаритъ солнце. Въ этомъ сѣромъ ровномъ полусвѣтѣ безъ тѣней есть что-то невѣроятно унылое или строгое, смотря по настроенію...

Отважныя рѣшенія вчерашняго дня вдругъ покажутся безумно самонадѣянными... надежды несбыточными... желанія поблекшими... Разгоряченныя думы безсонной ночи остываютъ. Самыя счастливыя сердца въ эти минуты бьются равнодушно... жизнь лишена красокъ, какъ и готовый народиться день. Короткій предразсвѣтный часъ печальнѣе даже глубокаго вечера: въ немъ нѣтъ отдыха.

Дина все-таки прилегла, не раздѣваясь, на кровати, чтобы не начинать такъ рано новаго дня. Зачѣмъ?.. Ждутъ ее только горе, обиды и тревога. Она старалась не раздражаться—не осуждать... думать только о матери, съ покорной печалью, какъ о мертвой...

Но вдругъ, безъ всякой связи (отъ какого-то внутренняго толчка), въ память ея ворвалась вся цѣликомъ сегодняшняя сцена въ сѣняхъ школы... И точно дуновеніемъ отмело все другое.

Собственныя слова, горячія и увлекательныя, обдали испугомъ... Глядитъ на нее загорѣвшійся властный взоръ на блѣднѣющемъ лицѣ...

Дѣвушка приподнялась и сѣла на кровати. Сердце глухо колотилось.

„Что я могу обѣщать!? — спрашивала она себя въ ужасѣ:— дружба! Да развѣ для него могутъ имѣть значеніе слова—названія?!“

Онъ и для собственнаго чувства не искалъ имени. Теперь, въ этомъ безотрадномъ настроеніи, казалась совершенно излишней всякая „экзальтація“ (она такъ это назвала). Вмѣсто какихъ-то зароковъ дружбы слѣдовало говорить трезво только о дѣлѣ, о фактахъ.

Но длилось это не долго.

Стоило прозвучать въ памяти страстнымъ словамъ Савелія: „тогда, стало быть, конецъ пришелъ—и думаете, пожалѣю я?!“... „пусть всей моей жизни сколько-то дней остается“—стоило воскреснуть впечатлѣнію голоса, произносившаго эти слова—и стыдно Динѣ стало не той „экзальтаціи“, а вотъ этихъ малодушныхъ своихъ колебаній: предразсудочнаго страха шагнуть безповоротно дальше готовыхъ рамокъ, куда жизнь укладывается сама собой, безъ усилія.

Да ей-то чѣмъ дорожить въ этихъ рамкахъ?! Что можетъ она поставить на ряду съ долгомъ въ эту минуту поддержать въ человѣкѣ бодрость, оживить вѣру?..

Не подвигъ какой-нибудь съ такой подготовкой, какъ у Савелія, добраться до темной труженической дороги сельскаго учителя! „И будемъ съ нимъ попутчиками!“ думала Дина, успокаиваясь отъ пронесшагося волненія, теперь уже непоколебимо увѣренная, что каяться ей ни въ чемъ не нужно.

Непосредственное чувство выводитъ на вѣрную дорогу, вопреки всему, что сбиваетъ и тянетъ назадъ; такъ было неизмѣнно во всѣхъ ихъ встрѣчахъ послѣ разразившагося скандала.

Какъ только взошло солнце, Дина встала и пошла купаться. Такое же сіяющее и поющее утро, какъ и на другой день пріѣзда Сани, приняло ее въ теплыя, трепетныя объятія—жизни природы, гдѣ все неуклонно и несомнѣнно, гдѣ бьется и терзается въ вѣчной схваткѣ съ самимъ собою только нашъ мятежный духъ.

Дина купалась долго и вышла изъ озера свѣжая и бодрая отъ принятыхъ рѣшеній . . . .

Зато Евгенія Петровна и Саня поднялись только къ завтраку.

Маша, одѣвая свою барыню, доложила, что молодой баринъ дожидаются на террассѣ, одни кушать не желаютъ.

— А барышня?—спросила генеральша.

— Ихъ дома нѣтъ. Гуляютъ, должно быть... Очень ужъ рано вставать привыкши...

— Да вѣдь пора завтракать!..

— Развѣ въ школу не сбѣгать ли поглядѣть?..—предложила невинно Маша.

— Что за вздоръ, какая въ каникулы школа!

— Дѣвочка Ларисы Ивановны, Палашка, видѣла... вчера долгое время въ школѣ съ этимъ, съ Савеліемъ разговаривали... Такъ не мудрено что и сегодня...

Евгенія Петровна вспыхнула подъ розовой пудрой.

...Ужъ если за барышней изъ дѣвичьей слѣдятъ—стало быть, пора и имъ знать что-нибудь!..

Несомнѣнно, что умная горничная—одна изъ самыхъ важныхъ статей женскаго комфорта; но зато съ нею сплошь и рядомъ приходится обуздывать собственные барскіе инстинкты. Евгенія Петровна въ очень рѣдкихъ случаяхъ прямо высказываетъ Машѣ, если она почему-нибудь недовольна ею. Умна—пойметъ и сама... Глупо нужнаго человѣка третировать, точно врага, ради удовлетворенія минутной досады.

Маша мгновенно почувствовала, что барыня сильно задѣта; а такъ какъ и сама Маша оскорблена такимъ „афронтомъ" ея генеральшѣ, то она поспѣшила стушеваться, чтобы не мозолить глазъ въ непріятную минуту. Но передъ уходомъ пустила въ ходъ маленькое утѣшеніе.

— Удивительное дѣло, ваше превосходительство, что деревенскій воздухъ дѣлаетъ! Скоро ужъ и вовсе бросить надо пудриться, до того превосходный цвѣтъ лица у васъ сейчасъ!..

И хоть для генеральши совершенно ясенъ маневръ Маши (какъ было ясно для Маши, что барыня подавила въ себѣ желаніе оборвать ее), но все-таки маневръ этотъ заставилъ ее бросить взглядъ въ зеркало и воспринять пріятное впечатлѣніе...

Саня успѣлъ достаточно выспаться и „отойти" послѣ нервозности послѣднихъ дней. Это онъ придумалъ завтракать на балконѣ. Вѣдь при Ларисѣ даже и это считается лишними хлопотами, праздной затѣей, какъ всякое уклоненіе отъ разъ навсегда установленнаго режима.

На балконѣ чудесно пахло подкошенной травой на садовыхъ лужайкахъ и горячими молочными булочками, испечеными къ кофею кухаркой по ея собственному почину.

Какъ ни трагична разразившаяся катастрофа, и хоть старую барыню окружала единодушная неподдѣльная жалость —однако теперь все отодвинуто было на второй планъ событіемъ столь необычайнымъ, какъ отъѣздъ на нѣсколько дней изъ дому Ларисы Ивановны.

Выразилось это въ общемъ какомъ-то броженіи. Никто не собирался прямо уклоняться отъ своихъ обязанностей; однако въ привычный распорядокъ жизни сейчасъ же неудержимо проскольз-

нули кое-какія мелочи личныхъ вкусовъ и настроеній: все то, что систематически преслѣдовалось и искоренялось суровой хозяйкой Зажоръ, какъ ненавистная душѣ ея „самовольщина". Ларисѣ Ивановнѣ недостаточно того, чтобы дѣло сдѣлано было хорошо; нѣтъ, она требовала, чтобы все до мельчайшихъ подробностей исполнялось не иначе, какъ по установленнымъ ею способамъ и пріемамъ. Ей нужно, чтобы люди ежеминутно чувствовали себя рабами дѣла, которое ихъ кормитъ, и которое она упорно считала не работой, а благодѣяніемъ. Теперь каждому хотѣлось перевести духъ—сдѣлать хоть что-нибудь по своему.

Въ первый же вечеръ стряпуха никого не могла собгать къ ужину въ урочный часъ; такъ всѣ и поѣли въ разбродъ, кому когда пришлось. Зато до поздней ночи на крылечкѣ людской избы не могли кончиться разговоры да гормоники. Старая Домна, оставленная за старшую на мызѣ, цѣлый день ломала голову, соображая, какъ бы ей такъ ухитриться, чтобы отпустить по очереди всѣхъ, кто у нея Христомъ Богомъ отпрашивался сбѣгать „по своему дѣлу" куда нибудь на деревню. У всѣхъ оказались внезапныя неотложныя дѣла, и Домна никому не считала возможнымъ отказать.

Илья, вернувшись изъ города, напился и проспалъ сутки на сѣновалѣ; но, точно по уговору, кто-то въ это время справлялъ его дѣло, и въ господскомъ домѣ ничего про то не узнали. Кухарка извела въ два дня столько провизіи, сколько должно хватить на четыре, и, наконецъ, напекла къ кофе „генеральскихъ" булочекъ.

Столъ на балконѣ имѣлъ видъ именинный. Студентъ самъ помогалъ Домнѣ и Дуняшѣ; Санѣ стыдно было передъ старой нянькой за вчерашнее и потому онъ былъ особенно ласковъ и веселъ.

Но скоро старуха хлопотала одна: Дуняша, отряженная розыскать, гдѣ знаетъ, барышню, вихремъ неслась по тропинкѣ къ озеру, приглядываясь изъ-подъ ладони къ чернѣющей на водѣ лодочкѣ. Никакъ, это своя, мызная?..

Въ этотъ сіяющій день завтракъ на балконѣ глазъ на глазъ съ милой тетей Женей могъ бы быть очаровательнымъ отдыхомъ послѣ всѣхъ бурныхъ событій, еслибъ на душѣ юноши не лежали камнемъ невѣроятныя Динины дѣла. Не одинъ ужъ разъ Саня каялся въ своемъ легкомысліи: вѣдь тогда, на утренней прогулкѣ, что-то Дина собиралась разсказать ему. Кто же зналъ! Онъ былъ увѣренъ, что это касается вѣчнаго препирательства сестеръ изъ-за школы. Поглощали собственныя пріятныя впечатлѣнія—въ душѣ еще бродили отголоски неостывшихъ ощущеній—мысли...

Теперь не было возможности думать сколько-нибудь хладнокровно.

Сегодня въ первый разъ Евгенія Петровна занялась собою, какъ должно, зато она и вышла изъ своей комнаты вновь помолодѣвшая на десять лѣтъ. Кисейный капотъ съ волнами желтаго кружева, схваченнаго въ нѣсколькихъ мѣстахъ сверкающими стразовыми пряжками, въ одно и то же время скрадываетъ и обрисовываетъ фигуру съ тѣмъ артистическимъ разсчетомъ, который дается только женщинамъ, цѣлую жизнь изощряющимся въ комбинированіи всѣхъ мельчайшихъ данныхъ собственной внѣшности. Въ изящной сѣрой прическѣ точно невзначай запутался пучочекъ полевыхъ колокольчиковъ и ромашки: это горничныя дѣвушки, Маша съ Дуняшей, принесли вчера съ прогулки огромный пестрый букетъ для генеральши. Другой такой же пучочекъ, засунутый за бѣлую ленту пояса, выглядывалъ изъ-подъ тонкаго кружева.

Ça donnait une jolie note a la toilette, — и Евгенія Петровна не воздержалась отъ маленькой игривости. Она, безъ сомнѣнія, не сдѣлала бы этого, еслибъ и сегодня ей предстоялъ завтракъ подъ предсѣдательствомъ Ларисы.

Но настроеніе было испорчено докладомъ Маши. Евгенія Петровна и на балконъ пришла со слѣдами гнѣвнаго румянца, что̀, впрочемъ, еще больше молодило ее.

Саня въ восхищеніи припалъ къ ея рукамъ, извиняясь, что онъ потревожилъ ее ночью. Отдохнула ли она?

— 'A la bonne heure! Наконецъ-то, догадались накрыть на воздухѣ! Ce serez vous, par hasard? Хвалю, хвалю...

Она приласкала его бархатными глазами.

Саня сіялъ. Къ тому же и аппетитъ давалъ себя знать; за эти мучительные три дня Евгенія Петровна ни разу какъ слѣдуетъ не пообѣдала. Кто-то, очевидно, имѣлъ это въ виду, приготовляя сегодняшній завтракъ... Врагъ ея, старая Домна! А племянница милая не признаетъ самыхъ элементарныхъ правилъ гостепріимства. Совсѣмъ одичала. Придется сегодня, тутъ же за завтракомъ aborder la question...

„Какъ молодежь беззаботна!“ думала съ завистливымъ чувствомъ тетя Женя, слушая болтовню юноши, который старался вызвать ее изъ ея задумчивости.

— A propos... Лариса распорядилась, чтобы выслать за ней экипажъ?—спросила Евгенія Петровна.

— Ха! Неужели вы думаете, что Лариса Ивановна въ состояніи была бы пережить такую аномалію, какъ почтовая тройка!

— Eh bien... alors?

Саня лукаво подмигнулъ:

— Завтра. Однако, такъ какъ часъ не предусмотрѣнъ... имѣя въ виду жару etc., etc, я полагалъ бы, что мы имѣемъ возможность истолковать это въ смыслѣ вечера. Не правда ли?

„Послѣзавтра, стало быть", сообразила тетя Женя съ облегченіемъ.

Главное—за ѣдой надо всѣ досадныя мысли отложить въ сторону. Евгенія Петровна давно уже приняла это за правило, убѣдившись на опытѣ, какъ это вредно отзывается на самочувствіи и портитъ цвѣтъ лица.

...Интересно позондировать этого мальчика, съ задорными усиками, съ темнымъ пушкомъ около ушей, придающимъ такую изящную утонченность юнымъ лицамъ. Лесковые и веселые черные глаза напоминаютъ, пожалуй, ея собственные, только сіяютъ они яснымъ блескомъ первой молодости, еще не извѣдавшей разъѣдающихъ душевныхъ бурь...

„Однако, съ какой стати, въ сущности, нашъ Саня учится въ Петербургѣ, а не въ Москвѣ!?" задала себѣ впервые этотъ вопросъ тетушка Евгенія Петровна.

Студентъ отъ ея вопроса такъ и подскочилъ на своимъ мѣстѣ. Всѣ резоны, заставившіе его два года назадъ выбрать петербургскій университетъ, въ эту минуту показались не заслуживающими даже разговора.

— Рѣшено! Перехожу нынче же въ Москву!—хлопнулъ онъ себя побѣдоносно по колѣну.

— Вотъ и отлично,—кивнула она головой.

Онъ странно смотрѣлъ на нее.

— Но... можетъ быть, въ Москвѣ мнѣ предстоитъ только затеряться въ толпѣ вашихъ поклонниковъ??

Тетя Женя снисходительно смѣялась, слегка откидывая голову, отчего розовые колокольчики дрожали въ ея волосахъ.

— Вотъ, вы смѣетесь! А вѣдь у меня въ Питерѣ завелись кое-какія связи—товарищи. Въ Москвѣ—какъ перстъ.

— Но развѣ я тебя звала? De grâce!

— А-а! Такъ значитъ, вы не зовете меня—нѣтъ?

— Я же не могу обѣщать тебѣ... не знаю! какія-то связи...

Саня вспыхнулъ, какъ барышня.

— Ахъ, вовсе нѣтъ, пожалуйста! Вовсе я ничего не хотѣлъ сказать... Очень понятно—курсистки, кружки...

— И всего этого, ты думаешь, нѣтъ въ Москвѣ? Voyons, mon petit, parlons raison. Если ты поселишься у меня, то этимъ многое упрощается. Втягиваться въ мою жизнь, конечно, тебѣ сѣтъ надобности, да и скучно покажется... Ты ничѣмъ не будешь нтѣсненъ.

Саня смотрѣлъ въ ея ласковое лицо, не зная самъ, что онъ

испытываетъ... Что-то грѣющее и манящее послѣ непріютнаго одиночества петербургскихъ грошовыхъ меблировокъ.

Дорогой изъ города студентъ уже порѣшилъ, что на будущее лѣто придется подыскивать кондицію—въ Зажоры онъ ни за что не пріѣдетъ. Да, безъ сомнѣнія, все превосходно „упрощается“ неожиданнымъ предложеніемъ симпатичной тетушки.

„Она и урокъ достанетъ стоющій — знакомство-то какое! Вообще Москва!“ думалось смутно, но весело, съ подмывающимъ задоромъ новизны.

...„Это оживитъ домъ и ни въ чемъ не можетъ меня стѣснить“, думала, въ свою очередь, Евгенія Петровна.

...Какъ ни много у нея преданныхъ друзей,—послѣ всего наступаетъ такая минута, когда остаешься совсѣмъ одна и никому до тебя нѣтъ дѣла. А болѣзни, усталость, хандра! Вѣчно искать, привлекать, устраивать... сколько это требуетъ силъ, и, въ концѣ концовъ, какое убійственное однообразіе! Но попробуйте только перестать *стараться*—и все хлынетъ мимо. Только позвольте третировать себя за старуху — ah, on ne demande pas mieux! Все держится усиліемъ, престижемъ... Вотъ такая неподдѣльная, животрепещущая юность тутъ же дома, у себя...

„Cela me rechauffera un peu mon pauvre coeur“,—думала она съ блуждающей улыбкой.

Однако, заманчивая импровизація обсуждалась на балконѣ весело, но пока все еще полушутливо. Жутко такъ внезапно связать себя... Евгенія Петровна не то поддразнивала племянника, не то хотѣла что-то вывѣдать своими шутками.

...Что если характеръ у Сани окажется такой же воинственный, какъ у его сестрицъ? Она самый мирный человѣкъ на свѣтѣ... s'il allait la brutaliser?.. Чего добраго у него такіе же демократическіе вкусы, какъ у Дины? Пожалуй, онъ начнетъ ополчаться на роскошь и барство... puisqu'elle n'aimait que ça!

Саня очень удачно парировалъ нападенія въ томъ же тонѣ: не будутъ-ли его держать на положеніи bébé и высылать изъ комнаты въ самые интересные моменты? Будетъ-ли ему позволено ревновать, хотя бы въ самыхъ исключительныхъ случаяхъ?

— Mais vous divaguez, mon petit! Откуда вы можете знать такія слова?!

— Вотъ, вотъ! Я это предчувствовалъ!!..

Тетя Женя строго качала розовыми колокольчиками.

На залитой солнцемъ площадкѣ передъ балкономъ прыгали воробьи. Два самыхъ дерзкихъ расхрабились настолько, что добрались уже до половины лѣсенки. Саня, среди восхитительнаго состязанія, слѣдилъ за ними глазами охотника и бросалъ хлѣбныя крошки. Воробьи спархивали внизъ, но сейчасъ же снова

кидались на добычу, и вся стая, толкаясь и чирикая, перепархивала все ближе.

Солнце добралось до кресла тети Жени и сильно припекало ей правое плечо. Но она сегодня терпѣлива къ жарѣ, ей нравится солнце...

Домна то уходила съ балкона, то вовращалась; она варила кофе по-своему, какъ любитъ генеральша, и прислушивалась къ веселому разговору.

„Связался чортъ съ младенцемъ... прости Господи!“ думала сердито старуха, обиженная такой веселостью „не во времени“.

Дуняша только-что прибѣжала назадъ съ озера. Барышня въ лодкѣ далеко была отъѣхавши, пока-то она докричалась, да домахалась. Дуняша божилась, что барышня слѣдомъ за ней домой будетъ, лодку только къ мѣсту отведетъ.

Генеральшина Маша, отъ скуки дружившая съ Дуняшей, съ любопытствомъ поджидала ее въ сѣняхъ и сейчасъ же на смѣхъ подняла за такое легковѣріе.

...Еще бы! Станетъ барышня одна-одинешенька на водѣ печься въ такую жарынь, была неволя! Побывала, гдѣ ей надо было — и все. Въ деревнѣ-то, небось, въ каждомъ дворѣ своя лодка есть... На островкахъ на этихъ причудесное гулянье должно быть, если чтобы отъ чужихъ глазъ подальше...

Дуняшѣ смерть стыдно, что она такая дурища, ничего-то не можетъ сама отгадать... подумала еще: что за сласть на такомъ припекѣ съ лодкой ворочаться?

Столичная франтиха на каждомъ шагу побивала туземцевъ своей пронзительной догадливостью и многоопытностью. И именно отъ этого московская жизнь начинала представляться простодушной Дуняшѣ чѣмъ-то совершенно необычайнымъ, страшнымъ и соблазнительнымъ.

Домна едва не выронила изъ рукъ кофейника, когда, входя на балконъ, услыхала, какъ говоритъ Евгенія Петровна:

— Я тебѣ отдамъ кабинетъ... Можешь думать, что мнѣ нѣтъ надобности въ кабинетѣ! Разъ въ мѣсяцъ вручить деньги управляющему—эта обязанность перейдетъ къ тебѣ вмѣстѣ съ кабинетомъ. Пріучайтесь, другъ мой, къ дѣловитости, это полезно...

„Ахти батюшки, да что такое? Рази его жить къ себѣ беретъ? А Динушка какъ же... Обоихъ нѣшто возьметъ?.. Расщедрится...“ волновалась старая нянька.

Внезапная фантазія все болѣе и болѣе облекается въ реальныя формы и все сильнѣе захватываетъ тетю Женю. Быть можетъ, этотъ новый, еще неизвѣданный интересъ, способенъ вдохнуть новую душу въ ея безцѣльное, пресыщенное существованіе?.. Ей казалось, что уже нельзя внести въ него ничего свѣжаго,—

все извѣдано, выдохлось... ускользаетъ! И нѣтъ даже энергіи оплакивать, приходить въ отчаяніе. „C'est de la mélancolie résignée", говорила она своимъ вѣрнымъ поклонникамъ.

Она еще не знала, что то была первая ступенька старости, когда кажется, что *не хочешь* и только потому *не можешь;* когда самъ не вѣришь унылымъ словамъ, которыя почему-то начинаешь произносить все чаще и чаще... Еще черезчуръ близко то время, когда такія слова вовсе не приходили на умъ. и потому они намъ кажутся произвольными. На этой первой ступенькѣ еще есть свой специфическій интересъ новизны... On pose pour la vieillesse, съ розовыми щеками и изысканной напудренной прической!

Всю безотрадную унылость своей „mélancolie résignée" женщина эта почувствовала только въ ту минуту, когда ее пронизало слишкомъ знакомое ощущеніе воскресающей жизненной энергіи. Ей уже грезилась умилительная душевная близость съ этимъ юношей—близость, которая не можетъ быть ни любовью, ни дружбой, ни докучнымъ родительскимъ менторствомъ. Чтó это будетъ—она не знала... Чувствовала только, что въ ея эгоистичной бездѣтной судьбѣ еще впервые молодость подходитъ къ ней такъ близко. И все ея существо взволновано этимъ...

X.

По ступенькамъ балкона, спугнувъ дерзкихъ воробушковъ, поспѣшно поднималась Дина. Она запыхалась отъ быстрой ходьбы; хоть Дуняша и увѣряла, что изъ города никто не пріѣзжалъ, но вѣдь Дуняша могла и не знать...

Оживленныя лица и веселые голоса разсѣяли ея страхъ.

— Nous voici enfin! Однако, ты совсѣмъ не имѣешь обыкновенія завтракать?..—спросила тетя Женя, по обыкновенію, такъ... такъ мягко, что дѣвушка выслушала это, какъ самую утонченную шпильку.

— Здравствуйте, ma soeur!

Другой голось произнесъ за ея спиной въ тотъ же тонъ. Но это было такъ неожиданно—тонъ до такой степени чужой—что Дина безсознательно перевернулась и поглядѣла большими растерянными глазами.

Она не отвѣтила и сейчасъ же присѣла у самовара, гдѣ только что стояла Домна.

...Чему-то она помѣшала своимъ приходомъ... имъ было тутъ отчего-то весело...

Съ внезапной силой въ сердцѣ ея поднялось желаніе скорѣе, какъ можно скорѣе, со всѣми здѣсь покончить—вырваться на волю.

Дина положила на тарелку простывшей яичницы и начала ѣсть, чувствуя, какъ ее разглядываютъ съ другого конца стола.

На ней надѣто было все тоже голубое платьице, изъ котораго она какъ будто выросла; ситцевый платочекъ, подходя къ балкону, она перевязала съ головы на шею. Тяжелыя косы каштановыхъ волосъ золотились на солнцѣ своими оригинальными переливами двухъ тѣней, волнуясь надо лбомъ короткими серебристыми прядками. Это придаетъ какую-то причудливую изысканность, точно опаленной солнцемъ, тяжелой головкѣ. Какъ два темныхъ крыла разлетаются длинныя упрямыя брови; густыя рѣсницы золотятся на солнцѣ.

Евгенія Петровна разглядывала съ досаднымъ чувствомъ мастера, который видитъ, какъ чудный матеріалъ пропадаетъ въ бездарныхъ рукахъ.

Санѣ было стыдно линючаго платья. Ужъ, конечно, тетушкина горничная въ такомъ видѣ не покажется въ люди! Быть не можетъ, чтобы не нашлось ничего хоть посвѣжѣе по крайней мѣрѣ, чтобы не мозолить чужихъ глазъ.

Прошлымъ лѣтомъ юный студентъ не обращалъ никакого вниманія на то, въ какомъ видѣ щеголяетъ его сестренка; теперь это казалось какимъ-то маскарадомъ дурного тона—вызовомъ, рядомъ съ изящными кисейно-кружевными туалетами другой женщины.

Домна принесла изъ кухни разогрѣтую котлетку, сунула ее вмѣсто холодной яичницы и опять ушла съ балкона.

Тетя Женя сказала себѣ, что пришла минута „aborder la question“—все равно, вѣдь не минуешь! По своему обыкновенію мягко, не повышая тона, она сказала, что завтра должны быть высланы лошади за Ларисой; поэтому, пока они одни, не находитъ ли Дина нужнымъ дать брату и ей какія-нибудь объясненія? Тогда все спуталось—было, конечно, не до чего!—но должна же Дина войти и въ ихъ положеніе.

...О, какъ хотѣлось Динѣ быть въ эту минуту глазъ на глазъ съ Саней, объясняться съ нимъ однимъ! Оскорбилъ и считаетъ себя въ правѣ! Можетъ смѣяться, любезничать съ этой старой кокеткой... Польщенъ—ослѣпленъ роскошными тряпками! Но какъ же Саня посмѣлъ поздороваться съ нею—вотъ сейчасъ—шуткой! Точно ни въ чемъ не бывало... Какъ онъ смѣлъ?..

Дина судорожно стискивала дрожащія руки, чувствуя, какъ горячія волны заливаютъ ей грудь и голову.

...Нѣтъ, нѣтъ... не передъ этой дамой въ кружевахъ и стекляшкахъ, когда сестру—*обожаемую*—только что отвезли въ сумасшедшій домъ... Ни ея горя, страха, ни обиды—ничего, ничего они не увидятъ. Пусть онъ получитъ столько же, какъ эта чужая! если не другъ—не прежній милый Санька...

Дина пробормотала что-то несвязное: она сейчасъ — сію минуту она вернется къ нимъ... И бросилась съ балкона въ комнаты.

Студентъ тоже вскочилъ со стула и машинально (ноги сами понесли) спустился по ступенькамъ въ садъ.

...Чортъ знаетъ, съ чего вдругъ сорвалось съ языка! Настроеніе... Угорѣлъ отъ счастливыхъ плановъ... Вдругъ надежда мелькнула шутя стряхнуть и всю ту чепуху.

Теперь онъ бѣсновался на себя, пристыженный взглядомъ Дины. Въ первый разъ съ этого лица на него глядѣли суровые и непроницаемые, чужіе глаза...

Евгенія Петровна осталась одна на балконѣ. Она не спѣша налила себѣ чашку простывшаго чая; бокъ уже покалываетъ — конечно, столько волненій не пройдетъ даромъ! Совсѣмъ плохо объясненіе начинается. Съ необузданностью Дины Богъ знаетъ, до какихъ дикостей можно дойти...

Впрочемъ, въ эту минуту тетушку противъ воли отвлекало ея восхищеніе передъ оригинальной красотой дѣвушки.

...Вотъ сейчасъ, въ янтарномъ колоритѣ солнечныхъ лучей сквозь бѣлый холстъ, вся вдругъ побѣлѣвшая отъ волненія — картина, смѣло написанная однимъ теплымъ тономъ! Что за удивительные волосы — пестрые! Неужели оттого, что мочитъ ихъ каждый день въ холодной водѣ, а потомъ выжигаетъ на солнцѣ? Выросла какъ репейникъ. А... а!.. вѣчная несправедливость судьбы! Ну, зачѣмъ ей все это? Что Дина смыслитъ въ красотѣ?..

...Будь глаза каріе, въ тонъ волосамъ, какъ это обыкновенно бываетъ — вышло бы банально. Именно! Совершенно неожиданный эффектъ въ томъ, что глаза сѣрые — какіе-то острые... о! до чего, до чего эффектна! Чудное, упрямое лицо... Обломать бы такой репейникъ какъ слѣдуетъ — одѣть по-человѣчески, причесать — да это Богъ знаетъ что вышло бы!.. съ ума сводила бы...

Ощущенія многоопытной львицы двоились... Безкорыстное преклоненіе передъ божествомъ всей жизни смѣнялось безотчетными движеніями какого-то смутнаго чувства. Ah!.. tant pis — угодно культивировать святую безыскусственность дикарей? Увидимъ, на долго ли хватитъ даже и такой роскошной красоты! Кожа уже теперь испорчена — сожжена!

Тетя Женя отчетливо подумала, что она поселитъ въ своемъ московскомъ домѣ веселаго мальчика съ ласковыми черными глазами...

А Дина остановилась въ гостиной, лицомъ къ стѣнѣ, и изо всѣхъ силъ выламывала себѣ пальцы. Изъ-подъ закрытыхъ вѣкъ градомъ лились горячія слезы. Она не шевелилась — слезъ не вытирала, не старалась ихъ удержать.

...Недолго, сейчасъ все кончится... хуже, когда нельзя плакать... Голова прояснѣетъ, и тогда вся застынешь... Сейчасъ! Будетъ совершенно спокойна, что-бы они ни говорили... Только пока—пока... такъ всю ломаетъ!..

Первая фраза допроса хлеснула, точно ударъ по лицу... Закрутилъ этотъ вихрь... съ чѣмъ никакъ нельзя совладать... никакъ!.. . . . .

Евгенія Петровна, одна на балконѣ, пила холодный чай, втягивая съ ложечки черезъ зубы и мысленно комбинировала на разные лады предстоящее объясненіе.

Дина вошла, красная и угрюмая. Сейчасъ же сѣла къ столу. Однимъ взглядомъ она охватила балконъ и площадку, гдѣ все еще прыгали воробьи...

...Ушелъ!

...Правда. Когда отхлынетъ первый ослѣпляющій порывъ—точно сломитъ—въ ту минуту уже ничего больше нельзя прибавить. Все равно.

„Ушелъ... Тѣмъ скорѣе все кончится." подумала Дина равнодушно.

Евгенія Петровна ласково спросила, не хочетъ ли Дина холоднаго чаю?.. Чай поднимаетъ нервы. Главное, не надо принимать такъ горячо къ сердцу. Дина сама видитъ, что она ждетъ ея объясненій и до тѣхъ поръ ни о чемъ не хочетъ судить.

— Господи! да неужели еще и теперь не все ясно?!—стремительно заговорила Дина: — надѣюсь, вы сами убѣдились, что намъ нельзя жить съ Ларисой — я не хочу! Пусть мнѣ дадутъ возможность какъ-нибудь просуществовать, пока я получу школу—больше мнѣ ничего не надо—навсегда. Поддержите меня въ этомъ, если вы хотите какъ-нибудь помочь!

— Какая школа?! Ты совсѣмъ не о томъ говоришь...

— Земская школа. Я буду народной учительницей, это дѣло я люблю и могу. Только вотъ теперь, пока добьюсь мѣста.

Евгенія Петровна, неожиданно сбитая съ позиціи, нетерпѣливо повернулась къ саду.

По ступенькамъ медленно поднимался съ площадки студентъ.

— Саня, entendez vous?—твоя сестра собирается въ сельскія учительницы—существовать на триста рублей... Онѣ получаютъ, если не ошибаюсь, всего триста рублей?

Студентъ не пошелъ дальше лѣстницы. Онъ прислонился къ деревянной коллонкѣ, какъ разъ напротивъ мѣста Дины.

— И давно ты рѣшила, что твое призваніе—быть народной учительницей? не потому ли ты и своей школой такъ увлекалась?—выговаривалъ онъ медленно и пронзительно, съ паузами.

Дина смотрѣла ему прямо въ лицо своимъ тяжелымъ взглядомъ, потемнѣвшимъ отъ слезъ.

— Зачѣмъ тебѣ это знать?—почему—давно ли,—какое тебѣ дѣло!?

Даже Евгенія Петровна потеряла хладнокровіе:—Богъ знаетъ, что это такое! Какъ это вдругъ никому не должно быть дѣла до ея поступковъ—до ея судьбы! Что это за понятія?

Ларису она считаетъ своимъ врагомъ оттого, что та не можетъ смотрѣть равнодушно на... на вещи... очень странныя вещи, однако-жъ, нельзя же этого отрицать!

Теперь Саня... Съ какихъ поръ она и съ братомъ тоже враждуетъ?—C'est du nouveau ça.

Дина еще нѣсколько секундъ не отводила глазъ, точно ждала, не скажетъ ли онъ чего-нибудь на слова тетки.

— Онъ меня понимаетъ,—выговорила она, наконецъ, холодно.

— Еще бы! Понимаю прекрасно, чего тебѣ хочется! Тебѣ угодно, чтобы я былъ на твоей сторонѣ во что бы ни стало?—воскликнулъ Саня запальчиво:—ну, ужъ въ такомъ случаѣ, Надежда Ивановна, вы хоть позаботились бы немножко быть поосторожнѣе... Да-съ! Пусть все одна клевета, что говоритъ Лариса,—я въ этомъ и разбираться-то не хотѣлъ,—знаешь ты это или нѣтъ?! Ну, ужъ, а собственнымъ своимъ глазамъ... хочешь не хочешь... повѣришь!

Сдавило голосъ на послѣднихъ словахъ. Онъ оттянулъ рукой воротникъ кителя и покрутилъ шеей.

— Mon Dieu... Чего еще?! Мнѣ тоже сказали... будто вчера... во флигелѣ...—роняла совсѣмъ тихо, брезгливо Евгенія Петровна, склоняясь головой на руку, чтобы ни на кого не глядѣть.

Дина, безъ кровинки въ лицѣ, переводила глаза съ одного на другую. Такъ долженъ чувствовать человѣкъ, котораго обыскиваютъ.

Евгенія Петровна подняла голову; одна бровь страдальчески вздрагивала. Она выговорила съ усиліемъ человѣка, исполняющаго претящую ему обязанность.

— Alors... Dina? Мнѣ нуженъ отвѣтъ,—какъ тебѣ угодно! Ah... quelle corvée, mon Dieu...

Голосъ дѣвушки зазвучалъ глухо, безжизненно.

...Когда приходится бросить дѣло внезапно, бываетъ необходимо переговорить съ людьми—что въ этомъ такого удивительнаго?

— Ночью?!

— Въ пустомъ домѣ!?

— Не все ли равно? Ночью. Въ пустомъ. Когда случится! Гдѣ можно...

— Въ твоей школѣ было двадцать человѣкъ?

*

Но ее и такъ душила фальшь: вѣдь она вовсе не собиралась выворачиваться—ей ничего не надо прятать.

— Саня! Тебѣ не угодно ли только *припомнить*,—вѣдь ты все знаешь такъ же, какъ я сама!—крикнула она повелительно:—Да, въ школѣ двадцать человѣкъ—только Савелій не то, что другіе, всѣ эти двадцать вмѣстѣ. Я уже не говорю о томъ, что онъ самый способный изъ нихъ — удивительно способный! Тетя Женя, вы должны его помнить: вѣдь это нашъ всегдашній товарищъ, другъ дѣтства.

— Д-другъ дѣт-ства!.. Ха, ха, ха...

Дина вся дрожала.

— Напрасно вы смѣетесь, Евгенія Петровна! Дѣтство одно. Никто не отвѣчаетъ за свое дѣтство. Да и какіе же могли у насъ быть другіе товарищи? Вы забыли... Ну, разумѣется, барчонки какъ уѣхали, такъ и думать о немъ позабыли, — для насъ начиналась новая жизнь. Боже мой! неужели не ясно, что этотъ мальчикъ *не могъ* ничего забыть?!. Ждалъ, мечталъ, жилъ надеждой, что его друзья вернутся — прежніе друзья. Что-жъ, вы оба по совѣсти считаете, что я могла оттолкнуть его? да?.. Или теперь должна его бросить на половинѣ дороги, покинуть на произволъ судьбы?.

— C'est sérieux alors... tout a fait sérieux!..—мелькало испуганно въ умѣ тетушки. Она больше не смѣялась; она слѣдила, совсѣмъ ошеломленная, за игрой молодаго лица, которое такъ плѣняло ее.

— Дина! Что ты хочешь этимъ сказать!? Что это значитъ?.

Студентъ тоже не спускалъ глазъ съ ея лица.

Дина вскочила на ноги.

— О, нѣтъ, довольно, довольно!!. Хотѣла только, чтобы вы поняли—разъ навсегда поняли, что́ именно меня связываетъ съ этимъ человѣкомъ.

— Свя-зываетъ!.. décidément c'est fou... fou!.. Значитъ, все правда?! Эта ужасная исторія—свиданія...

Но Дина уже не слушала. Она бросилась прочь съ балкона, не обращая вниманія на ихъ крики, протесты, мольбы.

Саня до самой двери бѣжалъ за ней, требуя, чтобы она вернулась . . . .

Дина быстро повернула ключъ, точно она боялась, что онъ ворвется за ней въ ея комнату—что ее насильно принудятъ говорить—ворвутся также и въ ея душу... Она невѣроятно страдала и отъ того, сколько принудила себя сказать имъ.

— Совсѣмъ, совсѣмъ ничего не надо... зачѣмъ? Какая польза?! Не нужно было... подлая трусость!—возмущалась она теперь на себя, стискивая зубы.

Глухая стѣна сомкнулась, отдѣлила навсегда отъ всего прежняго.

Это ощущеніе конца сразу отрезвило ее. Она почувствовала знакомую остроту мысли, когда все лишнее, спутывающее, отпадаетъ. Когда вдругъ станетъ легко рѣшаться и дѣйствовать. Въ головѣ ощущеніе жженія, во всѣхъ членахъ легкость и гибкость... Что-то похожее на чувство веселья, все равно чѣмъ бы ни вызывался этотъ подъемъ.

Въ полчаса Дина перевернула вверхъ дномъ свою комнату. Необходимое сейчасъ съ собою взять, а остальное на сохраненіе Домнѣ оставить.

И деньги пока взять у Домны, сколько найдется (у Домны есть деньги!), только бы теперь не начинать никакихъ переговоровъ съ Ларисой...

Все это у Дины обдумано во время купанья; и то, что къ Варварѣ Прибыткиной она можетъ явиться безъ всякихъ предупрежденій. Сознаніе, что она долго ни съ кѣмъ изъ своихъ не увидится, успокоивало ее. Она отправилась въ комнату Домны, увѣренная, что найдетъ старуху за работой: какъ разъ время такое, между завтракомъ и обѣдомъ.

Старая нянька жила рядомъ съ комнатой Анны Петровны. Ея узкая келейка заставлена старинными сундуками, на которыхъ всегда разложены груды бѣлья, требующаго починки; въ комнатѣ установился даже особенный хорошій запахъ мытаго полотна. Со стола передъ окошкомъ никогда не исчезаетъ начатая работа, и старуха присаживается за нее во всякую свободную минутку.

Старые глаза Домны давно утратили прежнюю зоркость, давно слезятся и краснѣютъ отъ мелкаго штопанья,—но этого никто не замѣчаетъ. Домна разъ навсегда „приставлена къ бѣлью" и она продолжаетъ дѣлать свое дѣло, съ той разницей, что бѣлыя груды все дольше залеживаются на старыхъ сундукахъ.

Вотъ и теперь, Домна успѣла уже освидѣтельствовать тощій чемоданчикъ студента и почти цѣликомъ перетащила его содержимое въ свой уголъ, ругая петербургскихъ прачекъ и квартирныхъ хозяекъ: ишь, у нихъ „руки отвалятся" приглядѣть за мальчикомъ!..

Дина открыла дверь няниной комнаты и въ тотъ же мигъ кто-то шарахнулся на нее изъ угла.

— Барышня! Счастье какое! Слава тебѣ Господи! Сижу тутъ, сама не знаю, какъ и быть... Забилась, словно мышка, дохнуть не смѣю. Не идетъ крёстненькая, да и полно!..

Это была Анютка. Она то цѣловала ей руки, то принималась креститься размашистымъ пугливымъ жестомъ, какъ кре-

стятся крестьянскія дѣти. Жалобная рожица выглядывала изъ большого платка, надвинутаго на лобъ; темныя жесткія ручонки были совсѣмъ холодныя.

— Анюта, что ты? Съ чего напугалась такъ? Не въ первый разъ къ крестной пришла, кто же смѣетъ... Глупая какая! — успокаивала ее Дина, чувствуя въ то же время, какъ волненіе невольно сообщается и ей.

Анютка расхрабрилась, высунула носъ за дверь поглядѣть, нѣтъ-ли кого въ коррндорѣ, но Надежда Ивановна вдругъ разсердилась: взяла ее за руку и, не говоря ни слова, отвела въ свою комнату. Въ корридорѣ никто не встрѣтился.

Какъ только барышня повернула ключъ, дѣвочка сейчасъ же стащила съ головы мамкинъ платокъ,—точно вылѣзла изъ засады. Она уже сіяла лукавыми голубыми глазами и мелкими блестящими зубами. Внезапный переходъ отъ страха и растерянности въ собственную комнату Надежды Ивановны приводилъ Анютку въ восхищеніе, а такъ какъ два ощущенія не могутъ совмѣщаться рядомъ въ ея непосредственной душѣ, то на минуту Анютка совсѣмъ забыла про свою „бѣду"; она любопытно разглядывала странный безпорядокъ комнаты.

— Убиралась, видно?.. Велите мнѣ подсоблять, небось я умѣю!— предложила она.

— Спасибо тебѣ. Да только пока нечего дѣлать, надо прежде съ чердака сундукъ принести.

Анютка уставилась испуганными глазами въ ея лицо и громко задышала черезъ носъ.

Дина начинала уже думать, что встревожилась напрасно,— мало-ли зачѣмъ Анютка бѣгаетъ къ крестной! Но, вотъ, дѣвочка громко всхлипнула, разъ-другой и вдругъ, точно подшибленная, распласталась на полу у ея ногъ.

— Барышня, родиминькая, заступница наша!.. — заголосила она.

— Тс... тише!.. тише!.. Этакъ весь домъ сбѣжится, коли ты завыла,—унимала Дина, стараясь поднять ее съ пола.

Но Анютка уцѣпилась за ея платье и безсвязно причитала въ перемежку съ отчаянными подвываніями.

— Это ужъ какъ Богъ святъ... Савелій совсѣмъ ушелъ! Своими глазами видала! Что съ нимъ бу-у-детъ-то, барышня родименькая!.. Вотъ, какъ изловятъ его, безпачпортнаго, да какъ въ острогъ засадятъ, все равно, какъ Ваньку Косого... У-у-у! Послѣ еще въ волостномъ драли, а онъ опять убѣжалъ, Ванька... Такъ и про... про-па-а-алъ!.. Кто за него теперь заступится?.. Господи!.. Что они съ нимъ сдѣ-ла-а-ютъ!..

Наконецъ-то, Анютка могла кому-нибудь излить страхъ, на-

роставшій въ ея сердечкѣ со вчерашняго вечера, когда она подглядѣла сборы Савелія.

...Никому словечка одного не проронила... Мамка испугается, все равно къ отцу же кинется, а еще-то кому и сказать?

Дина старалась возстановить изъ безсвязныхъ разсказовъ картину случившагося.

Дѣвочка видѣла, какъ отецъ съ Савеліемъ вернулись съ поля „переругавши". Дорогой кричали о чемъ-то, не понять—больно бранились! А тутъ сряду Савелій влѣзъ на сѣновалъ и обѣдать не пошелъ. Отецъ похлебалъ сколько-то ложекъ и не сталъ ѣсть... Слова не промолвилъ. Мамка-то все вздыхаетъ, вздыхаетъ... Отецъ грозно такъ поведетъ бровями, а она и отойдетъ къ печкѣ... Молчитъ, Александра, словно отъ блохъ на лавкѣ вертится—спросить не смѣетъ... Какъ стали убираться, мамка и сунула ей краюху, да два печеныхъ яйца—отнеси, молъ, ему... Тутъ Анютка и увидала, какъ Савелій пожитки въ холщевый мѣшокъ складывалъ. Въ щелку увидала... Какъ вошла, такъ онъ, небось, мѣшокъ въ сѣно засунулъ... Тоже и его рази спросишь? Какъ шуга-а-нетъ! Кубаремъ съ лѣстницы слетѣла... Зло-ой!..

— Куда же онъ пошелъ? — вымолвила задумчиво барышня, недоумѣвая, по какой причинѣ Савелій не прислалъ ей никакой вѣсточки съ сестренкой.

— Въ Проѣздное пошелъ, куда еще!—крикнула одушевленно Анютка: не по большой дорогѣ, а лѣсомъ, черезъ болото... Я, небось, за околицу выбѣжала, да въ кустахъ схоронилась. Думаю себѣ, какъ онъ мимо пойдетъ, тутъ ужъ я увязалась бы за нимъ, не отстала бы, пока не ска... ска-а-залъ...

— Ну, ну?

— Такъ рази угадаешь! Я думала, что онъ... онъ дорогой... пой... пой-детъ...

— Полно тебѣ ревѣть-то, говори толкомъ!

— Я, можетъ, ни... никогда... никогда, можетъ, не уви-и-жу... голу-у-убчи-ка.

Только когда барышня разсердилась и пристыдила, что Анютка реветъ точно пятилѣтняя, дѣвочка кое-какъ справилась со слезами.

...Долго показалось ждать; она вылѣзла изъ кустовъ, чтобы поглядѣть не видать-ли Савелія на дорогѣ, а онъ, гляди-ка, у самаго лѣса. Полемъ — мѣшокъ да ружье за плечами,—такъ и шагаетъ.

Барышня ласково гладила рукой упрямыя кудряшки, заплетенныя туго-на-туго въ толстую, короткую косичку.

— Ну, ну... Что же дѣлать! Все равно, Савелію теперь не до разговоровъ съ тобой.

— Да-а!.. Я хоть бы по... по... про-ща-алась съ нимъ...

— Какое прощанье, коли Савелій не сегодня, такъ завтра домой вернется. Съ чего ты, глупенькая, взяла, что онъ не вернется? Изъ дому уходить будетъ не крадучись...

Анютка изподлобья смотрѣла на нее съ надеждой и сомнѣніемъ.

— Такъ рази добромъ отпустятъ? Какъ же! Самъ знаетъ, небось... По головкѣ не погладятъ!.. Сашка цѣльный день горло деретъ,—они, вишь, съ Никашкой одни за всѣхъ работаютъ. Даже и отца не боится, такъ и зѣваетъ на всю улицу, дурища...

Барышня слушала, задумчиво блуждая среди раскиданныхъ вещей.

На прощанье Дина собрала для Анютки цѣлую связку книгъ и сама проводила дѣвочку черезъ садъ въ рощу.

Анютка божилась, что какъ только Савелій вернется, такъ она сряду прибѣжитъ сказать.

И у Дины не хватило духу предупредить, что дѣлать этого не надо: Анютка уже не найдетъ ее на мызѣ. Довольно наплакалась сегодня! Въ своемъ волненіи Анютка позабыла про барышнины сборы.

XI.

Фельдшерица Варвара Тихоновна Прибыткина не такъ давно поселилась въ селѣ Проѣздномъ, но на службѣ N—скаго земства она начинала свое второе десятилѣтіе. Въ новый участокъ ее перевели изъ города, гдѣ она состояла при больницѣ на сорокъ кроватей; выходитъ, стало быть, что къ своему юбилею фельдшерица, какъ разъ угодила изъ поповъ въ дьяконы.

Однако-жъ, совершилось это умаленіе при такихъ обстоятельствахъ, что даже для самаго простодушнаго жителя было ясно, что тутъ въ сущности не пораженіе, а самая настоящая побѣда. Всякая другая, не Варвара Прибыкина, давно вылетѣла бы изъ N—скаго земства въ силу одного изъ основныхъ принциповъ служебной практики; а Прибыткину водворили въ Проѣздномъ, гдѣ она, по отдаленности пункта, и вовсе отвѣчаетъ за врача.

Очень ужъ дѣятельно и находчиво умѣла она приспособляться къ тому, что въ отчетахъ значится подъ рубрикой „народная медицина“, но гдѣ далеко не главную роль игралъ ея шкафъ съ земскими медикаментами.

— Это тебя старикъ нашъ обстоялъ... Такъ, быдто прямо и рѣжетъ въ глаза дохтору: по нашимъ, молъ, достаткамъ такая фершалица многихъ дохторовъ стоитъ... То и дорого, что баба... по нуждѣ сама и похозяйствуетъ и обмоетъ... И молодухи глупыя съ ей ревутъ, все равно какъ передъ родной матерью...

и ругаетъ она ихъ, какъ слѣдоваетъ... Слава Богу, слухомъ земля полнится. Мы во какъ рады тебѣ! Поживи съ нами, постарайся, милая... Что на бабахъ, что на ребятахъ хворости всякой накорузло... и-и-и!.. Боже мой!.. Не задаромъ про тебя по всей округѣ молва. Знаемъ, какъ ты и съ дохтуромъ воевала. Что-жъ, это такъ и правильно... Начальника за тебя тоже не увольнить же... Ну, стало быть, всякій къ своему мѣсту, по доброму... Митрій Лукичъ у насъ старикъ справедливый. Другой бы не обстоялъ тебя, потому дохтуръ всему дѣлу голова... Къ намъ-то дохтуръ когда-когда заглянетъ, твое хозяйство будетъ.

Такими привѣтными рѣчами встрѣтили Варвару деревенскіе старики, изъявляя полную готовность помогать ей „по своей силѣ возможности“.

Подошелъ конецъ безпросвѣтному фатуму фельдшерскаго запоя...

Квартира фельшерицы хорошая нашлась въ новомъ домѣ лавочника Корнилы, которому его старуха нежданно-негаданно нанесла ударъ: уперлась, наотрѣзъ отказалась выбираться изъ родного угла. Ни гнѣвъ, ни брань, ни просьбы, ни уговоры—ничто не помогало. Старуха Ѳедосья давно ужъ хворала, а тутъ и взбреди ей на умъ,—не то во снѣ, не то вьявь,—что, какъ только она вынесетъ изъ дома родительское благословеніе, тутъ же и предстанетъ страшный конецъ по ея грѣшную душу.

Корнилъ просилъ батюшку усовѣстить безразсудную бабу, но лавочница и въ батюшкѣ поколебала его искреннее сочувствіе всякому хозяйственному преуспѣянію. Вышелъ отъ нея отецъ Гавріилъ въ большой задумчивости.

— Н-да-да-да... Потерпишь, видно, Корнилъ... Богъ любитъ смиреніе,—заговорилъ онъ особенно внушительно: можетъ, и дѣйствительно... тутъ нѣкое, какъ бы указаніе... перстъ!.. Старуха твоя недолгая съ нами гостья—грѣхъ не уважить.

Послѣ такой пастырской отповѣди ничего больше, какъ пришлось задержаться въ старой избѣ, которою когда-то Корнилъ очень гордился, но теперь съ досады величалъ „хлѣвомъ“,—а и по сейчасъ это первая изба въ Проѣздномъ.

Варвара поселилась въ двухъ комнатахъ съ боковымъ крылечкомъ, обнесенымъ балюстрадой изъ рѣзныхъ досокъ. Въ первой комнатѣ у нея пріемная со шкафомъ и столомъ для приготовленія лекарствъ.

Вдоль стѣны прилажены широкія и низкія нары, покрытыя войлокомъ, для осмотра больныхъ; надъ нарами полка тѣсно заставлена коробками, бутылками, банками и проч. Рядомъ, въ узенькой спальнѣ еще двѣ полки съ книгами и хорошая лампа съ

молочнымъ абажуромъ. Надъ постелью на вышитомъ шерстями коврикѣ расположена группа фотографій.

Въ обѣихъ комнатахъ полъ сплошь устланъ полосатыми крестьянскими половиками; столько ихъ бабы натащили, что и дѣвать некуда. Тепло и уютно. Вотъ только запаха лекарствъ никакъ не выведешь, къ огорченію Варвары; она даже звено изъ рамы вынула и набила вмѣсто стекла проволочную сѣтку. Лѣтомъ окна день и ночь настежь стоятъ.

— Вы, Варварушка, просто помѣшались на чистомъ воздухѣ—пунктикъ это у васъ!—поддразниваетъ ее Дина.

— Ну, и пускай пунктикъ. По крайней мѣрѣ, носъ мой такъ вышколенъ, что ужъ самъ свое дѣло знаетъ: чѣмъ бы голова занята ни была—никакой вони не пропуститъ! Воздухъ самое главное и есть. Вотъ, подите же! Кажется, только одинъ воздухъ денегъ не стоитъ—одно, что могло бы быть и у мужика!—заканчивала она огорченно.

Подходя къ Корнилинымъ хоромамъ, Дина подумала, что Варвара дома, потому что на крылечкѣ издали виднѣлись какія-то бабы.

Пріемъ у Прибыткиной всегда, когда она дома, времени нѣтъ назначеннаго.

Дина нарочно вышла изъ дому пораньше, а все-таки доняла жара. Это оттого, что шла слишкомъ скоро. Отъ волнующаго нетерпѣнія.

Съ Прибыткиной онѣ подружились необыкновенно скоро и хорошо; совсѣмъ и не чувствовалось что Варвара старше на двѣнадцать лѣтъ. Съ тѣхъ поръ, какъ въ Проѣздномъ поселилась фельдшерица—стало легче справляться съ приступами жуткой деревенской тоски, накатывающейся на человѣка вмѣстѣ съ непроглядными ночами, съ завываніями осенней бури и растущими снѣжными сугробами... Есть теперь возможность избавиться отъ тоски! По самой непроѣздной распутицѣ за четыре версты можно дотащиться. Нерѣдко Дина и ночевать оставалась у Варвары на ея нарахъ.

На крылечкѣ ожидали двѣ незнакомыя Динѣ бабы. Одна изъ нихъ кормила грудного ребенка; она привѣтливо окликнула ее.

— Небось и тебѣ, милая, Варвару надыть? Лекарствомъ попользоваться?..

— Не за лекарствомъ, нѣтъ... Здравствуй тетушка. Занята Варвара Тихоновна?..—спросила Дина, съ удивленіемъ вглядываясь въ лицо женщины.

Еслибъ не глядѣла своими глазами на то, какъ эта женщина кормитъ грудью, она непремѣнно подумала-бы, что это бабушка принесла внучонка полечить, такимъ старымъ выглядѣло морщи-

нистое темное лицо съ тусклыми глазами. Сухая ввалившаяся грудь.

Другая женщина сидѣла на верхней ступенькѣ, откинувшись головой на скамейку около перилъ. Это была молодая, но въ первую секунду невольно хотѣлось броситься къ ней на помощь. Вокругъ закрытыхъ глазъ и безкровныхъ губъ легли совсѣмъ мертвенныя тѣни. Восковыя руки казались окоченѣвшими на свертқѣ изъ темнаго тряпья на ея колѣняхъ.

Первая баба тоже оглянулась на испуганный взглядъ барышни.

— Незамай... пущай-ка поспитъ маленько. Не ближній свѣтъ Ведынкино... вишь оно трехъ денъ нѣту какъ родила. Смаялась сердешная.

— Ахъ, Господи!.. да кто же пустилъ ее?—вырвалось у Дины.

— Боязно, вишь, кабы вовсе не померъ безъ помощи... Младенчикъ, главное дѣло, чуть живой...

— На лошади хоть привезли бы!

— Привезли бы и то, милая, какъ не привезти... А безлошадные они, какъ тутъ быть! Ничего, доплетется какъ-нибудь, Богъ милостивъ—лекарство, главное дѣло, добыть бы...

Женщина спала съ тѣмъ же обморочнымъ видомъ. Громкій говоръ не заставилъ дрогнуть ни одной черты. Муха покружилась и сѣла на щеку—поползла къ запекшимся губамъ. Это еще усилило сходство съ мертвой.

— Отчего же за Варварой не послали—вѣдь она сама пріѣхала бы въ Ведынкино!—не унималась барышня.

— Что ты! кого пошлешь въ рабочую пору!.. Въ семьѣ у нихъ—мужикъ да она. Старуха съ ребятами... тоже трое ребятишекъ, погодки... Охъ, какъ тутъ не согрѣшить!.. Словно мошкара облѣпили... Прибралъ бы Господь, да вишь мальчишка первенькій... то все дѣвчонки у ей... Мужикъ-то больно обрадовавши парнишкѣ. Вотъ и погналъ за лекарствомъ. Не померъ бы молоденчикъ.

Молодуха спала. Муха ползала по ея лицу.

Соскучившаяся баба стала разсказывать, чѣмъ боленъ ея собственный ребенокъ.

Только хотѣла было Варвара осмотрѣть дѣвчонку, а тутъ, какъ на грѣхъ, прискакалъ на лошади мужикъ изъ Мутилова... Мальчишка на косу напоролся. Варвара обождать приказывала, да вишь оно солнышко-то гдѣ!

Баба озабоченно поглядывала на небо и вздыхала.

Дина вошла въ горницы. На столѣ передъ окномъ все брошено такъ, какъ застали фельдшерицу за приготовленіемъ лекарства: вѣсы, каменная ступка, бутылочки, бумажные пакеты... Ис-

пугалась, прибирать было некогда. На кускѣ бумаги насыпана маленькая горка бѣлаго порошку.

Дина разглядывала все это съ хорошо знакомымъ томительнымъ чувствомъ. Всегда стыдно, что не понимаешь ничего, когда надо знать.

Точно въ отвѣтъ на ея мысли въ дверяхъ показалась баба, съ которой она разговаривала.

— Что я тебя, милая барышня, попросить хочу...—заговорила она вкрадчиво:—дала бы ты чего-нибудь дѣвчонкѣ-то... а? Для нея вѣдь это Варвара припасла... никого окромя и не было... Видишь, дожидаться-то больно неспособно... Квашня у меня сегодня—валять пора. Сдѣлай такую милость, поищи...

Напрасно Дина объясняла, что она и такъ ужъ все пересмотрѣла; такому маленькому ребенку ничего нельзя зря давать.

Баба все свое ладила: ейной же дѣвчонкѣ припасено, чего боятся? Стало быть не вредное. Знаетъ она, чай, какіе порошки-то бываютъ... персточка махонькая, съ чего тутъ вреду быть.

— Вонъ и билеты на всякой посудинѣ прилѣплены—какого еще порядку! Прочитать ты можешь вѣдь,—усовѣщивала баба.—Сказывала, порошки, молъ, дамъ—да еще воды какой-то въ молоко вливать.

— Не могу, тетушка... Всей душой рада бы, да нельзя, и не проси!—отмаливалась Дина: сейчасъ, должно, быть, вернется Варвара. Подожди еще.

Баба ничего больше не сказала; тяжело вздохнула съ покорностью существа привычнаго къ отказамъ и стала тихонько спускаться съ крыльца.

Получаса не прошло, какъ подъ окномъ прогремѣла подъѣхавшая телѣга. Дина вышла на крыльцо. Молодуха попрежнему лежала, точно мертвая; но другой бабы ужъ не было.

Съ телѣги проворно соскочила средняго роста женщина въ синемъ ситцевомъ платьѣ и круглой соломенной шляпкѣ съ узкой ленточкой.

— Кого вижу! Наконецъ-то, меня вспомнила!—крикнула она весело.

Но на крыльцѣ запнулась передъ лежащей женщиной и стала оглядываться.

— Что такое? эту кто же привезъ?.. тутъ давеча другая осталась меня ждать.

Она сложила на полъ свой кожаный мѣшокъ и уже нащупывала пульсъ. Дина объяснила, что знала. Молодуха въ первый разъ открыла мутные глаза.

— Ну, да!.. всегда такъ—послать некого!.. Ну, ну... попро-

буй-ка сѣсть, голубушка... Не можешь? Ишь, точно пьяная— опять заснула!

Варвара быстрыми движеніями взяла изъ рукъ женщины свертокъ и передала его Динѣ, а сама стала поворачивать бабу.

Свертокъ оказался мокрымъ и теплымъ, хоть Динѣ приходило на умъ, что ребенокъ, пожалуй, ужъ и умеръ.

— Давай-ка, Надя, отведемъ ее на нары, помоги мнѣ,—сказала фельдшерица, выпрямляясь:—тутъ я не могу. Водки ей, что ли, глотокъ дать съ молокомъ. Все равно, его сунь пока куда-нибудь, благо молчитъ.

Черезъ нѣсколько минутъ молодуха лежала вытянувшись на нарахъ съ клеенчатой подушкой подъ головой, и никакія продѣлываемыя надъ нею манипуляціи не могли заставить ее очнуться. Такъ и начали спящей вливать въ ротъ молоко съ водкой.

— И лучше! На яву она, навѣрное, выплюнула бы микстуру твою,—шутила Дина.

Въ кухнѣ стряпуха раздувала самоваръ для ванны ребенку. Если только позволяло время, фельдшерица не отпускала грудныхъ ребятъ, не выкупавъ; заставитъ мать купать при себѣ и учитъ, объясняетъ. Кусокъ мыла дастъ съ собой и бѣлья, когда есть въ запасѣ. Да бѣлье у нея рѣдко когда переводится—барыни доставляютъ со всей округи. Варвара сама всѣхъ ихъ объѣзжаетъ для этого.

Не раньше какъ часа черезъ полтора увезли домой ведынкинскую молодуху, обмытую, сытую и хоть мало-мальски оправившуюся послѣ спокойнаго сна.

Варвара сама куда-то сбѣгала выпросить лошадь и живехонько подкатила къ крыльцу на ворохѣ свѣжаго сѣна. За кучера правила сухая высокая старуха. Больная была такъ слаба, что едва ли сознавала вполнѣ, что съ нею дѣлаютъ.

— Ты, бабушка, поглядывай, какъ бы ребенка не вытрясти!—крикнула Варвара въ догонку.

Дѣвушки стояли на улицѣ, пока телѣга не скрылась изъ глазъ; фельдшерица велѣла ѣхать шагомъ, пока начнется гладкая дорога. Дина чувствовала какую-то особенную успокоительную усталость отъ этой непривычной возни.

— Гдѣ ты такъ скоро лошадь добыла?—спросила она, возвращаясь на крыльцо.

Варвара нахмурилась и повела плечами.

— Что ужъ тутъ... спрашивать! А какъ быть-то, коли она идти совсѣмъ не можетъ?.. Вотъ поѣду въ Ведынкино... надеру бороду глупому мужику!—крикнула она вдругъ, сильно краснѣя, и побѣжала по ступенькамъ.

„Ну, такъ и есть! Ведерникова лошадь“, — разрѣшила про себя вопросъ Дина.

Изъ кожи лѣзетъ, угождаетъ письмоводитель земскаго... Началось съ естественнаго пріятельства двухъ хорошихъ людей, одинаково всѣми своими чувствами и помыслами ушедшихъ въ жизнь деревни—а тамъ, что мудренаго, если потянуло къ теплому личному уголку, среди окружающаго мрака и холода... Пора бы ужъ имъ и рѣшиться!

Однихъ лѣтъ, немногимъ развѣ онъ помоложе Варвары. Два курса гдѣ-то въ университетѣ прослушалъ—и выплеснуло поднявшейся волной въ безбрежное народное море... Динѣ Ведерниковъ нравился. Только Варвара за послѣднее время стала такъ чувствительна къ малѣйшему прикосновенію, что сейчасъ для ея пріятельницы не вполнѣ ясно, насколько у нихъ дѣло подвинулось. Обѣ онѣ не охотницы до изліяній, понимать умѣютъ и безъ словъ.

Не совсѣмъ ладно то, что дружба эта все больше и больше превращается въ общественное достояніе; всякій, у кого есть дѣло до земскаго, лѣзетъ къ фельдшерицѣ съ просьбой «замолвить словечко Митричу»—извѣстно, что такое деревенская нужда: стоитъ разъ копнуть, и не отвертишься.

— Придется мнѣ сбѣжать изъ вашего Проѣздного, такъ вы и знайте! Ничего другого не останется!—грозилась Варвара въ минуты досады, когда никакими доводами ей не удавалось втолковать, что все это вовсе не ея дѣло, что она не имѣетъ права осаждать вѣчными просьбами чужого человѣка.

Станетъ кто-нибудь церемониться съ душевной бабой! И Дина видѣла, какъ сама Варвара втягивается въ свою новую дополнительную роль... Что-ли ужъ обвѣнчались бы скорѣе!

Когда телѣга скрылась изъ глазъ, дѣвушки усѣлись допивать чай, которымъ поили больную. Варвара велѣла старухѣ припугнуть не жалѣючи домашнихъ: пускай думаютъ, что молодуха и сама помираетъ.

— Иначе никакого ухода не добьешься, знаю я ихъ! Того и гляди—черезъ недѣлю на покосъ погонятъ. Да и какая же это ложь? Тутъ развѣ поручишься за что-нибудь!..

— Ну, а какъ по-твоему, червячокъ выживетъ или нѣтъ?—спросила Дина, не въ силахъ оторваться отъ жалкаго до брезгливости впечатлѣнія хилаго трехдневнаго ребенка.

— Кто-жъ его знаетъ! Коли мать оправится, будетъ у нея молоко, тогда, пожалуй, и выживетъ. А коли она разболѣется, такъ, разумѣется, на рожкѣ такого не выростишь. Надавала я ей всего, да вѣдь она точно пьяная, навѣрное ничего и не запомнила. А завтра мнѣ никакъ не попасть въ Ведынкино. Что-то еще съ моимъ мальчуганомъ будетъ! Не сталъ бы лихорадить ночью...

— Завтра я могу сходить въ Ведынкино взглянуть на нее,— предложила Дина.

Всякій разъ, когда Варвара въ ея присутствіи принимаетъ больныхъ, Дина проникается увѣренностью, что это самое насущное дѣло въ деревнѣ — ничего другого дѣлать не стоитъ. И станетъ сейчасъ скучно, неспокойно на душѣ... Точно въ дорогѣ, когда не знаешь навѣрное, не ошибся-ли поворотомъ. Но сегодня въ первый разъ Дина чувствовала себя на вольномъ просторѣ.

— Слушай-ка, Варвара Тихоновна! Не хочешь-ли ты принять меня въ ученицы? — заговорила она страннымъ голосомъ, не то посмѣиваясь, какъ будто пробуя, а глаза горятъ серьезнымъ вопросомъ и стали совсѣмъ темные.

Варвара ждала, что будетъ дальше.

— На лѣтніе мѣсяцы буду тебѣ и помощницей. А зимой по твоимъ книжкамъ долбить... Ужъ будто невозможно? Не вѣрю. Сколько-нибудь да научишься.

Фельдшерица качала въ раздумьи головой.

— Ну, ужъ это что за наука! Въ Петербургъ поѣзжай, поступай на курсы, какъ слѣдуетъ.

Вотъ и дошелъ чередъ до Дининыхъ дѣлъ. Между возней съ больной и съ ребенкомъ Варвара успѣла только спросить про болѣзнь Анны Петровны и пріѣхалъ-ли Саня.

— Нѣтъ ужъ... Петербургъ теперь навсегда прощай!—отвѣтила Дина потише, медленно набравъ во всю грудь воздуха:—ты не знаешь, съ чѣмъ я явилась... Примешь въ жилицы бѣглянку? На нѣсколько дней...

Варвара пихнула чашку и поднялась со скамейки. Щеки ея краснѣли и она начала часто мигать, какъ всегда, когда волнуется.

— Погоди... Я вѣдь что-то уже слышала, да подумала, что вранье... Скандалъ съ Ларисой? Стало быть, правда?

— Тебѣ кто сказалъ?

— Раиса прибѣгала нарочно... Еще бы у насъ не провѣдали!

— Само собой...

— Да нѣтъ... Мнѣ, вѣдь, и самой говорили! Что же это я молчу... Совсѣмъ изъ ума вонъ...

Дина видѣла, какъ она волнуется, безъ надобности передвигая по столу посуду.

— Сейчасъ разскажу. Садись на мѣсто, пожалуйста, Варвара!—попросила она, безсознательно раздражаясь этими ненужными движеніями.

— Нѣтъ, дай сначала сказать, кто мнѣ-то говорилъ...

Дина пронзительно глядѣла ей въ глаза.

— Савелій?

...Какую штуку-то парень выкинулъ: въ садишкѣ у нея подъ

яблоней спать растянулся! Пришелъ въ Проѣздное ночью, шумъ поднимать, въ домъ куда-нибудь проситься не захотѣлось, а ея садикъ хорошо знакомъ. Да, вѣдь, какъ разоспался съ усталости: кругомъ все поднялось, а онъ, знай, задуваетъ, накрывшись армякомъ! Одни сапоги торчатъ...

Варвара добродушно хохотала, разсказывая утренній переполохъ. Разумѣется, она тогда же повидалась съ Ведерниковымъ и пересказала теперь Динѣ весь разговоръ. Всячески надо постараться уломать старика, все равно земскій потребуетъ этого.

— А знаешь... Что ли намъ вдвоемъ напасть на него? Авось одолѣемъ... Какъ думаешь? — предложила Варвара, неожиданно.

У Дины даже сердце забилось отъ радости. Но показать этой радости не могла. И просить Варвару, чтобы она пошла съ нею къ Алексѣевымъ, сама она ни за что не стала бы... Можетъ быть, та и теперь уже знаетъ всю Ларисину низость? Ей казалось, что Варвара чего-то не договариваетъ въ своихъ разсказахъ. Казалось, что и планы ея Варвара выслушиваетъ озабоченно, свое думаетъ въ это время... Дина, напротивъ, разсчитывала на самое горячее сочувствіе.

— Ну, вотъ тебѣ мои дѣла. Что-жъ это ты нахохлившись сидишь? Неужели и въ самомъ дѣлѣ вообразила, что я уѣду въ Петербургъ? — спросила она, а губы сами собой скривились въ недовѣрчивую усмѣшку.

— Да кабы была возможность...

— Ахъ, пустяки какіе!—перебила Дина сердито:—до какихъ же это лѣтъ все только готовиться?! Учительница-то я и сейчасъ буду не хуже другихъ. И лечить сколько-нибудь сама научусь— это непремѣнно хочу! Добьюсь. Увидите. Вѣдь, гдѣ ничего нѣтъ, тамъ всякая кроха въ чистую прибыль... Главное — изъ нашего выморочнаго дома выбраться.

— Господи... да развѣ я не согласна съ тобой!?—прошептала какъ-то жалостливо Варвара.

— Казалось бы!

— Конечно, ты права. Нужда во всемъ одинаковая. Больного вылечить въ такихъ условіяхъ, пожалуй, труднѣе еще, чѣмъ здоровыхъ жить учить... что тутъ и говорить! Денегъ тебѣ должны же дать сколько-нибудь?

Денегъ Евгенія Петровна передала отъ себя сто рублей черезъ Домну и обѣщала поговорить съ Ларисой. Видѣть Дину тетушка больше не пожелала. Съ Саней они обмѣнялись нѣсколькими категорическими враждебными фразами.

— Одну только Домну жалко,—увѣряла Дина,—совсѣмъ бѣдная старуха осиротѣла.

Разрыва съ братомъ Варвара не понимала. Дина говорила что-то неясное, скользя поверхъ сути...

„Ну, не бѣда, съ Саней скоро помирятся, мало ли какъ родные ссорятся!"—утѣшала себя Варвара и не стала растравлять свѣжей раны безполезными разспросами.

А Дина чувствовала, что пока съ Варварой не поговоритъ по душѣ, до тѣхъ поръ и тутъ не можетъ быть настоящаго лада... „И отчего только раньше не говорила, до этой проклятой исторіи!" раздражалась она на себя, забывая, что до „исторіи" какъ будто и не о чемъ было говорить... То, что теперь всплывало наружу, росло и крѣпло незамѣтно въ душевной тишинѣ.

Обѣ дѣвушки думали объ одномъ, но разговоръ вертѣлся на предстоящихъ хлопотахъ въ городѣ, на шансахъ теперь же устроить Алексѣева въ семинарію. Варвара знала, что въ управѣ недовольны двумя учителями, значитъ почти навѣрное Динѣ удастся устроиться въ уѣздѣ. Фельдшерица наставляла своей житейской опытностью, какъ „умненько" взяться за дѣло; членовъ управы и попечителей она знала, а кое-кому могла и письмо написать. И съ барынями нѣкоторыми знакома по своей акушерской практикѣ.

— Барыни всегда пригодятся, ими отнюдь не брезгуйте!—поучала она зажорскую дикарку:—отказу имъ не бываетъ, да и просить ничего не стоитъ, между болтовней... Охъ, всѣ-то они одинаковы! Только бы угадать того человѣчка, кому отказу быть не можетъ, тогда всякое дѣло въ шляпѣ. Съ волками жить...

Дина строптиво мотала своими тяжолыми косами.

— Богъ съ ними совсѣмъ, не гожусь я ни для чего подобнаго. Только бы до школы добраться! Забьюсь въ глушь, съ мужиками... Хорошо бы къ тебѣ поближе попасть, да врядъ ли!.. Выбирать не приходится...

Варвара стала доказывать, что не одни мужики, нынче вездѣ люди есть. По мызамъ живутъ круглый годъ не хозяева, такъ управляющіе, арендаторы — было бы время по гостямъ разъѣзжать! Съѣзды учительскіе налаживаются. Есть одна учительница особенная... Въ Липовкѣ... горе—чахоточная, бѣдняжка, не на долго ея хватитъ.

— Такая, знаешь... кристалликъ! Свѣтится... Ребятишки обожаютъ ее. Бабы сами очередь завели, во всякую пору бѣгутъ спроситься, что подѣлать для нея. Стираютъ, полы вымоютъ. Натащатъ всего... яицъ, ягодъ. Богъ знаетъ, какъ она существуетъ: половину жалованья отсылаетъ, братишка маленькій у нея гдѣ-то воспитывается. Протянетъ ли еще годъ... Хроническій процессъ.

Опять Варвара не могла смирно сидѣть на мѣстѣ.

— Мнѣ только то и больно, что отсюда въ Липовку не по-

надешь, цѣлое путешествіе! Къ доктору она обращаться не станетъ. Знаешь, терпѣть не можетъ говорить о своей болѣзни... Боится... Насильно заставляла ее принимать разныя разности, подъ видомъ укрѣпляющихъ средствъ, благо она въ медицинѣ ровно ничего не смыслитъ. Такъ и свалится—увѣренная, что это сущіе пустяки, что черезъ недѣлю снова станетъ на работу... Еслибъ ты знала, Надя, какая жалость!..

Варвара стояла у перилъ и глядѣла въ пустую улицу.

— Липовка? — повторила Дина. — Отчего ты до сихъ поръ никогда не говорила про нее?

— Что толку!.. Видишь... говорить объ ней не могу...

— Можетъ быть, я попаду близко къ Липовкѣ.

— Ахъ, дай-то Богъ! Я взяла съ нея честное слово, что она мнѣ напишетъ, если серьезно расхворается, да на нее нельзя надѣяться. Умирать къ себѣ ее возьму.

Грустный разговоръ прерванъ былъ появленіемъ новыхъ больныхъ; опять бабы съ ребятишками. Послѣ обѣда Варвара собралась въ Мутиловку; не терпѣлось поглядѣть раненаго мальчика. Она не была увѣрена, что можно обойтись безъ вызова доктора, а ужасно ей этого не хотѣлось. Звала съ собой и Дину, но та отказалась; лучше она пошьетъ что-нибудь тѣмъ временемъ; какая-нибудь польза отъ нея будетъ. Варвара не стала настаивать.

Савелій каждую минуту могъ явиться съ докладомъ Варварѣ Тихоновнѣ о томъ, что ему сказали въ волости. Удивительно, отчего Савелій не идетъ такъ долго?..

Дина усѣлась на крылечкѣ и принялась сметывать скроенную ситцевую кофту на дѣвочку лѣтъ десяти. Фельдшерица ухитрялась урывками учить шить дѣвочекъ, а кроить должна была всѣмъ франтихамъ новомодныя корсетки съ широкими рукавами,— пребезобразныя.

Славно теперь на крылечкѣ! Жара спала. Ясная заря догораетъ въ безоблачномъ небѣ. Ласточки... Много ласточекъ кружатся высоко, высоко... Вдругъ стремительно кидаются внизъ, такъ низко, что чертятъ землю острыми крылышками... И снова взмываютъ вверхъ съ веселымъ чириканьемъ.

На селѣ пригнали стадо. Телячьи позвонки... ласковое протяжное мычанье... радостный ребячій визгъ... сердитые окрики женскихъ голосовъ...

Двѣ широкобокія и круторогія матроны коровьяго рода медленно пробирались къ своему двору мимо крылечка, важно поводя головой и широко разставляя ноги. За ними семенила молодая дрянная коровенка и описывала зигзаги по улицѣ для того, чтобы держаться на почтительномъ разстояніи отъ спѣсивыхъ

аристократокъ. Не дали ей, бѣдной, ни дорости до полного роста, ни красоты нагулять въ телкахъ—призвали невзрачнымъ заморышемъ справлять службу главной деревенской кормилицы.

Коровенка остановилась противъ крыльца, подняла молодую мордочку съ маленькими, прямыми рожками и поглядѣла на Дину любопытными глазами.

Не шибко подвигалось шитье ситцевой кофты. Дина разглядывала коровъ, прислушивалась къ хору знакомыхъ звуковъ, слѣдила съ нѣжностью за вольнымъ воздушнымъ танцемъ. Вотъ этихъ черно бѣлыхъ красотокъ ни за что и не отличишь одну отъ другой—всѣ, какъ одна! Нѣтъ на нихъ рокового клейма близости къ человѣку—клейма хозяина: его богатства и могущества или нищеты и ничтожества... Только то и свободно отъ проклятаго клейма, что не пригодилось ему ни въ пользу, ни въ праздную забаву.

Дина долго любовалась на ласточекъ съ захватывающимъ чувствомъ предвкушенія свободы.

...Скоро, скоро и она заживетъ на полной своей волѣ! За живымъ, неисчерпаемымъ дѣломъ. Такимъ дѣломъ, которое все растетъ, ширится само изъ себя, какъ забьетъ неудержимо живой ключъ, когда найдена настоящая жила...

Но думать о томъ, какъ она устроитъ эту новую жизнь, она не можетъ безъ того, чтобы въ мысляхъ ея не мелькалъ образъ Варвары, съ всегда яснымъ, внимательнымъ лицомъ, съ проворствомъ безъ суеты, съ этимъ неуловимымъ женскимъ умѣніемъ создавать порядокъ и благообразіе... Все въ ней самой, и въ пріемахъ ея дѣятельности, и въ домѣ ея—все Динѣ нравится, и не просто нравится, а какимъ-то напряженнымъ, дѣятельнымъ чувствомъ. Въ немъ тревога... можетъ быть, даже безотчетная зависть...

А теперь надо всѣмъ преобладаетъ жажда узнать, какія мысли у Вари... и обида на себя за то, что предстоящій разговоръ ее смущаетъ... О! до чего вся эта чепуха заразительна! И Савелій, конечно, такъ не волновался бы, еслибъ она относилась къ нему совсѣмъ попрежнему... Сколько она нервничала все это время! Точно къ нимъ же поддѣлывалась. На немъ ни за что, ни про что обиду срывала... И въ ней они подняли цѣлую смуту.

„Помѣшать хотѣли, а вмѣсто того только помогли!“ подумала вдругъ Дина.

Съ изумленіемъ она прислушивалась къ себѣ: что это? какъ будто выскользнуло изъ сердца недавнее возмущеніе? Савелій для нея не прежній школьникъ, но она можетъ думать объ немъ безъ смутныхъ раздраженій послѣднихъ дней. Разсѣивается, что-то

искусственное, унизительное, державшее въ своей власти... Въ ея ощущеніяхъ какъ будто отстоялся мутный осадокъ... Опять можно открыто отдаваться искреннимъ чувствамъ.

„Это оттого, что я съ Варей—другимъ, вольнымъ воздухомъ дышу! Оттого, что ушла изъ затхлаго угла!“ думала Дина.

XII.

Варвара вернулась изъ Мутиловки озабоченная и сейчасъ же сѣла писать доктору; ямщикъ остался у крыльца ждать письма.

Стряпуха, босоногая баба въ затрапезномъ сарафанѣ, собрала ужинать, а потомъ втащила большой холщевый сѣнникъ и стала постилать на нарахъ постель для гостьи.

— Лампу зажигать будете? Керосинъ послѣдки въ тотъ разъ вылила,—спросила она Варвару.

— Нѣтъ, Дуняша, не надо лампы, — отвѣтила Дина за хозяйку.—Ляжемъ пораньше... правда? Отчего-то я устала сегодня...

День казался ей необыкновенно длиннымъ. Далеко отошелъ туманный разсвѣтъ жаркаго дня, когда она проснулась въ послѣдній разъ въ своей комнаткѣ съ этой особенной, жуткой напряженностью всѣхъ силъ, какая является въ рѣшительные моменты. Черезъ десятокъ часовъ она смотритъ теперь точно въ прошлое... И себя тамъ видитъ другую... Не такую, какая она сидитъ въ пріемной земской фельдшерицы и съ аппетитомъ закусываетъ творогомъ съ молокомъ.

Послѣ ужина Варвара уходила зачѣмъ-то къ Дуняшѣ въ кухню; гостья уже лежала въ своей постели, когда она вернулась, на ходу выбирая шпильки изъ косы, всегда одинаково туго-на-туго свернутой на затылкѣ.

...Особенное лицо у Варвары; вовсе на умъ не приходитъ подумать, какъ выглядитъ это лицо, да, навѣрное, никто и не думаетъ. Замѣчаешь только, какъ на тебя оно глядитъ небольшими, умными и ласковыми глазами. Еслибъ Варвару кто-нибудь назвалъ уродомъ или красивой, Дина была бы одинаково этимъ возмущена.

Съ вечера у фельдшерицы всегда много дѣла, для того, чтобы не хвататься утромъ, когда начнутъ теребить во всѣ стороны. Случается иной разъ, что по нѣсколько дней не удосужится косы расчесать.

Она двигалась взадъ и впередъ по двумъ комнатамъ своими пріятными движеніями, живыми, безъ раздражающей торопливости. Приводила въ порядокъ дневныя записи въ большихъ книгахъ; упорно что-то разыскивала въ шкафу и на полкѣ надъ Дининой головой; переливала, отцѣживала и взбалтывала какія-то склянки.

Подруги все время молчали. Только когда Варвара убралась и перенесла свѣчку въ спальню, Дина освѣдомилась возбужденнымъ голосомъ, очень ли хочется ей спать?

— Нисколько!—отвѣтила она поспѣшно.—Да я и не умѣю спать, когда есть что-нибудь на душѣ. Кстати: ты не испугайся ночью въ случаѣ чего... Я велѣла пріѣхать за мной, если бы появился бредъ.

— Поговорить хотѣлось бы, да вотъ не кстати; на умѣ у васъ свое...—выговорила нерѣшительно Дина.

— Что вы—напротивъ! Я ужасно рада... А свое—такъ вѣдь тутъ все равно впередъ не угадаешь, сдѣлается бредъ или не сдѣлается, сколько головы ни ломай... Поговорить необходимо... скрытная вы, Дина!..

Въ серьезныхъ разговорахъ онѣ всегда, точно по уговору, переходятъ на „вы“.

Варвара не вышла изъ спальни, только подвинулась ближе къ двери. Свѣтовое пятно на полосатомъ половикѣ сдѣлалось вдвое меньше.

„А сама ты не скрытная?!“ подумала Дина обидчиво. Но чтобы сейчасъ же не уклониться въ сторону, на этотъ разъ, такъ и быть, уличать не стала.

— Очень вы... осуждаете меня? — спросила она невольно упавшимъ голосомъ.

Варвара опять перемѣстилась,—должно быть, присѣла около двери. Тѣнь сплыла съ свѣтлаго пятна, и голосъ зазвучалъ явственнѣе.

— Вы про брата? Дина, я увѣрена, что это не надолго. Слишкомъ нелѣпо такъ разойтись! Вотъ вы, Богъ дастъ, устроитесь...

— Нѣтъ, я не про то спросила, — остановила ее Дина. — Такъ по вашему разойтись нельзя? Ну, а если вся жизнь должна пойти совершенно разными дорогами? Онъ, кажется,—не знаю!— но право мнѣ показалось, что великолѣпная тетушка желаетъ вскружить ему голову, если еще не успѣла!

— Ай-ай-ай!.. Вонъ обиды-то къ чему приводятъ! Мало вамъ и безъ этого?—укоряла невидимая собесѣдница.

Динѣ не хотѣлось спорить на эту тему. Да и какъ можетъ Варвара судить, если она ничего не видала?

Нѣсколько минутъ онѣ молчали, раздѣленныя тонкой перегородкой. Каждая чувствовала, что и другая, также какъ она, въ эту минуту ищетъ пути къ мудреному вопросу.

Дина приподнялась на локтѣ.

— Варя! Что сдѣлали бы вы на моемъ мѣстѣ?.. Вѣдь не остались бы жить съ Ларисой...

— Я-то?! Да, само собой, поступила бы точь въ точь, какъ вы: терпѣла бы только для матери, пока было нужно. Ни минуты дольше.

— Ну, а Савелія тянули бы продолжать учиться?

— Это вы къ чему же спрашиваете?..

— Хочу знать, какъ вы поступили бы на моемъ мѣстѣ,— повторила настойчиво Дина.

На этотъ разъ Варвара отвѣтила не сразу.

Дина опять легла на спину и закинула обѣ руки за голову. Во всемъ тѣлѣ отдаются толчки сердца, рѣдкіе и сильные, точно удары беззвучнаго колокола.

— Ого! Какъ вамъ, однако... трудно на это отвѣтить!—проговорила она черезъ минуту сквозь зубы.

Свѣтлое пятно перебѣжало вверхъ, съ половика по шкафу на оклеенный бѣлой бумагой потолокъ. Вмѣстѣ съ этимъ Варвара вошла въ пріемную и заходила взадъ и впередъ между печкой и дверью.

— Видите-ли Дина, заговорила она очень серьезно, — вы и я—слишкомъ большая разница.

Дина рѣзко повернулась на своихъ нарахъ.

— Для третьяго лица все равно, если даже и разныя!

— Такъ-ли это? На вашемъ мѣстѣ я — вотъ, какая я есть сейчасъ... можетъ быть, Дина, я чувствовала бы себя очень счастливой.

— Да, вѣдь, и я, въ сущности, счастлива!—точно невольно вырвалось у Дины.

Варвара остановилась.

— Да... право, счастлива! — не совсѣмъ свободно смѣялась Дина: — безъ этихъ скандаловъ, Богъ знаетъ, когда бы еще я вырвалась.

Варвара подошла къ нарамъ.

— Ну, это отлично! Отлично. А только боюсь, что долго еще всему будетъ мѣшать ваша гордость. Не даромъ же вы внучка знаменитаго безобразника.

...Гордость...

Дина вдругъ ощутила въ своемъ сердцѣ слѣдъ (точно отъ ожога) бурныхъ чувствъ, безотчетно вскипавшихъ въ немъ при каждой независимой выходкѣ ея ученика... Она изо всѣхъ силъ вслушивалась въ себя, точно вдругъ окоченѣла вся.

Варвара снова задвигалась между дверью и печкой. Она говорила свои мысли, не выжидая возраженій.

...Жизнь какъ никакъ не казистая... Безпросвѣтная! Не можетъ въ ней быть никакихъ пріятныхъ неожиданностей, счастливыхъ поворотовъ. Плюсы свои всѣ знаешь твердо напередъ.

Годы такъ проходятъ одинъ за другимъ въ томъ, что добиваешься осуществить, отстаиваешь не на животъ, а на смерть этотъ самый минимумъ, съ которымъ заранѣе помирился. И такъ навсегда! Зато препятствій самыхъ невѣроятныхъ — подлости, стихійныхъ бѣдствій—этого никакой мудрецъ впередъ не усчитаетъ! тутъ сюрпризы на каждомъ шагу возможны, урожаи самые роскошные!

— Вы меня такъ обезкураживаете, Варварушка!—вставила тихо Дина.

Та опять подошла къ нарамъ.

— Послушайте, милуша моя... молоды вы слишкомъ, жизни еще не понюхали. Совсѣмъ безъ счастья, безъ какой-нибудь душевной отрады... Охъ, тяжко! Не потому, что стойкости не хватитъ, такъ я не могу думать про васъ. Но, вѣдь, душевное истощеніе, какъ и всякое другое—голодъ! Все изъ себя, да изъ себя... Надрываетъ душу жалостью, обидой, безсильной злобой... Расшатываетъ. Благодари судьбу, коли не стрясется никакихъ экстренныхъ бѣдъ, если не дрожишь ежеминутно, что тебя смететъ, какъ песчинку. Такъ, вѣдь, это величины отрицательныя, убыль этимъ не пополняется!

Дина никогда не видала Варвару обезкураженной. На нее неожиданно повѣяло непріятнымъ холодомъ.

— Одиночество,—вотъ что съѣдаетъ силы! Какая бы напасть ни стряслась, все съ полгоря, когда есть съ кѣмъ отвести душу. Накричишься, выругаешься, повторишь тысячу разъ однѣ и тѣ же безполезныя истины... Отрекаешься, клевещешь на себя—клянешь свою глупость... Охрипнешь, выбьешься изъ силъ—и уснешь, какъ мертвая. А на завтра вскочишь, какъ встрепанная, только о дѣлѣ думаешь. Перегорѣло! Но коли ты одна, все въ молчанку да въ молчанку—охъ, тогда съ иной канителью не знаешь какъ и раздѣлаться! У меня одинъ разъ разлитіе желчи сдѣлалось.

— Это съ твоимъ-то хладнокровіемъ?—воскликнула Дина.

— Хладнокровіе, милуша, *наживается*. Десять лѣтъ! Прирожденные хладнокровцы мнѣ что-то не попадались... Надо думать, что они свою жизнь иначе планируютъ. Ну, кому какая удача выпадетъ! Одинъ живехонько обростетъ дубленой шкурой и ничѣмъ ужъ его не проймутъ. А другой чахотку схватитъ, сопьется или сбѣжитъ безъ оглядки.

Дина хотѣла знать, зачѣмъ Варя ее пугаетъ? Не новичокъ она, слава Богу; что такое деревня, и сама хорошо знаетъ.

— Не пугаю. Я все это противъ вашей гордыни говорю: „Одна со всѣмъ съумѣю справиться, мнѣ никого не нужно".

Дина порывисто сѣла на постели.

— Какая моя гордыня!? Что вы заладили, Варя...

— Какже не гордость-то? Сейчасъ сказала: „Одну только

Домну жалко"... Что это, коли не гордость? Про своего Саничку, про брата, про самаго близкаго человѣка...

Дина рѣзко взмахнула рукой.

— Оставьте это, Варвара! Въ угоду имъ я не могу Савелія кинуть на полдорогѣ.

„Ну, наконецъ-то!" — воскликнула мысленно Варвара. Она присѣла на краешкѣ постели.

— Вы это самое сказали Александру Иванычу?

— Это самое.

— Ну и что же онъ? Нѣтъ, навѣрное, вы не такъ сказали, какъ надо... Вонъ, вы даже и со мной не можете просто говорить!

Дина зашевелилась, точно сейчасъ прочь соскочитъ съ постели. Варвара ласково придержала ее обѣими руками.

— Ну, ну, лежите! Чего топорщитесь? Я, именно, хочу просто говорить... Сами не даете, да на меня же и злитесь... Сейчасъ оно и видно, что ни тѣни гордости!

Дина, пристыженная, усиливалась утишить свое сердце.

Варвара объявила, что она сама побесѣдуетъ съ Саней; они какъ сцѣпятся съ перваго шага, такъ потомъ ужъ каждое слово за оскорбленіе идетъ... Знаетъ она ихъ довольно!

— Ужъ не прикажете-ли оправдываться?—крикнула Дина.

— Ну, а еслибъ Лариса сказала, что вы у нея украли что-нибудь? Стали бы вы оправдываться? — спросила Варвара неожиданно.

— Вы съ ума сошли!

— Выходитъ, что нельзя оправдываться, пусть думаютъ, что украла. Нѣтъ, по моему стыдъ это—надо всѣмъ проклятая гордость! Самый близкій человѣкъ честнаго разговора не стоитъ... *Обязанъ* вѣрить... Мало бы что! Всякій человѣкъ въ иную минуту можетъ голову потерять... Я не потеряю, потому что во мнѣ нѣтъ гордости, я прямо приду и буду просить: милуша, дорогая, объясни ты мнѣ, ради Христа... А Саня вашъ и всѣ вы, царьки зажорскіе—храни Господи! Оскорбленіемъ клокочете, въ дребезги другъ друга разнести нипочемъ!

— Какіе есть!

— На здоровье. Да только у насъ-то, у насъ вы, *такая*, на что будете годна?! Коли учительницѣ со всякимъ оскорбленіемъ считаться, коли въ деревнѣ самолюбіе свое первѣе всего ставить... Дина, ты вѣдь умница! — какъ ты не сознаешь, что лучше сразу камень на шею навязать, да и въ озеро.

Послѣ этого Варвара долго шагала молча по комнатѣ. Дина упала назадъ въ подушки и вся вытягивалась, вытягивалась... Пока не почувствовала рѣзкую боль въ колѣняхъ.

— Простите, Дина, — заговорила фельдшерица угрюмо на

ходу:—не надо такъ несдержанно... Да еще послѣ собственнаго хвастовства.

Она остановилась надъ нарами, крѣпко притискивая къ груди скрещенныя руки.

— Я бы и нечаянно не выговорила такихъ словъ, если-бъ я не вѣрила въ тебя, Дина! Да, всѣми силами вѣрю, что ты можешь стряхнуть съ себя весь этотъ хламъ, если только захочешь.

Дина смотрѣла на нее изъ темноты блестящими глазами.

— И тогда, Дина, напротивъ, ты будешь самымъ подходящимъ человѣкомъ... Смѣлая, упрямая—такихъ-то и нужно! Такую не всякая щука проглотитъ — поперекъ горла станетъ, ха, ха, ха!.. Эта хваленая мягкость — расплывчатость на всѣ стороны—хоть и вовсе ея не надо! Вреда, пожалуй, больше, чѣмъ пользы.

Отвѣтъ на эту тираду былъ самый неожиданный. Дина однимъ стремительнымъ движеніемъ спрыгнула на полъ.

— Ну, ты, скажу я тебѣ, сама не знаешь, чего хочешь!—крикнула она задорно и начала рыться въ платьѣ, сложенномъ на стулѣ.

— О-о-о!..

— Да, ужъ, такъ, матушка! Ты думаешь, что гордость—не сила? Думаешь, что есть сила безъ гордости??.

— Есть, есть разумѣется!..

Дина торопливо завязывала тесемки отъ ситцевой юбочки и перебирала на половикѣ маленькими голыми ногами.

Варвара даже не спросила для чего она одѣвается, будто такъ и надо было.

— Ну, такъ то святые, объ нихъ и говорить незачѣмъ!—кивнула Дина съ увѣренностью.—И гордость разная бываетъ... Кто тебѣ сказалъ, что моя гордость—глупая?

— Такъ отчего же ты не можешь принять всего такъ, какъ оно есть?

Послѣ этихъ словъ Варвара успѣла скрыться въ свою спаленку, прежде чѣмъ Дина освѣдомилась, что это означаетъ.

— Чего это я не могу принять?

— Да хотя бы Савелія.

Можетъ быть, единственно оттого, что ей такъ давно хотѣлось говорить съ Варварой—рѣшительное наступленіе на этотъ разъ сошло безъ взрыва. Варвара какъ бы прорвалась сразу глубже повышенно-чувствительной поверхности, какъ острый ланцетъ вонзается въ живую ткань почти безъ боли.

Дина только вся насторожилась, какъ-то по новому.

Босыя ножки описывали зигзаги по жесткому половику, и

она высоко вскидывала ихъ, чтобы чувствовать сильнѣе пріятную свѣжесть. Въ оконное звено, затянутое проволочной сѣткой, тянуло ночной прохладой. Снаружи что-то билось о сѣтку, какое-нибудь крупное насѣкомое.

— Ну! комары всѣ сюда забились на свѣчку!—крикнула изъ спальни Варвара.

И Динѣ стало еще легче отъ этихъ обыденныхъ словъ. Она подошла къ двери и поглядѣла, какъ Варвара охотится на комаровъ, старательно наставляя ладони.

— Какъ тебѣ показался вчера Савелій?—спросила Дина спокойно.

Ладони громко щелкнули.

— Вчера?—повторила машинально Варвара, еще не рѣшаясь повѣрить новому тону.

— Ну, утромъ сегодня, все равно!—поправилась Дина.

— Возбужденъ сильно, но очень несчастнымъ мнѣ онъ не показался. О семинаріи мечтаетъ... На тебя надѣется.

— А какъ сошло съ отцомъ? Могъ бы онъ мнѣ хоть записочку прислать. Плохо, небось?

Варвара вздохнула.

— Побилъ!?. Не можетъ быть!..

Кровь тяжело кинулась ей въ лицо.

— Н-ну... не страшная это бѣда!—усмѣхнулась неожиданно фельдшерица.

Варвара спокойно объясняла: не считаться же со старикомъ-отцомъ въ такихъ дѣлахъ!.. Савелій другого и ждать не могъ. Да, пожалуй, теперь переговоры проще вести будетъ... Во-первыхъ, патріархъ сорвалъ свое сердце, значитъ ему легче стало разсуждать; во-вторыхъ, передъ сыномъ все-таки чувствуетъ себя не совсѣмъ ловко

— Ничего... мы еще подыграемъ на этой стрункѣ!—философствовала добродушно Варвара.—Парнемъ всѣ семейные гордятся, хоть и грызутся. Теперь всѣ какъ бы въ долгу передъ нимъ.

— Неожиданная апологія битія! — воскликнула язвительно Дина.

— Ну, это какое же битіе!

„Такъ вотъ почему Савелій глазъ не показалъ сегодня!“ быстро соображала про себя Дина. „Узналъ, что я здѣсь и не пошелъ...“

Ей пріятно, что чувство оскорбленія пересиливаетъ въ немъ даже желаніе увидѣться съ нею.

„Такъ, такъ и надо... Молодецъ Савушка! Побольше гордости, побольше!“

Варвара остановилась въ дверяхъ и смотрѣла на нее возбужденными глазами. Она тоже наслаждалась тѣмъ, что несносная связанность у нихъ исчезла.

...Не странно ли? Понять нельзя, въ чемъ заключаются эти перегородки, раздѣляющія самыхъ близкихъ людей... Почему они выростутъ, отчего вдругъ рухнутъ... Непроизвольное! Каждая душа въ свою скорлупу заключена. Минутами только истончается скорлупа, но пропустить сквозь себя другую душу не можетъ... И желать этого можно только минутами; неизмѣримо больше другихъ минутъ—когда сознаешь, что безъ скорлупы и жить не могъ бы.

Захотѣлось скорѣе, сейчасъ же воспользоваться этимъ непрочнымъ—минутнымъ... Иллюзіей близости.

— Дина!.. Мнѣ помечтать хочется... Не все же только мрачныя картины малевать... Пугать! Сейчасъ я тоже картину вижу... Сказать какую?

Дина усмѣхнулась и подвинулась ближе въ свѣтлую полосу.

— ...Что будетъ сегодня, двѣнадцатаго іюня—лѣтъ... лѣтъ черезъ пять, шесть?.. Ну, что?..

— Будутъ каникулы... Ты будешь въ гостяхъ у меня, а не я у тебя.

— Вовсе не у тебя! Мы будемъ съ тобой обѣ въ гостяхъ у нашего пріятеля и сослуживца, учителя Алексѣева... Будемъ чаекъ попивать гдѣ-нибудь на училищномъ огородѣ... Яростно споримъ! Онъ слово за слово отстаиваетъ собственные педагогическіе взгляды противъ тебя, своей учительницы и законодательницы. Вѣдь каждый мужчина во сто разъ самонадѣяннѣе нашего брата! Не даромъ же твой Савушка еще и читать путемъ не выучился, а уже критиковалъ, что учебники „худо сдѣланы". Кудрявая башка кипитъ планами, планами... Земляки величаютъ его Алексѣичемъ... Отецъ Гавріилъ сажаетъ въ розговѣнье на почетное мѣсто.

По лицу Дины блуждала слабая улыбка.

— Ну, что? Хороши мои мечты?.. И это все—все сдѣлала ты, моя гордая боярышня, воспитанная въ самыхъ заскорузлыхъ предразсудкахъ...

Варвара взяла ее за обѣ руки—развела ихъ во всю длину и опять свела вмѣстѣ нѣжнымъ и торжествующимъ жестомъ.

— О, да!.. вотъ такъ стоитъ жить на свѣтѣ — стоитъ! И вѣдь это только первый номеръ. Много другихъ будетъ, пожалуй, и еще почище. Но, Дина, этотъ-то первый... это вѣдь не только твой ученикъ! Беззавѣтно, навѣки преданное тебѣ сердце. Вотъ чего не искалѣчь какъ-нибудь изъ гордости... Жаль было-бы! Вѣдь

тутъ живая душа складывается... выростаетъ на твоихъ глазахъ... Поберечь ее надо!

— А это развѣ... не страшно?..—донесся голосъ Дины изъ глубины комнаты, куда она вдругъ выскользнула изъ рукъ Вари.

Варвара пошла за ней. Дина распахнула дверь, и дѣвушки вышли на крыльцо, какъ были, полураздѣтыя, разгоряченныя разговорамъ.

Живая тишь лѣтней ночи разливалась прозрачнымъ зеленымъ сумракомъ въ безоблачномъ небѣ: притаилась въ задумчивыхъ силуэтахъ неподвижныхъ деревьевъ, сгущалась по-низу пятнами влажной тѣни.

Маленькія сѣрыя избенки вытянулись унылой деревенской улицей, сливаясь своими совершенно одинаковыми, убогими очертаніями. Мутныя — низенькія — съ тяжелой, словно насупившейся крышей... Точно скорчились смиренно надъ пыльной и сорной улицей, съ ея нелѣпымъ кремнистымъ бугромъ по самой серединѣ. Приходится объѣзжать бугоръ каждому возу, огибаетъ его и стадо, и людская толпа. Развѣ пьяница какой-нибудь покатится съ него кубаремъ въ грязь, отплевываясь и чертыхаясь, да ребата по зимамъ катаются съ горки прямо подъ ноги лошадямъ...

Много нужно воспитать умныхъ, пытливыхъ и непримиримыхъ Савеліевъ для того, чтобы старый бугоръ, наконецъ, исчезъ, переталъ бы тѣснить и калѣчить народъ... Родятся и умираютъ съ нимъ сѣрые обитатели сѣрой улицы, безпечно отступая передъ тѣмъ, что его, вишь ты, лопата не беретъ... Савеліи сравняютъ улицу, окопаютъ канавами, обсадятъ деревьями—будутъ беречь и ребятъ, и коней. Они захотятъ, чтобы домъ ихъ былъ похожъ на человѣческое жилище, чтобы онъ рисовался на божьемъ небѣ просторными и красивыми очертаніями, а не такой безформенной сѣрой кучей, гдѣ смѣшаны въ одной грязи и тѣснотѣ старый и малый, человѣкъ и скотина...

— Милуша, а ты не простудишься босая?..

— Ну, вотъ еще!..

Дина смотрѣла въ зеленое небо и вспомнила красотокъ-ласточекъ. Которая-нибудь тутъ близко подъ стрѣхой спитъ въ заботливо укрытомъ гнѣздышкѣ.

...Гдѣ ночуетъ Савелій?

Пріятель какой-нибудь провелъ къ себѣ на сѣновалъ. Завтра придетъ. Или... что коли не придетъ и завтра?.. Черезъ нѣсколько минутъ Дина уже была увѣрена въ этомъ.

— Знаешь, Варя, если онъ и завтра не покажется, я больше ждать не стану. Поѣду,—сказала Дина внезапно.

— Что ты! Отчего онъ не покажется?—удивилась Варвара.

— И прекрасно. Я очень довольна что такая наука ему— не съ гуся вода! Да и зачѣмъ намъ видѣться? Утѣшеній я совершенно никакихъ не знаю для подобнаго момента. И стыда его мнѣ тоже видѣть не нужно. Деньги могу и у тебя оставить. Сообрази, пожалуйста, когда тебѣ свободно сходить къ старику?

Такія тонкости не по душѣ ея подругѣ. Варвара такъ сжилась съ деревней, что научилась подчасъ глядѣть ея глазами.

— Только не вздумай, чего добраго, внушать, что это кровная обида!—воскликнула она съ неудовольствіемъ:—охъ, не прививайте вы своихъ болячекъ здоровымъ! Кое что, небось, и привилось уже...

„Надѣюсь!“ подумала Дина.

— Я Савелія не увижу, значитъ, тебѣ будетъ полный просторъ утѣшать,— сказала она иронически,—а когда съ нимъ свидимся— это будетъ уже старая исторія.

Пріятельницы горячо заспорили. Молодые звонкіе голоса разлетались по безжизненной улицѣ. Сѣрыя избы смотрѣли въ пустоту своими подслѣповатыми оконцами, и казалось, что за ними все затихло мертвымъ, непробуднымъ сномъ...

Ольга Шапиръ.

КОНЕЦЪ.

ПО АМУРУ И ПРИАМУРЬЮ.

(Изъ путевыхъ замѣтокъ 1901 года).

(*Продолженіе* *).

III.

Черняевскій волокъ. Зейская пристань.

Послѣ продолжительныхъ хлопотъ, пустивъ въ ходъ всевозможныя протекціи, намъ удается, наконецъ, попасть на почтовый пароходъ, отплывающій отъ Благовѣщенска вверхъ по Амуру; насъ пускаютъ на пароходъ и, за недостаткомъ какихъ бы то ни было мѣстъ, отгораживактъ намъ уголокъ общей столовой, ставятъ здѣсь двѣ желѣзныя койки и завѣшиваютъ эту импровизированную каюту флагами Амурскаго общества пароходства и торговли.

За десять дней, прошедшихъ со времени моего перваго пріѣзда въ Благовѣщенскъ, вода въ Амурѣ упала на три фута; на тѣхъ перекатахъ, которые мы проходили при пятифутовой глубинѣ, воды осталось всего два фута, и вода продолжала убывать. Пассажировъ, взявшихъ билеты до Срѣтенска, предупреждаютъ поэтому, что въ Покровкѣ, при входѣ въ Шилку, имъ придется пересаживаться на особо-приспособленныя для пассажировъ, буксирныя мелкосидящія баржи. Въ дѣйствительности—какъ потомъ выяснилось—пересадка произошла гораздо ниже Покровки; уже на полпути, около Черняевой, мы едва переползли черезъ перекатъ, а въ Черняевой застали цѣлую флотилію пароходовъ, сгружающихъ товаръ, чтобъ уменьшить свою осадку, и выяснилось, что нашъ пароходъ уже на слѣдующей пристани долженъ передать и публику, и почту на буксирную баржу.

Меня лично, однако, это уже мало интересовало. Мнѣ предстояло плыть всего только до Черняевой, а отсюда ѣхать на лошадяхъ, черезъ зейско-амурскій водораздѣлъ, до Зейской пристани или просто «Зеи»—«резиденціи» Верхне-Амурской золотопромышленной компаніи. Ѣхать предстояло почтовымъ трактомъ, въ зимнее время доступнымъ для экипажей и чрезвычайно оживленнымъ: зимою по этому тракту

*) См. «Міръ Божій», № 5, май, 1902 г.

проходитъ все движенiе—и пассажирское, и грузовое, между Амуромъ и зейскими прiисками, и содержатели почтовыхъ станцiй, пользуясь абсолютно-монопольнымъ положенiемъ (гдѣ же больше взять лошадей среди глухой тайги!), берутъ съ проѣзжающихъ невѣроятныя деньги: за станцiонный перегонъ берутъ въ горячее время до 15 рублей съ лошади и, слѣдовательно, проѣздъ на парѣ отъ Черняевой до Зеи обходится до 150 рублей — почти до рубля за версту... Лѣтомъ этотъ «трактъ» представляетъ собой не что иное, какъ верховую тропу, въ дожди совершенно непроѣздную. На наше счастье, въ данной мѣстности впродолженiи почти двухъ недѣль не выпадало дождей, а потому дорога стояла относительно хорошая,—проѣздъ былъ *не* абсолютно невозможенъ. Движенiе по этому тракту лѣтомъ совершенно прiостанавливается: и почта, и пассажиры, и грузы, все это лѣтомъ двигается отъ Благовѣщенска на пароходахъ вверхъ по Зеѣ; достаточно сказать, что, забирая верховыхъ лошадей на почтовыхъ станцiяхъ, мы вездѣ получали квитанцiи за нумеромъ *первымъ*, и станцiонные ямщики подтверждали намъ, что, дѣйствительно, съ самаго конца зимы (а мы ѣхали въ началѣ iюня) по тракту не было отпущено ни одной лошади.

— Что̀ же ты здѣсь дѣлаешь все время? — спрашиваемъ мы ямщика на одной изъ станцiй.

— Да чего лѣтомъ дѣлать-то, — отвѣчаетъ ямщикъ,—все больше козуль стрѣляю; козуль здѣсь мно̀-о-ого. А вотъ скоро время придетъ— сѣно косить будемъ на зиму.

Почтовый ямщикъ, единственный мужчина на станцiи, преспокойно занимающiйся охотой на козуль!

Какъ мало здѣсь считаются лѣтомъ съ возможностью появленiя проѣзжающаго (почта, какъ я упоминалъ, лѣтомъ слѣдуетъ на пароходахъ), ясно показываетъ слѣдующiй инцидентъ, едва не поставившiй насъ въ довольно-таки безвыходное положенiе. Прiѣзжаемъ мы на первую отъ Черняевой станцiю и застаемъ здѣсь только женщину съ ребенкомъ, и отъ нея, къ нашему ужасу, узнаемъ, что лошади со станцiи убѣжали въ Черняеву и что ямщикъ уѣхалъ ихъ искать.

— Ужъ четвертый день, какъ кони убѣгли—гнусъ заѣлъ, объясняла женщина,—онъ-то сряду хотѣлъ ѣхать искать, да я все отговаривала, все думала—вернутся да вернутся кони; ну а седни видитъ— не ворочаются, онъ и уѣхалъ; по-оздно, должно быть, воротится...

Почтовая станцiя, три дня стоящая безъ лошадей! Въ частности, наше положенiе было довольно-таки трагическое: лошадей, привезшихъ насъ изъ Черняевой, мы отпустили; не найдетъ ямщикъ лошадей,—и мы хоть пѣшкомъ возвращайся въ Черняеву!..

Однако, дѣло обошлось сравнительно благополучно: ямщикъ съ лошадьми вернулся подъ вечеръ, такъ что мы прождали его сравнительно не долго—всего около двѣнадцати часовъ.

По картѣ главнаго штаба, водораздѣлъ Амура и Зеи заполненъ длиннымъ горнымъ хребтомъ Нюкжа. Новѣйшія изслѣдованія установили, что такого хребта въ натурѣ нѣтъ, и что водораздѣлъ представляетъ собою совершенно плоское равнинное плато. И. дѣйствительно: только первыя 12 или 15 верстъ отъ Черняевой намъ пришлось ѣхать сильно пересѣченною мѣстностью, съ каменистыми хребтами, поросшими превосходною сосною и лиственницею, остающеюся, за недостаткомъ людей, безъ всякой эксплуатаціи. Затѣмъ, верстахъ въ пятнадцати отъ Амура исчезаютъ хребты, и дальнѣйшій путь идетъ по плоской равнинѣ, съ едва замѣтными приподнятостями и впадинами. Приподнятости—«гривы» или «мысы»—покрыты болѣе или менѣе густыми перелѣсками изъ «россійской» бѣлой березы или лиственницы — любопытно, что столь характерные для амурской флоры дубъ и черная береза, а также кустарный орѣшникъ, очень распространенные по долинѣ Амура около Черняевой и по прибрежнымъ хребтамъ, совершенно исчезаютъ на водораздѣльной равнинѣ, чтобы опять появиться верстъ на сто сѣвернѣе, уже на побережьѣ Зеи. Мѣстами, гдѣ густой травяной войлокъ задерживаетъ снѣговую и дождевую воду, «мысы» эти болѣе или менѣе замѣтно заболочены; мѣстами, напротивъ, почва достаточно суха и могла бы хоть сейчасъ поступить подъ земледѣльческую культуру. Но господствующій типъ мѣстности, по пройденной нами тропѣ, — плоскія или слегка припадистыя низины; тропа идетъ по безконечнымъ, уныло однообразнымъ «марямъ», имѣющимъ характеръ то превосходнаго покоса, хотя и по слегка заболоченному грунту, то настоящаго кочковатаго болота. Наши лошади все время то хлюпаютъ между кочками, по водѣ, то вязнутъ въ липкой грязи; сплошь и рядомъ намъ приходится спѣшиваться и въ поводу проводить лошадей черезъ особенно топкія мѣста, иногда приходится развьючивать вьючныхъ и переносить на себѣ багажъ; лошади спотыкаются, падаютъ, и мы только и думаемъ о томъ, какъ бы ноги наши остались цѣлы... Тоскливое молчаніе нарушается только свистомъ куликовъ, летающихъ надъ «марями», да кукованіемъ ютящихся по перелѣскамъ кукушекъ...

Подъ вечеръ второго дня пути, утомленные и тяжелою дорогою, и уныло-однообразнымъ пейзажемъ, злые, готовые изъ-за всякаго пустяка сцѣпиться другъ съ другомъ, мы встрѣчаемъ, наконецъ, первыя за весь путь живыя существа — двухъ всадниковъ, на маленькихъ грязно-бѣлыхъ лошадкахъ, съ рѣзко монгольскими физіономіями, въ одеждахъ изъ звѣриныхъ шкуръ; за плечами у нихъ какіе-то необыкновенные треножники, какъ оказывается по ближайшемъ разсмотрѣніи ружья самаго первобытнаго устройства.

— Вѣдь поди-жъ ты,—замѣчаетъ нашъ ямщикъ или точнѣе проводникъ: — сѣрянкой онъ порохъ запаливаетъ; выстрѣли изъ экого

ружья въ доску—пуля назадъ отскочитъ; а шибко хорошо стрѣляютъ—промышляютъ всякаго звѣря.

Встрѣченные нами всадники — это манегры, названіе, которымъ обозначаютъ себя мѣстные тунгусы, ѣздящіе на лошадяхъ, въ отличіе отъ тунгусовъ, ѣздящихъ на оленяхъ.

Ночевать въ этотъ день намъ довелось не на зимовьѣ (станціи), а въ открытомъ полѣ, около небольшой рѣчки Цагаяна. Довольно широкая долина, усѣянная небольшими группами то сосны, то лиственницы, занявшейся, главнымъ образомъ, по болѣе выпуклымъ «мысочкамъ» или «релкамъ»; долина подернута тонкимъ вечернимъ туманомъ, а въ нѣсколькихъ мѣстахъ вьются небольшіе дымки, затѣмъ расползающіеся по долинѣ и сливающіеся съ туманомъ. Кое-гдѣ бродятъ маленькія грязно-бѣлыя лошадки.

— Манегры,—говоритъ нашъ проводникъ.

И дѣйствительно, только что мы выбрали себѣ мѣсто для ночлега, не успѣли еще развести огня, какъ къ нашей стоянкѣ подошелъ сперва пожилой манегръ съ рѣденькою сѣдою бородою, одѣтый въ звѣриныя шкуры, съ широкимъ костянымъ кольцомъ на одномъ изъ пальцевъ; затѣмъ, одинъ за другимъ, четыре мальчика, рѣзко выраженнаго китайскаго типа; наконецъ, подошелъ крохотный человѣчекъ, лѣтъ подъ пятьдесятъ, кривой, въ одеждѣ изъ брезента и въ картузѣ,—какъ оказалось, шаманъ. Подошли, усѣлись на корточки; завязался довольно оживленный разговоръ. Прежде всего, манегры заинтересовались вопросомъ, кто мы такіе? инженеръ-механики? дорогу проводимъ? или телеграфъ поправляемъ? и кто изъ насъ «старше» (т.-е. важнѣе)—мой товарищъ или я? Какъ знали, мы удовлетворили ихъ любопытство, и сами поинтересовались, какъ наши собесѣдники попали на Цагаянъ, и куда они держатъ путь.

— Моя на Амуръ кочевай,—объяснилъ намъ пожилой манегръ, на китайскій манеръ ломая русскій языкъ:—звѣря въ тайгѣ нѣту, козуля нѣту, сохатый нѣту, на Амуръ, сказываютъ, есть.

Разобрали мы багажъ, приступили къ чаепитію; за недостаткомъ лучшихъ подарковъ, презентовали взрослымъ манеграмъ по горсти чая, мальчуганамъ—по нѣскольку кусковъ сахара. Изъ четырехъ мальчиковъ, трое тотчасъ-же запустили въ ротъ по куску сахара и пустились бѣжать прочь. Четвертый спряталъ сахаръ за пазуху и остался сидѣть, не спуская съ насъ и съ нашего багажа своихъ большихъ, горящихъ любознательностью глазъ.

— Шибко умнà,—похвалилъ мальчика шаманъ,—все знать хочетъ.

У нашего проводника или ямщика оказывается запасъ свѣжаго хлѣба—у насъ такой роскоши не было. Я прошу проводника отрѣзать намъ пару ломтей и шутя говорю манеграмъ:

— Смотри, какой русскій чиновникъ худой, у мужика хлѣбъ беретъ.

— Нѣтъ, русска нойонъ хорошъ,—возражаетъ мнѣ на это ша-

манъ;—разъ возьми (ясакъ), и больше не надо; а китайскій нойонъ когда встрѣтитъ—все албанъ *) давай. А хлѣбъ брать не худо есть. Нашъ одинъ манегръ убй сохатаго,—всѣ манегры ѣдй; у одного есть буда,—всѣ берй по чашкѣ; вмѣстѣ голодай, и ѣдй вмѣстѣ.

— А вы сами-то кто,—спрашиваемъ,—китайскіе манегры или русскіе?

— Были китай, теперь стали все русска.

— Шибко русскую водку пьютъ,—иронизируетъ нашъ проводникъ.

Манегры вступаютъ въ разговоръ съ проводникомъ.

— Хозяинъ,—спрашиваютъ,—дома?

Хозяинъ—содержатель станціи или зимовья на Улангѣ, откуда мы попали на Цагаянъ, состоятельный, очевидно, человѣкъ, интеллигентный видъ котораго невольно обратилъ на себя наше вниманіе, пока мы мѣняли лошадей и чайничали на этомъ зимовьѣ.

— Дома,—отвѣчаетъ ямщикъ;—а вамъ чего?

— Мѣхъ, другъ, есть,—буда **) надо, порохъ надо.

— Есть все это, ступайте къ нему,—отвѣчаетъ ямщикъ.

— А почемъ буда?

— Четыре рубли пудъ.

— Что больно дорого?—вмѣшиваюсь я въ разговоръ.

— Ничего не дорого,—недовольнымъ голосомъ отвѣчаетъ ямщикъ:—буда сейчасъ на Зейской пристани по два восемь гривенъ.

Чтобы оцѣнить этотъ отвѣтъ, надо вспомнить, что Зейская пристань—пріисковый центръ, расположенный дальше отъ Амура, нежели зимовье, гдѣ манегры разсчитываютъ купить буду.

— А хорошую, спрашиваемъ, цѣну за мѣха кладетъ?

— Ничего,—нерѣшительно отвѣчаютъ манегры.

— Хорошо платитъ хозяинъ,—вмѣшивается проводникъ,—онъ вѣдь ихъ и кормитъ; кабы не онъ, они бы и живы не были, пропали бы. Вѣдь вотъ въ лѣсу живутъ, звѣря промышляютъ, а мясо у него-жъ берутъ, и буду, и табакъ, и порохъ, и все.

— Порохъ, другъ, шибко худая давай,—вставляетъ шаманъ,—вовсе худо горй...

— Ладно, какого тебѣ еще пороха,—строго отвѣчаетъ ямщикъ,—ничего порохъ. А то, не хошь къ моему хозяину, ступай на Вольгу ***) къ Іону Ивановичу; онъ тамъ сейчасъ стоитъ, тоже васъ кормить станетъ; можетъ у него порохъ лучше поглянется...

Мы допивали чай и стали поговаривать о томъ, что не грѣхъ бы собираться и на отдыхъ: восемьдесятъ верстъ верхомъ по кочкамъ сильно давали себя знать.

---

*) Китайскій налогъ.

**) Китайское просо.

***) Рѣчка Ольга впадаетъ въ Амуръ недалеко отъ Черняевой.

— А мѣхъ не надо,—спрашиваютъ насъ манегры:—сохатинъ теленокъ есть, рукавицы есть. Хочешь купи?

Чтобы доставить удовольствіе манеграмъ, мы покупаемъ у нихъ пару лосинныхъ рукавицъ. Едва получивъ отъ насъ деньги, пожилой манегръ обращается къ нашему проводнику съ вопросомъ—нѣтъ ли спирта, и дѣлаетъ самую огорченную физіономію, узнавъ, что спирта нѣтъ.

— Ну, и здоровы же они спиртъ лакать, говоритъ по этому поводу проводникъ: съ голоду мрутъ, а пьютъ; сколько ни дай,—все вылакаютъ!

Мы начинаемъ раскладывать палатку; манегры съ жаднымъ любопытствомъ слѣдятъ за этою процедурой, осматривая палатку и снаружи, и изнутри. Восторгъ ихъ полный...

— Больно хороша палатка, говоритъ шаманъ,—шибко хороша. Нутро желѣзная печка поставить—зимовать можно.

— А вотъ ты пойди къ намъ на будущій годъ въ проводники,— говоритъ мой спутникъ,—мѣста по тайгѣ показывать. Хорошо служить будешь—подаримъ палатку сверхъ денегъ.

Шаманъ въ полномъ восторгѣ отъ этой перспективы. Изъ его безсвязныхъ восклицаній выясняется, что онъ даже не думаетъ о денежной платѣ—онъ готовъ цѣлое лѣто проводничать изъ-за поглянувшейся ему палатки, и даже разъясненіе моего товарища, что палатка будетъ только добавкой къ хорошей денежной платѣ, оставляетъ шамана довольно равнодушнымъ.

На другое утро, вставъ до солнца, мы уже не видали нашихъ манегровъ; только издали мы видѣли вереницу, штукъ двадцать маленькихъ грязно-бѣлыхъ лошадокъ, на которыхъ частью сидѣли верхами мужчины, женщины, дѣти, частью были навьючены кожаныя юрты и другіе предметы скуднаго манегрскаго обихода.

Прощайте, случайные знакомцы... Прощайте, бѣдные обломки обреченнаго на гибель племени, отъ цивилизаціи получившіе только водку, оспу и сифилисъ, а носителей цивилизаціи видящіе только въ образѣ своихъ «кормильцевъ»—алчныхъ кулаковъ, на вашей гибели строящихъ зданіе своего богатства и благополучія...

Еще нѣсколько часовъ, сначала по болотамъ, потомъ по сухимъ, поросшимъ рѣдколѣсьемъ «еланямъ», и измученные, злые, мы достигаемъ, наконецъ, бегеровъ Зеи.

Мы выѣзжаемъ на Зею въ деревнѣ Овсянкѣ. Эта деревня—въ сущности не деревня; оффиціально она не признана и не имѣетъ ни административнаго сельскаго устройства, ни земельнаго отвода. Это—просто двадцать семь дворовъ, выстроившихся въ одну линію вдоль берега Зеи. Жители этихъ двадцати семи дворовъ занимаются поставкой дровъ и сѣна на пріиски Верхне-Амурской компаніи, разведеніемъ ово-

*

щей для сбыта на тѣ же пріиски и т. п. дѣлами. Казалось бы, что компанія должна только радоваться существованію такого поселенія. А между тѣмъ администрація компаніи почему-то много лѣтъ усиленно хлопотала объ его уничтоженіи, и нѣкоторые изъ обитателей поселка почему-то находятъ нужнымъ «для вида» заниматься земледѣліемъ. Оказывается, что на ряду съ перечисленными, оффиціальными, такъ сказать, профессіями, жители Овсянки поголовно либо спиртоносы, либо занимаются операціями по части краденнаго золота, либо «живутъ около рабочихъ», возвращающихся съ пріисковъ...

Пришлось намъ познакомиться и съ почетнымъ обывателемъ Овсянки— владѣльцемъ прекраснаго дома съ зеленою крышей и высокими флагштоками, на которыхъ при проѣздахъ начальства взвиваются флаги. Это— господинъ въ сюртукѣ, съ быстрыми, нервными движеніями и массою «образованныхъ» словъ въ разговорѣ; въ восьми верстахъ отъ Овсянки онъ содержитъ почтовую станцію и чрезвычайно усердно занимается разными опытами по части сельско-хозяйственной культуры: сажалъ на огородѣ тыквы, картофель, сѣялъ на грядкахъ овесъ и гречиху: теперь окончательно убѣдился въ возможности произрастанія хлѣбовъ и собирается заводить около своего «зимовья» серьезную запашку. Какъ мы узнали впослѣдствіи, господинъ этотъ былъ раньше искателемъ золота, нашелъ пріискъ, продалъ его компаніи, и теперь получаетъ за намытое золото попудную плату, которая, напримѣръ, за послѣднюю кампанію составила болѣе десяти тысячъ рублей.

Мы проходимъ, наконецъ, послѣднія тридцать верстъ, сначала по невысокимъ уваламъ и ровнымъ «еланямъ», съ рѣдколѣсьемъ то изъ бѣлой, то изъ черной березы; потомъ переваливаемъ черезъ нѣсколько довольно высокихъ хребтовъ, круто обрывающихся на Зею, покрытыхъ густою зарослью лиственницы и бѣлой березы, а по болѣе крутымъ каменистымъ склонамъ заросшихъ корявымъ дубнякомъ. Спотыкаясь на каждомъ шагу о корни или валежникъ, увязая въ липкой глинистой почвѣ, мы кое-какъ преодолѣваемъ эти хребты, спускаемся въ широкую заливную долину Зеи, гдѣ ѣдемъ уже рысью, по ровно укатанной, широкой торной дорогѣ и, наконецъ, достигаемъ обѣтованной земли— Зейской пристани, гдѣ насъ ждетъ покойный ночлегъ и удобное дальнѣйшее путешествіе на пароходѣ.

Какъ Овсянка не деревня, такъ Зейская пристань, иначе «Зея-пристань» или просто «Зея»—не городъ, по крайней мѣрѣ пока не городъ. Это—не болѣе, какъ «резиденція» Верхне-Амурской золотопромышленной компаніи, и еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ здѣсь ничего и не было, кромѣ этой резиденціи. Теперь это большое, чисто городского типа поселеніе съ четырьмя улицами, съ восемью слишкомъ тысячами жителей и съ самыми разнообразными признаками чисто городскаго уклада жизни. Зейская пристань имѣетъ самостоятельный полицейскій штатъ съ пятнадцатью полицейскими служителями (въ

Благовѣщенскѣ ихъ только 12); извозчиковъ съ нумерами и таксой—по рублю въ часъ (въ Благовѣщенскѣ такса полтинникъ); на пристани есть городской—точнѣе компанейскій садъ, обширный и тѣнистый; есть училище съ обширнымъ, очень хорошимъ зданіемъ, есть свыше двадцати кабаковъ или ренсковыхъ погребовъ; есть и типографія,—мало того, имѣется даже нѣчто въ родѣ газеты,—именно, выходятъ ежедневные бюллетени съ телеграммами Россійскаго агентства...

Центромъ города остается однако, по прежнему, «резиденція» Верхне-Амурской компаніи. Это рядъ красивыхъ домовъ: домъ главноуправляющаго—настоящій дворецъ, хотя и деревянный; главная контора, соединенная телефономъ со всѣми пріисками, домъ «резидента» съ «посѣтительскою»; за ними, вытянувшись въ видѣ второй линіи, рядъ болѣе простыхъ домовъ для прислуги и на второстепенныхъ служащихъ, а за ними—третій рядъ: громадные амбары и ледники, въ которыхъ хранится всякая провизія—между прочимъ мясо, которое въ замороженномъ видѣ по цѣлымъ годамъ не подвергается порчѣ. Впереди компанейскаго квартала берегъ Зеи перегороженъ барьерами, закрывающими проѣздъ для всѣхъ, кромѣ особо привилегированныхъ лицъ, и на этой закрытой набережной, по которой даже и ходить полагается только «чистой публикѣ», понастроены разные павильоны, балкончики съ видомъ на Зею и на окружающія горы, а на рѣкѣ — прекрасная купальня.

Весь остальной, не компанейскій городъ, среди котораго разбросаны, между прочимъ, «резиденціи» нѣсколькихъ другихъ, болѣе мелкихъ золотопромышленныхъ предпріятій, представляетъ мало привлекательную для глазъ картину. Постройки почти сплошь совершенно новенькія, особенно на заднихъ улицахъ, но все построено кое-какъ, домики гадкіе, заборы еле держатся, по всему видно, что люди устраиваются здѣсь не для прочной осѣдлости, а лишь на время—«сдѣлать деньгу» и уѣхать проживать ее куда-нибудь въ другое мѣсто.

И «дѣланіе денегъ»—единственный жизненный нервъ новаго, какъ на дрожжахъ растущаго города; это—настоящій городъ золотого (буквально золотого!) тельца, гдѣ на золотѣ и около золота въ немного лѣтъ дѣлаются огромныя состоянія. На Зеѣ—не мало людей въ родѣ одного изъ мѣстныхъ торговцевъ, въ настоящее время милліонера, который началъ свои операціи всего нѣсколько лѣтъ тому назадъ съ капиталомъ, кажется, въ пятьсотъ рублей; или бывшаго «конюховскаго старосты» Верхне-Амурской компаніи, и сейчасъ безграмотнаго, который получилъ пятьдесятъ паевъ въ основанномъ на найденномъ имъ пріискѣ предпріятіи и двадцать изъ этихъ паевъ продалъ за кругленькую сумму въ двѣсти тысячъ рублей...

Легко наживаемыя деньги легко и проживаются, и среди высшаго зейскаго общества царитъ величайшая расточительность и роскошь

дамы ходятъ въ шелкахъ и бархатахъ, мужчины играютъ въ карты на огромныя ставки. Не отстаютъ отъ богачей—въ другомъ, конечно, масштабѣ—и пріисковые рабочіе, выходъ которыхъ изъ тайги, въ концѣ золотопромышленной кампаніи, наполняетъ пристань шумомъ и разгуломъ. «Есть деньги,—говорятъ про пріискателя мѣстные обыватели,—ему чортъ не братъ, сорокъ, пятьдесятъ рублей ни почемъ. Пьянъ—къ нему никто и не подступайся—разнесетъ; а проспится или деньги пропуститъ—и опять тише воды, ниже травы».

Труднѣе всего жить на Зеѣ среднему обывателю, который, принадлежа по своему положенію къ высшему зейскому обществу, не располагаетъ, однако, соотвѣтствующими этому положенію доходами. Не говоря уже о томъ, что сложившіяся при бѣшеныхъ деньгахъ привычки заставляютъ и такихъ людей тянуться за богачами,—самая жизнь на пристани безумно дорога. На Зеѣ—все привозное, и стоимость провоза отъ Благовѣщенска, которая нормально не превышаетъ 20—22 копѣекъ съ пуда, во время продолжительныхъ мелководій на Зеѣ, когда грузы возятъ по Черняевскому волоку, поднимается до двухъ рублей за пудъ. Вблизи пристани нѣтъ ни земледѣлія, ни скотоводства, и даже процвѣтающее на Зеѣ и въ Овсянкѣ огородничество далеко недостаточно, чтобы покрыть спросъ на овощи со стороны пристанскаго населенія. Не удивительно, что цѣна картофеля на Зеѣ достигаетъ, нерѣдко, рубля за пудъ, а мяса, сплошь и рядомъ, нельзя купить ни за какія деньги, такъ что мясо ѣдятъ только служащіе Верхне-Амурской компаніи и тѣ немногіе счастливцы, которымъ компанейская администрація, въ особое одолженіе, дозволяетъ брать мясо изъ компанейскихъ подваловъ.

IV.

Амурская прерія.

Уже приближаясь къ Благовѣщенску, вы начинаете замѣчать постепенную смѣну растительныхъ формъ, свойственныхъ средне-сибирской тайгѣ, совершенно иными растительными формами, свидѣтельствующими о сравнительно мягкомъ климатѣ: по горнымъ склонамъ береза и лиственница вытѣсняются дубомъ и черною березой, по прирѣчнымъ низинамъ—если вы ѣдете, какъ я, раннею весною—вамъ бросаются въ глаза сплошь покрытыя цвѣтами дикія яблони. Начиная отъ Благовѣщенска, вы вступаете уже въ область типично-амурской природы. Здѣсь начинается главный—въ настоящее время—колонизаціонный районъ Амурской области и вообще всего Приамурья Зейско-Буреинская равнина, или, какъ ее иначе называютъ — Амурская прерія. Это—обширное степное пространство, протянувшееся вдоль Амура отъ впаденія Зеи до казачьяго поселка Пашковскаго, гдѣ Амуръ входитъ въ горную область Буреинскихъ горъ или Малаго Хингана; вглубь

страны эта «прерія» простирается у впаденія Зеи—приблизительно на двѣсти верстъ, при устьѣ Буреи — на сто, а въ восточномъ своемъ концѣ не болѣе чѣмъ на 30—40 верстъ. То почти плоская, съ едва замѣтными впадинами—«падями» или «падушками», то съ болѣе ясно выраженнымъ волнообразнымъ рельефомъ, она представляетъ собою какъ бы островъ среди необозримаго моря горъ, заполняющаго все остальное Приамурье, а отроги этой сплошной горной страны заходятъ и въ границы «преріи», то сливаясь съ волнистою степью рядомъ незамѣтныхъ переходовъ, то вдаваясь въ ровную степь грядами рѣзко выдѣляющихся среди равнины, хотя и невысокихъ хребтовъ; поднявшись на свободную отъ лѣса вершину одного изъ этихъ хребтовъ, вы видите передъ собою другія такія-же невысокія гряды, поросшія темнымъ, кудрявымъ дубнякомъ, и въ промежуткахъ между ними— ярко-зеленыя равнины, покрытыя пышною травою.

Этотъ роскошный травяной покровъ, съ точки зрѣнія спеціалиста, «составляется изъ причудливой, странной смѣси формъ степныхъ (Даурской степи), съ растеніями, свойственными болотистымъ лугамъ или просто болотамъ» (Коржинскій). Простой смертный видитъ передъ собой роскошные луга, которые весной, когда мнѣ довелось посѣтить Амурскій край, пестрѣютъ роскошнѣйшимъ ковромъ разнообразнѣйшихъ цвѣтовъ. Травяной покровъ роскошенъ, ростомъ и густотою, и въ Приамурской долинѣ, и по склонамъ хребтовъ, но особенно грандіозныхъ размѣровъ онъ достигаетъ въ долинахъ такихъ притоковъ Амура, какъ Бурея или Архара, гдѣ эти долины врѣзываются въ предѣлы горно-лѣсного массива страны: здѣсь трава достигаетъ положительно гигантскаго роста, съ головою закрывая всадника, сидящаго на конѣ...

Проѣзжая въ разныхъ направленіяхъ по амурскимъ лугамъ и степямъ, я постоянно вспоминалъ картины художниковъ декадентской школы или послѣдователей Бёклина: и луга, и степи усѣяны такими декадентскими цвѣтами, какъ лиліи—то блѣдно, рѣже темно-желтыя, то оранжево-красныя, и ирисы—то блѣдно-лиловые, то темно-фіолетовые; по рѣчнымъ долинамъ они перемѣшиваются съ огромными, какъ блюдечко, бѣлыми піонами, шиповникомъ, краснымъ клеверомъ, фіолетовою чиною, образуя коверъ, въ которомъ пестрѣютъ всѣ цвѣта радуги, мѣстами же, весною, разстилаются сплошныя поля бѣлыхъ, какъ снѣгъ, ландышей. На степи цвѣточный коверъ гораздо однообразнѣе и—по крайней мѣрѣ весной—составляется почти исключительно изъ желтыхъ цвѣтовъ—лилій, купальницы, лютика, одуванчика, молочая, такъ что амурскую степь по ея весеннему виду можно назвать, просто, «желтою степью».

Гдѣ только повыше и посуше, и луга, и степь густо поросли мелкою лешиною-орѣшникомъ, которая на каменистыхъ и сильно глинистыхъ мѣстахъ уступаетъ мѣсто дубовому кустарнику, на болѣе

влажныхъ — мелкому ракитнику или кустарной березѣ-ернику. Изъ лѣсныхъ породъ для «амурской преріи» характернѣе всего тотъ-же дубъ и безобразная, корявая черная береза. Они то разбрасываются по степи отдѣльными деревьями, то группируются въ болѣе или менѣе обширныя рощи, то всползаютъ по склонамъ горныхъ хребтовъ, одѣвая ихъ сплошнымъ, но негустымъ лѣснымъ покровомъ, кудрявая листва котораго дѣлаетъ амурскія горы совершенно непохожими на горы типичной сибирской тайги. На мокрыхъ рѣчныхъ водораздѣлахъ, дубъ и черная береза уступаютъ мѣсто нашей хорошей знакомой— бѣлой березѣ, которая въ Приамурьѣ является первымъ признакомъ мокрыхъ и мало плодородныхъ земель, а по прирѣчнымъ лугамъ тотъ же дубъ и та же черная береза смѣшиваются съ такими древесными породами, какъ ильмъ, кленъ, дикая яблоня и груша, грецкій орѣхъ и т. п.

Если вы, пріѣзжій, будете разговаривать объ амурской природѣ съ мѣстнымъ обывателемъ, будетъ ли то крестьянинъ-землепашецъ или горожанинъ-интеллигентъ, обыватель съ первыхъ же словъ начнетъ говорить вамъ о несообразностяхъ мѣстной природы и въ особенности климата. «Удивительный здѣсь край, услышите вы отъ горожанина: вездѣ рѣки разливаются весной, а здѣсь—лѣтомъ или осенью; въ августѣ надо убирать хлѣбъ, а какъ разъ въ это время здѣсь всегда дожди; единственное спасеніе—жнейки; только машинами можно поспѣть съ уборкой хлѣба. Зимы безснѣжныя, такъ что сѣять озимей совершенно невозможно. На горахъ располагаются болота; ѣдешь по горному склону, а, между тѣмъ, лошадь сплошь и рядомъ увязаетъ по брюхо». Крестьянъ больше всего занимаетъ и интригуетъ именно это послѣднее обстоятельство: «Чудныя здѣсь мѣста, — непремѣнно скажетъ вамъ выходецъ изъ Западной или Средней Сибири: — у насъ, въ Сибири (Амуръ какъ будто не признается за Сибирь), гдѣ низкое мѣсто, тамъ мокро, гдѣ высокое—сухо; а здѣсь ничего не разберешь: на горахъ болота, а по низкимъ мѣстамъ сухо». И каждый крестьянинъ, съ которымъ вы будете проходить или проѣзжать по знакомымъ ему мѣстамъ, непремѣнно покажетъ вамъ земли «низкія да крѣпкія», съ разработанными на нихъ пашнями, и покажетъ высокіе на видъ «мысы», съ виднымъ даже простому глазу скатомъ, куда, однако, «въ мокрый годъ съ конемъ не заѣдешь». Вообще Приамурье и въ частности «амурская прерія» поражаетъ васъ изобиліемъ болотъ и мокрыхъ мѣстъ; почти вездѣ, куда еще не зашла колонизація, вы видите кочки, среди которыхъ послѣ дождей застаивается вода, почти вездѣ вы встрѣчаете разныя осоки, мелкій ракитникъ, голубицу и другіе безспорные признаки болѣе или менѣе сильной заболоченности. Но заболоченность эта, по большей части, чисто поверхностнаго свойства,—результатъ впитыванія изобильныхъ лѣтнихъ осадковъ покрывающимъ почву толстымъ слоемъ мертвой раститель-

вости,—и весьма быстро исчезаетъ по мѣрѣ заселенія края: разъ гдѣ-либо появились люди, началъ ходить скотъ, пошли гулять весенніе палы, то почва обсыхаетъ въ немного лѣтъ, и на мѣстѣ недавняго болота появляются сплошныя пространства хорошихъ пахатныхъ земель.

Какъ своеобразна амурская природа, такъ своеобразны на Амурѣ и люди. Я не буду говорить здѣсь о казакахъ — мнѣ почти не удалось бывать въ казачьихъ поселкахъ Зейско-Буреинской равнины и совсѣмъ не пришлось присматриваться къ казачьему быту. Замѣчу только, что неблагопріятное впечатлѣніе, производимое внѣшнимъ видомъ казачьихъ селеній, впечатлѣніе полной нехозяйственности, вполнѣ подтверждается всѣми указаніями, какія можно найти въ литературѣ, и отзывами мѣстныхъ людей. «Казакъ — что́ собака на сѣнѣ», — эту фразу вы постоянно слышите изъ устъ мѣстныхъ обывателей; и въ самомъ дѣлѣ, казаки владѣютъ необозримыми пространствами лучшихъ въ краѣ земель, а между тѣмъ сами живутъ бѣдно, не извлекая никакой пользы изъ своихъ огромныхъ земельныхъ богатствъ. Слухъ *) о томъ, что бывшій манчжурскій районъ за Зеей рѣшено отдать подъ заселеніе казаками, приводитъ въ ужасъ благовѣщенцевъ,—они предвидятъ, что городъ надолго останется безъ овощей, молочныхъ продуктовъ и т. п. предметовъ необходимости. И въ самомъ дѣлѣ: пересѣкая полосу казачьихъ земель, вы видите, что лишь самая ничтожная доля этихъ земель, ближайшая къ поселкамъ, занята казачьими пашнями и сѣнокосами, — амурскіе казаки, занимая почти вездѣ самыя плодородныя и легкія для разработки земли, владѣя при этомъ огромными лугами, запахиваютъ, однако въ среднемъ вдвое меньше и держатъ значительно меньше скота, нежели крестьяне; обширныя площади плодороднѣйшихъ земель служатъ исключительно для выпаса скота, а по удаленной отъ селеній сѣверной окраинѣ казачьей полосы громадныя площади даже не выпасаются скотомъ и слѣдовательно, остаются безусловно безъ всякаго использованія.

Совершенно своеобразный типъ представляютъ собою амурскіе крестьяне. «Здѣшніе крестьяне—настоящіе американцы»—такъ характеризуетъ ихъ мѣстный интеллигентъ. Обиліе земли, превосходные заработки, дешевизна денегъ, близкое соприкосновеніе съ пріисками и пріисковою жизнью,—всѣ эти условія вырабатываютъ изъ переселенца, прожившаго десятокъ лѣтъ на Амурѣ, нѣчто совершенно непохожее на нѣсколько инертнаго и твердо знающаго свое «мужицкое» мѣсто «россійскаго» крестьянина. Обжившійся на Амурѣ крестьянинъ понемногу утрачиваетъ и внѣшнее обличье «мужика»: костюмъ его скорѣе мѣщанскій, нежели крестьянскій; если не въ будни, то въ праздники онъ носитъ фетровую шляпу съ клеймомъ «Tchourine et C-ie» или «по заказу торговаго дома Кунстъ и Альберсъ»; личныя его потребности

*) Въ настоящее время это, кажется, уже фактъ.

уже не опредѣляются мужицкой традиціей—амурскій крестьянинъ не стѣсняется покупать все, чтò ему по средствамъ. «Какъ они живутъ—просто изумительно, — говорилъ мнѣ одинъ изъ мѣстныхъ чиновниковъ, по роду службы постоянно соприкасающійся съ крестьянами: стоитъ зайти къ Чурину или Кунстъ-Альберсу посмотрѣть, чтò покупаетъ здѣшній крестьянинъ. Признаться вамъ,—продолжалъ почтенный чиновникъ—вначалѣ я даже возмущался; мужикъ сѣрый, а ни въ чемъ отъ барина отстать не хочетъ. Прихожу разъ къ Кунсту,—крестьянинъ туалетное мыло покупаетъ; ему показываютъ простой сортъ,—а онъ и смотрѣть не хочетъ: «мнѣ, говоритъ, небось руки мыть»; подай ему французское, опопонаксъ или жокей-клубъ, по рублю кусокъ».

Вліяніе Америки, которое такъ бросается въ глаза на улицахъ Благовѣщенска или Срѣтенска, отражается и на хозяйственномъ бытѣ амурскихъ крестьянъ: сплошь и рядомъ вы видите простую телѣгу съ тяжами изъ американскаго проволочнаго каната; подъ сидѣньемъ у вашего ямщика оказывается топорикъ съ американскимъ клеймомъ; проѣзжая мимо крестьянской пашни или покоса, вы вмѣсто обычнаго мужицкаго берестянаго или дерноваго балагана видите палатку изъ американскаго брезента; дома болѣе состоятельныхъ крестьянъ крыты американскимъ цинкованнымъ желѣзомъ, а кое-гдѣ этимъ желѣзомъ обложены цѣлые амбары. Но самое любопытное, по крайней мѣрѣ для меня, экономиста, не въ этихъ мелочахъ хозяйственнаго быта амурскаго крестьянина. Гораздо важнѣе его необыкновенная воспріимчивость къ новизнѣ, отсутствіе всякой рутины, проявляющееся въ его земледѣльческомъ хозяйствѣ. Въ особенности поражаютъ даже поверхностнаго наблюдателя колоссальные успѣхи амурскаго крестьянскаго хозяйства въ смыслѣ усвоенія улучшенныхъ земледѣльческихъ орудій и машинъ,—успѣхи, которыми едва ли можетъ, въ той же степени, похвалиться какая бы то ни было другая мѣстность Азіатской или Европейской Россіи; успѣхи тѣмъ болѣе замѣчательные, что на Амурѣ крестьяне не пользовались, въ этомъ отношеніи, содѣйствіемъ ни земства, котораго здѣсь нѣтъ, — ни правительства; быстрый прогрессъ въ распространеніи орудій и машинъ — результатъ просвѣщенной и энергичной иниціативы американца Эмери, но вмѣстѣ съ тѣмъ—и необыкновенной воспріимчивости амурскаго крестьянства. Здѣсь не мѣсто входить въ исторію этого дѣла. Достаточно указать на результаты, именно отмѣтить, что въ 1901 году одна только фирма Эмери разсчитывала довести свою продажу до огромной суммы въ 300.000 р.; что приамурское крестьянство въ настоящее время пашетъ исключительно заводскими, главнымъ образомъ американскими, плугами; что съ каждымъ годомъ все болѣе распространяются жнейки и молотилки—есть цѣлыя селенія, гдѣ крестьяне почти забыли о традиціонномъ серпѣ и о ручной уборкѣ хлѣба. Мнѣ пришлось возвращаться въ Благовѣщенскъ, послѣ одной изъ моихъ экскурсій по району крестьянскихъ

селеній, по главной дорогѣ, связывающей городъ съ этимъ райономъ; я видѣлъ при этомъ, какъ съ одного только парома съѣхало пять телѣгъ съ только-что купленными въ городѣ жнеями-сноповязалками; а содержатель парового перевоза черезъ Зею разсказывалъ мнѣ, что въ горячее время ему приходится сплошь и рядомъ перевозить заразъ, съ подобнымъ грузомъ по два и по три десятка подводъ.

Спѣшу оговориться. Я лично отнюдь не склоненъ преувеличивать значенія такой распространенности усовершенствованныхъ орудій и машинъ. Напротивъ: вполнѣ признавая, напримѣръ, значеніе хорошихъ плуговъ, въ смыслѣ улучшенія обработки земли, или необходимость жнеекъ при крайне затрудняющихъ уборку хлѣба особенностяхъ амурскаго климата, я, однако, въ общемъ присоединяюсь къ взгляду покойнаго Кержинскаго, высказавшаго, что въ сущности земледѣліе «здѣсь находится на первобытной ступени развитія» (Приамурье—единственная часть Сибири, гдѣ господствуетъ чисто-переложное хозяйство, безъ общепринятаго въ остальной Сибири пара), — что «всѣ эти жатвенныя машины не служатъ выраженіемъ прогресса и раціональнаго хозяйства, а составляютъ просто орудіе усовершенствованнаго хищничества». Если я сравнительно долго остановился на вопросѣ объ усовершенствованныхъ орудіяхъ и машинахъ, то только потому, что быстрое распространеніе такихъ орудій и машинъ, до 175-ти рублевыхъ плуговъ и тысячныхъ молотилокъ включительно, является хорошимъ показателемъ той легкости, съ которою амурскіе крестьяне усваиваютъ новое, и той свободы, съ которою они тратятъ деньги на улучшеніе своего хозяйства.

Конечно, амурское крестьянство не представляетъ собой сколько-нибудь однообразной массы,—напротивъ, въ средѣ его отчетливо выдѣляется цѣлый рядъ разнообразныхъ въ бытовомъ и хозяйственномъ отношеніи типовъ. Не касаясь здѣсь старовѣровъ, которымъ будетъ посвященъ слѣдующій очеркъ, я попытаюсь въ краткихъ чертахъ охарактеризовать хоть нѣкоторые изъ тѣхъ типовъ амурскаго крестьянства, съ которыми мнѣ удалось вступить въ извѣстное соприкосновеніе.

Вотъ молоканскія селенія подгородной Гильчинской, частью Красноярковской, Амурско-Зейской и др. волостей. По общему виду и характеру построекъ—это не деревни, а маленькіе городки, почище многихъ сибирскихъ городишекъ. Сами молокане по одеждѣ и т. п.—совершенные горожане; по существу—это народъ въ высшей степени дѣловитый, оборотистый, склонный, какъ никто, къ усвоенію всякой новизны, разъ только она кажется имъ полезною и выгодною. Первые изъ обитателей Приамурья они начали покупать улучшеныя орудія и машины, и ихъ примѣръ увлекъ за собою остальное крестьянство. «У каждаго молокана,— говорятъ мѣстные обыватели,—половъ дворъ машинъ: сами, подлецы, ничего не работаютъ,—все за нихъ дѣлаетъ машина; а самъ

изъ себя помѣщика изображаетъ: встанетъ въ восемь часовъ, въ десять выѣдетъ на бѣговыхъ дрожкахъ въ поле посмотрѣть и распорядиться: распорядится—и домой, обѣдать». Въ затратахъ на хозяйство или на торговыя операціи молоканинъ никогда не стѣсняется размѣрами собственныхъ средствъ: «доподлинно знаешь, что у него ни гроша нѣтъ, а глядишь, онъ тысячную молотилку во дворъ везетъ». Молокане, именно, въ совершенствѣ постигли значеніе кредита и выучились пользоваться имъ; по словамъ знающихъ людей, гильчинскіе молокане въ однихъ только благовѣщенскихъ банкахъ задолжали сотни тысячъ рублей, не считая долговъ фирмамъ по закупкѣ сельскохозяйственныхъ машинъ и частныхъ займовъ. При этомъ зажиточный или располагающій кредитомъ молоканинъ рѣдко остается при одномъ земледѣліи: онъ обращается къ торговлѣ, подрядамъ, покупаетъ или строитъ въ Благовѣщенскѣ дома, заводитъ мельницу или какой-нибудь заводъ,—въ молоканскихъ рукахъ сосредоточена значительная часть благовѣщенской торговли и промышленности. И при этомъ, по всеобщему мнѣнію, пальца въ ротъ молоканину нельзя класть—откуситъ. Да и вообще репутація у молоканъ сложилась далеко не лестная: имъ приписываютъ и склонность къ ростовщичеству, и участіе во всякихъ темныхъ дѣлахъ, совершающихся «около золота», и руководящую роль въ прошлогоднихъ избіеніяхъ и въ особенности—въ ограбленіи китайцевъ, и съ молоканскими именами связываются разсказы о самыхъ возмутительныхъ случаяхъ вѣроломства и предательства, жертвою котораго дѣлались при этомъ болѣе зажиточные китайцы.

Вотъ деревня Екатеринославка, на Будундѣ. Небольшое селеніе—всего 29 дворовъ, но раскинувшееся чрезвычайно широко и окруженное обширнымъ сплошнымъ поясомъ распаханныхъ земель. Всѣ дворы огорожены однообразными, аккуратно сбитыми досчатыми заборами. На дворахъ и по улицамъ виднѣются раскрашенные, на желѣзномъ ходу и съ дышловою запряжкой, фургоны извѣстнаго колонистскаго типа, виднѣются жнейки, буккера, плуги съ сидѣніями и т. п.

Екатеринославцы всѣ пришли съ болѣе или менѣе значительными средствами,—нѣкоторые принесли по пяти и болѣе тысячъ; къ заработкамъ, поэтому, имъ совершенно не приходилось обращаться,—только «свои деньги проводили», говорятъ они. Теперь вполнѣ обжились и окрѣпли, причемъ однако, въ отличіе отъ молоканъ, остались исключительно пахарями, а земледѣльческое хозяйство поставили исключительно на машинную основу: въ деревнѣ нѣтъ другихъ плуговъ, кромѣ заводскихъ; на 29 дворовъ имѣется семь жнеекъ, да еще за три даны задатки, и ручной способъ уборки совершенно вышелъ изъ употребленія: у кого посѣвъ сравнительно невеликъ, тѣ покупаютъ жнейки сообща или нанимаютъ жнейку у болѣе зажиточныхъ хозяевъ. Хозяйственность, отличающая въ Екатеринославкѣ отдѣльныхъ крестьянъ, является характерною и для цѣлаго общества. Въ другихъ селе-

ніяхъ къ поправкѣ дорогъ приступаютъ лишь послѣ усиленныхъ настояній начальства,—а екатеринославцы устроили себѣ хорошую дорогу по собственной инищіативѣ: укатали полотно боронами, сдѣлали хорошія гати черезъ заболоченныя «падущки», и теперь не нахвалятся своею дорогой. «Сердятся на насъ другія деревни-то,—говорятъ они: —мы себѣ дорогу своей охотой наладили, а теперь, глядя на насъ, начальство и другія деревни принуждаетъ». Строятъ себѣ екатеринославцы и церковь,—строятъ на собственныя средства, не утруждая никого ходатайствами о какой-либо помощи: одинъ богатый общественникъ пожертвовалъ двѣ тысячи деньгами, да еще на тысячу рублей церковной утвари, а остальные собрали между собою еще тысячу рублей да посѣяли «на церковь» десять десятинъ пшеницы.

Вотъ довольно многочисленныя селенія полтавскихъ хохловъ, сосредоточенныя, напримѣръ, въ волостяхъ Песчанoозерской и Ивановской. И здѣсь, какъ и по всей Сибири, полтавцы въ одеждѣ, въ устройствѣ жилищъ и во всемъ домашнемъ быту крѣпче, чѣмъ кто-либо, держатся принесенныхъ съ родины привычекъ и традицій. Селенія полтавцевъ вы узнаете издали по ихъ типичнымъ мазанкамъ; амбары крыты преимущественно соломой, вмѣсто гуменъ высокія малороссійскія клуни. Сохраняетъ традиціонный малорусскій типъ и внутреннее убранство хатъ, хотя сплошь и рядомъ, особенно теперь, послѣ «китайскихъ событій», вы видите малорусскій вышитый рушникъ въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ китайскимъ шелковымъ покрываломъ. Въ хозяйственномъ отношеніи полтавцы тоже принадлежатъ къ числу крѣпкихъ элементовъ амурскаго крестьянства. Полтавецъ, правда, не проявляетъ такой инищіативы въ смыслѣ усвоенія улучшенныхъ орудій и машинъ, вообще той склонности къ новизнѣ, какая характеризуетъ молокана; онъ мало приспособленъ къ борьбѣ съ трудностями таёжной жизни и плохо умѣетъ справляться съ лѣсными землями. Но онъ очень трудолюбивъ, аккуратенъ, бережливъ, довольно легко перенимаетъ отъ болѣе прогрессивныхъ элементовъ разныя улучшенія въ хозяйственныхъ пріемахъ, и вообще прекрасно устраивается, разъ только естественныя условія мѣстности — какъ въ Зейско-Буреинской степи—болѣе или менѣе похожи на тѣ, къ которымъ онъ привыкъ у себя на родинѣ. Впрочемъ, приспособленіе къ новымъ условіямъ не легко дается хохламъ. По отзывамъ коренныхъ амурцевъ — молоканъ и старовѣровъ — хохлы первое время вовсе не умѣли работать, и лишь мало-по-малу выучились хозяйствовать, какъ требуется мѣстными условіями.

Вотъ, наконецъ, недавно возникшіе могилевскіе поселки по Архарѣ или Харѣ, на самой восточной окраинѣ района крестьянской колонизаціи. Бревенчатые дома, часто недостроенные, крытые соломою или берестой; при каждомъ домѣ уже виднѣется амбарушка, но почти нигдѣ не видно никакихъ крытыхъ помѣщеній для скота, большинство

дворовъ еще не огорожено. Сами могилевцы, въ своихъ грязно-бѣлыхъ рубахахъ, вполнѣ сохранили еще свой довольно жалкій «россійскій» обликъ, особенно низко кланяются, охотно падаютъ на колѣни передъ власть имущими лицами. Чтó выйдетъ въ будущемъ изъ могилевскихъ поселковъ, — трудно сказать.! Но пока могилевцы считаются самымъ слабымъ, ненадежнымъ элементомъ амурскаго крестьянства *). «Худой народъ могили, — говорятъ старожилы края, раскольники, — гдѣ имъ противъ русскихъ сибиряковъ выстоять, — вовсе не умѣютъ работать: на трехъ лошадяхъ за сѣномъ послать нельзя, дровъ колоть не умѣетъ; наймешь его на какую работу,—только и работаетъ, чтó на глазахъ». «Самый ненадежный народъ—могилевцы,—говоритъ и переселенческій чиновникъ, и мѣстное полицейское начальство, за отсутствіемъ спеціально-крестьянской администраціи стоящее въ самомъ тѣсномъ соприкосновеніи съ новоселами: и на родинѣ они были бѣдны, хозяйства безъ мала чтó не вели, ничего не умѣютъ дѣлать, а здѣсь еще старожилы избаловали ихъ подачками; они теперь и не хотятъ работать, а все только норовятъ, какъ бы у кого-нибудь чтó выпросить». Съ прихода могилевцевъ — такъ, по крайней мѣрѣ, единодушно свидѣтельствуютъ и старовѣры, и хохлы—въ краѣ завелось воровство,—«раньше у насъ и замковъ не бывало, а сейчасъ вездѣ позаводили».

Довольно ли амурское крестьянство условіями своей жизни въ Приамурьѣ? На этотъ вопросъ я затрудняюсь дать категорическій отвѣтъ. Мои личныя впечатлѣнія въ данномъ отношеніи въ высшей степени утѣшительны; только отъ немногихъ стариковъ-могилевцевъ — да и то больше отъ усвоенной привычки къ брюзжанію—мнѣ довелось слышать плохіе отзывы объ условіяхъ жизни на Амурѣ. Въ общемъ же въ отзывахъ крестьянъ звучитъ основная нота полнаго довольства. «Земля здѣсь все родитъ,—говорятъ вамъ новоселы въ одномъ мѣстѣ,— и хлѣбъ, и кукурузу, и бахчи». «Лѣсъ есть, хлѣбъ родится, покосовъ вдосталь», слышите вы отъ другихъ новоселовъ. «И для пашни здѣсь хорошо, — говорятъ вамъ третьи, — а главное—деньга легкая, заработки хороши». И каждый новоселъ видитъ передъ собой заманчивую перспективу благосостоянія старожиловъ края—молоканъ и старовѣровъ, которые «позажились такъ, что ахъ ты Господи!»

Мои личныя наблюденія, въ данномъ случаѣ, совершенно расходятся съ впечатлѣніями такого прекраснаго наблюдателя, какъ покойный академикъ Коржинскій. «Несмотря на хорошіе заработки, — писалъ столь преждевременно угасшій естествоиспытатель,—на зажиточную, даже богатую обстановку, рѣдко можно услышать благопріятные отзывы о краѣ и встрѣтить довольство своимъ положеніемъ»; гораздо

*) Я отнюдь не желаю обобщать сказанное, а имѣю въ виду только тѣ немногіе могилевскіе поселки, которые возникли въ Амурской области. Въ Уссурійскомъ краѣ у могилевцевъ гораздо лучшая репутація.

чаще Коржинскому приходилось слышать «затаенные вздохи или самыя горькія жалобы на условія мѣстной жизни». Но это разногласіе очень просто объясняется. У крестьянъ, и особенно у переселенцевъ, очень коротка память; отзывы крестьянъ объ условіяхъ ихъ жизни всегда получаютъ яркую окраску отъ тѣхъ обстоятельствъ, при которыхъ протекли два-три послѣднихъ года,—обстоятельствъ, оставившихъ въ памяти совершенно ясный отпечатокъ, затѣняющій воспоминанія объ обстоятельствахъ болѣе раннихъ лѣтъ. Посѣтите какую-нибудь деревню послѣ пары неурожаевъ, а затѣмъ вторично послѣ двухъ-трехъ урожайныхъ годовъ, и вы услышите отъ крестьянъ совершенно иные отзывы какъ о состоящихъ въ ихъ пользованіи земляхъ, такъ и объ общихъ условіяхъ ихъ существованія. Покойный Коржинскій посѣтилъ Приамурье въ такіе годы, которые не были благополучными для мѣстнаго населенія, — въ годы усиленныхъ дождей и большихъ лѣтнихъ разливовъ. Мнѣ пришлось быть на Амурѣ послѣ трехъ умѣренно-дождливыхъ годовъ, безъ большихъ лѣтнихъ разливовъ; въ эти три года хорошіе урожаи получались и съ такихъ земель, куда «въ другой годъ и съ конемъ не заѣдешь», и подъ вліяніемъ такого благополучія всѣ впечатлѣнія и отзывы крестьянъ получили совершенно иную, гораздо болѣе розовую окраску.

V.

Амурскіе старовѣры.

Пароходъ медленно пристаетъ къ берегу у станицы Иннокентьевской. Я отправляюсь искать расположенную на противоположномъ концѣ станицы телеграфную контору, причемъ по дорогѣ любуюсь главною достопримѣчательностью станицы—церковью, сплошь обшитою цинкованнымъ волнистымъ желѣзомъ. Возвращаюсь назадъ, и застаю своего товарища по экскурсіи въ оживленной бесѣдѣ съ двумя пассажирами, вотъ уже вторыя сутки сидящими на берегу, въ тщетномъ ожиданіи мѣста на попутномъ пароходѣ.

— Такъ вы, ваше благородіе, такъ и сдѣлайте,—говоритъ одинъ изъ нихъ, молодой еще парень съ рыжеватою бородкой, въ пиджакѣ и картузѣ:—возьмите лошадей наскрозь отъ Грибовки, а то изъ Аркадьевки, да ѣзжайте на Гилеву заимку,—своихъ коней у гилевскихъ не должно быть; у Гилевыхъ заночуете, да оттоль и проѣдете на тятенькину заимку; а ежели понадобится дальше въ хребты (мѣстный терминъ для обозначенія тайги) проѣхать, тятенька вамъ тунгуса дастъ,—тунгусъ васъ проводитъ.

— А вашего тятеньку какъ зовутъ?—вмѣшиваюсь я въ разговоръ.

— Фирстовымъ, Филиппомъ Фирстовымъ. У насъ заимка была, какъ Грибовку проѣхать съ версту; можетъ быть, ваше благородіе, она у тебя въ плантѣ показана (дѣйствительно, на 40-верстной картѣ глав-

наго штаба значится «пасѣка Фирстова»); сейчасъ-то тятенька заимку татарину продалъ; самъ онъ верстъ за двадцать пять въ хребты уѣхалъ, на Бирьи вершины, а я свою пасѣку завелъ, недалеко въ сторонѣ.

— Зачѣмъ же это вашъ отецъ старую заимку продалъ?

— Да деревни, ваше благородіе, близко подошли, мѣста людныя стали; ну, а гдѣ люди, тамъ пчелу ужъ неловко водить; а на Бирьихъ вершинахъ мѣсто спокойное, для пчелы хорошо будетъ.

— Ну, а дастъ намъ тятенька тунгуса?

— Пошто́ не дастъ? Дастъ,—вмѣшивается въ разговоръ другой нашъ собесѣдникъ, пожилой человѣкъ безъ усовъ и бороды, въ чисто крестьянской одеждѣ, безъ всякихъ городскихъ новшествъ:—дастъ, ежели только самъ дома. А тунгусъ, ваше благородіе, если понадобится, васъ и до моей заимки довести можетъ. Только, пожалуй, не къ чему вамъ будетъ экую даль маяться; тропа худая—горы, топи, а мѣстовъ хорошихъ—ужъ это я вамъ вѣрно сказываю—тамъ нисколько нѣтъ. Вотъ около прежней нашей заимки, тамъ ничего, мѣста ладныя.

— А прежняя заимка у васъ гдѣ была?

— Да вотъ Гилева заимка пишется—она и есть. Сейчасъ тамъ могили живутъ, а допрежь того наша была—Гилевыхъ да моя; а меня-то Плюснинымъ зовутъ, ваше благородіе, Харламомъ Плюснинымъ.

Такимъ образомъ, съ первыхъ же шаговъ въ крестьянскій районъ судьба натолкнула насъ на представителей любопытнѣйшаго, распространеннаго по всей Сибири, а на Амурѣ въ особенности, типа старовѣровъ-заимщиковъ, этихъ лучшихъ піонеровъ сибирской тайги, которые со своими заимками проникаютъ далеко за предѣлы районовъ сплошной земледѣльческой колонизаціи и затѣмъ, когда эта колонизація надвигается на нихъ, бросаютъ свои заимки, уходятъ куда-нибудь дальше, и живутъ, пока опять не придетъ время уходить отъ «міра». О Фирстовѣ я слыхалъ еще въ Благовѣщенскѣ; слышалъ, между прочимъ, разсказъ о посѣщеніи его заимки однимъ важнымъ мѣстнымъ администраторомъ. Послѣ разныхъ разговоровъ о пчеловодствѣ, вообще о хозяйствѣ, администраторъ захотѣлъ перевести разговоръ на религіозныя темы.

— Ты православный?

— Самой православной настоящей вѣры.

— А дѣтей какъ крестите? водою?

— Нѣтъ, не водою, а духомъ. Да что́ объ этомъ разговаривать, ваше высокородіе, лучше я васъ чаемъ да медкомъ попотчиваю.

Я не знаю, сколько еще нашимъ собесѣдникамъ пришлось просидѣть въ ожиданіи парохода; возможно, что и не одинъ день, потому что попасть на пароходъ на Амурѣ, особенно съ промежуточной пристани,—это все равно, что взять выигрышъ въ лоттерею, и проѣзжая по Амуру постоянно приходится видѣть у пристаней горы багажа и пас-

сажировъ, по многу дней дожидающихся счастья попасть на пароходъ. Мы же черезъ нѣсколько часовъ тронулись въ путь. Проѣхали чистенькую малорусскую деревню Аркадіе-Семеновку, (названную такъ, по мѣстному обыкновенію, по имени-отчеству одного изъ бывшихъ губернаторовъ области), проѣхали пару вновь возникшихъ могилевскихъ поселковъ и добрались до могилевскаго же поселка—Грибской или Грибовки. Здѣсь кончался колесный путь, и приходилось переходить къ верховому способу передвиженія. Нужно было разобрать багажъ, разложить его по вьюкамъ, собрать партію верховыхъ лошадей и проводниковъ; на все это требовалось не мало времени, которое мы и провели въ недостроенной избѣ, бесѣдуя на разныя темы съ ея хозяевами. Поразспросивъ насчетъ посѣвовъ, насчетъ цѣнъ на разные продукты, услышавъ уже успѣвшій стать привычнымъ отвѣтъ, что «здѣсь всякій хлѣбъ родится», спрашиваю хозяйку:

— Коровъ-то у тебя, милая, сколько?

— Есть коровушка, одна.

— А сколько плачена?

— Ничего не плачена. Старикъ съ Гилевой заимки, Харламъ, нашимъ старикамъ пожертвовалъ, для Бога.

— Чтó-жъ, и другимъ онъ такъ же жертвовалъ?

— Давалъ которымъ. У насъ на деревнѣ почитай четыре коровы или пять отъ него, да по другимъ деревнямъ—въ каждой по стольку же.

Разговоръ переходитъ на дыни, арбузы, огурцы—и это все «здѣшняя земля родитъ».

— А сѣмена откуда брали?—спрашиваю.

— Отъ хохловъ, да съ Гилевой заимки. Мы какъ пришли, у насъ ничего не было, а они приплавили двѣ лодки съ хлѣбомъ, да съ арбузами, да съ огурцами,—иди и бери. Хорошіе они люди!

Наконецъ, снарядивъ свой обозъ, отправляемся въ путь. Проѣхавъ съ версту, наѣзжаемъ на заимку: изба, нѣсколько амбаровъ, крытый скотскій загонъ. Около заимки пожилой татаринъ копаетъ ямы для новой изгороди. Очевидно, бывшая заимка Фирстова.

— Это чтó, ты заимку купилъ?—спрашиваемъ татарина.

— Я и есть.

— У кого купилъ—у Фирстова?

— У него и есть.

— Чтó же, пашню будешь пахать?

— Пашню, пчелъ заведу—хорошее здѣсь мѣсто для пчелы.

— Да ладно ли будетъ?—спрашиваю.—Вонъ Фирстовъ оттого и ушелъ, что около людей пчелъ водить нельзя.

— Пустое это,—говоритъ татаринъ.—Люди пчелѣ ничего не препятствуютъ. А оттого Фирстовъ ушелъ, что старовѣръ: они русскихъ къ себѣ не пускаютъ, изъ своего стакана пить не даютъ, имъ и нельзя оставаться, гдѣ русскіе стали жить.

Немного отъѣхавъ отъ заимки, начинаемъ подниматься по отлогому склону невысокаго хребта, поросшаго мѣстами лиственницей, по большей части дубомъ, на самыхъ неожиданныхъ мѣстахъ натыкаясь на кочковатыя болотца или увязая на такихъ полянкахъ, которыя издали казались совершенно сухими. Добравшись до перевала, взлѣзаемъ на небольшую каменную сопку, откуда передъ нами открывается дивный видъ—настоящія «лѣсныя дали» во вкусѣ М. К. Клодта или болѣе раннихъ пейзажей Аполлинарія Васнецова: ярко-зеленыя равнины, параллельныя цѣпи невысокихъ, темнозеленыхъ лѣсистыхъ холмовъ, а за ними на горизонтѣ синѣютъ высокія горы Малаго Хингана. Довольно крутой спускъ вдоль весело журчащаго горнаго ручья, среди густой заросли орѣшника, мелкаго дубняка съ подмѣсью клена, ильма и т. п. приводитъ насъ къ берегу Архары; здѣсь намъ приходится оставить лошадей—въ Архарѣ высокая вода, и переплавить лошадей нельзя—и, переправившись на утлой лодкѣ, идти пѣшкомъ до мѣста нашего ночлега.

Ночлегъ этотъ на Гилевой заимкѣ, нынѣ поселкѣ могилевскихъ переселенцевъ. Въ поселкѣ пока всего семь дворовъ; нѣтъ ни начальства, ни отводной квартиры. Мы на глазомѣръ выбираемъ самый большой домъ и просимъ разрѣшенія переночевать. Намъ разрѣшаютъ.

Оказывается, что мы попали удачно: этотъ домъ—бывшій домъ Харлама Плюснина; большія хоромы, крашеные масляною краскою полы, вѣнскіе стулья, прекрасное зеркало съ золоченою рамой. Новый владѣлецъ этого дома—пожилой могилевецъ въ грязно-бѣлой рубахѣ—видимо не совсѣмъ ловко себя чувствуетъ посреди всего этого непривычнаго великолѣпія, которое, впрочемъ, новые обитатели успѣли въ достаточной мѣрѣ испакостить и загадить.

— У кого купилъ домъ-то?—спрашиваемъ старика-могилевца.

— У Харлама Плюснина.

— За сколько купилъ?

— За четыре сотни, да деньги не плачены. Уходилъ Харламъ на новое мѣсто, дома некуда дѣвать, онъ мнѣ и препоручилъ.

Скоро для меня выяснился и дѣйствительный смыслъ этого нѣсколько запутаннаго объясненія. На другое утро мы поѣхали верхами, посмотрѣть мѣстность, окружающую заимку. Съ нами поѣхалъ сынъ нашего хозяина, толковый и разговорчивый малый, отъ котораго мы и узнали, что могилевцы просто купили дома въ кредитъ у старовѣровъ.

— Чуднóй народъ,—разсказывалъ нашъ спутникъ:—отроду насъ въ глаза не видали, а экія деньги вѣрятъ, да и бумаги никакой не берутъ,—такъ, на слово. Спрашиваю я ихъ: а ежели помремъ, чтó будетъ? Ничего, говоритъ, Богъ отдастъ... И то сказать,—продолжалъ парень,—много денегъ у нихъ и пропало за нашимъ братомъ, а они—ничего. Милосердные они: Могилевку да Грибовку почитай скрозь кормили; придутъ къ нимъ новоселы, они накормятъ, да всего съ собой

даютъ; бери, говорятъ, сколько хочешь,—да еще радуются: видно, говорятъ, голодны, что экую ношу несутъ...

— А зачѣмъ же они—спрашиваю,—заимку бросили?

— Да кто ихъ, ваше благородіе, знаетъ! То ли имъ по старой вѣрѣ съ мірскими жить не глянется, то ли отъ чего другого. Сказываютъ, тунгусы имъ хорошее мѣсто показали: ключикъ горячій, а къ ключику изюбри *) ходятъ, имъ для промысла и хорошо; промышляютъ вѣдь они все больше. А то еще сказываютъ, будто золотишко гдѣ-то нашли, Господь ихъ знаетъ.

— А много ихъ,—спрашиваю,—такихъ милосердныхъ?

— Нѣтъ, про другихъ не слыхали что-то. Покормить—это всякій покормитъ; а подарковъ, кажись, не даютъ другіе.

Однако, гилевскіе старовѣры далеко не единственные въ своемъ родѣ. Черезъ пару дней, пересѣкая водораздѣлъ отъ Архары къ Бурей, пришлось заночевать на заимкѣ нѣкоего Безрукова—старовѣра изъ деревни Домикана. Пріѣхали мы поздно, сейчасъ же залегли спать въ амбарѣ на засыпанномъ въ сусѣкъ овсѣ, утромъ рано выѣхали, и я только мелькомъ видѣлъ хозяина заимки, угрюмаго и несимпатичнаго на видъ, рослаго, бородатаго мужика и успѣлъ перекинуться съ нимъ всего нѣсколькими словами на какія-то сельскохозяйственныя темы.

Проѣхавъ нѣсколько верстъ отъ заимки, встрѣчаемъ мѣстнаго пристава, съ которымъ и пришлось доѣхать до деревни Домикана, на Бурей. Разговоръ сейчасъ же зашелъ о старовѣрахъ. Услышавъ, что мы ѣдемъ съ Гилевой заимки, приставъ началъ дѣлиться со мною своими подозрѣніями относительно причинъ, побудившихъ обитателей заимки перебираться дальше вглубь тайги.

— Что-жъ тутъ особеннаго,—отвѣтилъ я на обращенный ко мнѣ по этому поводу вопросъ:—вездѣ вѣдь старовѣры бѣгутъ отъ «міранъ» и вездѣ стараются скрыться отъ «міра» въ невѣдомую тайгу.

— Да, это такъ, а все-таки—зачѣмъ имъ нужно бѣжать отъ людей?.. Нѣтъ, ужъ я доберусь до нихъ,—съ жаромъ говорилъ почтенный чиновникъ;—пусть они себѣ тамъ годъ посидятъ да обживутся, а тамъ мы и посмотримъ, въ чемъ дѣло.

Однако, несмотря на нескрываемо-недружелюбное отношеніе къ старовѣрамъ, мой собесѣдникъ не отрицаетъ того, что старовѣры—лучшая часть населенія его участка, «только насъ, православныхъ, почитаютъ хуже собаки». Тѣмъ не менѣе, очень много помогаютъ, не разбирая православныхъ отъ неправославныхъ.

— Вы вотъ ночевали на заимкѣ у Безрукова,—вѣдь онъ рѣшительно всѣхъ переселенцевъ, кто къ нему ни зайди, кормитъ. Даю вамъ слово, если бы не онъ, за зиму бы у меня десятка полтора переселенцевъ поза-

---

*) Благородный олень; охотятся на него изъ-за роговъ («панты»), за которые китайцы даютъ большія деньги.

*

мерзло. Отъ Доминана до Архары сорокъ верстъ, идутъ все больше пѣшкомъ, морозъ лютый, ну, каждый и заходитъ къ Безрукову обогрѣться; онъ каждаго накормитъ, да еще хлѣба дастъ съ собой на дорогу. Въ нынѣшнемъ году, знаете, онъ спеціально четыре десятины пшеницы посѣялъ «для гостей»; просто для счета—любопытно ему стало знать, сколько на такихъ «гостей» выходитъ хлѣба.

Разговоръ зашелъ о могилевцахъ; мой собесѣдникъ оказался раздѣляющимъ всеобщее нерасположеніе къ этой группѣ новоселовъ.

— Они и на родинѣ-то,—говорилъ онъ,—хозяйства не умѣли вести, а здѣсь еще старовѣры ихъ избаловали подачками. Вѣдь до какого нахальства доходятъ!.. Есть въ Доминанѣ старикъ одинъ, уважаемый, онъ у нихъ что-то въ родѣ архіерея; пришла къ нему женщина изъ Могилевки, онъ ей подарилъ телку; а чрезъ недѣлю та опять къ нему: «телкѣ, молъ, скучно, подари бычка»; пѣтуха имъ дарятъ—не берутъ: дай курицу, она яйца будетъ нести.

Кромѣ отдѣльныхъ заимокъ, частью забравшихся въ глухую тайгу, въ роли какъ бы авангарда колонизаціи, частью располагающихся на «междугранкахъ», т.-е. на оставшихся свободными земляхъ въ промежуткахъ между селеніями, уже въ чертѣ заселеннаго района, старовѣры живутъ и отдѣльными селеніями, преимущественно по Буреѣ и въ ближайшемъ къ ней районѣ; въ одномъ селеніи при этомъ нерѣдко группируются раскольники различныхъ толковъ, а иногда старовѣры живутъ и вмѣстѣ съ православными.

Всѣ старовѣрскія селенія (мнѣ пришлось посѣтить на Завитой деревню Платову, на Буреѣ—Доминанъ, Каменку, Кулусутай, Бахареву) прекрасно обстроены, хотя и не съ такимъ шикомъ, какъ селенія молоканъ. Преобладаютъ солидно сложенные бревенчатые дома, почему-то всегда съ бѣлыми ставнями, крытые иногда берестой, чаще тесомъ или цинкованнымъ желѣзомъ; дома сплошь и рядомъ въ нѣсколько покоевъ, даже двухъэтажные, а у богатыхъ—съ какими-то балкончиками или галлереями; дворы широкіе, съ солидными амбарами и крѣпкими изгородями или заборами, около домовъ часто небольшіе садики или палисадники. Словомъ, все производитъ впечатлѣніе зажиточности и хозяйственности, хотя въ нѣкоторыхъ явно зажиточныхъ дворахъ непріятно поражаетъ нѣкоторая запущенность, находящая себѣ выраженіе въ полуразвалившихся амбарахъ, покосившихся заборахъ, разбитыхъ стеклахъ и т. п.

У амурскихъ старовѣровъ — репутація прекрасныхъ земледѣльцевъ, хотя, въ смыслѣ склонности къ всякимъ новшествамъ и усовершенствованіямъ, они нѣсколько и уступаютъ пользующимся репутаціею «американцевъ» par excellence молоканамъ. Но въ противоположность позднѣйшимъ пришельцамъ, хохламъ или могилевцамъ, старовѣры рѣдко живутъ однимъ земледѣліемъ. Каждый старовѣръ, прежде всего, превосходный и страстный охотникъ, и охотничій промыселъ, которому такъ благопріятствуютъ и богатая фауна, и почти полная пустынность

большей части пространства Амурской области, давалъ и отчасти сейчасъ еще даетъ старовѣрамъ крупные заработки: промышляютъ козулю (козуль вы еще и сейчасъ встрѣчаете на каждомъ шагу, проѣзжая по окраинамъ заселеннаго района), сохатаго, медвѣдя; охотятся на изюбря (иначе—маралъ или благородный олень), молодые рога котораго покупаются китайцами за огромныя деньги. Ловятъ звѣря разными ловушками, но главнымъ образомъ охотятся съ ружьемъ, причемъ, въ противоположность западно-сибирскому охотнику съ его первобытною кремневкой, амурскій старовѣръ вооруженъ въ худшемъ случаѣ берданкой, а въ лучшемъ—дорогимъ винчестеромъ или вообще винтовкой какой-нибудь извѣстной иностранной фирмы. Охота для амурскаго старовѣра—несомнѣнно что-то въ родѣ спорта: тратя на охоту массу времени и энергіи, онъ слѣдуетъ далеко не одному только хозяйственному разсчету, но кромѣ того и своему вкусу, своей страсти къ охотѣ, потому что съ чисто-хозяйственной точки зрѣнія охотничій промыселъ, при существующей на Амурѣ высокой оцѣнкѣ труда, обусловливаемой наличностью разнообразнѣйшихъ болѣе выгодныхъ заработковъ, отнюдь не можетъ быть признанъ особенно доходнымъ занятіемъ.

Наиболѣе крупные заработки амурскимъ старовѣрамъ даетъ золотопромышленность, и обнаружившійся въ самые послѣдніе годы, какъ можно думать, временный упадокъ золотого дѣла въ краѣ довольно тяжело отразился на благосостояніи старовѣровъ. Не мало старовѣровъ, какъ изъ «деревенскихъ», такъ особенно изъ заимщиковъ, повидимому, занимается такъ называемою «хищническою» добычею золота; найдутся среди нихъ и спиртоносы, и представители другихъ, частью еще менѣе благовидныхъ профессій, какія всегда складываются около пріисковъ и на путяхъ выхода золотопромышленныхъ рабочихъ,—хотя, впрочемъ, не мѣшаетъ замѣтить, что разсказы о самыхъ темныхъ дѣлахъ, совершающихся «около золота», почти всегда связываются не со старовѣрскими, а съ молоканскими именами. Но главный массовый заработокъ даютъ или, вѣрнѣе, давали такія занятія, какъ перевозка въ пріисковыя «резиденціи» десятковъ и сотенъ тысячъ пудовъ потребляемыхъ на пріискахъ продуктовъ, какъ заготовка сѣна и разные другіе виды вспомогательныхъ работъ (на работы собственно по добычѣ золота мѣстныхъ жителей воспрещается нанимать), не говоря уже о крайне выгодномъ сбытѣ, который пріиски открывали для разнообразнѣйшихъ продуктовъ крестьянскаго хозяйства.

На хозяйствѣ буреинскихъ старожиловъ особенно сильно отразился кризисъ Ниманской золотопромышленной компаніи, «резиденція» которой расположена всего въ тридцати верстахъ отъ послѣдняго по Буреѣ старовѣрскаго селенія—Бахаревой. Еще недавно на Ниманскихъ пріискахъ намывали въ годъ до ста шестидесяти пудовъ золота, а въ камланію 1900 года намыли всего только семь пудовъ... «И чего тамъ только не было,—съ сокрушеніемъ разсказываютъ бахаревцы:—три тысячи лошадей по три пути дѣлали, разный товаръ возили,—было значитъ,

что́ возить! Вся Завитинская волость въ нихъ работала, съ Томи—Томская волость работала, хорошо съ того жили!.. На Пайканскомъ складѣ (названіе Нимапской резиденціи) сѣно прессовали, зарабатывали по два да по три рубля въ день; овесъ продавали по семи до восьми гривенъ, а сейчасъ не дороже полтинника...»

Какъ «деревенскіе» старовѣры, такъ и обитатели заимокъ почти поголовно собираются уходить съ насиженныхъ мѣстъ, чѣмъ и объясняется, очевидно, нѣсколько запущенный видъ многихъ домовъ и дворовъ въ старовѣрскихъ селеніяхъ: не поправляютъ домовъ, даютъ валиться изгородямъ, потому что доживаютъ здѣсь послѣдніе годы, и каждый присматриваетъ себѣ какое-нибудь новое мѣсто для водворенія. «Только потому по-сейчасъ не ушли,—говорили мнѣ старовѣры въ деревнѣ Каменкѣ,—что домашность некуда опредѣлить; а вотъ придутъ новоселы, домашность покупятъ, всѣ и уйдемъ». Стремятся старовѣры, главнымъ образомъ, «во Владивостокъ»—въ Приморскую область, кто на Даубихе, кто на Уду. Одни стремятся туда исключительно на основаніи слуховъ, другіе уже ходили смотрѣть «новыя мѣста», кое-кто уже и переселился; впослѣдствіи, путешествуя по самой глухой части Южно-Уссурійскаго края, я попалъ въ образованную выходцами изъ Каменки старовѣрскую деревню — тоже Каменку, на побережьи Улахе, причемъ приходилось только руками разводить—какъ старовѣры могли пробраться, съ семьями и скарбомъ, въ такую глухую и удаленную отъ всякихъ проѣзжихъ дорогъ тайгу... Всѣхъ привлекаетъ туда главнымъ образомъ просторъ, приволье. «Тамъ свободно,—разсказывалъ мнѣ старовѣръ, ходившій смотрѣть мѣста на Даубихе,—для хлѣбовъ, правду сказать, мѣста́ не стоятъ здѣшнихъ, да большія удобства для промысла, для пчелы»; а про мѣста на Удѣ слыхали, что тамъ «шибко хорошо» для скотоводства, да и на рыбѣ можно заработать.

Однако, что́ же гонитъ амурскихъ старовѣровъ съ насиженныхъ ими мѣстъ? Говорить о тѣснотѣ, о недостаткѣ земли, было бы смѣшно,—сами старовѣры соглашаются, что «пашня есть, покоса сколько угодно, лѣсъ есть, все есть», хотя и отмѣчаютъ разные признаки надвигающагося «утѣсненія»: «прежде,—говорятъ они,—не пасли скота, вольно было; а теперь нагнали россійскихъ, и уже скотину пасти доводится». Сократились, правда, и заработки на пріискахъ, но все же условія оплаты труда, и особенно условія сбыта продуктовъ, и до сихъ поръ въ высшей степени благопріятны; поистощились, правда, запасы промысловаго звѣря, но и сейчасъ козули такъ и скачутъ по лѣсамъ и по горамъ, и хорошій охотникъ и сейчасъ избиваетъ за зиму десятки головъ крупнаго звѣря. Если поэтому старовѣры говорятъ о наступившемъ «многолюдствѣ», какъ основной причинѣ, заставляющей ихъ искать «новыхъ мѣстовъ», то это, конечно, не то многолюдство, связанное съ недостаткомъ земли, съ земельною тѣснотою, которое гонитъ переселенца изъ Европейской Россіи или изъ Западной Сибири.

Амурскій старовѣръ уходитъ отъ надвигающагося на него «міра», отъ общенія съ иновѣрцами,—онъ ищетъ уединенія и возможности спокойно жить «по старинѣ». Куда онъ пойдетъ, этотъ вѣчный странникъ, куда онъ дѣнется въ томъ близкомъ будущемъ, когда «міръ» придвинется къ самому Тихому океану и проберется въ дикія нынѣ дебри Амурскихъ и Уссурійскихъ «хребтовъ»?.. Вся надежда для старовѣровъ въ томъ, что сѣверная граница возможной земледѣльческой культуры не неподвижна; что цѣною упорнаго труда и неослабной борьбы съ природой имъ удастся устроиться на такихъ окраинахъ, куда «міръ» не послѣдуетъ за ними,—окраинахъ, которыя по суровости климата и дикости природы еще долго останутся недоступными для заурядныхъ переселенцевъ.

Подъѣзжая къ деревнѣ Доминану, я замѣтилъ на небольшомъ пригоркѣ какое-то необычное сооруженіе,—что-то въ видѣ сторожевой вышки, на четырехъ столбахъ, съ площадкою и крышей.

— Китайцевъ караулили,—объясняетъ мнѣ на мой вопросъ ямщикъ, доминанскій старовѣръ.—Мужиковъ-то всѣхъ взяли въ казаки *); остались однѣ бабы да старики, мы и посадили караульщика: какъ китайцы покажутся, чтобы бѣжать.

— А приходили китайцы?

— Нѣтъ, не приходили. А которые у насъ на деревнѣ жили, работали, тѣхъ...—мой собесѣдникъ нѣсколько заминается...—прочь погнали,—заканчиваетъ онъ фразу.

— А куда жъ они дѣвались,—настаиваю я?

— Да перебили всѣхъ,—отвѣчаетъ ямщикъ какъ-то нерѣшительно. —Согнали въ волость, да тамъ и били. Много, сердешныхъ, перебили, которыхъ и не за что было убивать-то. Пріѣзжалъ какой-то, приказъ будто объявлялъ—бить всѣхъ до единаго; бумаги-то онъ не привозилъ, сказываютъ, а такъ словесно объявилъ. Потомъ бумага пришла—не бить; а ихъ уже всѣхъ перебили... Пожалуй, настояще то и приказу не было, чтобы бить, а такъ, одно недоумѣніе...»

— А капиталъ у китайцевъ куда дѣвался?—спрашиваетъ его мой товарищъ по поѣздкѣ?

— Какой у нихъ капиталъ! Все дроворубы были, рабочіе—развѣ у кого двадцать аль тридцать рублей заработанныхъ. Ну, у кого нашли деньги, подѣлили промежъ себя, которые били. А который китаецъ поумнѣе, тотъ прямо въ воду прыгнетъ, да и снесетъ его въ Амуръ, вмѣстѣ съ его капиталомъ.

«Китайскія событія», однако, обогатили не мало народу. Въ частности, не мало нажилось только-что прибывшихъ изъ Россіи переселенцевъ: имъ разрѣшено было снимать хлѣбъ съ оставленныхъ манчжурами полей за-Зейскаго района; отъ продажи хлѣба, а

*) Имѣется въ виду дружина, сформированная въ 1900 году для обороны границы отъ китайцевъ.

въ особенности разысканнаго по разнымъ тайникамъ манчжурскаго добра, многіе переселенцы выручили тысячныя суммы.... да и ушли съ ними: кто домой («съ такими деньгами ему и дома хорошо будетъ», говорятъ про такихъ оставшіеся), а кто на свободныя земли западной или средней Сибири, гдѣ обзаведеніе не требуетъ такихъ затратъ, какъ на Амурѣ.

Мнѣ уже приходилось говорить о томъ, какъ тяжело «китайскія событія» отразились на интересахъ благовѣщенскихъ обывателей. Не безъ вліянія они остались и на интересахъ крестьянъ. Какъ продавцы продуктовъ своего хозяйства, крестьяне, конечно, должны были только радоваться устраненію конкурренціи за-Зейскихъ манчжуръ. Всѣ продукты страшно вздорожали: яйца, которыя манчжуры продавали по 10—15 копѣекъ, лѣтомъ 1901 года продавались по 30—50 копѣекъ, а зимою передъ тѣмъ—и по рублю десятокъ; за голову рогатаго скота вѣсомъ въ 7—8 пудовъ, какая раньше стоила 40—50 рублей, теперь даже въ отдаленныхъ отъ Благовѣщенска деревняхъ можно получить не менѣе 70—80 рублей, а въ Благовѣщенскѣ и всѣ сто рублей; простое масло доходитъ по деревнямъ до 60—70 копѣекъ фунтъ, тогда какъ раньше оно стоило половину.

И, тѣмъ не менѣе, крестьяне не радуются отсутствію китайцевъ. Китайцы для амурскихъ крестьянъ прежде всего и болѣе всего—поставщики рабочей силы, рабочей силы дешевой и въ то же время надежной: «китаецъ онъ безоблыжный,—говорили мнѣ буреинскіе старовѣры,—до самой смерти мается; не то что россійскіе, тѣ только и работаютъ, пока на глазахъ». Исчезновеніе этого источника рабочей силы имѣло своимъ послѣдствіемъ рѣзкое вздорожаніе рабочихъ рукъ: такъ, ручная уборка хлѣба, которая обходилась при китайцахъ по 12—15 руб., въ 1900 году обошлась уже по 25 рублей съ «молоканской» десятины (4.000 кв. саж.) За вязку хлѣба при машинной уборкѣ китайцы брали по 2 р. 50 к.—3 р. съ десятины; въ 1900 году вязка обошлась уже не менѣе пяти рублей, а въ 1901 году, по разсчетамъ крестьянъ, должна была обойтись не менѣе 7—8 рублей съ десятины. Между тѣмъ, амурскіе крестьяне, даже многіе изъ только что прибывшихъ, являются не продавцами, а покупателями рабочей силы,—естественно, что такое вздорожаніе рабочихъ рукъ имъ очень не по сердцу. Между прочимъ, оно рѣзко отразилось на техникѣ уборки хлѣба: вмѣсто простыхъ жней, амурскіе крестьяне, и въ особенности молокане, закупили массу жней-сноповязалокъ, такъ какъ, при почти утроившейся стоимости ручной работы, машинная вязка хлѣба сразу стала несравненно болѣе выгодною.

Александръ Кауфманъ.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ ГОГОЛЬ. 1829—1842 ГГ.

(*Продолженіе* *).

VIII.

Статьи Гоголя по вопросамъ объ искусствѣ; ихъ лирическій тонъ.—Гоголь какъ литературный критикъ.—Жизнь и психическій міръ художника въ повѣстяхъ того времени.—Повѣсти и драмы кн. В. Ѳ. Одоевскаго, Кукольника, Полевого, Тимофѣева и Павлова.—Повѣсть Гоголя «Портретъ»; значеніе ея въ исторіи развитія взглядовъ Гоголя на искусство.—Разладъ мечты и дѣйствительности, какъ онъ изображенъ въ повѣстяхъ Гоголя «Невскій Проспектъ» и «Записки сумасшедшаго».

За всѣ семь лѣтъ своей кипучей литературной дѣятельности въ Петербургѣ, среди самыхъ разнообразныхъ трудовъ, Гоголь обнаруживалъ живой, все возраставшій интересъ къ вопросамъ объ искусствѣ. Философомъ въ тѣсномъ смыслѣ этого слова онъ никогда не былъ и къ эстетическимъ «теоріямъ», которыми тогда уже серьезно увлекались его современники, онъ относился съ достаточнымъ хладнокровіемъ, но искусство во всѣхъ его видахъ, тайна творчества, а также и вопросъ о роли поэта въ жизни не переставали его тревожить.

Гоголь свелъ въ Петербургѣ дружбу съ художниками, занимался живописью въ Академіи, много слушалъ музыки, изучалъ исторію искусствъ и вообще упорно работалъ надъ развитіемъ своего эстетическаго вкуса. Эта работа оставила ясные слѣды на его статьяхъ и разсказахъ; но всегда, когда нашему писателю приходилось касаться вопросовъ о прекрасномъ и о его значеніи для нашей жизни, онъ обнаруживалъ бо́льшую силу чувства, чѣмъ силу мысли: искусство повышало лирическое настроеніе Гоголя, и его дума почти всегда переходила въ восторгъ и паѳосъ. Съ нѣкоторыми изъ такихъ патетическихъ возгласовъ намъ нужно ознакомиться. Мы увидимъ, какого высокаго мнѣнія былъ художникъ о томъ дѣлѣ, которому начиналъ служить, и какъ при такомъ высокомъ взглядѣ на поэзію жизни ему было трудно найти ей мѣсто среди житейской прозы.

Въ 1830 году—еще въ самый первый годъ своего робкаго служенія искуству — Гоголь привѣтствовалъ поэзію восторженнымъ диѳирамбомъ по поводу выхода въ свѣтъ «Бориса Годунова» Пушкина. Онъ посвятилъ этой драмѣ нѣсколько интимныхъ страницъ, писан-

---

*) См. «Міръ Божій», № 4, апрѣль. 1902 г.

ныхъ не для печати. Это было его первое славословіе искусству, мысль о которомъ затѣмъ такъ и осталась въ его умѣ и сердцѣ неразрывно связанной съ именемъ Пушкина. Восторженный юноша Полліоръ, классическимъ именемъ котораго окрестилъ себя на этотъ случай нашъ романтикъ, выходя изъ книжной лавки, гдѣ продавалось новое твореніе Пушкина, впалъ въ торжественную задумчивость: какая-то священная грусть, тихое негодованіе сохранялись въ чертахъ его, какъ будто бы онъ заслышалъ въ душѣ своей пророчество о вѣчности, какъ будто бы душа его терпѣла муки, невыразимыя и непостижимыя для земного. Онъ не хотѣлъ высказать своего мнѣнія о великомъ поэтѣ, потому что считалъ святотатствомъ всякое свое слово. Кому нужно знать, какъ онъ о поэтѣ судитъ? Толковать и говорить о поэтѣ не то же ли самое, что, упавъ на колѣни, жарко молиться на площади, гдѣ чернь кипитъ и суетится? Смиримся передъ геніемъ въ безмолвіи! «Великій!—обращается Полліоръ, или просто нашъ Николай Васильевичъ, къ Пушкину,— Великій! Когда развертываю дивное твореніе твое, когда вѣчный стихъ твой гремитъ и стремитъ ко мнѣ молнію огненныхъ звуковъ, священный холодъ разливается по жиламъ, и душа дрожитъ въ ужасѣ, вызвавъ Бога изъ своего безпредѣльнаго лона... что тогда? Если бы небо, лучи, море, огни, пожирающіе внутренность земли нашей, безконечный воздухъ, объемлющій міръ, ангелы, пылающія планеты превратились въ слова и буквы—и тогда бы я не выразилъ ими и десятой доли дивныхъ явленій, совершающихся въ то время въ лонѣ *невидимаго меня*». Таково чудо, творимое искусствомъ надъ душой человѣка, который способенъ его чувствовать... Всякій геній — благословеніе Божіе человѣчеству... Склоняясь передъ этимъ благословеніемъ, Гоголь говорилъ: «Великій! Надъ симъ вѣчнымъ твореніемъ твоимъ клянусь!.. Еще я чистъ, еще ни одно презрѣнное чувство корысти, раболѣпства и мелкаго самолюбія не заронялось въ мою душу. Если мертвящій холодъ бездушнаго свѣта исхититъ святотатственно изъ души моей хотя часть ея достоянія; если кремень обхватитъ тихо горящее сердце; если презрѣнная, ничтожная лѣнь окуетъ меня; если дивныя мгновенія души понесу на торжище народныхъ хвалъ; если опозорю въ себѣ тобой исторгнутые звуки... О! тогда пусть обольется оно немолчнымъ ядомъ, вопьется милліонами жалъ въ невидимаго меня, неугасамымъ пламенемъ упрековъ обовьетъ душу и раздастся по мнѣ тѣмъ пронзительнымъ воплемъ, отъ котораго изныли бы всѣ суставы, и сама бы безсмертная душа застонала, возвратившись безотвѣтнымъ эхомъ въ свою пустыню... Но нѣтъ! оно какъ Творецъ, какъ благость! Ему ли пламенѣть казнью? Оно обниметъ снова моремъ свѣтлыхъ лучей и звуковъ душу и слезой примиренія задрожитъ на отуманенныхъ глазахъ обратившагося преступника!» *)

---

*) «Борисъ Годуновъ». Поэма Пушкина.

Въ такое умиленіе повергало Гоголя созерцаніе красоты Пушкинскаго творчества. Это былъ чистый, почти безсознательный восторгъ.

Три года спустя, наканунѣ 1834 года, Гоголь, уже отъ своего лица, говорилъ приблизительно то же, обращаясь къ своему «генію». Самъ, теперь уже признанный художникъ, уже сознающій въ себѣ своего бога, становился онъ на колѣни передъ его алтаремъ и просилъ себѣ благословенія. Всѣ его думы о святости своего призванія, о миссіи, на него возложенной, о силѣ, которую онъ въ себѣ чувствовалъ въ тѣ молодые и счастливые годы—всѣ упованія и восторги художника нашли себѣ выраженіе въ этихъ страстныхъ, порой вычурныхъ, но искреннихъ словахъ:

«Великая, торжественная минута!—писалъ, встрѣчая новый годъ, Гоголь на одномъ листѣ бумаги, который также не предназначался для читателя. — Боже! какъ слились и столпились около нея волны различныхъ чувствъ! Нѣтъ, это не мечта. Это та роковая неотразимая грань между воспоминаніемъ и надеждой... Уже нѣтъ воспоминанія, уже оно несется, уже пересиливаетъ его надежда. У ногъ моихъ шумитъ мое прошедшее; надо мной сквозь туманъ свѣтлѣетъ неразгаданное будущее... Молю тебя, жизнь души моей, мой геній! О, не скрывайся отъ меня! Пободрствуй надо мной въ эту минуту и не отходи отъ меня весь этотъ, такъ заманчиво наступающій для меня годъ. Какое же будешь ты, мое будущее? Блистательное ли, широкое ли, кипишь ли великими для меня подвигами, или... О, будь блистательно! Будь дѣятельно, все предано труду и спокойствію».

«Таинственный, неизъяснимый 1834 годъ.! Гдѣ означу я тебя великими трудами? Среди ли этой кучи набросанныхъ одинъ на другой домовъ, гремящихъ улицъ, кипящей меркантильности,—этой безобразной кучи модъ, парадовъ, чиновниковъ, дикихъ сѣверныхъ ночей, блеску и низкой безцвѣтности? Въ моемъ ли прекрасномъ, древнемъ, обѣтованномъ Кіевѣ, увѣнчанномъ многоплодными садами, опоясанномъ моимъ южнымъ, прекраснымъ чуднымъ небомъ, упоительными ночами, гдѣ гора обсыпана кустарниками, съ своими какъ бы гармоническими обрывами, и подмывающій ее мой чистый и быстрый Днѣпръ. Тамъ ли? О!.. я не знаю, какъ назвать тебя, мой геній! Ты, отъ колыбели еще пролетавшій съ своими гармоническими пѣснями мимо моихъ ушей, такія чудныя, необъяснимыя донынѣ, зарождавшій во мнѣ думы, такія необъятныя и упоительныя, лелѣявшій во мнѣ мечты! О взгляни! Прекрасный! низведи на меня свои небесныя очи. Я на колѣняхъ. Я у ногъ твоихъ! О, не разлучайся со мною! Живи на землѣ со мною хоть два часа каждый день, какъ прекрасный братъ мой! Я совершу... я совершу. Жизнь кипитъ во мнѣ. Труды мои будутъ вдохновенны. Надъ ними будетъ вѣять недоступное землѣ Божество! Я совершу... О, поцѣлуй и благослови меня! *).

*) 1834 г.

Такъ молился художникъ своему вдохновенію поэта, въ которое уже начиналъ вѣрить... И всегда, когда Гоголь встрѣчался съ этой небесной силой, воплощенной въ человѣкѣ ли или въ его твореніи, онъ ощущалъ подъемъ патетическаго чувства, который превращалъ его размышленіе въ неудержимый порывъ восторга.

Такимъ сплошнымъ восторгомъ передъ искусствомъ, передъ тайной творчества была и его статья о «скульптурѣ, живописи и музыкѣ», съ которой открывались его «Арабески». Статья любопытна и своими мыслями, и силой восхищенія. Весь романтизмъ языка и чувства, на который Гоголь былъ способенъ, проявился въ этомъ гимнѣ. «Три чудныхъ сестры посланы Зиждителемъ міріадъ украсить и усладить міръ!—говорилъ нашъ мечтатель. Безъ нихъ онъ былъ бы пустыня и безъ пѣнія катился бы по своему пути. Первая—скульптура. Она прекрасна, мгновенна, какъ красавица, глянувшая въ зеркало, усмѣхнувшаяся, видя свое изображеніе, и уже бѣгущая, влача съ торжествомъ за собой толпу гордыхъ юношей. Она очаровательна, какъ жизнь, какъ міръ, какъ чувственная красота, которой она служитъ алтаремъ... Она обращаетъ всѣ чувства зрителя въ одно наслажденіе, въ наслажденіе спокойное, ведущее за собой нѣгу и самодовольство языческаго міра... Вторая сестра—живопись. Возвышенная, прекрасная, какъ осень въ богатомъ своемъ убранствѣ, мелькающая сквозь переплетъ окна, увитаго виноградомъ, смиренная и обширная, какъ вселенная, яркая музыка очей—она прекрасна! Все неопредѣленное, что не въ силахъ выразить мраморъ, разсѣкаемый могучимъ молотомъ скульптора, опредѣляется вдохновенною ея кистью. Она также выражаетъ страсти, понятныя всякому, но чувственность уже не такъ властвуетъ въ нихъ: духовное невольно проникаетъ все. Она беретъ уже не одного человѣка, ея границы шире: она заключаетъ въ себѣ весь міръ; всѣ прекрасныя явленія, окружающія человѣка, въ ея власти; вся тайная гармонія и связь человѣка съ природою—въ ней одной. Она соединяетъ чувственное съ духовнымъ. Третья сестра—музыка. Она восторженнѣе, она стремительнѣе обѣихъ сестеръ своихъ. Она вся — порывъ; она вдругъ, за однимъ разомъ, отрываетъ человѣка отъ земли его, оглушаетъ его громомъ могущихъ звуковъ и разомъ погружаетъ его въ свой міръ; она обращаетъ его въ одинъ трепетъ. Онъ уже не наслаждается, онъ не сострадаетъ — онъ самъ превращается въ страданіе; душа его не созерцаетъ непостижимаго явленія, но сама живетъ, живетъ, своею жизнью, живетъ порывно, сокрушительно, мятежно. Она томительна и мятежна, но могущественнѣй и восторженнѣй подъ безконечными, темными сводами катедраля, гдѣ тысячи поверженныхъ на колѣни молельщиковъ стремитъ она въ одно согласное движеніе, обнажаетъ до глубины сердечныя ихъ помышленія, кружитъ и несется съ ними горѣ, оставляя послѣ себя долгое безмолвіе и долго исчезающій звукъ, трепещущій въ углубленіи остроконечной башни...»

Разсужденія объ искусствѣ, написанныя такимъ языкомъ, конечно, мало убѣдительны, но внимательный читатель все-таки замѣтитъ, насколько вѣрны и ярки отдѣльныя мысли и опредѣленія, которыя такъ засыпаны цвѣтами краснорѣчія; и, дѣйствительно, гоголевская метафора способна иной разъ лучше всякой мысли передать впечатлѣніе, которое то или другое искусство производитъ на человѣка. Любопытна въ статьѣ также и ея заключительная мысль—обращеніе художника къ музыкѣ, какъ къ единственному искусству, которое способно пробудить наши меркантильныя души и дремлющія чувства. Совсѣмъ какъ нѣмецкіе романтики—Гоголь думаетъ, что музыка въ силахъ прогнать ужасный эгоизмъ, силящійся овладѣть нашимъ міромъ, и что она въ нашъ «юный и дряхлый вѣкъ» вернетъ насъ къ Богу, который послалъ ее на землю.

Этотъ диөирамбъ музыкѣ можетъ показаться нѣсколько страннымъ, если припомнить, что Гоголь не признавалъ себя способнымъ понимать ее и говорилъ, что у него нѣтъ «уха къ музыкѣ» *); но такое признаніе лишній разъ убѣждаетъ насъ въ томъ, какъ нашъ писатель умѣлъ восхищаться, когда дѣло касалось искусства.

Впрочемъ, онъ умѣлъ и разсуждать и иногда очень тонко. Характернымъ примѣромъ такихъ эстетическихъ разсужденій являются двѣ его статьи: одна объ «архитектурѣ нынѣшняго времени», другая о знаменитой картинѣ Брюлова «Послѣдній день Помпеи». Обѣ статьи обнаруживаютъ большую вдумчивость и пониманіе, и указываютъ на немалое количество знаній по исторіи художествъ. Статья объ архитектурѣ нашего времени есть собственно плачъ о паденіи этого искусства и краткій очеркъ развитія прежнихъ архитектурныхъ стилей—античнаго, византійскаго, романскаго, восточнаго и, преимущественно, готическаго. Авторъ видитъ источникъ паденія архитектуры въ томъ стѣсненіи, которое испытываетъ нынѣ полетъ генія. Геній удерживается отъ оригинальнаго и необыкновеннаго потому только, что предъ нимъ слишкомъ уже низки и ничтожны обыкновенные люди. Соразмѣрность въ отношеніи къ окружающимъ зданіямъ мѣшаетъ архитектору быть оригинальнымъ. Онъ стремится, чтобы всѣ дома были похожи одинъ на другой, чтобы все представляло изъ себя «гладкообразную кучу». Однообразная простота, т.-е., другими словами, проза заѣла всякую оригинальность и духовность въ зодчествѣ. А въ старину ее было много и въ особенности въ готикѣ. Гоголь уже въ эти годы (1831) является рѣшительнымъ поклонникомъ и сторонникомъ готическаго средневѣкового стиля. «Готическая архитектура—говоритъ онъ—чисто европейская, созданіе европейскаго духа и потому болѣе всего прилична намъ. Чудное ея величіе и красота превосходятъ всѣ другія. Но готическій образъ строенія нельзя употреблять на театры, на биржи, на какіе-нибудь комитеты и вообще на зданія, назначаемыя для собраній веселящагося или торгующаго, или работаю-

*) «Письма Н. В. Гоголя», I, 343.

щаго народа. Нѣтъ величественнѣе, возвышеннѣе и приличнѣе архитектуры для зданія христіанскому Богу, какъ готическая. Но они прошли—тѣ вѣка, когда вѣра, пламенная, жаркая вѣра устремляла всѣ мысли, всѣ умы, всѣ дѣйствія къ одному; когда художникъ выше и выше стремился вознести созданіе свое къ небу, къ нему одному рвался и передъ нимъ, почти въ виду его, благоговѣйно подымалъ молящуюся свою руку. Зданіе его летѣло къ небу; узкія окна, столпы, своды тянулись нескончаемо въ вышину: прозрачный, почти кружевной шпицъ, какъ дымъ, сквозилъ надъ ними, и величественный храмъ такъ бывалъ великъ передъ обыкновенными жилищами людей, какъ велики требованія души нашей передъ требованіями тѣла. Вступая въ священный мракъ этого храма, сквозь который фантастически глядитъ разноцвѣтный цвѣтъ оконъ, поднявъ глаза кверху, гдѣ теряются, пересѣкаясь, стрѣльчатые своды одинъ надъ другимъ, и имъ конца нѣтъ,—весьма естественно ощутить въ душѣ невольный ужасъ присутствія святыни, которой не смѣетъ и коснуться дерзновенный умъ человѣка».

Гоголь понималъ, что возвратъ къ старинѣ невозможенъ, но онъ стремился хоть научить людей любить эту старину во всемъ ея разнообразіи и для этого проектировалъ имѣть въ городѣ одну такую улицу, которая бы вмѣщала въ себѣ архитектурную лѣтопись: на ней должны были стоять зданія построенныя во всѣхъ стиляхъ—отъ первобытнаго дикаго до самаго новаго.

Статья, какъ видимъ, опять чисто лирическая, съ очень характерными для Гоголя вкусами и мыслями: ясно проступаетъ въ ней наружу его любовь къ старинѣ и его религіозное настроеніе. Оттѣненъ въ ней также и его страхъ передъ прозой жизни, скорбь о своемъ юномъ и дряхломъ вѣкѣ.

Три года спустя, когда Гоголь писалъ свою статью о картинѣ Брюлова «Послѣдній день Помпеи» (1834), онъ къ XIX вѣку отнесся болѣе милостиво. Восхваляя Брюлова за то, что онъ въ своемъ «всемірномъ созданіи такъ сумѣлъ сочетать идеальное съ реальнымъ, что онъ не далъ въ ней перевѣса идеѣ; за то, что онъ разлилъ въ ней цѣлое море блеска, что ему удалось схватить природу «исполинскими объятіями и сжать ее со страстью»—Гоголь бросилъ мимоходомъ одно замѣчаніе о направленіи искусствъ въ XIX вѣкѣ—небезынтересное, если его отнести къ творчеству самого Гоголя. «Можно сказать—пишетъ нашъ авторъ—что XIX вѣкъ есть вѣкъ эффектовъ. Всякій, отъ перваго до послѣдняго, топорщится произвесть эффектъ, начиная отъ поэта до кондитера, такъ что эти эффекты, право, уже надоѣдаютъ, и, можетъ быть, XIX вѣкъ, по странной причудѣ своей, наконецъ, обратится ко всему безъэффектному. Въ живописи съ этими эффектами можно еще помириться, но въ произведеніяхъ (словесныхъ), подверженныхъ духовному оку, они вредны, если ложны, потому что простодушная толпа кидается на блестящее. Но въ рукахъ истиннаго таланта они вѣрны

и превращаютъ человѣка въ исполина. Въ общей массѣ стремленіе къ эффектамъ болѣе полезно, нежели вредно: оно болѣе двигаетъ впередъ, нежели назадъ... Желая произвести эффекты, многіе болѣе стали разсматривать предметъ свой, сильнѣе напрягать умственныя способности. И если вѣрный эффектъ оказывался бо̀льшею частью только въ мелкомъ, то этому виною безлюдье крупныхъ геніевъ... Кто-то сказалъ, что въ XIX вѣкѣ невозможно появленіе генія всемірнаго, обнявшаго бы въ себѣ всю жизнь XIX вѣка. Это совершенно несправедливо, и такая мысль исполнена безнадежности и отзывается какимъ-то малодушіемъ. Напротивъ, никогда полетъ генія не былъ такъ ярокъ, какъ въ нынѣшнія времена; никогда не были для него такъ хорошо приготовлены матеріалы, какъ въ XIX вѣкѣ. И его шаги уже, вѣрно, будутъ исполинскими и видимы всѣми, отъ мала до велика.»

Въ этихъ туманно и нѣсколько противорѣчиво высказанныхъ словахъ кроется любопытный намекъ. Если вмѣсто слова «эффектъ» поставить слово восторгъ и паѳосъ, а подъ словомъ не-эффектъ разумѣть правдивое, реальное отношеніе человѣка къ жизни, то въ разсужденіяхъ Гоголя замѣтно нѣкоторое критическое отношеніе къ «романтическому» міросозерцанію, а также и указаніе на совершающійся переломъ въ его собственномъ творчествѣ. Нашъ авторъ, не отрекаясь отъ исполинскихъ «эффектовъ» жизни, какъ будто хочетъ сказать, что въ XIX вѣкѣ приготовлено столько хорошихъ матеріаловъ, т.-е. сдѣлано надъ жизнью столько вѣрныхъ наблюденій, что истинному таланту дана возможность втѣснить всю жизнь XIX вѣка въ свою картину, безъ необходимости ослѣплять читателя мелкими эффектами личнаго субъективнаго воображенія.

Такъ думалъ Гоголь надъ сущностью, границами и пріемами художественнаго творчества, не систематизируя своихъ мыслей, но обнаруживая въ нихъ при случаѣ безспорную силу теоретика.

Предметомъ такого теоретическаго интереса была для него въ тѣ годы и область чисто словеснаго творчества. Онъ одно время думалъ даже утилизировать свой талантъ для чисто литературной критики. Въ этой мысли его поддерживалъ и Пушкинъ, который совѣтовалъ своему другу написать цѣлую исторію нашей критики, и чутье въ данномъ случаѣ Пушкина не обмануло. Хоть иногда и приходится слышать, что попытки Гоголя, какъ литературнаго критика—такой же капризъ съ его стороны, какъ и его ученая работа, но это далеко не вѣрно. Изъ всѣхъ дошедшихъ до насъ критическихъ статей Гоголя видно, что мы въ немъ имѣли, дѣйствительно, очень тонкаго цѣнителя литературы. Несмотря на относительно слабое литературное образованіе, Гоголь въ своихъ критикахъ, а позднѣе и въ своей «Перепискѣ съ друзьями», обнаружилъ рѣдкій для поэта тактъ и вкусъ въ оцѣнкѣ сочиненій современныхъ ему писателей: и только въ оцѣнкѣ собственныхъ трудовъ онъ просчитался. Но художнику, какъ извѣстно, всего

труднѣе быть судьей своей работы даже тогда, когда онъ не предъявляетъ къ ней тѣхъ высокихъ этическихъ требованій, которыя предъявлялъ Гоголь.

Первая критическая статья Гоголя относится къ 1832 году. Это была маленькая замѣтка подъ заглавіемъ: «Нѣсколько словъ о Пушкинѣ»—попытка болѣе спокойно поговорить о томъ, о чемъ съ такимъ паѳосомъ Гоголь говорилъ въ своей лирической статьѣ о «Борисѣ Годуновѣ». Статья, при всей ея краткости, очень замѣчательная. Мы помнимъ изъ обзора русской критики 30-хъ годовъ, какъ наши судьи бились съ установленіемъ правильнаго взгляда на «народность», съ оцѣнкой творчества Пушкина и съ рѣшеніемъ вопроса о значеніи этого творчества въ исторіи развитія нашей «народности». Въ статьѣ Гоголя этотъ вопросъ рѣшенъ кратко и ясно. «Пушкинъ есть явленіе чрезвычайное и, можетъ быть, единственное явленіе русскаго духа,—писалъ его поклонникъ. Это—русскій человѣкъ въ конечномъ его развитіи, въ какомъ онъ, можетъ быть, явится черезъ двѣсти лѣтъ. Самая его жизнь совершенно русская. Тотъ же разгулъ и раздолье, къ которому иногда, позабывшись, стремится русскій, и которое всегда нравится свѣжей русской молодежи, отразились на его первобытныхъ годахъ вступленія въ свѣтъ. Онъ остался русскимъ всюду, куда его забрасывала судьба: и на Кавказѣ, и въ Крыму, т.-е. тамъ, гдѣ имъ написаны тѣ изъ его произведеній, въ которыхъ хотятъ видѣть всего больше подражательнаго. Онъ при самомъ началѣ своемъ уже былъ націоналенъ, потому что истинная національность состоитъ не въ описаніи сарафана, но въ самомъ духѣ народа. Поэтъ даже можетъ быть и тогда націоналенъ, когда описываетъ совершенно сторонній міръ, но глядитъ на него глазами своей національной стихіи, глазами всего народа, когда чувствуетъ и говоритъ такъ, что соотечественникамъ его кажется, будто это чувствуютъ и говорятъ они сами...» Опредѣливъ истинную «народность» созданій Пушкина такъ вѣрно и понявъ ее такъ широко, Гоголь переходитъ затѣмъ къ разсмотрѣнію одного изъ любопытнѣйшихъ вопросовъ въ исторіи критическаго отношенія нашихъ читателей къ творчеству ихъ любимца. Гоголь спрашиваетъ, почему писанное Пушкинымъ въ началѣ тридцатыхъ годовъ нравится публикѣ меньше, чѣмъ то, что имъ было писано въ ранніе, романтическіе годы его творчества? И Гоголь, упреждая Бѣлинскаго, видитъ причину этого недоразумѣнія въ неспособности читателя подняться до пониманія истиннаго, простого и сильнаго реализма, а потому и настоящей народности. Защищая Пушкина отъ нападокъ читателя, который ожидалъ въ его послѣднихъ произведеніяхъ прежняго романтическаго блеска и эффектовъ, къ которымъ пріучили кавказскія и крымскія поэмы художника, Гоголь говорилъ: «Масса народа похожа на женщину, приказывающую художнику нарисовать съ себя портретъ совершенно похожій; но горе ему, если онъ не умѣлъ скрыть всѣхъ ея

недостатковъ... Никто не станетъ спорить, что дикій горецъ въ своемъ воинственномъ костюмѣ, вольный, какъ воля, гораздо ярче какого-нибудь засѣдателя и, несмотря на то, что онъ зарѣзалъ своего врага, притаясь въ ущельи, или выжегъ цѣлую деревню, однако же онъ болѣе поражаетъ, сильнѣе возбуждаетъ въ насъ участіе, нежели нашъ судья въ истертомъ фракѣ, запачканномъ табакомъ, который невиннымъ образомъ, посредствомъ справокъ и выправокъ, пустилъ по міру множество всякаго рода крѣпостныхъ и свободныхъ душъ. Но и тотъ, и другой, они оба—явленія, принадлежащія къ нашему міру: они оба должны имѣть право на наше вниманіе...» Слова необычайно вѣскія для того времени, когда наши критики, какъ мы знаемъ, не могли столковаться, какъ и въ какомъ видѣ существенность должна быть представлена въ литературѣ; и слова еще болѣе вѣскія, если вспомнить, какъ въ самомъ Гоголѣ въ тѣ годы боролись эти двѣ склонности: отыскивать въ жизни ея эффектныя красивыя стороны или брать ее таковой, какова она есть, не гнушаясь ея изнанкой. «Мнѣ пришло на память одно происшествіе изъ моего дѣтства,—писалъ Гоголь въ той же статьѣ.—Я всегда чувствовалъ въ себѣ маленькую страсть къ живописи. Меня много занималъ писанный мною пейзажъ, на первомъ планѣ котораго раскидывалось сухое дерево. Я жилъ тогда въ деревнѣ; знатоки и судьи мои были окружные сосѣди. Одинъ изъ нихъ, взглянувъ на картину, покачалъ головой и сказалъ: «Хорошій живописецъ выбираетъ дерево рослое, хорошее, на которомъ бы и листья были свѣжіе, хорошо растущіе, а не сухое». Въ дѣтствѣ мнѣ казалось досадно слышать такой судъ, но послѣ я изъ него извлекъ мудрость: знать, что̀ нравится и что не нравится толпѣ...» Писать такъ въ самомъ началѣ собственной литературной дѣятельности (1832), въ годы, когда писатель обыкновенно гоняется за успѣхомъ—значило обнаружить не малую смѣлость и оригинальность.

Такую же смѣлость и даже рѣзкость въ литературныхъ сужденіяхъ проявилъ Гоголь и въ своей статьѣ «О движеніи журнальной литературы въ 1834 и 1835 гг.» (1836), которую Пушкинъ—съ большими оговорками и выпусками—помѣстилъ въ своемъ «Современникѣ».

Гоголь состоялъ сотрудникомъ «Современника» не только по беллетристическому его отдѣлу, но и по отдѣлу литературной критики. Мелкія рецензіи, которыя онъ поставлялъ въ этотъ журналъ, не представляютъ интереса *), но статья «О движеніи журнальной литературы» для сво-

*) Любопытенъ только отзывъ о книгѣ «Обозрѣніе сельскаго хозяйства удѣльныхъ имѣній въ 1832 и 1833 годахъ». Гоголь касается въ этой рецензіи крестьянскаго вопроса, который онъ почти обошелъ въ своихъ литературныхъ произведеніяхъ и на которомъ остановился лишь позднѣе въ своей «Перепискѣ». Взглядъ Гоголя на крестьянскую жизнь въ 1836 году очень характеренъ: онъ показываетъ, какъ неопредѣленно нашъ писатель объ этомъ вопросѣ думалъ. Выпишемъ изъ этой рецензіи нѣсколько руководящихъ мыслей и мы увидимъ, какъ сентиментальное отношеніе Гоголя къ

его времени— явленіе замѣчательное. Вмѣстѣ со статьями Бѣлинскаго тѣхъ годовъ она самое серьезное разсужденіе на тему о нуждахъ нашей критики и о причинахъ ея упадка. Недаромъ Гоголь въ этой статьѣ говорилъ съ похвалой о Бѣлинскомъ и признавалъ въ немъ «вкусъ, хотя не образовавшійся, молодой и опрометчивый, но служащій порукою за будущее развитіе, потому что онъ основанъ на чувствѣ и душевномъ убѣжденіи» *).

Статья Гоголя—цѣлый обвинительный актъ противъ текущей русской журналистики 1834 и 1835 годовъ. Авторъ открыто утверждаетъ, что у насъ нѣтъ настоящей критики, какъ не такъ давно критики говорили, что у насъ нѣтъ настоящей литературы. Критики нѣтъ потому, что нѣтъ серьезнаго взгляда на дѣло; въ судьяхъ нѣтъ ни философскихъ принциповъ, ни эстетическаго вкуса, ни даже широкаго интереса. Люди дѣйствительно образованные и эстетически развитые въ роли критиковъ не выступаютъ и представяютъ эту важнѣйшую область словесности людямъ мало подготовленнымъ, а эти, съ своей стороны, не считаютъ свое дѣло важнымъ и принимаются за него безъ благоговѣнія и размышленія и не имѣютъ въ виду возвышенно-образованныхъ читателей. Расхваливаютъ они безъ всякаго разбора и ругаются также совершенно безотчетно. Наши критики отличаются кромѣ того литературнымъ безвѣріемъ и литературнымъ невѣжествомъ; они не знакомы съ исторіей нашей словесности и не имѣютъ историческаго взгляда. Имена писателей, уже упрочившихъ свою славу, и писателей, еще требующихъ ея, сдѣлались совершенною игрушкою въ рукахъ этихъ судей. У всѣхъ у нихъ

дѣйствительности исказило правильное ея пониманіе,несмотря на то, что сущность вопроса была все-таки уловлена критикомъ. «Что такое русскій крестьянинъ?—спрашиваетъ нашъ авторъ.—Онъ раскинутъ или, лучше сказать, разсѣянъ, какъ сѣмена, по обширному полю, изъ котораго будетъ густой хлѣбъ, но только не скоро. Онъ живетъ уединенно въ деревняхъ, отдѣленныхъ большими пространствами. Лишенный живого быстраго сообщенія, онъ еще довольно грубъ, мало развитъ и имѣетъ самыя бѣдныя потребности. Возьмите жизнь земледѣльца—скверна и вредна. У него пища однообразна: ржаной хлѣбъ и щи,—однѣ и тѣ же щи, которыя онъ ѣстъ каждый день. Возлѣ дома его нѣтъ даже огорода. У него нѣтъ никакой потребности наслажденія. Онъ способенъ перемѣнить свою жизнь, но только когда вокругъ его явятся улучшенія, а побывавъ въ городѣ, русскій поселянинъ уже бросаетъ земледѣліе и дѣлается промышленникомъ... съ помощью живости и смѣтливости онъ въ непродолжительное время дѣлается богачомъ (?). Такимъ образомъ русскій мужикъ дѣлается рѣшительно гражданиномъ(?)всей Руси, не укрѣпляясь ни въ какомъ мѣстѣ... Во всякомъ случаѣ правительство дѣйствуетъ, руководимое глубокою мудростью, оно обращаетъ преимущественное вниманіе на земледѣліе (?). Земледѣлецъ—добрый, крѣпкій корень государства въ политическомъ и нравственномъ отношеніи. Купецъ человѣкъ продажный; всякій промышленникъ человѣкъ подвижный: сегодня здѣсь, завтра тамъ; но земледѣльчество неподвижный элементъ государства. («Сочиненія Н. В. Гоголя». Изд. X. VI, 363—364).

*) Этотъ отзывъ о Бѣлинскомъ не попалъ на страницы «Современника» и сохранился въ рукописи.

отсутствуетъ чистое эстетическое наслажденіе и вкусъ; ихъ сужденія не носятъ признаковъ пониманія и не истекаютъ изъ глубины признательной, растроганной души. Слогъ ихъ мертвяще-холоденъ; въ мысляхъ одна мелочность и мелочное щегольство. Таковы отличительныя черты критическихъ сужденій большинства нашихъ литературныхъ судей. Есть, конечно, исключенія, но ихъ очень мало.

Наша критика отнеслась невнимательно къ событіямъ западной литературной жизни, говоритъ Гоголь, и не съумѣла даже оцѣнить какъ слѣдуетъ наше русское національное богатство. Она просмотрѣла напр. смерть Вальтеръ Скотта и не замѣтила, что въ литературѣ всей Европы распространился безпокойный, волнующійся вкусъ. Она не замѣтила, какъ явились опрометчивыя, безсвязныя, младенческія творенія, но часто восторженныя, пламенныя—слѣдствіе политическихъ волненій той страны, гдѣ они рождались. Но если ей и простить эти недосмотры въ области чужой жизни, то трудно извинить ея невниманіе къ русскому. А оцѣнила ли она это русское? «Наши писатели—говорилъ Гоголь—отлились совершенно въ особенную форму, нежели писатели другихъ земель, и, несмотря на общую черту нашей литературы—подражанія опередившимъ насъ европейцамъ,—они заключаютъ въ себѣ чисто русскіе элементы, и подражаніе наше носитъ совершенно своеобразный характеръ, представляетъ явленіе замѣчательное даже для европейской литературы. Гдѣ вы найдете похожаго на нашего Державина? это не Горацій, не Пиндаръ: у него своя самородная, дикая, сверкающая поэзія, текущая, колоссально разливаясь, какъ Россія. Что такое нашъ Жуковскій? Это одно изъ замѣчательнѣйшихъ явленій, поэтъ, явившійся оригинальнымъ въ переводахъ, возведшій всѣ сильные и малосильные оригиналы до себя, создавшій новый, совершенно оригинальный родъ—быть оригинальнымъ. Возьмите нашего Крылова: и въ баснѣ у него выразился чисто-русскій сгибъ ума, новый юморъ, незнакомый ни французамъ, ни нѣмцамъ, ни англичанамъ, ни итальянцамъ. Такъ широко раскинутъ фундаментъ колоссальнаго зданія будущей русской литературы. Поняла-ли все это наша критика?

«Видите ли эти зарождающіеся атомы какихъ то новыхъ стихій—спрашиваетъ Гоголь?—Видите ли эту движущуюся, снующуюся кучу прозаическихъ повѣстей и романовъ, еще блѣдныхъ, неопредѣленныхъ, но уже сверкающихъ изрѣдка искрами свѣта, показывающими скорое зарожденіе чего-то оригинальнаго: колоссальное, можетъ быть, совершенно новое, неслыханное въ Европѣ явленіе, предвѣщающее будущее законодательство Россіи въ литературномъ мірѣ, что должно осуществиться непремѣнно, потому что стихіи слишкомъ колоссальны, и рамы для картины сдѣлались слишкомъ огромны?» *).

Неумѣренный патріотизмъ, который сказывается въ послѣднихъ

*) Сочиненія Н. В. Гоголя». Изданіе X-ое, VI, 346—347.

строкахъ этой замѣчательной статьи, составлялъ всегда отличительную черту образа мыслей Гоголя; онъ можетъ быть названъ преждевременнымъ для своей эпохи, но въ немъ, какъ мы можемъ теперь убѣдиться, крылось пророчество: наша литература, дѣйствительно, стала общемiровымъ явленiемъ. Оставляя, однако, въ сторонѣ надежды автора на будущее, мы должны признать, что въ его статьѣ высказана необычайно вѣрная оцѣнка настоящаго—быть можетъ, наиболѣе полная изъ всѣхъ намъ извѣстныхъ... Въ самомъ дѣлѣ, кто изъ тогдашнихъ критиковъ оцѣнилъ такъ вѣрно «оригинальную» сущность нашей подражательной литературы, кто такъ широко понялъ «народность» въ ея обнаруженiи въ нашей словесности, кто, наконецъ, понимая все значенiе нашихъ первоклассныхъ писателей, съумѣлъ отдать должное работѣ силъ второстепенныхъ? Мы видѣли, какъ наша критика огульно осуждала подражанiе, какъ узко она понимала значенiе «народности», какъ несправедливо подчасъ и сурово относилась къ Пушкину и Жуковскому и съ какимъ пренебреженiемъ обходила писателей менѣе даровитыхъ. Все это показываетъ, что Гоголь обладалъ настоящимъ критическимъ чутьемъ, и что Пушкинъ былъ правъ, намѣчая его въ критики своего журнала.

Всѣ перечисленныя нами статьи Гоголя по вопросамъ объ искусствѣ въ широкомъ смыслѣ этого слова и по вопросамъ литературнымъ показываютъ, какъ много онъ въ эти годы думалъ о томъ дѣлѣ, которому начиналъ служить. Значенiе искусства для жизни—вотъ вопросъ, къ которому онъ теперь постоянно возвращается, и который всегда возбуждаетъ въ немъ особую тревогу мысли.

Къ такимъ мыслямъ о поэзiи и ея назначенiи въ жизни предрасполагала нашего писателя и близкая ему литераторская среда, въ которой онъ вращался. Что въ кабинетѣ Пушкина и Жуковскаго и ихъ друзей рѣчь неоднократно заходила о поэтѣ, о томъ, кто онъ и зачѣмъ онъ въ мiрѣ,—это болѣе чѣмъ вѣроятно; Пушкина эта тема мучила всю жизнь, да и Жуковскiй много надъ ней думалъ. Въ творчествѣ того и другого вопросъ о призванiи поэта былъ центральнымъ, къ которому постоянно возвращалась дума художника, и въ стихотворенiяхъ того и другого поэта можно прослѣдить по годамъ, какъ наросталъ этотъ вопросъ и какiя разнообразныя получалъ рѣшенiя. Вся умственная атмосфера кружка Пушкина была насыщена мыслью объ искусствѣ, понимаемомъ, и какъ откровенiе, и какъ наслажденiе, и, наконецъ, какъ «дѣло». Гоголь не могъ остаться безучастнымъ къ этимъ разговорамъ, которые въ немъ самомъ будили старыя настойчивыя думы. И если его собесѣдники, не рѣшая вопроса о призванiи поэта въ мiрѣ по существу, умѣли въ сильныхъ или трогательныхъ стихахъ говорить о немъ, то онъ умѣлъ этими стихами наслаждаться и черпать въ нихъ силу безотчетнаго восторга. Поэзiя Пуш-

кина и Жуковскаго учила Гоголя благоговѣнію передъ художникомъ, подымала его лирическое настроеніе на большую высоту и въ извѣстной степени разобщала его съ окружающей дѣйствительностью и съ переживаемой минутой. Онъ, призванный стать бытописателемъ этой дѣйствительности и этой минуты, страдалъ немало отъ такого паѳоса сердца, какой въ немъ всегда возбуждало искусство, но въ этомъ же паѳосѣ находилъ онъ и свою силу, какъ мы могли это видѣть по его восторженнымъ рѣчамъ о «Борисѣ» Пушкина, «О скульптурѣ и живописи» и по его обращенію къ своему генію. И чѣмъ величественнѣе рисовался Гоголю поэтъ и его художническая миссія, тѣмъ труднѣе ему должна была казаться его собственная задача, и тѣмъ ощутительнѣе было для него противорѣчіе поэзіи въ мечтахъ и прозы въ жизни, а также возможный контрастъ между добромъ, которое заключено въ искусствѣ, и зломъ, которое иногда изъ того же искусства можетъ родиться.

Эти мысли стали со временемъ кошмаромъ Гоголя, но въ тѣ годы, о которыхъ теперь идетъ рѣчь, онѣ были для него лишь интересной проблемой.

Кромѣ ближайшихъ друзей, творчество которыхъ заставляло Гоголя такъ возвышенно думать о поэтѣ, нашъ художникъ находилъ поддержку своимъ взглядамъ и у многихъ изъ своихъ современниковъ.

Въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ въ литературѣ неоднократно ставился вопросъ о призваніи поэзіи и о ея противорѣчіи и борьбѣ съ презрѣнной прозой жизни. Въ тотъ романтическій періодъ нашей словесности это была тема модная и не у насъ только, а также и на западѣ. Французскіе и нѣмецкіе романтики, которыхъ мы тогда такъ усердно читали, подсказывали намъ различныя рѣшенія этой эстетической задачи, и мы повторяли эти рѣшенія частью дословно, а иногда и съ русскими варіаціями. Остановимся подробнѣе на нѣкоторыхъ памятникахъ, въ которыхъ говорилось тогда о поэтѣ, объ его радостяхъ и страданіяхъ, въ виду ихъ родства или совпаденія съ темою, которая тогда такъ занимала Гоголя. Мы увидимъ, какъ мысль Гоголя шла вровень съ мыслью его поколѣнія, опережая ее однако въ художественномъ своемъ воплощеніи.

Въ этихъ безчисленныхъ разсказахъ о художникахъ, ихъ вдохновеніи, ихъ жизни и почти всегда трагической смерти, преобладало нѣсколько излюбленныхъ мотивовъ. Писатель любилъ говорить объ искусствѣ и о художникѣ, какъ о благой силѣ, которая послана на землю для счастья человѣчества. Онъ любилъ славословить поэта и украшать всевозможными эпитетами и метафорами его служеніе красотѣ, добру и истинѣ. Трагическая сторона этого служенія также привлекала его вниманіе: писатель стремился выяснить себѣ, въ чемъ заключается даръ вдохновенія и почему человѣкъ, одаренный этимъ даромъ, бываетъ такъ неудовлетворенъ въ жизни; отчего то, что радуетъ такъ другихъ, и что другіе такъ въ жизни цѣнятъ, отчего все это такъ

обезцѣнено въ глазахъ поэта. Всего чаще писатель останавливался поэтому на противорѣчіи, которое существуетъ между поэтомъ и средой его окружающей, на взаимномъ ихъ непониманіи и на страданіи непонятаго и неоцѣненнаго художника. Иногда—но очень рѣдко—это противорѣчіе толпы и поэта пояснялось кое-какими, весьма для того времени интересными, соціальными мотивами.

Въ числѣ писателей, которые съ охотой брались за такія темы, было много людей съ талантомъ, и среди нихъ особенно выдѣлялся своимъ оригинальнымъ дарованіемъ кн. В. Ѳ. Одоевскій — добрый знакомый и Жуковскаго, и Пушкина, а потому и Гоголя. Гоголь былъ въ восторгѣ отъ повѣстей Одоевскаго, находя въ нихъ — и справедливо — кучу воображенія и ума, любилъ читать ихъ еще въ рукописи и даже завѣдывалъ ихъ изданіемъ въ 1833 году *).

Думать надъ эстетическими проблемами Одоевскій былъ пріученъ съ дѣтства. Еще въ университетскомъ пансіонѣ, гдѣ онъ обучался въ началѣ двадцатыхъ годовъ, его воспитали въ священномъ трепетѣ передъ поэзіей и художникомъ, философіей и нравственностью, т.-е. передъ красотой, добромъ и истиной, взаимное соотношеніе которыхъ осталось потомъ на всю жизнь предметомъ его размышленій. Еще въ школѣ произнесъ онъ рѣчь о томъ, что «всѣ знанія и науки тогда только доставляютъ намъ истинную пользу, когда они соединены съ чистой нравственностью и благочестіемъ» **)—рѣчь, въ которой онъ провозглашалъ философію всеобщей наукой, отъ которой всѣ другія заимствуютъ свои силы, какъ планета отъ источника свѣта—солнца. Когда, затѣмъ, въ кругу знаменитыхъ архивныхъ юношей, онъ сталъ адептомъ философіи Шеллинга, міръ искусства пріобрѣлъ для него особую идейную прелесть. То, чему онъ восхищался отъ всего своего восторженнаго сердца, было теперь оправдано его разумомъ, и красота въ жизни получила для Одоевскаго особую умозрительную санкцію. Свои мысли объ этой связи красоты и истины молодой философъ излагалъ въ формѣ аллегорическихъ и фантастическихъ сказокъ, тогда излюбленной формѣ его творчества. Говорить о красотѣ и о геніи простымъ языкомъ—разсуждалъ Одоевскій—было бы святотатствомъ. Только иносказательно, въ формѣ аллегоріи, въ формѣ апологa, можно дать почувствовать всю таинственность ихъ земного бытія, только словами наивной, божественной сказки можно воскресить ихъ свѣтлый образъ. Языкомъ такихъ сказокъ и стремился Одоевскій говорить о великомъ таинствѣ генія еще на самой зарѣ своей юности, когда издалъ маленькій сборникъ апологовъ ***). Среди густого мрака—разсказывалъ нашъ философъ и моралистъ—по колючимъ терніямъ, между безднами и скалами велъ одинъ дервишъ

*) «Письма Н. В. Гоголя», I, 228, 241.

**) «Рѣчь, разговоръ и стихи, произнесенные на публичномъ актѣ университетскаго благороднаго пансіона 1822 г. марта 25 дня». М. 1822 г.

***) «Четыре апологa». Москва. 1824 г.

несчастныхъ странниковъ; смѣлой ногой притаптывалъ онъ тернія, свѣтильникомъ освѣщалъ онъ ихъ путь—и что же? Многіе проклинали его и роптали, зачѣмъ не для нихъ очищаетъ онъ дорогу, зачѣмъ не имъ свѣтитъ. Холодный, безстрастный шелъ дервишъ и не примѣчалъ стона ниспадающихъ. Не для освѣщенія ничтожной толпы несъ онъ свѣтильникъ; для высокой цѣли, къ которой онъ стремился, онъ забывалъ все подлунное; если онъ подавалъ помощь спутникамъ, то только потому, что, идя къ цѣли, не могъ не освѣщать свѣтильникомъ дороги. Мудрый! Ужели добродѣтели простолюдина цѣль твоихъ дѣйствій? спрашивалъ Одоевскій. Толпа безсмысленная, приравнивая тебя къ себѣ, ищетъ въ тебѣ сихъ добродѣтелей. Но не твоя ли добродѣтель возвышеннѣе всѣхъ прочихъ... *совершенствованіе*—оно поглощаетъ и благотворительность, и милосердіе, и любовь къ ближнему. Но все-таки она—единая цѣль пламеннаго стремленія генія («Дервишъ»). Да! Геній—это солнце, которое пробуждаетъ, согрѣваетъ и свѣтитъ; бываетъ, что густые туманы скрываютъ его лицо, и тогда слабоумнымъ кажется, что его нѣтъ вовсе. О! сколь ничтожны въ глазахъ простолюдина возвышенныя умствованія геніевъ! Какъ солнце они гонятъ мразь и мракъ, даютъ довольство и покой, но туманы предразсудковъ иногда скрываютъ ихъ отъ людскихъ глазъ, и безпечные люди думаютъ, что они ничѣмъ имъ не обязаны («Солнце и младенецъ»); и часто невѣжество въ прахъ обращаетъ всѣ усилія мудраго! Пусть магъ, призвавшій на помощь всѣ силы искусства и природы, день и ночь погруженный въ размышленія надъ древними свитками, пожертвовавъ всѣми наслажденіями жизни, изобрѣтетъ питіе, подающее жизнь долгую и вѣчное здравіе, найдется другой магъ, его соперникъ, который изъ зависти опрокинетъ драгоцѣнный сосудъ («Два мага»), но не всегда отъ нечистаго прикосновенія гаснетъ божественное пламя, оно еще болѣе возгорается, клокочетъ и обращаетъ въ прахъ дерзкаго гасильщика невѣжду («Алогій и Епименидъ»).

Такъ философствовалъ молодой «любомудръ» на тему о великомъ призваніи генія, спасая его свободу и самостоятельность и вмѣстѣ съ тѣмъ прославляя его, какъ благодѣтеля и страдальца за ближнихъ. Геній, при всей его отчужденности и неприступномъ величіи, есть сама любовь, само милосердіе—какъ бы хотѣлъ сказать нашъ философъ и эстетикъ—только не нужно требовать отъ генія мелкой службы и повседневной будничной работы.

Такое же преклоненіе и благоговѣніе передъ геніемъ проповѣдывалъ Одоевскій и въ своемъ философскомъ альманахѣ «Мнемозина», который онъ издавалъ въ 1824 году вмѣстѣ съ другимъ великимъ поклонникомъ красоты и вдохновенія—В. К. Кюхельбекеромъ. Первая книжка этого альманаха открывалась аллегорической сказкой редактора: «Старики или островъ Панхаи». Довольно злая сатира на наше свѣтское воспитаніе, на прозаическое направленіе нашего вѣка и на излишнее

увлеченіе «опытными знаніями», этотъ памфлетъ на «стариковъ-младенцевъ», какъ Одоевскій окрестилъ пошляковъ и филистеровъ своего вѣка, долженъ былъ вселить читателю великое уваженіе передъ поэтическимъ восторгомъ людей и порывомъ ихъ къ возвышенному. Есть люди, которыхъ очи пламенѣютъ небесным огнемъ—говоритъ нашъ сатирикъ,—ихъ не туманило ничтожное земное; душевная дѣятельность пылаетъ во всѣхъ ихъ чертахъ, во всѣхъ движеніяхъ, они презираютъ шумный, суетный крикъ младенцевъ—ихъ взоры быстро стремятся къ возвышеному. Кто сіи невѣдомые? можно спросить, и тайный голосъ отвѣтитъ намъ, что это безсмертные люди, которые, стремясь къ возвышенной цѣли своей, *мимоходомъ* разливаютъ съ отеческой нѣжностью свои дары на людей. Неблагодарные люди не понимаютъ ни дѣйствій, ни цѣли безсмертныхъ: одни смѣются надъ ними, другіе презираютъ, иные не обращаютъ вниманія, бо̀льшая часть даже не знаетъ о существованіи сихъ юношей. Но вращаются вѣка, быстрые круговороты времени поглощаютъ въ безднѣ забвенія ничтожную толпу *стариковъ-младенцевъ*, и живутъ безсмертные—живутъ, и нѣтъ предѣла ихъ возвышенной жизни *)

Этотъ же первый томъ «Мнемозины» Одаевскій заканчивалъ такой выпиской изъ Жанъ-Поля Рихтера: «свѣтъ исполненъ былъ болѣзни и страха, люди изъ пылающихъ селеній бѣжали въ опустошенныя: по цвѣтущей землѣ простиралось всюду горе и восходили въ голубое небо облака смерти, дымъ и стенанія; человѣкъ бѣшеный поборалъ человѣка, и кровь текла изъ ранъ его! Но посреди сего ада покоилось царство мира: жаворонокъ поднимался въ лазурь свою, соловей и другіе пѣвцы весенніе перекликались за цвѣтущими кустами и рощами или грѣли неоперенныхъ птенцовъ своихъ! О дѣти поэзіи! и вы поете: живите же, какъ пернатые, въ веселыхъ пространствахъ высокаго; не въ бѣдномъ низменномъ мірѣ!» **) Слова нѣсколько эгоистичныя, но Одоевскій подписывался подъ ними не безъ оговорокъ. Въ его пониманіи возвышенность поэтическихъ помысловъ была лишь однимъ изъ видовъ тѣснаго общенія съ людьми, но только такого, при которомъ художникъ уберегалъ себя отъ всякой грязи и скверны, не приближаясь къ нимъ, а лишь издали очищая ихъ лучами того горняго свѣта, который онъ носилъ въ своей душѣ. Ученику Шеллинга, какимъ былъ Одоевскій, не трудно было устоять на этой высотѣ, не тревожась вопросомъ о томъ, на какое именно разстояніе къ житейской пошлости долженъ былъ приближаться художникъ или вообще человѣкъ съ такими высшими стремленіями, сознающій возложенную на него святую миссію.

Гдѣ только представлялся случай, въ апологахъ, сказкахъ, критическихъ статьяхъ, Одоевскій взывалъ къ этому «чувству возвышеннаго»

---

*) «Мнемозина» I, 8.

**) «Мнемозина» I, 184.

въ человѣкѣ, громилъ пошлость жизни и издѣвался надъ ея прозаичностью. Ядовитымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ тонкимъ смѣхомъ надъ всякой пошлостью жизни были, напр., насквозь пропитаны въ свое время очень извѣстныя «Пестрыя сказки» нашего автора *). Погодинъ—другъ молодости Одоевскаго—отказывался въ шестидесятыхъ годахъ припомнить смыслъ этихъ сказокъ, хотя и признавалъ, что въ тридцатыхъ ихъ кружокъ понималъ ихъ и ими забавлялся **). Сказки, дѣйствительно, замысловатыя, съ очень частымъ злоупотребленіемъ аллегоріей и съ дидактическимъ смысломъ, который тонетъ въ полуясныхъ намекахъ на разныя пошлыя и прозаическія стороны тогдашней свѣтской и литературной жизни. Одно, впрочемъ, въ этомъ сборникѣ было выражено ясно, это—противорѣчіе между идейнымъ поэтическимъ пониманіемъ жизни у автора и тѣмъ, что онъ вокругъ себя видѣлъ. Издатель «Пестрыхъ сказокъ» говорилъ, что онъ очень боится за успѣхъ сочиненія почтеннаго магистра философіи Гомозейки. Бѣдный магистръ! Онъ былъ изъ ученыхъ, изъ пустыхъ ученыхъ,—зналъ всевозможные языки, живые, мертвые и полумертвые, зналъ всѣ науки, которыя преподаются и не преподаются на всѣхъ европейскихъ каѳедрахъ, могъ спорить о всѣхъ предметахъ, ему извѣстныхъ и неизвѣстныхъ, и пуще всего любилъ ломать себѣ голову надъ началомъ вещей и прочими тому подобными нехлѣбными предметами. Онъ былъ очень скроменъ. Обремененный многочисленнымъ семействомъ мыслей и удрученный основательностью своихъ познаній онъ не прочь былъ поблистать въ обществѣ, но всегда какой-нибудь молодецъ съ усами перебивалъ его рѣчь замѣчаніями о температурѣ въ комнатѣ, или какой-нибудь почтенный мужъ—разсказомъ о тѣхъ непостижимыхъ обстоятельствахъ, которыя сопровождали проигранный имъ большой шлемъ. Магистръ молчалъ и наконецъ рѣшился заговорить въ печати, и онъ написалъ свои «Пестрыя сказки». Онъ жаловался на свой вѣкъ, трезвость этого вѣка его печалила, ему казалось, что мы обрѣзали крылья у воображенія и, боясь тратить время попустому, закрыли для себя многіе источники наслажденій и ума, и сердца... Нашъ вѣкъ—вѣкъ утилитарный, говорилъ философъ, но что пользы въ томъ, что мы составляемъ системы для общественнаго благоденствія, посредствомъ которыхъ цѣлое общество благоденствуетъ, а каждый изъ членовъ страдаетъ?.. что мы составляемъ статистическія таблицы, составляемъ рамку нравственной философіи и подгоняемъ подъ нее всѣхъ людей, что изъ этого? Мы обходимся безъ любви, безъ вѣры, безъ думанья... Отсутствіе простора въ воображеніи и мысли всюду чувствуется. Проза торжествуетъ, и ни откуда не повѣетъ на насъ поэзіей. Не только людямъ,

*) «Пестрыя сказки съ краснымъ словцомъ, собранныя Иринеемъ Модестовичемъ Гомозейкою, магистромъ философіи и членомъ разныхъ ученыхъ обществъ. Изданы Безгласнымъ» М. 1833.

**) «Въ память о князѣ Владимірѣ Ѳеодоровичѣ Одоевскомъ» М. 1869, 55.

но даже чертямъ тошно отъ нашей скуки, отъ паровыхъ машинъ, альманаховъ, атомистической химіи, отъ благоразумія нашихъ дамъ, отъ англійской философіи, французской вѣры и устава благочинія нашихъ гостинныхъ.

Въ длинномъ рядѣ фантастическихъ разсказовъ, въ которыхъ попадаются цѣлыя страницы, необычайно игривыя по юмору и сильныя своимъ реализмомъ, бичуетъ авторъ эту прозу нашей жизни, касаясь преимущественно жизни свѣтской. Вопросъ о вырожденіи мужчины и женщины въ говорильную машину, омертвеніе мысли и главнымъ образомъ чувства, утрата естественности и интереса ко всему, что есть духъ, восторгъ или вдохновеніе—вотъ о чемъ въ шутливомъ тонѣ, но съ большою серьезностью говорилъ пріятель Гоголя, читая ему наединѣ свои «Сказки».

Своему восторгу передъ поэзіей Одоевскій давалъ полный просторъ и въ своихъ разсказахъ изъ жизни художниковъ.

Нашъ авторъ еще въ ранней юности зачитывался ихъ біографіями въ извѣстномъ сборникѣ Вакенродера. Вспоминая этого искуснаго разсказчика и восторженнаго романтика, Одоевскій написалъ и свои три повѣсти: «Послѣдній квартетъ Бетховена», «Импровизаторъ» и «Себастіанъ Бахъ», которыя потомъ вошли въ составъ его «Русскихъ ночей». Во всѣхъ этихъ разсказахъ—одно стремленіе: приблизить насъ насколько возможно къ великой тайнѣ творчества, дать намъ понять, что такое священный восторгъ поэта, и вмѣстѣ съ тѣмъ показать намъ «неизглаголанность» страданій высокой души художника. Чтобы облегчить намъ приближеніе къ этому таинству, авторъ, конечно, долженъ былъ коснуться вѣчнаго противорѣчія, которое существуетъ между прозой жизни и поэзіей, между толпой и геніемъ. «Я холоднаго восторга не понимаю—говорилъ Одоевскій устами Бетховена.—Я понимаю тотъ восторгъ, когда цѣлый міръ для меня превращается въ гармонію, всякое чувство, всякая мысль звучитъ во мнѣ, всѣ силы природы дѣлаются моими орудіями, кровь моя кипитъ въ жилахъ, дрожь проходитъ по тѣлу, и волосы на головѣ шевелятся... и все это тщетно! Да и къ чему это все? Зачѣмъ? Живешь, терзаешься, думаешь, написалъ и конецъ! Къ бумагѣ приковались сладкія муки созданія—не воротить ихъ! Унижены, въ темницу заперты мысли гордаго духа-создателя.—А люди? люди! Они придутъ, слушаютъ, судятъ—какъ будто они судьи, какъ будто для нихъ создаешь! Какое имъ дѣло, что мысль, принявшая на себя понятный имъ образъ, есть звено въ безконечной цѣпи мыслей и страданій; что минута, когда художникъ нисходитъ до степени человѣка, есть отрывокъ изъ долгой болѣзненной жизни неизмѣримаго чувства; что каждое его выраженіе, каждая черта—родилась отъ горькихъ слезъ серафима, заклепаннаго въ че-

ловѣческую одежду и часто отдающаго половину жизни, чтобы только минуту подышать свѣжимъ воздухомъ вдохновенія? *)

Одоевскій былъ хорошій музкантъ и знатокъ музыки, почему въ своихъ разсказахъ о жизни художниковъ всего чаще и словословилъ ее. И онъ умѣлъ прославлять ее такъ возвышенно и краснорѣчиво, что читатель немузыкантъ, подъ обаяніемъ его рѣчи, пріобрѣталъ самъ нѣкоторое музыкальное настроеніе. «Есть высшая степень души человѣка, которой онъ не раздѣляетъ съ природою—говорилъ Одоевскій словами органиста Албрехта, учителя Баха,—высшая степень, которая ускользаетъ изъ-подъ рѣзца ваятеля, которую не доскажутъ пламенныя строки стихотворца—та степень, гдѣ душа, гордая своею побѣдой надъ природою, во всемъ блескѣ славы, смиряется предъ Вышнею силою, съ горькимъ страданіемъ жаждетъ перенести себя къ подножію ея престола и, какъ странникъ среди роскошныхъ наслажденій чуждой земли, вздыхаетъ по отчизнѣ. Чувство, возбуждающееся на этой степени, люди назвали *неотразимымъ*; единственный храмъ сего чувства—музыка: въ этой высшей сферѣ человѣческаго искусства человѣкъ забываетъ о буряхъ земного странствованія; въ ней, какъ на высотѣ Альповъ, блещетъ безоблачное солнце гармоніи; одни ея неопредѣленные, безграничные звуки обнимаютъ безпредѣльную душу человѣка: лишь они могутъ совокупить воедино стихіи грусти и радости, разрозненныя паденіемъ человѣка, лишь ими младенчествуетъ сердце и переноситъ насъ въ первую невинную колыбель перваго невиннаго человѣка. Не ослабѣвайте же, юноши! Молитесь, сосредоточивайте всѣ познанія ума, всѣ силы сердца на усовершенствованіе орудій сего дивнаго искусства!» **)—такъ говорилъ Альбрехтъ своему ученику Себастіану Баху, и этотъ великій музыкантъ сохранилъ на всю жизнь завѣты своего учителя. Тихимъ огнемъ горѣло вдохновеніе въ его душѣ, и онъ вездѣ былъ вѣренъ святынѣ искусства, и никогда земная мысль, темная страсть не прорывались въ его звуки; отъ того теперь, когда музыка перестала быть молитвой, когда она сдѣлалась выраженіемъ мятежныхъ страстей, забавою праздности, приманкою тщеславія—музыка Баха кажется холодной, безжизненной; мы не понимаемъ ее, какъ не понимаемъ безстрастія мучениковъ на кострѣ язычества; мы ищемъ понятнаго, близкаго къ нашей лѣни, къ удобствамъ жизни: намъ страшна глубина чувства, какъ страшна глубина мыслей; мы боимся, чтобы, погружаясь во внутренность души своей, не открыть своего безобразія: смерть оковала всѣ движенія нашего сердца—мы боимся жизни» ***).

Какъ много въ этихъ мысляхъ было дорогого и близкаго Гоголю,

---

*) «Сочиненія князя В. Ө. Одоевскаго». Спб. 1844, I, 166—167.

**) «Сочиненія князя В. Ө. Одоевскаго», I, 250.

***) «Сочиненія князя В. Ө. Одоевскаго», I, 250.

который вмѣстѣ со своимъ пріятелемъ изыскивалъ тогда слова и обороты рѣчи, чтобы какъ-нибудь выразить «не выразимое» искусства! Достичь ясности въ такомъ выраженіи, было, конечно, очень трудно, и легче было говорить о грѣхахъ художника и его страданіи, чѣмъ объ его вдохновеніи и радости.

Среди такихъ грѣховъ и печалей вниманіе писателя останавливала тогда одна прозаическая сторона въ жизни артиста: именно его погоня за модой, успѣхомъ и деньгами. Одоевскій отмѣтилъ этотъ трагическій моментъ артистической жизни въ разсказѣ «Импровизаторъ», слегка напоминающемъ своей основной идеей повѣсть Гоголя «Портретъ». Это—печальная исторія нѣкоего поэта Кипріяно, терпѣвшаго большую нужду съ юныхъ лѣтъ, поэта съ творческимъ даромъ, но безъ способности легко владѣть имъ. Каждая работа требовала отъ него массу труда и времени; каждый стихъ стоилъ ему нѣсколькихъ изгрызенныхъ перьевъ, нѣсколькихъ вырванныхъ волосъ и обломанныхъ ногтей. Онъ готовъ былъ обмѣнять свой даръ на какое-нибудь простое ремесло, но не могъ, такъ какъ природа дала ему всѣ причуды поэта, врожденную страсть къ независимости, непреоборимое отвращеніе отъ всякаго механическаго занятія и привычку дожидаться минуты вдохновенія. Онъ не въ силахъ былъ разлюбить своего дара и рѣшился продать свою волю дьяволу, лишь бы тотъ далъ ему способность безъ труда пользоваться этимъ даромъ и на немъ основать свое житейское благополучіе. Изъ рукъ какого-то доктора Сегеліеля, одного изъ служителей діавольскихъ, нашъ художникъ и получаетъ способность «производить безъ труда», но при одномъ условіи, что вмѣстѣ съ этимъ даромъ онъ получитъ и другой даръ—«все видѣть, все знать и все понимать». Кипріяно радуется, что число даровъ удвоилось, но этотъ второй даръ и оказывается источникомъ его гибели. Нашъ поэтъ становится извѣстнымъ импровизаторомъ; творитъ, дѣйствительно, безъ труда, деньги плывутъ ему въ руки, но, все видя и все понимая, онъ ни въ чемъ не находитъ отрады и успокоенія. Высшій смыслъ жизни для него потерянъ; все въ природѣ разлагается передъ нимъ: всѣ его чувства и его умъ анализируютъ жизнь до мелочей безъ способности обнять ее въ синтезѣ, онъ не можетъ забыться въ высокомъ поэтическомъ произведеніи, не можетъ набрести на глубокую думу или отдохнуть умомъ въ стройномъ философскомъ зданіи: онъ видитъ всю черную работу и художника, и философа. Вся красота искусства для него гибнетъ: въ лучшей музыкѣ онъ видитъ лишь однѣ животныя жилы, по которымъ скользятъ конскіе волосы. Такой карой былъ наказанъ художникъ, который хотѣлъ избѣгнуть труда, неразлучнаго со всякимъ творчествомъ; и этотъ докторъ Сегеліель—близкій родственникъ гоголевскаго Петромихали, олицетвореніе всѣхъ тѣхъ искушеній, которыя на своемъ терновомъ пути встрѣчаетъ художникъ... искушеній

блеска, успѣха и золота, мимо которыхъ столь немногіе, даже крупные люди, проходятъ въ сознаніи своего долга.

Среди писателей, особенно облюбовавшихъ такіе сюжеты, сталъ выдвигаться въ тѣ годы и товарищъ Гоголя по нѣжинскому лицею—Н. В. Кукольникъ. Онъ былъ также изъ числа петербургскихъ знакомыхъ Гоголя, хотя дружбы между ними не было: Гоголь всегда вышучивалъ его за слишкомъ восторженное и патетическое отношеніе къ жизни, называлъ его не иначе, какъ «Возвышенный», и удивлялся его способности писать нескончаемыя трагедіи и декламировать ихъ при каждомъ удобномъ случаѣ. Въ серединѣ тридцатыхъ годовъ Кукольникъ—со временемъ очень популярный писатель—только начиналъ свою литературную карьеру. Дебютировалъ онъ относительно удачно драматической фантазіей въ стихахъ «Торквато Тассо» *), основную мысль которой онъ неоднократно повторялъ затѣмъ во многихъ своихъ трагедіяхъ и романахъ. Это была и основная мысль его собственной жизни: сущность ея сводилась все къ тому же противорѣчію между вдохновеніемъ и прозой жизни, между все понимающимъ художникомъ и не понимающей его толпой...

Въ драмѣ «Торквато Тассо» это противорѣчіе напряжено до крайности. Изображена печальная жизнь великаго итальянскаго поэта, разсказана его несчастная любовь къ двумъ сестрамъ своего покровителя, описано его изгнаніе, его сумасшествіе, и все это затѣмъ, чтобы въ послѣдней сценѣ вознести его до небесъ, вѣнчать его вѣнкомъ Виргилія и заставить его, итальянца, прощаясь съ землей, пророчествовать о великой славѣ Россіи и привѣтствовать издалека Державина, своего наслѣдника. Кромѣ этого неумѣстнаго патріотизма, на который Кукольникъ былъ всегда очень щедръ, драма въ общемъ производитъ впечатлѣніе цѣльное, въ виду неизмѣнно повышеннаго тона, въ какомъ она написана, и единства идеи, которая въ ея основаніе положена. Все въ драмѣ сводится къ указанію непримиримой розни, которая существуетъ между геніемъ и окружающей его средой, а также къ прославленію величія генія, которое въ глазахъ простыхъ людей есть либо дерзость, либо заносчивость, либо коварство, либо, наконецъ, безуміе. Тассъ, влюбленный въ герцогиню и изгнанный изъ Ферарры, Тассъ, бездомный странникъ, затерянный въ толпѣ нищихъ, Тассъ, въ минуту изступленія способный на убійство, геній въ бесѣдѣ съ сумасшедшими, и онъ же увѣнчанный лаврами и всѣми признанный, и со всѣми примиренный, (примиренный, однако, не для жизни, а для смерти),—все это рядъ поэтическихъ образовъ, въ которые облечена одна безотрадная мысль: излюбленная романтическая мысль о томъ, что для истиннаго генія нужна иная вселенная, чѣмъ та, въ которую его судьба забросила. Бросить свѣтъ и спрятаться отъ людей въ пустынѣ—

*) «Торквато Тассо». Большая драматическая фантазія. Спб. 1833.

вотъ что долженъ сдѣлать этотъ избранникъ Божій. Жить для жизни не стоитъ, такъ какъ сама жизнь — что она такое? Безсонница страстей! Въ нашемъ мірѣ нѣтъ гостепріимства для генія, и правъ онъ, когда ненавидитъ людей, когда чувствуетъ, что весь міръ опустѣлъ для его сердца.

Зачѣмъ же призванъ этотъ геній жить среди людей, и въ чемъ его назначеніе, если встрѣча съ людьми естественно должна его натолкнуть на ненависть, вмѣсто того, чтобы исполнить его сердце любовью? На этотъ вопросъ у многихъ изъ нашихъ романтиковъ былъ отвѣтъ опредѣленный, но не вполнѣ ясный. Они полагали, какъ и Кукольникъ въ своемъ «Тассо» *), что геній долженъ жить

*) «Торквато Тассо», актъ 3-й, явленіе III, выходъ 2-й.

высокими *неземными* страстями; какъ небо, онъ долженъ отдѣляться отъ земли, быть возлюбленникомъ Бога и не любить обманчивость земного совершенства. Пусть простой человѣкъ горитъ въ страстяхъ и желаніяхъ, но тотъ, кому Господь вливаетъ силу прославиться великими дѣлами *на благо человѣческому роду*, долженъ истребить въ себѣ всѣ чувства, о тѣлѣ, о душѣ своей забыть и помнить о своемъ завѣтѣ, для коего онъ призванъ въ міръ. Этотъ завѣтъ—служеніе красотѣ. Она сама свое дѣло сдѣлаетъ и всю работу художника обратитъ на пользу человѣчества, какъ бы далеко ни стоялъ самъ поэтъ отъ всѣхъ людей и житейскихъ вопросовъ.

Въ обрисовкѣ столкновенія этого отчужденнаго въ жизни поэта съ людьми, для блага которыхъ онъ существуетъ въ мірѣ, писатель договаривался иногда до большихъ странностей. Не безызвѣстный въ тѣ годы поэтъ Тимофѣевъ—одинъ изъ самыхъ восторженныхъ и неистовыхъ романтиковъ—разсуждалъ на эту тему такъ въ своей «драматической фантазіи» «Поэтъ» (1834): «Пусть—говорилъ онъ—жизнь безъ поэзіи—пустыня, изъѣденный червями трупъ, но и сама поэзія тотъ же трупъ подъ гальванизмомъ. Подъ этимъ сводомъ неба поэту душно: въ немъ засыпаютъ желанья, воля, душа... Гдѣ найти для него дѣятельность? Любовь и дружба—бредни, добродѣтель—чадъ, слава—дымъ; свобода? Но развѣ она есть здѣсь въ нашемъ мірѣ? на свѣтѣ? Свободенъ одинъ Богъ. Одно лишь новое, нѣчто совершенно новое, не имѣющее въ себѣ ни малѣйшаго отпечатка человѣчества, могло бы удовлетворить поэта, который боленъ «омерзеніемъ» къ людямъ, который признаетъ, что гдѣ человѣкъ—тамъ нѣтъ великаго. Предъ чѣмъ благоговѣть здѣсь, на землѣ, гдѣ идеалъ—вдали звѣзда, чуть ли не солнце, а вблизи—вонючій запахъ сѣры, едва мерцающій огонь? Нѣтъ въ нашемъ мірѣ для поэта ни мѣста, ни дѣла, и если вообще существуетъ роль, его достойная, то только одна—въ состязаніи съ самимъ Творцомъ. Иной разъ поэту кажется, что онъ дѣйствительно способенъ вдохнуть начало бытія въ цѣлый необработанный хаосъ. Ему грезится, что онъ можетъ создать такой міръ, которому позавидуетъ цѣлая вселенная.

Слово «ужасъ» никогда не будетъ существовать въ этомъ вновь созданномъ мірѣ, въ немъ будетъ вѣчная весна, исчезнетъ въ немъ навсегда всякая злоба. Въ этомъ новомъ мірѣ долженъ жить и новый человѣкъ—душа вселенной. Пусть будетъ онъ безсмертенъ и вѣчно счастливъ. Трудовъ никакихъ не будетъ—человѣкъ съ минуты самаго рожденія узнаетъ все и съ бытіемъ получитъ даръ всепознанія; онъ будетъ имѣть одни желанія, но страстей въ его душѣ не будетъ; страсти—язвы, всепожирающій огонь, эхидны. Ихъ не надо! Такъ мечтаетъ иногда поэтъ, желая исправить ошибки Всевышняго. И эта мечта—его гибель, потому что такого міра нѣтъ, и онъ, если бы былъ созданъ, носилъ бы въ себѣ противорѣчіе. Поэтъ осужденъ жить въ нашемъ, а не въ иномъ мірѣ, и отъ всѣхъ мечтаній онъ долженъ пробудиться на площади, среди большого европейскаго города, среди шумной толпы, иной разъ и пьяной, и грубой; среди этой пошлости надлежитъ ему и умереть подъ говоръ этихъ пигмеевъ въ платьѣ эгоизма. Его предсмертныя страданія ужасны, въ особенности, если онъ сознаетъ, что даже тѣмъ малымъ счастьемъ, которое человѣку на землѣ доступно, онъ не сумѣлъ воспользоваться. Ничтожества проситъ онъ у своего генія передъ прощаніемъ съ жизнью. Онъ боится, что съ своей «живой душой» онъ даже небесный рай, куда онъ долженъ переселиться, обратитъ въ черную обитель страданія. Но геній беретъ его на небеса, и со смертью для него начинается новая жизнь. Онъ исполнилъ свое назначеніе: онъ былъ залогомъ союза Бога съ человѣкомъ, онъ былъ свѣтиломъ для этого мрачнаго, мертваго міра, лампадой во тьмѣ грѣха, недуговъ и печали, хотя онъ и ненавидѣлъ этотъ міръ. Теперь, въ моментъ смерти, святой небесный огонь долженъ быть взятъ въ свою отчизну. Душа поэта—душа земли; его величіе—величіе людей; его могила—вся вселенная. Даже его безумная мечта о новомъ мірѣ не пропадаетъ даромъ—она цѣлебный бальзамъ для души всегда больного человѣка *).

Далеко не всѣ изъ нашихъ романтиковъ ставили вопросъ о борьбѣ мечты и жизни на такую общую почву; писатель бралъ иногда столкновенія менѣе рѣзкія, и тогда его этюды выигрывали въ психологической правдѣ. Такъ, напр., поступалъ Н. А. Полевой, всегда готовый думать и говорить о поэтѣ, объ искусствѣ, о красотѣ и объ ихъ назначеніи въ жизни. Въ своихъ романахъ и повѣстяхъ, касаясь этой темы, онъ останавливался преимущественно на столкновеніи артистической натуры съ разными прозаическими сторонами дѣйствительной жизни. Разочарованія, на которыя осуждена въ жизни пылкая натура, и уколы, къ которымъ она такъ чувствительна—вотъ тотъ повседневный житейскій фактъ, съ которымъ Полевой никакъ не хотѣлъ помириться. Онъ изображалъ это печальное столкновеніе мечты и дѣйстви-

*) «Опыты Т.м.ф.а». Спб. 1837. Часть I, 1—61.

тельности также не безъ романтическихъ условностей, но все-таки стремясь приблизиться къ правдѣ жизни. Въ его повѣстяхъ передъ нами люди, а не ходульные символы, и только одно можно этимъ людямъ поставить на счетъ, а именно ихъ не русское, а чисто нѣмецкое происхожденіе.

Краткая исторія жизни одной изъ такихъ артистическихъ натуръ дана намъ въ повѣсти Полевого «Живописецъ» *). Высокодобродѣтельная, божественнымъ дарованіемъ отмѣченная душа Аркадія—порывистая, готовая на все наброситься и тяготящаяся усидчивой работой—не находитъ среди людей ни мѣста ни дѣла. Естественное въ такихъ условіяхъ разочарованіе готово угасить въ немъ святую искру и, какъ всегда бываетъ, одна любовь, пылкая и всепоглощающая, кажется ему надежнымъ якоремъ спасенія. Онъ можетъ существовать только вдохновеніемъ страстей. Художникъ исчезнетъ въ немъ, если любовь имъ не овладѣетъ; она одна можетъ вознести его къ великому идеалу... Такъ думалъ онъ, но жизненная его загадка рѣшалась, однако, не такъ просто. Художника продолжало тяготить его вдохновеніе. Голова его наполнялась идеями, на воплощеніе которыхъ у него недоставало ни формъ, ни образовъ, ни выраженій. Какое-то безотчетное стремленіе владѣло имъ, и это стремленіе удовлетворенія съ собой не приносило. Онъ хотѣлъ вырубить весь Кельнскій соборъ однимъ ударомъ изъ одного камня и, конечно, долженъ былъ придти къ сознанію, что на землѣ такія страсти утолить невозможно. И, наконецъ, то на что онъ въ жизни всего больше надѣялся—любовь, и она ему измѣнила, т.-е. предметъ его страсти оказался не на высотѣ его требованій. Когда ему удалось создать свое первое произведеніе, написать «Прометея», онъ на выставкѣ своей картины могъ убѣдиться въ томъ ничтожествѣ, какое представляли изъ себя всѣ его судьи. Кромѣ банальностей, онъ ничего не услыхалъ отъ нихъ, и первую банальность сказала его невѣста. «Прелестно»,—отвѣтила она, глядя на этотъ шедевръ своего возлюбленнаго, на эту картину, «гдѣ Эсхилъ былъ переведенъ рукой Гёте, миѳъ первобытной Эллады проникнутъ огнемъ всеобъемлющаго романтизма, событіе древней исторіи описано въ трагедіи Шекспира». И, въ довершеніе всего, дѣвица вышла замужъ за другого по волѣ своего родителя. Аркадій бѣжалъ въ Италію и тамъ скоро умеръ.

Этотъ же нехитрый сюжетъ разработалъ Полевой и въ своемъ романѣ «Аббаддонна» **), который однимъ уже заглавіемъ показываетъ, изъ какихъ книгъ черпалъ нашъ авторъ свое вдохновеніе. Полевой, впрочемъ, не скрывалъ происхожденія своего героя и оставилъ ему

*) «Мечты и жизнь». Были и повѣсти, сочиненныя *Н. Полевымъ.* 4 части. М. 1838. Часть II.

**) «Аббаддонна». Сочиненіе *Н. Полевого.* Спб. 1840. 4 части (романъ началъ печататься съ 1835 г.).

его нѣмецкую фамилію. «Аббаддонна»—романъ изъ нѣмецкой жизни, и герой его, поэтъ Рейхенбахъ—авторъ славной трагедіи «Арминій».

Содержаніе «Аббаддонны»—варіація на тему извѣстнаго эпизода изъ «Мессіады» Клопштока; исторія чистой восторженной души, влюбленной въ грѣшную душу и готовой на всѣ жертвы, чтобы спасти ее. Такъ и поэтъ Рейхенбахъ, пламенный поклонникъ и родственникъ героевъ Шиллера, готовъ отдать свою жизнь, чтобы спасти великую актрису Элеонору изъ того омута свѣтской пошлости и разнузданности, въ которомъ она погрязла. Ради этого подвига любви, любви артиста къ женщинѣ и артисткѣ, онъ забываетъ чистую, скромную любовь, которая соединяла его съ нѣжной, прелестной, но безцвѣтной Генріэттой, его первой музой и свидѣтельницей первыхъ его литературныхъ успѣховъ. Тема, какъ видимъ, сентиментальная и старая, пересказанная, однако, Полевымъ занимательно и мѣстами очень драматично. Основная идея романа заключена, впрочемъ, не въ этомъ противопоставленіи двухъ сердечныхъ склонностей—любви поэтичной, страстной и грѣшной и любви чистой, тихой и невинной. Пользуясь лишь этимъ драматическимъ положеніемъ для развитія самого разсказа, авторъ при каждомъ случаѣ выдвигаетъ другое противопоставленіе съ болѣе глубокимъ смысломъ—все ту же намъ хорошо знакомую антитезу мечты и существенности. Съ одной стороны, передъ нами поэтъ и артистка съ ихъ невыраженными и, можетъ быть, невыразимыми чувствами и думами, съ другой—вся житейская проза въ видѣ филистерскихъ бюргерскихъ семей, свѣтскаго пустого круга, педантической критики присяжныхъ литературныхъ судей и т. д.

«Для чего никогда не находилъ я въ мірѣ согласія и мира между жизнью и поэзіей?—спрашиваетъ Рейхенбахъ. Ни въ дѣтствѣ, ни въ юности, ни въ мастерскихъ отца, ни въ школахъ и училищахъ, ни въ семейной жизни, ни тамъ, гдѣ люди отвели особенный участокъ искусству, въ ученыхъ обществахъ, театрахъ, галлереяхъ статуй и картинъ, не находилъ его ни въ буйномъ разгулѣ жизни, ни въ хижинѣ бѣднаго, ни въ чертогахъ богача, ни между людьми, которые называютъ себя поэтами и художниками—нигдѣ, нигдѣ! И вездѣ искусство и поэзія—ремесло, забава досуга или глупость, безразсудство. Но вѣдь есть, однако-жъ, въ человѣкѣ особенное чувство искусства и поэзіи? Но вѣдь Богъ отдѣлилъ же ему цѣлую треть души человѣческой? Но искусство свѣтлѣетъ, однако-жъ, именами Шекспира, Рафаэля, Моцарта, Микель-Анджело? Что же такое все это? Не потому ли, что безъ цѣли, безъ плана жизни, безъ отчета въ своемъ вдохновеніи, въ вѣчной борьбѣ съ самимъ собою, поэтъ, обдѣленный въ раздѣлѣ всего того, что судьба даетъ душѣ человѣка на землѣ, упалъ съ неба и бродитъ здѣсь между людьми съ неясной и недостижимой идеею неба, между тѣмъ какъ всѣмъ другимъ есть дѣло на землѣ и съ землею кончится это дѣло для всѣхъ другихъ. Юристъ судитъ, купецъ

торгуетъ, крестьянинъ пашетъ, ремесленникъ шьетъ, кроитъ, куетъ, солдатъ дерется. А что дѣлаетъ художникъ и поэтъ? Глотаютъ дымъ мечтаній или подслуживаются другимъ изъ насущнаго хлѣба...» Такъ жаловался нашъ поэтъ и иногда въ этихъ жалобахъ терялъ нить мышленія и впадалъ въ какой-то восторгъ отчаянія. «Природа! Люди!—восклицалъ онъ, протягивая руки.—О! ради Бога, душу моей душѣ, сердце моему сердцу, любовь моей любви! Нѣтъ отвѣта—все безмолвствуетъ!» «Осень жизни міра, осень бытія человѣка! Неужели ты наступила для насъ? Неужели Наполеонъ, Гёте, Байронъ, В. Скоттъ, вы всѣ, великіе, вдругъ улетѣвшіе изъ міра, какъ ласточки, улетающія осенью, предсказываете намъ холодную осень? И воетъ буря осенняя! И всѣ мечты, всѣ созданія оставшихся бѣдняковъ, всѣ наши мелкіе помыслы — листочки, пожелтѣлые на грязной, холодной, застывшей почвѣ міра!..» Да, во многомъ виноватъ нашъ вѣкъ, нашъ промышленный, индустріальный вѣкъ. «Нашъ вѣкъ—монета, истертая употребленіемъ, обрѣзанная, вытравленная жидами и мѣновщиками.

«Мы родимся холодно, систематически; мы плачемъ въ нашей колыбели, а не производимъ звуковъ гармоническихъ. Пчелы не летаютъ нынѣ на уста младенца-поэта со своимъ медомъ: гдѣ отыскать имъ колыбель его въ нашихъ городахъ! Только любовь могла бы еще воспламенять поэта на созданія чудныя...» Но, какъ показываетъ нашъ романъ, для пылкой души кроется и въ этой любви родникъ великихъ несчастій.

Варіаціи этой мелодраматичной темы безконечны. Въ большинствѣ случаевъ писатель, за недостаткомъ глубокихъ мыслей и тонкихъ чувствъ, впадалъ въ шаблонную риторику и перекраивалъ на свой ладъ чужія положенія, которыя вычитывалъ у иностранныхъ романистовъ. Но эта истрепанная тема оживала, когда авторъ, вмѣсто того, чтобы обобщать типы, придавалъ имъ болѣе реальный и мѣстный характеръ, въ особенности когда онъ вводилъ въ разсказъ элементъ соціальный. Въ повѣсти «Художникъ» уже знакомаго намъ Тимофѣева и въ разсказѣ «Именины» Н. Ф. Павлова передъ нами двѣ попытки разнообразить этотъ старый романтическій сюжетъ именно такимъ новымъ общественнымъ мотивомъ.

«Художникъ» Тимофѣева (1833) не свободенъ отъ того романтическаго перенапряженія чувствъ, которымъ всегда грѣшилъ этотъ искатель эффектовъ. Въ одиннадцать лѣтъ его художникъ хотѣлъ уже разгадать тайну сотворенія вселенной и считалъ себя существомъ чужимъ для людей, заброшеннымъ въ здѣшній свѣтъ изъ чужого міра. Его мечты всегда были наполнены необыкновеннымъ и чудеснымъ. То онъ предводительствовалъ отважными шайками, свершалъ геройскіе подвиги, то уносился въ какой-нибудь новосозданный міръ и населялъ его своими идеалами, то спускался въ адъ и завоевывалъ тронъ Велзевула и съ подземнымъ воинствомъ шелъ противъ вселенной; онъ ви-

дѣлъ, какъ горы таятъ, рѣки улетаютъ парами, земля съ трескомъ разваливается на части... Дымъ и смрадъ, громъ и буря, всеобщее разрушеніе—и посреди этого хаоса—онъ!.. Наконецъ, онъ любилъ прогуливаться по карнизамъ развалившихся строеній или бѣгать по срубамъ колодезей... Онъ обнаруживалъ, какъ видимъ, самыя экцентричныя привычки и необыкновенный складъ ума и фантазіи, и все это здѣсь, среди этого міра, окруженный людьми, этими жалкими, смѣшными и, между тѣмъ, прелестными, величественными созданіями, среди нихъ, среди этого великолѣпнаго храма, возносящагося главою до небесъ и стоящаго на гусиныхъ лапкахъ! И онъ былъ осужденъ въ этомъ мірѣ искать красоты и истины, истины, которая здѣсь, на землѣ, какъ «отвратительное, покрытое грязью и въ лохмотьяхъ существо ютится, свернувшись клубкомъ въ отверстіи какого-то мрачнаго грота». Что ему искать у людей—онъ всѣмъ чужой, онъ гость среди нихъ. Явится, мелькнетъ кометой по ночному небу, и нѣтъ его. Горитъ комета, толпа клянетъ ее, упрекаетъ, ищетъ въ ней пророчества ужаснѣйшихъ несчастій; потухла—потомство дивится глупости толпы и дѣлаетъ точно то же. А между тѣмъ, художнику болѣе, нежели кому-либо, надобно быть человѣкомъ. Рѣшительная воля, пламенныя страсти, возвышенная душа, здравый разумъ и чувствительное сердце—вотъ его необходимыя принадлежности. Сердце художника—термометръ, зеркало, въ которомъ отражаются всѣ люди, весь міръ, земля и небо!»

Какъ жить съ такимъ даромъ въ нашемъ мірѣ? И несчастный «баловень судьбы», поэтъ, обреченъ на всѣ терзанія. Создалъ онъ картину, написалъ и онъ своего «Прометея», и судъ глупцовъ и толпы—его награда. Хотѣлъ онъ продать свою картину, ее стали мѣрить на аршины, и она была куплена съ условіемъ, что художникъ поправитъ небольшія погрѣшности, замѣченныя въ ней не покупщикомъ, а его французскимъ учителемъ, служившимъ два года сторожемъ при берлинской картинной галлереѣ! Нужда заѣдала художника. Имущество его описали, съ квартиры его выселили; у него остался одинъ комодъ, который онъ взвалилъ на извозчика и свезъ на площадь. Онъ взялъ лоскутъ бумаги, написалъ на немъ «квартира художника», привязалъ этотъ лоскутъ къ шесту, воткнулъ шестъ возлѣ комода и пошелъ бродить по улицамъ. Онъ днями не ѣлъ, за-то пилъ, сколько душѣ угодно, потому что изъ Невы вода отпускается даромъ. Вся жизнь его была рядомъ лишеній и страданій, и физическихъ и, духовныхъ, и одна только любовь могла согрѣть его изстрадавшееся сердце. Но эта любовь его окончательно погубила, не по его винѣ, даже не по винѣ того, кого полюбилъ онъ. Нашъ художникъ — и въ этомъ заключается вся оригинальность замысла Тимофѣева—былъ незаконнорожденный. Онъ не зналъ, кто его отецъ и мать, хотя, въ концѣ концовъ, нашелъ своихъ родителей. Свою мать онъ встрѣтилъ на улицѣ—нищей, развратной и преступной женщиной, а его отецъ оказался

*

помѣщикомъ той усадьбы, гдѣ онъ родился. Дѣтство его было ужасно. Онъ жилъ въ какой-то грязной избѣ, въ сору, вмѣстѣ съ овцами и коровами; онъ былъ предметомъ презрѣнія всей дворни. Псари травили его собаками, кучера заставляли прыгать черезъ палку, прихлестывая кнутомъ; повара обливали помоями. Онъ не могъ понять, почему тѣ же самые люди, которые отгоняли его отъ себя кнутомъ и травили собаками, ласкали ихъ и кормили разными лакомствами. Величайшимъ его удовольствіемъ сдѣлалось уединеніе. Поздно вечеромъ онъ возвращался въ деревню и, прокравшись черезъ гумна въ какую-нибудь избу, утаскивалъ кусокъ хлѣба и снова бѣжалъ въ поле. Ночь проводилъ онъ гдѣ случалось, подъ плетнемъ, въ стогѣ сѣна, въ помойной ямѣ. Первое существо, которое приняло въ немъ участіе, была собака... Наконецъ, случайно прогуливавшійся баринъ заинтересовался узнать, кто онъ, и тайна рожденія его открылась. Онъ поступилъ въ число дворни и сталъ лакеемъ своего родителя. Помѣщикъ былъ любитель живописи, и вотъ, однажды взглянувъ въ грустную минуту на висѣвшую въ его комнатѣ Рафаэлеву Мадонну, лакей понялъ, въ чемъ его призваніе. Онъ сталъ жить новой жизнью, и образъ Мадонны не покидалъ его. Помѣщикъ оказался все-таки настолько добрымъ человѣкомъ, что позволилъ лакею учиться вмѣстѣ со своими дѣтьми, съ его сыномъ и дочерью; успѣхи несчастнаго мальчика обратили на себя вниманіе его отца, и когда онъ замѣтилъ въ немъ страсть къ рисованію, онъ далъ ему возможность учиться этому искусству. Двѣнадцати лѣтъ его свезли въ губернскій городъ и отдали въ выучку какому-то старику академику. У него провелъ онъ восемь лѣтъ и художникомъ вернулся къ себѣ на родину. Его отецъ уже умеръ; имѣньемъ правилъ его братъ, и къ нему онъ поступилъ въ качествѣ домоваго живописца. Жизнь была трудная, полная униженій; новый баринъ былъ вспыльчивъ и смотрѣлъ на искусство, какъ на ремесло, и за то, что художникъ понималъ свое призваніе иначе и защищалъ свои права, его братъ однажды приказалъ его высѣчь. Онъ чуть не сошелъ съ ума, но судьба на нѣкоторое время спасла его для искусства... именно—на время, такъ какъ иная, неизлечимая рана разъѣдала его сердце. Онъ былъ влюбленъ, безумно влюбленъ въ дочь своего отца, въ свою сестру, которую онъ полюбилъ еще тогда, когда они вмѣстѣ играли и учились... Онъ встрѣтился съ ней потомъ, когда уже сталъ художникомъ настоящимъ, но не нашелъ въ ней не только отзвука на свои чувства, но даже пониманія своихъ стремленій, какъ художника... Сумасшедшій домъ пріютилъ эту мятежную душу.

Не будь этой соціальной тенденціи, проведенной въ повѣсти очень реально и ярко, разсказъ Тимофѣева былъ бы очень ординарнымъ пересказомъ стараго. Общественная тенденція придаетъ этому разсказу нѣкоторое историческое значеніе, такъ какъ, за вычетомъ всѣхъ романтическихъ условностей и нелѣпостей, въ немъ остается большая доза

правды о положеніи многихъ и очень многихъ талантливыхъ натуръ, выроставшихъ въ томъ или иномъ подневольномъ состояніи *).

Съ еще бо́льшей смѣлостью освѣщено подневольное положеніе талантливой натуры въ повѣсти Н. Ф. Павлова «Именины» **). Эта повѣсть, вмѣстѣ съ двумя другими («Аукціонъ» и «Ятаганъ»), которыя Павловъ издалъ въ 1835 году, надѣлала много шума. Цензура обратила на сборникъ свое особое вниманіе, и онъ заслужилъ даже высочайшее неодобреніе. Дѣйствительно, изъ всѣхъ разсказовъ тѣхъ годовъ, повѣсть «Именины» была самая тенденціозная и касалась самаго больного общественнаго вопроса. Эта была исторія жизни одного крѣпостного музыканта, исторія по своему глубокому трагическому смыслу упредившая извѣстную повѣсть Герцена «Сорока-Воровка». Авторъ не столько описывалъ, сколько разсуждалъ или, вѣрнѣе, наводилъ читателя на разсужденіе. Началъ онъ свою повѣсть съ очень для того времени характернаго замѣчанія: «Человѣкъ вездѣ равно достоенъ вниманія,—говорилъ Павловъ,—потому что въ жизни каждаго, кто бы онъ ни былъ, какъ бы ни провелъ свой вѣкъ, мы встрѣтимъ или чувство, или слово, или происшествіе, отъ которыхъ поникнетъ голова, привыкшая къ размышленію. Приглядись къ мирному жильцу земли, къ послѣднему изъ людей,—въ немъ найдешь пищу для испытующаго духа, точно также какъ въ человѣкѣ, который при глазахъ цѣлаго міра пронесется на волнахъ жизни изъ края въ край...» Писать такъ въ годы торжества романтики—значило предчувствовать наступленіе той литературы, которая займется изображеніемъ самыхъ простыхъ и самыхъ сѣрыхъ людей,—и жизнь такого простого, съ виду сѣраго человѣка разсказалъ авторъ и показалъ намъ, сколько смысла и чувства въ такой жизни было...

Герой разсказа—музыкантъ и пѣвецъ—былъ крѣпостной по рожденію; на мѣдныя деньги учили его грамотѣ, и санъ дьячка сдѣлался границей его честолюбія. Но въ одинъ день, съ котораго началось его второе рожденіе, ему осмотрѣли зубы и губы; по осмотру заключили, что онъ—флейта, отчего и отдали учиться на флейтѣ. Его готовили въ куклы для прихотливой скуки, для роскошной праздности, но музыка спасла своего питомца: музыкальныя способности въ немъ развернулись. Много лѣтъ прошло, какъ мало-по-малу онъ началъ знакомиться съ извѣстными артистами въ Москвѣ, бросилъ флейту, оказалъ большіе успѣхи на скрипкѣ и на фортепіано, наконецъ, пѣніе сдѣлалось его исключительнымъ занятіемъ. Любители музыки дорожили его дарованіемъ, но онъ былъ для нихъ машина, которая играетъ и поетъ, къ которой во время игры и пѣнія стоятъ лицомъ, а послѣ поворачиваются спиной. Его хвалили, но эта похвала пахла милостью. Однажды впрочемъ слу-

---

*) «Опыты Т. м. ф. а.», часть II, 1—184.

**) «Три повѣсти» *Н. Ф. Павлова*. Москва. 1835.

чай свелъ его съ пламеннымъ поклонникомъ искусствъ, который его, выброшеннаго изъ числа людей, полюбилъ какъ брата. Крѣпостному было ново, неловко, когда его другъ при гостяхъ заводилъ съ нимъ разговоръ или просилъ садиться. «Вѣрьте—признавался нашъ художникъ—что не смѣть сѣсть, не знать, куда и какъ сѣсть—это самое мучительное чувство!» Этотъ благородный любитель искусствъ далъ ему средство совершенствовать свой талантъ, заставлялъ его читать книги; но книги оскорбляли крѣпостного: они все говорили ему о другихъ и ничего о немъ самомъ. Онъ видѣлъ въ нихъ картину всѣхъ нравовъ, всѣхъ страстей, всѣхъ лицъ, всего, что движется и дышетъ, но нигдѣ не встрѣтилъ себя: онъ былъ естествомъ, исключеннымъ изъ книжной переписи людей, нелюбопытное, незанимательное, о которомъ нечего сказать и котораго нельзя вспомнить—онъ былъ хуже, чѣмъ убитый солдатъ, заколоченная пушка, переломанный штыкъ или порванная струна... Человѣкъ, отъ котораго онъ «зависѣлъ», долженъ былъ однако ѣхать въ свое имѣніе, и съ нимъ вмѣстѣ уѣхалъ и нашъ музыкантъ. Къ счастью, по сосѣдству съ имѣніемъ его барина находилась и усадьба его благодѣтеля. Въ качествѣ пріѣзжаго музыканта онъ сдѣлался деревенскимъ учителемъ, и въ усадьбахъ ему оказывали больше почета, чѣмъ въ столицѣ, потому что никто не зналъ тайны его происхожденія. Здѣсь, въ деревенской глуши, встрѣтился онъ съ одной пріѣзжей барышней, музыкантшей-пѣвицей, на вечерѣ, куда онъ былъ приглашенъ аккомпанировать. Александрина ему понравилась. «Впрочемъ,—признавался онъ,—я не могу сказать, что она понравилась мнѣ; съ словомъ *нравиться* соединяется какая-то мысль о равенствѣ... Я смотрѣлъ на нее, какъ на картину, которая не продается, которую нечѣмъ купить; какъ на ноты, по которымъ предсказывалъ себѣ волшебное согласіе ихъ звуковъ: смотрѣлъ, не какъ человѣкъ, а какъ музыкантъ...» На эту богиню смотрѣлъ онъ однажды издалека, за обѣдомъ, сидя на унизительномъ краю стола. Сидѣвшій за столомъ худощавый человѣкъ и по виду пречувствительный, любитель музыки, разговаривалъ со своимъ сосѣдомъ. «А я сегодня обработалъ славное дѣло,—сказалъ онъ,—продалъ двухъ музыкантовъ по тысячѣ рублей штуку...» «Вы понимаете, чего мнѣ хотѣлось, признавался нашъ музыкантъ автору повѣсти,—но не то было время». Онъ полюбилъ Александрину, и она его: искусство ихъ сблизило, и первое время въ чаду увлеченія артистъ забылъ, кто онъ. Онъ очнулся, когда услыхалъ признаніе изъ ея устъ, и тутъ пришлось ему открыть свою тайну... Ему впрочемъ блеснулъ было лучъ спасенія; его пріятель и благодѣтель готовъ былъ купить его у помѣщика, но помѣщикъ не могъ продать его, такъ какъ проигралъ въ карты деревню, къ которой онъ былъ приписанъ, и его самого... «Я помню,—разсказывалъ артистъ, что я очутился въ спальнѣ моего барина... Лампада теплилась передъ образомъ, и первые лучи утренней зари прокрадывались сквозь закрытые ставни. У меня въ рукѣ была бритва. Я смѣло по-

дошелъ къ кровати, съ отвагой убійцы отдернулъ занавѣсъ, но... я говорю правду—рука моя опустилась прежде, чѣмъ я увидѣлъ, что въ постели никого не было. Да, у меня не достало бы силы на такое дѣло... я долженъ благодарить Провидѣніе, что онъ не ночевалъ дома: онъ проигрывалъ послѣднее и проигралъ». На другой день музыкантъ бѣжалъ переодѣтый, съ цѣлью попасть въ солдаты или кончить жизнь самоубійствомъ. Онъ бродилъ, какъ Каинъ, по Россіи. Голая, осенняя земля бывала часто ему постелью, а засохшій хлѣбъ—пищею... Его взяли, наконецъ, какъ безпаспортнаго, и привели къ исправнику. Исправникъ прежде допроса схватилъ его за воротъ и замахнулся; «но Богъ спасъ насъ обоихъ—разсказывалъ артистъ,—блюститель благочинія и порядка вѣрно хотѣлъ только начать, съ чего слѣдуетъ, и постращать меня, но не ударить; а я видѣлъ уже минуту, какъ неумѣстный судья полетитъ вверхъ ногами къ подножію зерцала». Но наступилъ таки и для него часъ искупленія. Онъ былъ приговоренъ въ солдаты и поступилъ въ арестантскія роты. «Я дышалъ свободно,—разсказывалъ онъ,—я смотрѣлъ смѣло, меня уже не пугала барская прихоть; я сдѣлался слугою не людей, но смерти»,—и онъ пошелъ на войну. Съ поэтическимъ трепетомъ увидѣлъ онъ въ первый разъ то поприще, гдѣ падаютъ люди не по выбору, а кто попадется, гдѣ презрѣніе къ жизни можетъ задушить человѣческое лицепріятіе и поставить первымъ того, кто стоялъ послѣдній... Онъ былъ украшенъ затѣмъ георгіевскимъ крестомъ и дослужился до офицерскаго чина.

Таково содержаніе самой смѣлой по замыслу повѣсти тридцатыхъ годовъ. Изъ всѣхъ разсказовъ, въ которыхъ дѣйствующими лицами являлись художники, это была единственная повѣсть, въ которой противорѣчіе мечты и дѣйствительности было понято въ самомъ непосредственномъ смыслѣ и схвачено съ его самой грубой, но вмѣстѣ съ тѣмъ самой реальной стороны. Конечно, это было противорѣчіе устранимое, тогда какъ то духовное противорѣчіе, о которомъ такъ часто говорили тогда писатели, было неизмѣннымъ и вѣчнымъ.

На этотъ интересъ писателей къ темамъ объ искусствѣ и о психическомъ мірѣ его служителя Гоголь, какъ извѣстно, также откликнулся. Помимо теоретической разработки вопроса, съ которой мы уже знакомы, нашъ писатель попытался изложить свое артистическое исповѣданіе въ формѣ повѣсти. Онъ написалъ свой знаменитый разсказъ «Портретъ» (1835), разсказъ, имѣющій двоякое значеніе, художественное и философское — какъ разработка извѣстной темы и, кромѣ того, автобіографическое, какъ личное признаніе.

Надъ этой повѣстью Гоголь трудился долго, часто ее передѣлывалъ и въ сороковыхъ годахъ написалъ ее почти-что заново, что́ указываетъ на особое значеніе, какое онъ придавалъ ей. Если въ выборѣ сюжета и въ главномъ мотивѣ повѣсти, т.-е. въ противорѣчіи истин-

наго искусства съ ремесломъ, и въ исторіи о таинственномъ портретѣ, въ которомъ заключена частица души оригинала, съ котораго онъ списанъ, нашъ писатель, по всѣмъ вѣроятіямъ, былъ связанъ извѣстными литературными традиціями и воспоминаніями*), то въ разработкѣ темы и, главнымъ образомъ, въ развитіи двухъ основныхъ ея мыслей Гоголь былъ былъ вполнѣ оригиналенъ и субъективенъ.

Повѣсть была лишена всякаго мѣстнаго бытового интереса, не говоря уже о соціальномъ. Это былъ разсказъ общаго типа, въ которомъ можно было безъ нарушенія правдоподобности замѣнить всѣ русскія имена лицъ и мѣстъ иностранными. Скажемъ больше: при такой замѣнѣ повѣсть выиграла бы въ стилѣ; она все-таки по стилю западно-романтическая и спеціально нѣмецкая. Не будь въ ней нѣкоторыхъ мыслей, выстраданныхъ самимъ Гоголемъ, можно было бы подумать, что онъ написалъ ее, вспоминая Гофманна или Тика.

Въ повѣсть включено два эпизода: разсказъ о гибели таланта художника Черткова и разсказъ о страшномъ ростовщикѣ. При всей занимательности этихъ двухъ эпизодовъ и мастерствѣ, съ какимъ они изложены, не въ нихъ смыслъ повѣсти. Легенда о ростовщикѣ и объ антихристѣ—простая сказка, а исторія гибели художника—подтвержденіе старой мало интересной истины о томъ, что нельзя служить Богу и мамонѣ, что погоня за успѣхомъ и служеніе святому, истинному призванію трудно примиримы.

«Портретъ»—славословіе искусства и болѣе полное и художественное повтореніе тѣхъ мыслей, какія Гоголь высказывалъ въ своемъ гимнѣ скульптурѣ, живописи и музыкѣ, въ своемъ воззваніи къ генію, въ статьѣ о Пушкинѣ и въ другихъ своихъ лирическихъ изліяніяхъ. Когда злой геній шепчетъ художнику: «Ты думаешь, что долгими усиліями можно постигнуть искусство, что ты выиграешь и получишь что-нибудь? Да, ты получишь завидное право кинуться съ Исаакіевскаго моста въ Неву или, завязавъ шею платкомъ, повѣситься на первомъ гвоздѣ; а труды твои первый маляръ, накупивъ ихъ на рубль, замажетъ грунтомъ, чтобы нарисовать на немъ какую-нибудь красную рожу. Брось свою глупую мысль! Все дѣлается на свѣтѣ для пользы. Бери же скорѣе кисть и рисуй портреты со всего города! Бери все, что ни закажутъ; но не влюбляйся въ свою работу, не сиди надъ нею дни и ночи: время летитъ скоро, и жизнь не останавливается. Чѣмъ больше смастеришь ты въ день своихъ картинъ, тѣмъ больше въ карманѣ будетъ у тебя денегъ и славы»—когда злой геній шепчетъ эти слова, онъ повторяетъ то, что всегда говорилось всѣми, кто оплакивалъ гибель таланта въ сѣтяхъ моды. Немного новаго, хотя много красиваго, давали и тѣ страницы по-

*) См. *И. Шляпкинъ*. «Портретъ» Гоголя и «Мельмотъ-скиталецъ» Матюрена. «Литературный Вѣстникъ» 1902, I, 66—68.

вѣсти, на которыхъ Гоголь стремился передать читателю впечатлѣнія истиннаго, высокаго вдохновенія и искусства. Припомнимъ одну страничку, и тотъ, кто имѣлъ случай читать романтическія повѣсти тридцатыхъ годовъ, найдетъ въ словахъ Гоголя много знакомаго, хотя, конечно, долженъ будетъ признать силу этой красивой и патетической рѣчи.

«Чистое, непорочное, прекрасное, какъ невѣста, стояло передъ нимъ (Чертковымъ) произведеніе художника. И хоть бы какое-нибудь видно было въ немъ желаніе блеснуть, хотя бы даже извинительное тщеславіе, хотя мысль о томъ, чтобы показаться черни,—никакой, никакихъ! Оно возносилось скромно. Оно было просто, невинно, божественно, какъ талантъ, какъ геній. Изумительно-прекрасныя фигуры группировались непринужденно, свободно, не касаясь полотна, и, изумленныя столькими устремленными на нихъ взорами, казалось, стыдливо опустили прекрасныя рѣсницы. Въ чертахъ божественныхъ лицъ дышали тѣ тайныя явленія, которыхъ душа не умѣетъ, не знаетъ пересказать другому: невыразимо выразимое покоилось на нихъ; и все это было наброшено такъ легко, такъ скромно-свободно, что, казалось, было плодомъ минутнаго вдохновенія художника, вдругъ осѣнившей его мысли. Вся картина была мгновеніе, но то мгновеніе, къ которому вся жизнь человѣческая есть одно приготовленіе. Невольныя слезы готовы были покатиться по лицамъ посѣтителей, окружавшихъ картину. Казалось, всѣ вкусы, всѣ дерзкія, неправильныя уклоненія вкуса слились въ какой-то безмолвный гимнъ божественному произведенію».

Никогда, говоря объ искусствѣ, Гоголь не возвышался до такой красоты выраженія, и если невыразимое, дѣйствительно, поддается до извѣстной степени выраженію, то такая степень на этой страницѣ достигнута, и въ писателѣ чувствуется и творецъ изящнаго, и удивительно тонкій его цѣнитель.

Но не эти страницы въ «Портретѣ» самыя цѣнныя. Есть въ этой повѣсти двѣ мысли, съ которыми не встрѣчаешься въ однородныхъ повѣстяхъ того времени, и очень важныхъ въ исторіи развитія взглядовъ самого Гоголя на искусство. Одна мысль касается вопроса о степени приближенія искусства къ жизни, т.-е. о границахъ истинаго реализма въ художественномъ воспроизведеніи дѣйствительности.

Гоголь описываетъ впечатлѣніе, произведенное портретомъ на художника: «Чертковъ,—разсказываетъ онъ,—съ жадностью ухватился за картину, но вдругъ отскочилъ отъ нея пораженный страхомъ. Темные глаза нарисованнаго старика глядѣли такъ живо и вмѣстѣ мертвенно, что нельзя было не ощущить испуга. Казалось, въ нихъ неизъяснимо странною силою удержана была часть жизни. Это были не нарисованные, это были живые, это были человѣческіе глаза... Не смѣя думать о томъ, чтобы взять портретъ съ собою, Чертковъ выбѣжалъ на улицу. «Что это?» думалъ онъ самъ про себя: «искус

ство или сверхъестественное какое волшебство, выглянувшее мимо законовъ природы? Какая странная, какая непостижимая задача! Или для человѣка есть такая черта, до которой доводитъ высшее познаніе искусства и черезъ которую шагнувъ, онъ уже похищаетъ несоздаваемое трудомъ человѣка, онъ вырываетъ что-то живое изъ жизни, одушевляющей оригиналъ. Отчего же этотъ переходъ за черту, положенную границею для воображенія, такъ ужасенъ? Или за воображеніемъ, за порывомъ слѣдуетъ, наконецъ, дѣйствительность, та ужасная дѣйствительность, на которую соскакиваетъ воображеніе съ своей оси какимъ-то постороннимъ толчкомъ, та ужасная дѣйствительность, которая представляется жаждущему ее тогда, когда онъ, желая постигнуть прекраснаго человѣка, вооружается анатомическимъ ножомъ, раскрываетъ его внутренность и видитъ отвратительнаго человѣка? Непостижимо! Такая изумительная, такая ужасная живость! Или черезчуръ близкое подражаніе природѣ такъ же приторно, какъ блюдо, имѣющее черезчуръ сладкій вкусъ?» Но это было, во всякомъ случаѣ произведеніе искусства, «которое, хотя оно было не окончено, однако носило на себѣ рѣзкій признакъ могущественной кисти; но, при всемъ томъ, эта сверхъестественная живость глазъ возбуждала какой-то невольный упрекъ художнику. Всѣ чувствовали, что это верхъ истины, что изобразить ее въ такой степени можетъ только геній, но что этотъ геній уже слишкомъ дерзко перешагнулъ границы воли человѣка».

Если мы вспомнимъ, что въ тѣ годы, когда «Портретъ» былъ написанъ, въ талантѣ Гоголя происходила упорная борьба его романтическихъ вкусовъ съ все болѣе и болѣе созрѣвавшей способностью реальнаго бытописанія, то эти размышленія художника надъ границами приближенія искусства къ жизни пріобрѣтаютъ особое значеніе. Талантъ Гоголя, дѣйствительно, приближалъ художника къ той чертѣ, которая отдѣляетъ искусство отъ самой жизни. Съ каждымъ годомъ анатомическая зоркость его артистическаго взгляда возрастала. Жизнь теряла тотъ постепенный привлекательный образъ, который она имѣла, когда художникъ смотрѣлъ на нее взглядомъ романтика; грязь и грѣховность этой жизни переходила на страницы созданій поэта. У него —строгаго моралиста отъ рожденія—могла явиться мысль, не служитъ ли искусство самому грѣху, когда такъ правдиво его воспроизводитъ? Эту робкую, тревожную мысль онъ и высказалъ въ своемъ «Портретѣ». Предчувствовалъ ли онъ, что со временемъ онъ въ ней укрѣпится и все созданное имъ въ реальномъ стилѣ сочтетъ грѣхомъ передъ человѣчествомъ и въ частностью передъ русской жизнью? Пока эта мысль была высказана лишь въ видѣ догадки, и, увлекаемый своимъ талантомъ, Гоголь не давалъ ей власти надъ своимъ творчествомъ. Онъ, наоборотъ, старался, чтобы именно частица жизни, самой будничной, оставалась въ его созданіяхъ. Онъ не убѣгалъ грѣха жизни, а

шелъ ему смѣло навстрѣчу. Но замѣчательно все-таки, что именно въ годы этого смѣлаго творчества такая мысль остановила на себѣ его вниманіе.

Въ томъ же «Портретѣ» Гоголь высказалъ и другую мысль, которой также суждено было со временемъ восторжествовать въ его творчествѣ. Это была мысль о религіозномъ призваніи искусства и поэта въ жизни— мысль старая, нѣмецкая по происхожденію. Художникъ, написавшій знаменитый портретъ ростовщика, который былъ не кто иной, какъ самъ антихристъ, долженъ былъ искупить свой грѣхъ—свой невольный грѣхъ артиста. Онъ и искупилъ его постомъ и молитвой, иноческой жизнью и своимъ же искусствомъ, которое онъ всецѣло посвятилъ Богу. Міръ дѣйствительный далеко отошелъ отъ него, и ему здѣсь на землѣ уже свѣтилъ міръ небесный. Стоя на краю могилы, раскаявшійся художникъ говорилъ своему сыну: «Дивись, мой сынъ, ужасному могуществу бѣса. Онъ во все силится проникнуть: въ наши дѣла, въ наши мысли и даже въ самое вдохновеніе художника. Безчисленны будутъ жертвы этого адскаго духа, живущаго невидимо, безъ образа, на землѣ. Это тотъ черный духъ, который врывается къ намъ даже въ минуту самыхъ чистыхъ и святыхъ помышленій. Горе, сынъ мой, бѣдному человѣчеству... Но слушай, что мнѣ открыла въ часъ святого видѣнія сама Божія Матерь. Когда я трудился надъ изображеніемъ пречистаго лика Дѣвы Маріи, лилъ слезы покаянія о моей протекшей жизни и долго пребывалъ въ постѣ и молитвѣ, чтобы быть достойнѣе изобразить божественныя черты ея, я былъ посѣщенъ вдохновеніемъ, я чувствовалъ, что высшая сила осѣнила меня, и ангелъ возносилъ мою грѣшную руку, я чувствовалъ, какъ шевелились на мнѣ волоса мои, и душа вся трепетала. Тогда же предсталъ мнѣ во снѣ пречистый ликъ Дѣвы, и я узналъ, что въ награду моихъ трудовъ и молитвъ сверхъестественное существованіе этого демона въ портретѣ будетъ невѣчно». Случай, разсказанный въ «Портретѣ», конечно, случай исключительный, и портретъ, списанный съ антихриста, хотя бы безъ вѣдѣнія художника, могъ требовать отъ него покаянія; но, читая эту повѣсть и припоминая нѣкоторыя мысли, которыми Гоголь былъ занятъ въ послѣдніе годы своей жизни, нельзя опять не подивиться страннымъ совпаденіямъ... Гоголя, какъ извѣстно, преслѣдовали списанные имъ съ натуры портреты; онъ думалъ, что онъ совершилъ тяжкій грѣхъ, отдавшись свободно своему вдохновенію, онъ вѣрилъ, что на немъ лежитъ обязанность искупить все имъ сотворенное новой творческой работой, и онъ у Бога также просилъ вдохновенія, чтобы Онъ помогъ ему на новомъ пути уже не простого воспроизведенія дѣйствительности, а ея возсозданія въ идеальныхъ образахъ. Постомъ и молитвой замаливалъ и Гоголь свой грѣхъ реалиста-художника.

Но все это случилось значительно позже; въ серединѣ тридцатыхъ годовъ эта религіозная мысль лишь промелькнула въ «Портретѣ», не

возбудивъ пока особенно сильной тревоги въ душѣ благочестиваго художника.

Не такъ широко, но зато болѣе реально понятъ и разрѣшенъ тотъ же вопросъ о трагической участи непримиреннаго съ жизнью поэта въ повѣстяхъ «Невскій проспектъ» (1834) и «Записки сумасшедшаго» (1833—34).

Обѣ повѣсти выдержаны строго въ стилѣ реальномъ и имѣютъ, такимъ образомъ, также двоякое значеніе въ творчествѣ Гоголя... Онѣ любопытны, во-первыхъ, по той основной мысли о разладѣ мечты и дѣйствительности, мысли, которая составляла для Гоголя всегда предметъ самыхъ упорныхъ и печальныхъ раздумій. Во-вторыхъ, важно въ нихъ то, что эта идея, которую современники Гоголя почти всегда старались истолковать въ силѣ сентиментальномъ и романтическомъ, развита и воплощена Гоголемъ въ образахъ самыхъ реальныхъ, житейски-правдивыхъ, безъ всякаго повышенія тона и настроенія. Обѣ повѣсти—примѣръ того, какъ быстро развивался въ Гоголѣ талантъ бытописателя и жанриста. Въ нихъ этотъ талантъ проступаетъ ярче наружу, чѣмъ даже въ «Старосвѣтскихъ помѣщикахъ», гдѣ спокойный идиллическій тонъ съ умысломъ такъ ровенъ и однообразенъ. Въ «Невскомъ проспектѣ» и въ «Запискахъ сумасшедшаго» тонъ постоянно мѣняется, переходя отъ патетическаго къ рѣзко комическому, всегда въ соотвѣтствіи съ изображеннымъ лицомъ и положеніемъ, т.-е. въ соотвѣтствіи съ житейской правдой. Сколько, напр., жанровыхъ картинокъ и изумительно вѣрныхъ силуэтовъ разбросано на тѣхъ страницахъ, гдѣ Гоголь описываетъ Невскій проспектъ въ различные часы дня и ночи, гдѣ онъ описываетъ бытъ ремесленниковъ, офицерскую жизнь, жизнь художниковъ и притоны разврата. Разнообразіе удивительное—при той краткости, съ какой обрисованы всѣ типы и положенія. Недаромъ Пушкинъ называлъ «Невскій проспектъ» самымъ *полнымъ* изъ сочиненій Гоголя, желая, вѣроятно, этимъ сказать, что до этой повѣсти ни въ одномъ изъ своихъ произведеній Гоголь не обнаружилъ такого богатства настроеній, тоновъ, красокъ, позъ, профилей и портретовъ. Такъ же точно и въ «Запискахъ сумасшедшаго» передъ нами на маломъ количествѣ страницъ—цѣлый романъ изъ департаментской жизни чиновъ высшихъ и низшихъ.

Основная идея обѣихъ повѣстей—все та же мысль о борьбѣ художника съ прозою жизни, борьбѣ жестокой, полной страданій, которая почти всегда кончается гибелью дерзкаго, возмутившагося противъ дѣйствительности человѣка.

Въ «Невскомъ проспектѣ» самъ авторъ неоднократно наводитъ читателя на эту основную идею своего произведенія. «О! какъ отвратительна дѣйствительность! Что она противъ мечты?» «Боже! что за жизнь наша!—вѣчный раздоръ мечты съ существенностью!»—говоритъ самъ Гоголь, задумываясь надъ судьбой своего героя; и, заканчивая свою

повѣсть, онъ повторяетъ тотъ же возгласъ, но только не въ патетическомъ, а въ полушутливомъ тонѣ: «Какъ странно, какъ непостижимо играетъ нами судьба наша! Получаемъ ли мы когда-нибудь то, чего желаемъ? Достигаемъ ли мы того, къ чему, кажется, нарочно приготовлены наши силы? Все происходитъ наоборотъ. Тому судьба дала прекраснѣйшихъ лошадей, и онъ равнодушно катается на нихъ, вовсе не замѣчая ихъ красоты, тогда какъ другой, котораго все сердце горитъ лошадиною страстью, идетъ пѣшкомъ и довольствуется только только тѣмъ, что пощелкаетъ языкомъ, когда мимо его проводятъ рысака. Тотъ имѣетъ отличнаго повара, но, къ сожалѣнію, такой маленькій ротъ, что больше двухъ кусочковъ никакъ не можетъ пропустить; другой имѣетъ ротъ величиною въ арку Главнаго штаба, но, увы! долженъ довольствоваться какимъ-нибудь нѣмецкимъ обѣдомъ изъ картофеля. Какъ странно играетъ нами судьба наша!»

Насъ не долженъ смущать этотъ юмористическій тонъ, которымъ авторъ стремится себя утѣшить и которымъ онъ прикрываетъ очень грустную мысль. Разсказъ о художникѣ Пискаревѣ, дѣйствительно, разсказъ очень печальный, и веселый анекдотъ объ его товарищѣ Пироговѣ только ярче оттѣняетъ всю трагедію несчастнаго мечтателя, который думалъ найти свой идеалъ на Невскомъ проспектѣ и, идя слѣдомъ за этимъ идеаломъ, очутился въ самомъ грязномъ притонѣ. Но и безъ этой фатальной встрѣчи нашъ нѣжный и тихій мечтатель-художникъ—фигура трагическая. «Художникъ въ землѣ снѣговъ, художникъ въ странѣ финновъ, гдѣ все мокро, гладко, ровно, блѣдно, сѣро, туманно! Какъ часто питаетъ онъ въ себѣ истинный талантъ, и если бы только дунулъ на него свѣжій воздухъ Италіи, онъ бы, вѣрно, развился такъ же вольно, широко и ярко, какъ растеніе, которое выносятъ, наконецъ, изъ комнаты на чистый воздухъ». У него, жителя сѣвера, мечта можетъ разыграться не хуже, чѣмъ у его южныхъ братьевъ. Отъ такой мечты, отъ такого сновидѣнія и погибъ нашъ мечтатель, который хотѣлъ день обратить въ ночь, жизнь въ сонъ, чтобы не разлучаться со своимъ идеаломъ, мечтатель, который рѣшился было облагородить житейскую грязь своимъ прикосновеніемъ къ ней и, наконецъ, въ самоубійствѣ нашелъ примиреніе съ жизнью.

Читая эту повѣсть, можно, конечно, задуматься надъ сравнительно ничтожнымъ мотивомъ, который избралъ авторъ, какъ предлогъ для такой душевной катастрофы. Можно удивиться, что изъ всѣхъ противорѣчій идеала и жизни, противорѣчій, такъ больно отзывающихся на душѣ поэта, Гоголь остановился именно на этомъ контрастѣ внѣшней женской красоты и душевнаго безобразія и грязи. Контрастъ въ его изображеніи былъ, дѣйствительно, очень рѣзкій. Женщина, паденіе которой повлекло за собой гибель художника, была съ внѣшней стороны идеаломъ красоты, на описаніе которой нашъ авторъ не поскупился. «Боже, какія божественныя черты!—писалъ онъ въ своемъ старомъ повы

шенномъ стилѣ.—Ослѣпительной бѣлизны прелестнѣйшій лобъ осѣненъ былъ прекрасными, какъ агатъ, волосами. Они вились, эти чудные локоны, и часть ихъ, падая изъ-подъ шляпки, касалась щеки, тронутой тонкимъ, свѣжимъ румянцемъ, проступившимъ отъ вечерняго холода. Уста были замкнуты цѣлымъ роемъ прелестнѣйшихъ грезъ. Все, что остается отъ воспоминанія о дѣтствѣ, что даетъ мечтаніе и тихое вдохновеніе при свѣтящейся лампадѣ,—все это, казалось, совокупилось, слилось и отразилось въ ея гармоническихъ устахъ...»

Гоголь имѣлъ свои основанія, когда всю загадку жизни художника сосредоточилъ на его любви къ этой красавицѣ. Надо знать, какъ въ тѣ годы, да и вообще во всю свою жизнь, нашъ авторъ высоко ставилъ женщину и ея красоту, чтобы понять ту общую мысль, которую онъ высказалъ въ своей повѣсти Исторія съ Пискаревымъ была не только страницей обыденной жизни, страницей вполнѣ согласной съ реальной правдой,—это былъ разсказъ съ затаеннымъ смысломъ. Для Гоголя женская красота и «красота» вообще были понятія почти что равнозначущія, а съ «красотой» въ жизни для него неразрывно были соединены и понятія объ истинѣ и добрѣ. Онъ въ тѣ годы неоднократно подчеркивалъ эту связь понятій, и есть основаніе думать, что онъ всю жизнь продолжалъ вѣрить въ эту связь, которая такъ затрудняла ему его отношенія къ женщинамъ, съ которыми онъ сталкивался.

Еще въ 1830 году Гоголь напечаталъ маленькое стихотвореніе въ прозѣ подъ заглавіемъ «Женщина». «Устреми на себя испытующее око,—говорилъ онъ тогда устами какого-то вдохновеннаго мудреца пылкому юношѣ Телеклесу, влюбленному въ Алкиною,—чѣмъ былъ ты прежде и чѣмъ сталъ нынѣ, съ тѣхъ поръ, какъ прочиталъ вѣчность въ божественныхъ чертахъ Алкинои! сколько новыхъ тайнъ, сколько новыхъ откровеній постигъ и разгадалъ ты своею безконечною душою и во сколько придвинулся къ верховному благу! Мы зрѣемъ и совершенствуемся; но когда? Когда глубже и совершеннѣе постигаемъ женщину! Что женщина? Языкъ боговъ! Она поэзія, она мысль, а мы только воплощеніе ея въ дѣйствительности. На насъ горятъ ея впечатлѣнія, и чѣмъ сильнѣе, и чѣмъ въ бо́льшемъ объемѣ они отразились, тѣмъ выше и прекраснѣе мы становимся. Пока картина еще въ головѣ художника и безплотно округляется и создается—она женщина; когда она переходитъ въ вещество и облекается въ осязаемость—она мужчина. Отчего же художникъ съ такимъ несытымъ желаніемъ стремится превратить безсмертную идею свою въ грубое вещество, покоривъ его обыкновеннымъ нашимъ чувствамъ? Оттого, что имъ управляетъ одно высокое чувство—выразить божество въ самомъ веществѣ, сдѣлать доступною людямъ хотя часть безконечнаго міра души своей, воплотить въ мужчинѣ женщину... Чтó бъ были высокія добродѣтели мужа, когда бы онѣ не осѣнялись, не преобража-

лись нѣжными, кроткими добродѣтелями женщины? Твердость, мужество, гордое презрѣніе къ пороку перешли бы въ звѣрство. Отними лучи у міра—и погибнетъ яркое разнообразіе цвѣтовъ: небо и земля сольются въ мракъ, еще мрачнѣйшій береговъ Аида. Что такое любовь? Отчизна души, прекрасное стремленіе человѣка къ минувшему, гдѣ совершалось безпорочное начало его жизни, гдѣ на всемъ остался невыразимый, неизгладимый слѣдъ невиннаго младенчества, гдѣ все родина. И когда душа потонетъ въ эѳирномъ лонѣ души женщины, когда отыщетъ въ ней своего отца—вѣчнаго Бога, своихъ братьевъ—дотолѣ невыразимыя землею чувства и явленія, что тогда съ нею? Тогда она повторяетъ въ себѣ прежніе звуки, прежнюю райскую въ груди Бога жизнь, развивая ее до безконечности».

Земное чувство любви изображается и поясняется у Гоголя нерѣдко такими патетическими, а иной разъ и мистическими, возгласами. Нашъ поэтъ въ любви былъ большой романтикъ и рыцарь: у него былъ свой культъ красоты и ея носительницы—женщины, почему и выставленное въ «Невскомъ Проспектѣ» противорѣчіе между идеальной красотой внѣшней и внутреннимъ душевнымъ безобразіемъ являлось въ его глазахъ однимъ изъ самыхъ страшныхъ контрастовъ идеала и жизни. Контрастъ былъ и потому еще столь ужасный, что онъ не допускалъ никакого соглашенія, которое до извѣстной степени могло быть достигнуто при иныхъ противорѣчіяхъ, какъ, напр., при борьбѣ художника и толпы, при спорѣ между замысломъ артиста и средствами, которыми онъ располагаетъ, при борьбѣ таланта съ житейской прозой и нуждой, т.-е. при иныхъ всевозможныхъ драматическихъ коллизіяхъ артистической жизни.

Въ одной изъ такихъ острыхъ и неразрѣшимыхъ формъ представлено противорѣчіе идеала и жизни и въ повѣсти «Записки сумасшедшаго». Въ томъ видѣ, въ какомъ повѣсть теперь передъ нами, она не вполнѣ отражаетъ основной замыселъ художника. Она должна была быть также повѣстью изъ жизни художника. Въ записной книжкѣ, гдѣ Гоголь набросалъ перечень статей, изъ которыхъ онъ предполагалъ составить свои «Арабески», помѣчены какія-то «Записки сумасшедшаго музыканта». Гоголь, какъ думаетъ Н. С. Тихонравовъ *), увлекшись разсказами кн. В. Ѳ. Одоевскаго о сумасшедшихъ музыкантахъ **), первоначально предполагалъ написать (и, можетъ быть, дѣйствительно, написалъ) повѣсть на эту тему; эта повѣсть до насъ не дошла, но въ «Запискахъ сумасшедшаго» осталось то настроеніе и та главная мысль, которые Гоголь хотѣлъ развить и дать почувствовать въ своемъ ненаписанномъ, но задуманномъ разсказѣ.

Передъ нами все тотъ же разладъ мечты и существенности и

*) «Сочиненія Н. В. Гоголя», X-е изданіе, V, 610.

**) Одоевскій думалъ тогда напечатать цѣлый сборникъ такихъ разсказовъ, но не напечаталъ.

опять одно изъ возможныхъ и самыхъ ужасныхъ сочиненій этого разлада — потеря разсудка, главнаго виновника всѣхъ несчастій мечтателя. У Гоголя нѣтъ болѣе трагичной повѣсти, чѣмъ эти «Записки», читая которыя нельзя, однако, удержаться отъ смѣха. Самая трагическая и романтическая мысль развита въ нихъ съ такимъ юморомъ и такъ реально, съ такимъ безпощаднымъ глумленіемъ надъ человѣческимъ разсудкомъ, что за этимъ сарказмомъ на первыхъ порахъ можно просмотрѣть весь заключенный въ этомъ разсказѣ паѳосъ.

Отмѣтимъ кстати, что въ «Запискахъ сумасшедшаго» попадаются первые проблески общественной сатиры, которая до сихъ поръ не проскальзывала ни въ одномъ произведеніи Гоголя. Всѣ эти разсужденія титулярнаго совѣтника о департаментскомъ начальствѣ, разсказъ о томъ, какъ собачонка нюхала орденскую ленточку, разсужденія на тему—какое мѣсто въ свѣтѣ занимаютъ генералы и камеръ-юнкеры — для Гоголя, автора «Вечеровъ на хуторѣ», «Миргорода» и «Арабесокъ», нѣчто новое, новый мотивъ, съ которымъ мы пока еще не встрѣчались, но скоро встрѣтимся въ его комедіяхъ. Правда, эти смѣлыя слова высказаны отъ лица сумасшедшаго, но эта маска никого не обманула; по крайней мѣрѣ, она не обманула цензуры, которая въ первомъ изданіи всѣ эти сумасшедшія слова вычеркнула.

Но, помимо такихъ трезвыхъ рѣчей, въ «Запискахъ сумасшедшаго» было много печальнаго и глубокаго паѳоса. Сколько такого паѳоса въ одной той мысли, что титулярный совѣтникъ—король испанскій Фердинандъ VIII-й, и какъ часто случается, что вся трагедія нашей жизни вытекаетъ изъ нашихъ претензій на такіе престолы, которые мы считаемъ свободными. Какъ часто въ погонѣ за счастьемъ мы принимаемъ наше право на него за гарантію его осуществленія и какъ часто мы въ дѣйствительности лѣземъ на стѣну, чтобы достать луну, движимые, конечно, не тѣмъ смѣшнымъ соображеніемъ, которымъ руководится Поприщинъ, но иной разъ не менѣе безумнымъ? И, наконецъ, способность или необходимость истолковывать всѣ мученія, которымъ больной человѣкъ подвергается въ сумасшедшемъ домѣ, истолковывать ихъ въ самомъ выгодномъ для себя смыслѣ, развѣ на этой способности не зиждется для многихъ здоровыхъ людей вся ихъ жизнерадостность?

Глубоко серьезенъ и патетиченъ этотъ до нельзя смѣшной разсказъ, который, однако, авторъ заключилъ самыми грустными элегическими словами, какъ бы желая напомнить читателю о томъ, сколько бываетъ общихъ чувствъ и настроеній, которыя роднятъ и сближаютъ его, здравомыслящаго, съ этимъ безповоротно помѣшаннымъ. «Нѣтъ, я больше не имѣю силъ терпѣть,—говоритъ Поприщинъ или любой изъ насъ, не находящій примиренія между мечтой и дѣйствительностью. Боже! что̀ они дѣлаютъ со мной. Они льютъ мнѣ на голову холодную

воду! Они не внемлютъ, не видятъ, не слушаютъ меня. Что́ я сдѣлалъ имъ? За что они мучатъ меня? Чего хотятъ они отъ меня бѣднаго? Что могу дать я имъ? Я ничего не имѣю, я не въ силахъ, я не могу вынести всѣхъ мукъ ихъ, голова горитъ моя, и все кружится предо мною. Спасите меня! Возьмите меня! Дайте мнѣ тройку быстрыхъ, какъ вихорь, коней! Садись, мой ямщикъ, звени, мой колокольчикъ, взвейтеся кони и несите меня съ этого свѣта: Далѣе, далѣе, чтобы не видно было ничего, ничего. Вонъ небо клубится предо мною; звѣздочка сверкаетъ вдали; лѣсъ несется съ темными деревьями и мѣсяцемъ; сизый туманъ стелется подъ ногами; струна звенитъ въ туманѣ; съ одной стороны море, съ другой—Италія; вонъ и русскія избы виднѣются. Домъ ли то мой синѣетъ вдали? Мать ли моя сидитъ передъ окномъ? Матушка, спаси твоего бѣднаго сына! Урони слезинку на его больную головушку! Посмотри, какъ мучатъ они его! Прижми ко груди своей бѣднаго сиротку! Ему нѣтъ мѣста на свѣтѣ! Его гонятъ! Матушка, пожалѣй о своемъ больномъ дитяткѣ!

Разсказываютъ, что мать Гоголя заливалась слезами, читая эти строки; вѣроятно, онѣ напоминали ей строки изъ писемъ ея сына...

Итакъ, изъ всѣхъ статей Гоголя по вопросу объ искусствѣ, о художникѣ, его роли среди насъ и его этикѣ артиста, если можно такъ выразиться, равно какъ и изъ нѣкоторыхъ, только что поименованныхъ повѣстей нашего автора, мы видимъ, какъ упорно и настойчиво трудился онъ надъ выясненіемъ себѣ самому своего собственнаго призванія. Онъ то думалъ объ этомъ, то мечталъ, то образами стремился пояснить свои мысли. Нельзя сказать, что онъ додумался до чего-нибудь опредѣленнаго и яснаго. Ясно было одно: ощущеніе разлада между поэзіей и жизнью, между желаннымъ и настоящимъ. Романтическая неудовлетворенность жизнью давала себя больно чувствовать и вызывала большую тревогу чувства и мысли. Эта тревога выражалась, главнымъ образомъ, въ томъ, что художникъ никакъ не могъ опредѣлить своей роли въ этомъ спорѣ мечты и дѣйствительности. Служить ли этой мечтѣ или описывать эту дѣйствительность?—вотъ задача, надъ которой Гоголь въ эти годы такъ много думалъ, и рѣшеніе которой усложнялось для него той борьбой романтика-сентименталиста и юмориста-бытописателя, о которой мы говорили. Вопросъ о своемъ призваніи остался, въ виду этой борьбы, временно нерѣшеннымъ.

Какъ можно догадываться по разсказу «Портретъ», Гоголь осуждалъ то искусство, которое слишкомъ близко подходитъ къ жизни и переходитъ за черту, отдѣляющую творчество отъ дѣйствительности, и какъ на конечную цѣль искусства, Гоголь въ этой же повѣсти указывалъ на его религіозно-нравственную миссію. Извѣстно, что подъ конецъ своей

жизни онъ и остановился на этомъ рѣшеніи и себя самого возвелъ въ провѣдники морали и религіи. Онъ осудилъ тогда всѣ лучшія свои созданія именно за ихъ близость къ жизни, за ихъ безпощадный реализмъ и думалъ, что въ нихъ, какъ въ знаменитомъ портретѣ, заключена частица міроваго зла, которое должно побороть иными, просвѣтленными картинами жизни.

Но въ тѣ годы, о которыхъ говоримъ мы, онъ былъ еще далекъ отъ такого окончательно установившагося взгляда. Его талантъ реалиста, быстро разливаясь, приближалъ его все болѣе и болѣе къ дѣйствительности, къ ея злу и грязи, и романтическій взглядъ на жизнь, предпочитающій въ ней желаемое настоящему, терялъ свою власть надъ художникомъ, чтобы спустя нѣкоторое время—вмѣстѣ со взглядомъ религіознымъ--окончательно восторжествовать въ его творчествѣ.

Эту свою власть романтическій взглядъ на жизнь уступалъ, однако, не безъ борьбы, и была область духовныхъ интересовъ, въ которыхъ Гоголь—при всемъ тогдашнемъ торжествѣ реализма въ его поэзіи—оставался романтикомъ. Эта область была—старина историческая и легендарная, русская и не русская, которую Гоголь стремился воскресить, какъ поэтъ и историкъ.

Н. Котляревскій.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

ИЗЪ ДНЕЙ МИНУВШИХЪ.

Съ польскаго.

Повѣсть Г. Даниловскаго.

Перев. А. И. Я-ъ.

(*Продолженіе* *).

Какъ же это такъ?!. Какъ же это такъ?!. И ничего!.. возмущалось все его существо, потрясенное до глубины этими мыслями и не могущее, при своей дѣтской наивности, ни понять, ни примириться съ торжествомъ и безнаказанностью лжи. Въ безсильномъ отчаяніи онъ чувствовалъ какъ болѣзненно отрывается его сердце отъ всѣхъ этихъ, такъ недавно еще любимыхъ людей, которые допустили, чтобы *это* произошло и *такъ* еще произошло, и вмѣстѣ съ тѣмъ его охватывалъ холодъ одиночества. И такъ, невинная маленькая душа, отравленная тройнымъ ядомъ лжи, оскорбленія и ненависти, медленно застывала, замыкаясь сама въ себѣ.

И когда Игнась услышалъ звукъ двухъ оживленныхъ голосковъ, приближающійся къ дверямъ, вмѣсто обычной радости въ немъ зашевелилось недовольство; онъ отвернулся къ стѣнѣ и представился, что спитъ.

Вошли Мечиславъ съ Апусемъ.

— Дай, я зажгу—приставалъ послѣдній.

— Да если мама сказала, чтобы я!..

— Вѣдь ты каждый день зажигаешь!..

— Ну, такъ вмѣстѣ, держи! разъ, два, три!

Затрещала зажигаемая спичка, и загорѣлась свѣча.

— А видишь, я первый!—весело воскликнулъ Апусь.

— Игнась, ты спишь?

Игнась молчалъ.

Раздались легкіе торопливые шаги, что-то посыпалось на столъ, и послышалось щебетанье Аврэли.

— Возьмите это для Игнася.

— Да онъ спитъ.

---

*) См. «Міръ Божій», № 5, май, 1902 г.

— Это ничего, спрячьте и не ѣшьте сами, а то я потомъ спрошу,— съ этимъ предостереженіемъ Аврэля вылетѣла изъ комнаты.

«Пирожныя!» подумалъ Игнась и почувствовалъ слезы въ горлѣ, а въ душѣ точно дуновеніе весенняго вѣтра.

— Аврэля добрая!—прошепталъ онъ, и что-то растаяло въ немъ въ ту же минуту.

— Апусь, не трогай!—послышался строгій голосокъ Мечислава.

— Я только уголокъ!

— Какъ тебѣ не стыдно, вѣдь онъ же совсѣмъ не ѣлъ!

— Это вѣрно, но вѣдь ты съѣлъ четыре, а я только три, и одно еще было пустое внутри, безъ варенья, а тутъ—пять, такъ если я съѣмъ одно, то будетъ какъ разъ поровну,—я вѣдь только уголокъ!— жаловался и оправдывался устыженный Апусь.

Новая волна, теплая и нѣжная, разлилась въ душѣ Игнася и обьяла любовью обоихъ мальчиковъ, а послѣ этого сейчасъ же раздался его измученный голосокъ:

— Возьми себѣ, Апусь, одно!

— Такъ ты не спишь!—воскликнули оба и полураздѣтые бросились къ его кроваткѣ.

— Получай, это Аврэля тебѣ!—кладя на одѣяльце четыре поджаристыхъ пирожныхъ и хрустя пятымъ, съ полнымъ ртомъ началъ бормотать Апусь:

— А знаешь, какъ только ты вышелъ, панъ Конанскій сказалъ: «нравится мнѣ этотъ мальчикъ, я бы совершенно такъ же поступилъ!» А тетя Миля разсмѣялась такъ громко, громко... потомъ ужъ никто ничего не говорилъ, и всѣ встали... а тогда-то, вѣроятно, Аврэля и забрала въ передникъ пирожное и принесла сюда... ѣшь! отличныя!

— А, да этотъ господинъ какая-то несносная фигура! Да и тетя Миля тоже штучка!—серьезно замѣтилъ Мечиславъ.

— А ты почемъ знаешь?!

— Я слышалъ, какъ папа говорилъ пану Конанскому...

Игнась охотно слушалъ эти разсказы, слезы навертывались на глаза, а въ груди становилось такъ сладко, точно тамъ расплывалось варенье изъ пирожнаго, которое онъ ѣлъ; въ порывѣ благодарности онъ пожертвовалъ одно пирожное Мечиславу.

— Нѣтъ, спасибо,—быстро отвѣтилъ Мечиславъ и проглотилъ слюни.

— А хочется?—протяжно удивился Апусь.

— Ну, возьми!—налегалъ Игнась.

— Опять будетъ не поровну,—замѣтилъ Апусь,—такъ какъ у меня было одно пустое...

— Ну такъ вотъ какъ: мы возьмемъ уголки, а Игнась—серединку,—рѣшилъ Мечиславъ и, раздѣливъ пирожное надлежащимъ образомъ, спросилъ:

— Скажи, какъ это было на самомъ дѣлѣ?

— А видите какъ!—началъ Игнась:—онъ уже тогда на меня разозлился, когда дѣдушка сказалъ «дуракъ», а я его не люблю, онъ такой какой-то...

— Извѣстное дѣло, несносная фигура!—подсказалъ Апусь.

— Да, я еще... тутъ Игнась запнулся, не находя подходящихъ словъ для охарактеризованія побочныхъ поводовъ своей антипатіи къ директору.

— Не люблю я его, потому что зачѣмъ онъ пріѣхалъ съ тетей Милей,—наконецъ произнесъ онъ, нахмурившись.—А потомъ въ паркѣ они хотѣли отъ меня отдѣлаться, а я нарочно не дался... Такъ онъ на злость мнѣ началъ бить Знайду, а потомъ хотѣлъ...—тутъ Игнась покраснѣлъ и быстро добавилъ:—взять меня за ухо, я его и укусилъ порядкомъ...—закончилъ онъ и замолчалъ.

— Э, да видишь ли,—послѣ продолжительной паузы сказалъ Мечиславъ,—если ужъ мама тебѣ приказала, такъ нечего дѣлать, надо было его такъ «какъ будто бы» чмокнуть по воздуху и все!

— А я такъ сейчасъ бы расплакался, а потомъ показалъ бы ему четыре фиги—вотъ такъ!—и Апусь, который обладалъ особой способностью плакать по желанію и складывать всѣ свои пальцы самымъ разнообразнымъ образомъ, показалъ свое умѣнье и просіялъ отъ удовольствія.

Игнася не удовлетворилъ ни одинъ изъ предлагаемыхъ проектовъ; онъ молчалъ, стараясь объяснить себѣ, почему онъ не можетъ ни съ однимъ изъ нихъ согласиться.

Апусь и Мечиславъ занялись въ это время тушеніемъ свѣчи.

— А что, я лучше тебя съумѣлъ!..—сказалъ Мечиславъ, когда свѣчка потухла.

— Потому что тебѣ ближе,—отвѣтилъ Апусь.

— Какъ разъ!—запротестовалъ соннымъ голосомъ Мечиславъ, но Апусь уже не отвѣтилъ.

Было уже довольно поздно, ясная іюньская ночь съ восходящимъ мѣсяцемъ все сильнѣе и сильнѣе освѣщала комнату, а Игнась еще не спалъ, полный блуждающихъ мыслей, взволнованный отъ наплыва противорѣчивыхъ чувствъ.

Одни изъ нихъ, легкія и горячія, окружали нѣжностью всѣхъ товарищей дѣтства, пана Игнатія и Конанскаго, другія, тяжелыя и холодныя, отталкивали—прежде всего директора и тетю Милю. Бэля очутилась какъ-бы на границѣ, и на ней сталкивались эти враждебныя волны. Живое сердце ребенка, не склонное еще къ такимъ мертвымъ чувствамъ, какимъ является безразличіе, все время колебалось, что съ ней сдѣлать, какъ вдругъ она сама вошла, тихо, въ войлочныхъ туфляхъ, какъ она это часто продѣлывала, чтобы убѣдиться, потушена ли свѣчка, и все ли въ порядкѣ.

Окинувъ бдительнымъ взглядомъ всю комнату и своихъ дѣтей, Бэля приблизилась къ кроваткѣ Игнася и заботливо заглянула въ нее. Случалось это тоже нерѣдко, о чемъ Игнась даже и не подозрѣвалъ, а сегодня, поглощенный усиленной душевной работой, онъ не почувствовалъ присутствія тетки.

Мальчикъ лежалъ на боку, съ закрытыми глазками, подложивъ маленькую ручку подъ лѣвую щеку. Бэля долго всматривалась въ худенькое личико, которое въ холодномъ лунномъ освѣщеніи казалось еще болѣе бѣлымъ, чѣмъ обыкновенно.

— Какъ онъ похожъ!—пронеслось у нея въ головѣ, и заглушенное, почти незамѣтное эхо скорби отозвалось въ глубинѣ ея души.

Ей казалось, что передъ ней лежитъ въ уменьшенномъ видѣ тонкій профиль Марыни, съ выпуклымъ лбомъ, прямой линіей нахмуренныхъ бровей и впалыми глазами Виктора.

«Я его любила!» какъ короткая молнія, пронеслась въ ея головѣ едва уловимая мысль, и не по лѣтамъ сохранившееся свѣжее лицо Бэли вдругъ поблекло, въ углахъ рта и глазъ выступили тоненькія, какъ паутина, сѣточки морщинокъ, красивыя черты померкли, омраченныя внутреннею тѣнью, и приняли выраженіе утомленія. Бэля, точно отцвѣтающая роза, свернувшаяся при первомъ дыханіи осени, испытала чувства проходящаго лѣта и увяданія молодыхъ силъ, истраченныхъ не столько въ вихрѣ жизни, сколько въ постоянной работѣ и множествѣ ежедневныхъ заботъ.

Въ эту минуту слабости, грустной задумчивости и какъ бы печальнаго созерцанія отлетающей, точно птицы въ туманную даль, вереницы безвозвратныхъ дней, исчезающихъ въ прошломъ, Бэля невольно, можетъ быть желая даже дать отдохнуть утомленнымъ ногамъ, присѣла на край кроватки Игнася, нагнулась внезапно въ необыкновенномъ волненіи и запечатлѣла дрожащими губами легкій поцѣлуй на нѣжномъ, покрытомъ голубыми жилками лобикѣ ребенка.

Игнась сильно вздрогнулъ; онъ зналъ уже, что это тетя, и этотъ ея поцѣлуй теплой волной обдалъ его съ головы до ногъ. У него на мгновеніе замерло дыханіе въ груди, остановилась кровь въ жилахъ, а потомъ сразу расширились всѣ кровеносные сосуды, приподнялась грудь и все его существо; изъ-подъ длинныхъ рѣсницъ начали навертываться вызванныя наплывомъ умиленія слезы: двѣ первыя, тяжелыя и ѣдкія, точно съ ними скатился весь осадокъ яда, замутившаго свѣжую, не вѣдающую злобы людской душу, а слѣдующія легкія и такія чистыя, какимъ стало въ эту минуту возвращенное дѣтской наивности невинное сердце.

— Такъ ты не спишь еще?—прошептала Бэля.

— Нѣтъ!--прожурчалъ влажный голосокъ.

— Ты плачешь?

— Нѣтъ!.. я такъ только, тетя...

— Ну, довольно, довольно, успокойся, дитя мое! Вотъ видишь... зачѣмъ все это? Во всякомъ случаѣ, это хоть и не особенно пріятный гость... нельзя!.. Ты, должно быть, голоденъ?..—говорила Бэли звучащимъ нѣжностью голосомъ.

— Нѣтъ, тетя.

— Скажи правду!.. Я не сержусь...

— Мнѣ Аврэля...

— Аврэля... хорошая дѣвочка... отлично сдѣлала! Отчего только тайкомъ отъ меня...

И съ нѣкоторой печалью, точно жалуясь самой себѣ, Бэля продолжала:

— Да, всѣмъ кажется, что я для собственнаго удовольствія ворчу съ утра до ночи... А къ вечеру у меня въ головѣ все переворачивается, и ногъ подъ собой не чувствую!.. Потомъ и пожалѣешь каждаго, а меня кто пожалѣетъ?.. Эти уѣзжаютъ завтра... слава Богу...

И послѣ кратковременной паузы, точно напоминая себѣ о присутствіи Игнася, Бэля прибавила:

— Ну, помни другой разъ!.. Не стоило и затѣвать! Что-жъ изъ того, что онъ побилъ Знайду? Ему ничего не сдѣлается, это собака! Ну, скажи-ка самъ...

— Собака,—повторилъ Игнась,—только вѣдь она на меня работаетъ...

— Работаетъ?!..

— Дѣдушка говорилъ; да и не только Знайда,—и негръ; китаецъ собиралъ хлопокъ на эти сѣрыя панталоны и чай...

— Да, да! Дѣдушка вѣрно тебѣ разсказывалъ!.. Видишь, а ты что? Я разсматривала эти свѣтлыя панталончики: никуда не годятся теперь! Всѣ въ дыркахъ! Не знаю, можно ли будетъ починить... А что-жъ—выбросить? Вѣдь золотыхъ розсыпей у насъ нѣтъ... Зыгмусь плохо учится!.. Аврэлѣ слѣдовало бы въ институтъ... Нечего сказать, хорошая для меня сегодня была годовщина... просто голова лопается на части... А надо рано встать, проводить въ дорогу этихъ тамъ!—разсуждала сама съ собой Бэля.—Только бы Игнатій былъ здоровъ, да урожай Богъ далъ!..—вздохнула она, замолчала и задумалась.

Игнась смотрѣлъ на озабоченное лицо тетки, взялъ ее вдругъ за руку и крѣпко поцѣловалъ въ середину ладони.

У Бэли задрожали губы, и затуманились глаза...

— Тетя, дядя будетъ здоровъ, и урожай будетъ хорошій,—прошепталъ мальчикъ.

— Дай Богъ, дай Богъ,—разсѣянно повторяла Бэля.

— И платьице само починится, золотыя розсыпи будутъ!..—таинственно добавилъ Игнась.

— Что ты мелешь?

— Увидите, тетя!—оживленно, съ разгорѣвшимися глазками увѣ-

рялъ ребенокъ: — есть одна такая вещь, свѣтлый цвѣтокъ папоротника...

— Ахъ, вотъ что!.. снисходительно улыбнулась Бэля. — О чемъ только не мечтаетъ эта черная головка!.. Ну, однако спи, спи, а пока этотъ цвѣтокъ выростетъ, береги то, что у тебя есть. Хорошо?

— Хорошо!

— Помни же!

Бэля поцѣловала Игнася въ лобъ и вышла изъ комнаты.

Скрипнула половица—разъ, другой, и снова все затихло. Игнась выскочилъ изъ кроватки, поспѣшно одѣлся, открылъ осторожно свой ящикъ въ комодѣ, вынулъ изъ него драгоцѣнное оружіе, которое онъ всегда носилъ при себѣ во всѣхъ своихъ экспедиціяхъ,—ножичекъ въ 3 копѣйки, влѣзъ на окно, отодвинулъ задвижки и ловко соскочилъ на землю. Ночь была свѣтлая; по сводчатому небу плыла окруженная холоднымъ ореоломъ серебристаго тумана луна, тамъ и сямъ сверкали рѣдкія звѣздочки; гдѣ-то вдали скрипѣла запоздавшая телѣга... Въ тѣни крыльца послышался короткій лай.

— Знайда!—позвалъ полушопотомъ Игнась.

Собака подбѣжала къ мальчику, вертя хвостомъ, вытянула переднія лапы, выгнула спину, потянулась и съ лаемъ зѣвнула. Игнась похлопалъ ее по гладкому лбу, и оба они направились въ паркъ.

Въ темныхъ аллеяхъ, точно въ колышащихся кулисахъ, полныхъ таинственныхъ неожиданностей и тревожнаго шопота, сердце мальчика забилось боязливымъ безпокойствомъ; каждый разъ, когда изъ тѣни кустарниковъ выглядывало колеблющееся, образующееся на глазахъ, взъерошенное чудовище, или раздавался загадочный пронизывающій шопотъ, Игнась пріостанавливалъ Знайду, крѣпко сжимая въ своей ручонкѣ складки шкуры собаки. Такимъ образомъ, темными лабиринтами мальчикъ выбрался на болѣе свѣтлое мѣсто къ самому плетню на краю болотистаго оврага, гдѣ росли въ изобиліи пучки папоротниковъ. Тутъ онъ пустилъ собаку. Игнась зналъ, что цвѣтокъ папоротника надо искать въ лѣсу, но все-таки свернулъ съ дороги къ оврагу съ мыслью: «а ну, какъ здѣсь!» и еще по одной причинѣ: въ лодочкѣ, въ которой онъ хотѣлъ переправиться на высокій, лѣсистый берегъ, не было скамеечки, но зато всегда стояла вода. Игнась, несмотря на строгое запрещеніе, потихоньку пускался въ водное путешествіе на старой «душегубкѣ», причемъ обыкновенно устраивалъ себѣ сидѣнье изъ сѣна, соломы или сноповъ. На этотъ разъ такая прозаичная роль должна была выпасть на долю чародѣйнаго растенія. Онъ взялся съ помощью ножичка за работу и усердно срѣзалъ сырые, зубчатые, бахромистыя листья папоротника, среди которыхъ не видно было блестящаго цвѣтка. За работой Игнась забылъ о своемъ безпокойствѣ; разъ только, когда скользкая жаба перескочила ему черезъ руку, онъ немного испугался. Скоро густой пучекъ былъ готовъ, маль-

чикъ связалъ его вѣткой хмѣля, перебросилъ черезъ плечо и, нагруженный такимъ образомъ, пробрался сквозь дыру въ плетнѣ на лугъ.

Тутъ глазамъ его представились облитыя полною луною, колыхаемыя легкимъ вѣтеркомъ, обширныя пространства. Холмистыя поля волновались очаровательнымъ движеніемъ развѣвающейся ржи, какъ колыбелька, разливающая ароматъ.

По соннымъ водамъ огромнаго пруда мелькали мелкія полосы волнъ, за складки которыхъ цѣплялись синія туманныя полоски, какъ нитки жидкой пряди; расплывчатыя ленты бѣловатыхъ тумановъ, точно блуждающія фигуры въ развѣвающихся вуаляхъ, неслись съ дымящагося луга къ отдаленнымъ болотамъ и тамъ широкой серебристой дымкой поднимались къ небесамъ.

Было тихо, только гдѣ-то невдалекѣ заливались перепела, и два коростеля перекликались своими хриплыми голосами. Знайда бѣжалъ впереди Игнася и рѣзкими движеніями описывалъ зигзаги по лугу; раздалось какое-то ворчанье, собака бросилась и исчезла.

Когда она вернулась, Игнась былъ уже на берегу и вытаскивалъ спрятанную въ кустахъ жердь, которая служила ему вмѣсто весла. Надъ головою мальчика вскружился мягкимъ неувѣреннымъ полетомъ гигантскій въ темнотѣ ночи козодой; потомъ изъ-подъ самыхъ ногъ выпорхнулъ огромный куликъ, взмахнулъ крыльями надъ водой и, грустно посвистывая, исчезъ во мракѣ.

Игнась, волоча за собою по песку жердь, добрался до маленькаго заливчика, гдѣ темнѣлась узкая, плоская лодочка. Тутъ онъ развязалъ пучокъ папортника, выстлалъ имъ, какъ рогожей, стоявшую на днѣ воду и, разставивши ноги, началъ жердью отталкиваться отъ берега. Носъ лодки вертѣлся то въ одну, то въ другую сторону, не трогаясь съ мѣста.

Мальчикъ выскочилъ, снялъ башмачки, словомъ: стереги! вручилъ ихъ подъ опеку Знайдѣ и, войдя въ воду, толкнулъ лодку впередъ по песку и быстрымъ движеніемъ выбрался на середину.

Собака все время безпокойно вертѣлась, потомъ бросилась въ воду, но сейчасъ же поплыла обратно и, жалобно визжа, смотрѣла на стоящую на черномъ пятнѣ фигуру, которая удалялась отъ берега и вскорѣ исчезла, точно потонула въ уносящей ее тѣни. Только тогда Знайда отряхнулся отъ воды, присѣлъ, почесался задней лапой за ухомъ, попробовалъ схватить зубами докучливыхъ мелкихъ мошекъ, вылизалъ себя до чиста и, въ концѣ-концовъ, окончивъ ночной туалетъ, свернулся въ клубокъ вблизи башмачковъ и чутко задремалъ.

Въ это время его господинъ былъ уже почти на серединѣ Сниводы; жердь не доставала уже до дна, онъ усѣлся въ лодкѣ, ввѣривъ ее теченію волнъ, которыя въ этомъ мѣстѣ были менѣе лѣнивы и медленно несли лодчонку въ желаемомъ направленіи къ противоположному берегу, гдѣ виднѣлся высокій, густой, мрачный лѣсъ.

Сидя безъ работы, мальчикъ началъ оглядываться по сторонамъ.

На камышевые островки опускался клубящійся, уставшій отъ безцѣльнаго блужданія, блѣдный туманъ. На матовой неподвижной поверхности пруда корчился и дрожалъ мелкой чешуею слѣдъ подымавшагося къ зениту мѣсяца. Линіи береговъ исчезли. Кое-гдѣ разсыпались мелкими искрами тонувшія въ глубинѣ небесныя звѣздочки.

Подъ темносинимъ сводомъ соннымъ движеніемъ колыхала Игнася скорлупа лодки. Вдали виднѣлась Кленовская усадьба; большія окна свѣтились зеленоватымъ блескомъ, какъ огромные стеклянные глаза разлагающагося трупа, и только наверху, въ самомъ маленькомъ окошечкѣ мелькалъ едва замѣтнымъ краснымъ пятнышкомъ огонекъ жизни. По водѣ доносились громкіе крики перепеловъ, хриплые звуки коростелей и нѣжныя волны аромата—единственный отголосокъ и дуновеніе земли. А когда и они умолкли, торжественную тишину нарушалъ только безпрестанный звонкій шумъ, какъ многомилліонный рой жужжащихъ насѣкомыхъ, который казалось надрывался лишь для того, чтобы чѣмъ-нибудь дополнить эту поразительную бездну тишины. Гдѣ-то плеснула рыба.

Игнась слышалъ, поглощенный грезами, мѣрный шумъ разгоняемой сердцемъ крови и внутренно содрогался.

Это не была боязнь опасности, а скорѣе священный страхъ передъ возникающими таинственными волненіями, которыя, силою волшебныхъ очарованій ночи, высвободились изъ-подъ тончайшихъ оболочекъ какой бы то ни было формы пониманія. Ребенокъ понемногу терялъ чувство своей обособленности отъ явленій внѣшняго міра и познавалъ ихъ не по получаемымъ впечатлѣніямъ, а какъ будто самъ, всей своей воспріимчивой натурой воплощался во все то, чего коснулась хоть малѣйшая мысль: въ легкія сырыя призраки тумана, въ блески и тѣнь, въ безформенность и образы, въ тишину и звуки, находя себя во всемъ слившимся вполнѣ и безраздѣльно и такимъ прекраснымъ и безконечно печальнымъ, какой прекрасной и безконечно печальной была эта очаровательная ночь, которая повѣряла сама себѣ всѣ свои тайны самыми нѣжными рѣчами—наивнымъ восхищеніемъ дѣтскаго сердца.

Бортъ лодки коснулся камышей. Съ внезапнымъ шумомъ поднялось надъ ними темное пятно, издавая рѣзкій крикъ и исчезло. Сердце Игнася затрепетало, онъ очнулся и пришелъ въ себя.

— Утка!—прошепталъ онъ; холодная дрожь пробѣжала у него по тѣлу, и онъ проникся тяжелымъ чувствомъ внезапнаго одиночества.

Онъ печально оглядѣлся по сторонамъ. Вокругъ шумѣли камыши. Мальчикъ вспомнилъ, зачѣмъ онъ поплылъ, и къ нему вернулась вся его энергія. Онъ всталъ и, хватаясь за осоку, сталъ подвигаться впередъ; снова уткнулся носомъ лодки въ старый высокій тростникъ; какая-то

стая вспорхнула и стремглавъ перелетѣла на другую сторону, какъ горсть дроби.

— Скворцы, должно быть!—подумалъ Игнась и, отталкиваясь жердью, снова выбрался на чистую воду.

Когда уже нельзя было достать дна, мальчикъ сѣлъ, бросилъ листочекъ на воду и съ радостью увидѣлъ, что листокъ поплылъ въ сторону лѣса. Игнась обрадовался, принявъ это за добрый знакъ. Растерзанныя остатки миновавшаго настроенія слѣпились въ немъ въ неясное чувство чего-то торжественнаго, и это чувство, сплетясь съ теченіемъ его мысли, вселило въ него, въ концѣ-концовъ, увѣренность, что онъ найдетъ цвѣтокъ. Игнась сейчасъ же сталъ воображать себѣ съ необыкновенной силой, доходившей до галлюцинаціи, его видъ. Онъ видѣлъ среди листьевъ папоротника маленькую, золотую, лучезарную звѣздочку и, чувствуя въ радостно дрожащей рукѣ этотъ жгучій, мягкій, какъ бархатъ, цвѣточекъ, оглянулся на усадьбу. Серебрилась черепица; въ окнахъ было темно.

— Спятъ и ничего не подозрѣваютъ!—шепталъ Игнась, охваченный приливомъ благодарности. А потомъ пришли ему въ голову его проказы.

— Пока секретъ, ни-ни!

И онъ уже предупреждаетъ втайнѣ желанія всѣхъ:

— Дядя здоровъ! У тети золотыя розсыпи въ подземельѣ; платьица сами собою чинятся ночью; лошадки, телѣжки, луки, невиданныя игрушки являются сами по первому желанію, какъ изъ-подъ земли.

Дѣти, всѣ старшіе... дѣдушка... господинъ директоръ... Нѣтъ! А впрочемъ, если извинится передъ Знайдой, то и онъ... пускай его!.. Янъ, вся деревня, кто только захочетъ... и негръ, и китаецъ, само собою разумѣется... берутъ все, что кому нравится, радуются и удивляются... А онъ самъ такъ радъ, такъ радъ... что просто плакать хочется.

— Боже мой... Боже мой!—шепчутъ уста ребенка, и, какъ въ молитвѣ, возносится къ небу окрыленное умиленіемъ сердце.

Это были сладкія минуты, поразительно похожія на тѣ, которыя не разъ переживалъ его отецъ. И Викторъ часто, послѣ плодотворнаго труда, въ минуты душевнаго успокоенія, отдыха, изливалъ передъ Марыней свои мечты о будущемъ и доходилъ до такихъ странныхъ душевныхъ движеній, какія развѣ можетъ испытывать легкое высоко взлетѣвшее облачко, которое насквозь пронизывается первой розовой стрѣлой утренней зари. Оно чувствуетъ на себѣ разсвѣтъ наступающаго дня и забываетъ, что его подстерегаетъ вихрь, властный сбросить его, какъ тряпку, съ лазури и слезами втиснуть въ грязь земли.

Снова мягко остановилась лодка и, оттолкнувшись немного, подалась назадъ.

Игнась очнулся.

Вблизи отъ берега онъ увидѣлъ препятствіе и всталъ, чтобы оглядѣться вокругъ.

Отъ стѣны лѣса его отдѣляла длинная, но не особенно широкая полоса, поросшая низкой осокой и рѣдкимъ камышемъ, между которыми виднѣлись тусклыя, запятнанныя листьями кувшинки, многочисленныя водныя прогалинки, точно мертвые глаза огромной рыбы. Въ одной изъ такихъ лужъ грустно отражалась звѣздочка.

«Обойти—далеко... Развѣ пробраться?!.» рѣшилъ мальчикъ и погрузилъ жердь. Было довольно глубоко; она ушла въ илъ, но все-таки достигла до дна.

Игнась оперся изо всѣхъ силъ и толкнулъ лодку; съ шуршаньемъ поднимая носъ кверху, она выдвинулась въ осоку.

Еще разъ ему удалось подвинуться на два дюйма и дальше ни съ мѣста; лодка увязла въ кочкахъ.

Черная чаща лѣса была такъ близка, что мальчикъ слышалъ шелестъ качающихся верхушекъ, чувствовалъ идущій оттуда холодъ и видѣлъ падавшую отъ лѣса тѣнь.

Не долго думая, онъ загнулъ какъ можно выше штанишки и всталъ на ближайшую кочку. Она подогнулась подъ нимъ, и вода забулькала. Ноги по щиколку погрузились въ теплую воду; почувствовался запахъ гніющихъ корней осоки. Мальчикъ перескочилъ на другую кочку, за которой начиналась какъ бы поляна, поросшая осокой, такая упругая, что тряслась вокругъ подъ тяжестью мальчика.

Игнась различалъ уже темныя пещеры нѣдръ лѣса.

Сердце забилось сильнѣе, и вдругъ онъ остановился, какъ вкопанный.

Въ одномъ мѣстѣ, почти на землѣ, виднѣлась голубовато-зеленая искорка; она была неподвижна и чрезвычайно ярко блестѣла. Игнась почувствовалъ жаръ въ груди, точно сгорала въ ускоренномъ дыханіи заключавшаяся въ ней кровь, и теплыя волны разлились по всему его тѣлу. Въ приливѣ радости, уставившись въ призрачный уголокъ, мальчикъ почти бѣжалъ. Все вокругъ заколыхалось; прорвалась трясина, и мальчикъ ушелъ по локти въ воду, медленно погружаясь все глубже и глубже. Онъ барахтался и поймалъ обѣими руками какой-то острый камышъ. Мягкая, расплывающаяся, дрожащая масса хватала его за ноги и тянула подъ кочки.

Онъ хотѣлъ крикнуть, но голосъ замеръ у него въ горлѣ. Сжались вены, и вся кровь на мгновеніе остановилась въ разбухшихъ артеріяхъ; а потомъ сразу судорожно скорчились артеріи, потокъ крови устремился къ конечностямъ, и сердце опустѣло.

Держась слабѣющими ручонками за камышъ, Игнась устремилъ окаменѣвшія отъ ужаса глаза въ тихую, спящую усадьбу.

«Спасите»—простонали проникнутыя отчаяніемъ мысли. Напрасно молили о помощи обезумѣвшіе инстинкты.

Сладкій обморокъ разжалъ маленькіе пальцы.

И вдругъ разступились безшумно стѣны стараго крова. Дитя очутилось среди своихъ; развернулся передъ его глазами послѣдній его день, за нимъ предпослѣдній.

И такъ въ обратномъ порядкѣ съ молніеносной быстротой окружали ребенка самыя существенныя событія его жизни, все болѣе и болѣе тѣснымъ кругомъ, точно кольца съ быстро уменьшающимся радіусомъ.

Всѣ вмѣстѣ они образовали что-то въ родѣ воронки, въ которую онъ погружался, различая на стѣнкахъ непрерывную картину прошлаго, такую же яркую и живую, какъ сама дѣйствительность, но болѣе тонкую, точно окутанную чарами красоты. И душевныя движенія, переживаемыя Игнасемъ, были рядомъ эстетическихъ волненій. Веселыя событія вызывали отрадныя впечатлѣнія, горестныя—подавляющую печаль.

Промелькнуло мраморное, мертвенное, скорбное лицо матери, угнетенное, исхудалое лицо отца; потомъ возстали яснѣе передъ его глазами оба дорогія лица родителей. Въ концѣ концовъ, съ аккордами звуковъ закружились цвѣтныя и свѣтящіяся пятна, затѣмъ потускнѣли цвѣта, поблѣднѣли свѣтлыя точки, звуки смѣшались въ общій шумъ.

Отверстіе воронки все съуживалось и темнѣло, пока не обратилось въ точку напряженнаго, непроницаемаго мрака и глухого молчанія. Въ то же время со всѣхъ сторонъ подползали скользкія щупальцы водорослей, безглазыя рѣсницы, гибкая зелень, простирались издалека темные стебли кувшинокъ и оплетали тѣло Игнася, прежде чѣмъ онъ упалъ на дно. Въ тактъ расходящимся кругамъ по водѣ, качали его въ своихъ объятіяхъ упругія сѣти, все медленнѣе и медленнѣе...

Блѣднѣла ночь, вѣтеръ усиливался. Проносился шорохъ по камышамъ, шумъ въ лѣсу. Сѣть подводной зелени трудолюбиво заплеталась въ одно цѣлое, точно желая скрыть отъ золотого ока солнца украденное имъ сокровище.

VIII.

«... Гдѣ же?..»

Бэля неподвижно стояла на крыльцѣ со сложенными руками, глаза ея безцѣльно блуждали. На далекомъ горизонтѣ виднѣлся подернутый синеватой дымкой лѣсъ. По сѣровато-желтымъ пятнамъ сжатыхъ полей носились хлопья, осыпавшіеся съ увядавшихъ растеній, сплетались пряди бабьяго лѣта, влекомыя за трепещущіе концы вздохами вѣтра. Пусто было и тихо. Временами только слышался крикъ тянущихся на поля галокъ, или съ высоты неба доносились внезапные, пронзительные звуки разсѣкающаго воздухъ клина журавлей. Глаза Бэли подымались къ небу, чтобы отвѣтить прощальнымъ взглядомъ ищущимъ весну птицамъ и долго блуждали по лазоревому простору, останавливаясь на минуту на огромномъ пламенѣющемъ щитѣ солнца, величавомъ,

какъ обликъ умирающаго божества, которое позволяло ей сквозь слезы любоваться его угасающимъ величіемъ. И снова потускнѣвшіе глаза устремлялись въ пространство, проникались скорбью и повѣряли задумчивому сердцу свою грусть, вызванную наступающей осенью.

Вошелъ Янъ, объявляя:

— Өедоръ вернулся!

— Что ты говоришь?

— Өедоръ вернулся!—повторилъ старый слуга, подавая письмо на подносѣ.

— Ага, ну хорошо! Гдѣ баринъ?

— Я видѣлъ, какъ онъ шелъ въ садъ.

— Такъ отнеси, впрочемъ я сама,—поправилась Бэля.—Тоже бумага!—пожала она плечами, сходя съ лѣстницы и вертя въ рукахъ жесткій лоскутокъ обыкновенной оберточной бугами, небрежно сложенный и запечатанный гладкой печатью.

Въ паркѣ еще зеленѣли деревья, хотя уже мѣстами пробивались въ ихъ красивую одежду истлѣвшія пятна, признаки смерти. Тамъ и сямъ гнѣвно краснѣли буки и дубы; стонали блѣдно-желтымъ плачемъ нѣжныя березки, а съ различныхъ верхушекъ одинъ за другимъ, точно птицы, окрыленныя золотомъ, пурпуромъ или мѣдью, слетали, колеблясь въ воздухѣ, стряхиваемые листья и усыпали тропинки, аллеи и болѣзненную травку пожелтѣвшихъ газоновъ.

Игнатій прогуливался по парку, ощущая большій, чѣмъ когда-либо, безпорядокъ въ мысляхъ, которыя, точно чувствительныя колеса, разъ затронутыя малѣйшимъ внѣшнимъ усиліемъ, или незначительнымъ потрясеніемъ глубоко проникающихъ волненій, крутятся потомъ самостоятельно, по инерціи, презрительно отклоняя въ сторону всякія притязанія безсильной передъ ними воли. Между деревьями показалась поверхность Сниводы, какъ второе небо.

— Такъ вотъ гдѣ произошелъ этотъ случай!

«Случай?» задумался онъ.

— Конечно, страшный случай, странный, роковой...

Его уязвили эти два послѣднихъ слова.

— Чего они такъ упорно преслѣдуютъ меня, какъ только я объ этомъ подумаю?

И тутъ же цѣлый рядъ воспоминаній: Викторъ, Марыня... а потомъ:

— Ихъ сынъ! Это-то и хуже всего!.. Ахъ, этотъ папоротникъ!

Передъ Игнатіемъ возстали эпизоды минувшаго дня.

Бредутъ по водѣ голыя, блестящія на солнцѣ фигуры... крики... зовъ!.. А потомъ тихо притянули къ берегу эту лодку, и кто-то вынесъ на рукахъ распухшій трупикъ... Какъ молотомъ стучитъ въ ушахъ!.. А тутъ Псстанскій ужасающимъ голосомъ: «Папоротникъ, папоротникъ, папоротникъ»!

И потомъ усѣлся на этой скамейкѣ и сидѣлъ такъ долго, долго!

Посмотришь—точно сѣрая глыба! Нелегко было его затронуть... Никто не осмѣлился! Даже Бэла: «Какъ же, вѣдь надо же... поди, позови! слѣдуетъ! Такъ двумя словами: докторъ, обѣдать»!

А тотъ, какъ ножомъ отрѣзалъ:

— А что, рыбы будутъ, что ли?

И этотъ смѣхъ: «Папоротникъ, видѣлъ, папоротникъ! Понимаешь»?! и этотъ взглядъ, глаза какъ потускнѣвшія окровавленныя пули!.. этого никогда не забудешь!..

Хоть бы отвѣтилъ! Вѣдь долженъ былъ бы, кажется, во всякомъ случаѣ, онъ нѣкоторымъ образомъ...

Игнатій усѣлся на скамейку, измученный сценой, которую онъ вновь пережилъ.

Дѣйствительно, Постанскій навелъ его на путь догадокъ, которыя, въ концѣ концовъ, пролили свѣтъ на цѣль ночного путешествія Игнася.

Въ связи съ этой цѣлью, смерть ребенка пріобрѣла особенно острые оттѣнки и срослась въ представленіи пана Игнатія съ трагическими путями родителей въ одно неразрывное цѣлое потрясающаго ужаса, точно въ замкнутый кругъ роковыхъ предзнаменованій. Вопреки всевозможнымъ доводамъ холоднаго анализа, аналогія между отцомъ и сыномъ инстинктивно напрашивались на мысль, заставляя ее кружиться до изнеможенія въ заколдованномъ кругу около этихъ могилъ.

Поднялся притаившійся въ какомъ-то темномъ закоулкѣ души вихрь, пронизалъ ее насквозь, смелъ наслоенія болѣе свѣжихъ впечатлѣній, и обнажились давнишнія картины болѣзненныхъ воспоминаній, разгораясь ужасающимъ блескомъ, въ которомъ бросались въ глаза особенности, не замѣченныя сначала. Эхо минувшаго прошлаго зазвенѣло такъ отчетливо, точно бездна временъ сообщала имъ резонансъ.

Давнишнія слова Виктора, освященныя величіемъ троекратной смерти, раздавались теперь торжественнымъ тономъ клятвъ, произнесенныхъ передъ лицомъ жизни устами умирающихъ, передъ которыми самый смѣлый, непримиримый протестъ рѣшается единственно на краснорѣчивое молчаніе.

Игнатій почувствовалъ, что онъ подпадаетъ подъ вліяніе умершихъ.

Какая-то невѣдомая ему до сей поры сила принуждала его дѣлать уступки въ ихъ пользу въ самыхъ существенныхъ взглядахъ, въ основныхъ понятіяхъ; онъ все чаще ловилъ себя за разборомъ вопросовъ, выдѣленныхъ разъ навсегда изъ круга его мышленія, какъ предметы, по его мнѣнію, или не могущіе осуществиться, или не поддающіеся разрѣшенію. И онъ инстинктивно боялся результатовъ этого разбора, точно подозрѣвалъ, что у него не хватитъ силъ на несеніе обязанностей, возлагаемыхъ на него окончательными выводами.

И, вотъ, чѣмъ настойчивѣе домогались отвѣта мучительные вопросы, тѣмъ болѣе онъ оттягивалъ, отодвигая окончательное рѣшеніе все дальше въ будущее.

Но эта политика затягиванія, чтобы пріобрѣсти внѣшній видъ порядочности, требовала какого-нибудь объясненія. И Игнатій нашелъ его въ занятіяхъ по вопросу, стоящему въ близкой связи съ умершими: вопросу о наслѣдствѣ, о суммѣ, оставленной Викторомъ для Марыни и Игнася, которая теперь становилась его собственностью, и отъ которой онъ отказался.

Эта мысль внезапно зародилась въ немъ, сразу же въ формѣ безповоротнаго рѣшенія, причинъ котораго онъ не зналъ и не старался узнать, инстинктивно избѣгая въ эти минуты душевнаго хаоса какого бы то ни было погруженія въ глубины своего существа, точно боялся возстающихъ тамъ неожиданностей. Зато онъ всей душой отдался дѣлу достойнаго употребленія этихъ денегъ. Ему приходили въ голову тысячи разнородныхъ идей, но въ каждомъ изъ проектовъ онъ видѣлъ какой-нибудь недостатокъ, и, чѣмъ обильнѣе становилось ихъ число, тѣмъ труднѣе дѣлался выборъ.

Въ концѣ концовъ, по совѣту Бэли, онъ рѣшилъ ознакомиться съ мнѣніемъ Постанскаго по этому вопросу. Это было не легкимъ дѣломъ, такъ какъ со дня смерти Игнася докторъ не только пересталъ бывать въ Кленовѣ, а даже на глазахъ Игнатія два раза ускользнулъ черезъ заднюю дверь въ поле, въ то время какъ тотъ стучалъ въ главную дверь. Однако, Игнатій не падалъ духомъ: не добившись ничего лично, онъ пошелъ на приступъ письменно и теперь именно, сидя на скамейкѣ, старался себя увѣрить, что докторъ прямо обязанъ отвѣтить ему.

Обезпокоенный сомнѣніями, онъ вынулъ изъ кармана копію своего письма, чтобы еще разъ просмотрѣть его:

«Глубокоуважаемый докторъ!

«Увы, я понялъ теперь эти роковыя слова: «папоротникъ!» И, желая быть искреннимъ, признаюсь, что предпочелъ бы забыть объ этомъ удручающемъ открытіи, которое стало для меня источникомъ болѣзненныхъ воспоминаній и мучительныхъ думъ.

«Однако, въ данномъ случаѣ дѣло не въ этомъ. Какъ вамъ извѣстно, Викторъ въ свое время оставилъ на моихъ рукахъ половину приходящейся на его долю части имѣнія. Чувствую, что я не имѣю права воспользоваться этими деньгами. Часть этой суммы я намѣреваюсь употребить на перенесеніе останковъ Виктора, (если это будетъ возможно осуществить), и постановку скромнаго надгробнаго памятника, остальную же сумму на какую-нибудь цѣль, достойную памяти умершихъ. Изъ многихъ проектовъ ни одинъ мнѣ не удавался. Не знаю почему, но у меня есть внутреннее убѣжденіе, что никто лучше васъ въ этомъ дѣлѣ мнѣ не можетъ помочь; я вѣрю въ это такъ сильно, что заранѣе обѣщаю принять ваши указанія къ руководству. Предпочиталъ бы объ этомъ вопросѣ и многихъ другихъ поговорить лично, но...»

— Игнатій, я вездѣ тебя ищу... зову! На!.. Интересно знать, что пишетъ?..—произнесла Бэля, вручая мужу лоскутокъ.

Игнатій поспѣшно сломалъ печать и началъ читать вполголоса написанныя дрожащимъ карандашомъ огромныя, разставленныя вкривь и вкось слова:

«Копаться въ промерзлой землѣ—трудъ обманчивый и напрасный. Съ прахомъ Марыни тлѣетъ наилучшая кость отъ кости Виктора—этотъ мальчикъ. Надгробный памятникъ позволь мнѣ смастерить, такъ какъ я ужъ началъ».

— Какъ попалъ вѣдь, какъ попалъ... точь въ точь!..—прошепталъ Игнатій, и, обратившись къ Бэлѣ, съ оттѣнкомъ огорченія и упрека, пожаловался:

— Отчего это мнѣ не пришло въ голову и тогда же?.. Ну, скажи?! Вѣдь это такъ просто, а не пришло-таки!.. Почему тò, о чемъ грезилъ Игнась, не пришло въ голову ни одному изъ нашихъ дѣтей?.. Скажи, почему?..—задумался Игнатій и вздохнулъ.

— Нечего дѣлать, надо ѣхать!—добавилъ онъ рѣшительно послѣ паузы и всталъ со скамейки.

Бэля долго съ безпокойствомъ всматривалась въ мужа, вздрогнула и, преграждая ему путь, начала быстро говорить, задыхаясь отъ потока словъ:

— Слушай, Игнатій!.. Почему?—этого я не знаю! Но у насъ четверо дѣтей—это я знаю, хорошо знаю!.. Слушай... Я, право, не могу больше, не могу!..—Голосъ ея задрожалъ, и она поблѣднѣла.—Довольно ужъ, довольно того, что было!.. довольно!..— почти крикнула она и, точно заслонившись передъ какимъ-то видѣніемъ, закрыла глаза обѣими руками и разразилась спазматическими рыданіями.

Игнатій нахмурился и угрюмо произнесъ:

— Напрасно плачешь, совершенно напрасно... «Если хочешь ѣхать, то, значитъ, долженъ»—ты этого не скажешь и отлично сдѣлаешь, потому что я вовсе не хочу. Ты за меня не бойся. Я хочу только купить себѣ спокойствіе цѣною ихъ денегъ, понимаешь, купить,—повторилъ онъ съ прискорбіемъ.—И о дѣтяхъ говоришь тоже напрасно!.. Если бы я былъ даже одинъ, какъ перстъ,—никогда не послѣдовалъ бы примѣру умершихъ. Я черезчуръ разжирѣлъ, мнѣ 50 лѣтъ, 50 ничтожныхъ, бездѣятельныхъ лѣтъ, и мнѣ ужъ тяжело... Можетъ быть, и были у меня когда-нибудь силы, только куда-то израсходовались... Ужъ, вѣрно, было такое сокровище... Нищенское...—добавилъ онъ съ непріятной улыбкой.

— А если такъ,—порывисто прервала его Бэля,—если только такъ, то поѣзжай сейчасъ же, сегодня же! Я сейчасъ же тебѣ все приготовлю. Обо мнѣ не безпокойся—это глупые бабьи нервы...

Игнатій изумленно взглянулъ на жену, но не замѣтилъ въ ней предполагаемаго раздраженія, которому онъ приписывалъ внезапную перемѣну фронта.

Ея разгорѣвшееся лицо было необыкновенно серьезно, изъ-подъ

заплаканныхъ рѣсницъ гордо смотрѣли на него строгіе и спокойные глаза.

Игнатій опустилъ глаза и тихо пробормоталъ:

— Хорошо, спасибо!..

Бэля сдержала свое слово; все было готово впродолженіе нѣсколькихъ часовъ, и она такъ усердно занялась его отъѣздомъ, что Игнатій садился въ бричку ошеломленный, съ впечатлѣніемъ человѣка, котораго насильно и неожиданно выпроваживаютъ изъ дому.

Проснувшись на другой день, онъ на мгновеніе задумался и удивился, что находится въ поѣздѣ, и ему нужно было нѣсколько времени, чтобъ объяснить себѣ, куда онъ ѣдетъ и зачѣмъ?

Вагонъ былъ полонъ, и многіе пассажиры стояли въ проходѣ, а потому, какъ только Игнатій спустилъ ноги съ дивана, какой-то рыжеватый господинъ въ котелкѣ и блѣдный юноша въ зеленой шляпѣ съ перомъ заняли освободившіяся мѣста.

— Васъ можно поздравить съ такимъ сномъ,—проговорилъ первый изъ нихъ, съ улыбкой шевеля подкрашенными усиками:—я бы такъ не съумѣлъ!.. Толкотня, суматоха, да и поздно, наконецъ!.. Могу полюбопытствовать, вы издалека?

— Изъ-за Бреста!

— Значитъ съ Литвы; послѣ жатвы, немножко провѣтриться... театрикъ... понимаю...—лукаво подмигивая глазомъ, весело продолжалъ спутникъ.—Юзя,—обратился онъ къ юношѣ,—ты посмотри въ Мрозахъ, не будетъ ли тамъ Майкжицкій?.. Помѣщикъ Сѣдлецкой губерніи, пріятель нашъ, прекрасный хозяинъ,—добавилъ онъ въ видѣ объясненія Игнатію.

— Такъ мы уже проѣхали Луковъ?—спросилъ Игнатій, обезпокоенный обѣденнымъ вопросомъ.

— И Котунь, теперь какъ разъ будутъ Мрозы, Новоминскъ, Милосна, а тамъ уже и «возлюбленный городокъ».

— Въ которомъ часу?

— Въ два,—отвѣтилъ сидящій на противоположномъ диванчикѣ старательно выбритый старичекъ и, точно возражая, продолжалъ:

— «Возлюбленный»—это правда, но только уже не «городокъ», а городище! Торцовыя мостовыя, автомобили. Автомобили!..—повторилъ онъ съ удареніемъ.—Дастъ Богъ бульвары вдоль Вислы и электричество—вотъ и Парижъ!..

Разговоръ завязался между большею частью пассажировъ и, перескакивая съ темы на тему, скрещивался въ воздухѣ на подобіе ружейныхъ пуль, создавая изъ нѣсколькихъ вздорныхъ мыслей цвѣтистыя фразы, прикрашенныя ловкимъ враньемъ и натянутымъ остроуміемъ. Прерывали его частыя остановки на станціяхъ, ослаблялъ уходъ кого-нибудь изъ участниковъ, подкрѣпляло появленіе новыхъ, которые съ полуслова подхватывали его теченіе.

По вагону продвигалась сплошная толпа городскихъ жителей, подвижная, легкая, какъ и ея багажъ, легко завязывающая знакомства, ловкая въ движеніяхъ и разговорѣ, шлифованная и обладающая незначительной силой тренія.

Игнатій чувствовалъ себя въ этой атмосферѣ чужимъ, неловкимъ и тяжелымъ, какъ массивныя заржавѣвшія ворота по сравненію съ полированными дверцами ,открывающимися безъ труда на обѣ стороны.

Это его нѣсколько смущало.

«Засидѣлся я,—думалъ онъ,—не шутка—10 лѣтъ!..»

А когда онъ попробовалъ припомнить многочисленный нѣкогда рядъ знакомыхъ, своихъ и брата, то убѣдился къ своему величайшему удивленію, что въ томъ городѣ, гдѣ онъ чувствовалъ себя прежде, какъ дома, теперь уже нѣтъ никого знакомыхъ.

«Мнѣ предстоитъ не легкая задача!»—обезпокоился онъ и нахмурился.

«Что тутъ дѣлать, къ кому обратиться?.. Какъ въ лѣсу!..»—подумывалъ онъ, сильно поколебленный въ своихъ намѣреніяхъ.

Въ это время поѣздъ, изгибаясь на поворотахъ, приближался къ конечной цѣли своего путешествія; вскорѣ все закипѣло. Игнатій, вынесенный волною людей, слѣдя за синей блузой носильщика, схватившаго его чемоданъ, очутился въ мрачной комнатѣ, гдѣ шеренга швейцаровъ выкликала на разные лады названія гостинницъ.

Игнатій собирался остановиться въ Европейской или Брюлевской, но во время его колебаній вопросъ разрѣшилъ энергичный представитель Римской, который выхватилъ у него изъ рукъ саквояжъ и багажную квитанцію и со словами: «сію минуту»—пропалъ надолго.

Недовольный долгимъ ожиданіемъ, Игнатій, когда, наконецъ, появился швейцаръ, объявилъ ему, что больше ждать багажа не намѣренъ, и, поручивъ на его попеченіе доставку вещей въ гостинницу, сѣлъ въ пролетку съ чувствомъ раздраженія, которое испытываютъ нервы отъ давно невиданнаго движенія и шума городской жизни.

Подъѣзжая къ мосту, при видѣ скопленія возовъ, извозчиковъ, лошадей, конокъ и людей, Игнатій былъ увѣренъ, что что-то случилось, и не скоро убѣдился, что ничего особеннаго не произошло.

Около колонны Сигизмунда его привѣтствовало знакомое впечатлѣніе.

Этотъ памятникъ напомнилъ ему о другомъ, неподалеку, котораго онъ еще не видѣлъ; и онъ началъ привставать на сидѣньи; а когда замелькали незнакомыя формы, затрепетало его сердце, онъ остановилъ извозчика и, сильно взволнованный, приблизился къ рѣшеткѣ.

Ступеньки на площадку, развѣвающееся пламя жертвенниковъ—«зничей», надпись, полукругъ золотыхъ листьевъ, брошенная на листья лира, бѣлая колонна, а высоко надъ ней заржавѣвшая фигура, съ рукою, прижатой къ груди, въ ниспадающемъ плащѣ, съ повернутой обнаженной головой.

Прошла минута.

И вдругъ въ глазахъ Игнатія статуя задрожала, наклонилась, точно хотѣла броситься ему на грудь. Въ туманѣ слезъ растаяла бронза, и возсталъ передъ нимъ живой великанъ, точно осужденный, прикованный въ вышинѣ, одинъ среди окружающей пустоты.

Игнатій оробѣлъ, отступилъ невольно на нѣсколько шаговъ и вдругъ гдѣ-то въ закоулкахъ души онъ почувствовалъ глухой, взывающій какъ изъ-подъ земли голосъ, живо напомнившій ему интонацію брата:

Гдѣ смертный, который пойметъ моей пѣсни весь смыслъ затаенный
И окомъ своимъ обойметъ разлитые свѣта лучи...

А потомъ этотъ стихъ не словами, а вихремъ потрясающихъ впечатлѣній возмутилъ до дна его разбитое сердце.

Онъ отвернулся, шепча въ отчаяніи: «не я! я... нѣтъ!»

На тротуарѣ сновало множество людей, подвижная толпа куда-то спѣшила, занятая чѣмъ-то совсѣмъ другимъ.

«Куда они летятъ? Зачѣмъ? Что думаютъ всѣ эти люди? Да думаютъ ли они? Люди ли они? Автоматы, автоматы!» преслѣдовало его это выраженіе, припомнившее ему слова старика.

— Страшное злодѣяніе за двѣ копѣйки!—пронизалъ Игнатія насквозь оглушительный дискантъ бѣгущаго мальчика. Кто-то изъ толпы, не останавливаясь даже, схватилъ на его глазахъ ужасающій листокъ, смялъ его и засунулъ въ карманъ. И дальше двинулся весь этотъ людъ, ничѣмъ не останавливаемый, съ тѣмъ же безсмысленнымъ шумомъ.

— Послушайте, баринъ, мнѣ тутъ не полагается стоять!—отозвался извозчикъ.

Игнатій сѣлъ, покачнулся всѣмъ тѣломъ, и точно въ этомъ общемъ движеніи, среди неясныхъ мыслей возникло на мгновеніе воспоминаніе, терзающее до боли.

На поворотѣ еще разъ мелькнула высоко стоящая фигура. Игнатій вздрогнулъ, ему показалось, что среди суматохи кипящаго на просторѣ муравейника, глухого грохота экипажей, выдѣляется тихій, едва слышный, пронизывающій шопотъ, идущій отъ этой фигуры, виднѣющейся на фонѣ тучъ:

— Я страдаю, съ ума схожу!

Кто-то съ галуномъ на фуражкѣ вступилъ съ нимъ въ разговоръ, отворяя стеклянныя двери; и не успѣвшій еще опомниться, изнуренный Игнатій съ трудомъ началъ подыматься по ступенькамъ, стараясь поспѣть за чернымъ фракомъ лакея, который плавно и быстро шелъ передъ нимъ...

Только въ концѣ ноября Игнатій снова очутился на своей маленькой станціи. Далеко за нимъ остались новыя волненія, пережитыя среди горсточки людей, съ которыми онъ познакомился; передъ нимъ разстилался зимній пейзажъ: бѣлыя поля, синеватая лента неровной

дороги съ разъѣзженными колеями; мѣховой фартукъ на ногахъ, шуба съ воротникомъ, вмѣстительный экипажъ, добрая четверка и молодой парень въ буркѣ съ капюшономъ.

Старательно завернувшись и поднявъ воротникъ, такъ какъ морозъ пощипывалъ, и дулъ рѣзкій вѣтеръ, Игнатій то смотрѣлъ на покрытыя сухимъ снѣгомъ пространства полей, то разговаривалъ съ кучеромъ:

— А что же Ѳедоръ?

— Ломаетъ его и въ нутрѣ болитъ.

— Давно снѣгъ выпалъ?

— Въ воскресенье, а вчера къ ночи подмерзло...

— Бѣды никакой не было?

— Нѣтъ, только быкъ вола прободалъ! Барыня велѣла прирѣзать къ людскому столу.

— А господинъ докторъ былъ?

— Были на прошедшей недѣлѣ, лошадей брали камень возить.

— Какой камень?

— А тотъ самый значитъ, что былъ около усадьбы ихней; здорово тяжелый, насилу ввалили, на кладбище свезли,—болталъ парень.

— Ага!—пробормоталъ Игнатій.—Предназначенный когда-то!—прибавилъ онъ про себя, припоминая себѣ тотъ громадный камень, на которомъ Викторъ проэктировалъ въ оное время воздвигнуть маякъ...— Вѣка простоитъ! Интересно!.. Пошелъ на Самомукя!—громко сказалъ онъ.

— Оно и лучше, на Мышиницкихъ Кустахъ дорога худа; бураки возили,—согласился парень.—Но, махонькія! —затянулъ онъ, прихлопывая бичомъ.

Экипажъ поплелся быстрѣе.

Игнатій все чаще закрывалъ глаза, такъ какъ блескъ непріятно дѣйствовалъ на него, и въ глазахъ мелькали красные огненные круги; онъ ежился въ шубѣ и понемногу впадалъ въ состояніе лѣнивой задумчивости о томъ ничто, которое такъ сонно, нѣжно и вмѣстѣ съ тѣмъ печально.

Среди бѣлой пустыни, подъ поблѣднѣвшимъ небосводомъ, колотилось маленькое сердечко заливающагося звонка и замирало надолго. Всеобщую монотонность нарушалъ налетавшій откуда-то бродячій вихрь, который сметалъ снѣгъ въ сугробы и канавы и силился поднять къ солнцу серебристый туманъ сверкавшей снѣжной пыли, скрипѣли колеса, временами трещалъ разбитый подковой ледъ.

Долго такъ ѣхали.

Когда Игнатій открылъ глаза, онъ узналъ знакомый крестъ, наклонившійся надъ отодвинутымъ камнемъ, скорченную дуплистую вербу, а вскорѣ и усадьбу доктора.

Мертвымъ, чуждымъ и поразительно грустнымъ казался на фонѣ далеко простирающихся снѣжныхъ полей маленькій домикъ съ полоской

дыма изъ трубы, которая то становилась синеватымъ столбомъ, то расстилалась по землѣ, черная, развѣваемая вихремъ.

«Опустился старикъ!..» подумалъ Игнатій, проходя черезъ сорванную съ петель калитку; когда же онъ вошелъ за загородку, его поразила картина разрушенія: тамъ и сямъ виднѣлись пеньки свѣжесрубленныхъ деревьевъ, во многихъ мѣстахъ валялись вырванныя съ корнемъ деревца, передъ домомъ лежали груды натасканнаго хвороста и разбитые въ дребезги ульи; сѣни были завалены снопами ржи, соломой, бумагами изодранныхъ книгъ и газетъ.

«Что такое?!» Сильно обезпокоенный Игнатій отворилъ двери и остановился на порогѣ.

Въ каминѣ пылалъ огромный, высокій огонь, поддерживаемый сухимъ и необыкновеннымъ топливомъ: внизу обугливались ножки стола, выше занимались пламенемъ доски разбитой шкатулки, чертежная доска; и въ этомъ огнѣ, тлѣя, корчился какой-то кожаный предметъ. Передъ каминомъ, на садовомъ креслѣ, опершись на ручки, сидѣлъ Постанскій. Онъ мало измѣнился; это было то же самое непреклонное лицо, испещренное морщинами, которыя скрывали дѣйствительное выраженіе. Игнатія поразила точно пожелтѣвшая сѣдая борода, безсильно опущенныя руки и сверкающій, какъ остріе, прозрачный огонекъ въ зрачкахъ блѣдныхъ выпуклыхъ глазъ.

Старикъ до того былъ поглощенъ разсматриваніемъ огня, что даже не замѣтилъ прихода Игнатія, и только когда тотъ кашлянулъ, лѣниво обернулъ голову и, устремивъ въ него рѣзкій взглядъ внезапно погасшихъ, мутныхъ глазъ, глухо произнесъ:

— Ахъ, это ты! Ну, что тамъ, сдѣлалъ, вѣроятно, свое дѣло!

— Сдѣлалъ...

— А я свое!

— Знаю, а потому и поѣхалъ нарочно на Самомуки, чтобы навѣстить васъ, поблагодарить и заглянуть на кладбище...

— Чѣмъ благодарить, подвези-ка меня лучше, я какъ разъ туда собираюсь...

Постанскій немного привсталъ и снова упалъ на кресло.

— Что съ вами? вамъ нехорошо? — заботливо подбѣжалъ Игнатій.

— Ну, ну, ну... отстань... мнѣ все лучше и лучше. Что это тебѣ пришло въ голову?.. ноги немного затекли!.. Убирайся къ чорту,—не на шутку разсердился онъ, когда Игнатій хотѣлъ ему помочь одѣть тулупъ.

Онъ одѣлся своими силами, и, какъ только они вышли на морозъ, такъ сильно размахнулся прутомъ, что въ воздухѣ даже свистъ раздался.

— Что это значитъ, докторъ?—указывая кивкомъ головы на слѣды разрушенія, робко спросилъ Игнатій.

Докторъ поморщился, а когда они усѣлись въ бричку, вдругъ спросилъ:

— Моя усадьба или нѣтъ?

— Да, ваша.

— А если моя, то, понимаешь, могу ее пахать, могу ее и запахать, а захочу такъ и пущу дымкомъ на всѣ четыре вѣтра, вотъ такъ, фью!— докторъ дунулъ въ руку.

Игнатій пытливо посмотрѣлъ на Постанскаго, и въ головѣ у него пронеслась подозрительная мысль:

«Что-то онъ замышляетъ!»

Старикъ сидѣлъ угрюмо; складки и морщинки стянулись, придавая лицу выраженіе сосредоточенной мощи; послѣ долгой паузы онъ безучастно началъ:

— Что-жъ тамъ слышно на бѣломъ свѣтѣ? шумъ, трескотня, движеніе?..

Игнатій началъ оживленно разсказывать о своихъ приключеніяхъ...

Дорога поднималась въ гору; на вершинѣ ея, казалось, лежало огромное огненное солнце; съ лѣвой стороны на стеклянномъ безоблачномъ, зіяющемъ пустотою небѣ виднѣлся довольно высоко мѣсяцъ, точно проломанная въ серединѣ желтоватая маска, или овальное пятнистое облачко, съ оборванными краями.

— Смотри, — воскликнулъ вдругъ хриплымъ голосомъ докторъ, — солнце стелется по землѣ, а эта рожа блеститъ надъ нею, зачѣмъ? Скажи, зачѣмъ? — настойчиво приставалъ онъ Игнатію.

— Потому что зима!—робко процѣдилъ Игнатій.

— Зима, зима, а когда же будетъ весна!—почти кричалъ докторъ.

Игнатій молчалъ.

— На святого Юзефа, какъ аисты прилетятъ...—весело отвѣтилъ парень, обернувшись на козлахъ и поворачивая свое красивое, улыбающееся лицо.

— Дубина!—пробурчалъ докторъ.

— Но, махонькія!—быстро затянулъ парень.

Лошади втащили бричку на вершину горы. Показалась стрѣльчатая колокольня костела и рѣзкіе контуры черныхъ деревьевъ кладбища.

— Стой!—воскликнулъ Постанскій, вылѣзая изъ брички.

— Докторъ, куда вы!—спросилъ Игнатій.

— Тутъ есть проходъ!

— А ключъ?

Докторъ ничего не отвѣтилъ и шелъ вдоль дороги по какимъ-то огромнымъ заметеннымъ слѣдамъ.

Въ одномъ мѣстѣ онъ отнялъ вмѣстѣ съ гвоздями двѣ доски, а когда въ это отверстіе пролѣзъ Игнатій, заложилъ ихъ обратно.

Въ возносящихся къ небу, вытянутыхъ вѣтвяхъ тополей задвигались испуганныя вороны, и одна изъ нихъ, усѣвшись на почернѣвшій

крестъ, начала перескакивать съ ноги на ногу, издавая звукъ, похожій на лязгъ тяжелаго замка.

Игнатій двигался за Постанскимъ по ввалившимся ямамъ, топча гнилые листья и кучки травы цвѣта сѣна. Показались плоскія гряды могилъ, поросшія измятой пожелтѣвшей травою, благодаря чему онѣ производили впечатлѣніе высокаго, увядшаго сѣнокоса. На глинистой, вѣроятно, свѣжей насыпи краснѣлъ отъ сырости ольховый крестикъ. Мѣстами лежали, какъ сгустки пролитой крови, заржавѣвшія дощечки. Тамъ и сямъ торчали заиндѣвѣлыя прутья кустовъ, точно хворостъ, воткнутый въ землю; только дубки красовались завернувшейся бронзой сухихъ листьевъ, шелестя ими при порывахъ вѣтра.

Невдалекѣ отъ березы, безсильно опустившей сѣточку своихъ мелкихъ вѣтокъ и похожей на олицетворенный плачъ, застывшій въ холодѣ смерти, стоялъ огромный овальный камень, покрытый мохомъ, испещренный крапинками и лишаями.

Камень этотъ былъ поставленъ въ томъ же самомъ положеніи, въ какомъ онъ искони лежалъ въ Самомукахъ,—плоской стороной вверхъ.

На неполированной, шероховатой поверхности Игнатій увидѣлъ слегка заметенныя снѣгомъ буквы и цифры: между двумя числами—днемъ рожденія Виктора и смерти Игнася,—виднѣлся остатокъ какого-то неудавшагося контура, уничтоженнаго насѣчками долота.

Старикъ стоялъ сгорбившись, съ обнаженной головою, тяжело опершись обѣими руками на палку. Блѣдные глаза, точно помутнѣвшія и потрескавшіяся глыбы льда, были устремлены неподвижно въ камень. Черты его темнаго лица приняли угнетенное выраженіе усталости. Изъ сѣти морщинокъ выглядывало что-то до того грустное, что Игнатій, взволнованный до боли, подошелъ къ доктору и заговорилъ тономъ утѣшенія, поднимая палецъ къ небу:

— Докторъ, онъ тамъ, тамъ!

Сѣдая голова затряслась.

— Нѣтъ!—вырвался, какъ изъ могилы, глухой голосъ.—Му...—внезапно дрогнула губа, оборвалось какое-то слово и прозвучало, какъ трескъ разбитаго стекла.

А Игнатій, разглядѣвъ вблизи это изнуренное, истерзанное лицо, замѣтилъ что-то, чего онъ никакъ не ожидалъ.

По красновато-синему шраму, точно кровавому оврагу, прокрадывалась растянутая слезинка, тонкая, какъ острый обломокъ лезвія кинжала. Съ трудомъ протекала она внизъ и вдругъ исчезла, проникнувъ въ одну изъ самыхъ глубокихъ поперечныхъ складокъ поблеклаго лица.

Сильнѣе вздохнулъ вѣтеръ, и камень задымился серебристой пылью.

А. Я.

ПОСЛѢ ГРОЗЫ.

Душенъ день былъ... Лежала истома
Надъ равниной, обвѣянной сномъ...
А теперь, послѣ молній и грома,
Посмотри, полюбуйся кругомъ!

Небо чисто, какъ думы ребенка...
Яркій вечеръ глядится въ рѣку...
Воздухъ свѣжъ, и отчетливо-звонко
Въ немъ изъ рощи струится—ку-ку.

Плавно цапля полетомъ тяжелымъ
Держитъ путь отъ селенья къ рѣкѣ.
Вьются ласточки съ крикомъ веселымъ...
Чья-то пѣсня звучитъ вдалекѣ.

Въ свѣтлыхъ грезахъ задумались вязы...
Пахнетъ сѣномъ съ росистыхъ долинъ...
И блестятъ, и дрожатъ, какъ алмазы,
Капли влаги на листьяхъ осинъ.

За рѣкой же и блещущимъ лугомъ,
Гордо высясь подъ ширью небесъ,
Изогнулся нѣмымъ полукругомъ
Полный мрака, задумчивый лѣсъ.

И поникло бездонное небо,
И слилось оно съ краемъ земли
Тамъ, гдѣ поле созрѣвшаго хлѣба
Желтой лентой сверкаетъ вдали;

Тамъ, гдѣ солнце, склоняясь къ закату,
Знойнымъ окомъ виситъ надъ горой,
Яркій блескъ свой разсыпавъ по скату
И цѣлуясь въ долинѣ съ рѣкой.

Павелъ Тулубъ.

ИТА ГАЙНЕ.

Повѣсть.

(*Продолженіе*) *)

Ита получила, наконецъ, мѣсто кормилицы въ семьѣ средняго достатка съ ежемѣсячной платой въ 12 р. Хотя Ита, условливаясь съ своей будущей госпожей, думала, что отнимая мать отъ ребенка, не слѣдуетъ торговаться изъ-за одного рубля, но такъ ужъ тяжело ей было, и такъ она наволновалась, что согласилась, махнувъ рукой. Михель задалъ ей хорошую встрепку, прикинувшись вдругъ чрезвычайно дѣловитымъ, и громко негодовалъ на этихъ живодеровъ-богачей, которые готовы отъ бѣдняка послѣднее отнять. Но онъ скоро утѣшился, когда Ита предложила ему продать оставшійся ненужный теперь скарбъ и вырученныя деньги взять себѣ. Случайное гнѣздо, въ которомъ она столько выстрадала, съ этой минуты начало распадаться, но Ита не находила въ себѣ ни одного вздоха сожалѣнія о немъ. Съ какимъ-то тупымъ чувствомъ забитости и покорности она покинула его и только въ послѣднія минуты съ испугомъ и біеніемъ сердца изрѣдка точно схватывалась и вспоминала, какъ дурно у нея сложилась жизнь, какъ она исковеркана, и какъ мало осталось у нея надеждъ на лучшее будущее... О ребенкѣ за хлопотами и бѣготней какъ-то не думалось, и она невольно уже меньше отдавалась ему, хотя тотъ плакалъ, кричалъ и по старому требовалъ къ себѣ вниманія и ласки.

Послѣдніе же два дня пробѣжали, какъ въ кошмарѣ, оставивъ послѣ себя осадокъ чего-то до дикости ужаснаго, и Ита смутно чувствовала и понимала, что ниже человѣкъ уже не можетъ упасть, какъ и не можетъ быть больше истоптанъ и оплеванъ, послѣ того, что съ ней произошло. Торгъ съ будущей госпожей, наглые и властные опросы съ безцеремонными залѣзаніями въ душу, съ подробными и подозрительными выпытываніями о мужѣ, о любовникѣ, о болѣзняхъ, о которыхъ она не

---

*) «Міръ Божій», № 4, апрѣль 1902 г.

имѣла понятія; полная, до умопомрачающихъ подробностей, регламентація ея будущей жизни въ домѣ и отношеній къ собственному ребенку, — все это было точно крѣпкіе удары по головѣ, но она переносила ихъ въ какомъ-то состояніи сонности и покорно, не повышая тона, отвѣчала на вопросы. Даже возмущенное чувство ея, когда рѣчь зашла о мѣсячной платѣ въ такомъ тонѣ, будто она не больше, какъ корова, которую покупаютъ только за ея молоко, и что отъ такихъ коровъ отбоя нѣтъ,—даже и тогда выразилось оно въ слабомъ протестѣ, но такомъ жалкомъ, что долго ей потомъ дѣлалось досадно, когда она вспоминала о немъ. Но еще болѣе тяжело и унизительно, и страшно было, когда ей пришлось быть освидѣтельствованной врачомъ, который собственно и рѣшилъ ея участь. У этого свѣтскаго и упитаннаго человѣка среднихъ лѣтъ ее ожидало особенное испытаніе. Ихъ собралось нѣсколько женщинъ. Онѣ сидѣли въ передней и долго ждали очереди. Когда эта очередь, наконецъ, наступила, то, чтобы покончить поскорѣе съ однообразной и скучной работой, отнимавшей его драгоцѣнное время, онъ приказалъ всѣмъ быть наготовѣ, т.-е. расшнуровать юбки и разстегнуть кофты. Ита, держа въ рукѣ карточку, въ которой просилось о тщательномъ осмотрѣ, стыдясь и полузакрывъ наготу верхней части своего тѣла, другой рукой поддерживая расшнурованную юбку, почти не видя дороги и дрожа всѣмъ тѣломъ, будто вмѣщала въ себѣ всѣ скверныя болѣзни и прятала ихъ, вошла въ кабинетъ. Докторъ, въ два-три мига безцеремонно снявъ съ нея кофту, тщательно осмотрѣлъ грудь, подавилъ ее, отчего Ита вскрикнула, отодвинувшись отъ него и сгорая отъ стыда, и велѣлъ сбросить рубашку совсѣмъ. Потомъ опять внимательно осмотрѣлъ уже со всѣхъ сторонъ ея тѣло: не найдется-ли пятнышка или чего-нибудь, могущаго вызвать подозрѣніе. Покончивъ съ этимъ, онъ съ той же электрической быстротой посмотрѣлъ ей въ горло, осмотрѣлъ носъ, еще разъ зачѣмъ-то подавилъ грудь и приказалъ ей лечь на стулѣ-креслѣ, стоявшемъ у окна. Ита покорно, но со слезами на глазахъ, легла, чувствуя себя послѣдней женщиной... Къ этимъ минутамъ, стоявшимъ въ памяти, какъ укоръ чему-то, она рѣдко возвращалась, а если вспоминала, то только молила, чтобы онѣ не повторились.

Послѣ всѣхъ этихъ мытарствъ ей еще осталось новое, важное дѣло,—пристроить своего ребенка. Не зная, какъ поступить, она повидалась съ Миндель, которая за небольшую плату указала ей нѣсколькихъ женщинъ, бравшихъ у кормилицъ дѣтей на вскормленіе. Потомъ она забѣжала къ Розѣ, поискать, не отыщется-ли попутчицы, и, найдя таковую въ лицѣ кормилицы Ги-

тель, которой за полученіемъ мѣста тоже нужно было пристроить ребенка, условилась съ ней о времени выхода изъ дому.

На слѣдующій день, рано утромъ Ита была уже у Гитель, и обѣ вышли часовъ въ 10 съ дѣтьми на рукахъ. Погода два дня подрядъ капризничала, и среди глубокой зимы внезанно наступила оттепель. Отовсюду текли воды, слышались звуки падающихъ капель, звенящихъ струекъ, и все было непривѣтливо, мокро, некрасиво. Небо стелилось низко надъ домами, и день отъ того казался несвѣтлымъ и скучнымъ. Грязный снѣгъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ превратился въ камень, въ другихъ уже оттаялъ и образовалъ вонючія черныя лужи, въ которыхъ чернымъ же отражалось небо съ мягкими, рыхлыми тучками. Деревья оттаяли и такъ блестѣли отъ воды, что казались отполированными, а на вѣтвяхъ, вздрагивая крылышками, сидѣли скучные, мрачные воробьи и монотонно чирикали.

Когда онѣ миновали домъ, гдѣ жила Роза, то встрѣтили кормилицу Этель, которую всегда окружали женщины. Онѣ хотѣли пройти не останавливаясь, но Этель, замѣтивъ обѣихъ женщинъ, задержала ихъ и вмѣсто привѣтствія сказала:

— Кончили ѣсть хлѣбъ у Розы? Очень хорошо. И я тоже. Наконецъ, поступила. Теперь нужно дѣвочку этимъ разбойницамъ отдать. Вы за тѣмъ же? Очень хорошо. Все идетъ какъ нельзя лучше. Можете вы иначе сдѣлать? Скажите, какъ?

Она положила руку на грудь и впилась глазами въ Иту, точно та была виновницей ея положенія.

— Скажите вы,—засмѣялась Гитель,—спрашивать я не хуже васъ умѣю.

Этель миновала ее презрительнымъ взглядомъ и сняла руку съ груди.

— Вотъ видите,—продолжала она,—всѣ такъ отвѣчаютъ. Люди глупы, какъ бараны, какъ кошки, какъ мухи. Зачѣмъ, спрашиваю я, рожать, если нужно отдавать своихъ дѣтей этимъ разбойницамъ?

— Вы вѣдь тоже рожаете, произнесла Ита, невольно улыбнувшись ея ѣдкому тону.

— Я рожаю!—презрительно повторила она; скажите рожается, а не я рожаю. Вотъ, видите меня. Дома имѣю одного ребенка, другой на рукахъ, а мужъ мой не Богъ вѣсть какая птица—онъ сапожникъ. Но вы думаете, что если сапожникъ, то зарабатываетъ что-нибудь? Ошибаетесь, моя милая. Теперь только дѣвушки и дуры говорятъ, что хорошо имѣть мужемъ ремесленника. Что здѣсь хорошаго? Зашивать порванныя галоши какого-нибудь барина, который ихъ нарочно лѣтомъ отдаетъ въ починку, чтобы дешевле стоило? Или получить 25 коп. за пару подборовъ? Не

будемъ спорить, но много ли въ день есть охотниковъ, которые желаютъ починить свои подборы? Съ голоду умираемъ, моя милая, съ голоду.

Ребенокъ заплакалъ. Она раскрылась и сунула ему, не глядя, грудь въ ротъ.

— Зачѣмъ же у васъ еще дѣти?—полюбопытствовала Гитель.

Женщины потихоньку начали идти. Этель вскипѣла отъ вопроса.

— Чортъ васъ возьми!—воскликнула она.—Спросите у моего мужа. Развѣ мнѣ-то нужны дѣти? Для какого чорта? Чтобы наслаждаться ихъ мученіями? Я вѣдь и съ первымъ не знала куда мнѣ дѣваться! Я спрашиваю васъ, что мой сапожникъ нашелъ во мнѣ? У меня вѣдь только кости и кожа, даже на сальную свѣчку изъ меня жира не достанете. Но поговорите съ нимъ.

— Примите меня къ себѣ,—пошутила Гитель,—я его сейчасъ же вылечу.

— Я бы вамъ, положимъ, голову проломала,—спокойно отвѣтила Этель.

Всѣ засмѣялись и заговорили о Розѣ. Въ какомъ-то переулкѣ имъ встрѣтилась Маня. Она шла скоро, но, замѣтивъ Иту, быстро перешла улицу, чтобы не столкнуться съ ней. Ита притворилась, что не замѣтила ее, и сейчасъ же забыла о ней, отдавшись своимъ думамъ. Болтовня Этель какъ бы надавила то мѣсто, которое болѣло, и теперь ея мысли вертѣлись около ребенка. Этель уже ушла отъ нихъ, остановившись возлѣ одного дома, со словами: „вотъ гдѣ я живу", а Ита все шла съ вихремъ въ головѣ, не замѣчая, что вокругъ нее дѣлается.

— О чемъ вы такъ задумались?—произнесла Гитель, которой надоѣло молчаніе.—Во всемъ, что кругомъ дѣлается, нѣтъ ничего ужаснаго. Вы такъ мало знаете жизнь, что васъ можетъ испугать полетъ мухи. А между тѣмъ я вовсе не была такой; до свадьбы я была самая скромная, честная и добрая дѣвушка въ своемъ городѣ. Жизнь ужасна, вотъ кто. Подождите, вы еще не умерли. Знаете ли вы, что будетъ съ вами черезъ 10 лѣтъ?

Ита ничего не отвѣтила, испуганная убѣжденнымъ тономъ этой женщины. Развѣ она, Ита, теперь та самая дѣвочка, которая когда-то съ гордостью гуляла со своимъ отцомъ подъ руку въ праздничный день?

Онѣ уже входили въ ту часть города, которая называлась окраиной. Все здѣсь говорило о другой жизни. Начиная отъ фонарей и кончая низенькими домами и немощенной улицей, окраина напоминала заброшенный въ глуши городокъ, никогда не знавшій культуры.

— Вотъ оно, кладбище нашихъ дѣтей,—шутливо произнесла Гитель,—посмотрите какое огромное.

— Ахъ, не говорите такъ ради Бога!—мрачно воскликнула Ита, безпокойно и со страхомъ озираясь,—вѣдь это въ самомъ дѣлѣ похоже на кладбище.

Къ нимъ подходили двѣ женщины съ дѣтьми на рукахъ. Ита и Гитель узнали въ нихъ кормилицъ, видѣнныхъ у Розы на прошлой недѣлѣ. Обѣ были еще молоды, и въ ихъ взволнованныхъ лицахъ ясно сквозило, что онѣ только начали проходить ту тяжелую школу, которая вырабатываетъ чудовищъ-женщинъ, умѣющихъ весело и равнодушно относиться къ судьбѣ своихъ дѣтей.

— Я еще и недѣли не служу,—начала первая свои жалобы, послѣ привѣтствія, и на молодомъ лицѣ ея было загадочное выраженіе: не то досада, что нужно хлопотать, не то досада противъ ребенка,—но уже столько имѣю непріятностей съ моей кормилицей, которой отдала дѣвочку, что у меня вся жизнь отравлена. Она потребовала за мѣсяцъ впередъ, я ей дала; дала 4 фунта сахару, бѣлье, чай, и послѣ всего, представьте себѣ, она вдругъ является ко мнѣ съ новостью, что за такія деньги не можетъ держать ребенка. Зачѣмъ же она взялась, я васъ спрашиваю, я вѣдь могла другую найти. Что мнѣ теперь дѣлать? Можно ли подать на нее, не знаете? Я думала подать. Притомъ, если бы вы видѣли, что сдѣлалось съ дѣвочкой у этой твари. Она почернѣла, какъ уголь, отъ грязи, похудѣла, сдѣлалась сонной какой-то Просто сердце мое разрывается глядѣть на нее!

Она хотѣла заплакать, но удержалась и постаралась придать себѣ бодрый видъ. Шедшая съ ней толкнула ее и сказала:

— День не стоитъ; эти женщины тебѣ не помогутъ. Пойдемъ и поищемъ. Какъ-нибудь да устроится.

Всѣ пошли вмѣстѣ, разговаривая. Ита разспрашивала о подробностяхъ, чтобы не попасться, какъ дурочка.

Подлѣ одного дома онѣ разстались. Первыя двѣ пошли дальше, а Ита и Гитель остановились у воротъ большого пустыннаго двора, гдѣ по краямъ, какъ наросты, ютились отдѣльные низенькіе флигельки, грязные и покривившіеся. Въ концѣ двора стояли повозки и биндюги, и между ними, въ поискахъ за кормомъ, бродили коровы и лошади, не вышедшіе на биржу. Около стѣны двѣ большія черныя собаки, приподнявъ морды, дико лаяли на кошку, не сводившую съ нихъ глазъ.

У воротъ стояла дѣвушка и равнодушно смотрѣла на пришедшихъ. Ита спросила у нея квартиру Шейны, бравшей дѣтей на вскормленіе. Дѣвушка указала рукой и отвернулась. Ита и Гитель вошли во дворъ и, внимательно поискавъ, нашли квартиру. Дверь въ нее была открыта; оттуда неслись странные звуки, точно кричалъ котенокъ, котораго плохо придушили.

Ита задрожала отъ этого жалобнаго голоса. Неужели тамъ убиваютъ ребенка? Почему никто не вмѣшивается? Развѣ сосѣдямъ ничего не слышно? И ей вдругъ показалось, что она, какъ въ зеркалѣ, увидѣла будущее своего мальчика.

Мрачная, сопровождаемая Гитель, которая восхитительно чувствовала себя на этомъ дворѣ, будто онъ напоминалъ ей дворъ, въ которомъ прошло ея дѣтство, Ита зашла въ комнату и остановилась пораженная тѣмъ, что увидѣла. На полу, нечистомъ отъ занесенной грязи, въ тряпочкахъ, едва покрывавшихъ тѣльце, извиваясь, какъ червякъ, ползалъ голоногій ребенокъ и жалобно кричалъ. Въ комнатѣ не было ни души. Предоставленный себѣ и уже давно некормленный, онъ монотонно повизгивалъ и такъ посинѣлъ отъ холода, что не видно было струпьевъ и ранокъ на его лицѣ.

Когда Ита, движимая состраданіемъ, подошла къ нему и взяла на руки, онъ сначала испуганно пискнулъ, но, почувствовавъ теплоту тѣла, вдругъ закричалъ какимъ-то и рыдающимъ, и радостнымъ голосомъ и судорожно прижался къ Итѣ, не сводя съ ея лица своихъ измученныхъ глазъ. Онъ дрожалъ и икалъ отъ холода, и Ита въ рукахъ своихъ не чувствовала ни капли его теплоты. Ему было шесть мѣсяцевъ, хотя по росту и по вѣсу нельзя было дать болѣе двухъ... Ножки и руки были въ струпьяхъ. Въ иныхъ мѣстахъ корка, готовая упасть, отдѣлилась отъ тѣла, и ребенокъ казался утыканнымъ иглами. Голова тоже была въ ранахъ, и въ нихъ кишѣли вши. Ита заплакала, глядя на маленькаго мученика со старческимъ лицомъ, который все терся о нее, всхлипывалъ и умолялъ. У нея даже не родилось вопроса. Передавъ своего мальчика Гитель, которая начала посмѣиваться надъ ней, она усѣлась на табуретѣ, разстегнулась и вынула грудь, полную соковъ и жизни. Сначала ребенокъ упирался и не хотѣлъ брать груди, совсѣмъ не пріученный къ такой пищѣ, и бился и рвался на рукахъ, разобравъ, что это не его кормилица, которую онъ считалъ матерью; но когда Ита насильно брызнула ему въ ротъ сладкаго и теплаго молока и прижала къ нему грудь, согрѣвшую его полузамерзшее лицо, онъ жадно набросился на нее и, прищелкивая языкомъ и захлебываясь отъ жадности, меньше чѣмъ въ пять минутъ опорожнилъ ее.

— Кушай, кушай, бѣдняжка, — ободряла его Ита, радуясь его счастью,—подожди я еще дамъ, ну подожди же. Голубчикъ, какъ ты голоденъ!

Она, казалось, забыла зачѣмъ пришла и, разсѣвшись широко на табуретѣ, чтобы удобно было кормить, перемѣнила грудь. Въ комнату никто не приходилъ и не мѣшалъ. Гитель, которой на-

скучило сидѣть здѣсь и трудно было держать двухъ дѣтей, рѣшилась, наконецъ, поторопить Иту.

— Я здѣсь не оставлю своего ребенка,—рѣшительно выговорила Гайне,—лучше сразу убить его. Поищемъ другой женщины. Не можетъ быть, чтобы вездѣ было такъ, какъ здѣсь. При томъ же у этой Шейны имѣется вѣдь одинъ ребенокъ, куда же ей взять еще другого?

— Вамъ кажется, что вы барыня, — засмѣялась Гитель. — Здѣсь почти всѣ берутъ по два, по три ребенка на выкормъ, и дѣтямъ нигдѣ не лучше, чѣмъ здѣсь; я это отлично знаю. Мнѣ вѣдь не первый разъ отдавать. Сначала я такъ же разсуждала, какъ вы, но теперь, когда разузнала правду и привыкла къ ней, то молчу и не думаю объ этомъ. Ничего вѣдь не подѣлаешь. Даже то, что вы видите, не самое худшее; довольно я насмотрѣлась. Правда, есть женщины другія, но и у нихъ только чуточку лучше и чище.

— Никогда я къ этому не привыкну! — разстроенно возразила Гайне, положивъ изъ предосторожности заснувшаго ребенка на полу на подушкѣ,—и если бы люди видѣли то, что я увидѣла здѣсь, то этого зла не существовало бы больше.

— Если вѣрите, можете обманывать себя, а я людей знаю, и худшихъ собакъ—равнодушныхъ и злыхъ—я не видѣла, хотя и сама не ангелъ, и у нихъ же выучилась жить такъ, будто у меня вырѣзали сердце.

Ита одѣлась, и обѣ, притворивъ за собой дверь, вышли. Стоявшая у воротъ дѣвушка даже не перемѣнила своей позы и все глядѣла вдаль, стоя противъ широкой, длинной, какъ бы безконечной улицы. Она не повернула головы, когда обѣ женщины прошли мимо нея и оставалась неподвижной, какъ статуя задумчивости, какъ символъ, олицетворявшій собой тоску, отчаяніе, порывъ къ тому широкому и безконечному простору, гдѣ вдали небо и земля, и воздухъ слились въ то невѣдомое и таинственное, что такъ манитъ къ себѣ связаннаго человѣка.

Время двигалось, и Гитель все чаще торопила Иту. Теперь онѣ входили въ какой-то дворъ, узкій, какъ тунель, и такой же темный. Навстрѣчу, — такъ что Итѣ и Гитель пришлось посторониться,—шелъ старикъ, нахлобучивъ шапку на глаза, и подъ мышкой держалъ гробикъ. За нимъ передвигалась женщина, и двѣ старухи поддерживали ее съ боковъ. Сзади, изъ вѣжливости и любопытства, группу эту сопровождали нѣсколько женщинъ и о чемъ-то тихо бесѣдовали. За ними, въ почтительномъ разстояніи, тѣснились мальчишки и дѣвочки со двора, грязные и оборванные. Старикъ съ гробикомъ подъ мышкой, точно съ книгой, шелъ торопливо, почти не сгибая колѣнъ, а лицо его было спо-

койное и равнодушное. То же равнодушіе и спокойствіе лежало на лицахъ участниковъ, и ни откуда не раздавалось ни вздоха, ни крика. Ясно было, что совершается нужная кому-то церемонія, безъ которой нельзя было избавиться отъ мертваго ребенка, и только нехорошо въ ней было то, что она отнимала вниманіе и время отъ другихъ дѣлъ. Когда старикъ и женщина со старухами прошли, Гитель обратилась къ одной женщинѣ съ вопросомъ, кого хоронятъ.

— Мальчикъ тутъ одинъ умеръ,—равнодушно отвѣтила она,—зима тяжелая и выкормки не выдерживаютъ. До пятаго мѣсяца дотащили его. И то, слава Богу. Они вѣдь гораздо раньше умираютъ.

— Чей это ребенокъ?—спросила Ита.

— Развѣ вы не видѣли матери? Ее старухи вели. Она кормилица въ бѣдномъ домѣ и только прикидывается убитой горемъ,—стыдно вѣдь ничего не показать. Сама же—вотъ какъ довольна.

Женщина быстро и краснорѣчиво провела по горлу рукой—такъ именно, по ея мнѣнію, эта кормилица была довольна смертью ребенка—и прибавила:

— Вѣроятно, теперь въ душѣ жалѣетъ, что это раньше не случилось. Не платила бы за него столько мѣсяцевъ и имѣла бы больше денегъ.

— Понимаю,—подмигнула Гитель,—это старыя исторіи. Теперь же и сезонъ смерти. Сколько она платила за ребенка?

— Какой сезонъ!—вмѣшалась другая женщина.—Сезонъ бываетъ весной. Весной приходите сюда, такъ у васъ волосы на головѣ станутъ. Даже воздухъ тогда портится отъ мертвыхъ дѣтей, такъ ихъ много бываетъ. Въ особенности умираютъ выкормки. И нашихъ мы съ трудомъ оберегаемъ, но тѣ падаютъ, какъ мухи. Право, здѣсь нисколько не трудно палачомъ сдѣлаться.

— Перестаньте разсказывать объ этомъ!—съ ужасомъ взмолилась Ита,—кровь стынетъ въ жилахъ. Пойдемъ, Гитель.

И она двинулась, а Гитель сказала:

— Гдѣ тутъ Мирель живетъ?

— Мирель?—переспросила первая.—Но это у нея и умеръ ребенокъ, котораго только что вынесли. Вы хотите ей отдать ребенка? Она хорошая женщина. Идите дальше — пятая дверь направо.

Указывая рукой, женщина проводила ихъ до квартиры Мирель и пошла къ себѣ. Гитель и Ита зашли въ очень низенькую комнату, въ которой нельзя было держаться прямо. Полъ въ ней былъ земляной, покрытый рогожей, и пахло отъ него дурнымъ запахомъ глины и помета. За столомъ сидѣла женщина и пила

чай. Двое дѣтей играли въ ямки, которыя тутъ же подлѣ дверей и вырыли. При видѣ двухъ незнакомыхъ женщинъ съ дѣтьми на рукахъ, пившая чай, не выпуская изъ рукъ блюдечка, вмѣсто привѣтствія, сказала:

— Видѣли вы такое несчастье? Въ первый разъ случается, чтобы у меня ребенокъ умеръ. Въ первый разъ, — какъ я чай пью. Теперь же сижу и думаю—почему онъ умеръ? Вѣдь я его лучше родного любила. Дѣтей у меня нѣтъ,—вотъ эти, что видите, сестры моей, а мужъ мой чернорабочій. Я, не какъ другія, у которыхъ есть дѣти, и которыя сами работаютъ. Я живу хозяйкой, скромно, тихо, всегда вскармливаю двухъ дѣтей и смотрю за ними, какъ за глазами.

— Отчего же все-таки онъ умеръ? — съ улыбкой спросила Гитель, знавшая наизусть подобнаго рода самовосхваленія.

— Почему онъ умеръ? Сядьте, вамъ трудно стоять. Почему же другой у меня не умеръ? Вы задаете странные вопросы. Какая мнѣ выгода отъ его смерти? Пусть бы жилъ. Возьму же я другого, какая тутъ для меня разница?

— Это такъ,—произнесла озадаченная Гитель, не найдясь, что отвѣтить.

— Я всегда это говорю имъ. Зачѣмъ приставать ко мнѣ, когда ребенокъ умеръ? Мнѣ еще труднѣе каждый разъ возиться съ новымъ, котораго нужно пріучать къ себѣ. Мѣсяца три тому назадъ у меня умерла дѣвочка...

— Какъ умерла?—вдругъ охладѣла къ ней Ита.—Вы вѣдь сказали, что у васъ только этотъ умеръ.

— Развѣ я сказала? Не можетъ быть. Значитъ я ошиблась. Три мѣсяца тому назадъ у меня умерла дѣвочка. Мать ея, получавшая 12 рублей, тоже задала мнѣ этотъ вопросъ и даже не другими словами. Вѣдь я съ ней чуть не подралась. Хоть бы съ жаромъ или со слезами спросила меня. Нѣтъ, чтобы уколоть только. Ей также жалко было этой дѣвочки, какъ вотъ этимъ дѣтямъ. Наоборотъ, теперь ей можно будетъ давать больше денегъ своему любовнику на шарлатанство.

— Сколько вы берете въ мѣсяцъ?—спросила Гитель.—Покажите мнѣ другого.

— Вотъ это другое дѣло. Нужно говорить живыя слова, а не задавать глупыхъ вопросовъ. Сейчасъ покажу вамъ.

Она встала и пошла въ конецъ комнаты къ задней стѣнкѣ. Тамъ она распахнула кусокъ красной матеріи, спускавшейся съ потолка до пола и скрывавшій кровать, и изъ темноты явственно вдругъ раздалось чавканье. Когда Ита и Гитель ближе присмотрѣлись, то увидѣли въ кровати „что-то“ неподвижное, державшее въ рукѣ тряпку, которую оно, повидимому, и жевало.

— Это ребенокъ?—спросила Ита.—Отчего же вы его держите въ темнотѣ? Вѣдь онъ ослѣпнуть можетъ. Что это онъ ѣстъ?

— Меня не нужно учить, гдѣ держать ребенка. Гдѣ держу, тамъ ему и хорошо. Повѣрьте, онъ бы не молчалъ. Кормлю же его солдатскимъ хлѣбомъ. Я всѣхъ дѣтей такъ выростила. Беру мякоть этого хлѣба, обсыпаю его толченымъ сахаромъ, связываю тряпкой и обливаю теплой водой. Ребенокъ всегда имѣетъ, что поѣсть и цѣлый день ведетъ себя, какъ голубь. Повѣрьте, если солдаты здоровѣютъ отъ этого хлѣба, то дѣтямъ онъ въ тысячу разъ полезнѣе.

— Ну, а молоко?—вмѣшалась Гитель.

— Даю понемногу и молока,—подхватила Мирель,—но, увѣряю васъ, даю противъ совѣсти, изъ глупаго предразсудка. Что такое молоко, скажите мнѣ? Я вамъ отвѣчу. Молоко—это бѣлая вода. Люди глупы, и я глупа. Хотите бѣлую воду,—пожалуйста—вотъ бѣлая вода. Но все-таки знаю, что солдатскій хлѣбъ спасеніе для дѣтей. Смотрите, какъ она сосетъ: вѣдь у нея въ губахъ ужасная сила. Она изъ вашей кожи кровь высосетъ, а вы не высосете. Хотите ее посмотрѣть?

Она живо вытащила его, пригладила, оправила, и предъ обѣими женщинами предсталъ форменный уродецъ, заморышекъ, въ которомъ едва было 7—8 фунтовъ вѣса. Дѣвочка походила лицомъ на угрюмую, печальную старушечку, а общій видъ ея напоминалъ каррикатуру изъ линій; ручки—двѣ очень длинныя линіи, ножки—двѣ линіи, и тѣло—линія посрединѣ. Вѣки ея, скованные засохшимъ гноемъ, не раскрывались, и видно было, какъ она ворочаетъ глазными яблоками, обезпокоенная свѣтомъ дня.

— Нравится она вамъ?—спросила Мирель.—Правда хорошенькая, хотя и худенькая. Вотъ глаза ея меня безпокоятъ. Надняхъ пойду съ ней къ одной женщинѣ, которая хорошо глаза лечитъ. Дѣвочкѣ и мать не нужна. Ей всего 6 мѣсяцевъ, а ведетъ себя, какъ взрослая. Я ее очень люблю. Подождите, я ей раскрою глаза, и вы увидите, какая она хорошенькая.

Она быстро вытерла тряпочкой глаза у дѣвочки и, смочивъ языкомъ вѣки, ловко пролѣзла имъ во внутрь и раскрыла.

— Красива, правда?—произнесла Мирель, обращаясь къ Гитель.—А теперь потанцуй немножко, пусть гости увидятъ, какая ты веселенькая.

Она подбросила ее, но бѣдный заморышекъ, согнувшись вдвое, припалъ къ ея плечу и застоналъ.

— Она хочетъ спать,—объяснила Мирель,—бѣдная, какъ она меня любитъ. Не буду мучить тебя, нѣтъ, нѣтъ.

Положивъ ребенка и сунувъ ему тряпку, она вернулась, говоря:

— И меня еще спрашиваютъ почему ребенокъ умираетъ, да, осмѣливаются спрашивать, хотя за мои заботы и любовь платятъ всего 6 рублей въ мѣсяцъ. Развѣ я не ангелъ послѣ этого?

Гитель уже готова была согласиться, какъ вошли двѣ кормилицы, съ которыми онѣ утромъ встрѣтились. Тѣ удивились, что нашли ихъ здѣсь, и разговоръ временно перешелъ на другія темы. Мирель, почуявъ спросъ, сейчасъ же перемѣнила фронтъ и договорилась до того, что рѣшительно, безъ уступокъ, запросила 8 рублей въ мѣсяцъ.

— Зимою,—философствовала она на замѣчаніе Гитель,—другіе разговоры. Шесть рублей беру лѣтомъ. Но зимою даже у родной дочери не взяла бы меньше 8 рублей. Развѣ вы хотите, чтобы мой мужъ, который съ такимъ трудомъ зарабатываетъ, дѣлился съ вашими дѣтьми своими грошами? Нужно вѣдь быть звѣремъ, чтобы этого желать.

Торгъ сталъ, наконецъ, опредѣленнѣе. Постороннія темы были оставлены, и перешли прямо къ войнѣ; боролись изъ за каждой копѣйки, вычисляли стоимость всего, что должно быть истреблено ребенкомъ за мѣсяцъ, но Мирель держалась на своемъ. Споръ разгорался: конкурентки препирались между собой чуть не до брани, и послѣ получасовой борьбы, со своими и съ Мирель, Гитель торжествовала побѣду, предложивъ наивысшую сумму, то-есть семь рублей. Ита же не торговалась и не вмѣшивалась, испуганная и устрашенная тѣмъ, что видѣла, тѣмъ, что предвидѣла, тайно мечтая найти хоть подобіе чего-нибудь, что могло бы ее удовлетворить.

Когда онѣ, наконецъ, ушли оттуда, Гитель съ сіяющимъ видомъ сказала Итѣ:

— Вы не знаете, какъ я счастлива. Это драгоцѣннѣйшая женщина. Если бы хотя половина изъ нихъ были, какъ Мирель, то мы могли бы совершенно спокойно отдавать своихъ дѣтей.

— Не знаю, что вы нашли хорошаго,— возразила очень холодно Ита,—черезъ 3—4 мѣсяца вашъ мальчикъ умретъ у нея.

— Можетъ быть, черезъ шесть,—подхватила Гитель,—откуда вы знаете? Но хоть шесть мѣсяцевъ я буду матерью, и за это спасибо. Я вѣдь еще не совсѣмъ озвѣрѣла, какъ вамъ кажется. Вы думаете, что мнѣ такъ ужъ непріятно быть матерью? Вы думаете, что я недостаточно счастлива, когда имѣю заботы о своемъ ребенкѣ? Ошибаетесь, Ита. Вѣдь я отчасти и кормлю чужого ребенка, чтобы заработать для своего. Я расцвѣтаю, когда приношу ему подарочки, сахаръ, платьица, все, что успѣваю взять у моей хозяйки. Думаете, что мнѣ не въ радость тогда жизнь? Я, конечно, знаю, что Мирель не все ему даетъ, но что-нибудь даетъ все-таки, а платьице я навѣрно на моемъ мальчикѣ увижу. И

есть у меня для чего жить нѣсколько мѣсяцевъ. Больше бы я и сама не хотѣла,—не могу вѣдь я,—куда мнѣ еще дѣтей имѣть на плечахъ? А у другой бы онъ и два-три мѣсяца не выжилъ. Я очень счастлива теперь, Ита.

— Не можетъ быть,—серьезно сказала Ита,—чтобы я сдѣлалась такой же, какъ вы.

— Я не сержусь на васъ, Ита, вы вѣдь не хотите меня обидѣть. Но и я не виновата, увѣряю васъ. Въ этой каторжной жизни еще чѣмъ ни станешь. Только упади разъ. Что вы скажете человѣку, который не можетъ работать потому что ему отрѣзали руку? А у меня вѣдь и руки, и ноги отрѣзаны, чтобы воспитать ребенка. Вамъ это еще непонятно, потому, что вы начинаете только. Но и вы такой же станете. Если плотнику изъ дерева нужно сдѣлать столъ, то выйдетъ столъ, а не шкафъ. Вспомните мое слово. Здѣсь выкрутиться нельзя.

Онѣ опять, теперь уже для Иты, вошли въ какой-то дворъ, потомъ въ другой, и подъ рядъ въ нѣсколькихъ домахъ находили двери запертыми на замокъ, и изъ этихъ пустынныхъ комнатъ вырывались ужасающіе вопли одного или двоихъ дѣтей, оставленныхъ на произволъ судьбы хозяйками, ушедшими по своимъ дѣламъ, и вопли эти неслись какъ бы въ пустынѣ, не трогая и не занимая ничьего вниманія. Если же онѣ находили двери открытыми, то входили въ комнаты, гдѣ дѣти находились подъ призоромъ собаки или кошки, которыя лизали ихъ струпья и раны, а сами дѣти, уставши кричать и хрипѣть, пачкались въ отбросахъ своихъ и лизали свои руки, вонючія и грязныя. Когда же онѣ находили человѣка при нихъ, то картина нисколько не мѣнялась и казалась еще ужаснѣе въ присутствіи надсмотрщицъ.

У Иты были-такія минуты, что она хотѣла кричать, пасть передъ кѣмъ нибудь на колѣни, умереть.

— Что же это такое,—восклицала она—мы вѣдь люди, мы вѣдь тоже люди! За что же намъ это, за какія преступленія, Гитель? Мы, мы грѣшили, но дѣти чѣмъ виноваты? Зачѣмъ столько страданій? О, пусть меня поведутъ на эшафотъ, если я еще разъ забеременѣю, если я еще одинъ разъ сдѣлаюсь матерью! Если бы хоть кто-нибудь намъ показалъ, что здѣсь дѣлается, если-бы насъ, несчастныхъ глупыхъ дѣвушекъ заранѣе приводили сюда и показывали, что ожидаетъ нашихъ дѣтей!

— Привыкнете,—хладнокровно отвѣтила ей Гитель —Когда я второго ребенка должна была отдать, то тоже такъ кричала, можетъ быть, еще больше вашего кричала, но смирилась. Когда живешь тамъ, въ большомъ городѣ, вдали отъ этого кладбища, то обо всемъ забываешь и хочешь жить, и любить и рожать. Такъ оно устроено. И у васъ это выйдетъ изъ головы, какъ только вы

уйдете отсюда. Вы оставите ребенка здѣсь и хоть крѣпко поплачете въ первую ночь, но заботы развлекутъ васъ. Даромъ денегъ вамъ платить не станутъ. Скажу вамъ больше. Сдѣлается такъ, что вы привяжетесь къ чужому ребенку, котораго будете кормить, а къ своему станете холоднѣе. Это такъ же вѣрно, какъ то, что теперь падаетъ снѣгъ.

— Ахъ, клянусь, клянусь вамъ, Гитель, что вотъ этого не будетъ. Не будетъ этого Гитель! Я вырву сердце свое, если оно измѣнитъ моему ребенку. Клянусь вамъ, Гитель!..

Онѣ пошли шибче и опять стали заходить въ дома. Картины мало мѣнялись. Вездѣ грозный богъ наказанія и мщенія проявлялся въ одинаковыхъ формахъ. Полусгнившія лица, искривленныя тѣла, загаженныя глаза, тщедушность, маловѣсность и миніатюрность младенцевъ, жалобы и вопли дѣтскихъ ртовъ, голодъ, холодъ и грязь и полнѣйшее равнодушіе людей,—всюду и вездѣ было одно и то же. А Ита все искала и искала, чему-то вѣруя, на что-то надѣясь, не допуская, что и ея ребенка постигнетъ такая же участь...

Къ вечеру она начала сдаваться. Вернуться къ прошлому уже не было возможности. Не того она боялась, что дома ее ожидали побои Михеля, можетъ быть даже смерть ея и ребенка отъ его руки или отъ голода. Не того она боялась. Но, чтобы пойти домой, надо было быть готовой пойти на улицу продавать себя, а для этой жертвы еще не было мужества. И все въ ней—и душа ея, крѣпкая и непокорная, и стыдливое, но тоже непокорное тѣло,—на это не сдавалось. Въ сердцѣ все еще мелькала надежда, что хорошей платой, лаской, мольбой она можетъ купить ту каплю обезпеченности ребенку, на которую Ита уже соглашалась. Жертва наконецъ была принесена.

Условившись съ женщиной за 8 руб. въ мѣсяцъ, она долго и много говорила съ ней, объясняла и умоляла, и чуть не цѣловала ей руки, чтобы та поберегла ея мальчика. Потомъ она еще дольше прощалась со своимъ ребенкомъ и плакала надъ нимъ, какъ надъ покойникомъ. Мысленно она жадно просила его простить ей и клялась ему, что не оставитъ его, и опять цѣловала, всхлипывала, какъ потерянная, и чуть съ ума не сошла, когда подошло время уходить. Двадцать разъ она уходила, возвращалась, опять плакала, клялась, цѣловала и была ужасно жалка со своимъ краснымъ и распухшимъ отъ слезъ лицомъ и растеряннымъ видомъ. Очень поздно она, наконецъ, ушла оттуда, унося истомлявшую, удесятеренную любовь въ сердцѣ и безконечное отчаяніе. Когда она явилась къ своимъ хозяевамъ, то получила выговоръ за опозданіе. Потомъ приняла ванну и вступила въ свои новыя обязанности.

Какъ и предсказала Гитель, первыя заботы о томъ, чтобы хорошо и удобно приспособиться къ новой жизни, которая требовала у свѣжаго, неопытнаго человѣка полной отдачи себѣ, совершенно поглотили Иту. Не зная, какъ держать себя въ новой роли, она расходовала массу силъ и энергіи, чтобы ее не заподозрили въ нелюбви и небрежности къ ребенку, котораго она кормила; старалась всюду и вездѣ поспѣть, чтобы не упрекали ее въ лѣнтяйствѣ, и на первыхъ порахъ дрожала предъ своими господами такъ же, какъ предъ Михелемъ, когда онъ бывалъ въ гнѣвѣ. Съ утра до ночи она носилась по дому, помогая въ свободное время горничной, кухаркѣ, или занималась постирушкой дѣтскихъ пеленокъ или шитьемъ дѣтскихъ платьицъ вмѣстѣ съ хозяйкой и не сидѣла ни одной свободной минуты, все благодаря тому, что думала, что такъ и нужно поступать. Но въ первое время, когда она носилась и бѣгала, и работала, какая-то острая и ненавистная мысль держалась въ ней, какъ бы прилѣпилась къ мозгу, и не покидала ее ни на мигъ, хотя она не имѣла ни времени, ни даже желанія внимательно продумать ее. Что-то болѣло у нея, что-то мучило, что-то надоѣдливо требовало, а Ита не сдавалась и откладывала минуту сведенія счетовъ съ собой со дня на день. Какъ-то мимоходомъ она узнала, что Этель служитъ въ этомъ же домѣ, въ первомъ этажѣ, у ходатая по дѣламъ, но, погруженная въ свою новую жизнь, она не толкнулась даже подробно потолковать съ ней и тоже говорила себѣ, что все это будетъ потомъ, позже какъ-нибудь, когда все уладится. Настоящая работа, тревожная и изнурительная, начиналась у нея съ ночи, когда она оставалась съ ребенкомъ съ глаза на глазъ. Ита хотя и привыкла со своимъ ребенкомъ къ ночному бдѣнію, къ прерыванію лучшихъ минутъ сна, къ необходимости пѣть, ходить, укачивать, когда ни одинъ мускулъ не хотѣлъ подчиняться, но *то* острое и ненавистное, что не покидало ее, вмѣшивалось всюду и не давало забыться въ работѣ. Каждый шагъ былъ какъ бы хожденіе по ножамъ, ибо вспоминалось, что это для чужого, и каждый ея звукъ, улыбка, искренній поцѣлуй, нѣжное объятіе—казались рядомъ измѣнъ своему собственному, который, навѣрное, гдѣ-то въ эту минуту страдалъ. Мученіе же заключалось не въ ясномъ сознаніи, что она отдаетъ всѣ свои силы, ласку, любовь чужому, а въ этомъ неопредѣленномъ и ненавистномъ, которое ныло въ душѣ тянущей тяжелой болью, какъ ноетъ зубъ,—не сильно, но надоѣдливо и непрестанно. И отсюда уже установились ея новыя отношенія къ Михелю, начавшіяся съ перваго дня ея службы. Онъ уже два раза приходилъ къ ней, но она никоимъ образомъ не могла убѣдить себя свидѣться съ нимъ, хотя знала, что сердитъ его и можетъ до-

вести до крайности. Но не могла она поступить иначе, даже зная и боясь его. Чувство острой и неопредѣленной ненависти, стоявшее въ ней, ярко разгоралось и обрушивалось вмѣстѣ съ негодованіемъ противъ него, когда онъ являлся и чрезъ посредство мальчика-лавочника давалъ знать о своемъ существованіи.

Ее не обманывали тѣ трогательныя слова, которыя, являясь въ чистомъ оголенномъ видѣ въ устахъ его посланника, только раскрывали предъ ней алчность Михеля. Она знала, что приводитъ его не любовь къ ней, не любовь къ ихъ ребенку, а нужда въ ея грошахъ, въ этихъ тяжелыхъ грошахъ, святость которыхъ онъ также не пожалѣетъ, какъ не пожалѣлъ ни ее, ни ребенка, и уйдутъ они въ тѣ же трущобы, на развлеченія, бывшія для него дороже жизни. Она отказала ему въ свиданіи и въ другой разъ, хотя Михель передалъ чрезъ мальчика, что ворвется въ домъ и исколотитъ ее до смерти...

Но уже шла вторая недѣля ея службы. Душевная боль, происходившая отъ сознанія, что и силы, и здоровье, и любовь отданы ею чужому ребенку, не совершенно, но все-таки утихала подъ вліяніемъ будничной жизни, безпрестанно требовавшей вниманія.

Тѣ странныя и возвышавшія ее чувства, когда, покоренная высшей любовью и состраданіемъ, она пожалѣла чужого ребенка, тянувшагося къ ней съ такой довѣрчивостью и трогательной привязанностью, точно она была ему матерью, — тѣ чувства тоже уже прошли, и долгій гнетъ своей родной боли понемногу начиналъ одолѣвать ее. Сидя подлѣ ребенка, она находила нѣкоторое облегченіе въ слезахъ, которыя нужно было проливать такъ, чтобы никто не замѣтилъ, и тихо выплакивала свое горе предъ единственнымъ свидѣтелемъ-ребенкомъ, бывшимъ, по ея мнѣнію, главнымъ виновникомъ ея несчастія. Но она, даже желая, не могла уже обвинять и проклинать его, такъ какъ нѣчто болѣе сильное въ ней вытравливало ея ненависть къ нему. И это болѣе сильное были тѣ несовершенныя еще чувства любви къ нему, которыя, помимо ея воли, зарождались въ ней и складывали и связывали интересы ея, чужой женщины, и ребенка, котораго она не родила.

Отъ этого полусознанія приходила новая боль, отъ которой она точно отмахивалась внутренно. Не злая отъ природы, скорѣе съ сердцемъ, готовымъ посочувствовать и руками, готовыми помочь она ревновала себя каждый разъ, когда позволяла сдѣлать что-нибудь лишнее, но искреннее, по отношенію къ этому чужому. Вездѣ и во всемъ ее преслѣдовалъ собственный мальчикъ и первенствовалъ въ ея мысляхъ, какъ невинная жертва, которую погубили ради счастья и довольства маленькаго барчонка, одарен-

наго всѣми благами жизни. Ея разсудокъ протестовалъ противъ чужого, но сердце становилось на его сторону, и отъ этой раздвоенности рождался страхъ одиночества, страхъ оставаться съ глазу на глазъ со всей давящей тяжестью. Постепенно она начинала жаждать сочувствія, желать души, въ которую можно было бы перелить переполнившія ее горечь и страданія. Теперь она уже не особенно возмущалась Михелемъ, и все то дурное, что казалось ей безчеловѣчнымъ въ первые дни службы, оправдывалось легко и безъ усилія, и слова и мысли прощенія приходили такъ быстро, будто вся голова ея была полна ими, и ничего другого въ ней никогда не жило. По ночамъ, урвавъ минуту, она думала только о немъ, и ей казалось, что все счастье, о которомъ она мечтала, сразу явится, когда она только положитъ свою голову ему на грудь и хорошо выплачется. Днемъ она не пропускала ни одной минуты изъ часа, чтобы не подумать о немъ, не отдаться сладкой надеждѣ, что онъ сейчасъ придетъ, что, если не она даже, то ея деньги, какъ магнитъ, притянутъ его, какъ далеко бы онъ ни былъ отъ нея. И такъ она подвинтила себя, что когда онъ, наконецъ, появился (это было за два дня до того, какъ должны были ей принести ея собственнаго мальчика), она, какъ помѣшанная, едва устроивъ свою отлучку, полетѣла къ нему. Дворъ былъ занесенъ снѣгомъ, и даже въ подъѣздѣ, гдѣ ждалъ Михель, лежали сухія, какъ песокъ, кучи его. Ита издали узнала Михеля, по его привычкѣ стоять, засунувъ руки въ карманы. Она быстро пошла къ нему, борясь съ холоднымъ сквознымъ вѣтромъ, бушевавшимъ здѣсь. Уже темнѣло, и на улицѣ не видно было прохожихъ. Гайне подошла къ нему съ переполненнымъ сердцемъ, не зная отъ волненія что сказать, а онъ продолжалъ молча стоять, разставивъ ноги и спрятавъ руки.

— Присядемъ, — шепнула она, устраиваясь на дворницкой скамьѣ.

Онъ сѣлъ рядомъ съ ней, и, по тому, какъ онъ сѣлъ, она поняла, что онъ страшно золъ на нее. Но она чувствовала въ себѣ такой запасъ хорошихъ чувствъ, что нисколько не обезпокоилась.

— Почему ты не выходила? — спросилъ онъ сурово.—Если ты вкусно и много жрешь тамъ, то вѣдь я не сытъ отъ того. Такъ долго продолжаться не будетъ—знай это.

Ита на мигъ подумала, какъ она, въ самомъ дѣлѣ, хорошо ѣстъ, и, несмотря на то, что отъ его рѣзкаго тона вдругъ остыла къ нему, искренно пожалѣла его.

— Я этого не думаю,—возразила она,—и вѣрь мнѣ, Михель, что каждый кусокъ я обливаю слезами. Не потому только,—

поспѣшила она прибавить, — что ты не ѣшь, какъ я, — нѣтъ, я какъ-то разомъ оглядываю всю нашу жизнь и вижу, какъ оно скверно и ужасно у насъ вышло.

— Это слишкомъ длинно и интересуетъ меня, какъ снѣгъ. Можешь ѣсть даже столько, чтобъ задохнуться, лишь бы я что-нибудь выигралъ отъ этого. Если хочешь сладко жить, надо дѣлиться.

Ита все больше охладѣвала къ нему и не понимала, какъ она могла забыть характеръ Михеля, какъ она могла скучать и жалѣть его. Вся ея радость, только что бушевавшая въ ней, стихла, и осталась пріятная мысль, что сейчасъ она не уйдетъ съ нимъ, а вернется наверхъ человѣкомъ хотя и подневольнымъ, но человѣкомъ, который имѣетъ собственную жизнь.

— Былъ ли ты у ребенка? — попробовала она перемѣнить разговоръ.

— Мнѣ незачѣмъ къ нему ходить. Если же пойду, то помни, что это не будетъ съ доброй цѣлью. Я не забываю, что онъ изъ моего рта крадетъ восемь рублей.

— Развѣ не отъ тебя я стала беременна! — съ горечью и раздраженіемъ вырвалось у Иты.—Не ты этого хотѣлъ? Чѣмъ же ребенокъ виноватъ? Подумай только, какъ онъ несчастенъ. Развѣ тамъ его могутъ пожалѣть? Развѣ та женщина пролила надъ нимъ хоть капельку крови? Вспомни, какъ онъ уже привыкъ было къ тебѣ и ко мнѣ, какъ любилъ насъ. Можешь ли ты желать мотать его деньги!

— Хорошо, хорошо, но все-таки можно было найти для него женщину и за пять рублей. Но ты такая безтолковая, что тебѣ ничего нельзя довѣрить. Какъ могла ты согласиться стать за 12 рублей? Какъ ты рѣшилась платить 8 рублей за ребенка? Что ты обо мнѣ тогда думала?

— Но я вѣдь тебѣ отдала все, что было въ комнатѣ, — ты прямо, Михель, безъ совѣсти.

— Еще бы не отдала,—я давно бы уже запряталъ ножъ въ твоемъ боку!—сердито отвѣтилъ онъ.—И еще скажу тебѣ, перестань меня раздражать. Дай мнѣ денегъ.

— Богъ съ тобой, Михель, ты съ ума сошелъ. Откуда же у меня деньги? Я вѣдь не ворую и фальшивыхъ не дѣлаю. Я отдала все, что имѣла.

— Много ты дала. Хоть бы не говорила. Два рубля, тоже деньги.

— Конечно деньги, самыя дорогія, какія только могутъ быть. Ты забываешь, какъ они мнѣ достались. Эти деньги и въ водѣ не потонутъ, а ты ихъ выбросилъ на карты.

— Это не мое дѣло — не хочу знать твоихъ дѣлъ, — мнѣ

нужны деньги. За 12 рублей служить тебѣ не позволю. Можешь у меня умирать, чѣмъ получать такія гроши. Если же не потребуешь прибавки, распрощайся со сладкимъ житьемъ. А къ завтрашнему дню, чтобы было приготовлено три рубля.

— Мнѣ негдѣ взять,—произнесла вдругъ Ита тихимъ голосомъ, чувствуя, что отъ страха у нея холодъ пробѣгаетъ по спинѣ,—я за мѣсяцъ взяла уже и расплатилась.

Она внезапно свалилась со скамьи отъ удара въ бокъ, и шаль слетѣла съ нея, когда она сдѣлала усиліе встать.

— Перестань,—шепотомъ вскрикнула она, схвативъ его за руки,—ты вѣдь не дома! Могутъ увидѣть. Зачѣмъ ты мучишь меня? Развѣ я хочу отказать тебѣ? Я бы даже душу мою отдала, лишь бы разстаться съ тобой, разбойникъ.

— Еще получишь, если будешь разговаривать. Завтра я приду за деньгами.

Ита уже стояла, готовая убѣжать при первомъ его движеніи.

— Приду,—продолжалъ онъ.—Можешь украсть, если негдѣ взять, и это будетъ лучше всего. А не достанешь, то такъ поколочу тебя, что мѣсяцъ лежать будешь. Гдѣ живетъ мальчикъ?

— Вотъ этого, Михель, я не скажу тебѣ,—я-то все вытерплю, но ребенка тебѣ не дамъ.—Она запнулась.—Я думаю, что если ты зайдешь дня черезъ 2—3, я, можетъ быть, достану деньги. Или возьму впередъ, или займу у Гитель.

— Нѣтъ завтра.

— Вотъ ты опять заупрямился, Михель. Ты такой странный человѣкъ. Вѣроятно, знаю же я, что на завтра не достану, развѣ мнѣ не все равно, разъ я даю тебѣ? Приходи, Михель, черезъ три дня.

— Ну, хорошо,—смягчился онъ,—это совсѣмъ другіе разговоры. Ты всегда должна разсердить меня. Я вѣдь вспыльчивъ и загораюсь, какъ порохъ. Крѣпко тебѣ бокъ болитъ? Нѣтъ ли у тебя хоть двадцати копѣекъ, я еще съ утра не ѣлъ.

Она знала, что онъ лжетъ, и теперь особенно противны казались его заботы о ней.

— У меня есть 10 копѣекъ,—сдерживаясь, сказала она,—и я тебѣ могу ихъ дать. Вотъ возьми.—И сейчасъ же смягчилась и прибавила.—Если бы ты хотѣлъ быть человѣкомъ, Михель, то у насъ еще была бы жизнь. Только бы ты началъ работать...

— Не говори глупостей! — грубо оборвалъ онъ ее, — ненавижу я твою работу. Это дѣло дураковъ; умный же безъ работы живетъ припѣваючи. Прощай—черезъ три дня приду. Увидишь ребенка, поцѣлуй его.

При словѣ ребенокъ, она не выдержала и заплакала. Такъ близко какъ будто лежало ея счастье, и какъ невозможно было

его имѣть. Тотъ же Михель, но только съ другимъ характеромъ,— и все могло бы перемѣниться. И какъ будто былъ человѣкъ подлѣ нея, и не было его. Она плакала, отвернувшись отъ Михеля, чтобы не дать ему посмѣяться ея слезамъ, но сердце ея еще больше окаменѣвало. Не было и признака того разрѣшенія накопившейся боли, о которомъ она такъ мечтала, въ ожиданіи мужа.

Они разстались безъ словъ послѣ этого перваго сквернаго свиданія, а Ита, поднявшись къ себѣ, забыла обо всемъ, что ее волновало, долго ходила по комнатѣ и обдумывала, у кого ей призанять денегъ.

— Попробую,—проговорила она, ложась,—у Этель; если не у нея, можетъ быть Гитель займетъ или лавочница. Что за наказаніе съ нимъ, Боже мой!

На слѣдующій день, улучивъ первую свободную минутку, Ита спустилась внизъ къ Этель. Она нарочно торопилась раннимъ утромъ покончить съ этимъ дѣломъ, такъ какъ сегодня былъ день постирушки, а завтра она хотѣла на свободѣ подождать Эстеръ, которая должна была принести ей мальчика. Она забѣжала въ кухню и нашла Этель, пившую чай. Этель сидѣла, разставивъ ноги, и животъ ея сильно выдавался изъ-подъ юбки. Ита, видѣвшая ее мелькомъ раза три, все удивлялась, какъ Этель еще не отправили, когда такъ ясно бросалась въ глаза ея беременность.

— Они уже знаютъ,—тоже мелькомъ сказала ей однажды Этель.—Это совсѣмъ не мѣшаетъ имъ. Чѣмъ у беременной молоко хуже? Вѣдь теряю только я отъ того, что кормлю двоихъ,—а кому есть дѣло до моего здоровья? Лишь бы ихъ ребенку не вредило.

Теперь Этель уже не скрывалась и свободно и развязно разсказывала всѣмъ и каждому о томъ, какая это пріятная вещь кормить, будучи беременной, и такъ сталъ хорошъ ея аппетитъ и пищевареніе, что если бы она даже дерево съѣла, то оно превратилось бы въ кровь и молоко.

— Что вы такъ рано?—спросила она у Иты, будто съ ней ежедневно встрѣчалась, и прибавила:—какъ вамъ нравится мой сапожникъ?

— А что?—освѣдомилась Ита, вдругъ забывъ, кто былъ этотъ сапожникъ.

— Вѣдь онъ меня уже домой требуетъ, чтобы его черти унесли. Увѣряю васъ, въ жизни моей я еще такого грубіяна не встрѣчала. Видите ли, онъ скучаетъ безъ меня, чтобы онъ подавился, подлѣ бока я ему нужна, нищему чорту!

Она расхохоталась, ужасно довольная этой глупой шуткой, которую придумалъ такой грубый человѣкъ. Ита невольно позавидовала ей, изъ вѣжливости поддержала ее смѣхомъ, но сейчасъ же прибавила озабоченно.

— Я хотѣла васъ попросить о чемъ-то, Этель, не знаю только, сможете ли вы исполнить.

— Что такое?—подозрительно и со скупостью въ голосѣ переспросила Этель.—Просьба? Что же это за просьба?

Она налила себѣ чай и разбавила молокомъ.

— Вчера я видѣла своего мужа...—сконфуженно начала Ита.

— Я вамъ не завидую,—перебила Этель.

— И имѣла глупость обѣщать ему три рубля, а мѣсяцъ мой только черезъ полторы недѣли. Можетъ быть, вы бы мнѣ призаняли, если у васъ есть свободные?—окончила Ита, внезапно понявъ, что напрасно проситъ.

— Три рубля,—съ искреннимъ удивленіемъ отозвалась Этель,—вы не шутите? Когда я видѣла у себя три рубля? Вы просто ребенокъ. Какъ это вамъ въ голову пришло? Если бы у меня было три рубля, я съ вами даже не пожелала бы разговаривать, такъ высоко я бы стала въ своихъ глазахъ.

— Да, да, я знаю, у васъ дѣти,—разстроенно поддержала ее Ита,—но черезъ недѣлю я бы все-таки вамъ вернула деньги.

— Не притворяйтесь глупенькой, — серьезно остановила ее Этель,—вѣдь я начну смотрѣть на васъ, какъ на помѣшанную, ей-Богу. Всего я получала девять рублей, а когда хозяева мои узнали, что я беременна, то такъ этому обрадовались, что сняли рубль съ моего жалованья. Какія же у меня деньги? Пожалуй, если вамъ хочется, чтобы я посмѣялась, то ради васъ сейчасъ же начну. Перестаньте же.

— Я думала... можетъ быть...—сконфузилась Ита.—Что подѣлываетъ вашъ ребенокъ?

— А вашъ? Своего должна была-таки отдать на выкормъ. Мой дуракъ чуть не помѣшался отъ него.

— Своего я еще не видѣла,—завтра увижу. Довольны ли вы своей кормилицей?

— Еще бы, толстѣю отъ этого удовольствія. Вѣдь она, увѣряю васъ, совсѣмъ грабитъ меня. Гдѣ имѣю тряпочку, кусокъ сахара, немножко дровъ или угля, все теперь идетъ къ ней. Теперь она, какъ жена моя. Она, видите ли, кормитъ моего ребенка, ребенка богатой принцессы. Я лопну отъ нея, увѣряю васъ, когда-нибудь лопну. Скажите, пожалуйста. А я не кормлю развѣ? У меня тутъ всѣ жилы дрожатъ, чтобы мнѣ не отказали, а она изъ-за ничтожнаго кусочка сахара готова бросить моего ребенка. Я говорю ребенка,—но нужно вамъ посмотрѣть на него! Не думаю, чтобы онъ до весны дотянулъ. И откуда эти прыщи у него берутся? У меня нѣтъ прыщей, у дурака моего ихъ нѣтъ, ни у кого изъ нашей семьи не было, а у мальчика моего здороваго мѣста нѣтъ. Даже не знаю, что дѣлать.

— А я еще своего не видѣла; какъ мой-то смотритъ? Слава Богу, завтра, наконецъ, увижу его. Скорѣй бы прошелъ этотъ день. Однако, я у васъ засидѣлась, а мальчикъ, навѣрное, проснулся.

Она ушла съ тяжелымъ сердцемъ, едва разсчитывая уже на Гитель. Откуда у той возьмутся деньги? Тоже, вѣроятно, уплатила кормилицѣ и нуждается въ копѣйкѣ. Она пришла наверхъ и занялась ребенкомъ, придумывая предлоги приступиться къ барынѣ. Но такъ и не посмѣла и весь день простояла за лоханкой, думая непрерывно о томъ же, какъ бы хорошо устроилось, чтобы у нея вдругъ очутились деньги.

На слѣдующій день вопросъ о деньгахъ былъ вытолкнутъ приходомъ ея кормилицы, Эстеръ. Еще когда та стояла за дверьми кухни и счищала снѣгъ съ башмаковъ, Ита съ волненіемъ узнала голосъ своего мальчика, который плакалъ съ знакомой ей ноткой нетерпѣнія. Она быстро раскрыла дверь, подбѣжала къ нему, вскользь взглянула, но не посмѣла взять его на руки, заслышавъ шаги своей барыни, зашедшей въ кухню. Также галопируя и не говоря ни слова, она повернула назадъ, побѣжала въ свою комнату, схватила на руки проснувшагося мальчика и поскакала въ кухню, давъ ребенку на ходу грудь. Барыня теперь стояла возлѣ Эстеръ и съ любопытствомъ разглядывала мальчика Иты. Ита оставалась сзади барыни, стыдясь и не рѣшаясь подойти къ своему ребенку. Она жадно оглядывала его лицо, его одежду, и совсѣмъ не интересовалась тѣмъ, который лежалъ у ея груди, хотя ему было неудобно оставаться со свѣсившимися внизъ ногами и перехваченнымъ снизу одной ея рукой.

— Какъ ты ребенка держишь!—разсердилась барыня, замѣтивъ небрежность Иты,—этакъ не трудно его и сломать.

Ита спохватилась, покраснѣла и, поправивъ мальчика, съ неестественнымъ жаромъ расцѣловала его, что смягчило барыню.

— Только, пожалуйста, не давай своему груди,—произнесла она выходя,—и не притрогивайся къ нему близко. Ты еще можешь моего заразить. Посмотри, какія у него пятна на лицѣ.

Она знакомъ приказала кухаркѣ присматривать за Итой и вышла, бросивъ еще взглядъ на чужого мальчика.

Ита стояла въ оцѣпенѣніи отъ счастья и не могла двинуться съ мѣста. Всѣ члены ея окаменѣли, и она только любопытнымъ, любящимъ взглядомъ осматривала ребенка. Постепенно наплывъ радости сталъ покидать ее, и она начала разбираться въ деталяхъ. Все держа на рукахъ чужого мальчика, она подошла къ своему и молча прикоснулась къ его щекѣ долгимъ поцѣлуемъ. Слеза капнула на его голову и тихо покатилась между волосами.

— Вы его сегодня не купали, Эстеръ,—тихо произнесла она,

быстро сравнивъ между собой обоихъ дѣтей.—Что это онъ такъ похудѣлъ?

Она все болѣе различала перемѣну въ немъ и боялась признаться, что онъ страшно похудѣлъ, въ то время, какъ почти на ея глазахъ, тотъ, котораго она теперь кормила, наливался и становился полнымъ и гладкимъ, какъ шолкъ.

— Нѣтъ, не купала,—отвѣтила Эстеръ своимъ густымъ и непріятнымъ голосомъ, который теперь поразилъ Иту,—развѣ можно купать ребенка, когда съ нимъ нужно выйти?

— Все-таки можно было ему обмыть лицо,—уступчиво замѣтила Ита, боясь ее разсердить.

— Развѣ я не умыла? У меня никогда ребенокъ не бываетъ грязнымъ. Я его сто разъ на день мою.

Ита ясно видѣла, что Эстеръ лжетъ, но промолчала, думая только о томъ, чтобы расположить ее къ себѣ. Она предложила ей выпить чаю и попросила кухарку вскипятить воду. Та согласилась, обрадовавшись развлеченію, а Ита, передавъ Эстеръ хозяйскаго мальчика, взяла своего, наскоро распеленала его и, стараясь не возбудить въ своей кормилицѣ подозрѣній, зорко осмотрѣла каждое мѣстечко на его тѣлѣ. Мальчикъ сильно подался за эти двѣ недѣли. Свѣтлая и лоснившаяся прежде кожица, такая пухлая и упругая, уже начинала отвисать въ нѣкоторыхъ мѣстахъ. На рукахъ и ногахъ виднѣлись ссадины, и особенно замѣтно это было на колѣняхъ. Слѣды отъ укусовъ блохъ покрывали все тѣло, а грудная доска вверху, подлѣ шеи, уже округлялась, какъ бы разбухая отъ какой-то неизвѣстной работы въ костяхъ. Ита притихла. Досаду и отчаяніе при видѣ разрушенія этого маленькаго выхоленнаго тѣла теперь смѣнило какое то другое непріятное чувство, въ которомъ ей страшно было признаться себѣ. Страдая за ребенка, она еще болѣе страстно тосковала по томъ прекрасномъ, чистомъ и здоровомъ мальчикѣ, котораго она уже теперь больше не увидитъ. Развѣ этотъ заморышъ былъ ея ребенкомъ? Грязный, весь въ пятнахъ, похудѣвшій, съ тѣмъ старческимъ выраженіемъ на лицѣ, которое она находила у всѣхъ выкормковъ,—онъ, какъ Ита ни насиловала себя,—не возбуждалъ въ ней ничего, кромѣ скорби и отчаянія.

— Онъ страшно искусанъ,—осторожно рѣшилась она произнести,—почему вы допустили?

Кухарка уже дала Эстеръ чаю и, наливъ въ стаканъ и себѣ, присѣла на табуретъ и съ наслажденіемъ слушала.

— Не знаю, почему онъ искусанъ,—отвѣтила Эстеръ, пожавъ плечами.—Въ комнатѣ у меня чисто, какъ въ замкѣ. Этимъ я уже славлюсь. Но сама не понимаю, откуда у него эти пятна? Вашъ мужъ ничѣмъ не болѣлъ?

— Нѣтъ, не болѣлъ. Положите, пожалуйста, ребенка и вытяните его, я посмотрю какой больше,—мой или хозяйскій.—Вѣдь они ровесники.

Эстеръ опять вздернула плечами—это было у нея привычкой—а Ита, несмотря на предостереженія кухарки, все-таки сравнила дѣтей и, найдя, что ея—крупнѣе, вдругъ примирилась съ нимъ, и всѣ детали—худоба, пятна, грязь исчезли, какъ по волшебству, а осталось одно дорогое сходство, по которому она такъ томилась. Оживившись, она передала кухаркѣ хозяйскаго ребенка, попросила ее подержать и, обратившись къ Эстеръ, промолвила:

— Посмотримъ откажется ли онъ отъ этого?

Она присѣла на табуретъ и, дрожа отъ волненія, растегнулась. Эстеръ передала ей мальчика. Ита вздрогнула отъ радостнаго чувства и, полузакрывъ глаза отъ блаженства, сунула ребенку грудь и прижала его къ себѣ, боясь, чтобы онъ не отвернулъ головы.

— Вы видите,—тихо шепнула она, глупо улыбаясь,—онъ узналъ меня, дорогой мой, узналъ свою мать. Кушай, милый, покормись у своей матери.

Женщины степенно разговорились, сообщая все нужное, чтобы стать интересной другъ для друга, а Ита, не вмѣшиваясь въ ихъ разговоръ, не обращая вниманія на то, что кругомъ нея дѣлалось, отдалась на мигъ вернувшемуся счастью. Она смотрѣла и наслаждалась каждой знакомой гримаской ребенка и нарочно оттягивала грудь, чтобы онъ причмокивалъ, и чтобы было похоже, будто онъ цѣлуетъ ее, такъ ей хотѣлось видѣть выраженіе его чувствъ къ ней, такъ ей хотѣлось понять по нему, что ему хорошо именно съ ней, а не съ той равнодушной женщиной, которая чужда ему и не жалѣетъ его. Ребенокъ жадно ѣлъ, вперивъ въ нее свои глаза, и слѣдилъ за движеніями головы Иты, которая наклоняла ее то вправо, то влѣво, чтобы лучше его разглядѣть. Время тихо шло, и Итѣ, у которой уже стояли слезы въ глазахъ отъ напряженнаго глядѣнья, начало казаться, что отъ ея молока у ребенка опять наливаются щечки, и что онъ становится снова гладкимъ, теплымъ и чистымъ, какимъ былъ тогда, когда еще возбуждалъ удивленіе у всѣхъ. Она перемѣнила грудь и съ радостнымъ чувствомъ, забывъ все тяжелое и скверное, затаивъ дыханіе, чтобы не помѣшать ему, слѣдила какъ постепенно образовывался сѣрый налетъ на его глазахъ, какъ постепенно смыкались его вѣки и машинально на мигъ раскрывались, съ цѣлью бросить прощальный взглядъ на нее. Когда онъ уснулъ, она осторожно уложила его и взяла на руки хозяйскаго ребенка. Женщины все разговаривали и какъ бы не могли оторваться отъ наслажденія узнать другъ у друга всѣ новости. Ита

отправилась въ свою комнату, достала заготовленный узелокъ и, стараясь выражать на лицѣ своемъ равнодушіе, когда проходила мимо барыни, вернулась въ кухню. При видѣ Иты съ узелкомъ въ рукахъ, Эстеръ немедленно встала и, сдѣлавъ озабоченное лицо, начала собираться. Ита попыталась удержать ее, но та не согласилась, говоря, что дома ждутъ ее дѣти и мужъ, которому нужно приготовить обѣдъ. Отказываясь, она одѣвала ребенка, связывая его туго-на-туго, и смотрѣла на Иту выразительнымъ взглядомъ. Поймавъ ея успокоительный знакъ, она какъ-то особенно молодцовато и весело закончила приготовленія и собиралась выйти. Ита крѣпко расцѣловала ребенка, прежде чѣмъ онъ исчезъ подъ шалью Эстеръ, и, передавъ хозяйскаго ребенка кухаркѣ, которую просила крикнуть, если заслышитъ шаги барыни, пошла проводить кормилицу. Въ подъѣздѣ она передала Эстеръ узелокъ, въ которомъ было всего достаточно, между прочимъ даже и платьице для ребенка, и долго и нѣжно умоляла ее, чтобы та сберегла ей мальчика.

— Я, Эстеръ,—произнесла она въ волненіи,—имѣю одну только радость въ жизни. И какъ, Эстеръ, эта радость мала для васъ, такъ она велика для меня. И она, эта радость, въ вашихъ рукахъ. Вы, Эстеръ, теперь все мое, другъ мой, избавитель... Умоляю васъ, поберегите моего ребенка. Будьте вы его матерью, если я не удостоилась этого. Думайте что онъ вашъ, а я всѣми силами помогу вамъ любить его.

— Вы ребенокъ,—успокоила ее Эстеръ,—я вѣдь этимъ живу. Мой интересъ, чтобы ребенку жилось хорошо.

— Да это такъ, милая Эстеръ, но у меня,—прибавила она робко,—онъ былъ такой полненькій, чистенькій. Я понимаю, поспѣшно добавила она,—что вамъ, конечно, труднѣе усмотрѣть за нимъ, чѣмъ мнѣ, но все таки я умоляю васъ, я только умоляю, Эстеръ... И у васъ, Эстеръ, дѣти есть, и у васъ сердце матери. Подождите, у меня, кажется, завалялось пять копѣекъ, возьмите ихъ. Это не будетъ въ счетъ, Эстеръ.

— Конечно,—согласилась Эстеръ уступчиво,—трудно, чтобы мальчику было такъ же хорошо, какъ у васъ. Одинъ взглядъ матери въ десять разъ больше значитъ, чѣмъ вся моя работа. Но, увѣряю васъ, что я дѣлаю все, что могу.

— Вотъ, вотъ, больше мнѣ и не нужно. Когда вы придете?

— Недѣли черезъ двѣ, если погода будетъ хорошая,—навѣрно погода будетъ хорошая.

Опять Ита стала цѣловать ребенка, но раздавшійся сигналъ заставилъ ее поторопиться. Она оборвала поцѣлуи и убѣжала крича:

— Смотрите же, Эстеръ, смотрите, я васъ умоляю.

Вернувшись въ кухню, она взяла ребенка и пошла съ нимъ въ свою комнату. Теперь ей было еще горьше, чѣмъ прежде, когда мальчика не приносили, и въ первые часы послѣ ухода Эстеръ крѣпко хотѣлось опять очутиться на квартирѣ со своимъ мальчикомъ, который унесъ съ собою частичку ея сердца. И даже Михель не казался страшнымъ, и даже требованіе пойти на улицу меньше пугало,—такъ сильна была тоска по прежнему. И долго ныла и болѣла ея душа, и все мрачнѣе становились мысли, и невыносимо трудно было въ этотъ день играть роль матери передъ чужимъ ребенкомъ, который властно требовалъ своего,—пищи, заботы и любви. О Михелѣ она совсѣмъ забыла и ничего не предпринимала для его удовлетворенія. До него ли ей было? И только вторичный приходъ его, страшный скандалъ, который онъ устроилъ, и полученные побои вернули ее и вывели еще разъ изъ глубины материнскихъ чувствъ и повергли опять въ пучину заботъ, тягостнаго страха и привычныхъ мученій. Вновь поднялась палка, засвистѣла на ея плечахъ и погнала дальше по этой длинной безцѣльной дорогѣ, именуемой жизнью.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Семенъ Юшкевичъ.

---

* * *

Солнце нижетъ листья изумрудные
Золотыми нитями лучей,
По землѣ, какъ будто жилы рудныя,
Расползлись извилины корней.

Руку дай, дитя, тропою хвойною
Забредемъ далеко мы, туда,
Гдѣ насъ жизнь загадкой безпокойною
Не найдетъ, не встрѣтитъ никогда,

Гдѣ мгновенья стынутъ, не мѣняются,
Гдѣ не вянутъ тихіе цвѣты,
Гдѣ въ прозрачномъ небѣ поднимаются
Стройныхъ елей тонкіе кресты.

Тамъ, забывъ стремиться въ даль неясную,
Къ тишинѣ душою ты прильнешь
И молитву первую, безгласную
Ты съ моей молитвою сольешь.

Allegro.

НАЦІОНАЛИЗМЪ И ГУМАНИТАРИЗМЪ ВЪ СОВРЕМЕННОЙ ФРАНЦІИ.

(Очеркъ изъ исторіи французской культуры).

I.

Истекшее столѣтіе останется въ лѣтописяхъ извѣстнымъ, какъ эпоха борьбы національностей. Средневѣковый міръ зналъ войны религіозныя, династическія, колоніальныя. Но только XIX столѣтію было суждено познакомиться съ національными войнами. Народы Стараго и Новаго міра, одинъ за другимъ, поднимались, движимые тѣмъ же идеаломъ—возстановить свое національное единство въ опредѣленныхъ историческихъ или этнографическихъ границахъ. Объединеніе Италіи и Германіи, освобожденіе Бельгіи и Балканскихъ государствъ, отдѣленіе отъ Испаніи Южно-Американскихъ республикъ въ началѣ столѣтія и острова Кубы—въ концѣ,—всѣ эти историческія событія были слѣдствіемъ всемірнаго національнаго движенія. Оно продолжается и въ наши дни въ Ирландіи, Богеміи и Венгріи, въ турецкихъ провинціяхъ, на Филиппинскомъ архипелагѣ и въ Южной Африкѣ и будетъ продолжаться еще неизвѣстно сколько времени. Въ связи съ этимъ движеніемъ появился и такъ называемый *націонализмъ*.

Націонализмъ—ничто иное, какъ превратившаяся въ глубокое фанатическое чувство національная идея. Послѣдняя осталась бы безплодной абстракціей, если бы она не плѣняла воображенія и сердца, если бы она не вызывала энтузіазмъ, отвагу и исключительную привязанность къ родинѣ. А это постигается воскрешеніемъ старины, разсказами о прошлой славѣ, о подвигахъ народныхъ героевъ, восхваленіемъ достоинствъ и добродѣтелей націи и умалчиваніемъ о ея недостаткахъ. Таковъ націонализмъ порабощенныхъ народовъ; онъ по преимуществу имѣетъ характеръ обороны отъ политическаго и культурнаго гнета господствующаго народа. Но точно также какъ въ военномъ сраженіи оборонительныя дѣйствія часто переходятъ въ атаку, оборонительный націонализмъ изъ восхваленія своего народа переходитъ въ поношеніе противниковъ. Этимъ духомъ еще больше пропитанъ націонализмъ побѣдителей.

*

Одновременно съ націонализмомъ и въ противовѣсъ ему, появилось другое теченіе, которое мы называемъ общимъ именемъ *гуманитаризма*. Хотя эти два теченія, какъ увидимъ, могутъ имѣть одинъ и тотъ же историческій источникъ—цѣли ихъ прямо противоположны. Тогда какъ націонализмъ стремится обособить націю, кристализировать ее, если можно такъ выразиться, гуманитаризмъ стремится къ укрѣпленію и къ расширенію политическихъ и культурныхъ связей народовъ до ихъ окончательнаго сліянія въ одну человѣческую семью. И оба эти теченія съ особенной полнотой выразились въ исторіи Франціи. Эпохой ихъ сильнаго развитія нужно считать французскую революцію, понимая подъ этимъ весь періодъ отъ созыва генеральныхъ штатовъ до паденія Наполеона.

Въ болѣе умѣренныхъ формахъ гуманитаризмъ и націонализмъ существовали и раньше, но только въ вышеупомянутой эпохѣ они сдѣлались идеаломъ не только отдѣльныхъ группъ избранныхъ людей, но и *всего народа*. Въ слѣдующихъ главахъ мы увидимъ, какъ это произошло, какова была дальнѣйшая судьба этихъ двухъ теченій, и, главнымъ образомъ, въ какомъ соотношеніи онѣ находятся между собою во Франціи нашихъ дней.

II.

Одинъ фактъ, на которомъ всѣ историки сходятся,—это исключительное положеніе, которое занимала Франція среди европейскихъ народовъ. Впродолженіи долгихъ столѣтій, а отчасти еще и теперь, она упражняла надъ всѣми цивилизованными народами то, что Прудонъ называлъ «нравственной диктатурой» *).

Здѣсь не мѣсто пускаться въ причины этого явленія. Ограничимся только указаніемъ на особое выгодное географическое положеніе Франціи, на окраинѣ Европы, отъ которой она отдѣлена такими естественными и хорошими границами, какъ Вогезы, Альпы, Пиренеи. Онѣ не изолировали Франціи отъ остального континента, какъ, напр., море изолировало Англію, но въ то же самое время съ точки зрѣнія обороны представляли большія преимущества. Благодаря этому, Франція осуществила свое политическое единство еще въ XV столѣтіи. Съ другой стороны, послѣ упадка итальянскихъ городовъ, торговля Азіи и сѣверныхъ береговъ Африки съ Англіей и сѣверной Германіей стала совершаться черезъ Францію по рѣкѣ Ронѣ **), что было большимъ толчкомъ для экономическаго развитія страны.

Эти два обстоятельства: политическое единство и экономическое благосостояніе придали французскому государству необходимую для

*) J. P. Proudhon. «Confessions d'une révolutionnaire», ed. de 1868, p. 297.

**) Th. Rojers. «Interpretation économique de l'histoire.

великой исторической роли силу. Такъ или иначе, но когда средняя Европа истощалась отъ междуусобной борьбы многочисленныхъ владѣтелей, Франція уже стояла во главѣ политическаго и духовнаго прогресса. Избытокъ силъ толкалъ ее къ широкой экспансивной политикѣ, театромъ которой являлась не только вся Европа, но и весь міръ. Сознаніе этого факта выразилось въ вѣрѣ, раздѣляемой всѣми французами, что Франція призвана сыграть особую роль. Короли называли французскій народъ «воиномъ Бога», Наполеонъ—«великой націей» *). Эта вѣра сохранилась и послѣ пораженія французовъ въ 1813 и 1815 г. Сенъ-симонисты проповѣдывали въ началѣ тридцатыхъ годовъ «великую миссію Франціи быть во главѣ цивилизаціи» **). Демократы эпохи второй имперіи называли французскую націю «солдатомъ права»—слова, встрѣчаемыя часто и въ воззваніяхъ современныхъ французскихъ радикаловъ.

Это политическое и духовное первенство Франціи охотно признавалось и иностранцами. Еще въ XVIII столѣтіи голландскій юристъ Гроцій называлъ Францію «самымъ блаженнымъ царствомъ, послѣ царства небеснаго». Демократы всѣхъ странъ прислушивались къ голосу гальскаго пѣтуха, а Гейне называлъ Парижъ «Меккой революціонеровъ». Короли и тѣ не могли не высказывать своего благоговѣнія передъ геніемъ Франціи. Извѣстно, что когда союзныя войска вступили въ Парижъ въ 1813 году, Александръ I не скупился въ выраженіяхъ своихъ симпатій къ французамъ, въ чемъ, кромѣ политическихъ разсчетовъ, которыми онъ могъ руководиться, нельзя не видѣть и проявленія искренняго уваженія къ французской культурѣ, распространившейся по всей просвѣщенной Европѣ.

Въ чемъ должна была проявиться эта признаваемая всѣми особая миссія Франціи?

Каждый французъ, принимавшій сознательное участіе въ политической жизни своей страны, долженъ былъ опредѣлить свои отношенія къ чужимъ народамъ, такъ какъ каждый его поступокъ въ силу особаго положенія Франціи, неизбѣжно отражался въ томъ или иномъ смыслѣ, на всемъ человѣчествѣ. Различныя группы французовъ разно рѣшали этотъ вопросъ. Начнемъ со стараго режима.

Короли и аристократія стремились къ военной славѣ, къ территоріальнымъ завоеваніямъ и вообще къ матеріальной добычѣ. Высшаго развитія королевскій милитаризмъ и націонализмъ достигъ при Людовикѣ XIV, написавшемъ подъ солнцемъ своего герба гордыя слова «Nec pluribus impar». Правда, среди аристократовъ находились люди, какъ Лафайетъ, Сенъ-Симонъ, ѣхавшіе сражаться за освобожденіе Америки. Но ихъ туда влекло не столько увлеченіе свободой, сколько

*) Aulard. «Histoire politique de la Révolution française», P. 1901, p. 691.
**) Ив. Ивановъ. «Сенъ-Симонъ и сенъ-симонизмъ». Москва. 1901, стр. 694.

исканіе приключеній. Можно указать еще на другой фактъ, требующій однако оговорки, а именно на проектъ Генриха IV о европейской федераціи. Говорятъ, что двѣнадцать королей изъ пятнадцати, «excepte celui de la Moscovie», которую Генрихъ выдѣлялъ изъ союза, дали уже свое согласіе, когда кинжалъ Равальяка положилъ конецъ жизни миролюбиваго короля *). Оговорка которую слѣдуетъ сдѣлать къ этому проекту, та, что въ немъ Франціи удѣлялось первое мѣсто, и Европа въ сущности становилась вассальнымъ государствомъ французскаго короля. Кромѣ того, это была федерація королей, а не народовъ, политическое положеніе которыхъ оставалось попрежнему.

Настоящихъ представителей гуманитарныхъ идей нужно искать среди философовъ. Изъ нихъ слѣдуетъ выдѣлить католическихъ теологовъ, Фенелона и другихъ, ожидавшихъ вѣчный миръ отъ благодати католической религіи, если она распространится на все человѣчество. Энциклопедисты, наоборотъ, ждали его отъ просвѣщенія и взаимнаго пониманія интересовъ. Они первые начали употреблять слово «человѣчество», какъ понятіе о коллективности, имѣющее тѣ же интересы по всѣмъ географическимъ широтамъ и долготамъ. Не отрицая королевской власти, которой наоборотъ они хотѣли пользоваться для своихъ цѣлей, философы требовали уничтоженія сословныхъ различій, создающихъ между людьми искусственныя раздѣленія. «Я думаю,—пишетъ Даламберъ Фридриху Великому,—что форма правленія имѣетъ второстепенное значеніе,—достаточно только, чтобы всѣ граждане имѣли одинаковое право на его покровительство, и чтобы они одинаково подчинялись законамъ» **). Другой энциклопедистъ Гельвецій раздѣляетъ все человѣчество на двѣ категоріи—«oppresseurs» и «opprimés», а Дидро кладетъ въ уста Рамо слѣдующія слова: «Отечество?—суета. Нѣтъ больше отечества. Отъ одного полюса до другого я вижу только тирановъ и рабовъ» ***). Своей поѣздкой въ Россію давать совѣты Екатеринѣ для благоустройства страны Дидро доказалъ, что его дѣйствительно одинаково интересуетъ благо всѣхъ народовъ; того же мнѣнія и Руссо, швейцарецъ по рожденію, жившій во Франціи и писавшій политическую конституцію Корсикѣ.

Философы, высказывавшіеся противъ войны и милитаризма,—Дидро, а, главное, Седэнъ, пишутъ драмы, въ которыхъ они восхваляютъ купцовъ и буржуазію, противопоставляя ея мирныя добродѣтели воинственнымъ инстинктамъ аристократіи.

Каково было настроеніе самой массы? Буржуазія была на сторонѣ философовъ, а простой народъ былъ вообще чуждъ гуманитаризма и

*) Pierre Mieille «Patriotisme et internationalisme». «Revue des Revues», 15 Juin, 1900, p. 558.

**) «Edition Preuss., XXIV, p. 49 (Ducrot. «Les Encyclopedistes».

***) «Neveu de Rameau» (Diderot. «Oeuvres», ed. de 1875, t V, p. 423).

націонализма. Какъ извѣстно, тогдашнее французское войско состояло изъ наемныхъ солдатъ, такъ что народъ чувствовалъ непосредственно гнетъ милитаризма только тогда, когда военныя дѣйствія переносились на французскую территорію, или когда огромные налоги уничтожали совсѣмъ его матеріальное благосостояніе. Онъ еще не понималъ причинной связи политическихъ явленій и, главное, не думалъ, что изъ этого положенія можетъ быть выходъ.

Событія, начавшіяся въ 1789 году, коренньмъ образомъ измѣнили міровоззрѣніе народа, сдѣлали его причастнымъ къ внѣшней политикѣ страны, поставивъ его въ такое положеніе, при которомъ пришлось сдѣлать выборъ между націонализмомъ и гуманитаризмомъ.

III.

Первые годы французской революціи отличались сильной экзальтаціей патріотическаго чувства массы. Слово «патріотъ» сдѣлалось любимой кличкой конституціоналистовъ и революціонеровъ. Его употребляютъ въ своихъ воззваніяхъ: учредительное собраніе, парижская коммуна и политическіе клубы. Другое слово, появившееся тоже тогда, было слово «нація».

Однако патріотизмъ дѣятелей этой эпохи не только не приводилъ къ узкому націонализму, но являлся первой ступенью къ болѣе широкому идеалу гуманитаризма. «Патріотизмъ не долженъ имѣть другихъ границъ, кромѣ границъ міра», говорилъ Дантонъ 26-го іюня 1790 г. въ годовщину клятвы третьяго сословія *). Любовь къ націи сливалась съ любовью къ человѣчеству. Это и понятно, такъ какъ, признавая *естественное равенство людей*, національное собраніе этимъ самымъ признавало естественное равенство народовъ.

Понятія «патріотъ» и «нація» имѣли глубокій политическій смыслъ. «Нація» являлась обобщающимъ началомъ, противополагаемымъ средневѣковому раздѣленію народа на сословія, равно какъ начало «единая и нераздѣльная республика» противопоставлялась «федерализму»—этой новой формѣ стараго раздѣленія Франціи на провинціи. Въ дореволюціонной Франціи положеніе каждаго француза опредѣлялось его принадлежностью къ тому или другому сословію, къ той или другой провинціи. Отсюда и существовавшее тогда политическое неравенство. Франція эпохи революціи стала признавать только права, равныя для всѣхъ французовъ, исходя изъ того, что они всѣ принадлежатъ къ той же націи и живутъ на одной территоріи. Такимъ образомъ, патріотизмъ означалъ не что иное, какъ равенство.

Гуманитарный идеалъ легъ въ основу резолюціи о внѣшней поли-

---

*) Какъ извѣстно, 26-го іюня 1789 года депутаты третьяго сословія, собравшись въ залѣ Jeu de Paume, дали торжественную клятву не расходиться, пока Франціи не будетъ дана конституція.

тикѣ Франціи, принятой по предложенію Волнея въ 1789 году. Она является настоящимъ кодексомъ международныхъ отношеній, дышавшимъ самымъ благороднымъ идеализмомъ. Кромѣ признанія «солидарности человѣческаго рода, составляющаго одно общество, цѣль котораго—миръ и счастье всѣхъ и каждаго изъ его членовъ», резолюція національнаго собранія объявляетъ неотъемлемымъ правомъ каждаго народа—жить независимо и распоряжаться самому своей судьбой и высказывается, наконецъ, рѣшительно противъ всякихъ завоевательныхъ войнъ. «Національное собраніе установило и устанавливаетъ, какъ членъ французской конституціи, что нація съ этого момента не позволяетъ себѣ предпринять никакой войны, клонящейся къ увеличенію ея теперешней территоріи». Война допускается только въ случаѣ самозащиты страны. Таковъ былъ гуманитарный идеалъ французской націи. Быть патріотомъ значило быть привязаннымъ къ этому идеалу, быть готовымъ отдать послѣднюю каплю крови для его осуществленія. Такой идеалъ не только не противорѣчилъ прогрессивнымъ интересамъ народовъ, но вполнѣ совпадалъ. Французскій патріотизмъ былъ всечеловѣческимъ, и интересы всего человѣчества были французскими. Передовые люди всѣхъ странъ съ восторгомъ привѣтствовали появленіе зари свободы и мира и желали Франціи всякаго успѣха, даже противъ войскъ своихъ королей. Жившіе въ Парижѣ иностранцы устроили наканунѣ вышеупомянутой годовщины клятвы третьяго сословія торжественное празднество, извѣстное подъ именемъ *шествія народностей*. Во главѣ многочисленныхъ депутатовъ шелъ Анахарсисъ Клоцъ, нѣмецкій философъ и будущій членъ конвента. Обращаясь къ національному собранію, онъ произнесъ слѣдующую коротенькую рѣчь: «Голосъ трубы, возвѣстившей воскресеніе великаго народа, раздался въ четырехъ концахъ міра, и радостныя пѣсни хора изъ двадцати пяти милліоновъ свободныхъ людей разбудили погруженныхъ въ рабство народовъ. Какой урокъ для деспотовъ, какое утѣшеніе для злосчастныхъ народовъ, когда они узнаютъ, что первая нація Европы, собравъ свои знамена, даетъ намъ сигналъ счастья Франціи и всего міра!» *).

Господство гуманитарныхъ принциповъ во внѣшней политикѣ Франціи продолжалось только первые три или четыре года революціи. Послѣ этого послѣдовала націоналистская и милитаристская реакція, крайнимъ выразителемъ которой сталъ Наполеонъ.

IV.

Національное собраніе было самаго миролюбиваго настроенія. Какъ оно, такъ позже и законодательное собраніе, такъ и Конвентъ, по своей инициативѣ не предприняли бы ни одной войны. Дѣло измѣни-

*) Georges Goyan. «Patriotisme et Humanitarisme» (R. de deux Mondes), 15 Juillet, 1900).

лось, когда монархи Европы, чтобы задушить «стоглавую гидру»—революцію, бросились на Францію. Такъ начались тѣ кровавыя войны, которыя длились двадцать пять лѣтъ, превративъ Францію въ военный лагерь, а поля Европы отъ Москвы до Парижа въ пространную гробницу. Продолжительное военное положеніе отразилось на судьбѣ гуманитаризма и на духѣ самого французскаго народа. Миновало старое время, когда войны велись наемными солдатами и мало касались націи. Теперь она вся, въ лицѣ своей молодежи, принимала участіе въ нихъ, и ядъ милитаризма отравлялъ самыя воспріимчивыя и свѣжія силы страны. Центръ тяжести общественной жизни Франціи изъ внутреннихъ гражданскихъ интересовъ, перешелъ къ интересамъ внѣшнимъ и военнымъ. Вмѣсто «голоса разума», французскіе граждане привыкли вслушиваться въ шумъ пушечныхъ орудій, вмѣсто чтенія деклараціи правъ человѣка—въ чтеніе капитуляціи сдавшихся непріятельскихъ крѣпостей. «Республики живутъ добродѣтелью, монархіи—честью и военной славой». Такъ говорилъ Монтескьё. Французскіе республиканцы, обмѣнявшіе свои гражданскія добродѣтели на военную славу, этимъ самымъ подготовляли возстановленіе монархіи въ ея самой худшей формѣ: военной диктатурѣ Бонапарта.

Дѣятели конвента уже предвидѣли опасныя послѣдствія постоянныхъ войнъ и предупреждали массы не увлекаться милитаризмомъ. «Воинственные народы дѣлаются рабами», говорилъ членъ конвента Біо Варенъ *).

Чтобы предохранить страну отъ военной диктатуры или «стратократіи», какъ ее называлъ тотъ же Біо Варенъ, конвентъ назначилъ среди своихъ же членовъ гражданскихъ коммиссаровъ, которые должны были слѣдить за дѣйствіями генераловъ. Но логика вещей была сильнѣе предохранительныхъ совѣтовъ и мѣръ. Кромѣ того, самъ конвентъ, часто забывая гуманитарную резолюцію національнаго собранія, вдохновлялся правилами «à la guerre, comme à la guerre».

Когда Бонапартъ сдѣлался полновластнымъ хозяиномъ страны, онъ возвелъ милитаризмъ въ національный культъ. Онъ обставлялъ свои походы небывалымъ торжествомъ, чтобы поразить воображеніе солдатъ и толпы. Каждая его побѣда возвѣщалась парижанамъ колокольнымъ звономъ и канонадой изъ пушекъ во дворѣ церкви Инвалидовъ. «Бюллетени побѣдоносной арміи», редактированны часто самимъ Бонапартомъ, распространяли славу французскаго оружія и подвиги французскихъ солдатъ до послѣдней горной хижины; ими Бонапартъ наводнялъ не только Францію, но и всю Европу. Нарочно составленный катехизисъ сѣялъ сѣмена національной вражды и прививалъ культъ императора въ сердцахъ мальчиковъ еще на ученическихъ скамьяхъ.

*) A. Aulard etc., p. 308.

Бонапартъ бралъ въ солдаты пятнадцатилѣтнихъ мальчиковъ, и сдѣлалъ изъ французской націи пушечное мясо. Еще больше онъ считалъ таковыми несчастныхъ иностранцевъ, которыхъ судьба опредѣлила стать его союзниками. Во время сраженія Наполеонъ ставилъ ихъ въ самыя опасныя мѣста. «Французы не могутъ на меня жаловаться, говорилъ онъ Меттерниху, послѣ похода въ Россію. Чтобы ихъ уберечь, я жертвовалъ нѣмцами и поляками. Въ войнѣ съ Россіей я потерялъ триста тысячъ человѣкъ, но среди нихъ врядъ ли наберется тридцать тысячъ французовъ» *). Такое отношеніе возбуждало среди другихъ народовъ, и особенно среди нѣмцевъ, ненависть къ Франціи, а у французовъ вмѣстѣ съ національнымъ тщеславіемъ развилось презрѣніе къ иностранцамъ.

Среди всеобщей горячки взаимнаго истребленія безъ милости и безъ пощады историкъ съ удовольствіемъ останавливается на фактахъ, къ сожалѣнію, очень рѣдкихъ, свидѣтельствующихъ, что гуманитарныя идеи тогда не совсѣмъ исчезли. Эти нѣсколько единичныхъ случаевъ касаются массоновъ. Какъ извѣстно, любовь къ человѣчеству входитъ въ уставъ массонскаго общества. Массоны, безъ различія вѣры и народностей, обязаны были помогать другъ другу въ случаѣ несчастья. Исторія наполеоновскихъ войнъ даетъ нѣсколько примѣровъ, когда офицеръ, бросившись ожесточенно на своего врага, опускалъ саблю, узнавъ, что онъ массонъ. Такіе случаи произошли въ сраженіяхъ при Аустерлицѣ, Москвѣ, Березинѣ, Ватерлоо. Конечно, эти единичные случаи не уменьшали ужаса тогдашнихъ войнъ и не ослабляли страшную національную ненависть, вызванную походомъ Наполеона.

V.

Этому фатальному человѣку, слава котораго стоила такъ дорого Франціи и всему человѣчеству, было суждено мучить свою страну и послѣ смерти. Онъ оставилъ ей печальное наслѣдіе: свою легенду. Историки и поэты посвящали памяти императора лирическія произведенія, а бывшіе солдаты великой арміи своими разсказами распространяли его славу по всей Франціи. Народъ забылъ страшный гнетъ наполеоновскаго режима, забылъ многочисленныя жертвы, имъ принесенныя богу войны, и вспоминалъ только его побѣды и подвиги. Ореолъ славы корсиканскаго выскочки не давалъ покоя и его преемникамъ. Людовикъ XVIII предпринялъ испанскую кампанію, чтобы придать своему царствованію военный блескъ; Луи-Филиппъ искалъ въ завоеваніи Алжира того, что его предшественникъ искалъ въ Испаніи; экспансивная политика встрѣчала поддержку даже среди либераловъ. Особенно горячаго защитника она нашла въ лицѣ Тьера, прозваннаго

*) Metternich. «Mémoires» etc. t. I, p. 152.

въ шутку «штатскимъ Наполеономъ». По его инициативѣ были привезены останки императора съ острова св. Елены, и среди празднествъ и церковныхъ молебновъ его погребли въ соборѣ Инвалидовъ. Все это поддерживало въ массѣ культъ Наполеона и приготовляло почву для возстановленія имперіи.

Съ относительной политической свободой, наступившей послѣ паденія Наполеона I, возродился постепенно и гуманитаризмъ. Борьба грековъ за независимость встрѣтила горячее сочувствіе у французовъ, выразившееся не только въ основаніи по всей странѣ филэллинскихъ комитетовъ, но и въ военномъ вмѣшательствѣ Франціи вмѣстѣ съ Англіей и Россіей. Правительство Карла X преслѣдовало этимъ династическіе интересы, тогда какъ масса и ея передовые представители видѣли въ помощи данной, борющейся за свою независимость націи, практическое приложеніе началъ французской революціи. Не менѣе живое сочувствіе встрѣтили во Франціи народныя движенія начала тридцатыхъ годовъ въ Германіи, Италіи, Бельгіи и Польшѣ.

Кромѣ того, въ литературѣ началась борьба противъ наполеоновскаго культа. Сюда слѣдуетъ отнести стихи Барбье и книгу Альфреда де-Виньи «Servitude et grandeur militaire». Барбье клеймилъ могучими ямбами «стараго и унылаго плѣнника Священнаго союза», могильщика французской республики. Де-Виньи, бывшій офицеръ, указывалъ на развращающія послѣдствія наполеоновскаго милитаризма и на рабскіе инстинкты, которые онъ прививалъ въ народѣ.

Высшую степень развитія гуманитарный и антимилитарный духъ достигъ въ 1848 году, съ провозглашеніемъ второй республики. Демократамъ Франціи и всей Европы казалось, что снова наступили лучшіе моменты первой революціи. Въ конституцію 1848 года было внесено принятое еще національнымъ собраніемъ въ 1789 году постановленіе, запрещающее Франціи, какія бы то ни было завоевательныя войны. Улицы Парижа опять увидали *шествіе народовъ*, во главѣ которыхъ были нѣмцы съ развернутымъ знаменемъ. Шествіе остановилось на площади Магдалины, гдѣ Мишле отъ имени Франціи привѣтствовалъ пламенной рѣчью депутатовъ всѣхъ странъ и въ частности Германіи.

Европа была теперь больше, чѣмъ въ 1789 году, подготовлена послѣдовать примѣру Франціи. Февральское возстаніе въ Парижѣ дало сигналъ подобнымъ движеніямъ въ Германіи, Австріи, Венгріи и Италіи. Казалось, близокъ часъ осуществленія республиканскаго идеала соединенія народовъ въ одну политическую федерацію. Ораторы и писатели привѣтствовали восторженно наступленіе эры мира и братства. «Мы тоже сдѣлаемся историческими дѣятелями,—писалъ молодой республиканецъ Жанъ Масе въ своей брошюрѣ «Les Vertus d'un Republicain».—Вѣтеръ, поднявшійся надъ Франціей, унесетъ за горы и рѣки плодородныя сѣмена, изъ которыхъ возникнутъ республики. Мы

тоже покоримъ міръ, не покидая своихъ женъ и дѣтей, и если иностранецъ покажется подъ нашими стѣнами, онъ придетъ съ оливковой вѣткой въ рукѣ, чтобы отпраздновать вмѣстѣ спасеніе человѣчества». Такъ говорилъ будущій основатель лиги образованія, а на всемірномъ конгрессѣ мира, созванномъ въ Парижѣ въ 1849 году, предсѣдатель его Викторъ Гюго привѣтствовалъ Американскіе Соединенные Штаты отъ имени «Европейскихъ Соединенныхъ Штатовъ». Но гуманитаризмъ долженъ былъ еще разъ потерпѣть крушеніе; осуществленіе европейской федераціи снова было отложено на долгій срокъ.

VI.

«Имперія—миръ», говорилъ Наполеонъ III въ Бордо; въ сущности оказалось, что имперія—война. Будучи еще президентомъ республики, онъ отправилъ французскія войска усмирить возстаніе папской области и возвратить престолъ Пію IX, хотя эта война была противна буквѣ и духу конституціи. Сдѣлавшись императоромъ, подъ покровительствомъ легенды своего дяди, Наполеонъ III тоже долженъ былъ пойти по пути милитаризма. Проявленіемъ этой политики были: участіе Франціи въ Крымской кампаніи, итальянская война, новая римская экспедиція въ интересахъ папства, колоніальная экспедиція въ Китай и Мексику и, наконецъ, франко-прусская война.

Первая, какъ и вторая имперіи жили войнами: отъ войны и погибли. Тѣмъ не менѣе во внѣшней политикѣ двухъ эпохъ есть извѣстная разница. Наполеонъ I не скрывалъ своихъ честолюбивыхъ замысловъ, да и никто не рѣшался его объ этомъ спрашивать. Такая смѣлая политика была не по силамъ и способностямъ «Наполеона маленькаго», и онъ долженъ былъ прибѣгать ко всякимъ предлогамъ, не исключая и гуманитаризма. Онъ увѣрялъ французовъ, что итальянская кампанія предпринимается для объединенія Италіи. «Только одна Франція способна воевать за идею», говорилъ онъ тогда*). Въ своихъ рѣчахъ въ парламентѣ онъ объявлялъ, что Франція желаетъ независимости *національностей*. Но насколько настоящія цѣли Наполеона расходились съ его словами, можно убѣдиться по секретному договору, который онъ хотѣлъ заключить съ Бисмаркомъ въ 1865 году для присоединенія Бельгіи къ Франціи.

Масса поддавалась двуличной политикѣ Наполеона III; выдающіеся же представители республиканской партіи отлично ее понимали и больше чѣмъ когда-либо боролись противъ милитаризма.

Мѣстомъ этой борьбы была литература, собранія, массонскія ложи и парламентъ, когда туда проникли республиканскіе депутаты. Наполеоновская легенда, которую эксплоатировалъ новый императоръ,

---

*) Emile Ollivier. «Napoleon III et la Campagnie d'Italie» («R.de Deux Mondes», I, Mai, 1899).

нашла безжалостныхъ критиковъ въ историческихъ сочиненiяхъ Шараса, Ланфре, въ рѣчахъ Барни, Гамбетты и другихъ республиканскихъ дѣятелей.

Проповѣдь противъ войны и милитаризма была одной изъ задачъ массонства. По инициативѣ массона Сантаэ былъ основанъ въ 1867 году *французскiй союзъ мира*, съ цѣлью выработки международнаго кодекса. Это общество и созвало въ Женевѣ 5-го мая того же года первый международный конгрессъ мира, подъ предсѣдательствомъ французскаго изгнанника-республиканца Барни, профессора въ Женевѣ и переводчика *трактата о международномъ мирѣ* Канта. На знамени, поставленномъ на трибунѣ, была сдѣлана слѣдующая надпись: «*Ubi libertas, ibi Patria*». Ораторы всѣхъ странъ чередовались и, между прочимъ, Гарибальди. Слѣдующiй конгрессъ происходилъ въ Лозаннѣ подъ предсѣдательствомъ Виктора Гюго, а 15-го iюля 1870 года, наканунѣ самой войны, делегаты лиги мира собрались въ послѣднiй разъ въ Базелѣ. Тамъ было прочитано характерное во многихъ отношенiяхъ письмо французскаго республиканца Эжена Пельтана. «Она уже объявлена, эта война, —писалъ Эженъ Пельтанъ, отецъ извѣстнаго теперешняго радикальнаго дѣятеля Камила Пельтана. Эта война не что иное, какъ кровью написанный post-scriptum къ плебисциту. Противъ войны нужно бороться, и наше поле битвы должно быть полемъ мира и свободы... Часть демократической прессы и парламентской оппозицiи поддалась шовинистическимъ наущенiямъ, но цѣль наша, гуманитаристовъ, какъ съ той, такъ и съ другой стороны Рейна, должна быть свобода и братство народовъ. Если бы управляли народы, они не воевали бы теперь въ выгодахъ и интересахъ однѣхъ династiй».

Еще въ 1835 году де-Виньи требовалъ замѣны постоянныхъ войскъ народной милицiей, что неизбѣжно должно было приблизить человѣчество къ тому времени, «когда не будетъ больше ни войска, ни войнъ, когда весь земной шаръ будетъ населять одна единая нацiя» *)! То же требованiе уничтоженiя постояннаго войска и его замѣны народной милицiей входило и въ программу республиканцевъ второй имперiи. «Мы требуемъ сокращенiя постояннаго войска, — говорилъ Гамбетта въ Бельвилѣ, парижскомъ кварталѣ, откуда онъ былъ выбранъ депутатомъ,—потому что оно разстраиваетъ финансы государства, экономическое благосостоянiе страны и является источникомъ международной ненависти и гражданскихъ войнъ». Не разъ Жюль Симонъ, отъ имени своихъ республиканскихъ коллегъ, дѣлалъ то же предложенiе въ законодательномъ собранiи. Двадцать пять лѣтъ спустя, извѣстный клерикалъ и монархистъ де-Вогюэ писалъ о республиканцахъ второй имперiи: «Вслѣдствiе ихъ гуманитаризма или ихъ отцеубiйственныхъ склонностей, наши риторы проповѣдывали разоруженiе, нацiональную

*) De-Vigny etc., p. 5.

гвардію. Они убивали французскую армію, чтобы убить имперію. Исторія потребуетъ у нихъ отчета» *).

Однако, во французскомъ пораженіи 1870 года повинны были не республиканцы, а милитаризмъ и его защитники. Война была объявлена для укрѣпленія династіи Наполеона III. «Мнѣ нужна эта война— это моя война», говорила императрица Евгенія. Съ другой стороны, постоянное отравленіе массы наполеоновской легендой и успѣхами французскихъ войскъ въ Крыму, Италіи, Мексикѣ и Китаѣ развило у французовъ самоувѣренность, что никто не въ состояніи побѣдить Франціи. «Прусская армія! Намъ стоитъ только дунуть на нее», говорилъ министръ Эмиль Оливье. Республиканцы тоже раздѣляли это самообольщеніе. Они протестовали противъ войны по гуманитарнымъ и политическимъ соображеніямъ, а не потому, что сомнѣвались въ ея благополучномъ для Франціи исходѣ. Когда рѣдкіе люди, какъ Тьеръ, знавшіе хорошо Пруссію, предупреждали французовъ, ихъ встрѣчали свистками. Рѣчь Тьера въ законодательномъ собраніи была прерываема бѣшенными криками: «Вы антипатріотическая труба пораженія! Отправляйтесь въ Кобленцъ! Намъ не нужно вашихъ уроковъ! Сохраните ихъ для васъ!».

Объявленіе войны поставило гуманитаристовъ, находившихся въ законодательномъ собраніи, передъ трудной дилеммой. Должны ли были они подать голосъ за кредиты, которые требовало правительство въ виду войны, или нѣтъ? Подать голосъ—это значило высказать косвенно одобреніе милитаризму, а голосованіе противъ кредитовъ могло быть истолковано, какъ выраженіе сочувствія къ чужеземному врагу. Нѣкоторые республиканцы, между ними Жюль Греви, Эженъ Пельтанъ, Жюль Фавръ, Араго, Эскироссъ и другіе, выбрали среднее и единственное достойное поведеніе—воздержаніе отъ голосованія. Какъ извѣстно, въ то же самое время точно также поступили нѣмецкіе соціалъ-демократы: Либкнехтъ, Бебель и ихъ товарищи въ германскомъ рейхстагѣ. Другіе республиканцы, о которыхъ упоминаетъ съ сожалѣніемъ Эженъ Пельтанъ въ вышеприведенномъ письмѣ къ базельскому конгрессу мира, увлеклись шовинистическимъ духомъ и голосовали за кредиты. Такъ поступилъ, между прочимъ, и Гамбетта. Онъ дошелъ даже до того, что предложилъ въ законодательномъ собраніи высылку всѣхъ нѣмцевъ изъ Парижа.

Послѣ паденія Наполеона III и провозглашенія республики, война приняла совсѣмъ другой характеръ: она сдѣлалась войной для защиты свободы и республики. Патріотизмъ и гуманитаризмъ опять примирились, какъ въ первые годы великой революціи. Этимъ духомъ было проникнуто все движеніе коммуны, преслѣдовавшее одновременно освобожденіе Франціи отъ иноземнаго нашествія и установленіе новаго

---

*) M. de-Vogüé, «Souvenirs de 1870 (R. de deux Mondes» 1 sept., 1895).

общественнаго и политическаго режима. Побѣда надъ нѣмцами не являлась больше чисто французскимъ дѣломъ, а дѣломъ всего человѣчества. Этимъ и объясняется тотъ страшный подъемъ патріотическаго духа парижской массы, о которомъ свидѣтельствуютъ современники той эпохи. «Я слышалъ людей, — говорилъ Жюль Ферри предъ слѣдственной коммиссіей по событіямъ коммуны,—которыхъ считаю вполнѣ серьезными и разсудительными,—заявлявшихъ, что самое лучшее, что оставалось дѣлать, это дать убить себя, своихъ женъ и дѣтей и сжечь свои дома, чѣмъ сдаться непріятелю».

VII.

Отдача Эльзасъ-Лотарингіи Германіи и пораженіе коммуны вызвало во Франціи реакцію милитаризма и націонализма, продолжающуюся и въ наше время. Исключительная причина, вызвавшая этотъ новый націонализмъ, сказывается въ его особомъ характерѣ. До сихъ поръ французскій націонализмъ имѣлъ характеръ экспансивный, веселый, оптимистическій, Франція чувствовала въ себѣ избытокъ силъ, матеріальныхъ и духовныхъ, и искала широкое поле дѣятельности для ихъ приложенія. И если въ однихъ случаяхъ эта политика приводила къ печальнымъ результатамъ для всего человѣчества, то въ другихъ,— когда во главѣ Франціи находилось демократическое правительство,— она дѣйствовала въ интересахъ всего человѣчества.

Націонализмъ, наступившій послѣ франко-прусской войны, имѣлъ совсѣмъ другой характеръ. Это былъ націонализмъ узкій, мрачный, пессимистическій, націонализмъ, отдѣлявшій Францію отъ остального міра, націонализмъ, допускающій коренное противорѣчіе между ея интересами и интересами остального человѣчества. «Довольно Франціи думать о другихъ, пора ей подумать о себѣ», такъ писалъ нѣсколько лѣтъ тому роялистскій *Gaulois*. Въ устахъ реакціонеровъ этотъ языкъ не удивителенъ, но такимъ узкимъ націонализмомъ прониклись и республиканцы. Они начали каяться въ своемъ гуманитаризмѣ и вмѣстѣ съ Сюли Прюдомомъ вспоминали съ сожалѣніемъ о прошломъ, когда они, словами Шиллера, называли себя «гражданами міра», когда они были готовы полюбить «любую страну, гдѣ царствуетъ миръ и право, гдѣ улыбаются искусство и красота».

Поль Беръ, извѣстный физіологъ и ярый антиклерикалъ, умершій губернаторомъ Индокитая, обращается къ союзу французской молодежи съ рѣчью, въ которой онъ говоритъ своимъ слушателямъ, «чтобы они остались французами по своимъ національнымъ чувствамъ, чтобы они любили свое дорогое отечество, любовью *пламенной, исключительной, шовинистической*». Онъ же, въ качествѣ министра народнаго просвѣщенія, даетъ премію шовинистическому памфлету, книгѣ солдата-ученика, гдѣ, въ лицѣ одного аптекаря, несчастный защитникъ космопо-

литизма побивается побѣдоносными аргументами второго собесѣдника—офицера. Слово «человѣчество» больше не слышно, а только—Франція. Больше рѣчь не идетъ о братствѣ народовъ, а только о національной чести. «Возстановленіе національной чести» стало высшею цѣлью каждаго француза. Ей должны уступить всѣ другія соображенія политическаго и общественнаго характера. Путемъ къ этой цѣли является «война для *отомщенія*» (revanche). Эта идея сдѣлалась навязчивой—съ такой силой она выступаетъ во всѣхъ дѣйствіяхъ французовъ. Но кто же отомститъ за пораженіе, кто возстановитъ честь отечества, если Франція не будетъ имѣть могучей арміи, хорошо вооруженной самыми усовершенствованными орудіями и воспитанной въ самой строгой военной дисциплинѣ? Милитаризмъ сдѣлался, такимъ образомъ, единственнымъ упованіемъ страны, а солдаты лучшимъ олицетвореніемъ ея идеала.

Такъ говорилъ Деруледъ, въ своемъ сборникѣ стихотвореній «Les *chants du soldat*», появившемся скоро послѣ войны. Эта посредственная, съ художественной точки зрѣнія, книжонка имѣла необыкновенный успѣхъ, потому что она отвѣчала настроенію французовъ. Еще теперь стихи эти декламируются и распѣваются въ кафе-шантанахъ и кабакахъ, призывая къ мщенію возбужденнаго абсентомъ и пивомъ, близостью друзей и женщинъ француза. Офицеры, которыхъ во время второй имперіи республиканцы называли презрительно «Culottes de peau», стали теперь идоломъ французскаго народа, готоваго пасть въ истерическомъ умиленіи при звукѣ военной трубы и топота кавалерійскихъ лошадей.

Тѣсно связанной съ національзмомъ является лига патріотовъ, замѣнившая въ жизни Франціи бывшую лигу мира. Лига патріотовъ основана въ 1882 году *). Ея главная цѣль—«согрѣть патріотизмъ французовъ». Въ ея уставѣ на первомъ мѣстѣ находятся слѣдующія слова: «Республиканецъ, бонапартистъ, орлеанистъ, легитимистъ—это только условныя имена, а патріотъ—ихъ настоящее имя». Въ лигѣ патріотовъ занесены имена всѣхъ республиканскихъ вождей. Викторъ Гюго высказываетъ ей свое сочувствіе письмомъ. «Мы—одного семейства, мы—одного отечества». «Если стоитъ жить—это только для Эльзасъ-Лотарингіи»—говоритъ Гамбетта Деруледу. «Учите великому дѣлу, проповѣдуйте священную войну, требуйте отнятыя провинціи, и черезъ годъ увидимъ»—были другія слова того же Гамбетты, подъ высшимъ покровительствомъ котораго лига начала свою дѣятельность. И она дѣйствительно проповѣдывала «священную войну». Лига устраивала гимнастическіе кружки, общества для обученія стрѣльбѣ, собранія, распространяла сотни тысячъ брошюрокъ и памфлетовъ. Одинъ

---

*) Свѣдѣнія о лигѣ патріотовъ мы беремъ изъ націоналистскаго журнала «Revue Hebdomadaire» (Paule Deroulède Raconte par lui même», № 6—9, 1900 г.).

Деруледъ впродолженiи четырехъ лѣтъ съ 1882 — 1886 г. былъ предсѣдателемъ 400 собранiй и основалъ 50 комитетовъ въ провинцiи.

Такъ подготовлялась почва для послѣдующихъ взрывовъ нацiонализма.

VIII.

Отнятiе двухъ провинцiй было величайшимъ насилiемъ, и французы никакъ не могли забыть его, не потерявъ въ своихъ собственныхъ глазахъ и въ глазахъ человѣчества права на уваженiе. Но средство, выбранное ими для восторжествованiя справедливости, говоритъ больше объ ихъ болѣзненномъ самолюбiи, чѣмъ о пониманiи настоящихъ интересовъ Францiи и Эльзасъ-Лотарингiи. Ставить благополучiе эльзасцевъ въ зависимости отъ исхода будущей войны, значило основать французскую политику на чемъ-то очень неопредѣленномъ и проблематичномъ. Воинственная политика только истощала силы Францiи, приносила рѣшительный вредъ эльзасцамъ, вызвавъ для нихъ репрессалiи со стороны нѣмецкаго правительства, а самой республикѣ сулила нескончаемыя международная замѣшательства. Проповѣдуя священную войну, французскiе нацiоналисты шли навстрѣчу желанiямъ Бисмарка, который не прочь былъ бы воспользоваться какимъ-нибудь ничтожнымъ предлогомъ, чтобы снова побить Францiю и обезсилить ее еще на десятки лѣтъ. Цѣль Бисмарка была слишкомъ очевидна, чтобы ее не поняли французскiе нацiоналисты, но и шовинистскiя страсти у нихъ были слишкомъ возбуждены, чтобы они могли ихъ умѣрить.

Проповѣдь священной войны не замедлила обнаружить свои дурныя послѣдствiя. Воинственные инстинкты массы, при легкой воспламеняемости французскаго темперамента, дошли до крайняго предѣла, а такъ какъ священная война все не начиналась, масса направила свою месть на самую республику и на парламентскiя учрежденiя. Такъ подготовилась почва для перваго нацiоналистскаго взрыва — буланжизма.

Какъ извѣстно, генералъ Буланже былъ военнымъ министромъ въ теченiе двухъ лѣтъ 1886—1887 года. Въ его правленiе произошелъ франко-нѣмецкiй конфликтъ, вызванный арестомъ на нѣмецкой территорiи французскаго пограничнаго коммиссара Шнебеле. Война, которая чуть не вспыхнула за этимъ инцидентомъ, была предупреждена вмѣшательствомъ европейской дипломатiи, но французскiе нацiоналисты приписали честь этого успѣха генералу Буланже. Можетъ быть, это отчасти было и правда. Во всякомъ случаѣ, имя Буланже стало предметомъ ожесточенныхъ полемикъ въ нѣмецкой и французской печати, что дѣлало дальнѣйшее его пребыванiе въ министерствѣ опаснымъ

для мира. Кабинетъ Гобле, чтобы освободиться отъ Буланже, вышелъ въ отставку и былъ замѣненъ кабинетомъ Рувье.

Это дало поводъ первымъ буланжистскимъ манифестаціямъ. Министерство Рувье было встрѣчено криками: «Долой нѣмецкое министерство», а генералъ Буланже, предполагаемая жертва патріотизма, сталъ идоломъ націоналистовъ. Ему устраивали шумныя манифестаціи, самая знаменитая изъ которыхъ произошла въ день отъѣзда Буланже изъ Парижа на свой новый постъ корпуснаго генерала въ Клермонъ-Ферранъ. Когда карета генерала выѣхала изъ Отель-дю Луврь, громадная толпа, размѣстившаяся по тротуарамъ, бросилась на нее и остановила лошадей среди неискончаемыхъ криковъ: «Да здравствуетъ Буланже!» Больше десяти тысячъ человѣкъ начали пѣть извѣстную, составленную въ честь его, патріотическую пѣсню:

Il reviendra, quand le tambour battera,
Quand l'étranger menacera notre frontière;
Il sera là et chacun le suivra;
Pour cortège il aura la France entière и т. д.

Такая встрѣча ожидала Буланже по всей дорогѣ. На Ліонскомъ вокзалѣ толпа превосходила сто тысячъ человѣкъ. Буланже съ трудомъ добрался до своего вагона, но, чтобы уѣхать, онъ долженъ былъ прибѣгнуть къ хитрости. Такъ какъ весь поѣздъ былъ окруженъ народомъ, Буланже черезъ площадки вагоновъ добрался до локомотива и поѣхалъ на немъ. О дальнѣйшей исторіи буланжизма мы не будемъ говорить, намъ было достаточно указать, какъ націоналистская пропаганда самихъ республиканцевъ чуть не привела республику къ гибели. Во всѣхъ буланжистскихъ манифестаціяхъ главную роль играла лига патріотовъ, основанная первоначально республиканскими вождями.

Какова была психологія самихъ націоналистовъ, и какъ они смотрѣли на Буланже, показываютъ слѣдующія строки изъ націоналистскаго романа «Appel du soldat» Бареса. «Появилось новое настроеніе, которое можно назвать «національный духъ». Франція съ глазами, обращенными къ границѣ, ждала только знака изъ Парижа. Пусть оставятъ насъ въ покоѣ политическіе кружки, депутаты и вожаки партіи!.. Теперь единственный нашъ врагъ—иностранецъ, единственный глава—главнокомандующій арміи, тотъ, котораго города, деревни, казармы, мастерскія и затерянные по полямъ пастухи привѣтствуютъ криками: Да здравствуетъ Буланже!»

Новый взрывъ націоналистскихъ страстей произошелъ въ 1894 г., когда судили капитана Дрейфуса. Въ то время всѣ вѣрили въ его виновность, и самый фактъ возмущенія противъ его личности былъ вполнѣ понятенъ, но форма въ которой оно выразилось, показала, какую кровожадность успѣлъ развить націонализмъ во французской націи.

Громадная масса народа, толпившаяся по улицамъ, ведущимъ къ площади, гдѣ должно было произойти разжалованіе Дрейфуса, встрѣ-

тила появленіе послѣдняго несмолкаемыми криками «Смерть, смерть!» Когда Дрейфусъ, обращаясь къ присутствующимъ журналистамъ, сказалъ: «Сообщите, всей Франціи, что я невиненъ», на него посыпались со всѣхъ сторонъ свистки и площадная ругань. «Молчи злодѣй! Подлецъ! Іуда! Гнусный жидъ!» Въ отвѣтъ на слова Дрейфуса: «Вы не имѣете права меня ругать», изступленіе толпы превзошло всякія границы. «Комедіантъ! Гнусный жидъ. Смерть! Смерть!» *).

Съ дѣломъ Дрейфуса связанъ и послѣдній фазисъ развитія націонализма, переживаемый нами теперь. Когда началась агитація въ пользу пересмотра его процесса, Деруледъ, удалившійся на нѣкоторое время отъ политической жизни, снова пріѣхалъ въ Парижъ и воскресилъ лигу патріотовъ. Это произошло въ 1898 году. На собраніи въ залѣ Гинэ Деруледъ произнесъ длинную рѣчь, закончившуюся восклицаніемъ: «Священные штыки Франціи, вы не дадите себя побѣдить! Патріоты, подъ знамена!» Съ тѣхъ поръ лига патріотовъ стала опять активной силой въ политической жизни Франціи. По ея иниціативѣ устраивался цѣлый рядъ манифестацій во время различныхъ процессовъ, происходившихъ въ Парижѣ и въ Реннѣ.

Кромѣ этой лиги, находившейся подъ абсолютной властью Деруледа, основалось еще другое націоналистское общество: лига французскаго отечества, и обѣ одинаково возводятъ въ культъ исключительную любовь къ отечеству и арміи, но различаются въ политическихъ программахъ. Въ сущности лига французскаго отечества не имѣетъ опредѣленной политической цѣли. Въ составъ ея входятъ люди всѣхъ политическихъ партій: монархистской, республиканской, бонапартистской, и главное назначеніе лиги—защищать честь арміи и бороться противъ космополитизма.

Политическая программа лиги патріотовъ болѣе опредѣленная и болѣе сложная. Деруледъ и его друзья называютъ себя республиканцами *плебиситарами* и борятся противъ теперешняго парламентскаго режима, будто бы обезсиливающаго страну и отвлекающаго ее отъ завѣтной цѣли: мщенія. Нужно создать новую, болѣе стойкую власть, которая придала бы внѣшней и внутренней политикѣ Франціи единство и постоянство. Для достиженія этой цѣли, плебисцитары предлагаютъ усилить власть президента республики, а главное достичь того, чтобы онъ былъ выбираемъ народомъ. Благоразумные республиканцы считаютъ такую систему ведущей къ диктатурѣ одного лица, какъ это было въ 1849 году, но патріоты не прочь пожертвовать частью народныхъ правъ, лишь бы была сильная власть.

Чтобы перемѣнить конституцію въ желательномъ для нихъ смыслѣ, Деруледъ и его друзья прибѣгаютъ ко всѣмъ средствамъ, включая и нелегальныя.

---

*) Joseſh Reinach. «Affaire Dreifus» 1901, p. 564.

*

Еще во время буланжистскаго движенія лига патріотовъ хотѣла произвести государственный переворотъ. Часъ былъ назначенъ въ ночь 27-го января 1889 г., когда выборъ генерала Буланже депутатомъ Парижа доказалъ его громадную популярность. «Патріоты» съ Деруледомъ во главѣ находились въ Сенъ-Джонскомъ отелѣ по близости отъ Буланже и ждали только приказа послѣдняго, чтобы двинуться на Елисейскій дворецъ. Буланже, по причинамъ, о которыхъ мы не будемъ теперь распространяться, отказался отъ этого проекта, а когда въ сентябрѣ 1891 года онъ самъ предложилъ насильственный переворотъ, у лигёровъ не хватило силъ.

Извѣстно, что позже Деруледъ хотѣлъ воспользоваться замѣшательствомъ при похоронахъ Феликса Фора, въ январѣ 1899 года, чтобы исполнить свою мечту. По составленному заранѣе плану, онъ приблизился къ генералу Роже, который возвращался во главѣ своей бригады съ похоронъ Фора, взялъ его лошадь за узду, сказавъ ему: «Генералъ, пойдемте въ Елисейскій дворецъ. Народъ идетъ за нами!» Генералъ, очевидно, не довѣрялъ народному энтузіазму и предпочелъ взять съ собою Деруледа въ казармы.

До сихъ поръ мы касались политическихъ проявленій національма, но націоналисты пытаются дать своему движенію и теоретическую основу. Въ одномъ письмѣ Дюбюка, предсѣдателя націоналистской и антисимитской молодежи, выставлено нѣсколько теоретическихъ предпосылокъ, главная изъ которыхъ заключается въ утвержденіи расовой психологіи, т.-е., что каждый народъ имѣетъ извѣстныя врожденныя склонности. Однако, чтобы опредѣлить эти склонности, нужно, прежде всего, удалить изъ жизни даннаго народа всѣ чужеземныя вліянія. Въ началѣ XX столѣтія французскіе націоналисты пришли къ результату, противоположному республиканскому идеалу французской революціи. Дантонъ говорилъ, что патріотизмъ не долженъ имѣть другихъ границъ, кромѣ границъ міра,—теперешніе націоналисты твердятъ, что патріотизмъ—это возвращеніе къ тому узкому умственному кругозору, которымъ жила Франція въ первые моменты своей исторіи. Французскіе прогрессисты прошлаго любили въ своей дѣятельности то, что совпадало съ интересами человѣчества,—теперешніе націоналисты восхищаются только тѣмъ, что есть чисто французское, включая сюда и недостатки расы. Въ вышеупомянутомъ романѣ *Appel du Soldat* одинъ изъ героевъ, Ремерсшпахеръ, пишетъ изъ Германіи своему пріятелю: «Франція, о Франція! Я научился видѣть въ этомъ словѣ настоящую дѣйствительность, цѣлый рядъ историческихъ фактовъ, накопленныхъ силъ, извѣстное направленіе, накладываемое на наши дѣйствія въ виду извѣстной работы, полезной жизни индивидуумовъ и продолжительности рода. Мало сказать: «Люблю Францію». Послѣ восемнадцати мѣсяцевъ, я убѣдился, что качества и недостатки французовъ, составляютъ необходимую атмосферу для моей жизни». Это настоящая апологія упадка.

Націоналисты хотятъ превратить Францію, гордившуюся раньше своей ролью руководителя цивилизаціи, въ замкнутое государство, въ западный Китай. Тѣ изъ нихъ, которые хотятъ быть логичными, доходятъ даже до отрицанія французской революціи. «Одинъ законъ, — пишетъ въ «Outre-Mer» клерикалъ и націоналистъ Поль Бурже, — управляетъ жизнью народовъ и жизнью отдѣльныхъ личностей: «положенія сохраняются тѣми же условіями, которыя ихъ создали». Потому и мы должны искать все, что сохранилось отъ старой Франціи и привязаться къ нему всѣми силами нашего существа. Однимъ словомъ, мы должны систематически уничтожать убійственныя послѣдствія французской революціи».

IX.

До сихъ поръ мы касались проявленія и идеологіи французскаго націонализма. Теперь намъ остается опредѣлить, въ какой степени онъ проникаетъ въ различные слои французскаго населенія. Изъ вышеприведенныхъ фактовъ можно уже заключить, что націонализмъ во Франціи—движеніе всеобщее. Стихійнымъ характеромъ онъ въ особенности отличался непосредственно послѣ войны. «Часъ мщенія» казался всѣмъ близкимъ, всѣ говорили вмѣстѣ съ Гамбеттой «на будущій годъ увидимъ», всѣ готовились къ священной войнѣ. Теперь послѣ войны прошло тридцать лѣтъ, а со смерти Гамбетты двадцать, но и сегодня это чувство живетъ въ сердцахъ французовъ, хотя у всѣхъ оно не одинаково сильно. Съ теченіемъ времени въ извѣстныхъ слояхъ французскаго населенія появились новые интересы, новыя чувства, которыя если не задушили, то, во всякомъ случаѣ, ослабили націоналистскія страсти; въ другихъ слояхъ, наоборотъ, націоналистское чувство живетъ и при всякомъ удобномъ случаѣ выступаетъ наружу съ большой стремительностью.

Точныя границы между этими двумя категоріями трудно провести, тѣмъ болѣе, что существуютъ переходныя формы, гдѣ примиряется одновременно признаніе и отрицаніе націонализма.

Особенно сильно націоналистское движеніе въ расположенныхъ по близости Эльзасъ-Лотарингіи восточныхъ провинціяхъ. Парижъ тоже сильно проникнутъ націоналистическимъ духомъ. Это доказалъ выборъ Буланже въ 1889 году и успѣхи націоналистовъ въ муниципальныхъ выборахъ 1900 года*). На первый взглядъ это должно казаться очень страннымъ явленіемъ, имѣя въ виду, что Парижъ всегда былъ во главѣ гуманитарнаго движенія. Однако, новое настроеніе Парижа легко объяснится, если примемъ въ соображеніе, что въ сраженіяхъ при коммунѣ парижское населеніе потеряло лучшія свои силы. Статистика

*) Это доказала и побѣда націоналистовъ въ Парижѣ на послѣднихъ выборахъ въ текущемъ году.

показываетъ, что населеніе самыхъ передовыхъ кварталовъ Парижа уменьшилось во время этихъ сраженій въ четыре или пять разъ. Общую потерю Парижа за время осады и коммуны нужно считать, по меньшей мѣрѣ, въ 100.000 человѣкъ. Только въ такъ называемой кровавой майской недѣлѣ, которой заканчивалась коммунистическая эпопея, было 35.000 убитыхъ. А сколько было сослано въ Кайену, сколько эмигрировало за границу или въ провинцію! Такъ что составъ населенія Парижа очень измѣнился. Кромѣ того Парижъ потерялъ свое экономическое значеніе. Процвѣтавшая во время второй имперіи индустрія «Парижскихъ предметовъ» (les articles de Paris) значительно сократилась, такъ какъ тѣ же самые предметы стали производиться въ Германіи, и Парижъ сдѣлался скорѣе городомъ лавочниковъ и вообще мелкой буржуазіи, чѣмъ рабочимъ центромъ. Съ другой стороны, принадлежность къ рабочему классу вовсе не предполагаетъ гуманитарное стремленіе, наоборотъ, ничто легче не поддается стихійнымъ движеніямъ, какимъ было націоналистское, какъ масса бездомныхъ, всегда готовая увлекаться, если ее не удерживаетъ какой нибудь болѣе высокій общественный идеалъ. Соціальная пропаганда въ Парижѣ велась слабѣе, чѣмъ въ промышленныхъ центрахъ сѣверной и центральной Франціи, гдѣ она могла разсчитывать на болѣе скорый успѣхъ. Рабочіе слои куда еще не проникли начала соціальной науки, и теперь идутъ за націоналистами. Можно даже сказать, что только тамъ сохранился настоящій воинственный націонализмъ, что только тамъ думаютъ безъ заднихъ мыслей о «священной войнѣ». Иначе обстоитъ дѣло съ націонализмомъ буржуазіи и аристократіи. Для послѣднихъ это скорѣе демагогическій пріемъ—средство пропаганды реакціонныхъ идей. Тѣ же самые монархисты, которые теперь раздуваютъ страсти шовинизма, первые требовали въ 1871 году заключеніе мира съ Германіей съ отдачей Эльзасъ-Лотарингіи, тогда какъ крайнія радикальныя фракціи желали продолжать войну.

Націонализмъ монархистовъ и умѣренныхъ республиканцевъ продолжаетъ и теперь имѣть тотъ же двусмысленный характеръ. Съ одной стороны они возбуждаютъ шовинизмъ массы, такъ какъ это ведетъ къ усиленію милитаризма и къ выгодной для нихъ политической реакціи, съ другой стороны, они не хотятъ войны, послѣдствія которой отразились бы плохо на ихъ матеріальныхъ интересахъ. Очень характеренъ фактъ, констатированный авторами всѣхъ направленій, что тогда какъ аристократія и буржуазія принимаютъ воинственные аллюры и кричатъ на всѣхъ перекресткахъ: «Да здравствуетъ армія!»—въ глубинѣ души они вовсе не такъ воинственны. Въ нихъ говорятъ не чувства, а условный лживый языкъ. На упадокъ націоналистскаго чувства среди французской буржуазіи, указывали еще въ 1871 году. Тогда всѣ французскія газеты живо комментировали поведеніе Подвени и Перье, меровъ Нанси и Шалони, которые въ воззваніяхъ приглашали своихъ

согражданъ не высказывать враждебныхъ чувствъ нѣмецкимъ войскамъ. Этимъ и другимъ подобнымъ фактомъ объясняется рѣчь адвоката Лавіолета, сказавшаго во время процесса коммуны: «Французское чувство утрачивается во Франціи! Господа судьи! Прежде національная гордость была сильнѣе, чѣмъ теперь. Теперь интересуются и занимаются только вопросами матеріальными, а не вопросами чести. Когда теперь непріятель является куда-нибудь, ему говорятъ: «Войдите, войдите въ мой домъ, только не дѣлайте мнѣ зла, не берите у меня ничего!» Врагъ входитъ и ему протягиваютъ руку. А прежде говорили: «Пропадай мой домъ, пропадай все мое имущество, пропадай моя жизнь, но врагъ не войдетъ, а если войдетъ, то только перешагнувъ черезъ мой трупъ» *).

Въ глубинѣ сердца французская буржуазія и теперь также мало воинственна — обстоятельство, признаваемое, какъ мы уже сказали, писателями всѣхъ направленій. Вотъ что пишетъ, напримѣръ, монархистъ Делафоссъ: «Современное поколѣніе не только ничего не знаетъ о наполеоновской эпопеѣ, но оно также непроходимо невѣжественно относительно самой живой современности. Вотъ, напримѣръ, фактъ, свидѣтелями котораго мы были въ прошломъ 1899 году. Въ Сорбоннѣ на экзаменѣ профессоръ спросилъ одного экзаменующагося гимназиста, что ему извѣстно изъ событій 1870 года? Кандидатъ ничего не отвѣтилъ. Причины войны? Ничего. Военныя дѣйствія? Ничего. По крайней мѣрѣ названіе нѣкоторыхъ сраженій? Ничего. Ему не было знакомо даже имя Базена! «Сударь,—сказалъ ему г. Ребаръ больше съ грустью, чѣмъ сурово,—вы должны были это знать, не только какъ кончающій, но и еще какъ французъ!» Можетъ быть это только исключительный, единичный случай? Нѣтъ, потому что дальше г. Делафоссъ продолжаетъ такъ: «Этотъ упрекъ можетъ относиться къ многимъ, потому что, какъ оказывается, этотъ недостойный мальчикъ не составлялъ исключенія» **). Тотъ же самый гимназистъ, который такъ мало интересуется славой Наполеона и измѣной Базена, выйдя на улицу, будетъ кричать: «Да здравствуетъ армія! Долой космополитовъ!» Очевидно, что эти слова совершенно условнаго характера. Національзмъ маскируетъ только извѣстные классовые и политическіе интересы. То, что говоритъ монархистъ Делафоссъ, подтверждается и либеральнымъ писателемъ Вэглеромъ, хорошо освѣдомленнымъ обозрѣвателемъ французской военной жизни, въ лозаннскомъ журналѣ «La Bibliotheque Universelle»: «Увы, воинственные инстинкты, какъ видно, исчезли! Потомки старыхъ бойцовъ отправляются въ казармы болѣе или менѣе

---

*) Plaidoirie de M. Laviolette («Le Procès de la Commune», «Compte rendu analytique», p. 90).

**) Delafosse. «Le service militaire et l'armée» («Correspondant», 10 mars 1900, pp. 893—894).

охотно, но они идутъ безъ большого энтузіазма туда, гдѣ приходится рисковать жизнью. Добровольцевъ для колоніальной экспедиціи является очень мало, да и тѣ, которые берутъ на себя эту честь,—солдаты посредственные, движимые не столько желаніемъ отличиться въ бою, сколько мыслью избавиться отъ непріятной казарменной дисциплины и отъ начальниковъ, плохо расположенныхъ къ нимъ. Во время китайской экспедиціи французское военное министерство расклеило по всѣмъ городамъ Франціи большія трехцвѣтныя афиши, приглашающія добровольцевъ. И вотъ, въ Парижѣ, городѣ съ двухъ милліоннымъ населеніемъ, отозвались только 180 человѣкъ. Такое равнодушіе къ войнѣ существуетъ не только въ массѣ, но даже среди офицеровъ. Многіе офицеры, которымъ было предложено участвовать въ экспедиціи, отказались подъ различными предлогами. Съ другой стороны, депутатъ Реберти, докладчикъ военнаго бюджета, жалуется на трудность пополнить штатъ запасныхъ офицеровъ» *).

Когда рѣчь идетъ только о китайской экспедиціи, не трудно объяснить равнодушіе массы. Парижскій рабочій и теперь съ охотой пошелъ бы драться за Эльзасъ и Лотарингію, но сражаться съ китайскими боксёрами, которыхъ въ глубинѣ души онъ оправдываетъ, не намѣренъ. Но когда отказываются и офицеры, когда, кромѣ того, окончившіе университеты дѣти буржуазіи неохотно держатъ экзамены на запасныхъ офицеровъ, званіе лестное и почетное для патріота, въ этомъ дѣйствительно уже нужно видѣть упадокъ военнаго духа.

Чѣмъ же это объясняется? Еще въ 1867 году Эмиль Оливье, будучи республиканцемъ, сказалъ въ законодательномъ собраніи, обращаясь къ представителямъ буржуазіи, приблизительно слѣдующее: «Вамъ выгодно быть патріотами, такъ какъ это вамъ ничего не стоитъ. На войну идутъ дѣти народа, а вашихъ сыновей вы всегда можете избавить, присылая на ихъ мѣсто замѣстителей».

Дѣйствительно, во время второй имперіи практиковалась система замѣстителей, но послѣ войны она была замѣнена всеобщей воинской повинностью, обязательной для всѣхъ безъ исключенія. Въ этомъ послѣднемъ фактѣ вышеупомянутый публицистъ Делафоссъ видитъ не безъ основанія причину упадка военнаго духа. Буржуазія не рвется уже къ войнѣ, разъ она знаетъ, что ея сыновья будутъ страдать наравнѣ съ сыновьями народа. Отсюда и двойственная политика французскихъ націоналистовъ. Съ одной стороны, они дѣлаютъ шумныя манифестаціи, покрываютъ разноцвѣтными вѣнками окутанную черною вуалью статую города Страсбурга на площади Согласія, а съ другой—приходятъ въ ужасъ отъ малѣйшаго признака войны и боготворятъ Буланже, что тотъ могъ ее избѣгнуть.

---

*) Abel Venglaire. «La question de milice en France» (B. U. Det-Dec., 1900, pp. 516—518).

Изъ всего вышеприведеннаго должно быть ясно, насколько современный французскій націонализмъ—явленіе сложное, и какъ легко можно обмануться въ его сущности, если судить только по его внѣшнимъ проявленіямъ. Въ основѣ его есть и обиженное національное самолюбіе, а еще больше—побужденія чисто политическаго, экономическаго и при томъ реакціоннаго характера. Это подтверждается тѣми фактами, что самыми ярыми націоналистами являются приверженцы прошлаго: монархисты, клерикалы, антисемиты, бонапартисты.

Республиканцы не сразу отгадали скрытый смыслъ націонализма. Послѣ войны націонализмъ обнаружился съ такой силой, противъ которой не могъ устоять болѣе или менѣе сентиментальный гуманитаризмъ республиканцевъ второй имперіи. Они очнулись, когда увидѣли, что націонализмъ ведетъ республику къ гибели. Кромѣ того, внѣ традиціоннаго гуманитаризма исторической республиканской партіи, въ странѣ появился другой, сначала не замѣченный, а потомъ больше и больше усиливающійся гуманитаризмъ, который можно назвать *реалистическимъ*, потому что онъ основанъ не на воспоминаніяхъ о французской революціи, а на реальныхъ фактахъ международной экономической жизни.

X.

Однимъ изъ дѣятелей, не пользующихся любовью націоналистовъ, былъ Жюль Ферри, несмотря на то, что колоніальныя экспедиціи, предпринимаемыя во время его министерства, усилили духъ милитаризма. Ему принадлежитъ заслуга первой попытки сближенія съ Германіей. Онъ понималъ, что націонализмъ истощаетъ страну и не даетъ твердой основы для серьезной политики. Деруледъ съ горестью вспоминаетъ, что въ 1882 году Ферри, ставъ министромъ народнаго просвѣщенія, распустилъ комитетъ *военнаго обученія*, основанный его предшественникомъ Полемъ Беромъ, и задача котораго заключалась подбирать шовинистическія книги для народныхъ школъ. Массонскія ложи, важный политическій факторъ въ современной Франціи, очнувшись отъ первыхъ порывовъ шовинизма, тоже постарались возобновить старыя гуманитарныя традиціи. «Настоящее средство отомстить Германіи—это дать ей республику», говорилъ въ реймской ложѣ Жанъ Массе. Другія ложи пошли дальше. Къ удивленію націоналистовъ, венсенская ложа «*глобусъ*» разсматривала въ одномъ изъ своихъ засѣданій въ 1886 году вопросъ о *цѣлесообразности* войны противъ Германіи.

Гуманитарная политика находила отголоски и въ парламентѣ. Клемансо, хотя не забывалъ главную цѣль—Эльзасъ-Лотарингію, но заявлялъ въ 1882 году, что онъ вообще приверженецъ демократической внѣшней политики. «Эта политика болѣе дорожитъ,—говорилъ онъ,—нравственными, чѣмъ матеріальными побѣдами. Она считаетъ войну экономической ересью, такъ какъ побѣдитель часто страдаетъ не

меньше побѣжденнаго». Однако, какъ ложи, за исключеніемъ венсенской, такъ и Клемансо и другіе радикалы въ своихъ гуманитарныхъ идеяхъ не дошли до отрицанія необходимости «священной войны». Жажда «реванша» жила въ ихъ сердцахъ.

Большимъ ударомъ для націонализма было дѣло Дрейфуса, доказавшее, что націонализмъ ведетъ къ гибели демократіи, а милитаризмъ къ разоренію самой страны.

Послѣ войны всѣ усилія правительства и парламента были направлены на организацію войска. Многочисленная и могучая армія стала идеаломъ—«la suprême pensée», какъ говорилъ Гамбетта, всѣхъ французовъ. Для этой цѣли парламентъ вотировалъ милліарды за милліардами, а чтобы сохранить духъ строгой дисциплины среди солдатъ, оставилъ въ дѣйствіи военный уставъ, самый варварскій во всей Европѣ, такъ какъ онъ былъ составленъ до революціи. Отдѣльныя попытки демократизировать французское войско не встрѣчали никакихъ одобреній, наоборотъ, національное собраніе шумно аплодировало словамъ Тьера, сказавшаго при докладѣ военнаго бюджета въ 1872 году: «Когда говорятъ объ арміи, не нужно говорить о демократіи. Законъ демократіи—равенство, а законъ арміи «пассивное послушаніе начальникамъ». Противъ послѣдняго параграфа военнаго устава возсталъ знаменитый полковникъ Данферъ-Рошро, республиканецъ до мозга костей и храбрый изъ храбрыхъ, что онъ доказалъ при геройской оборонѣ Бельфорской крѣпости. Его протестъ не нашелъ подражателей, точно также не имѣла успѣха подобная попытка сдѣланная десять лѣтъ спустя сенаторомъ и маіоромъ Лабордеромъ. Республиканцы жертвовали всѣмъ—и принципами, и деньгами. Армія считалась «la grande muette», которая ничего не говорила, и о которой ничего не позволено было говорить... кромѣ хорошаго. Когда рѣдкій депутатъ рѣшался спросить о томъ или иномъ вопросѣ военнаго министра, вся палата негодовала, а отвѣтъ министра встрѣчался бурей аплодисментовъ. Это было какое-то особое гипнотическое состояніе, подобное которому рѣдко можно встрѣтить въ исторіи. Разъ депутатъ Лакруа, бывшій министръ, обратился—это происходило въ 1894 году,—къ генералу Мерсье, тогдашнему военному министру, съ вопросомъ: «Хорошо ли укрѣплено французское побережье?» Мерсье выступилъ на трибуну, говоритъ очевидецъ-депутатъ, и среди нескончаемыхъ «браво!» произнесъ рѣчь, заканчивающуюся словами: «Если врагъ будетъ имѣть несчастную мысль ударить ногой какую бы то ни было часть нашей земли, изъ нея поднимутся безчисленные легіоны, хорошо вооруженные, съ хорошей дисциплиной, съ хорошимъ начальствомъ, снабженные всѣми необходимыми средствами, чтобы доказать чудныя военныя *качества* нашей расы».

Эту декларацію прервалъ депутатъ Жюль Гедъ, словами: «Поду-

маешь, что говоритъ маршалъ Лебёфъ» *). Со всѣхъ сторонъ поднялись шумные протесты, и предсѣдатель палаты Дюпюи пригласилъ Геда къ порядку. Однако, пять лѣтъ послѣ этого, «инцидентъ съ Фашодой» кончился неудачно для Франціи, такъ какъ оказалось, что она не въ состояніи бороться съ Англіей, въ виду того, что берега ея были совсѣмъ неукрѣплены. «Простого англійскаго судна достаточно, чтобы уничтожить систематически, какъ во время учебной стрѣльбы, важныя французскія гавани: Гавръ, Марсель, Шербургъ, и Ницу».

Слѣпое довѣріе къ Мерсье привело и къ другому печальному результату: смерти пяти тысячъ французскихъ солдатъ во время мадагаскарской экспедиціи. Изъ этихъ пяти тысячъ пали отъ пуль непріятеля только пятьдесятъ человѣкъ, а остальные сдѣлались жертвой непредусмотрительности военнаго министра, не снабдившаго армію нужнымъ количествомъ хинина для борьбы съ желтой лихорадкой. Когда въ 1894 году, по поводу этой экспедиціи, газеты открыли кампанію противъ Мерсье, онъ выдвинулъ дѣло Дрейфуса, въ предательствѣ котораго не былъ увѣренъ, только чтобы создать диверсію. Всѣ эти побужденія Мерсье стали извѣстными только при второмъ пересмотрѣ дѣла, и тогда многіе республиканцы начали каяться за свою слѣпую вѣру въ непогрѣшимость военныхъ. Тотъ же самый Рейнакъ, который называетъ рѣчи Мерсье «banalité redondante», находился въ 1894 году среди депутатовъ, которые апплодировали Мерсье и порицали Геда.

Таковы печальныя послѣдствія французскаго милитаризма для обороны самой страны; но онъ привелъ къ политическимъ замѣшательствамъ не менѣе печальнаго характера. Благодаря тому обстоятельству, что правительство всегда держало армію въ сторонѣ отъ политической жизни Франціи и не допускало въ ней никакихъ нововведеній, армія превратилась въ учрежденіе, враждебное по своимъ тенденціямъ демократическому строю. Офицеры, оставшіеся еще со второй имперіи, продолжали быть такими же бонапартистами, какъ и при Наполеонѣ III. Съ другой стороны, роялистская аристократія отдавала своихъ дѣтей въ офицеры, такъ какъ войско являлось нейтральнымъ учрежденіемъ, куда можно было вступать, не будучи республиканцемъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ оказалось, что все высшее офицерство состоитъ почти исключительно изъ клерикаловъ, монархистовъ и антисемитовъ. Начальникомъ генеральнаго штаба былъ Буадефръ, близкій другъ іезуита, отца дю-Лака, его помощниками были клерикалы и антисемиты, генералъ Гонзъ, полковникъ Анри, маіоръ Пати дю-Кламъ. Они всѣ служили республикѣ, но не любили ее и, въ случаѣ опасности для нея,

---

*) Маршалъ Лебёфъ—военный министръ наканунѣ франко-прусской войны, который на вопросъ «все ли готово? «отвѣтилъ»: «Да, все готово».

оказались бы на сторонѣ ея враговъ. «Что касается арміи,—говорилъ одинъ изъ ораторовъ конвента массонскаго «великаго востока» въ 1899 году,—она не только не будетъ защищать республики, но, боюсь, она объявится противъ нея. Въ рѣшительный часъ, вмѣсто того, чтобы повиноваться своему военному министру, она, боюсь, скорѣе будетъ слушать генерала іезуитовъ». Событія изъ современной жизни Франціи вполнѣ подтверждаютъ такой пессимистическій взглядъ. Офицерство настроено противъ республики, значитъ противъ самого французскаго народа, громадное большинство котораго горячо привязано къ ея учрежденіямъ. Такимъ образомъ, французская армія лишена одного изъ самыхъ существенныхъ элементовъ, которые придаютъ войскамъ силу: она лишена *нравственнаго единства*. Между начальствомъ, которое живетъ духовными интересами реакціонныхъ партій, и солдатами, проникнутыми республиканскими чувствами, неизбѣжно возникаетъ взаимное недовѣріе, котораго дисциплина не въ состояніи уничтожить. Пока солдаты находятся въ казармѣ, они повинуются, но на свободѣ они не стѣсняются высказывать своихъ антипатій къ начальству. Подтвержденіемъ этого служатъ печальные инциденты, происшедшіе въ прошломъ году въ Сентъ-Этьенѣ, когда освободившіеся послѣ маневровъ резервисты съ большимъ скандаломъ освистали своего полковника, обращеніемъ котораго они не были довольны. Съ другой стороны, среди арестованныхъ манифестантовъ монархистовъ и антисемитовъ не разъ бывали переодѣтые въ штатское платье офицеры, что и заставило бывшаго военнаго министра, генерала Галифе, лишить временно офицеровъ права носить штатское платье въ неслужебные часы.

Раньше французское офицерство импонировало на массу своей исключительною ролью защитника страны. Но съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ обязательная воинская повинность, задача обороны перешла ко всѣмъ гражданамъ. Когда генералъ Пелье въ первомъ процессѣ Золя закончилъ свою рѣчь патетической фразой: «Вы нападаете на генераловъ и офицеровъ, которые будутъ проливать свою кровь за отечество»,—адвокатъ Лабори ему преспокойно отвѣтилъ: «Г. генералъ, моя кровь стоитъ вашей». Мы видѣли выше, что воинственные инстинкты начинаютъ исчезать и среди самихъ офицеровъ. Это и понятно. Боевые инстинкты развиваются и укрѣпляются въ войнѣ, а вотъ уже больше тридцати лѣтъ, какъ Франція живетъ въ мирѣ со всѣми народами. Молодое поколѣніе офицеровъ знаетъ войну только по книгамъ и по маневрамъ, въ которыхъ отсутствуетъ самое существенное качество войны: опасность для жизни. Такъ что французское офицерство напоминаетъ скорѣе чиновничью корпорацію, но корпорацію особую, замкнутую, живущую извѣстными традиціями и привычками, которыя дѣлаютъ ее почти религіозной сектой. Богъ этой замкнутой корпораціи—*честь*. Офицеры живутъ не во имя какой-либо высокой идеи, не руководствуются какими-нибудь общими правилами, а только мыслью

сохранить честь своего полка. Такова психологія каждой замкнутой корпораціи, живущей не интересами общества, а своими собственными, корпоративными. Давно уже дальнозоркіе военные спеціалисты указывали на печальныя послѣдствія сильно развитого чувства корпоративной чести *). Полкъ, не желая, чтобы на его имя пало какое-нибудь пятно, прикрывалъ воровъ и преступниковъ. Честь французскаго генеральнаго штаба не позволяла ему признаваться въ совершенной ошибкѣ, и генеральный штабъ поддѣлываетъ бумаги, попираетъ истину, правосудіе, подавляетъ въ себѣ чувство жалости и состраданія къ невинному человѣку, лишь бы доказать, что онъ не ошибался. Генералы диктуютъ военнымъ судьямъ заранѣе приготовленное рѣшеніе, а когда со стороны защитниковъ обвиняемыхъ поднимается протестъ: «Это не правосудіе», военный слѣдователь, маіоръ Равари, отвѣчаетъ: «Да, наше правосудіе не то, что ваше!» Честь высшаго начальника не допускаетъ, чтобы онъ ошибался, и когда его подчиненные судятъ по совѣсти, онъ ихъ караетъ. Въ 1891 г., въ Бельфорѣ въ одномъ дѣлѣ о шпіонствѣ большинство военныхъ судей выносятъ оправдательный вердиктъ. Однако, мнѣніе ихъ начальника было другое: офицеры попали въ немилость и были переведены въ другой полкъ.

Въ поведеніи капитана Дрейфуса нѣкоторые поступки не могли не поразить своей странностью. Такъ, оказывается, что когда ему сообщили, какое страшное обвиненіе тяготитъ надъ нимъ, онъ, несмотря на потрясеніе, которое охватило его душу, тутъ же въ присутствіи полицейскихъ находилъ возможнымъ посмотрѣть на себя въ зеркало. Пять лѣтъ спустя, когда Дрейфусъ, послѣ неслыханныхъ страданій на Чертовомъ островѣ, явился въ Реннскій судъ, его манеры опять-таки поражали всѣхъ. Онъ держалъ руки «по швамъ» и говорилъ сухимъ, нечеловѣческимъ голосомъ. Въ томъ, и въ другомъ случаѣ въ Дрейфусѣ сказывался *автоматъ*—типъ современнаго французскаго офицера. Онъ живетъ не разумомъ, а привычками, сдѣлавшимися у него уже органическими. Когда одинъ изъ судей, послѣ показанія полковника Анри—въ первомъ процессѣ Дрейфуса—спросилъ, откуда онъ узналъ то, что говоритъ, Анри оговорился слѣдующимъ отвѣтомъ: «То, что знаетъ голова офицера, не должна знать его фуражка». Такой духъ совсѣмъ не соотвѣтствуетъ французскому характеру, и не удивительно, что послѣ долгаго подчиненія милитаризму, французы начинаютъ находить, что онъ уродуетъ націю, убиваетъ ея хорошіе задатки, ея стремленія къ независимости и свободѣ.

Дѣло Дрейфуса было сигналомъ всеобщей борьбы *за* и *противъ* милитаризма. Клерикалы и монархисты взяли сторону военныхъ: съ одной стороны, потому, что это давало имъ хорошее средство для агитаціи, съ другой же—потому, что начала милитаризма совпадаютъ съ ихъ по-

---

*) М. Драгомировъ. «Очерки». Кіевъ. 1898, стр. 16—18.

литическимъ и общественнымъ міровоззрѣніемъ. Они и не скрываютъ этого средства. Вышеупомянутый авторъ Делафоссъ заявляетъ прямо: «Корпораціонный духъ, являющійся великимъ качествомъ для арміи, составляетъ въ то же время величайшую опасность для республики». Другой защитникъ арміи, генералъ Бурелли, говоритъ, что преобладаніе аристократіи среди офицерства есть необходимое условіе для военной дисциплины, такъ какъ солдаты охотнѣе подчиняются высшему сословію, чѣмъ людямъ одинаковаго общественнаго положенія съ ними.

Противоположныя мнѣнія раздаются сильнѣе. Среди противниковъ милитаризма есть какъ полные его отрицатели, также и болѣе умѣренные—старающіеся примирить, насколько возможно, интересы арміи съ интересами республики. Къ послѣднимъ нужно отнести теперешній кабинетъ Вальдекъ-Руссо. Извѣстно, что генералъ Андрэ предпринялъ цѣлый рядъ мѣръ: реорганизацію военнаго суда, измѣненіе стараго воинскаго устава и, наконецъ, открытіе болѣе широкаго доступа демократическимъ элементамъ въ высшемъ офицерствѣ. Кромѣ того, теперешнему правительству приписываютъ еще желаніе сократить срокъ военной службы до двухъ лѣтъ. Однако, все это только проекты. Чтобы идти дальше, правительство ждетъ указаній отъ ближайшихъ законодательныхъ выборовъ.

Противники милитаризма требуютъ гораздо большаго: полнаго сокращенія военныхъ судовъ въ мирное время.

Что касается срока военной службы, одни требуютъ сокращенія ея до одного года, а другіе—замѣны постояннаго войска народной милиціей. Раньше на такія требованія рѣшались только соціалисты, теперь же и военные люди. Такъ, бывшій артиллерійскій офицеръ Гастонъ Мокъ доказываетъ, что для Франціи милиціонная система самая выгодная.

«Le charme est rompu», какъ говорилъ Наполеонъ III. Теперь и въ газетахъ, и въ парламентѣ милитаризмъ подвергается строгой критикѣ. Интеллигенція, такъ называемые «intellectuels», больше не стѣсняются выражать свои гуманитарныя чувства. «Если въ прошломъ Европы,—пишетъ одинъ авторъ,—интернаціонализмъ былъ самой великой славой Франціи, признакомъ ея вліянія, пробнымъ камнемъ ея величія, тотъ же самый интернаціонализмъ будетъ въ Европѣ грядущаго, какъ онъ есть въ Европѣ настоящаго, ея спасеніемъ, ея защитою и ея единственною возможностью исполнить свое великое назначеніе». Во время процесса Дрейфуса, въ Парижѣ было основано распространившееся потомъ по всей Франціи, общество «Правъ человѣка и гражданина», предсѣдателемъ котораго сдѣлался бывшій министръ юстиціи Траріе.

Въ 1900 году, въ Парижѣ былъ созванъ международный конгрессъ мира, гдѣ присутствовало много замѣчательныхъ французскихъ ученыхъ и публицистовъ, среди которыхъ былъ Фредерикъ Пасси, какъ вполнѣ заслужившій нобелевскую премію мира, чего нельзя сказать о Сюлли-

Прюдомѣ. Конгрессъ высказывался противъ всякихъ завоевательныхъ войнъ, включая и колоніальныя экспедиціи. Націоналистская пресса опять увидѣла въ этомъ поруганіе чести Франціи и съ остервенѣніемъ набросилась на участниковъ конгресса, а въ особенности на французскихъ представителей.

На всѣ эти нападки отвѣтилъ знаменитый физіологъ Шарль Рише слѣдующее: «Наша лига добилась нѣкоторыхъ успѣховъ потому, что не обращая вниманія на ругательства шовинистовъ, неустанно вела свою пропаганду, повторяя при всякомъ удобномъ случаѣ, въ противоположность доктринерамъ войны, что война—дѣло позорное, что завоеватели—люди безчестные». Наконецъ, націоналисты получили неожиданный ударъ оттуда, откуда они меньше всего его ожидали: отъ франко-русскаго союза. Онъ привелъ французовъ къ сближенію съ Германіей, проявившемуся въ первый разъ въ присутствіи французскаго флота, вмѣстѣ съ русскимъ, на торжественномъ открытіи Кильскаго канала. Кромѣ того, во время китайско-японской войны, армянскихъ безпорядковъ и китайскихъ замѣшательствъ, французская, русская и нѣмецкая дипломатія дѣйствовали совмѣстно. Это сближеніе должно ослабить антинѣмецкій шовинизмъ французскихъ націоналистовъ. Если не всѣ они,—можетъ быть, многіе изъ нихъ станутъ, наконецъ, искать другой мирный путь для разрѣшенія эльзасъ-лотарингскаго вопроса. Тѣмъ болѣе, что возвращеніе Франціи этихъ провинцій, гдѣ теперь половина населенія—нѣмцы, поставило бы Германію по отношенію къ ней въ то же положеніе, въ которомъ она теперь находится по отношенію къ Германіи. Это бы стало причиной новыхъ войнъ, новыхъ замѣшательствъ и продлило бы неизвѣстно еще на какой срокъ убійственное для прогресса состояніе, которое называется «вооруженнымъ миромъ». Тяжелый гнетъ такого «мира» чувствуется всѣми. Въ заключеніе приведемъ, какъ характерный фактъ, проектъ очень умѣреннаго публициста, Анатоля Леруа-Болье, предлагавшаго въ «Revue des Revues» *) конференцію, въ которую должны войти всѣ европейскія государства. Въ этомъ нельзя не видѣть нѣкотораго знаменія времени. Можетъ быть, наше столѣтіе оправдаетъ пророчество одного французскаго гуманитариста эпохи второй имперіи, сказавшаго: «*Націей XX столѣтія будетъ вся Европа*».

Х. Г. Инсаровъ.

---

*) «Les Etats unis de l'Europe», 1 juin, 1900.

СУДЬБА.

Морисъ Метерлинкъ.

(Переводъ съ французскаго *Т. Богданович*ъ).

I.

Жили-были два брата, говоритъ старинная сербская сказка. Одинъ былъ очень дѣятеленъ, но несчастливъ, другой лѣнивъ, но осыпанъ милостями судьбы. Разъ несчастный братъ встрѣтилъ въ полѣ прелестную дѣвушку, она пасла стадо овецъ и пряла золотую нить.

— Кому принадлежатъ эти овцы?—спросилъ онъ.

— Тому же, кому принадлежу я сама.

— А кому принадлежишь ты?

— Твоему брату, я—его счастье.

— А гдѣ же мое счастье?

— Далеко отъ тебя.

— Могу ли я его найти?

— Да, если ты будешь искать его.

И онъ отправился на поиски своего счастья. Разъ вечеромъ, среди темнаго лѣса онъ увидѣлъ бѣдную старушку съ сѣдыми волосами, уснувшую подъ деревомъ. Онъ разбудилъ ее и спросилъ, кто она такая.

— Развѣ ты меня не знаешь?—сказала она.—Впрочемъ, ты, правда, никогда не видалъ меня; я—твое счастье.

— Кто же далъ мнѣ такое жалкое счастье?

— Судьба.

— Могу ли я найти Судьбу?

— Да, если ты будешь искать ее.

Онъ пошелъ на поиски Судьбы. Наконецъ, послѣ долгихъ странствованій ему показали Судьбу. Она жила въ роскошномъ дворцѣ. Но съ каждымъ днемъ богатства ея убывали, и стѣны, и двери, и окна ея дворца становились все меньше. Она объяснила ему, что постоянно переходитъ отъ богатства къ бѣдности и отъ бѣдности къ богатству. И то положеніе, въ какомъ она въ данное время находится, опредѣляетъ будущность всѣхъ дѣтей, рожденныхъ въ эту минуту.

— Ты родился на свѣтъ въ тотъ часъ, когда мое богатство убывало, отсюда всѣ твои несчастья.

Чтобы заговорить или обмануть злой рокъ, она совѣтуетъ ему замѣнить свое счастье счастьемъ его племянницы Милицы, рожденной въ періодъ благоденствія. Для этой замѣны достаточно взять къ себѣ въ домъ племянницу и говорить всякому, кто спроситъ, что все, чѣмъ онъ владѣетъ, принадлежитъ Милицѣ.

Онъ послѣдовалъ этому совѣту, и всѣ дѣла его пошли иначе. Стада его растутъ, деревья гнутся подъ тяжестью плодовъ, неожиданныя наслѣдства достаются ему, поля его приносятъ неслыханные урожаи. Однажды утромъ, подавленный сознаніемъ своего безграничнаго счастья, онъ любуется великолѣпнымъ ржанымъ полемъ. Въ это время къ нему подходитъ странникъ и спрашиваетъ, кому принадлежатъ эти чудные колосья, усыпанные росой; они вдвое больше и вдвое тяжелѣе, чѣмъ на сосѣднихъ поляхъ. Забывшись, онъ отвѣчаетъ:

— Они принадлежатъ мнѣ.

Тотчасъ же на противоположномъ концѣ поля загорается огонь и начинаетъ свою опустошительную работу. Тутъ онъ вспоминаетъ забытый совѣтъ, бѣжитъ за странникомъ и кричитъ ему.

— Я ошибся! Я сказалъ неправду. Стой, вернись! Поле это не мое, оно принадлежитъ моей племянницѣ Милицѣ!

Точно услышавъ эти слова, огонь гаснетъ, и колосья снова выростаютъ.

II.

Эта наивная, старинная картинка показываетъ, что загадочная тайна счастья не измѣнилась съ тѣхъ поръ, какъ люди стали задумываться надъ ней. Она можетъ служить хорошей иллюстраціей и къ нашему теперешнему незнанію. У насъ есть наши мысли, которыя создаютъ наше внутреннее счастье или несчастье; надъ ними внѣшнія событія могутъ имѣть большее или меньшее вліяніе. Есть люди, у которыхъ эти мысли достигли такой живости и такого могущества, что безъ ихъ желанія ничто не можетъ проникнуть въ тотъ воздушный хрустальный замокъ, который они сумѣли воздвигнуть на холмѣ, господствующемъ надъ путемъ обычныхъ житейскихъ событій. У насъ есть воля, вскормленная нашими мыслями и опирающаяся на нихъ, которая имѣетъ силу устранять значительную часть безполезныхъ или вредныхъ событій. Но вокругъ этихъ болѣе или менѣе прочныхъ, болѣе или менѣе неприступныхъ островковъ простирается такая же непокорная и такая же обширная область, какъ океанъ, гдѣ, повидимому, царитъ всесильный случай, какъ вѣтеръ на волнахъ. Ни мысль, ни воля не могутъ помѣшать такой волнѣ нежданно подняться, настичь насъ, оглушить, поразить. Ихъ благотворное дѣйствіе начинается вновь лишь послѣ того, какъ волна схлынула. Тогда онѣ помогаютъ намъ подняться, залечиваютъ наши раны, оживляютъ насъ и заботятся о томъ, чтобъ нанесенный намъ ударъ не проникъ до глубочай-

шихъ источниковъ нашей жизни. Этимъ ограничивается ихъ роль. Съ перваго взгляда она очень незначительна, но въ дѣйствительности, если только случай не облекается въ форму жестокой болѣзни или смерти,— она дѣлаетъ этотъ случай почти безсильнымъ и сохраняетъ то, что есть самаго лучшаго и самаго достойнаго человѣка въ человѣческомъ счастьи.

III.

Среди дѣйствій, которыя мы предвидѣли, среди событій, которыя мы вызвали, и которыя едва-едва намѣчаютъ основную линію нашего существованія, тѣснится и кружится грозное множество подстерегающихъ насъ случайностей.

Воздухъ, который мы вдыхаемъ, пространство, гдѣ мы движемся, время, которое мы проживаемъ, населены случайностями, которыя поджидаютъ насъ и выбираютъ изъ толпы. Если изучать ихъ привычки, то приходится придти къ убѣжденію, что эти удивительныя дѣти судьбы, которыя должны бы быть такъ же слѣпы и глухи, какъ ихъ мать, дѣйствуетъ далеко не случайно. Онѣ знаютъ, чего хотятъ, и рѣдко ошибаются. Съ необъяснимой увѣренностью онѣ отличаютъ среди прохожихъ того, передъ кѣмъ онѣ должны встать. Пускай двое въ одинъ и тотъ же часъ слѣдуютъ по одному и тому же пути въ средѣ обоихъ незримыхъ войскъ судьбы, это не вызоветъ ни колебанія, ни смущенія. Навстрѣчу одному выходятъ бѣлыя дѣвы съ пальмами и амфорами и разсыпаютъ на его пути тысячи непредвидѣнныхъ удачъ. При приближеніи другого, изъ кустовъ бросаются «злыя дѣвы», которыхъ обрисовалъ намъ Эсхилъ, точно онѣ хотятъ выместить на своей невинной жертвѣ какое-то неизгладимое оскорбленіе, нанесенное имъ еще до ея рожденія.

Каждому изъ насъ, вѣроятно, случалось наблюдать за судьбой людей, на которыхъ сыпались удачи или неудачи, совершенно не вытекавшія изъ ихъ поступковъ. Точно они вдругъ, на глазахъ у всѣхъ, вырастали изъ земли или падали съ неба. Все совершалось съ ними даромъ, незаслуженно и неизбѣжно. Тотъ и не надѣялся занять мѣсто, котораго добивался соперникъ, гораздо лучше его вооруженный, и вдругъ въ рѣшительную минуту этотъ соперникъ неожиданно сходитъ съ дороги. Другой съ полнымъ правомъ разсчитывалъ на поддержку преданнаго друга, и вотъ другъ этотъ умираетъ въ тотъ самый моментъ, когда уже протягивалъ несчастному руку помощи.

Этотъ, не одаренный ни красотой, ни талантами, не умѣющій ничего предвидѣть, каждое утро является къ волшебному замку богатства, славы и любви, въ тотъ краткій мигъ, когда всѣ двери его открыты; а тотъ, полный достоинствъ, долго обдумывавшій свой вполнѣ правильный шагъ, приходитъ туда въ тотъ самый моментъ, когда несчастье захлопываетъ всѣ двери на цѣлые полгода. Одинъ двадцать

разъ рискуетъ жизнью съ безумно дерзкой отвагой и остается цѣлъ и невредимъ, другой—одинъ только разъ со всевозможной осторожностью подвергаетъ себя опасности ради благородной цѣли,—и погибаетъ безвозвратно. Тысячи неизвѣстныхъ рукъ безсознательно помогаютъ первому, не зная его; другія невѣдомыя тысячи разрушаютъ дѣло второго, не подозрѣвая о его существованіи. И тѣ, и другія не сознаютъ, что дѣлаютъ; раздѣленныя другъ отъ друга морями, онѣ повинуются тѣмъ же самымъ многообразнымъ и дробнымъ приказаніямъ. Потомъ въ опредѣленный часъ раздробленыя части таинственной машины соединяются и сростаются. И такимъ образомъ время создаетъ двѣ различныя и опредѣленныя судьбы.

IV.

Докторъ Фуассакъ въ своей любопытной книгѣ «О счастьѣ и судьбѣ» перечисляетъ безчисленные и удивительные примѣры глубокой, упорной, необъяснимой и неистребимой несправедливости, которую испытываютъ на себѣ нѣкоторыя существованія. Слѣдуя за нимъ, точно проникаешь въ какую-то лабораторію иного міра, гдѣ для взвѣшиванія и распредѣленія счастья и несчастья нѣтъ ничего напоминающаго пріемы, основанные на человѣческой справедливости и человѣческомъ разумѣ. Среди многихъ другихъ онъ описываетъ жизнь Вовенарга *), самаго несчастнаго изъ великихъ ученыхъ. Несмотря на его геній, на его нравственную красоту, на его мужество, всѣ его стремленія были искажены и разбиты въ рѣшительный моментъ подъ натискомъ страшныхъ болѣзней. Каждый день онъ переходилъ отъ незаслуженнаго пораженія къ неожиданной несправедливости и умеръ тридцати двухъ лѣтъ, въ тотъ моментъ, когда дѣло его жизни было наканунѣ всеобщаго признанія. Онъ приводитъ ужасную исторію Лезюрка **), въ которой тысячи случайностей, точно посылаемыхъ са-

*) Знаменитый французскій моралистъ восемнадцатаго вѣка.

**) Вотъ эта исторія въ передачѣ доктора Фуассака: «8-го флореаля IV года курьеръ и почтальонъ, сопровождавшіе почту изъ Парижа въ Ліонъ, были убиты и ограблены въ 9 вечера въ Сенарскомъ лѣсу. Убійцами были Куріаль, занявшій мѣсто въ экипажѣ рядомъ съ курьеромъ, Дюрошаль, Россю, Видоль и Дюбокъ, выѣхавшіе ему навстрѣчу на нанятыхъ лошадяхъ, и Бернаръ, доставившій лошадей и принявшій участіе въ дѣлежѣ добычи. За это преступленіе, въ которомъ участвовали пять убійцъ и одинъ пособникъ, въ теченіе четырехъ лѣтъ было казнено *семь* человѣкъ. Слѣдовательно, правосудіе покарало одного лишняго человѣка, казнило невиннаго. Это не могъ быть ни одинъ изъ шести преступниковъ, признавшихъ свою вину. Этимъ невиннымъ былъ Лезюркъ, заявлявшій до конца, что онъ не виновенъ, и не признанный ни однимъ изъ своихъ предполагаемыхъ сообщниковъ. Какимъ образомъ этотъ несчастный запутался въ дѣло, давшее его имени такую печальную извѣстность? Судьба пожелала, чтобы за четыре дня до совершенія преступленія Лезюркъ, только что получившій 18.000 фунтовъ ренты и переѣхавшій изъ Дуэ въ Парижъ для воспитанія дѣтей, былъ приглашенъ завтракать

мимъ адомъ, стекаются, чтобы погубить невиннаго, между тѣмъ какъ истина, закованная судьбой, беззвучно стонетъ подъ тысячью оши-

---

къ своему земляку Гесно. Во время завтрака случайно зашелъ Куріоль и тоже позавтракалъ съ ними. Куріоль былъ заподозрѣнъ очень скоро, объ этомъ завтракѣ стало извѣстно, и Гесно былъ тоже арестованъ по подозрѣнію. Но онъ тотчасъ же доказалъ свое alibi, и судья немедленно выпустилъ его. Но по причинѣ поздняго времени, судья попросилъ его на другой день зайти за своими бумагами.

«12-го флореаля утромъ Гесно, отправляясь въ префектуру, встрѣтилъ по дорогѣ Лезюрка и предложилъ ему проводить его, чтобы прогуляться вмѣстѣ. Лезюркъ не былъ ничѣмъ занятъ и согласился. Пока они ожидали въ пріемной прихода судьи, туда ввели двухъ женщинъ, привлеченныхъ въ качествѣ свидѣтельницъ. Онѣ, обманутыя нѣкоторымъ сходствомъ между бѣжавшимъ Дюбокомъ и Лезюркомъ, заявили, что этотъ послѣдній тоже изъ числа убійцъ и упорно настаивали на этомъ. Прошлое говорило въ пользу Лезюрка, и, кромѣ того, онъ утверждалъ, что 8-го флореаля не покидалъ Парижа и въ доказательство сослался на то, что онъ присутствовалъ при сдѣлкѣ между ювелиромъ Легранъ и Альденовъ. Эта сдѣлка дѣйствительно была заключена 8-го флореаля. У Леграна потребовали, чтобы онъ представилъ свои книги, но тотъ, пересматривая ихъ, замѣтилъ, что по ошибкѣ помѣтилъ сдѣлку 9-мъ числомъ. Онъ думалъ, что поступитъ вполнѣ хорошо, подскобливъ цифру 9 и поставивъ вмѣсто нея 8. Онъ хотѣлъ помочь своему земляку, въ невинности котораго былъ увѣренъ. Этимъ самымъ онъ окончательно погубилъ его. Поддѣлка была очень легко установлена; съ этой минуты судьи и присяжные не придавали никакой вѣры свидѣтелямъ защиты, вызваннымъ обвиняемымъ. Онъ былъ приговоренъ къ казни, и имущество его конфисковано. Между приговоромъ и его исполненіемъ протекло 187 дней, срокъ необыкновенный для той эпохи. Въ его виновности возникли большія сомнѣнія.

«Директорія не имѣла права помилованія, она доложила объ этомъ дѣлѣ совѣту пятисотъ, спрашивая «долженъ ли Лезюркъ погибнуть за сходство съ виновнымъ». Совѣтъ, по предложенію Симеона, перешелъ къ очереднымъ дѣламъ, и Лезюркъ былъ казненъ, простивъ своимъ судьямъ. Въ моментъ произнесенія приговора Куріоль твердымъ голосомъ произнесъ «*Лезюркъ невиненъ!*» То же самое онъ повторялъ по дорогѣ до самаго эшафота. Всѣ остальные обвиненные, признавъ свою вину, заявляли, что Лезюркъ невиновенъ. Только въ IX году былъ арестованъ и приговоренъ къ казни его двойникъ Дюбокъ.

«Рокъ, преслѣдовавшій Лезюрка, не пощадилъ и его семьи. Мать его умерла отъ горя, жена сошла съ ума, трое дѣтей влачили жалкое существованіе, заброшенные, нищіе. Наконецъ, тронутое такимъ ужаснымъ несчастьемъ, правительство вернуло дѣтямъ пятьсотъ или шестьсотъ тысячъ франковъ, отнятые у нихъ. Но большая часть этого состоянія погибла жертвой мошеннической продѣлки. Прошло 60 лѣтъ; изъ трехъ дѣтей Лезюрка двое умерло. Осталась въ живыхъ одна Виргинія Лезюркъ. Общественное мнѣніе давно уже признало невинность ея несчастнаго отца. Но она желала бо́льшаго, и какъ только 29-го іюня 1867 года былъ изданъ законъ, допускающій пересмотръ уголовныхъ дѣлъ, она потребовала, чтобы невинность его была признана судомъ. Но послѣдняя роковая случайность сдѣлала такъ, что какія-то формальности не были соблюдены, и судъ 17-го дек. 1868 г. отказалъ войти въ разсмотрѣніе дѣла по существу.

«Кажется, что мы видимъ передъ собой несчастнаго, отданнаго во власть эвменидамъ. Со времени рокового завтрака у Гесно онъ кружится вокругъ пропасти, стремящейся поглотить его, а судьба, какъ коршунъ, носится надъ его головой, затѣняя свѣтъ отъ тѣхъ, кто приближается къ нему.

«Стеченіе роковыхъ обстоятельствъ въ этомъ дѣлѣ кажется положительно сверхъ-

бокъ, заваливших ее,—какъ беззвучно стонетъ иногда человѣкъ подъ гнетомъ кошмара и не можетъ сдѣлать ни одного движенія, чтобы разогнать окружающій мракъ.

Далѣе онъ передаетъ случай съ Эмаромъ Ранконе, президентомъ парижскаго парламента. Честнѣйшій человѣкъ, онъ былъ несправедливо лишенъ своего званія, видѣлъ, какъ дочь его умирала въ нищетѣ, какъ сынъ погибъ на эшафотѣ, какъ жену убило молніей; самъ же онъ былъ обвиненъ въ ереси, брошенъ въ Бастилію и умеръ тамъ отъ горя, не дождавшись суда.

Намъ кажутся легендарными и невѣроятными несчастья Атридовъ или Эдипа, а между тѣмъ въ современной исторіи несчастье также упорно преслѣдуетъ нѣкоторыя семьи, какъ, напримѣръ, Стюартовъ или Колиньи, или съ ненавистью терзаетъ отдѣльныя личности, не покидая ихъ до могилы, какъ, напримѣръ, Генріетту Англійскую, дочь Генриха IV, Луизу Бурбонскую, Іосифа II и Марію-Антуанету.

А что сказать о слѣпой, но какъ будто сознательной, какъ будто систематической несправедливости случая въ разныхъ дуэляхъ, битвахъ, грозахъ, кораблекрушеніяхъ и пожарахъ? Что сказать о невѣроятномъ счастьи какого-нибудь Шастенэ де-Пюасегюръ, прослужившаго 40 лѣтъ, принимавшаго участіе въ тридцати битвахъ, всегда въ первыхъ рядахъ, отличавшагося баснословной храбростью и ни разу не получившаго ни одной раны, въ то время какъ маршалъ Удино былъ раненъ тридцать пять разъ, а генералъ Трезель не выходилъ невредимымъ ни изъ одного столкновенія съ непріятелемъ? Что сказать также объ удивительномъ счастьи Лозена, Шамильяра, Казановы, Честерфильда, о постоянныхъ удачахъ Суллы, Марія, Діонисія Старшаго, прожившаго до глубокой старости, несмотря на свои преступленія, и умершаго отъ радости при извѣстіи, что афиняне увѣнчали одну изъ его трагедій? Что сказать, наконецъ, о судьбѣ Ирода, прозваннаго Великимъ или Аскалонитскимъ, который всю жизнь плавалъ въ крови, умертвилъ свою жену, пятерыхъ дѣтей, всѣхъ благородныхъ людей, мѣшавшихъ ему, и всегда во всѣхъ своихъ предпріятіяхъ встрѣчавшаго неизмѣнную удачу.

V.

Эти знаменитые случаи, (число которыхъ можно было бы увеличить до безконечности), вырастаютъ до необычайныхъ размѣровъ благодаря исторической перспективѣ. Въ дѣйствительности, на плохо освѣщенной сценѣ обыденной жизни разыгрываются каждый день въ бо-

---

естественнымъ, и случай этотъ представляется типичнымъ, страшнымъ и символическимъ, какъ миѳъ. Но несомнѣнно, что въ меньшемъ видѣ подобныя сцѣпленія обстоятельствъ происходятъ каждый день въ тысячахъ досадныхъ или комичныхъ случаевъ обыденныхъ жизней, протекающихъ подъ несчастной звѣздой».

лѣе скромныхъ размѣрахъ не менѣе поразительные примѣры десятковъ тысячъ капризовъ счастливой или несчастной судьбы.

Конечно, присматриваясь къ этимъ случаямъ дерзкаго счастья и неизмѣннаго несчастья, мы должны отвести львиную долю на счетъ физическихъ и нравственныхъ причинъ, объясняющихъ ихъ. Быть можетъ, если бы мы знали Вовенарга, мы нашли бы въ его характерѣ боязливость и нерѣшительность или непримиримую гордость, которыя мѣшали ему съ необходимой рѣшительностью пользоваться случаемъ. Возможно, что Лезюркъ не обладалъ достаточною ловкостью или былъ лишенъ той чудесной внутренней силы, которую мы ожидаемъ встрѣтить у невинно осужденной добродѣтели. Несомнѣнно, что Стюарты, Іосифъ II и Марія-Антуанета совершили рядъ громадныхъ ошибокъ, повлекшихъ за собой несчастья, что Лозенъ, Казанова, лордъ Честерфильдъ освободили себя отъ нравственной щепетильности, которая связываетъ руки честнымъ людямъ. Несомнѣнно также, что хотя судьба Суллы, Марія, Діонисія и Ирода Аскалонитскаго была внѣшнимъ образомъ счастлива до невѣроятности, никто изъ насъ, я думаю, не удовлетворился бы этимъ страннымъ призракомъ счастья, безпокойнаго, кроваваго, почти лишеннаго мыслей и чувства, какимъ должно было быть это счастье (если только можно примѣнять тутъ это слово), основанное на непрерывныхъ преступленіяхъ. Но когда мы сдѣлаемъ со всей необходимой широтой, со всѣмъ благоразуміемъ эти исключенія (и чѣмъ больше наблюдаютъ и изучаютъ жизнь, чѣмъ больше проникаютъ въ тайну малыхъ причинъ и великихъ слѣдствій, тѣмъ шире они будутъ дѣлаться), то среди этихъ упорно повторяющихся совпаденій, среди этихъ неразрушимыхъ рядовъ удачъ и неудачъ,—ибо счастье и несчастье, какъ уже давно замѣчено, всегда приходятъ непрерывными рядами,—передъ нами останется еще значительное количество важныхъ и знаменательныхъ случаевъ, которые можно объяснить только неразгаданной, но безспорной властью какой-то невѣдомой, но реальной силы. Ее называютъ случаемъ, рокомъ, судьбой, счастьемъ и несчастьемъ, крыломъ бѣлаго и крыломъ чернаго ангела и еще множествомъ другихъ названій, смотря по большей или меньшей поэтичности, по большей или меньшей склонности къ фантазіи народа и эпохи. Это одна изъ самыхъ тревожныхъ, одна изъ самыхъ трудныхъ задачъ для человѣка изъ всѣхъ, какія ему нужно разрѣшить, чтобы почувствовать себя главнымъ, законнымъ, независимымъ и неизмѣннымъ обитателемъ нашей земли.

VI.

Прежде всего поставимъ передъ собой этотъ вопросъ въ самой простой формѣ и посмотримъ, касается ли онъ только человѣка и никого болѣе. У насъ есть на землѣ молчаливые и вѣрные спутники жизни, о которыхъ не безполезно вспомнить, когда голова начинаетъ

слегка кружиться на тѣхъ, быть можетъ, воображаемыхъ высотахъ, гдѣ намъ представляется, что и свѣтила, и боги или иные представители высшихъ законовъ вселенной заняты только нами. Спокойные и довѣрчивые въ своей покорности судьбѣ, эти бѣдные братья нашей животной жизни имѣютъ такой видъ, точно они знаютъ многое, чего мы уже не знаемъ. Но они невозмутимо хранятъ тайну, въ которую мы съ такой тревогой стараемся проникнуть! Нѣтъ сомнѣнія, что животныя, особенно домашнія животныя также подчинены извѣстнаго рода судьбѣ. Они пользуются также незаслуженнымъ и продолжительнымъ счастьемъ или терпятъ неожиданное и упорное несчастье; они могли бы, какъ и мы, говорить о счастливой звѣздѣ, объ удачѣ и неудачѣ, о счастьи и несчастьи. Судьба извозчичьей лошади, которая кончаетъ жизнь на живодернѣ, побывавъ въ рукахъ сотни неизвѣстныхъ палачей, также необъяснима въ сравненіи съ судьбой чистокровнаго скакуна, умирающаго отъ старости въ конюшнѣ сострадательнаго хозяина, какъ и судьба хозяина-человѣка, случайно обѣднѣвшаго, въ сравненіи съ судьбой незаслуженно разбогатѣвшаго, если только не стоять на точкѣ зрѣнія буддійской доктрины, по которой настоящая жизнь представляетъ собой награду или наказаніе за предшествующее существованіе. Въ Голландіи есть порода упряжныхъ собакъ, которыхъ судьба поперемѣнно то осыпаетъ своими милостями, то преслѣдуютъ своей ненавистью. Если ихъ купитъ мясникъ, онѣ ведутъ завидную жизнь. Работы крайне мало. Утромъ, запряженныя четверкой, онѣ везутъ на бойню легкую телѣжку, а вечеромъ веселымъ галопомъ возвращаются оттуда по узкимъ кривымъ улицамъ, мимо привѣтливо освѣщенныхъ домиковъ съ телѣжкой, доверху наполненной мясомъ. Въ промежуткѣ онѣ пользуются полной свободой, и какой свободой!—среди крысъ и отбросовъ бойни. Онѣ наѣдаются до отвала, толстѣютъ, лоснятся, какъ тюлени, и пьютъ полной чашей все то счастье, о которомъ только можетъ мечтать наивная и хищная душа доброй собаки. А въ то же время ихъ несчастные братья той же породы, купленные тряпичникомъ или продавцомъ песку, почти всегда хромымъ, или бѣднымъ крестьяниномъ въ тяжелыхъ деревянныхъ сапогахъ, весь вѣкъ таскаются прикованные къ тяжелымъ телѣжкамъ или уродливымъ тачкамъ. Плѣшивые, грязные, худые, голодные и избитые, они до смерти не могутъ вырваться изъ этого ада, куда ихъ ввергла какая-нибудь мелкая монета, сунутая въ мозолистую руку. И среди міра болѣе удаленнаго отъ человѣка, мы также встрѣчаемъ куропатокъ или фазановъ, оленей и зайцевъ, которымъ положительно нѣтъ счастья, ни одна встрѣча съ охотникомъ не сходится имъ даромъ, между тѣмъ какъ другіе, неизвѣстно какимъ образомъ и вслѣдствіе какой привилегіи, избѣгаютъ всѣхъ опасностей.

Они, слѣдовательно, также какъ и мы, претерпѣваютъ всевозможныя несправедливости. Мы не думаемъ, конечно, по поводу этихъ не-

справедливостей тревожить всѣхъ боговъ и обращаться съ запросами къ таинственнымъ силамъ. А между тѣмъ, то, что съ ними происходитъ, представляетъ, быть можетъ, только наивную упрощенную картину того, что переживаемъ и мы. Конечно, для нихъ мы играемъ роль тѣхъ самыхъ таинственныхъ силъ, которыхъ мы ищемъ для себя. Но имѣемъ ли мы въ такомъ случаѣ право ожидать отъ этихъ послѣднихъ больше сознательности и разумной справедливости, чѣмъ мы сами проявляемъ въ отношеніи животныхъ? Во всякомъ случаѣ, если бы этотъ примѣръ послужилъ только къ тому, чтобы отнять у этихъ силъ нѣкоторую часть безплоднаго престижа, окружающаго ихъ, и настолько же усилить въ насъ духъ предпріимчивости и борьбы, то это былъ бы самъ по себѣ немаловажный выигрышъ.

VII.

Принимая это новое исключеніе, мы все-таки не можемъ отрицать, что, по крайней мѣрѣ, для болѣе сложной жизни человѣка приходится часто искать невѣдомыхъ еще намъ причинъ счастья и несчастья тамъ, гдѣ начинается видимое господство случайности, этой размѣнной монеты судьбы. Мы знаемъ, что есть люди съ «счастливой» и съ «несчастной» рукой, и это знаніе составляетъ часть тѣхъ безформенныхъ, но глубокихъ представленій о законахъ жизни, которыя тысячелѣтній опытъ превратилъ въ своего рода инстинктъ. Мнѣ пришлось быть близкимъ свидѣтелемъ судьбы одного моего товарища, котораго упорно преслѣдовало несчастье. Я не хочу этимъ сказать, что его жизнь была несчастной. Замѣчательно даже, что несчастныя случайности всегда обходили основную линію его дѣйствительнаго счастья, быть можетъ, потому, что она была хорошо защищена. Его внутренняя жизнь была очень интенсивна,—мысли, надежды, убѣжденія, глубокія чувства владѣли имъ. Онъ зналъ, что всѣ эти блага защищены отъ ударовъ судьбы, и что, помимо его воли, ничто не можетъ разрушить ихъ. Судьба совсѣмъ не непобѣдима; иначе сказать, основное направленіе нашей жизни, главный внутренній каналъ, можетъ быть направляемъ къ счастью или къ несчастью, хотя его развѣтвленія, простирающіяся на каждый день, и тысячи притоковъ, которые вливаетъ въ него случай, ускользаютъ отъ нашей воли.

Такъ прекрасная рѣка, спускающаяся съ высотъ и сверкающая благородной чистотой ледниковъ, протекаетъ черезъ равнины и города, гдѣ въ нее вливается отравленная вода. На мгновеніе она замутится, и намъ кажется, что она навсегда потеряла образъ чистыхъ небесъ, который она унесла съ собой изъ своего источника, и который казался ея душой, глубокимъ и чистымъ выраженіемъ ея силы. Но посмотримъ на нее тамъ, подъ тѣми высокими деревьями; тамъ она забываетъ уже оскорбленія ручьевъ. Снова въ ея прозрачныхъ волнахъ отражается

лазурь небесъ, и она несетъ ее въ море, чистая, какъ въ тотъ моментъ, когда она со смѣхомъ разставалась съ горными источниками.

И тотъ человѣкъ, о которомъ я разсказываю, плакалъ много разъ, но никогда не плакалъ тѣми слезами, какими оплакиваютъ потерю самого себя, и которыя никогда не изглаживаются изъ памяти. Поэтому каждая неудача, послѣ неизбѣжнаго нервнаго разстройства, только приближала его къ тайному источнику его счастья, только сильнѣе подчеркивала его только дѣлала его болѣе дорогимъ, болѣе жгучимъ и болѣе прочнымъ. Но, какъ только онъ покидалъ это волшебное убѣжище, на него обрушивался рядъ враждебныхъ случайностей. Онъ, напримѣръ, очень недурно владѣлъ саблей, три раза онъ выходилъ на дуэль и три раза былъ раненъ болѣе слабыми соперниками. Если онъ ѣхалъ куда-нибудь, путешествіе почти никогда не проходило благополучно. Если онъ вкладывалъ деньги въ какое-нибудь предпріятіе, оно сейчасъ же получало дурной оборотъ. Одна судебная ошибка, которая произошла благодаря рѣдкому сцѣпленію несчастныхъ случайностей, причинила ему рядъ серьезныхъ непріятностей. Наружность у него была пріятная, взглядъ открый и полный доброты, и, тѣмъ не менѣе, онъ не считался «симпатичнымъ». Онъ не вызывалъ того безпричиннаго расположенія, которое мы часто даримъ неизвѣстно почему первому встрѣчному, быть можетъ, врагу. И сердечная жизнь слагалась у него не болѣе удачно. Любящій и гораздо болѣе достойный любви, чѣмъ тѣ, ради кого жертвовало имъ непостоянное женское сердце, онъ встрѣчалъ на своемъ пути только измѣны, горе и разочарованія. Такъ шелъ онъ впередъ, стараясь насколько возможно избѣгать тѣхъ ловушекъ, какія ставила ему неблагодарная судьба, не приходя въ отчаяніе и даже не огорчаясь черезчуръ глубоко, только удивляясь нѣсколько такой ярости нападокъ. И, наконецъ, онъ все-таки встрѣтилъ единственное великое счастье своей жизни, — любовь исключительную, страстную и неизмѣнную, такую же, какая жила въ немъ. Съ этого момента, точно подъ благотворнымъ вліяніемъ иной звѣзды, смѣшавшей свои лучи съ лучами его звѣзды, онъ сталъ замѣчать, что несчастныя случайности стали медлить, запаздывать, приходить все рѣже и, наконецъ, совсѣмъ исчезли съ его пути. Точно онѣ неохотно оставляли привычку слѣдовать за нимъ по пятамъ. Онъ въ дѣйствительности долженъ былъ признать, что счастье повернулось къ нему лицомъ. Теперь, попавъ такъ сказать въ нейтральную атмосферу, гдѣ господствуютъ обычныя случайности, общія большинству, онъ съ улыбкой вспоминаетъ то время, когда каждое его движенье подстерегалось невидимымъ врагомъ и порождало какую нибудь опасность.

VIII.

Не будемъ тревожить боговъ, чтобъ объяснить эти явленія. Они только тогда будутъ въ состояніи объяснять намъ что-нибудь, когда

сами будутъ достаточно объяснены. И судьба, самая невѣдомая изъ всего сонма боговъ, имѣетъ меньше всѣхъ права вторгаться сюда и взывать изъ глубины окружающаго ее непрогляднаго мрака:—«это мое дѣло, я такъ рѣшила!» Не будемъ обращаться также къ вѣчнымъ законамъ вселенной, къ судьбамъ исторіи, къ міровой волѣ, къ небесной справедливости. Эти силы существуютъ, и мы ощущаемъ на себѣ ихъ могущество, также какъ мы ощущаемъ могущество солнца. Но, также какъ и это послѣднее, онѣ дѣйствуютъ, не имѣя насъ въ виду. Въ безграничной сферѣ ихъ дѣйствія мы пользуемся все же громадной свободой, и ужъ, конечно, онѣ заняты не тѣмъ, чтобы наблюдать за нами, подсовывать соломенки или снимать соринки съ тропинокъ нашего муравейника. Разъ дѣло идетъ о насъ, о нашей маленькой жизни, въ насъ, я думаю, и надо искать ключа къ этой тайнѣ; всего вѣроятнѣе, что каждое существо въ себѣ самомъ носитъ наилучшее разрѣшеніе той задачи, какую оно само себѣ ставитъ.

Внутри насъ самихъ, подъ нашимъ сознательнымъ существованіемъ, подчиненнымъ разуму и волѣ, есть другое, болѣе глубоко лежащее существованіе. Съ одной стороны оно уходитъ въ безконечное прошлое, недоступное никакой исторіи, съ другой—простирается въ будущее, которое не изжить ни въ какія тысячелѣтія. Не рискуя быть слишкомъ смѣлыми, мы можемъ предполагать, что именно тамъ прячутся всѣ боги. Тѣ изъ нихъ, которыми мы населили землю и планеты, постепенно выходили оттуда, чтобъ получить имя и облечься въ форму болѣе доступную нашему воображенію. По мѣрѣ того, какъ человѣкъ начинаетъ видѣть болѣе отчетливо, менѣе нуждается въ символахъ и образахъ, онъ уменьшаетъ количество этихъ именъ, количество этихъ формъ. Въ концѣ концовъ, онъ произноситъ только одно имя, удерживаетъ только одну форму и мало-по-малу онъ начинаетъ подозрѣвать, что и эта послѣдняя форма, и это послѣднее имя представляютъ не болѣе, какъ образъ той силы, которая всегда обитала въ насъ самихъ. Тогда боги снова возвращаются въ насъ, и уже здѣсь мы обращаемся къ нимъ съ запросами.

IX.

И я допускаю, что объясненія причинъ счастливыхъ и несчастныхъ случайностей, управляющихъ нами, надо искать въ нашей безсознательной жизни, обширной, неистощимой, неисчерпаемой и божественной. Въ насъ живетъ нѣчто, составляющее наше истинное я, общая, безграничная и, вѣроятно, безсмертная сущность. Нашъ разумъ,—родъ фосфорическаго свѣта на поверхности этого океана, — освѣщаетъ ее далеко не полно. Но съ каждымъ днемъ онъ все больше убѣждается, что въ ней надо искать разгадокъ всѣхъ тайнъ человѣческой жизни, до сихъ поръ еще не объясненныхъ. Эта безсознательная сущность живетъ въ иномъ мірѣ, въ иной атмосферѣ, чѣмъ нашъ разумъ. Она

не хочетъ ничего знать о времени и пространствѣ, объ этихъ двухъ прочныхъ, хотя и созданныхъ воображеніемъ стѣнахъ, изъ предѣловъ которыхъ не можетъ выходить нашъ разумъ, не рискуя заблудиться. Для нея не существуетъ ни близкаго, ни далекаго, ни прошлаго, ни будущаго, ни противодѣйствія матеріи. Она все знаетъ и все можетъ. Въ той или другой степени существованіе этой силы всегда признавалось. Проявленіямъ ея давались разныя названія: инстинктъ, душа, безсознательное, «подсознательное», рефлекторныя движенія, интуиція, предчувствіе и т. п. Ей приписывалась неопредѣленная и подчасъ чудесная дѣятельность тѣхъ нашихъ нервовъ, которые не участвуютъ непосредственно въ работѣ нашего ума и нашей воли и составляютъ, повидимому, самую жизненную энергію. По всей вѣроятности, она приблизительно одной природы у всѣхъ людей вообще. Но она очень различными способами сообщается съ разумомъ. У однихъ эта невѣдомая сущность лежитъ на такой глубинѣ, что можетъ заниматься лишь физическими функціями и продолженіемъ рода. У другихъ она, наоборотъ всегда бодрствуетъ и часто поднимается такъ высоко, что волшебнымъ образомъ достигаетъ поверхности внѣшней сознательной жизни. Она вторгается въ нее, предвидитъ, предсказываетъ, рѣшаетъ и вообще проявляетъ свое вмѣшательство въ разныхъ серьезныхъ случаяхъ жизни. Откуда берется эта сила? Это неизвѣстно. Опредѣленныхъ и точныхъ законовъ она не имѣетъ. Нельзя установить никакого постояннаго отношенія между дѣятельностью безсознательнаго и развитіемъ ума. Эта дѣятельность подчиняется неизвѣстнымъ намъ правиламъ. Теперь, при настоящемъ состояніи нашихъ знаній, она кажется совершенно случайной. Мы встрѣчаемъ ее у того, а не у другого, и ни одинъ признакъ не указываетъ намъ причины этого различія.

X.

Идетъ ли дѣло о счастливой или о несчастной случайности, вотъ что происходитъ по всей вѣроятности: какой-нибудь случай, благопріятный или неблагопріятный для насъ, возникшій изъ великихъ и вѣчныхъ законовъ, встаетъ на нашемъ пути и преграждаетъ его. И вотъ онъ стоитъ передъ нами, неподвижный, роковой, неистребимый. Ему нѣтъ дѣла до насъ, онъ возникъ не ради насъ. Смыслъ его существованія только въ немъ и для него. Онъ насъ не знаетъ. Не онъ къ намъ, а мы къ нему приближаемся, и мы, войдя въ сферу его вліянія, должны рѣшить, бѣжать ли отъ него или идти къ нему навстрѣчу, обойти его или воспользоваться имъ. Предположимъ, что это случай несчастный, кораблекрушеніе, пожаръ, ударъ молніи, или смерть, болѣзнь, какое-нибудь особенно горе. Онъ ждетъ невидимый и слѣпой, равнодушный, неистребимый и могущественный. Онъ существуетъ уже во всей своей полнотѣ, но еще въ будущемъ. А наши чувства устроены такъ, что мы воспринимаемъ вещи лишь послѣдовательно во времени, и для насъ

поэтому онъ еще какъ бы не существуетъ. Чтобы мысль наша стала еще болѣе отчетливой, допустимъ, что дѣло идетъ о кораблекрушеніи. Корабль, который долженъ погибнуть, еще не вышелъ изъ гавани, скала или рифъ, о который онъ разобьется, спокойно дремлетъ подъ водой, и буря, которая разразится въ концѣ мѣсяца, таится въ небесахъ, недоступная для взоровъ. При обычномъ ходѣ вещей, если бы ничего не было пріуготовлено, если бы въ будущемъ не таилась катастрофа, изъ пяти или шести разныхъ странъ пріѣхали пятьдесятъ пассажировъ и заняли мѣста на пароходѣ. Но корабль отмѣченъ судьбой. Ему предстоитъ неминуемо погибнуть. И вотъ, впродолженіи мѣсяцевъ, быть можетъ, даже лѣтъ, среди пассажировъ, которые должны были бы отплыть въ этотъ день, совершался таинственный отборъ. Возможно, что изъ пятидесяти первоначальныхъ пассажировъ, только двадцать оказались на кораблѣ въ моментъ отплытія *).

Возможно даже, что изъ первоначальныхъ пятидесяти ни одинъ не подчинится обстоятельствамъ, которыя, не будь опасности, заставили бы ихъ ѣхать, и вмѣсто нихъ поѣдутъ 20 или 30 другихъ, для кого голосъ случая не звучитъ такъ отчетливо.

Здѣсь, гдѣ мы заглядываемъ въ самую глубину самой глубокой изъ загадокъ человѣческаго существованія, область предположеній волей-

---

*) Замѣчательно, что всегда во время великихъ катастрофъ число жертвъ оказывается значительно меньше, чѣмъ можно было бы опасаться по самымъ разумнымъ разсчетамъ вѣроятностей. Въ послѣдній моментъ какое-нибудь исключительное и неожиданное обстоятельство всегда устраняетъ половину или даже двѣ трети тѣхъ людей, которымъ грозила невидимая опасность. На столкнувшихся пароходахъ, на курьерскомъ поѣздѣ, свалившемся въ пропасть, ѣдетъ меньше пассажировъ, чѣмъ въ тѣ дни, когда съ ними ничего не случается. Мостъ проваливается, противъ всѣхъ ожиданій именно тогда, когда толпа покидаетъ его. Къ несчастью, нельзя сказать того же о пожарахъ въ театрахъ и другихъ общественныхъ мѣстахъ. Но тамъ, какъ извѣстно, главную опасность представляетъ не огонь, а сама толпа, обезумѣвшая и разъяренная. Съ другой стороны, взрывы газовъ въ шахтахъ случаются обыкновенно въ то время, когда тамъ гораздо меньше рабочихъ, чѣмъ могло бы быть, пороховой заводъ взлетаетъ на воздухъ также въ то время, когда большинство тѣхъ рабочихъ, которые неминуемо погибли бы, по какой-нибудь случайной причинѣ вышли оттуда. Это настолько твердо установлено, что превратилось уже во всѣмъ извѣстную ходячую форму выраженія: «Катастрофа эта могла бы имѣть ужасныя послѣдствія, но, благодаря такому-то обстоятельству, число ея жертвъ ограничилось...» Или: «Содрагаешься при мысли, что вдругъ это несчастье произошло бы минутой раньше, когда всѣ рабочіе или всѣ пассажиры...» и т. д.

Можно ли это считать милосердіемъ случая? Мы все менѣе и менѣе вѣримъ въ личный характеръ, въ разумность и намѣренія случая. Гораздо болѣе естественно предположить, что что-нибудь въ самомъ человѣкѣ предчувствовало несчастье, и что смутный, но вѣрный у многихъ инстинктъ удалилъ ихъ отъ опасности въ тотъ моментъ, когда она вдругъ, выростая, приняла грозную форму неизбѣжнаго. Въ нихъ проявляется тогда смутный и скрытый страхъ неизвѣстнаго, принимающій иногда форму каприза, или передъ ними возникаетъ какая-нибудь случайная иногда глупая, но неустранимая и спасительная помѣха.

неволей должна кончаться. Но развѣ не правильнѣе, разбирая этотъ случай, изображающій въ болѣе отчетливомъ видѣ то, что въ скромныхъ размѣрахъ происходитъ постоянно въ ежедневной жизни, предположить, что тутъ дѣйствуетъ наше бозсознательное я, вмѣсто того, чтобы тревожить далекихъ и сомнительныхъ боговъ? Оно знаетъ, оно должно знать, оно должно видѣть катастрофу, такъ какъ для него не существуетъ ни времени, ни пространства, и передъ его глазами катастрофа уже совершается также, какъ она совершается передъ лицомъ вѣчныхъ силъ. Та форма, въ какой оно предупреждаетъ могущее совершиться зло, не имѣетъ значенія. Изъ тридцати предупрежденныхъ пассажировъ, только двое или трое имѣли дѣйствительное предчувствіе грозящей опасности. У этихъ безсознательное я всего свободнѣе и легче достигаетъ первыхъ неясныхъ областей разума. Другіе не будутъ ни о чемъ подозрѣвать и, проклиная необъяснимыя задержки и помѣхи, сдѣлаютъ все, чтобы попасть во-время, но все-таки опоздаютъ. Иные захворають, заблудятся, измѣнятъ намѣренія, встрѣтятъ какое-нибудь случайное обстоятельство, которое ихъ задержитъ,—ссору, любовь, минуту лѣности, нѣги, забывчивости, и опять-таки помимо воли они не поѣдутъ. Наконецъ, послѣднимъ вовсе не придетъ въ голову сѣсть на этотъ корабль, хотя логически они должны были бы остановить свой выборъ именно на немъ и ни на какомъ другомъ. У большинства работа безсознательнаго я совершается на такой глубинѣ, что у нихъ и мысли не является о томъ, что они обязаны жизнью своей счастливой судьбѣ; они искренно думаютъ, что и намѣренія не имѣли сѣсть на корабль, отданный во власть морскихъ силъ.

XI.

А тѣ, кто во время является на мѣсто рокового свиданія, тѣ принадлежатъ къ несчастливому племени. Внутри нашей человѣческой расы они составляютъ особую несчастную расу. Когда всѣ бѣгутъ, они одни остаются на мѣстѣ. Когда другіе устраняются, они довѣрчиво приближаются. Они роковымъ образомъ садятся на поѣздъ, который сойдетъ съ рельсъ, въ опредѣленный часъ они проходятъ мимо башни, которая обваливается, входятъ въ домъ, гдѣ уже свирѣпствуетъ огонь, проходятъ черезъ лѣсъ, куда упадетъ молнія, относятъ свои сбереженія банкиру, который собирается бѣжать; дѣлаютъ именно тотъ шагъ, котораго не слѣдовало дѣлать, влюбляются именно въ ту женщину, которую имъ слѣдовало избѣгать. Наоборотъ, если дѣло идетъ о счастьи, и другіе спѣшатъ, привлеченные голосомъ благопріятныхъ силъ, они проходятъ мимо, не слыша зова. Никогда не предупреждаемые, предоставленные исключительно совѣтамъ своего разума, этого стараго, мудраго, но полуслѣпого проводника, знающаго только тропинки у подошвы горы, они теряются среди міра, еще не изученнаго человѣческимъ разумомъ. Конечно, они имѣютъ право обвинять судьбу,

но не въ томъ, въ чемъ они думаютъ. Они имѣютъ право спрашивать, почему она не дала имъ того бдительнаго сторожа, который охраняетъ ихъ братьевъ. Но кромѣ этого упрека, упрека въ неисправимой несправедливости, они не могутъ предъявлять никакихъ жалобъ. Міръ вовсе не враждебенъ имъ. Несчастныя случайности не преслѣдуютъ ихъ. Они сами идутъ имъ навстрѣчу. Предметы внѣшняго міра не желаютъ имъ никакого зла,—они сами навлекаютъ на себя зло. Несчастье, которое постигло ихъ, вовсе ихъ не подстерегало, они его сами избрали. На протяженіи ихъ вѣка, также какъ на протяженіи вѣка всѣхъ людей, ихъ ожидаютъ всевозможныя случайности, также какъ на базарѣ всевозможные товары ожидаютъ своего покупщика. Никто ихъ не обманываетъ, они сами обманываются. Никто ихъ не преслѣдуетъ, но ихъ безсознательная душа не исполняетъ своего назначенія. Отчего это происходитъ, оттого ли, что она болѣе неумѣла, или оттого, что менѣе внимательна? Или она безпробудно спитъ на днѣ темницы, болѣе тщательно запертой, чѣмъ у другихъ, и ничья воля не можетъ пробудить ее отъ этого рокового сна, не можетъ выломать двери, ведущія изъ жизни всезнающей, но безсознательной, къ жизни разумной, но ничего не знающей.

XII.

Одинъ мой другъ, передъ которымъ я развивалъ эти темы, сказалъ мнѣ:

— Жизнь, которая задаетъ намъ иногда болѣе интересныя задачи, чѣмъ философы, побуждаетъ меня прибавить еще одинъ своеобразный вопросъ къ вашимъ вопросамъ. Что происходитъ, если на одномъ дѣлѣ соединяются, нѣкоторымъ образомъ сливаются два счастья, двѣ безсознательныя сущности, одна счастливая и умѣлая, другая несчастная и неловкая? Которая изъ нихъ одержитъ верхъ? Скоро я буду это знать. Сегодня вечеромъ я долженъ сдѣлать шагъ, отъ котораго всецѣло зависитъ будущее, возможность жить сообразно своей природѣ, богатство и счастье существа, которое мнѣ дороже всего въ мірѣ. Оглядываясь на мое прошлое, вполнѣ благополучное, гдѣ случай всегда былъ мнѣ вѣрнымъ и предусмотрительнымъ другомъ, присматриваясь къ тѣмъ пяти, шести моментамъ, какіе есть въ каждой жизни,— нѣчто въ родѣ золотыхъ веретенъ, на которыхъ намотано счастье,—я проникаюсь вѣрой въ мою звѣзду и я внутренне убѣжденъ, что если бы дѣло шло только обо мнѣ, моя попытка удалась бы, такъ какъ у меня «счастливая рука». Но та женщина, ради которой я рѣшаюсь на нее, никогда не была счастлива. Одаренная умомъ тонкимъ и широкимъ и волей гораздо болѣе осторожной и твердой, чѣмъ моя, она, надо думать, обладаетъ неумѣлымъ и неловкимъ безсознательнымъ я, которое заставляетъ ее идти суровымъ путемъ несправедливостей, не минуя ни одной станціи, сталкиваясь со всѣми несчастными случайностями, со всѣми неудачами и разочарованіями. Будьте увѣрены,

что она попала бы на тотъ корабль, о которомъ вы говорили. И вотъ я спрашиваю себя, какимъ образомъ будетъ вести себя мое благожелательное и ловкое безсознательное я въ отношенiи этого брата, лѣниваго и несчастнаго, отъ имени котораго оно должно будетъ дѣйствовать, до нѣкоторой степени замѣняя его.

Гдѣ и какъ слагается сейчасъ это важное рѣшенiе, которое скоро станетъ мнѣ извѣстнымъ? Какая сила, пока я говорю съ вами, взвѣшиваетъ всѣ за и противъ, т.-е. счастье и несчастье той, ради которой я буду дѣйствовать? Изъ какой сферы, отъ какого скрытаго духа, съ какой невидимой звѣзды упадетъ та гиря, которая склонитъ вѣсы въ сторону свѣта или въ сторону тѣни? Повидимому, рѣшаетъ разумъ, воля, интересы участвующихъ сторонъ, но при болѣе глубокомъ взглядѣ дѣло часто стоитъ иначе. Когда стоишь передъ лицомъ такой задачи, и когда любовь къ тому, кого она касается, нѣсколько открываетъ глаза, дѣло уже не кажется такимъ простымъ и невольно кидаешь робкiй и недоумѣвающiй взглядъ на то безсознательное, которое насъ ведетъ и которому мы повинуемся.

И я примусь за это дѣло съ бо̀льшимъ волненiемъ, съ большей энергiей и жаромъ, чѣмъ если бы моя собственная жизнь и мое счастье подвергались опасности. Та, для кого я рѣшаюсь на это, для меня «болѣе я, чѣмъ я самъ», и уже давно ея счастье служитъ источникомъ моего. Мой разумъ и мое сердце глубоко убѣждены въ этомъ, но знаетъ ли это моя безсознательная сущность? Мой разумъ и мое сердце едва достигли тридцати лѣтъ, но моя безсознательная душа, знающая предвѣчныя тайны, считаетъ свой возрастъ вѣками. Она развивается не спѣша.

Она медлительна, какъ мiръ, вращающiйся въ безконечномъ времени. Поэтому она, вѣроятно, не подозрѣваетъ, что мое существованiе слилось съ другимъ, всецѣло поглотившимъ его. Сколько лѣтъ пройдетъ, прежде чѣмъ эта великая новость проникнетъ въ ея убѣжище? И въ этомъ она разнообразна и измѣнчива. У одного она тотчасъ же узнаетъ обо всемъ, что происходитъ въ сердцѣ, у другого она принимаетъ очень запоздалое участiе въ дѣятельности разума. Есть такiе виды любви, въ которыхъ она идетъ впереди сердца и разума, напримѣръ, въ материнской любви. Безсознательная душа матери съ трудомъ отрывается отъ дѣтей и охраняетъ ихъ болѣе бдительно и упорно, чѣмъ самую мать. Но въ такой любви, какъ моя, невозможно сказать, знаетъ она или нѣтъ, что эта любовь для меня дороже жизни. По моему убѣжденiю, она продолжаетъ считать, что тотъ шагъ, который я собираюсь сдѣлать, меня совершенно не касается. И она останется скрытой и ни въ чемъ не проявитъ своего участiя. Въ тотъ моментъ, съ которымъ связаны всѣ мои надежды больше, чѣмъ если бы дѣло шло о моемъ собственномъ спасенiи, она поглощена таинственной работой въ своемъ скрытомъ убѣжищѣ. Если бы я требовалъ

справедливости для себя самого, она бы бодрствовала. Она, быть можетъ, знала бы, что данный шагъ слѣдуетъ сдѣлать не сегодня. Я бы и не подозрѣвалъ объ ея участіи, но она воздвигла бы передо мной какія-нибудь непредвидѣнныя препятствія. Я бы захворалъ, упалъ, былъ бы задержанъ второстепеннымъ дѣломъ и не поспѣлъ къ неудачно выбранному часу. Потомъ, когда я находился бы передъ лицомъ того, въ чьихъ рукахъ находится моя судьба, мой неусыпный стражъ покрылъ бы меня своими крыльями, вдохнулъ въ меня свою силу, просвѣтилъ меня своимъ свѣтомъ. Онъ продиктовалъ бы мнѣ тѣ слова, какія надо говорить, и которыя отвѣчали бы на невысказанныя возраженія господина моей судьбы. Она внушила бы мнѣ тѣ жесты, движенія и умолчанія, дала бы мнѣ увѣренность, однимъ словомъ вооружила бы меня тѣмъ неуловимымъ вліяніемъ, которое чаще опредѣляетъ рѣшеніе человѣка, чѣмъ доводы разума и убѣдительность выгоды. И я боюсь, что теперь она не сдѣлаетъ всего этого. Она не тронется и съ мѣста. Не станетъ на порогѣ сознанія. Упрямая, недоступная идеѣ, что моя жизнь заключается теперь не во мнѣ одномъ, она будетъ поступать сообразно своимъ многовѣковымъ убѣжденіямъ. Воображая, что она служитъ мнѣ, допуская погибнуть дѣлу, не касающемуся, по ея мнѣнію, меня, она причинитъ мнѣ большее зло, болѣе глубокое горе, чѣмъ если бы она измѣнила мнѣ передъ лицомъ смерти. И такимъ образомъ я внесу въ это дѣло только слабый отблескъ, призракъ моего счастья, и я со страхомъ спрашиваю себя, окажется ли его достаточно, чтобы перевѣсить злую волю того несчастья, котораго я буду служить представителемъ.

XIII.

Черезъ нѣсколько дней мой другъ сообщилъ мнѣ, что его попытка не удалась. Возможно, что эта неудача зависѣла просто отъ случая или отъ недостатка вѣры въ немъ. Вѣра, предвидя успѣхъ, со всѣмъ пыломъ стремится къ нему, пуская въ ходъ такія средства, которыя недоступны колебанію и сомнѣнію, не выдавая тѣхъ невольныхъ слабостей, которыми умѣетъ пользоваться инстинктъ противника. Возможно также, что есть доля правды въ той роли, которую онъ отводилъ безсознательному. Тѣмъ болѣе, что на извѣстной глубинѣ безсознательное и вѣра сливаются, и было бы очень трудно сказать, гдѣ начинается первое и гдѣ кончается вторая.

Не углубляясь въ эту область неуловимыхъ догадокъ, прислушаемся лучше къ другимъ болѣе опредѣленнымъ вопросамъ, какіе ставитъ намъ жизнь по поводу счастья, этого величайшаго вопроса жизни. Онъ имѣетъ, можно сказать, повседневное значеніе. Она спрашиваетъ насъ, какъ вести себя по отношенію къ людямъ, безспорно неудачливымъ. Иногда ихъ несчастная звѣзда настолько сильна, что она неизбѣжно губитъ все, что рискуетъ подойти слишкомъ близко къ очень обшир-

ной порой сферѣ ея вредоноснаго вліянія? Должны ли мы безъ всякихъ стѣсненій бѣжать отъ нихъ, какъ совѣтуетъ докторъ Фуассакъ? Да, конечно, если ихъ несчастья зависятъ отъ безпечнаго, неосторожнаго, невнимательнаго, легкомысленнаго и вздорнаго характера. Несчастье—заразительная болѣзнь, которая часто передается отъ одного безсознательнаго къ другому. Но если дѣло идетъ о незаслуженныхъ несчастьяхъ, постигающихъ тѣхъ, кого мы любимъ, бѣгство тогда несправедливо и позорно. Здѣсь разумная, часть нашего существа,—не имѣющая понятія о многихъ вещахъ, но сознающая истины иного порядка, которыя являются первыми цвѣтами новаго, еще возникающаго міра,—здѣсь она должна бороться съ міровой мудростью безсознательнаго, отвергать его предупрежденія и влечь его къ гибели, являющейся побѣдой при свѣтѣ идеала, до пониманія котораго, быть можетъ, достигнетъ когда-нибудь и безсознательное.

XIV.

Тутъ мы подходимъ къ вопросу о томъ, представляетъ ли наша безсознательная сущность, которой мы приписываемъ наше счастье и несчастье, нѣчто дѣйствительно неподвижное и неразвивающееся. Кто изъ насъ не наблюдалъ за странными прихотями счастья? Когда слѣдишь за жизнью какого-нибудь маленькаго города или группы людей, не теряя ихъ изъ вида, то ихъ судьба представляется чѣмъ-то вродѣ богини упорной и прихотливой, какъ слѣпень. Она мѣняетъ свой обликъ каждый разъ, когда касается новаго лица или новаго дѣла, она тотчасъ же пріобрѣтаетъ совершенно своеобразный характеръ. Пріемы у нея самые разнообразные, но въ каждомъ изъ своихъ воплощеній, если можно такъ выразиться, она остается послѣдовательной и вѣрной себѣ. Смотря по тому, уловили ли мы ея первое или второе движеніе, мы можемъ безъ труда или совсѣмъ не можемъ предугадать ея дальнѣйшія дѣйствія. Измѣнчивая богиня, которую не можетъ уловить никакое изображеніе, здѣсь она вырывается изъ земли точно источникъ живой воды среди пустыни и исчезаетъ, создавъ изъ ничего непрочный оазисъ. Тамъ она возвращается черезъ правильные промежутки, то собираясь, то разсѣиваясь, какъ перелетныя птицы, подчиняющіяся смѣнѣ временъ года. Направо отъ насъ она опрокидываетъ человѣка и не занимается имъ больше, налѣво—она сбиваетъ съ ногъ другого и безпощадно издѣвается надъ своей жертвой. Но почти всегда, идетъ ли дѣло о счастьи или о несчастьи, она остается удивительно вѣрной тому характеру, который она, какъ кажется, принимаетъ разъ на всегда въ каждомъ данномъ случаѣ. Этотъ, напримѣръ, потерпѣвшій неудачу на войнѣ, будетъ всегда терпѣть тамъ неудачи, тотъ будетъ всегда выигрывать или проигрывать въ карты. Иного будутъ всегда

обманывать, съ этимъ всегда будутъ случаться несчастья отъ воды, огня и уличныхъ столкновеній, наконецъ, тотъ будетъ всегда счастливъ или несчастливъ въ любви, въ денежныхъ дѣлахъ и т. п. Неужели все это нельзя считать, если не доказательствомъ, то хоть указаніемъ, что ключа надо искать не внѣ насъ, а въ насъ самихъ, и что наше счастье или несчастье зависитъ отъ тайной силы, которая имѣетъ своимъ источникомъ только насъ и никого болѣе?

Порой странные повороты, капризы, порожденные ея капризами, нарушаютъ вдругъ ея привычки, противорѣчатъ ея характеру и придаютъ ей иной видъ. Тогда говорятъ, что «счастье повернулось»,—не правильнѣе ли было бы сказать, что безсознательное я само измѣнилось? Быть можетъ, вниманіе его, его ловкость, наконецъ, пробудились? Или оно замѣтило въ концѣ концовъ, что во внѣшнемъ мірѣ происходятъ важныя событія? Быть можетъ, оно пріобрѣло нѣкоторую опытность? Въ его убѣжище ворвался, можетъ быть, лучъ сознанія, искра воли и предупредили его объ опасности? Или послѣ долгихъ лѣтъ, послѣ жестокихъ испытаній, оно поняла, наконецъ, что пора выйти изъ своей черезчуръ довѣрчивой апатіи? Или внѣшнія несчастья нарушили его опасный сонъ? Или, если оно всегда знало, что происходитъ надъ его тюрьмой, оно наконецъ, послѣ многихъ тщетныхъ усилій, въ нужный моментъ пробило брешь вѣковыхъ наслоеній, отдѣляющихъ его отъ невѣдомыхъ сестеръ, и такимъ образомъ получило возможность принять участіе въ скоротечной жизни, отъ которой отчасти зависитъ и его жизнь?

XV.

Конечно, мы должны признать, что и эта гипотеза безсознательнаго не объясняетъ всѣхъ несправедливостей судьбы. Три величайшія несчастья, которыя могутъ постигнуть человѣка, обыкновенно ждутъ его еще до рожденія: я говорю объ абсолютной бѣдности, о болѣзни, (въ самыхъ ужасныхъ ея формахъ: уродствахъ, отталкивающемъ безобразіи, неизлѣчимыхъ страданіяхъ), и слабоуміи. Вотъ три главныя жрицы несправедливости, поджидающія невинность у порога жизни. Но хотя выборъ ихъ и кажется таинственнымъ, источникъ, изъ котораго они черпаютъ три неизлечимыхъ вида несчастья, оказывается въ сущности не настолько таинственнымъ. Нѣтъ необходимости искать его въ царствѣ предвѣчной воли, въ вѣчныхъ, роковыхъ и враждебныхъ человѣку законахъ. Первый источникъ и начинается, и кончается въ царствѣ человѣка. Если нельзя сказать, почему одинъ родится богатымъ, а другой бѣднымъ, то зато прекрасно извѣстно, въ силу какихъ чисто человѣческихъ несправедливостей въ этомъ мірѣ съ одной стороны царитъ безграничная бѣдность, а съ другой—избытокъ богатства. Въ

этой несправедливости боги и звѣзды не играютъ никакой роли. Что касается двухъ другихъ несчастій, то когда исключить изъ нихъ все то, въ чемъ они зависятъ отъ бѣдности, и откинуть послѣдствія ошибокъ родителей, не имѣвшихъ въ себѣ ничего неизбѣжнаго, то въ остаткѣ окажется еще нѣкоторая доля жестокой и необъяснимой несправедливости; но этотъ кусочекъ тайны умѣстится, пожалуй, на ладони философа будущаго, который изучитъ его на свободѣ. А пока гораздо разумнѣе не окружать нашу жизнь воображаемыми врагами и проклятіями и не омрачать ее безъ необходимости.

Когда же дѣло идетъ о повседневныхъ удачахъ и неудачахъ, условимся, въ ожиданіи лучшаго, что исторія нашего счастья (не въ смыслѣ истиннаго счастья, которое можно создать въ недоступной для случая области, а въ смыслѣ удачи) совпадаетъ съ исторіей нашей безсознательной сущности. Это, во всякомъ случаѣ, болѣе допустимо, чѣмъ привлеченіе къ маленькимъ событіямъ нашей жизни вѣчности, звѣздъ и всевышняго духа. Быть можетъ, измѣнить характеръ нашего безсознательнаго я также трудно, какъ измѣнить движеніе Марса или Венеры, но, по крайней мѣрѣ, это представляется менѣе отдаленнымъ и менѣе химеричнымъ, а когда намъ приходится выбирать между двумя вѣроятностями, мы обязаны остановиться на той, которая менѣе противорѣчитъ нашимъ надеждамъ. И если бы даже зло оказалось дѣйствительно неизлѣчимымъ, мы могли бы найти нѣкоторое утѣшеніе въ гордой мысли, что оно исходитъ изъ насъ самихъ, что мы не являемся жертвами чьей-то злой воли, игрушками слѣпого случая; быть можетъ, переживая больше несчастій, чѣмъ наши братья, мы тѣмъ самымъ начертываемъ во времени и пространствѣ необходимую форму нашей личности. Пока несчастье не надламываетъ внутренней гордости человѣка, онъ сохраняетъ еще силу бороться и исполнять свое вѣчное назначеніе—жить всѣми своими силами, какъ будто бы его жизнь была важнѣе всѣхъ другихъ для судебъ человѣчества.

Эта форма всего болѣе отвѣчаетъ тому закону, который постепенно возвращаетъ въ насъ самихъ боговъ, которыми мы населяли міръ. Большая часть этихъ боговъ оказалась лишь слѣдствіями, причины которыхъ заключались въ насъ. Идя все далѣе впередъ, мы открываемъ, что большая часть силъ, управлявшихъ нами и восхищавшихъ насъ, представляютъ не болѣе какъ мало изученныя части нашихъ собственныхъ силъ, и, по всей вѣроятности, это будетъ съ каждымъ днемъ все болѣе подтверждаться.

Конечно, приблизить къ намъ, водворить въ насъ какую-нибудь неизвѣстную силу еще не значитъ овладѣть ею, но, во всякомъ случаѣ, важно хотя бы знать, гдѣ ее найти. Мы окружены невѣдомыми силами, но та, съ которой мы имѣемъ больше всего дѣла, заключена въ самомъ центрѣ нашего существа. Всѣ остальныя исходятъ изъ нея,

соприкасаются съ ней, возвращаются въ нее и интересуютъ насъ только по своимъ отношеніямъ къ ней.

Эту послѣднюю силу, чтобы отличить ее отъ массы другихъ, мы назвали нашей безсознательной силой. Когда мы ближе изучимъ это безсознательное, его пріемы, его вкусы и отвращенія, его необъяснимыя ошибки, мы сильно притупимъ зубы и когти того чудовища, которое преслѣдовало насъ подъ именемъ судьбы, счастья, рока. Теперь мы еще только кормимъ его, какъ слѣпой кормитъ льва, который впослѣдствіи сожретъ его. Скоро, быть можетъ, мы увидимъ этого льва въ истинномъ свѣтѣ и научимся укрощать его.

Итакъ, будемъ безъ устали изслѣдовать дороги, ведущія отъ нашего сознанія къ нашему безсознательному я. Такимъ образомъ мы проложимъ, быть можетъ, тропинку вдоль непроходимыхъ еще путей, ведущихъ отъ видимаго къ невидимому — отъ человѣка къ Богу, отъ индивидуума къ вселенной. Въ концѣ этого пути сокрыта великая тайна жизни. А пока примемъ ту гипотезу, которая придаетъ нашей жизни наибольшее значеніе въ жизни вселенной, нуждающейся въ насъ, чтобы бы проникнуть въ свои собственныя тайны: вопросы, которые она ставитъ, всего скорѣй и всего чище кристаллизуются въ насъ.

СКОРБЬ.

Сонетъ.

По шумнымъ улицамъ она, какъ призракъ, шла,
Вся въ траурѣ, беззвучно и устало,
И тѣнью черною недвижнаго крыла
Съ ея лица струилось покрывало.

Надъ городомъ сгущалась полумгла.
Сіянье заревое догорало.
Въ ея чертахъ и въ блѣдности чела,
Казалось, также солнце умирало.

И поравнялась эта тѣнь со мной.
Тревожный вѣтеръ, первый вздохъ ночной,
Вдругъ всколыхнулъ воздушный крепъ вуаля,

И онъ коснулся сердца моего,
И въ немъ съ тѣхъ поръ все холодно, мертво...
А тѣнь живетъ, весь міръ собой печаля.

А. М. Өедоровъ.

ВЗАИМНАЯ СВЯЗЬ МЕЖДУ ОРГАНИЗМАМИ.

Въ народныхъ преданіяхъ, а также въ древней и новой литературѣ, мы повсюду встрѣчаемъ указанія на существованіе такъ называемыхъ загадочныхъ или таинственныхъ явленій: появленіе призраковъ и привидѣній, движеніе предметовъ подъ дѣйствіемъ какихъ-то невѣдомыхъ силъ, возможность для человѣка знать будущее и воздѣйствовать на міръ органическій и неорганическій какими-то особыми путями.

Литература, посвященная этимъ вопросамъ, чрезвычайно обширна, и въ ней борятся два совершенно противоположныя теченія. Нѣкоторые серьезные ученые, извѣстные, какъ талантливые изслѣдователи, категорически отрицаютъ наличность этихъ загадочныхъ явленій, объясняя ихъ то непроизвольными дрожаніями, то ошибками наблюденій, то просто болѣзненной фантазіей экспериментаторовъ. Другіе, не менѣе ученые и столь же талантливые изслѣдователи, напротивъ, горячо отстаиваютъ наличность подобныхъ явленій и даютъ даже готовыя теоріи для ихъ объясненія: спириты допускаютъ возможность вмѣшательства душъ умершихъ людей въ жизнь живыхъ, а окультисты считаютъ человѣка центромъ «магическихъ силъ». Происходитъ это, повидимому, оттого, что обѣ партіи нѣсколько торопливы въ своихъ заключеніяхъ.

Такъ, напримѣръ, едва ли правъ д-ръ Леманъ, категорически утверждающій въ своей «Иллюстрированной исторіи суевѣрій и волшебства», что до сихъ поръ не существуетъ ни одного факта, котораго нельзя было бы объяснить извѣстными намъ силами. Въ дѣйствительности многія объясненія, приводимыя имъ, слишкомъ торопливы. И самъ авторъ грѣшитъ въ томъ, отъ чего иногда предостерегаетъ своихъ читателей, а именно, онъ часто приступаетъ къ изслѣдованію уже съ готовой предвзятой идеей, отвергая факты, которые не поддаются его объясненію.

Но, конечно, не правы также спириты и окультисты, выступая съ готовыми объясненіями наблюдаемыхъ ими фактовъ. Если трудно произвести правильно наблюденіе, то неизмѣримо труднѣе вывести изъ него правильное заключеніе. Исторія любой науки указываетъ намъ,

какъ часто изъ однихъ и тѣхъ же фактовъ въ различное время выводились различныя заключенія, и строились самыя разнообразныя гипотезы. Нѣчто подобное мы встрѣчаемъ и въ литературѣ, посвященной загадочнымъ явленіямъ. Очевидно, нужно затратить еще огромный трудъ, чтобы всѣ эти вопросы получили болѣе или менѣе удовлетворительное объясненіе. Мы далеки отъ мысли дать въ этой статьѣ описаніе всѣхъ загадочныхъ явленій и критическій обзоръ теорій и гипотезъ, предложенныхъ для ихъ объясненія. Цѣль настоящей статьи разсмотрѣть ту группу фактовъ, которые, повидимому, указываютъ на существованіе какой-то особой связи между живыми организмами. Факты, разборомъ которыхъ мы займемся, можно раздѣлить на двѣ группы: къ первой группѣ отнесемъ всѣ случайныя наблюденія, ко второй—опыты, произведенные для изслѣдованія этихъ явленій.

Случайныя наблюденія.

Приступая къ обзору случайныхъ наблюденій, мы прежде всего должны замѣтить, что придавать всѣмъ этимъ наблюденіямъ рѣшающее значеніе едва ли возможно. Всякому извѣстно, какъ трудно зарегистрировать ходъ какого-нибудь явленія, даже заранѣе приготовившись къ наблюденію его. Понятно само собой, что неопытный и неподготовленный, случайный наблюдатель можетъ упустить чрезвычайно важные элементы даннаго явленія. Но все же и изъ этихъ случайныхъ наблюденій можно вывести нѣкоторыя заключенія, не безполезныя для опытныхъ изслѣдованій. Нашъ обзоръ мы начнемъ со случаевъ такъ называемаго ясновидѣнія.

Ясновидѣніе. Ясновидѣніемъ въ пространствѣ называютъ способность человѣка получать какими-то особыми путями свѣдѣнія о томъ, что происходитъ вдали отъ него. Этой способностью владѣютъ только нѣкоторые исключительные субъекты.

Однимъ изъ наиболѣе знаменитыхъ ясновидцевъ былъ Сведенборгъ—членъ академіи наукъ и многихъ ученыхъ обществъ, извѣстный также своими работами по физикѣ и минералогіи. Случаевъ ясновидѣнія у Сведенборга было очень много. «Относительно этого имѣются многочисленныя извѣстія,—пишетъ докторъ Леманъ,—и такъ какъ большинство ихъ записано людьми, способными къ критикѣ и отнюдь не легковѣрными, людьми, которые употребляли всевозможныя усилія, чтобы выяснить сущность явленій, то эти исторіи не могутъ быть отвергнуты безъ дальнѣйшихъ разсужденій, какъ вымышленныя. Такъ знаменитый современникъ Сведенборга—Эммануилъ Кантъ во многихъ своихъ сочиненіяхъ сообщаетъ результаты изслѣдованій относительно его ясновидѣній». Кантъ, какъ извѣстно, въ концѣ концовъ, призналъ наличность этихъ явленій и, описывая одинъ изъ этихъ случаевъ, прибавляетъ: «Вотъ явленіе, которое требуетъ отъ насъ объясненія».

Мы опишемъ со словъ д-ра Лемана одинъ случай, сообщенный Кантомъ.

«Самымъ замѣчательнымъ примѣромъ сведенборгова ясновидѣнія является, конечно, его извѣстное указаніе на стокгольмскій пожаръ. 1-го сентября 1759 г. Сведенборгъ возвратился въ Швецію и въ четыре часа пополудни сошелъ на берегъ въ Готенбургѣ. Одинъ изъ его друзей тутъ же пригласилъ его въ гости. Около 6-ти часовъ Сведенборгъ оставилъ общество, но чрезъ минуту снова возвратился блѣдный и испуганный. Онъ разсказалъ, что въ Стокгольмѣ свирѣпствуетъ большой пожаръ; онъ чувствовалъ себя неспокойно и часто выходилъ на свѣжій воздухъ. Около восьми часовъ онъ сказалъ, что пожаръ потушенъ какъ разъ за три дома до его собственнаго жилища въ Стокгольмѣ. Эти указанія Сведенборга, конечно, немедленно стали извѣстны въ городѣ и дошли до слуха губернатора. Послѣдній отправилъ на слѣдующее утро къ Сведенборгу своего посланнаго, которому тотъ списалъ подробности пожара. Только въ понедѣльникъ вечеромъ изъ Стокгольма въ Готенбургъ прибыла эстафета, а во вторникъ утромъ—королевскій курьеръ. Привезенныя сообщенія вполнѣ согласовались съ описаніями Сведенборга».

Не менѣе любопытны разсказы д-ра Юстина Вернера о Фридерикѣ Гауфе, знаменитой префортской ясновидящей. Этотъ извѣстный врачъ посвящаетъ цѣлый большой томъ описанію своихъ сеансовъ съ Фридерикой Гауфе; число сеансовъ простиралось до двухъ тысячъ. Во время сеансовъ она часто обладала даромъ ясновидѣнія. Такъ, напримѣръ, она однажды стала описывать экипажъ, сидящихъ въ немъ людей, лошадей и т. д., а спустя полчаса подобный экипажъ дѣйствительно проѣхалъ мимо дома.

Случаевъ ясновидѣнія, которые бывали не только съ Сведенборгомъ и префортской ясновидящей, но и съ другими ясновидцами, зарегистровано весьма много. Изъ этихъ описаній видно, что тѣ моменты, въ которые данное лицо обладаетъ даромъ ясновидѣнія, наступаютъ очень рѣдко. Еще рѣже, конечно, случается, что именно въ эти моменты производятся точныя наблюденія надъ ними. Поэтому не только не изучены условія, при которыхъ происходили эти явленія, но даже самые факты ясновидѣнія нельзя считать вполнѣ установленными, и д-ръ Леманъ весьма справедливо замѣчаетъ по поводу ясновидѣній Сведенборга, что истина здѣсь такъ перепутана съ ложью, что отдѣлить ихъ другъ отъ друга невозможно. Невозможно поэтому и вывести, на основаніи имѣющихся свѣдѣній, какихъ-либо положительныхъ заключеній.

Замѣтимъ, что если мы a priori не будемъ отрицать возможности ясновидѣнія и допустимъ, что въ дѣйствительности бывали подобные случаи, то для объясненія всѣхъ болѣе или менѣе достовѣрныхъ случаевъ ясновидѣнія достаточно допустить только, что ясновидецъ воспринимаетъ тѣ зрительныя ощущенія (а иногда и слуховыя), которыя испытываютъ люди, находящіеся вдали отъ него. Крайне любопытно было бы изслѣдовать, чѣмъ ясновидецъ отличается отъ нормальнаго человѣка. Къ сожалѣнію, изъ біографіи Сведенборга, префортской

ясновидящей и другихъ извѣстныхъ намъ ясновидцевъ можно вывести только заключеніе, что всѣ эти лица были чрезвычайно нервны, впечатлительны и истощены, но, впрочемъ, они не жаловались на какіелибо болѣзненные припадки.

Привидѣнія и *призраки*. Многіе разсказываютъ, что они узнавали о какомъ-либо несчастьи, чаще всего о моментѣ смерти близкихъ имъ лицъ, вслѣдствіе появленія призраковъ или привидѣній.

Камиллъ Фламмаріонъ въ своей статьѣ «Психическія загадки и область невѣдомаго» даетъ богатый матеріалъ, относящійся къ интересующему насъ вопросу. Мы ограничимся описаніемъ слѣдующаго случая.

«В. Киргофъ, пишетъ Фламмаріонъ, сообщилъ мнѣ въ февралѣ 1889 г. слѣдующее.

«25 августа 1874 года, находясь въ Техасѣ, я сидѣлъ послѣ обѣда, въ ожиданіи заката солнца, покуривая свою трубку, въ низенькой залѣ занятаго мною дома. Передо мною была стѣна, въ которой по правую отъ меня руку находилась дверь въ сѣверо-западной сторонѣ. Вдругъ въ амбразурѣ этой двери я совершенно ясно вижу моего стараго дѣдушку. Я былъ въ это время въ полусознательномъ состояніи пріятнаго бездѣйствія, въ блаженномъ покоѣ человѣка, обладающаго хорошимъ пищевареніемъ и недурно пообѣдавшаго. Я не почувствовалъ ни малѣйшаго изумленія при появленіи дѣда. Въ самомъ дѣлѣ, въ этотъ моментъ я жилъ растительной жизнью и ни о чемъ не думалъ. Тѣмъ не менѣе я все-таки подумалъ про себя:

«Забавно, право, какъ эти лучи заходящаго солнца облекаютъ все золотомъ и багрянцемъ, даже малѣйшія складки на одеждѣ и на лицѣ дѣдушки».

«Дѣйствительно заходившее въ это мгновеніе солнце было совершенно багроваго цвѣта и черезъ дверь пронизывало наискось своими послѣдними горизонтальными лучами. Лицо дѣдушки сіяло благодушіемъ; онъ улыбался и казался совершенно счастливымъ. Но вдругъ онъ исчезъ вмѣстѣ съ закатившимся солнцемъ, и я очнулся, какъ будто отъ сна, съ ясной мыслью, что видѣлъ призракъ. А черезъ шесть недѣль я узналъ изъ письма, что дѣдушка скончался, въ ночь съ 25-го на 26-е августа, во второмъ часу ночи. Между Бельгіей, гдѣ умеръ мой дѣдъ, и меридіаномъ Техаса, гдѣ я находился, разница во времени равняется $5\frac{1}{2}$ часамъ, а закатъ солнца начинался приблизительно въ 7 час.».

Такимъ образомъ, моментъ появленія призрака довольно точно совпадаетъ съ моментомъ смерти дѣда.

Если мы допустимъ нѣкоторую связь между организмами, состоящую только въ передачѣ ощущеній одного организма другому, то возникновеніе подобныхъ галлюцинаторныхъ образовъ легко объяснить себѣ, принявъ во вниманіе слѣдующее: 1) если рядъ какихъ-либо предметовъ запечатлѣнъ въ нашей памяти, то мы невольно вспоминаемъ ихъ въ извѣстномъ привычномъ намъ порядкѣ, когда, вслѣдствіе какойлибо причины, мы вспомнимъ объ одномъ изъ нихъ.

2) Способность человѣка въ предметахъ мало знакомыхъ или совсѣмъ незнакомыхъ находить сходство съ предметами хорошо знакомыми ему. Такъ напр., въ приведенномъ примѣрѣ достаточно допустить, что дѣдъ, умирая, возбудилъ у внука только воспоминаніе о себѣ; это воспоминаніе, вслѣдствіе безсознательной работы памяти, воскресало все ярче и ярче, и, наконецъ, благодаря причудливымъ очертаніямъ свѣта и тѣни,

ему представилась въ нишѣ фигура дѣда. Дѣдъ, понятно, явился ему такимъ, какимъ онъ чаще всего видѣлъ его, т.-е. покойнымъ, веселымъ.

Въ разсказахъ о привидѣніяхъ встрѣчаются такіе, для объясненія которыхъ нельзя ограничиться допущеніемъ одного только напоминанія о себѣ со стороны умирающаго, а приходится допустить, какъ и при изученіи ясновидѣнія, передачу ощущеній.

Такъ, Фламмаріонъ, со словъ генерала Пармантье, разсказываетъ слѣдующій случай:

«Нѣсколько знакомыхъ собралось однажды къ завтраку въ Андлау, въ Эльзасѣ. Всѣ ждали хозяина дома, находившагося на охотѣ, но, не дождавшись, сѣли, наконецъ, за столъ безъ него. Хозяйка объявила, что онъ не замедлитъ придти. Уже начали завтракать, отпуская веселыя шутки, въ ежеминутномъ ожиданіи запоздавшаго и черезчуръ уже рьянаго поклонника святого Губерта.

«Но время шло, и многіе уже начали удивляться продолжительности запозданія, какъ вдругъ—при самой спокойной погодѣ и совершенно ясномъ небѣ, настежъ открытое окно въ столовой захлопнулось со страшнымъ трескомъ и въ то же мгновеніе распахнулось опять. Гости были поражены этимъ, тѣмъ болѣе, что такое движеніе окна не могло произойти, не опрокинувъ графина съ водою, стоявшаго тутъ-же, передъ окномъ на столѣ, а, между тѣмъ, графинъ остался въ прежнемъ положеніи. Всѣ видѣвшіе и слышавшіе стукъ окна не понимали рѣшительно ничего.

«Навѣрное, сейчасъ случилось несчастье!», воскликнула, вскакивая, испуганная хозяйка дома.

«Завтракъ окончился, а три четверти часа спустя на носилкахъ было доставлено тѣло охотника, въ грудь которому попалъ ружейный зарядъ».

Замѣтимъ, что въ дѣйствительности окно не двигалось; въ этомъ убѣдились тогда же всѣ присутствующіе, такъ какъ передъ окномъ стоялъ графинъ, который въ противномъ случаѣ былъ бы неминуемо разбитъ. Заканчивая описанія этого случая, Фламмаріонъ прибавляетъ: «Мы сами не можемъ не замѣтить, насколько это хлопанье окна грубо матеріально, даже тривіально и какъ мало оно соотвѣтствуетъ важности знаменуемаго событія. Какое соотношеніе можетъ быть между такого рода дѣйствіемъ и причиной?»

Съ точки зрѣнія передачи психической, разумной силы, дѣйствительно, такое соотношеніе кажется довольно несообразно, но съ точки зрѣнія передачи ощущеній мы находимъ полное соотвѣтствіе между звукомъ выстрѣла и шумомъ, услышаннымъ женой убитаго и его гостями.

Всѣ подобные случаи указываютъ намъ на то, что передача эта облегчается, когда передающій, ярко воспринимая какое-либо впечатлѣніе, думаетъ о томъ, кому онъ желалъ бы его передать. Воспринимающіе чаще всего бываютъ лица, хорошо знакомыя передающему.

Сновидѣнія. Гораздо большее число людей получаетъ различныя, какъ говорятъ, «откровенія» не въ бодрствующемъ состояніи, а во время сна, вѣрнѣе въ моменты засыпанія или просыпанія.

Такъ, напримѣръ, редакторъ «Вѣстника Опыт. Физ. и Элем. Мат.» Э. К. Шпачинскій, (жившій въ это время въ Одессѣ), разсказываетъ,

что однажды во снѣ онъ явственно услыхалъ слова: «Бецъ умеръ». Въ тотъ же день въ газетахъ онъ прочелъ извѣстіе, что въ Кіевѣ умеръ проф. анатоміи Бецъ. Замѣтимъ, что Э. К. Шпачинскій раньше жилъ въ Кіевѣ, немного былъ знакомъ съ проф. Бецомъ, но не состоялъ съ нимъ ни въ родственныхъ, ни даже въ дружескихъ отношеніяхъ. Трудно допустить, что проф. Бецъ, умирая, думалъ о случайномъ знакомомъ, но возможно, что у кого-либо изъ знакомыхъ Э. К. Шпачинскаго, жившихъ въ Одессѣ и прочитавшихъ о смерти проф. Беца, мелькнула мысль подѣлиться этимъ извѣстіемъ съ Э. К. Шпачинскимъ, который тоже былъ изъ Кіева, и котораго это извѣстіе могло интересовать. Быть можетъ, были даже произнесены слова «Бецъ умеръ», которыя и были восприняты Шпачинскимъ во снѣ. Къ сожалѣнію, разсказчикъ не произвелъ детальнаго разслѣдованія этого случая. Мы не будемъ приводить описаній различныхъ сновидѣній, указывающихъ на передачу ощущеній. Почти каждый читатель можетъ вспомнить одно или нѣсколько подобныхъ сновидѣній, видѣнныхъ или имъ самимъ или слышанныхъ отъ другихъ.

Повидимому, моменты засыпанія и просыпанія чрезвычайно благопріятны для подобныхъ воспріятій. Какъ извѣстно, въ эти моменты слухъ чрезвычайно обостряется. Быть можетъ, обостряется также и органъ зрѣнія, хотя внѣшнимъ путемъ сѣтчатая оболочка и не раздражается, но, повидимому, органъ зрѣнія дѣлается способнымъ къ воспріятію индуктивныхъ впечатлѣній.

Гаданіе въ зеркалахъ. Существуетъ чрезвычайно много искусственныхъ пріемовъ, которыми данный субъектъ приводится въ состояніе близкое къ полусонному, когда онъ теряетъ уже сознаніе объ окружающей его обстановкѣ, но зато слухъ и зрѣніе его обостряются. Въ нашемъ бѣгломъ очеркѣ мы не можемъ останавливаться на обзорѣ всѣхъ этихъ пріемовъ, изъ которыхъ многіе были извѣстны уже въ древности.

Какъ извѣстно, многіе, пристально всматриваясь въ зеркала, въ кристаллы, въ кольца, брошенныя въ воду, приходятъ въ особое полугипнотическое состояніе и испытываютъ цѣлый рядъ зрительныхъ галлюцинацій. У насъ въ Россіи чаще всего это дѣлается съ цѣлью гаданія о будущемъ; въ западной Европѣ, особенно въ Англіи, это считается простой забавой. Гаданіе въ зеркалахъ и кристалахъ имѣетъ свою обширную литературу. Можно считать вполнѣ установленнымъ что въ этихъ галлюцинаторныхъ образахъ не только возстановляются въ памяти давно забытыя представленія, но при этомъ возможны случаи вторженія, какъ выражаются, «безсознательнаго въ область сознательнаго». Такъ, напримѣръ, г-жа X. разсказываетъ, что однажды въ зеркало она увидѣла совершенно незнакомый ей пейзажъ. На слѣдующій день она въ дѣйствительности увидѣла этотъ пейзажъ, и оказалось, что она и раньше была въ этой мѣстности и видѣла этотъ пей-

важъ, но не обратила на него вниманія. Многіе утверждаютъ, что лица способныя видѣть въ зеркалахъ видѣнія обладаютъ въ эти моменты даромъ ясновидѣнія. Къ сожалѣнію точныхъ, научно обставленныхъ опытовъ въ данной области никто не производилъ.

Факты обыденной жизни. Помимо вышеописанныхъ, довольно исключительныхъ случаевъ, мы встрѣчаемъ часто въ обыденной жизни такіе факты, которые говорятъ намъ о взаимной связи между организмами. Къ такимъ фактамъ относится поведеніе влюбленныхъ, безпричинныя грустныя и радостныя настроенія, различныя предчувствія и т. п.

Вотъ, напримѣръ, случай, разсказанный намъ препараторомъ при физическомъ кабинетѣ университета св. Владиміра А. Шереметьевымъ. Послѣ похоронъ жены онъ отправилъ дѣтей въ деревню къ своей матери, а самъ остался въ Кіевѣ. Два раза въ недѣлю онъ получалъ письма; хотя въ этихъ письмахъ сообщалось о полномъ здоровьѣ дѣтей, но однажды имъ овладѣла сильная тревога за нихъ. Утромъ онъ послалъ письмо съ вопросомъ о здоровьѣ дѣтей, а затѣмъ къ вечеру и телеграмму, прося сообщить ему всю правду. Отвѣтъ былъ вполнѣ успокоительный; но черезъ два дня онъ получилъ письмо, въ которомъ сообщалось, что дѣти его вполнѣ здоровы, но что въ домѣ были больные дифтеритомъ, а потому мать его, безпокоясь за дѣтей, сдѣлала имъ предохранительныя прививки. Возможно, что вполнѣ понятная тревога бабушки передалась отцу и вызвала у него безпричинное безпокойство.

Подобныхъ примѣровъ можно было бы привести тысячи. Но какъ ни обширна группа этихъ явленій, изъ нея нельзя вывести какихъ-либо опредѣленныхъ заключеній. Всѣ эти настроенія, всѣ эти предчувствія настолько неясны, настолько неопредѣленны, настолько, наконецъ, зависятъ отъ самыхъ разнообразныхъ причинъ, что ставить ихъ въ связь съ событіями, случившимися съ другими лицами, весьма затруднительно.

Такимъ образомъ, всѣ разсмотрѣнныя нами *случайныя наблюденія* не могутъ, очевидно, убѣдить безпристрастнаго читателя въ существованіи загадочныхъ явленій, но они могутъ послужить косвенными уликами, указывающими на вѣроятность ихъ существованія и побудить безпристрастнаго наблюдателя къ дальнѣйшимъ изслѣдованіямъ. Къ сожалѣнію, опытныхъ изслѣдованій надъ многими изъ этихъ загадочныхъ явленій нельзя даже и произвести, а приходится ограничиться одними только наблюденіями. Понятенъ поэтому тотъ интересъ, съ какимъ отнеслось все интеллигентное общество къ вопросу о чтеніи и передачѣ мысли. При изслѣдованіяхъ этого вопроса представлялась широкая возможность различныхъ опытныхъ изслѣдованій, а слѣдовательно и возможность не только разрѣшить вопросъ о взаимной связи между организмами, но и выяснить условія, необходимыя для проявленія этой связи, если таковая дѣйствительно существуетъ. Такимъ обра-

зомъ, въ вопросѣ о чтеніи и передачѣ мыслей мы встрѣчаемся уже не съ случайными наблюденіями, а съ опытными изслѣдованіями, къ обзору которыхъ мы теперь и переходимъ.

Опытныя изслѣдованія.

Чтеніе и передача мыслей. Американецъ Броунъ впервые обратилъ вниманіе на возможность угадыванія или, какъ онъ выражается, чтенія мыслей. Когда идеи Броуна распространились въ Европѣ, то Прейеръ въ Германіи и Карпентеръ въ Англіи одновременно дали весьма правдоподобное объясненіе этому отгадыванію. Они объяснили это непроизвольными движеніями, которыя совершаетъ внушающій, желая направить отгадывающаго въ ту или другую сторону. Хотя это объясненіе вполнѣ примѣнимо ко многимъ случаямъ такъ называемой передачи мыслей, но во время нѣкоторыхъ опытовъ обнаружились такіе факты переноса мыслей, которыхъ никакъ нельзя было объяснить непроизвольными движеніями. Поэтому когда учредилось общество Soc. for. Physical Research, то оно поставило на первую очередь изслѣдованіе вопроса о чтеніи мыслей. Была образована особая коммиссія подъ предсѣдательствомъ проф. физики Баррета, и этой коммиссіей были произведены многочисленныя изслѣдованія; къ сожалѣнію, опыты производились безъ надлежащихъ предосторожностей, а потому многіе не могли согласиться съ заключеніями коммиссіи о несомнѣнномъ существованіи передачи мыслей.

Среди многочисленныхъ изслѣдованій, посвященныхъ этому вопросу, мы встрѣчаемъ прекрасно обставленные опыты проф. Рише надъ отгадываніемъ чиселъ и словъ лицами, загипнотизированными до сомнамбулическаго состоянія, и проф. Сиджвика надъ отгадываніемъ двухзначныхъ чиселъ (2.000 опытовъ). У обоихъ этихъ изслѣдователей процентъ правильнаго переноса настолько великъ, что явленіе это не можетъ быть объяснено случайностью. Но д-ръ Леманъ объясняетъ это непроизвольнымъ шептаніемъ лицъ, задумавшихъ какое-либо слово или число. Онъ совмѣстно съ д-ромъ Ганзеномъ произвелъ рядъ опытовъ надъ отгадываніемъ чиселъ (1.000 опытовъ). Экспериментаторы помѣщали свои головы въ фокусахъ вогнутыхъ зеркалъ, установленныхъ такимъ образомъ, что звуки, издаваемые въ фокусахъ одного зеркала, собирались въ фокусѣ другого. Процентъ правильнаго переноса при этомъ значительно повысился сравнительно съ опытомъ проф. Рише и Сиджвика. Но д-ръ Леманъ утверждаетъ, что онъ часто слышалъ непроизвольный шопотъ лица, задумавшаго какое-либо слово. Какъ основное доказательство правильности даннаго имъ объясненія, д-ръ Леманъ приводитъ изслѣдованіе ошибокъ отгадывающаго. Большинство ошибокъ такого рода, какъ если бы отгадывающій неотчетливо слышалъ рѣчь задумавшаго. Такъ, напр., вмѣсто датскаго to (2) слышалось tre (3), вмѣсто fiere (4)—fem и т. д.

Объясненіе д-ра Лемана, быть можетъ, справедливо по отношенію къ отгадыванію чиселъ и словъ; но имѣется рядъ опытовъ, къ которымъ подобное объясненіе совершенно непримѣнимо. Такъ, Рише и многіе другіе дѣлали опыты надъ передачей рисунковъ, и во многихъ отвѣтныхъ рисункахъ можно было найти замѣтное сходство съ оригиналомъ. Проф. Рише видитъ въ этихъ опытахъ полное доказательство переноса идеи рисунка, но д-ръ Леманъ и многіе другіе считаютъ это сходство только иллюзорнымъ и абсолютно отрицаютъ факты передачи рисунка.

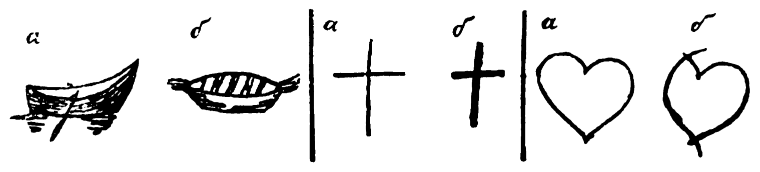
Желая окончательно убѣдиться, можетъ ли данный субъектъ нарисовать тотъ рисунокъ, котораго онъ не видитъ, но на который смотритъ другое лицо, я предпринялъ рядъ опытовъ.

Обстановка опытовъ. Опыты производились по слѣдующей схемѣ. Одинъ изъ участвующихъ бралъ какой-либо рисунокъ и внимательно всматривался въ него; второй, не видя заданнаго рисунка, старался воспроизвести его на листѣ чистой бумаги, лежащей передъ нимъ. Въ большинствѣ случаевъ рисунки заготовлялись третьимъ лицомъ, которое выбирало ихъ изъ дѣтскихъ альбомовъ. Рисунки бывали двухъ типовъ: одни—болѣе простые, какъ, напр., ножъ, бутылка, грабли и пр., другіе—болѣе сложные, какъ, напр., сани, какой-либо пейзажъ, фигура и пр. Заготовленные рисунки хранились въ особомъ конвертѣ. Внушающій (такъ будемъ называть то лицо, которое во время опытовъ смотритъ на рисунокъ) только передъ самымъ опытомъ вынималъ одинъ изъ рисунковъ.

Совмѣстно съ нѣсколькими лицами мною былъ произведенъ рядъ опытовъ при различныхъ условіяхъ. О тѣхъ условіяхъ, которыя наиболѣе способствовали успѣху опытовъ, мы скажемъ ниже; теперь же разсмотримъ главнѣйшіе типы отвѣтныхъ рисунковъ.

Отвѣтные рисунки *). Отвѣтные рисунки, по сходству ихъ съ заданными, можно раздѣлить на слѣдующія пять группъ.

Къ 1-й группѣ отнесемъ удачные отвѣтные рисунки. Сходство контуровъ заданныхъ и отвѣтныхъ рисунковъ настолько велико, что кажется, будто отвѣтные рисунки прямо срисованы съ заданныхъ, какъ это видно, напр., на слѣдующихъ рисункахъ, гдѣ буквой *а* означены заданные рисунки, а буквой *б*—отвѣтные.

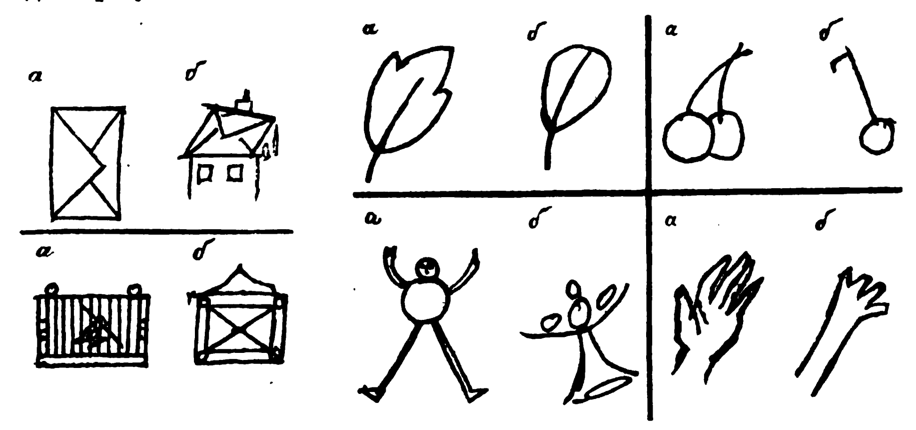

Часто случается, что контуры схвачены болѣе или менѣе вѣрно,

*) На всѣхъ рисункахъ заданные рисунки обозначены буквой *а*, отвѣтные же буквой *б*.

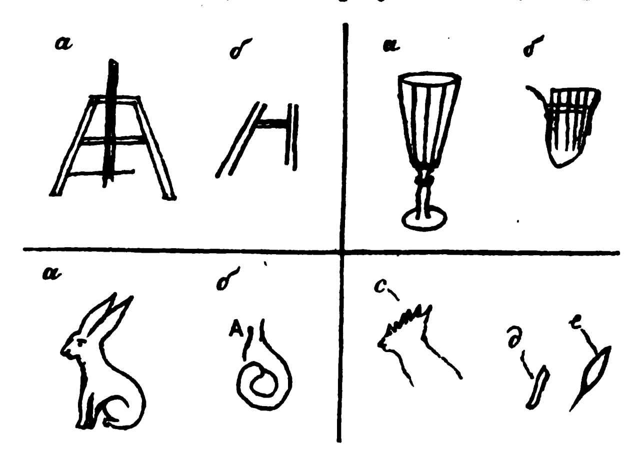
но идея рисунка все же не была воспринята. Такъ, напр., на заданный рисунокъ лѣстницы рисующій сказалъ, что онъ нарисовалъ бочонокъ, хотя въ дѣйствительности этотъ бочонокъ похожъ на лѣстницу.

Ко второй группѣ отнесемъ тѣ отвѣтные рисунки, въ которыхъ замѣтно только нѣкоторое сходство съ контурами заданныхъ рисунковъ. Напр., на заданія въ видѣ прямоугольниковъ слѣдовали отвѣты тоже въ видѣ прямоугольниковъ, какъ это видно на прилагаемыхъ здѣсь рисункахъ.

На заданія въ родѣ листьевъ и плодовъ слѣдовали подобные же отвѣты. Съ измѣненіемъ типовъ заданія соотвѣтственно мѣняются и типы отвѣтныхъ рисунковъ.

Къ третьей группѣ отнесемъ тѣ отвѣтные рисунки, которые представляютъ только части заданнаго рисунка. Такъ, напр., на рисункѣ

мольберта нарисована только лѣвая часть его, на рисункѣ рюмки— верхняя часть ея, а на заданнаго зайца *а* отвѣчено было четырьмя рисунками *б*, *в*, *d* и *е*. Лицо, нарисовавшее ихъ, не могло объяснить, что

именно оно рисовало. Ему представлялись какіе-то контуры, которые и были имъ послѣдовательно нарисованы. Не трудно видѣть, что каждый изъ нихъ представляетъ часть заданнаго рисунка зайца.

Къ четвертой группѣ отнесены тѣ рисунки, въ которыхъ можно усмотрѣть передачу идеи рисунка безъ видимой передачи контуровъ. Такъ, напр., на заданный рисунокъ свѣчи отвѣчено было рисункомъ лампы. Но вѣроятнѣе всего это была простая случайность.

Къ пятой группѣ отнесемъ всѣ неудачные рисунки.

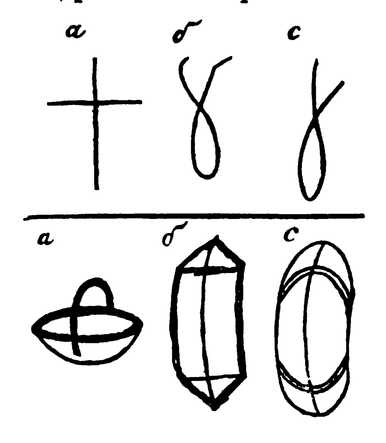
Всего мною было произведено 169 опытовъ. Передачу идеи безъ видимой передачи контуровъ можно усмотрѣть въ 5-ти случаяхъ (3%). Вполнѣ удачныхъ отвѣтныхъ рисунковъ, т.-е. такихъ, когда отвѣтные рисунки были почти тожественны съ заданными, оказалось 15 (9%). Полуудачныхъ отвѣтовъ, т.-е. такихъ, когда схвачены были только части контуровъ, или когда была нарисована фигура, весьма напоминающая заданную, имѣется 66 (39%). Совсѣмъ неудачныхъ оказалось 83 (49%). Такимъ образомъ, мы видимъ, что процентъ неудачныхъ опытовъ очень высокъ. Иногда можно было указать обстоятельства, мѣшавшія ходу опытовъ: неопытность, нездоровье или озабоченность лицъ, принимавшихъ участіе въ опытахъ. Очень вредно отзывается также стремленіе лица, рисующаго подъ внушеніемъ къ отгадыванію заданнаго рисунка. Но случалось, что при наличности всѣхъ условій, благопріятствующихъ опытамъ, все-таки отвѣтные рисунки были неудачны. Иногда казалось при этомъ, что они какъ будто были нарисованы лицомъ, мелькомъ взглянувшимъ на заданный рисунокъ. Поэтому я предпринялъ цѣлый рядъ опытовъ, чтобы убѣдиться, насколько зрительныя впечатлѣнія будутъ соотвѣтствовать внушеннымъ.

Рисунки, исполненные на цилиндрически-изогнутыхъ бумажкахъ. Нѣсколько разъ случилось, что рисующій подъ внушеніемъ рисовалъ на бумажкѣ, лежащей на мягкой записной книжкѣ, которую онъ держалъ въ рукахъ; книжка и бумажка изгибались при этомъ, принимая цилиндрическую форму.

Характеръ отвѣтныхъ рисунковъ, исполненныхъ на такихъ цилиндрически-изогнутыхъ бумажкахъ совершенно отличенъ отъ рисунковъ, исполненныхъ на плоскихъ бумажкахъ. Нѣтъ ни одного рисунка не только тождественнаго съ оригиналомъ, но и похожаго на него; нельзя было найти даже иллюзорнаго сходства съ оригиналомъ. Рисунки эти чаще всего представляли странные контуры и трудно было объяснить, чѣмъ они были вызваны, такъ какъ они не выражали даже никакой самостоятельной идеи рисующаго, что часто наблюдалось при рисованіи на плоскихъ бумажкахъ. Но при изслѣдованіи рисунковъ вогнутымъ цилиндрическимъ зеркаломъ, радіусъ кривизны котораго приблизительно равнялся радіусу кривизны бумажки, на которой рисовался отвѣтный рисунокъ, оказалось слѣдующее: въ числѣ изображеній заданнаго рисунка, получаемыхъ въ цилиндрическомъ зеркалѣ, часто можно было

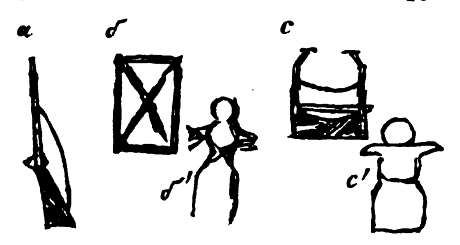
найти фигуру, весьма напоминающую внушенный отвѣтъ на заданный рисунокъ.

Изслѣдованія эти производились слѣдующимъ образомъ: передъ цилиндрическимъ зеркаломъ помѣщался заданный рисунокъ, на который имѣлся уже отвѣтъ, нарисованный подъ внушеніемъ. Въ зеркалѣ получалось искаженное изображеніе заданнаго рисунка. Это изображеніе, вообще говоря, измѣнялось въ зависимости отъ измѣненія положенія наблюдателя относительнаго зеркала—съ одной стороны и измѣненія относительно положенія рисунка и зеркала—съ другой. Въ числѣ этихъ изображеній весьма часто попадались такія, которыя вполнѣ были похожи на отвѣтные рисунки, нарисованные подъ внушеніемъ. Такъ, напр., на заданный рисунокъ креста *a* послѣдовалъ отвѣтный рисунокъ въ видѣ какой-то петли *b*; подобную же петлю *c* находимъ въ числѣ изображеній того же креста въ цилиндрическомъ зеркалѣ.

Точно также на заданный рисунокъ корзинки *a* послѣдовалъ странный отвѣтный, нарисованный подъ внушеніемъ, рисунокъ *б*; въ числѣ изображеній этой же корзинки *a* въ цилиндрическомъ зеркалѣ находимъ фигуру *c*, которая, какъ видно изъ чертежа, весьма походитъ на отвѣтный рисунокъ *б*, только съ болѣе закругленными линіями.

Замѣтимъ, что хотя въ цилиндрическомъ зеркалѣ мы можемъ получить нѣсколько отличныхъ другъ отъ друга, искаженныхъ изображеній даннаго рисунка, но отсюда отнюдь еще не слѣдуетъ, что, помѣщая какой-либо рисунокъ передъ зеркаломъ, мы въ числѣ изображеній его въ цилиндрическомъ зеркалѣ можемъ найти такое, которое походило бы на другой какой-либо рисунокъ, взятый нами произвольно. Такъ, наприм., разсматривая въ цилиндрическомъ зеркалѣ изображеніе креста, о которомъ мы говорили выше, мы не найдемъ фигуры, подобной внушенному отвѣту на заданную корзинку.

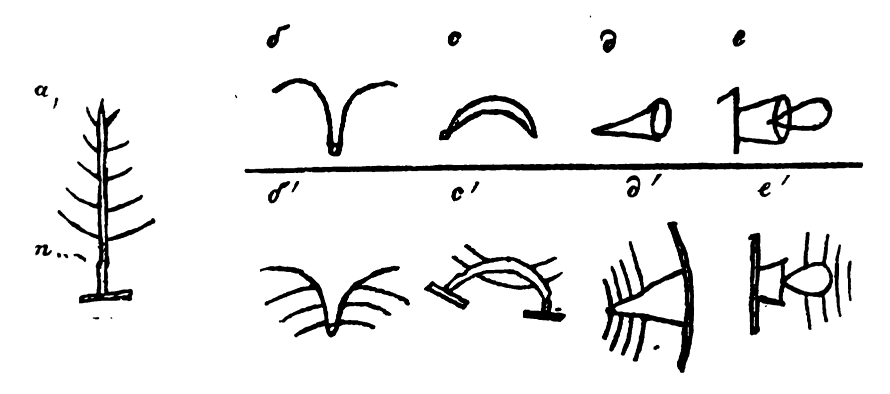

Подмѣтивъ эту особенность рисунковъ, исполненныхъ на цилиндрическихъ бумажкахъ, мы произвели серію опытовъ, преднамѣренно заставляя рисовать на изогнутыхъ бумажкахъ.

Случалось иногда, что рисующій давалъ по два и болѣе отвѣтовъ, совершенно отличныхъ одинъ отъ другого; такъ, наприм., на рисунокъ ружья *a* отвѣчено подъ внушеніемъ слѣдующими двумя *б* и *б'*. Замѣ-

тимъ, что въ цилиндрическомъ зеркалѣ при разсматриваніи того же рисунка получаются подобныя же фигуры *c* и *c'*, при чемъ одна фигура переходитъ въ другую при относительно небольшомъ поворотѣ зеркала.

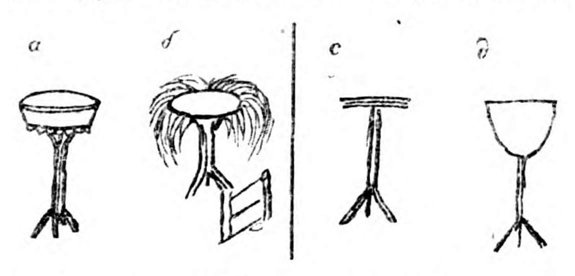
Любопытны отвѣты на заданный рисунокъ елки. Рисующій подъ внушеніемъ далъ четыре отвѣтныхъ рисунка при различныхъ своихъ положеніяхъ относительно внушаемаго. «Странно,—сказалъ онъ, вставая,—я знаю, что все время внушался мнѣ одинъ и тотъ же рисунокъ, а между тѣмъ при смѣнѣ положеній мнѣ представлялись совершенно различныя фигуры». Впослѣдствіи, при изслѣдованіи отраженій рисунковъ елки въ цилиндрическомъ зеркалѣ оказалось, что при четырехъ различныхъ положеніяхъ рисунка относительно зеркала, легко получить четыре изображенія, совпадающія съ отвѣтными рисунками. Рисунокъ *a* изображаетъ заданную елку *б*, *c*, *d* и *e*—внушенные отвѣты на нее, а *б'*, *c'*, *d'* и *e'*—изображенія той же елки въ цилиндрическомъ зеркалѣ.

Итакъ, мы видимъ, что лицо, рисующее подъ внушеніемъ на цилиндрически-изогнутой бумажкѣ, рисуетъ такъ, какъ если бы оно видѣло отраженіе заданнаго рисунка въ цилиндрическомъ зеркалѣ; при чемъ, очевидно, роль зеркала играетъ бумажка. Слѣдовательно, мы встрѣчаемся съ нѣкоторымъ лучистымъ явленіемъ, отражающимся отъ такихъ шероховатыхъ поверхностей, какъ бумага; при чемъ могутъ получаться удовлетворительныя изображенія отъ бумажекъ, величиною, приблизительно, въ 50 квад. сантиметровъ.

Изслѣдованіе зрительныхъ впечатлѣній. Эти изслѣдованія производились мною двоякимъ образомъ. Во-первыхъ, лицу, которое не участвовало въ вышеописанныхъ опытахъ, я мелькомъ, издали показывалъ какую-либо картинку изъ числа тѣхъ, на которыя у меня имѣлись внушенные полуудачные и неудачные отвѣты. Это лицо рисовало то, что ему въ данный моментъ представилось. Постепенно приближая рисунокъ къ рисующему, я получилъ рядъ зрительныхъ отвѣтовъ на данную картинку. Во-вторыхъ, издали въ полутемной комнатѣ я показывалъ картинку на различныхъ разстояніяхъ и каждый разъ позволялъ подолгу всматриваться въ нее. Мы не будемъ останавливаться

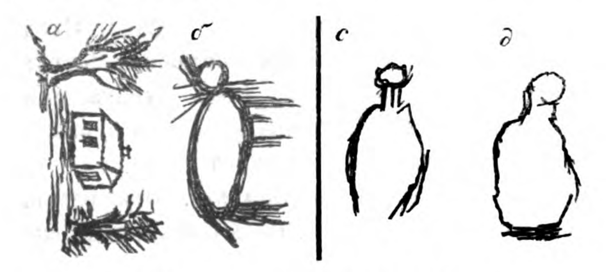
на разницѣ, обнаружившейся при изслѣдованіяхъ по этимъ двумъ методамъ, а сравнимъ только внушенные и зрительные отвѣты. На прилагаемыхъ здѣсь рисункахъ буквой *а* означены заданные рисунки, буквой *б*—отвѣтные, внушенные, а буквой *с* и *d*—послѣдовательные зрительные отвѣты, данные академикомъ Н. Д. Лосевымъ.

Вообще, ошибки въ отвѣтахъ, дѣлаемыхъ подъ внушеніемъ, почти совпадаютъ съ ошибками, полученными при зрительныхъ отвѣтахъ. То же самое оказалось и при изслѣдованіи многихъ совершенно неудачныхъ отвѣтныхъ рисунковъ. Такъ, напр., на заданныя ворота *а* подъ внушеніемъ отвѣчено домикомъ *б*; зрительный отвѣтъ былъ тоже домикъ *с*.

Точно также на заданный пейзажъ *а* отвѣчено подъ внушеніемъ страннымъ рисункомъ *б*. Но не менѣе странны также зрительные отвѣты *с* и *d* на тотъ же самый пейзажъ, данные двумя различными лицами, въ различное время.

Контрольные опыты безъ внушенія. Чтобы убѣдиться, встрѣчаемся ли мы въ вышеописанныхъ отвѣтахъ дѣйствительно съ передачей зрительныхъ ощущеній одного лица другому, и не можетъ ли данное лицо нарисовать правильный отвѣтъ на картинку, на которую никто не смотритъ, мы произвели рядъ слѣдующихъ опытовъ. Заблаговременно было заготовлено около 25-ти рисунковъ, которые хранились въ особомъ пакетѣ. По очереди я вынималъ одинъ изъ этихъ рисунковъ и,

не глядя на него, клалъ сзади себя на столъ; затѣмъ начиналъ такъ рисовать, какъ я обыкновенно рисовалъ подъ внушеніемъ. Сравнивая отвѣтные рисунки съ заданными, я не нашелъ между ними никакого, даже иллюзорнаго, сходства.

Выводы. На основаніи всѣхъ вышеизложенныхъ опытовъ слѣдуетъ, что лицо, рисующее подъ внушеніемъ, воспринимаетъ не идею рисунка, а только контуры его; идея же улавливается только тогда, когда контуры восприняты правильно. Для объясненія же воспріятія контуровъ намъ нѣтъ необходимости вводить какую-либо особую психическую, разумную силу.

Въ самомъ дѣлѣ, пусть, напр., субъектъ *A* смотритъ на какой-либо предметъ; на сѣтчатой оболочкѣ его глаза рисуется изображеніе этой картинки; сѣтчатая оболочка раздражается и вызываетъ токъ въ зрительномъ нервѣ и въ зрительномъ центрѣ. Если этотъ токъ можетъ индуцировать такіе же токи въ подобныхъ ему проводникахъ, то естественно ожидать, особенно въ случаѣ образованія стоячей волны, что въ другомъ проводникѣ, зрительномъ нервѣ и центрѣ другого субъекта *B*, настроенномъ въ резонансъ съ первымъ, образуется вслѣдствіе индукціи подобная же стоячая волна; слѣдовательно, субъектъ *B* будетъ испытывать зрительныя ощущенія, подобныя тѣмъ, какія испытываетъ субъектъ *A*. Естественно ожидать, что эти наведенныя ощущенія будутъ менѣе ярки и отчетливы, чѣмъ воспринятыя непосредственно. Повидимому, подобныя явленія и наблюдаются въ опытахъ по передачѣ рисунковъ.

Несомнѣнно, что процессъ передачи въ дѣйствительности гораздо сложнѣе, чѣмъ это представлено въ нашей схемѣ. Къ сожалѣнію, у насъ еще мало данныхъ для полнаго выясненія механизма, но самый фактъ передачи зрительныхъ ощущеній, по нашему мнѣнію, имѣетъ много шансовъ къ тому, чтобы считать его установленнымъ.

Опыты надъ загипнотизированными. Мы встрѣчаемъ чрезвычайно любопытныя данныя по интересующему насъ вопросу въ опытахъ, произведенныхъ надъ субъектами, загипнотизированными до сомнамбулическаго состоянія. Какъ извѣстно, Жиберъ и Пьеръ Жане въ Гаврѣ, а затѣмъ Ш. Рише въ Парижѣ произвели рядъ опытовъ надъ Леони В., примѣняя методъ такъ называемаго умственнаго внушенія. Изъ 35-ти опытовъ неудачныхъ было 19, а удачныхъ 16, т.-е. 16 разъ Леони В. засыпала, повинуясь внушеніямъ гипнотизера, находившагося отъ $^3/_4$ до $1^1/_2$ версты отъ нея. Рише утверждаетъ, что онъ предпринималъ всевозможныя предосторожности, чтобы избѣжать какого бы то ни было обмана. Даже часъ, въ который онъ долженъ былъ усыплять Леони, Рише выбиралъ по жребію. Такъ какъ число удачныхъ случаевъ сравнительно очень велико, то Рише и нѣкоторые другіе признаютъ возможность умственнаго внушенія на разстояніи, а слѣдовательно признаютъ возможность возникновенія связи между гипнотизеромъ и гипно-

тизируемымъ, которая можетъ обнаруживаться на довольно большихъ разстояніяхъ. Къ сожалѣнію, очень многіе экспериментаторы, повторявшіе эти опыты, отвергаютъ существованіе такого вліянія на разстояніи.

Извѣстный знатокъ гипноза, д-ръ Марренъ, говоритъ по этому поводу слѣдующее: «Ученіе объ умственномъ внушеніи не можетъ еще получить въ наукѣ полнаго права гражданства; границя съ сверхъестественнымъ, необъяснимое въ настоящее время, оно можетъ быть допущено окончательно только тогда, когда будетъ подтверждено многочисленными новыми опытами». Но едва ли справедлива боязнь д-ра Маррена сверхъестественности умственнаго внушенія, которое, быть можетъ, объясняется такъ же просто, какъ и передача зрительныхъ ощущеній.

Итакъ, на основаніи всѣхъ разсмотрѣнныхъ нами, какъ случайныхъ наблюденій, такъ и опытныхъ изслѣдованій, можно вывести слѣдующее заключеніе: ощущенія одного организма могутъ быть восприняты какими-то особыми путями другимъ организмомъ въ болѣе или менѣе отчетливой формѣ. Слѣдовательно, между живыми организмами существуетъ нѣкоторая связь. Но для объясненія этой связи не требуется ни признанія вмѣшательства духовъ, ни допущенія излученія какой-то психической разумной силы. Вѣроятнѣе всего, эта связь обусловлена силами, если можно такъ выразиться, низшаго порядка; какими именно—это покажутъ будущія изслѣдованія, если, съ одной стороны, перестанемъ глумиться надъ тѣмъ, что намъ кажется непонятнымъ съ перваго взгляда, а съ другой—не будемъ искать торопливыхъ объясненій для фактовъ, недостаточно изученныхъ нами.

Прив.-доц. Я. Жукъ.

ДОЧЬ ЛЕДИ РОЗЫ.

Романъ м-рсъ Гёмпфри Уордъ.

Перев. съ англійскаго **З. Журавской.**

Глава I.

— Галло! Нѣтъ? Ну да! Клянусь душой, это Джэкобъ! Делафильдъ, голубчикъ, какъ вы поживаете?

Съ этими словами—дѣло было въ февральскій вечеръ, много лѣтъ тому назадъ—пожилой господинъ во фракѣ выскочилъ изъ экипажа, только что остановившагося передъ однимъ изъ домовъ въ Брутонъ-стритѣ, и поспѣшно пошелъ навстрѣчу молодому человѣку, въ это самое мгновеніе вылѣзшему изъ кабріолета, остановившагося нѣсколько подальше.

Въ голосѣ пожилого господина звучало нескрываемое удовольствіе. Молодой человѣкъ встрѣтилъ его съ той же сердечностью, хотя у него она проявлялась не такъ ярко, и обращеніе его было сдержаннѣе.

— Такъ вы, наконецъ, вернулись домой, сэръ Уильфридъ? Объ этомъ давно поговаривали, но я думалъ, что вы задержитесь немного въ Парижѣ.

— Я? Въ Парижѣ? Ну, вотъ еще! Изъ моихъ тамошнихъ знакомыхъ половина перемерла, а остальные—невѣжи. Ну-съ, а вы здѣсь что подѣлываете? Наживаете себѣ состояніе, э?

И, взявъ подъ руку молодого человѣка, говорившій пошелъ съ нимъ назадъ по тротуару, вдоль линіи экипажей, къ дому, у растворенныхъ настежъ дверей котораго стояла кучка ливрейныхъ лакеевъ. Джэкобъ Делафильдъ улыбнулся.

— Насколько я могу судить по опыту, дѣло управляющаго имѣніемъ—скорѣе помогать наживаться другимъ.

— Управляющаго имѣніемъ? Я думалъ, вы адвокатъ!

— Я былъ имъ, но практика заставила себя ждать. А тутъ мой кузенъ предложилъ мнѣ взять на себя управленіе его помѣстьями въ Эссексѣ. Я люблю деревню—всегда любилъ. Ну, я и рѣшилъ принять предложеніе.

— Какъ—герцогъ? Вотъ кому хорошо жить на свѣтѣ! Получаетъ себѣ доходы и въ усъ не дуетъ. Надѣюсь, онъ вамъ хорошо платитъ?

— О, мнѣ платятъ недурно! Вы, конечно, идете къ леди Генри?

— Само собой. Мы ужъ пришли.

Не доходя шеренги лакеевъ, ожидавшихъ у дверей, старшій изъ собесѣдниковъ остановился и, понизивъ голосъ, спросилъ:

— Ну, что она? Какъ? Плоха?

Джэкобъ Делафильдъ отвѣтилъ не сразу.

— Она стала плохо видѣть, ну, и вообще подалась. Но тѣмъ не менѣе принимаетъ, какъ всегда, каждый вечеръ немногихъ, и многихъ по пятницамъ.

— Она попрежнему одна, или при ней кто-нибудь изъ родныхъ? Вѣдь за ней же нуженъ уходъ?

— Изъ родныхъ? Нѣтъ. Она ихъ всѣхъ презираетъ.

— За исключеніемъ васъ?

Делафильдъ пожалъ плечами, но не улыбнулся въ отвѣтъ.

— Да, она такъ добра, что дѣлаетъ исключеніе для меня. Вы вѣдь, кажется, одинъ изъ ея повѣренныхъ?

— Въ настоящій моментъ единственный. Но во время моего пребыванія въ Персіи здѣсь всѣмъ орудовали стряпчіе. Леди Генри не охотница писать письма. Вотъ уже больше года, какъ я почти ничего не знаю о ней. Я только сегодня утромъ пріѣхалъ изъ Парижа, послалъ узнать, будетъ ли она вечеромъ дома, и вотъ я здѣсь.

— А!—сдѣлалъ Делафильдъ, не подымая глазъ.—Видите ли, съ ней живетъ теперь—вотъ уже больше двухъ лѣтъ—одна дама...

— Ахъ, да, да, помню. Мнѣ говорила въ прошломъ году старая леди Сизвэтъ. Mademoiselle Ле-Бретонъ—такъ, кажется? Что-жъ она ей читаетъ, пишетъ за нее письма—въ этомъ родѣ?

— Д-да, въ этомъ родѣ.—Отвѣтъ послѣдовалъ не сразу. Кажется, началъ накрапывать дождикъ. Не пора ли намъ атаковать эту дружину?

И онъ сталъ прокладать себѣ путь сквозь толпу выѣздныхъ и ливрейныхъ лакеевъ, не такую, однако-жъ, густую, какъ это обыкновенно бываетъ въ Мэйферѣ, ибо и въ комнатахъ не было «давки». Леди Генри держалась того взгляда, что главная задача хозяйки дома не заманивать къ себѣ «толпу», а, напротивъ, умѣть избавиться отъ нея.

Новоприбывшіе вмѣстѣ поднялись.

— Какой прелестный домъ!—говорилъ старшій изъ нихъ, озираясь вокругъ.—Я еще помню, какъ вашъ дядя перестраивалъ его. А до того я помню его мать, старую герцогиню, вѣчно съ цѣлой свитой священниковъ. Честное слово, въ Лондонѣ пріятно побывать послѣ Тегерана!

И говорившій откинулъ назадъ свою красивую сѣдую голову, разглядывая электрическое освѣщеніе, убранство комнатъ, гостей, съ видомъ гончей, почуявшей знакомый запахъ.

Делафильдъ засмѣялся.

Сразу видно, что вы давно не бывали дома. Но мы попробуемъ удержать васъ здѣсь.

— Милый другъ, кто это тамъ, на верхней площадкѣ?

Старый дипломатъ остановился. Впереди ихъ поднимались на лѣстницу человѣкъ пять-шесть гостей и столько же спускались. На верхней площадкѣ стояла высокая дама въ черномъ, принимая новыхъ посѣтителей и напутствуя уходящихъ.

Делафильдъ посмотрѣлъ вверхъ и спокойно отвѣтилъ:

— Это mademoiselle Ле-Бретонъ.

— Она принимаетъ гостей?

— Распредѣляетъ. Леди Генри обыкновенно усаживается въ задней гостиной. Ей неудобно видѣть слишкомъ много народу заразъ. Вотъ mademoiselle и устраиваетъ такъ, чтобы къ ней входили по очереди.

— Должно быть, леди Генри, дѣйствительно, стала очень безпомощной за то время, какъ я не видалъ ея,—не безъ удивленія пробормоталъ сэръ Уильфридъ.

— Физически—да, несомнѣнно. Въ другихъ отношеніяхъ вы не найдете въ ней большой перемѣны. Можно васъ представить?

Высокая стройная фигура женщины, стоявшей на площадкѣ, и ея замѣчательное лицо сразу привлекли вниманіе стараго дипломата. Первой мыслью его было: она не красива. Скулы слишкомъ выдаются наружу; очертанія подбородка и рта слишкомъ рѣзки. И однако же, эта изящная блѣдность, эти нѣжные черные и бѣлые тона, въ которыхъ, такъ сказать, написана голова и лицо, жизнь, оживленіе въ каждой чертѣ—развѣ все это не красота, не лучше красоты! А глаза, посадка головы, роскошь волосъ, уложенныхъ въ изысканную прическу во вкусѣ восемнадцатаго столѣтія, какіе быть можетъ носила госпожа Виже Лебрёнъ—все это со второго взгляда производило такое сильное впечатлѣніе, что сэръ Уильфридъ уже не могъ оторвать глазъ отъ ихъ обладательницы. Она казалась ему чѣмъ-то черезчуръ живымъ, слишкомъ блестящимъ, существомъ, въ которомъ жизнь бьетъ черезъ край съ такой интенсивностью, что, при первомъ знакомствѣ, посторонній наблюдатель даже не могъ опредѣлить, нравится это ему или нѣтъ.

— Mademoiselle Ле-Бретонъ—сэръ Уильфридъ Бёри,—познакомилъ ихъ Джэкобъ Делафильдъ.

«Точно ли она француженка?» спрашивалъ себя старый дипломатъ. «И я какъ будто видѣлъ ее гдѣ-то».

— Леди Генри такъ обрадуется! — сказалъ низкій пріятный голосъ.—Вы одинъ изъ ея старыхъ друзей, не правда ли? Я много слышала отъ нея о васъ.

— Вы очень добры. Конечно, я старый другъ и родственникъ

также.—Тонъ сэръ Уильфрида былъ суховатый, чего онъ, впрочемъ, тотчасъ же устыдился.—Мнѣ очень грустно слышать, что здоровье леди Генри такъ пошатнулось съ тѣхъ поръ, какъ я покинулъ Англію.

— Ей нельзя утомляться. Ее навѣщаютъ не болѣе двухъ-трехъ человѣкъ заразъ. Это даетъ ей возможность полнѣе насладиться ихъ обществомъ.

— По моему,—вставилъ Делафильдъ,—это со стороны миледи маленькая хитрость, съ цѣлью получить именно то, что ей нужно.

Веселый тонъ молодого человѣка, это замѣчаніе вполголоса, взглядъ, которымъ онъ обмѣнялся съ mademoiselle Ле-Бретонъ, еще усилили смутное чувство изумленія, нароставшее въ сэръ Уильфридѣ. Онъ круто повернулся къ своему спутнику.

— Вы ей скажете, Джэкобъ, что я здѣсь?

— Конечно, если mademoiselle мнѣ позволитъ. А, вотъ и герцогиня!—это было сказано уже совсѣмъ другимъ тономъ.

Mademoiselle Ле-Бретонъ, отошедшая отъ края площадки, разговаривая съ сэръ Уильфридомъ Бёри, быстро обернулась. По лѣстницѣ подымалась, одна, маленькая худенькая женщина, нѣжная блондинка, вся залитая бриліантами.

— Милочка! — воскликнула герцогиня, радостно протягивая обѣ руки mademoiselle Ле-Бретонъ,—я не могла утерпѣть, чтобы не забѣжать на минутку взглянуть на васъ. Но Берти говоритъ, что будетъ ждать меня въ этомъ скучномъ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ. Такъ что я могу побыть здѣсь всего десять минутъ. Ну, какъ вы, дорогая? измучились до смерти?

Послѣднія слова были сказаны тихо, почти шопотомъ, но сэръ Уильфридъ разслышалъ ихъ.

Mademoiselle Ле-Бретонъ подняла брови и слегка пожала плечами, потомъ улыбнулась и приложила палецъ къ губамъ.

— Вы будете у меня завтра днемъ?—тѣмъ же полушопотомъ спросила герцогиня.

— Не думаю, чтобы мнѣ удалось вырваться.

— Вздоръ. Душа моя, нуженъ же вамъ воздухъ и моціонъ. Джэкобъ, позаботьтесь о томъ, чтобъ она пришла.

— О! Я тутъ ничего не могу подѣлать.—Молодой человѣкъ обернулся.—Герцогиня, вы помните сэръ Уильфрида Бёри?

— Она была бы плохою крестницей, еслибъ не помнила крестнаго,—усмѣхнулся пожилой джентльменъ.—Хоть она и кузина ваша, я зналъ ее раньше васъ.

Молоденькая герцогиня быстро обернулась.

— Сэръ Уильфридъ! Откуда вы? Когда вы вернулись?

И она протянула ему обѣ свои крошечныя ручки, сопровождая это потокомъ милыхъ словъ и привѣтствій. Она встрѣтила его именно такъ, какъ подобало встрѣтить лучшаго и старѣйшаго друга ея отца. Ге-

лосъ, жесты, слова—все было свѣтски учтиво, любезно и небрежно: сэръ Уильфридъ хорошо это замѣтилъ. У него были красивые соломеннаго цвѣта усы и длинныя рѣсницы того же цвѣта. Усы и рѣсницы были экраномъ, изъ-за котораго ихъ владѣлецъ, какъ всѣмъ было хорошо извѣстно, умѣлъ удивительно зорко наблюдать свѣтъ. Онъ сразу почувствовалъ разницу въ тонѣ, когда герцогиня, выполнивъ свой долгъ передъ обществомъ и семьей, оставила его и снова обратилась къ mademoiselle Ле-Бретонъ.

— Такая досада, что вы не могли придти сегодня! Мнѣ хотѣлось вамъ показать, какъ беби танцуетъ—она *такая* дуся! Потомъ пѣла эта барышня изъ Канады. Голосъ чудесный, но сама она все фокусничаетъ—это утомительно, и я положительно не знала, о чемъ съ ней говорить. Что касается другого музыкальнаго утра, 16-го... неужели для насъ не найдется свободнаго уголка?

И герцогиня съ недовольнымъ видомъ обвела взглядомъ роскошную гостиную, куда онѣ обѣ только что вошли.

— Леди Генри, какъ вамъ извѣстно, не любитъ уголковъ,—сказала, улыбаясь, mademoiselle Ле-Бретонъ.

И этотъ слегка фамильярный тонъ, и намекъ, прозвучавшій въ ея словахъ, заставили сэръ Уильфрида еще разъ съ любопытствомъ взглянуть на нее, причемъ онъ поймалъ также нетерпѣливое движеніе герцогини, вызванное этимъ замѣчаніемъ.

— Ага! Вотъ и отлично!—неожиданно обратилась къ нему mademoiselle Ле-Бретонъ.—Это м-ръ Монтрезоръ, онъ должно быть тоже направляется въ министерство иностранныхъ дѣлъ. Теперь, пожалуй, будетъ возможность добраться до леди Генри.

Знаменитый военный министръ медленно шелъ черезъ комнату, тамъ и сямъ останавливаясь, чтобы поздороваться или проститься, причемъ его, повидимому, очень затрудняла явная и безобразящая его близорукость. Это былъ человѣкъ выше средняго роста и крѣпкаго сложенія. Его изсѣра сѣдые волосы, рѣзкія, словно изваянныя черты лица и глубоко сидящіе черные глаза придавали ему властный видъ, отвѣчавшій его репутаціи. Съ другой стороны, это впечатлѣніе умѣрялось нѣкоторой робостью въ движеніяхъ, происходящей отъ близорукости, и согбенностью стана—результатомъ переутомленія, это была сила въ оковахъ, Самсонъ въ плѣну у филистимлянъ.

— Доброй ночи, милая барышня. Я долженъ идти сражаться съ дикими звѣрями въ Уайтголлѣ. Не везетъ мнѣ. А! герцогиня! Ничего не подѣлаешь. Уклониться нельзя.

Говоря это, м-ръ Монтрезоръ пожималъ руки mademoiselle Ле-Бретонъ и улыбался герцогинѣ съ одинаковой пріязнью и шутливой фамильярностью.

— Какъ вы нашли леди Генри?—понизивъ голосъ, спросила mademoiselle Ле-Бретонъ.

— Очень бодра, но страшно сердита. Она постоянно бранитъ меня. У меня не осталось ни одного цѣлаго мѣстечка по кожѣ. А! сэръ Уильфридъ! Очень, очень радъ васъ видѣть. Когда вы пріѣхали? Я думалъ встрѣтиться съ вами въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ.

— Я сейчасъ ѣду туда.

— А! Ну да тамъ все равно не разговоришься. Пріѣзжайте ко мнѣ завтра обѣдать, вы свободны? Отлично. Такъ я васъ жду. А пока сведите его туда, mademoiselle, сведите, пусть и ему достанется; онъ свѣжій человѣкъ—ему ничего.

И министръ, усмѣхаясь, кивнулъ головой черезъ плечо на внутреннюю гостиную, гдѣ смутно виднѣлся въ большомъ креслѣ на колесахъ силуэтъ старой леди между двумя фигурами.

— Какъ только епископъ уйдетъ, — сказала mademoiselle и съ улыбкой кивнула головой.—Но я просила его не засиживаться.

— Не бойтесь, не засидится. Леди Генри оказываетъ не больше снисхожденія его рясѣ, чѣмъ моимъ сѣдинамъ. Какъ она меня отдѣлала за мою вчерашнюю рѣчь! Ну, прощайте, милая барышня, спокойной ночи. Вѣдь теперь вы лучше себя чувствуете, не правда ли?

М-ръ Монтрезоръ устремился на свою собесѣдницу дружески-испытующій взглядъ, и тотчасъ же вслѣдъ затѣмъ сэръ Уильфридъ, захваченный нахлынувшей толпою гостей, разслышалъ слѣдующія, шопотомъ сказанныя слова:

— Зовите меня на совѣтъ, какъ только я вамъ понадоблюсь—когда угодно!

Mademoiselle Ле Бретонъ съ безмолвной признательностью подняла на него свои прекрасные глаза.

— А пять минутъ тому назадъ я нашелъ её некрасивой!—говорилъ себѣ, отходя, сэръ Уильфридъ.—Однако, для компаньонки эта молодая особа держится очень непринужденно. Но гдѣ же я, чортъ побери, видѣлъ её или ея двойника?

Прежде чѣмъ вступить съ кѣмъ-либо въ разговоръ, онъ остановился и обвелъ взглядомъ гостиную. Это была высокая большая комната съ панелями во вкусѣ прошлаго столѣтія, обставленная съ тѣмъ умѣньемъ соединить комфортъ съ красотой, какимъ всегда отличалось незначительное меньшинство англійскихъ богачей. По обѣ стороны квадратной двери, ведущей въ сосѣднюю гостиную, висѣли два дивныхъ портрета кисти Гжеборо, блистающіе жемчужной бѣлизной и небесной лазурью. Съ панели надъ каминомъ смотрѣла внизъ, изъ облака газа, прелестная головка дѣвушки, работы Ромнея. Середину противоположной стѣны занималъ Вандейковскій аббатъ въ рясѣ. Все это знаменитыя картины, ужъ много поколѣній принадлежавшія роду Делафильдовъ. Комната была вся въ коврахъ и уставлена красивой мебелью восемнадцатаго столѣтія, съ цвѣтистой обивкой итальянскаго типа, выцвѣтшей отъ времени и употребленія, но отъ этого только ставшей еще

изящнѣе. Мебель была искусно росположена такъ, чтобы гости могли разбиться на группы; стульевъ было много и притомъ удобныхъ; цвѣты прикрывали уголки для tête-à-tête или же обрамляли рамкой красивыя лица; лампы разливали мягкій свѣтъ; воздухъ былъ теплый и легкій. Въ комнатѣ стоялъ веселый говоръ; вся картина производила впечатлѣніе непринужденности, веселья и непритворнаго наслажденія общественной жизнью, сообщавшееся каждому новому гостю.

Пока ближайшая группа знакомыхъ не завладѣла сэръ Уильфридомъ, онъ не сводилъ глазъ съ mademoiselle Ле-Бретонъ, за которой по пятамъ ходила молоденькая герцогиня. Куда бы она ни направилась, всюду её встрѣчали улыбками, окружали почтительнымъ и любезнымъ вниманіемъ. Тамъ и сямъ она знакомила незнакомыхъ, распредѣляла иначе группы, передвигала стулья. Видно было, что она за всѣмъ зорко слѣдила, всѣхъ знала, и всѣ охотно признавали ея власть. Какъ только она приняла предложенный ей стулъ, она сдѣлалась центромъ самой оживленной группы во всей гостиной. Герцогиня, положивъ тонкую ручку на спинку кресла mademoiselle Ле-Бретонъ, смѣялась и болтала безъ умолку; у ногъ ея, на золоченыхъ табуретахъ усѣлись двѣ молоденкихъ дѣвушки вь дѣвственно бѣлыхъ-нарядахъ; къ этой группѣ одинъ за другимъ присоединялись мужчины; и въ центрѣ ея, на фонѣ розовой парчи, рѣзко выдѣлялась черная головка и тонкій до худобы станъ mademoiselle; и это странное лицо было такъ полно выраженія, сто́лько жизни было въ каждой чертѣ, голосъ ея звучалъ такой музыкой, что всѣ глаза и уши были прикованы къ «компаньонкѣ» леди Генри.

Въ дальней гостиной обозначилось движеніе. Оттуда вышелъ мужчина въ короткихъ до колѣнъ штанахъ и башмакахъ съ серебряными пряжками. Mademoiselle Ле-Бретонъ тотчасъ же встала и пошла ему навстрѣчу.

— Чередъ епископа длился долго,—сказалъ старый генералъ сэру Уильфриду Бёри.—Теперь mademoiselle Жюли идетъ за вами.

Сэръ Уильфридъ всталъ, повинуясь знаку улыбающейся mademoiselle и послѣдовалъ за ея темной фигурой въ развѣвающемся платьѣ въ сосѣднюю комнату.

— Кто это тамъ сидитъ съ леди Генри?—спросилъ онъ свою спутницу, когда они приблизились къ penetralia, гдѣ царила хозяйка дома.—Ага! вижу! Одинъ изъ нихъ докторъ Мередитъ, а другой?

— Другой—капитанъ Уорквортъ. Вы его знаете?

— Уорквортъ? Уорквортъ? Ну, да, конечно! Тотъ самый, что отличился въ послѣднемъ походѣ. Но почему же онъ такъ скоро вернулся домой?

Mademoiselle Ле-Бретонъ нерѣшительно улыбнулась.

— Его, кажется, вернули за негодностью къ службѣ,—сказала она, и опять сэръ Уильфридъ обратилъ вниманіе на ея манеру говорить—

сдержанную и милую манеру человѣка, съ мнѣніемъ котораго считаются, и который, несмотря на внѣшнюю скромность, знаетъ это.

— Ага! ему что-нибудь нужно въ министерствѣ! Я знаю этого человѣка, подумалъ сэръ Уильфридъ.

Они вошли въ гостиную. леди Генри оглянулась. Ея изрытое морщинами лицо, изжелто-бѣлое, какъ пергаментъ, внезапно озарилось лучомъ радости, неудержимой и непритворной.

— Сэръ Уильфридъ!

Она сдѣлала движеніе, какъ будто хотѣла подняться ему навстрѣчу, но его потестующій жестъ и собственная безпомощность заставили её опуститься въ кресло.

— Вотъ это такъ радость!—сказала она, подавая ему обѣ руки.— Сегодня утромъ, когда я одѣвалась, у меня было предчувствіе, что меня ждетъ что-то пріятное наконецъ то! и вотъ получила ваше письмо. Садитесь же. Вы знаете д-ра Мередита. Онъ такой же задира, какъ и былъ. Капитанъ Уорквортъ—сэръ Уильфридъ Бёри.

Журналистъ съ квадратной головой и въ очкахъ, названный д-ромъ Мередитомъ, поздоровался съ новоприбывшимъ съ спокойной привѣтливостью человѣка, у котораго нормальный день такъ полонъ событіями, что ему невозможно удѣлять много вниманія каждому изъ нихъ въ отдѣльности. Мужчина, сидѣвшій по другую руку леди Генри, всталъ и поклонился. Онъ былъ красивъ и строенъ. Нѣкоторая стремительность въ движеніяхъ и безпечная непринужденность, съ которой онъ закидывалъ назадъ свою кудрявую голову, нѣсколько удивили сэра Уильфрида. Онъ ожидалъ увидѣть передъ собой иного рода типъ.

— Уступаю вамъ свое мѣсто,—любезно сказалъ капитанъ.—Я и то просидѣлъ дольше, чѣмъ полагается.

— Можно мнѣ ввести герцогиню?—спросила mademoiselle Ле-Бретонъ, понизивъ голосъ и наклонившись сзади надъ кресломъ леди Генри.

Старуха круто повернулась къ ней.

— Пусть дѣлаетъ, какъ ей заблагоразсудится,—рѣзко прозвучалъ отвѣтъ, тихій, но властный, какъ взмахъ меча.—Если я ей нужна, она знаетъ, гдѣ найти меня.

— Она будетъ такъ жалѣть...

— Ne jouez pas la comédie, ma chère! Гдѣ Джэкобъ?

— Въ той комнатѣ. Сказать ему, что вы хотите его видѣть?

— Когда я захочу его видѣть, я пошлю за нимъ. Вѣдь я васъ просила дать мнѣ знать, когда онъ придетъ.

— Онъ пришелъ всего минутъ двадцать тому назадъ,—прошептала Жюли Ле-Бретонъ.—Я думала, что вамъ не надо мѣшать, пока здѣсь былъ епископъ.

— Вы думали! — Старая леди гнѣвно пожала плечами. Comme toujours, vous êtes trop bien amusée, pour vous souvenir de mes instruc

tions—voilà la verité! Д-ръ Мередитъ!—она всѣмъ своимъ грузнымъ тѣломъ разомъ повернулась къ журналисту,—если вы не запретите мнѣ, я скажу сэръ Уильфриду, кто писалъ для васъ рецензію объ его книгѣ.

— О Боже! Я запрещаю это вамъ со всей энергіей, на какую я только способенъ!—воскликнулъ пораженный журналистъ, съ мольбой подымая руки. А леди Генри очень довольная эффектомъ своего неожиданнаго нападенія, откинулась на спинку кресла и злобно усмѣхнулась.

Вниманіе сэръ Уильфрида Бёри было попрежнему поглощено mademoiselle Ле Бретонъ. Во время разговора между ею и леди Генри онъ замѣтилъ въ обращеніи младшей изъ нихъ рѣзкую перемѣну. Ея любезность, непринужденность исчезли безъ слѣда. Тонъ ея былъ смиренный, въ каждомъ движеніи сквозила нервная тревога. Когда она стала за стуломъ леди Генри, придерживая одной рукой другую, чтобы не видно было, какъ та дрожитъ, сэръ Уильфридъ подмѣтилъ еще и другое. Леди Генри третировала свою «компаньонку» презрительно и свысока, не стѣснялась выказывать ей раздраженіе. Лицомъ къ лицу съ своей хозяйкой mademoiselle Ле-Бретонъ выносила это смиренно, почти униженно. Но теперь, когда она молча стояла за кресломъ слѣпой старухи, только что издѣвавшейся надъ нею, ея на рѣдкость выразительное лицо и нѣжный, весь трепетавшій станъ говорили такъ краснорѣчиво, что ошибиться было нельзя. Черные глаза ея сверкали. Она вся пылала гнѣвомъ за перенесенное униженіе.

— Опасная женщина! И положеніе необычайное, думалъ про себя сэръ Уильфридъ, вслухъ обсуждая англійскую политику въ Средней Азіи и послѣднія событія въ Симлѣ.

Капитанъ Уорквортъ и mademoiselle Ле-Бретонъ вмѣстѣ вернулись въ большую гостиную, скоро ушелъ и д-ръ Мередитъ. Леди Генри съ своимъ старымъ другомъ остались одни.

— Мнѣ грустно слышать, что ваше зрѣніе огорчаетъ васъ больше прежняго,—сказалъ сэръ Уильфридъ, придвигаясь къ ней ближе.

Леди Генри нетерпѣливо задвигалась въ креслѣ и вздохнула.

— Все огорчаетъ меня больше прежняго. У меня одна болѣзнь, отъ которой не выздоравливаютъ, милый мой Уильфридъ, и эта болѣзнь прицѣпилась ко мнѣ ужъ давно.

— Вы говорите о старости? О! въ этомъ смыслѣ вы вовсе ужъ не такъ достойны сожалѣнія,—улыбнулся сэръ Уильфридъ.—Многіе охотно промѣняли бы свою молодость на вашу старость.

— Даже я бы не повѣрила, что на свѣтѣ есть такіе дураки!—энергично возмутилась леди Генри. Нашли съ кѣмъ мѣняться!—бѣдная слѣпая старуха, въ подагрѣ, не имѣющая возлѣ себя ни ребенка, ни цыпленка, которому было бы не все равно, жива она или умерла!

— Ахъ, это конечно, печально; я не отрицаю этого,—мягко ска-

залъ сэръ Уильфридъ. Но вотъ я вернулся на родину послѣ трехлѣтняго отсутствія и нахожу вашъ домъ по старому полнымъ. Въ вашей гостиной собралась половина самыхъ выдающихся людей въ Лондонѣ. Грустно, конечно, что вы не можете принимать ихъ попрежнему, но вѣдь вы сидите здѣсь, какъ царица, и гости наперерывъ добиваются очереди быть допущенными къ вамъ!

Леди Генри не улыбнулась. Она положила на его рукавъ свою сморщенную старую руку и съ живостью, шопотомъ выговаривала, безпомощно озираясь вокругъ.

— Никто не услышитъ.

Сэръ Уильфридъ былъ тронутъ этой безпомощностью.

— Никто—мы совсѣмъ одни.

— Всѣ эти люди здѣсь не для меня!—прошептала она, вся дрожа и махнувъ рукой по направленію къ большой гостиной.

— Дорогой другъ! Что вы такое говорите?

— Они здѣсь—придвиньтесь ближе! Я не желаю, чтобъ насъ подслушали,—они всѣ здѣсь для женщины, которую я взяла къ себѣ въ домъ—въ минуту безумія!—и которая теперь отнимаетъ у меня моихъ лучшихъ друзей — вытѣсняетъ меня изъ моего собственнаго дома.

Старческое лицо было блѣдно, но уже не прежней восковой величавой блѣдностью; морщинистыя руки тряслись, пониженный голосъ шипѣлъ на ухо сэръ Уильфриду. Тотъ, непріятно удивленный, медлилъ отвѣтомъ. Леди Генри не могла разглядѣть перемѣны въ выраженіи его лица, но, повидимому, угадала ее.

— О! вы, вѣроятно, думаете, что я помѣшалась или стала чудить на старости лѣтъ!—воскликнула она съ нетерпѣніемъ.—Смотрите же сами! Судите сами! Знаете, я не то, что ждала — жаждала вашего возвращенія. Вы не разъ помогали мнѣ въ затруднительныхъ случаяхъ. А теперь я поставлена въ такое положеніе, что никому не довѣряю—ни съ кѣмъ не говорю ни о чемъ, кромѣ банальностей. Но я буду чрезвычайно вамъ обязана, если вы когда-нибудь придете выслушать меня и больше того—дадите мнѣ совѣтъ.

— Съ величайшимъ удовольствіемъ,—смущенно отвѣтилъ сэръ Уильфридъ и немного погодя спросилъ:

— Кто это дама, которая здѣсь водворилась у васъ?

Леди Генри колебалась. Ей хотѣлось излиться, но она устояла противъ искушенія.

— Я вамъ скажу, но только не сегодня; это слишкомъ волнуетъ меня. Но когда вы въ первый разъ увидали ее—скажите, какое она на васъ произвела впечатлѣніе?

Сэръ Уильфридъ помолчалъ.

— Я сразу понялъ, что имѣю дѣло съ установившейся личностью.

— Личностью! — Леди Генри отрывисто, сердито засмѣялась.—

Конечно, можно и такъ назвать. А физически—она вамъ никого не напоминаетъ?

Сэръ Уильфридъ подумалъ минутку.

— Да. Ея лицо показалось мнѣ знакомымъ въ первый моментъ. Но нѣтъ! нѣтъ! я не могу придумать, на кого она похожа.

Леди Генри отвернулась разочарованная.

— Подумайте. Припомните. Вы знали ея мать—отлично знали. Ея дѣда вы знаете съ дѣтства. Если вы поѣдете сегодня въ министерство иностранныхъ дѣлъ—вы вѣдь, кажется, собираетесь,—вы, по всей вѣроятности, сегодня же увидите его. Она его вылитый портретъ. Что касается ея отца, не знаю,—онъ былъ такое перекати поле; вы, пожалуй, сталкивались и съ нимъ.

— Вы говорите, я зналъ ея отца и мать?—въ раздумьи удивленно спрашивалъ сэръ Уильфридъ.

— Они не имѣли права назвать себя ея отцомъ и матерью,—сурово пояснила леди Генри.

— А! Такъ что, если я угадаю...

— Придержите вашъ языкъ.

— Но сейчасъ, какъ въ лѣсу—ничего не могу сообразить.

— Можетъ быть, послѣ догадаетесь. У васъ вообще хорошая память на такія вещи. Какъ бы тамъ ни было, сейчасъ я ничего не могу вамъ сказать. Когда же вы придете! Завтва? Къ лёнчу? Право же, вы мнѣ нужны.

— Вы будете одна?

— Конечно! Это право я, по крайней мѣрѣ, еще сохранила за собой! — завтракать, когда мнѣ угодно и съ кѣмъ угодно! Кто это вошелъ? А! вы можете не говорить, я и такъ знаю.

Старуха повернулась къ вошедшей и вся разомъ какъ-то подтянулась, и столько достоинства выразилось вдругъ въ ея лицѣ и осанкѣ, что ея собесѣдникъ невольно преисполнился къ ней уваженіемъ.

Маленькая герцогиня подошла, шелестя атласомъ и кружевамъ и разливая вокругъ себя ароматъ парижскихъ фіалокъ, въ изобиліи украшавшихъ ея лифъ. Ея глаза тревожно поблескивали; она подходила граціозно и робко, словно идя по подкопу.

— Тетя Флора! я на одну минуту!

— Я не имѣю ничего и противъ десяти, если тебѣ это желательно,—сказала леди Генри, подавая три пальца гостьѣ. — Ты обѣщала вчера придти и разсказать мнѣ все подробно о Девонширскомъ балѣ. Но это неважно и ты забыла...

Герцогиня смутилась.

— Нѣтъ! Право, нѣтъ! я не забыла. Но вы сегодня были такъ заняты другими. А теперь...

— А теперь ты уходишь,—подсказала леди Генри съ язвительной кротостью.

— Берти говоритъ, что это необходимо, — возразила герцогиня тономъ протестующаго ребенка.

— Alors!—Леди Генри подняла руку.—Мы всѣ знаемъ, какая ты послушная жена. Спокойной ночи.

Герцогиня вспыхнула до ушей. Она едва дотронулась до руки тетки и, повернувъ негодующее лицо къ сэръ Уильфриду, простилась съ нимъ съ такимъ видомъ, какъ будто хотѣла выместить на третьемъ ни въ чемъ неповинномъ человѣкѣ обиду, за которую не могъ отплатить тѣмъ же леди Генри даже такой баловень счастья, какъ она.

Двадцать минутъ спустя, сэръ Уильфридъ входилъ въ первую пріемную залу министерства иностранныхъ дѣлъ. Онъ осмотрѣлся вокругъ, и ему опять стало весело, какъ давеча на лѣстницѣ у леди Генри. Послѣ пяти лѣтъ, проведенныхъ въ Тегеранѣ, послѣ долгаго путешествія домой по морю и пустынѣ, его радовало все, даже обычныя тривіальныя подробности многолюднаго раута—огни, позолота, блескъ драгоцѣнныхъ камней, красные мундиры, говоръ и движеніе этой парадной толпы. Послѣ перваго чисто физическаго пріятнаго ощущенія, радость его вступила въ новую фазу—встрѣчъ съ друзьями послѣ долгаго отсутствія, привѣтствій, показывающихъ человѣку, какое мѣсто онъ занимаетъ среди большого свѣта, суммирующихъ его прошлое и набрасывающихъ картину будущаго. Сэръ Уильфридъ не имѣлъ основанія жаловаться. Министры и знатныя дамы, члены парламента и безсмѣнные сановники, которые правятъ, но не управляютъ; военные журналисты, адвокаты—всѣ, казалось, были счастливы пожать его руку. Его возвращенію предшествовала слава блестяще выполненной трудной административной задачи, и англійскій свѣтъ награждалъ его обычнымъ путемъ.

Уже около часа ночи его захватила и увлекла за собою толпа, хлынувшая къ лѣстницѣ, провожая кого-то изъ членовъ королевской семьи. Стоявшій впереди его высокій мужчина оглянулся, отыскивая глазами своихъ дамъ, разлученныхъ съ нимъ толпой, и сэръ Уильфридъ узналъ его. То былъ старый лордъ Лэкингтонъ, ветеранъ съ душой юноши, художникъ, поэтъ и морякъ; молоденькимъ, веселымъ лейтенантомъ онъ забавлялъ Байрона въ Эгейскомъ морѣ; теперь всѣ газеты пѣли ему хвалы, какъ рьяному борцу за реформы во флотѣ; въ семьдесятъ пять лѣтъ онъ все еще очаровывалъ женщинъ и возбуждалъ зависть въ мужчинахъ.

Старикъ обернулся, улыбаясь, какъ бы въ отвѣтъ на только что услышанныя имъ слова, и черные глаза его изъ-подъ снѣжно-бѣлыхъ волосъ пытливо озирали толпу, живые, какъ у двадцатилѣтняго юноши. Въ энергичномъ лицѣ еще горѣлъ огонь жизни, какъ вечернее солнце на ясномъ небѣ. Въ этомъ лицѣ были недочеты, но оно поражало. Ротъ былъ непріятный, подбородокъ вульгарный, но въ общемъ получалась все еще чрезвычайно эффектная внѣшность.

Сэръ Уильфридъ даже вздрогнулъ. Онъ вспомнилъ гостиную въ въ Брутовъ-Стритъ, лицо и фигуру mademoiselle Ле-Бретонъ, намеки, которыя дѣлала леди Генри съ цѣлью навести его на слѣдъ. Онъ перенесся мыслью за много лѣтъ назадъ, припомнилъ давно забытый скандалъ.—Ну конечно! конечно,—твердилъ онъ себѣ не безъ волненія.—Она не похожа на свою мать, но въ ней всѣ типическія черты рода ея матери.

Глава II.

Было холодное ясное февральское утро; блѣдное солнце свѣтило сквозь оголенныя вѣтви деревьевъ парка. Сэръ Уильфридъ шелъ завтракать къ леди Генри и радовался, что на немъ теплое пальто на мѣху, хотя это не мѣшало ему завидовать, время отъ времени попадавшимся ему навстрѣчу безпечнымъ юношамъ безъ пальто и съ разрумянившимися отъ холода лицами.

Только онъ хотѣлъ свернуть въ Маунтъ-стритъ, какъ замѣтилъ мужчину и даму, шедшихъ въ одномъ съ нимъ направленіи, но только по другую сторону улицы. Въ стройномъ офицерѣ онъ скоро узналъ капитана Уорквopта. А дама? При помощи очковъ онъ узналъ и ее. Черная шляпа и черный суконный костюмъ для гулянья очень шли къ ней и отличались изящной простотой. И на улицѣ, и въ утреннемъ костюмѣ каждое ея движеніе было такъ же граціозно и непринужденно, какъ давеча въ гостиной леди Генри.

Онъ спрашивалъ себя, не подойти ли ему къ mademoiselle Ле-Бретонъ и не предложить ли проводить ее домой. Ему было дано понять, что онъ и Леди Генри будутъ завтракать вдоемъ. У mademoiselle Жюли, безъ сомнѣнія, свои комнаты и свои слуги. Но она, повидимому, шла домой. Онъ былъ не прочь побесѣдовать съ ней и, можетъ быть, почерпнуть изъ этой бесѣды кой-какія разъясненія до разговора съ Леди Генри.

Но онъ тотчасъ же отказался отъ этой мысли. Mademoiselle Ле-Бретонъ и капитанъ Уорквортъ остановились, безъ сомнѣнія, для того чтобы проститься, но медлили прощаньемъ. У нихъ видимо шелъ серьезный разговоръ. Капитанъ говорилъ съ большимъ жаромъ, mademoiselle Жюли слушала его, потупивъ глазки и улыбаясь.

— Что онъ ей объясняется въ любви, что ли?—не безъ удивленія думалъ старикъ, заворачивая за уголъ.—Кажись, тутъ бы не мѣсто!

У него смутно мелькнула мысль, что не худо бы позондировать на этотъ счетъ леди Генри и вмѣстѣ съ тѣмъ предостеречь ее. Предостеречь—насчетъ того? По пути домой онъ познакомился съ двумя офицерами, которые возвращались изъ Индіи и которые лично были не особенно высокаго мнѣнія о Гарри Уорквортѣ, несмотря на то, что онъ блестяще отличился въ послѣдней компаніи противъ афри-

дієвъ. Но какъ преподнести такую вещь леди Генри? И потому только, что онъ случайно видѣлъ Гарри Уорквopтa вмѣстѣ съ ея компаньонкой? Безъ сомнѣнія mademoislle Жюли ходила исполнять какое-нибудь порученіе леди Генри.

Тѣмъ не менѣе эта случайная встрѣча еще больше разожгла его любопытство относительно компаньонки леди Генри. Благодаря замѣчательному физическому сходству, онъ былъ убѣжденъ, что угадалъ тайну происхожденія mademoiselle Ле-Бретонъ. Какъ бы то ни было, мысли его упорно возвращались къ первоначальной догадкѣ и передъ нимъ вставали воспоминанія.

Лѣтъ тридцать тому назадъ онъ часто встрѣчался и въ Лондонѣ, и въ Италіи съ нѣкимъ полковникомъ Деланеемъ и его женой, урожденной леди Розой Чантрей, любимой дочерью лорда Лэкинтона. Бракъ этотъ былъ не изъ счастливыхъ. Она была женщина выдающагося ума, но неуравновѣшенная, чувствительная, всегда готовая бросить вызовъ жизни,—одна изъ тѣхъ натуръ, которыя дарятъ своимъ избранникамъ и яркія радости, но въ концѣ концовъ эти радости врядъ ли перевѣшиваютъ конечный итогъ страданія. Мужъ ея, человѣкъ ограниченный, молчаливый, поглощенный своею службой и живущій по указкѣ англиканской церкви, съ безконечными: «ты долженъ и «ты не долженъ», нестерпимой для всякаго непосредственнаго человѣка, скоро нашелъ ея общество утомительнымъ и непріятнымъ. Она требовала отъ него того, чего онъ не могъ дать; поднимала вопросы, которые онъ считалъ нечестивымъ обсуждать; люди, съ которыми она дружилась, были ему противны; онъ никому не жаловался, но скоро началъ находить возмутительнымъ, что женщина, вышедшая замужъ за военнаго, остается такъ чужда его профессіональнымъ интересамъ и честолюбивымъ стремленіямъ? А когда она дѣлала видъ, будто интересуется всѣмъ этимъ, она изводила его еще больше, если это возможно.

Что касается леди Розы, она прошла всю гамму обычныхъ эмоцій femme incomprise и съ обычнымъ же результатомъ. Въ домѣ появился человѣкъ изъ хорошей семьи, лѣтъ тридцати пяти, путешественникъ, художникъ и мечтатель, съ лицомъ, загорѣвшимъ до бронзоваго оттѣнка подъ солнцемъ востока, съ репутаціей заговорщика и бойца за многія «погибшія дѣла» нашего вѣка, включая и такія, которыя привели его къ столкновенію съ британскими властями и британскими чиновниками. Въ глазахъ полковника Деланея онъ былъ «агитаторъ», если не бунтовщикъ, а безпечная вольность и язвительность его рѣчей вдобавокъ заставили его прослыть атеистомъ. А леди Роза?—Свободная и благодная душа этого человѣка, его равнодушіе къ деньгамъ и условностямъ, презрѣніе къ модѣ, все равно, въ одеждѣ или въ политикѣ, страсть ко всему, что входитъ въ область духа, его постоянные уклоны въ стороны отъ битой колеи—словно отъ такого бродяги и нельзя было ожидать, чтобъ онъ шелъ обычнымъ путемъ—все это

скоро преобразило страдающую женщину въ женщину возмутившуюся. Она влюбилась въ него съ пылкостью, присущей ея истинному темпераменту, и упорствомъ, свидѣтельствовавшимъ о томъ, какимъ печальнымъ недоразумѣніемъ было ея замужество. Маріоттъ Дальримпль отвѣчалъ ей тѣмъ же, и его убѣжденія отнюдь не препятствовали ему отбросить то, что, по всей вѣроятности, казалось ему пустой формальностью, въ сравненіи съ счастьемъ двухъ человѣкъ, созданныхъ другъ для друга. Дѣтей у Деланея не было и, по мнѣнію его соперника, онъ и такъ слишкомъ долго наслаждался близостью женщины, которой онъ, въ сущности, никогда не былъ достоенъ.

Леди Роза, не побоявшись мужа, сказала ему всю правду и ушла отъ него. Поселились они съ Дальримпилемъ въ Бельгіи, въ маленькомъ деревенскомъ домикѣ, миляхъ въ тридцати отъ Брюсселя. Они совершенно отрѣшились отъ Англіи и не старались узнавать, что творится на родинѣ. Леди Роза страдала отъ разрыва съ отцомъ, ибо лордъ Лэкинтонъ никогда больше не видалъ ее, и часто вспоминала о своей младшей сестрѣ, которая выросла на ея рукахъ, причемъ эти воспоминанія вызывали въ ней иногда горькое чувство утраты, выражавшееся молчаніемъ и слезами. Но въ сущности она никогда не раскаивалась въ томъ, что сдѣлала, хотя полковникъ Деланей и приложилъ всѣ старанія къ тому, чтобы расплата оказалась тяжела. Подобно мужу Карениной, онъ отказался дать разводъ и приблизительно по тѣмъ же причинамъ. Разводъ самъ по себѣ дѣло нечестивое; при томъ же грѣху не слѣдуетъ сглаживать путь. Онъ былъ готовъ въ каждый данный моментъ принять обратно, подъ свой кровъ и защиту измѣнницу, если она раскается и вернется къ нему.

Такимъ образомъ, ребенка, родившагося у леди Розы, нельзя было узаконить.

Сэръ Уильфридъ, не доходя конца парка, вдругъ остановился, что-то припомнивъ.

— Да вѣдь я ее видѣлъ разъ! Ну-да! Я отлично помню!

И онъ припомнилъ, какъ однажды, въ Брюссельской галлереѣ, его неожиданно фамильярно окликнулъ какой-то худой, бѣдно одѣтый мужчина, и, вглядѣвшись въ его благородное, смуглое лицо, еще болѣе одухотворенное теперь, когда на него наложили печать истощеніе и недугъ, сэръ Уильфридъ узналъ Маріотта Дальримпля.

Онъ припоминалъ обрывки ихъ разговора о картинахъ, отзывы Дальримпля, то рѣзкіе, то поэтическіе, видъ небрежнаго превосходства, съ которымъ Дальримпль показывалъ ему галлерею, какъ владѣлецъ и знатокъ, у котораго знанія только давали пищу фантазіи, только служили фономъ для богатыхъ узоровъ, вышитыхъ воображеніемъ и мечтой.

И потомъ—свой неожиданный вопросъ: «А леди Роза?» И спокойный отвѣтъ Дальримпля:

— Она здорова и, вѣроятно, захочетъ васъ видѣть, если вы пожелаете навѣстить насъ. Она вотъ уже три года не видѣла ни одного англичанина.

И, какъ темный уголокъ ландшафта, внезапно озаренный лучомъ, передъ нимъ всталъ его визитъ къ этой парочкѣ. Онъ вспомнилъ маленькую усадьбу во вкусѣ восемнадцатаго столѣтія, деревенскій «замокъ» французскаго типа съ высокой крышей-мансардой; убогую роскошь постройки, представлявшую такой жалкій контрастъ съ прилегавшимъ къ замку полемъ свекловицы, разросшейся вплоть до самыхъ стѣнъ; вокругъ ровныя колосящіяся поля, окаймленныя тонкой линіей тополей; медленно текущіе ручьи, превращенные въ каналы; непривѣтливыя фермы и коттэджи; грязь переулковъ и, какъ саваномъ, окутывающій все это жаркій осенній туманъ, медленно ползущій надъ сырыми лугами, туманъ, сквозь который и солнце свѣтитъ тускло, нерадостно. И въ рамкѣ этого блѣднаго ландшафта, такого непривлекательнаго на взглядъ англичанина, англійская чета, съ ея книгами, съ ребенкомъ и парой слугъ фламандцевъ.

Для гостя сразу стало очевиднымъ, что живутъ они бѣдно. Небольшое состояніе леди Розы почти все ушло на разныя «дѣла» въ разныхъ странахъ. Она и Дальримпль сидѣли почти сплошь на растительной пищѣ, а вино появлялось въ домѣ только для слугъ, повидимому, искренно привязанныхъ къ своимъ господамъ, хотя и относившихся къ нимъ нѣсколько презрительно. Онъ помнилъ скудный и плохо приготовленный завтракъ, помнилъ, съ какимъ трудомъ удалось раздобыть нѣсколько лишнихъ ножей и вилокъ и какъ долго пришлось воевать съ экономкой, прежде чѣмъ на столѣ появились салфетки.

Потомъ онъ вспомнилъ библіотеку, съ сосновыми некрашенными полками по стѣнамъ, отъ пола до потолка, работы самого Дальримпля, голый полъ безъ ковровъ, по одну сторону печки столъ и кресло Дальримпля, по другую такой же столъ и кресло леди Розы; на его столѣ листки перевода въ стихахъ изъ Эсхила и Эврипида—его любимцевъ; на ея—книжки по соціологіи и политической экономіи, которую они вмѣстѣ изучали, творенія англійскихъ и французскихъ поэтовъ, любимыхъ обоими. На стѣнахъ, обитыхъ дорогою старинной камкой, красовалась странная коллекція картинъ, небрежно приколотыхъ къ шелку булавками—фотографіи или вырѣзанные изъ газетъ портреты современниковъ, мужчинъ и женщинъ, представителей всякаго вида протеста противъ авторитетовъ, политическихъ, религіозныхъ, даже научныхъ—вѣчнаго «нѣтъ», неутомимаго и повсемѣстнаго раскола.

И въ заключеніе, по срединѣ комнаты, на гладко натертомъ полу, странный ребенокъ, принесенный послѣ завтрака леди Розой, съ густой гривой черныхъ волосъ, съ большими ревнивыми глазами и прозрачными ручками, и, послѣ получаса молчанія и явнаго пренебреженія, нежданная улыбка, награда усилій сэръ Уильфрида завоевать его симпатіи. Этотъ ребенокъ прямо околдовалъ его.

Бѣдная леди Роза! Онъ вспомнилъ, какъ они простились у калитки заброшеннаго сада, съ какой тоской она слѣдила взоромъ за согнутой фигурой Дальримпля, несшаго дѣвочку обратно къ дому.

— Если вы встрѣтите кого-либо изъ его прежнихъ друзей, не говорите, не говорите ничего! Мы отложили немного денегъ—какъ разъ достаточно для того, чтобы провести зиму въ Сициліи; тамъ онъ поправится.

Меньше чѣмъ черезъ годъ онъ, живя въ Мадридѣ, прочелъ въ одной изъ лондонскихъ газетъ о смерти Маріотта Дальримпля, человѣка, нѣкогда стоявшаго на порогѣ къ славѣ, но давно скрывшагося съ горизонта и погибшаго для практической дѣятельности. Леди Роза тоже умерла, много лѣтъ спустя. Но какъ и гдѣ? А дѣвочка?

Такъ это она теперь «mademoiselle Ле-Бретонъ»—украшеніе и, повидимому, главный магнитъ нѣкогда славившагося салона леди Генри?

«Да вѣдь если это такъ, она должна постоянно сталкиваться съ своими родными и со стороны матери, и со стороны отца. Знаютъ ли они?.. знаетъ ли она?»

Старикъ прибавилъ шагу, подгоняемый любопытствомъ, и скоро очутился у подъѣзда леди Генри.

— Ея сіятельство въ столовой,—доложилъ дворецкій, и сэръ Уильфридъ прошелъ прямо туда.

При входѣ его старая леди встала, опираясь на двѣ палки съ серебряными набалдашниками.

— Съ добрымъ утромъ, Уильфридъ. Я предпочитаю спускаться съ лѣстницы сама. Чѣмъ безпомощнѣе я себя чувствую, тѣмъ это мнѣ обиднѣе, и когда мнѣ помогаютъ, это меня прямо бѣситъ. Садитесь. Завтракъ поданъ, и вамъ разрѣшается приступить.

— А вы?—спросилъ сэръ Уильфридъ, когда они усѣлись почти рядомъ за большой круглый столъ въ большой мрачной столовой.

Старая леди покачала головой.

— Теперь всѣ ѣдятъ слишкомъ много. Я выросла среди людей, завтракавшихъ бисквитомъ и рюмкой хереса.

— Лордъ Руссель? лордъ Пальмерстонъ?—подсказалъ сэръ Уильфридъ, въ то же время усердно принимаясь за ѣду.

— Въ этомъ родѣ. Желала бы я, чтобъ теперь были подобные имъ.

— Ихъ преемники вамъ не нравятся?

Леди Генри покачала головой.

— Тори убрались ко всѣмъ чертямъ, а вигамъ осталось такъ мало, что они даже этого не могутъ сдѣлать. Еслибъ можно было, я бы совсѣмъ перестала читать газеты. Но это невозможно.

— Насколько я понялъ, вы сообщили это вчера вечеромъ Монтрезору.

Леди Генри презрительно отмахнулась.

— Монтрезору! Вотъ *poseur*! Армія гибнетъ, а онъ себѣ засѣдаетъ въ разныхъ обществахъ въ память Данта.

Сэръ Уильфридъ повелъ бровями.

— На вашемъ мѣстѣ, я бы съѣлъ кусочекъ чего-нибудь,—сказалъ онъ, придвигая къ своей пріятельницѣ великолѣпное рагу изъ дичи, поставленное передъ нимъ дворецкимъ.

Леди Генри засмѣялась.

— О, мое настроеніе скоро улучшится, какъ только они уйдутъ,— она кивнула головой на лакея и дворецкаго, стоявшихъ поодаль,—и мнѣ дадутъ высказаться.

Сэръ Уильфридъ заторопился, насколько это позволяла леди Генри, увѣрявшая, что она вовсе не желаетъ морить его голодомъ. Она между тѣмъ занимала его попрежнему остроумной и язвительной болтовней о политикѣ и свѣтскихъ новостяхъ, похрустывая сухарикомъ и запивая его кофе. Ея властное характерное лицо выдѣлялось еще рѣзче на фонѣ ея собственнаго портрета, висѣвшаго позади нея на стѣнѣ. Портретъ изображалъ очень молоденькую женщину съ густыми темными волосами, собранными на макушкѣ, въ платьѣ съ короткой таліей, опоясанной голубой лентой, и буфами на рукавахъ. Красивое надменное лицо, съ опущенными внизъ углами рта, съ прямымъ и смѣлымъ взглядомъ—такова была леди Генри на портретѣ девятнадцатилѣтней дѣвушкой-невѣстой, уже и тогда внушавшей къ себѣ почтеніе. Еще болѣе внушительный видъ имѣла старуха, сидѣвшая въ креслѣ подъ портретомъ, съ пышными сѣдыми волосами, которые и теперь едва сдерживалъ широкій чепецъ; идущія книзу черты по угламъ рта врѣзывались теперь еще глубже, носъ какъ будто больше выдвигался впередъ, подбородокъ сталъ двойнымъ, блескъ глазъ потухъ; каждая черта этого до сихъ поръ красиваго лица дышала волей и гордостью,—гордостью родовой, гордостью, вытекающей изъ сознанія своего умственнаго превосходства, и еще многими-многими, болѣе тонкими и мелкими видами гордости, которые могъ замѣтить только тотъ, кто близко зналъ ее. Лобъ и глаза, такіе прекрасные на портретѣ, до сихъ поръ сохранили привлекательность; если было въ ея лицѣ великодушіе, такъ это именно въ выраженіи глазъ.

Едва затворилась дверь за лакеями, какъ она нагнулась къ сосѣду.

— Ну что—отгадали?

Сэръ Уильфридъ задумчиво посмотрѣлъ на нее, кладя себѣ сахару въ кофе.

— Кажется. Она дочь леди Розы Деланей.

Леди Генри неожиданно засмѣялась.

— Не думала я, что вы угадаете! Что васъ навело на эту мысль?

— Прежде всего ваши собственные намеки. Затѣмъ странное чувство, какъ будто я уже видѣлъ гдѣ-то это лицо или другое, похожее на него. И, наконецъ, въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ мнѣ бросилось въ глаза лицо лорда Лэкинтона. Это довершило дѣло.

— А! вотъ что!—Леди Генри кивнула головой.—Да, сходство въ самомъ дѣлѣ поразительное. Не странно ли, что этотъ старый дуракъ не замѣчаетъ его?

— Онъ ничего не знаетъ?

— О, ничего! И никто не знаетъ. Пока оно и лучше... Но лордъ Лэкинтонъ бываетъ здѣсь, хлопочетъ о своей музыкѣ и аквареляхъ, и флиртахъ—въ семьдесятъ четыре года, не угодно ли! Безъ конца говоритъ о себѣ со мной или съ Жюли—кто подъ руку подвернется, и никогда ни одной мысли, ни тѣни подозрѣнія!..

— А она?

— О, она знаетъ! Еще бы ей не знать! — Леди Генри свирѣпо отодвинула отъ себя чашку. Повидимому, каждое упоминаніе о ея компаньонкѣ вызывало въ ней плохо сдерживаемое раздраженіе.—Ну-съ, я полагаю, вамъ теперь желательно было бы выслушать мой разсказъ?

— Погодите минутку. Я васъ удивлю. Представьте себѣ, что я не только зналъ мать и отца этой леди, но и ее самое видѣлъ ребенкомъ.

— Вы?—Леди Генри посмотрѣла на него недовѣрчиво.

— Я никогда не разсказывалъ вамъ о моемъ визитѣ къ этому ménage двадцать четыре года тому назадъ?

— Помнится, никогда. А можетъ и разсказывали, да я забыла. Что мнѣ было до нихъ? Сама я видѣла леди Розу только одинъ разъ до того, какъ она скомпрометтировала себя. А потомъ — развѣ думаешь о погибшихъ женщинахъ?

Что-то блеснуло за соломенными рѣсницами сэръ Уильфрида. Онъ нагнулся надъ своей чашкой и осторожно, мизинцемъ, на которомъ блестѣлъ перстень, стряхнулъ пепелъ съ кончика сигаретки.

— О женщинахъ, погибшихъ, потому что онѣ не могли выплыть противъ теченія?

Леди Генри не сразу отвѣтила.

— Если хотите,—сказала она, наконецъ. Сэръ Уильфридъ не поднялъ глазъ. Леди Генри взяла со стола самые сильные очки и надѣла ихъ, но видно было, что и въ этихъ очкахъ она видитъ очень плохо, и что ея сильная натура постоянно возмущается противъ сковывающаго ее физическаго убожества: на нее жалко было смотрѣть. Тѣмъ не менѣе они безъ словъ обмѣнялись мыслями, и сэръ Уильфридъ понялъ, что его слова, сказанныя въ защиту леди Розы, не пропали даромъ.

— Дайте, сначала я разскажу,—началъ онъ и полностью подѣлился съ нею своими воспоминаніями. Когда онъ говорилъ о ребенкѣ, леди Генри слушала съ жадностью.

— Гм...—сказала она, когда онъ кончилъ,—вы говорите, она ревновала къ вамъ свою мать, слѣдила за вами и, въ концѣ концовъ, завладѣла вами? Это похоже на нее! Она и тогда была такой же, какъ теперь.

— Пожалуйста, безъ морали, пока разсказъ не конченъ, — улыбнулся сэръ Уильфридъ.—Теперь вашъ чередъ.

Лицо старухи омрачилось.

— Вамъ хорошо говорить! Что для васъ эти люди? А мнѣ...

Ея разсказъ заключалъ въ себѣ слѣдующее, въ хронологическомъ порядкѣ.

Послѣ смерти Дальримпля леди Роза прожила еще около десяти лѣтъ. Жила она въ большой бѣдности, въ какихъ-то меблированныхъ комнатахъ, въ Брюгге, съ своей маленькой дочкой и старой madame Ле-Бретонъ, ея бывшей экономкой, горничной и фактотумомъ, вывезенной изъ деревни. Женщина эта, хоть и отличалась несноснымъ ворчливымъ характеромъ, но была не безъ образованія и всей душой предана своей госпожѣ. Еще больше любила она маленькую Жюли, которую и няньчила въ дѣтствѣ. Естественно, что леди Роза оставила дѣвочку на ея попеченіе. При томъ же у нея не было выбора. Кромѣ экономки, единственными ея друзьями были старая монахиня урсулинка и добрый священникъ, навѣщавшій ее иногда по просьбѣ монахини, въ надеждѣ на ея обращеніе. Однако, незадолго до смерти, она написала отцу, прощаясь съ нимъ и прося его сдѣлать что-нибудь для ребенка. «Она удивительно похожа на васъ,—говорилось въ письмѣ.— Я знаю, что вы никогда не назовете ее своей внучкой. Этого не допуститъ вашъ кодексъ. Такъ позаботьтесь же, по крайней мѣрѣ, о томъ, чтобы она не нуждалась, пока она не будетъ въ состояніи зарабатывать себѣ кусокъ хлѣба. Она остается на рукахъ своей старой няньки. До сихъ поръ я сама учила ее. Она уже и теперь очень умна. Когда меня не станетъ, она будетъ посѣщать одну изъ здѣшнихъ монастырскихъ школъ. И я нашла честнаго стряпчаго, которому можно посылать, и который будетъ выдавать ей деньги.

На это письмо лордъ Лэкинтонъ отвѣтилъ, обѣщаясь пріѣхать повидать дочь. Но приступъ подагры заставилъ его отложить поѣздку, а, прежде чѣмъ онъ отправился, леди Роза умерла. Послѣ этого онъ уже не заикался объ отъѣздѣ; все устроили его повѣренные. Madame Ле-Бретонъ ежегодно выдавалось черезъ посредство «честнаго адвоката» сто фунтовъ на воспитаніе «Жюли Дальримпль», проценты съ капитала, который предполагалось вручить самой дѣвушкѣ по достиженіи ею восемнадцатилѣтняго возраста, подъ условіемъ, что ни она, и никто другой отъ ея имени не будетъ предъявлять никакихъ дальнѣйшихъ требованій къ семейству Лэкинтоновъ, позабудетъ о родствѣ съ ними, и что такимъ образомъ исторія ея матери будетъ предана забвенію.

Дѣвочка выросла въ Брюгге. По совѣту стряпчаго, послѣ смерти матери, она стала носить фамилію своей старой гувернантки и съ тѣхъ поръ была извѣстна подъ именемъ Жюли Ле-Бретонъ. Урсулинскія монахини, у которыхъ она училась въ школѣ, послѣ смерти ея матери, поспѣшили окрестить ее по обряду католической церкви, и она конфирмовалась, какъ католичка. Въ нѣсколько лѣтъ она сдѣлалась

замѣчательной дѣвушкой, доставлявшей монахинямъ не мало хлопотъ. Она не только была скептикъ по природѣ и слишкомъ умна для того, чтобы слушать ихъ наставленія, но обладала еще и другими неудобными свойствами; всюду, гдѣ она ни появлялась, образовывались партіи и разгорались партійныя страсти. И хотя, съ лѣтами, она выучилась очень ловко справляться съ тѣми, кто относился къ ней враждебно, у нея всегда были враги, и интриги преслѣдовали ее.

— Это могло бы послужить мнѣ предостереженіемъ, — замѣтила леди Генри, увядшія щеки которой покрылись яркимъ лихорадочнымъ румянцемъ, когда она дошла до своего собственнаго знакомства съ mademoiselle Ле-Бретонъ. — Двѣ-три изъ монахинь, видѣнныхъ мною въ Брюгге, еще до того, какъ мы окончательно сговорились, были достаточно откровенны! Какъ бы тамъ ни было, теперь я разскажу вамъ, какъ я въ первый разъ встрѣтилась съ нею. Вы знаете мое маленькое помѣстье въ Суррэѣ? Въ милѣ отъ моей усадьбы есть замокъ, принадлежащій одному католическому семейству; всѣ въ немъ страшно набожны и бѣдны, какъ церковныя крысы. Дѣвочки учатся въ пансіонѣ въ Брюгге. Какъ-то лѣтомъ они привезли съ собой Жюли Дальримпль, не то погостить, не то въ качествѣ гувернантки. Это было три года назадъ. Какъ разъ передъ тѣмъ я была у Либрейха. Онъ мнѣ сказалъ, что я скоро ослѣпну, разумѣется, это было для меня тяжкимъ ударомъ...

Сэръ Уильфридъ что-то сочувственно пробормоталъ.

— О, не жалѣйте меня! Я вѣдь не жалѣю другихъ. Такъ ужъ мы устроены, что наше гадкое тѣло изнашивается не сразу—что съ этимъ подѣлаешь. Но въ то время я чувствовала себя очень скверно. Я только двѣ вещи и люблю: разговаривать, когда собесѣдникъ интересный и читать французскія книги. Я не видѣла иного способа удержать возлѣ себя своихъ знакомыхъ и поддерживать свой собственный умъ въ сколько-нибудь приличномъ состояніи, какъ найдя кого-нибудь, кто бы замѣнилъ мнѣ глаза и читалъ бы мнѣ вслухъ. А такъ какъ я представляю изъ себя пучекъ нервовъ и, кромѣ того, не выношу неинтеллигентныхъ людей, и они меня тоже, это оказывалось неизбѣжнымъ. И вотъ однажды эти барышни съ матерью пришли ко мнѣ чай пить и, какъ вы догадываетесь, конечно, привели съ собой mademoiselle Ле-Бретонъ. Я сама позвала ихъ, но когда онѣ пришли, мнѣ стало скучно, и я была груба, какъ больная собака въ будкѣ. И тогда—вы вѣдь ее видѣли—вы, конечно, догадываетесь, что случилось?

— Вы открыли исключительную личность?

Леди Генри засмѣялась.

— Меня поймали сразу, даромъ, что я старый воробей! Меня прежде всего поразила наружность этой дѣвушки, une belle laide, и каждое движеніе именно таково, какимъ оно должно быть: для меня это несравненно привлекательнѣе бѣло-розовыхъ херувимовъ. Оказалось, что она съ одной изъ своихъ товарокъ по школѣ недавно только провела

мѣсяцъ въ Парижѣ. Говорили о новой пьесѣ; одно ея замѣчаніе было такъ оригинально, что заставило меня взглянуть на нее. «Venez vous asseoir ici, mademoiselle, s'il vous plait près de moi», сказала я ей; я, какъ сейчасъ, слышу свой собственный голосъ—бѣдная я старая дура! И вижу, какъ она вспыхнула. Ахъ!—Леди Генри такъ свирѣпо вздохнула, что сэръ Уильфридъ лишь съ трудомъ сохранилъ серьезность, но сдержался, и старуха продолжала.—Я отправила другихъ въ садъ. Она осталась со мной. Мы говорили безъ умолку; два часа пролетѣли, какъ десять минутъ. Новыя французскія книги, театръ, стихи, пьесы, романы, мемуары, даже политика,—она могла говорить обо всемъ, или, вѣрнѣе, замѣтьте, это у нея особый даръ!—умѣла заставить меня говорить. Мнѣ казалось, что я уже давно-давно не блистала такъ остроуміемъ. Въ сущности, я была такая же, какъ и всегда. Все дѣло въ томъ, что въ Англіи трудно найти порядочнаго партнера для игры словами. А она это умѣетъ въ совершенствѣ. Она не стремится взять верхъ—никогда! Но предоставляетъ вамъ всѣ шансы выигрыша. Вы сдѣлали блестящій ударъ; она аплодируетъ и черезъ минуту уже даетъ вамъ возможность блеснуть снова. О, у нея удивительный даръ вести разговоръ!

Наступила пауза. Леди Генри сердито барабанила пальцами по столу, повидимому, перебирая въ умѣ воспоминанія о своемъ первомъ знакомствѣ со своей компаньонкой.

— Послѣ того,—выговорилъ, наконецъ, сэръ Уильфридъ,—вы пригласили ее къ себѣ лектрисой и находили, что вамъ очень повезло?

— О! не думайте, что я была совсѣмъ ужъ идіоткой. Я все-таки навела справки, я скучала до смерти, но все-таки заставляла себя быть любезной съ глупой семьей, гдѣ она гостила, потомъ пригласила ее погостить къ себѣ. И, разумѣется, скоро поняла, что тутъ дѣло не чисто. У нея были кружева, золотыя вещи, разныя бездѣлушки—это требовало разъясненія. Я начала разставлять ей ловушки, дала понять, куда клонятся мои собственныя намѣренія. Она не стала дожидаться, пока я къ ней пристану съ разспросами. Въ одинъ прекрасный день я нашла будто забытый на столѣ въ гостиной томикъ Сенъ-Симона въ роскошномъ переплетѣ стариннаго французскаго сафьяна. Между листками было что то заложено. Я раскрыла книгу. На заглавномъ листкѣ было написано имя Маріотта Дальримпля, а книга раскрылась на карточкѣ леди Розы Деланей. Такимъ образомъ...

— Повидимому, въ ловушку-то попались вы, а не она,—улыбнулся сэръ Уильфридъ. Леди Генри тоже улыбнулась неохотно, какъ бы не желая сознаваться въ собственной глупости.

— Не знаю, была ли это ловушка. Намъ обѣимъ хотѣлось сблизиться. Какъ бы то ни было, она скоро показала мнѣ книги, письма отъ леди Розы, отъ Дальримпля, отъ лорда Лэкинтона—сомнѣваться было невозможно...

— Что же,—сказала я,—это не ваша вина! Если вы хорошаго

происхожденія, тѣмъ лучше — я женщина безъ предразсудковъ. Но поймемъ другъ друга. Если вы поступите ко мнѣ, вы не должны докучать своимъ родственникамъ,—объ этомъ не можетъ быть и рѣчи. Ихъ множество въ Лондонѣ. Я всѣхъ ихъ знаю или почти всѣхъ. Но если вы не умѣете держать языкъ за зубами, лучше и не поступайте ко мнѣ. Жюли Дальримпль исчезла, и я не хочу способствовать ея воскресенію. Если Жюли Ле-Бретонъ поселится у меня въ домѣ, я не стану подымать скандала, будя то, что давно похоронено и чему лучше лежать въ могилѣ. Если у васъ нѣтъ приличной, подобающей случаю, родословной, мы ее изобрѣтемъ...

— Надѣюсь, мнѣ когда-нибудь сообщатъ ее,—сказалъ сэръ Уильфридъ.

Леди Генри засмѣялась, но ей, видимо, было неловко.

— О, мнѣ пришлось лгать—и много.

— Какъ! вы лгали?

У леди Генри блеснули глаза.

— Открыто и безъ зазрѣнія совѣсти, — сказала она вызывающе.

— Пожалуй, это было необходимо. Итакъ, она переѣхала къ вамъ. Давно это было?

— Три года назадъ. Первые полтора года я только и дѣлала, что поздравляла себя съ такой удачей. Я говорила себѣ, что, обыщи я всю Европу, я не могла бы выбрать лучше. Строй моей жизни, мои друзья, мои привычки—ко всему этому она подошла въ совершенствѣ. Я сказала, что мнѣ ее рекомендовали одни знакомые въ Бельгіи. Всѣ дивились ея манерамъ — ея уму. Она была удивительно скромна, держала себя безукоризненно. Старый герцогъ—онъ умеръ полгода спустя послѣ того, какъ она переѣхала ко мнѣ — былъ отъ нея въ восторгѣ. Монтрезоръ, Мередитъ, лордъ Робертъ — всѣ мои habitués поздравляли меня. «Такая образованная, такая очаровательная, съ такимъ savoir faire! Гдѣ вы откопали такое сокровище? Кто она? Откуда?» и т. д., и т. д. Такъ что мнѣ, само собой, пришлось...

— Надѣюсь, не больше, чѣмъ это было необходимо,—нерѣшительно освѣдомился сэръ Уильфридъ.

— Надо все, что дѣлаешь, дѣлать какъ слѣдуетъ, и я была добросовѣстна, — съ твердостью пояснила леди Генри. — Такое положеніе вещей длилось года полтора. А теперь — какъ вы думаете, къ чему все это привело?

— Вы вчера намекали...

Леди Генри отодвинула свое кресло отъ стола; руки ея, опиравшіяся на палку, дрожали.

— Намекала! Какіе ужъ тутъ намеки! Я прямо вамъ сказала — и повторяю—эта женщина отняла у меня всѣхъ моихъ друзей! Она своими интригами всѣхъ ихъ поочереди возстановила противъ меня. Даже слугъ она возстановила. Я никому изъ нихъ не могу довѣриться, когда дѣло идетъ о ней. Я одна въ своемъ собственномъ домѣ. Моя слѣпота дѣлаетъ меня ея орудіемъ, ея игрушкой! Что касается моего

салона, какъ вы его называете, это теперь ея салонъ. Я въ немъ фигурирую только для виду, какъ ея dame chaperon. Я даю помѣщеніе, прислугу, шампанское—гости приходятъ къ ней. И этого она добилась постоянными интригами, обманомъ и ложью!.

Леди Генри тяжело дышала. Старческое лицо ея побагровѣло.

— Милый другъ, — съ живостью сказалъ сэръ Уильфридъ, ласково дотрогиваясь до ея руки, чтобы успокоить ее.—Зачѣмъ же такъ разстраивать себя? Отпустите ее.

— И живите на старости лѣтъ одна-одинешенька, словно въ тюрьмѣ. На это у меня не хватаетъ мужества. Вы не знаете, какъ я была одинока и какъ обманывалась въ людяхъ!.. Я вамъ еще не сказала самаго худшаго. Слушайте: знаете, кого она залучила въ свои сѣти?—Старуха смолкла и чопорно выпрямилась. Сэръ Уильфридъ посмотрѣлъ на нее, вспомнилъ сценку въ паркѣ и ждалъ.—Не довелось ли вамъ вчера видѣть ее вмѣстѣ съ Джэкобомъ Делафильдомъ?—медленно выговорила леди Генри. Она энергично подчеркивала каждое слово; нахмуренныя брови ея почти сошлись надъ бѣдными глазами, которые старались видѣть и не видѣли. Но ожидаемаго эффекта не получилось. Сэръ Уильфридъ слегка отодвинулся.

— Джэкобъ Делафильдъ? Джэкобъ Делафильдъ? Вы въ этомъ увѣрены?

— Увѣрена ли!—гнѣвно воскликнула леди Генри и, не удостоивъ представить доказательства, продолжала. — Онъ колеблется. Но она скоро положитъ конецъ его нерѣшительности. А вы понимаете, что это значитъ, какія перспективы открываются передъ Джэкобомъ? Вспомните, пожалуйста, что у Чёдлея одинъ только сынъ—хилый, чахоточный, который можетъ умереть не сегодня — завтра. Да и самъ Чёдлей недолговѣченъ. У Джэкоба не то что шансы, а девяносто шансовъ изъ ста на то, что онъ наслѣдуетъ герцогскій титулъ.

— Господи помилуй! — сказалъ сэръ Уильфридъ и даже отбросилъ прочь сигаретку. Леди Генри торжествовала.

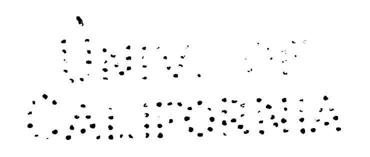
— Вотъ вамъ!—мрачно сказала она.—Теперь вы понимаете, что я внесла въ семью бѣднаго Генри...—Въ дверь тихонько постучали.

— Войдите!—нетерпѣливо крикнула леди Генри.

Дверь отворилась; на порогѣ стояла mademoiselle Ле-Бретонъ, держа въ каждой рукѣ подъ мышкой по маленькому сѣрому террьеру.

— Я думала, что лучше вамъ сказать,—смиренно начала она,—что я веду гулять собачекъ. Не надо ли вамъ прикупить шерсти для вязанья?

(Продолженіе слѣдуетъ).

КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

«Литературное дѣло», сборникъ.—Значеніе такихъ сборниковъ.—Беллетристическія произведенія гг. Чирикова, Тана, Вересаева, Дмитріевой и др.—Параллели г. Булгакова.—Его неблагодарность по отношенію европейской науки.—«Къ философіи трагедіи» Ник. Бердяева.—Художникъ-дѣятель «Вильямъ Моррисъ», Евг. Аничкова.

Оригинальное литературное явленіе представляетъ недавно вышедшій сборникъ «Литературное дѣло», составленный изъ беллетристическихъ и публицистическихъ статей различныхъ авторовъ. За послѣдніе годы такіе сборники появляются время отъ времени по поводу и безъ повода, служа какъ бы дополненіемъ къ громоздкимъ повременнымъ изданіямъ, именно журналамъ, на которые они отчасти сильно похожи. Говоримъ отчасти, такъ какъ въ нихъ не достаетъ той опредѣленности и выдержанности, безъ которыхъ не мыслимо существованіе того, что мы зовемъ ежемѣсячнымъ журналомъ. Такіе журналы составляютъ особенность исключительно русской литературы, и мы не могли бы подыскать имъ параллели на западѣ. Въ нашихъ журналахъ, иногда больше, иногда меньше, смотря по условіямъ времени, сосредоточивается жизнь русской литературы, отражается ея движеніе, ея цѣли и стремленія, разбиваясь по вполнѣ опредѣленнымъ группамъ. Иногда это проявляется настолько ярко, что по журналамъ можно съ бо́льшей или меньшей точностью распредѣлить всю текущую литературу. Но подчасъ бываетъ и такъ, что наличная журналистика не вмѣщаетъ всего литературнаго матеріала. По причинамъ, бо́льшей частью отъ нея не зависящимъ, журналистикѣ приходится сокращать свои предѣлы, и вотъ тогда-то сборники выступаютъ на сцену, какъ ея вполнѣ естественное дополненіе.

Именно съ этой точки зрѣнія и заслуживаетъ вниманія новый сборникъ «Литературное дѣло», въ которомъ мы встрѣчаемъ почти все старыя имена, ставшія нашими хорошими знакомыми въ журналахъ опредѣленнаго направленія. И если ихъ произведенія не появились тамъ, то вовсе не потому, чтобы они не были того достойны, а по вышеуказанной причинѣ, заставляющей въ послѣднее время нашу журналистику сжиматься все больше и больше. Въ самомъ дѣлѣ, драматическія сцены г. Чирикова, разсказы гг. Вересаева, Тана и Дмитріевой или Скитальца—развѣ они уступаютъ тѣмъ беллетристическимъ произведеніямъ, которыя нашъ читатель привыкъ встрѣчать въ лучшихъ журналахъ? Конечно, нѣтъ, но нѣтъ и такого количества журналовъ, которое необходимо. Ихъ кругъ все съуживается, и на сцену появляются сборники.

Можетъ быть, въ томъ есть и своя хорошая сторона. Сборники предоставляютъ авторамъ большую свободу, которая въ журналѣ естественно ограничивается его направленіемъ, традиціями, подборомъ сотрудниковъ и проч. Хотя все же имъ не заполнить прорѣхъ въ журналистикѣ, что становится все чувствительнѣе.

Неудовлетворенный въ этомъ отношеніи спросъ начинаетъ соблазнять разныхъ «молодцовъ отъ литературы», которые отсутствіе убѣжденій и взглядовъ пытаются подмѣнить коммерческой сметкой, не заботясь объ уваженіи къ печатному слову и ревнуя только о рублѣ. Порча литературныхъ нравовъ, примѣры которой еще слишкомъ свѣжи, чтобы стоило ихъ приводить, явилась, такимъ образомъ, какъ одинъ изъ первыхъ результатовъ стѣснительныхъ обстоятельствъ современной литературы. То, что еще недавно вызвало бы бурю негодованія въ средѣ литературной братіи, теперь не возбуждаетъ ничего, кромѣ развѣ недоумѣннаго вопроса, да сожалѣнія о неловкости афериста, пустившагося на тернистый путь журналистики съ огромнымъ аппетитомъ и съ ничтожнымъ нравственнымъ багажомъ. Сплошь и рядомъ приходится удивляться, какъ могутъ люди съ почтеннымъ и чистымъ именемъ связывать это имя съ такими дѣльцами, которымъ до литературы, до убѣжденій и общественныхъ задачъ столько же дѣла, сколько до судьбы прошлогодняго снѣга. Уже не первый разъ наша журналистика переживаетъ такія смутныя времена. Успенскій, разсказывая о началѣ своей литературной работы, упоминаетъ о второй половинѣ шестидесятыхъ годовъ, когда «Современникъ» сталъ тусклъ, а потомъ былъ закрытъ, «Русское слово» тоже закрыто, и всѣ видные дѣятели разбрелись, а на ихъ мѣсто стали появляться какія-то темныя изданія съ темными издателями. Къ счастью, все это оказалось не такъ уже страшно, и съ новыми вѣяніями разомъ исчезли и темные издатели, какъ исчезаетъ плѣсень въ провѣтренномъ помѣщеніи. Вѣроятно, тоже будетъ и теперь.

А пока остаются сборники, которые мы отъ души рекомендуемъ писателямъ, по тѣмъ или инымъ причинамъ не нашедшимъ себѣ мѣста въ хорошихъ журналахъ. Это во всѣхъ отношеніяхъ для нихъ лучше, выгоднѣе, главное—чище, чѣмъ ютиться въ сомнительныхъ изданіяхъ, отдающихъ гостинымъ дворомъ со всѣми его «свычаями и обычаями»—до прямого надувательства включительно. Своими почтенными именами они, по крайней мѣрѣ, не будутъ прикрывать литературныхъ лавочекъ, хозяева которыхъ пусть торгуютъ любымъ товаровъ «распивочно и на выносъ», только бы не литературой. И только отъ писателей зависитъ не дать хода этой заразѣ, въ корень подрывающей значеніе литературы. Сплошь и рядомъ мы видимъ теперь, какъ тому или иному литературному предпринимателю говорятъ печатно, прямо въ лицо, чуть не мошенника, а «Васька слушаетъ да ѣстъ», твердо уповая, что литературная братья, получающая у него кормъ, его не выдастъ, и она его дѣйствительно не выдаетъ, продолжая участвовать въ органахъ, во главѣ которыхъ стоятъ подобные «дѣятели слова». Но наступитъ время,—и мы твердо убѣждены въ этомъ,—когда многимъ придется краснѣть за себя при одномъ воспоминаніи о своемъ участіи въ подобныхъ литературныхъ «лавочкахъ». «Паче всего люби литературу», завѣщалъ Салтыковъ сыну. Любить же литературу значитъ—прежде всего не до-

пускать въ нее ничего нечистаго и бороться съ тѣми, кто на великое дѣло служенія литературѣ смотритъ какъ на средство личной наживы и не брезгуетъ ничѣмъ. Въ смутныя времена больше, чѣмъ когда-либо, должно намъ, писателямъ, дорожить литературной честью и порядочностью, тщательно сторонясь отъ всего, что возбуждаетъ естественное чувство общественной брезгливости. И если бы, что невѣроятно, но возможно, наступилъ моментъ, когда намъ не нашлось бы никакого родного пріюта,—лучше сломать свое перо, чѣмъ работать въ органѣ, къ которому не можешь относиться съ уваженіемъ...

«Литературное дѣло», какъ сборникъ, составлено очень живо и интересно. На всемъ лежитъ печать любовнаго отношенія къ литературѣ, какъ къ важному общественному дѣлу. Беллетристика составлена изъ произведеній преимущественно молодыхъ авторовъ, выдвинувшихся за послѣдніе годы. Очень живыя сцены г. Чирикова даютъ яркую картину изъ быта нашего злосчастнаго провинціальнаго чиновничества, которое авторъ такъ превосходно живописуетъ въ своихъ провинціальныхъ очеркахъ и картинкахъ. Читатели наши, навѣрное, помнятъ прекрасный разсказъ г. Чирикова «Калигула», года три тому назадъ напечатанный у насъ. Въ драматическихъ сценахъ «На дворѣ во флигелѣ» раскрывается глубокая обыденная драма, на каждомъ шагу разыгрывающаяся въ нашихъ глухихъ и не глухихъ углахъ, гдѣ бѣдность жизни перепутана съ тысячами униженій, не дающихъ расцвѣсти молодой душѣ и на зарѣ жизни убивающихъ ее безъ остатка. Глубокая жалость, охватывающая читателя въ концѣ послѣдней сцены, когда измученная дѣвушка бросается въ объятія мелкаго актера, чтобы хотя на мигъ почувствовать иллюзію счастья, котораго такъ жадно ищетъ ея молодое существо,—вотъ великая награда писателю, съумѣвшему вызвать такое чувство въ насъ. Повѣсть г. Тана «На красномъ камнѣ» рисуетъ тяжелую жизнь призрачнаго города Пропадинска, которую этотъ талантливый и вдумчивый наблюдатель уже не разъ изображалъ, напр., въ разсказахъ «На каникулахъ» и «На растительной пищи», помѣщенныхъ въ нашемъ журналѣ. Тема повѣсти, какъ и упомянутыхъ разсказовъ,—это странная на первый взглядъ жизнь интеллигентныхъ «колонистовъ», заброшенныхъ судьбою за полярный кругъ, на берега миѳической рѣки Пропады, въ ту сказочную область, гдѣ «солнце молчитъ и звуки не грѣютъ». Въ яркихъ и тяжкихъ, какъ глыбы полярнаго льда, образахъ встаетъ предъ читателемъ страшная правда жизни, въ которой на первомъ планѣ выступаетъ удовлетвореніе грубыхъ матеріальныхъ потребностей при невыносимо тягостныхъ условіяхъ.

Своеобразная «экзотическая» культура заполярной жизни не разъ служила объектомъ чудныхъ разсказовъ нашихъ первоклассныхъ писателей, вспомните только лучшія произведенія г.г. Короленко, Сѣрошевскаго, Сосновскаго, но у этихъ писателей скорѣе поэзія этой культуры, расцвѣченная чудными красками полярнаго сіянія, овѣваемая дыханіемъ мороза, полная легендарныхъ подвиговъ и поэтическихъ картинъ. Танъ съ грубостью правдиваго лѣтописнаго сказанія срываетъ этотъ покровъ таинственной чудесности и обнажаетъ страшную бытовую сторону этихъ странъ, гдѣ человѣкъ борется за жалкую жизнь съ напряженіемъ всѣхъ силъ, отстаивая тотъ предѣльный минимумъ существованія, за

*

которымъ ждетъ человѣка голодная смерть. Въ началѣ этой замѣчательной повѣсти о гиблой жизни на берегахъ затерянной Пропады мы видимъ разсказчика вмѣстѣ съ его товарищами, занятыми ловлей рыбы и заготовкой ея на зиму, въ самыхъ примитивныхъ условіяхъ, напоминающихъ бытъ эскимосовъ и чукчей. «Мы, разумѣется, знали,—говоритъ авторъ,—что, въ концѣ концовъ почти вся рыба протухнетъ, и получится продуктъ немногимъ лучше якутской мундушки (мелкая рыба, квашеная въ ямахъ), но это не имѣло особаго значенія въ нашихъ глазахъ. Въ городѣ было пятьдесятъ голодныхъ желудковъ, которые обѣщали зимою подобрать какую угодно тухлятину, лишь бы артельный староста отпускалъ ее въ изобиліи и не рѣзалъ порцій къ завтраку маленькими кусочками, какъ въ пансіонѣ для благородныхъ дѣвицъ». Но не самая работа удручаетъ читателя и составляетъ центръ повѣсти. Какъ бы ни были тяжелы условія работы, сама по себѣ она вноситъ смыслъ въ жизнь и служитъ извѣстнымъ возмѣщеніемъ болѣе высокихъ и человѣчныхъ интересовъ. Самое тяжкое—безпомощность человѣка въ этомъ мѣстѣ, куда дѣйствительно «хоть три года скачи—не доскачешь». Жертвой этой безпомощности становится одинъ изъ ловцовъ, внезапно захватывающій одну изъ тѣхъ мучительныхъ болѣзней, которыя и въ условіяхъ нашего культурнаго существованія способны отравить жизнь. Пока человѣкъ бодръ и здоровъ, онъ не испытываетъ и тысячной доли того ужаса, какой охватываетъ его всецѣло, когда болѣзнь сразу ставитъ человѣка лицомъ къ лицу со смертью безъ всякой защиты, безъ всякихъ средствъ борьбы, цѣликомъ отданнаго на жертву тысячѣ случайностей. «Помню, нервы мои были еще свѣжи, и я ужаснулся этой первобытной бзпомощности, которая равняетъ больного человѣка со звѣремъ, издыхающимъ отъ заразы». Нельзя читать описанія этой болѣзни безъ содроганія, и нервному читателю мы совѣтуемъ перевернуть, не читая, эти нѣсколько страницъ, но намъ нельзя не остановиться на нихъ, такъ какъ вопросъ здѣсь не въ художественности изображенія, а гораздо глубже. Охотно признавая, что авторъ переходитъ здѣсь предѣлы допустимаго въ художественной литературѣ реализма, мы не можемъ не отмѣтить, что этотъ реализмъ углубляетъ основную мысль произведенія о «звѣриной безпомощности» человѣка, обреченнаго судьбою жить и умирать, полагаясь только на крѣпость своего организма безъ надежды на общественное содѣйствіе. «Нужны были инструменты, которыхъ не было, операція, о которой мы не имѣли никакого понятія. Обиднѣе всего было то, что мы никакъ не могли достать подходящей пищи для Хрептовскаго (такъ звали больного). Свѣжаго мяса не было въ городѣ, достали мы, правда, стегно коровьяго мяса, но оно было такое лежалое и затхлое, что мы даже не пробовали готовить изъ него бульонъ больному». Повѣсть, къ счастью, заканчивается благополучно, свѣжій и молодой организмъ выдерживаетъ борьбу и одолѣваетъ смерть, что вноситъ мажорный тонъ въ эту ужасную жизнь. «Я не унываю,—говоритъ авторъ,—и знаю, что каждый опредѣленный срокъ имѣетъ свой конецъ, и въ утѣшеніе себѣ еще повторяю свою новую пословицу о человѣческой живучести: всѣ люди безсмертны, Кай человѣкъ, слѣдовательно, онъ безсмертенъ». Эта примиряющая

нота дѣйствуетъ успокоительно, но въ душѣ, тѣмъ не менѣе, чувствуется жгучая боль стыда за безсиліе человѣчества внести оздоровляющую струю общественности и въ эти гиблыя страны, какъ бы далеко онѣ ни были. Ибо не всегда «Кай безсмертенъ»...

Разсказъ этотъ мучителенъ и жестокъ, и г. Вересаевъ, который въ сильно написанномъ очеркѣ «На эстрадѣ» возстаетъ противъ «чарующей силы искусства», долженъ былъ бы признать, что роль свою г. Танъ выполнилъ, возбудивъ сильную страсть негодованія въ читателѣ путемъ рѣзкаго, мужественно описаннаго образа муки. Небольшой очеркъ г. Вересаева заслуживаетъ вниманія во всѣхъ отношеніяхъ. Это—старый вопросъ объ общественной роли искусства. Молодой, талантливый авторъ выступаетъ на эстрадѣ, въ качествѣ чтеца своего произведенія. Публика, главнымъ образомъ, молодежь встрѣчаетъ и провожаетъ автора громомъ рукоплесканій. Въ теченіе всего вечера онъ чувствуетъ себя героемъ, на него указываютъ, съ нимъ стараются познакомиться, наконецъ, при выходѣ ему устраиваютъ настоящую овацію. Сначала всѣ эти знаки вниманія возбуждаютъ въ авторѣ гордость, но постепенно онъ начинаетъ испытывать неловкость, въ немъ какъ бы раздваивается его «я». Онъ не узнаетъ самого себя. «Осокинъ разговаривалъ, чувствуя устремленные на себя со всѣхъ сторонъ внимательные взгляды. Эти взгляды совершенно парализовали всѣ его обычныя, естественныя движенія, тѣло его стало какимъ-то пружиннымъ, какъ у автоматовъ; Осокинъ съ отвращеніемъ наблюдалъ за собой и прислушивался къ счастливому довольному смѣху, дрожавшему въ глубинѣ его груди». Странное настроеніе все болѣе и болѣе охватываетъ его, и вотъ ему представляется, что на всѣхъ лицахъ онъ видитъ ярко отпечатанный холодъ и безпросвѣтное довольство собою. Что тянетъ этихъ людей къ нему, спрашиваетъ онъ, и кто это самъ онъ, «этотъ мелкій, тщеславный человѣчекъ, гордящійся красотой и увлекательностью своего положеннаго на бумагу чувства?.. Осокинъ все сильнѣе чувствовалъ, что между нимъ и окружающими есть какая-то крѣпкая, тайная связь, есть безмолвное соглашеніе, которое каждый держалъ про себя и ни за что не высказалъ бы другому».

Овація при выходѣ окончательно возбуждаетъ его, и Осокинъ страстно высказываетъ мучающія его въ эту минуту мысли о взаимной фальши и обманѣ. За что его чествуютъ? «Вы благодарите меня, конечно, за тѣ «чувства добрыя», которыя я пробудилъ въ васъ силою искусства. Да, сила искусства велика, но сила его — вовсе не въ способности пробуждать «добрыя чувства». Проклятая и развращающая сила искусства состоитъ въ томъ, что оно самымъ невѣроятнымъ образомъ перерождаетъ и уродуетъ всякое чувство, всякое душевное движеніе, вызываемое дѣйствительностью. Художникъ замахивается на жизнь бичами и скорпіонами, но въ моментъ удара его бичи и скорпіоны превращаются въ мягкія гирлянды душистыхъ ландышей; онъ подноситъ къ людскимъ сердцамъ огонь, способный зажечь и двинуть камень,—а людскія сердца въ отвѣтъ начинаютъ тлѣть чуть теплымъ огонькомъ мягкой и бездѣятельной душевной напряженности. Подобно буферу вагоновъ, искусство даетъ человѣку возможность легко и пріятно пе-

реживать всѣ самые тяжелые душевные толчки. И вотъ за это-то буферное дѣйствіе искусства вы въ дѣйствительности такъ горячо и благодарите насъ... Господа, будемъ говорить на чистоту! Конечно, васъ привлекаетъ въ насъ не красота. Что красота! Мы вамъ даемъ возможность переживать чувства, посильнѣе и попріятнѣе чисто эстетическихъ. Вы переживаете съ ними два самыхъ великихъ счастья, какія только знаетъ жизнь, счастье борьбы и счастье всезахватывающей любви къ человѣку. И какъ дешево могли отъ насъ получить это счастье,—для этого не нужно ни бороться, ни любить! При томъ счастье это, обработанное нашими руками, такъ гладко, тепло и комфортабельно! Въ жизни оно гораздо болѣе шероховато и болѣе жгуче. Раненый боецъ, увѣряю васъ, совершенно не замѣчаетъ своей красивой позы, а только ощущаетъ ужасно непріятную боль въ ранѣ; когда человѣкъ гибнетъ въ правой борьбѣ, онъ вовсе не окруженъ тѣмъ всеобщимъ сочувствіемъ, которое возбуждается къ нему въ читателяхъ нашихъ изображеніемъ этой борьбы. О, счастье ихъ велико, счастье побѣжденныхъ и измученныхъ, но горячо вѣрящихъ въ грядущую побѣду!.. Но это счастье отличается отъ вашего счастья больше, чѣмъ лѣсной пожаръ отъ потрескивающаго въ каминѣ мирнаго огонька. Есть они, есть эти люди, суровые и бодрые, но неужели это случайность?—Какъ разъ для нихъ-то мы совершенно ненужны и въ лучшемъ случаѣ представляемъ лишь пріятный дессертъ. А за дессертъ кто же станетъ такъ восторженно благодарить? Такъ благодарятъ лишь за хлѣбъ, дающій жизнь. И вы благодарите насъ именно за даваемую вамъ жизнь, которой нѣтъ въ вашихъ собственныхъ душахъ, за ту сытость, которую вы испытываете, благодаря намъ. Но вѣдь эта сытость—язва, на смерть убивающая душу, и получать за нее благодарность—самое тяжкое оскорбленіе!.. Что можете вы еще пережить въ жизни? Художники—начиная съ Толстого, Гюго, Достоевскаго и кончая нами, малыми,—дали вамъ легко и пріятно пережить всѣ самыя тяжелыя душевныя катастрофы. И вы ими пресытились. Вы устали бороться не боровшись, вы устали любить не любивши. Вы все пережили бездѣятельнымъ чувствомъ... «Все это жестоко и несправедливо», скажете вы, «мы чувствуемъ свѣтлыя искры, зароненныя вами въ наши сердца, и за эти-то искры и благодаримъ»... Но въ чемъ же проявились эти возженныя искры? Чѣмъ заслужили вы право благодарить за нихъ и... и чѣмъ заслужилъ я право принимать ваши благодарности? Это-то послѣднее, можетъ быть, самое важное изъ всего,—самое важное то, что здѣсь мы съ вами тѣсные союзники. Жизнь вызываетъ въ насъ порывъ броситься въ битву, а мы этотъ порывъ претворяемъ въ красивый крикъ, и этотъ крикъ несемъ къ вамъ... Давно сказано: «Слово писателя есть его дѣло». Можетъ быть! Но суть-то въ томъ, что дѣло это все-таки остается лишь словомъ, и въ душѣ мы съ вами прекрасно понимаемъ всю чудовищную неестественность этого дѣла слова. Понимаемъ и молчимъ, потому что такъ выгоднѣе и пріятнѣе... Тамъ внизу дико бурлитъ и грохочетъ громадная жизнь; наши арфы отзываются на этотъ грохотъ слабымъ меланхолическимъ стономъ и будятъ гармоническій откликъ въ струнахъ вашихъ душъ; получается нѣжная, прекрасная музыка, и на душѣ

становится тепло и уютно... Но неужели же вы не чувствуете, сколько душевнаго разврата въ этой музыкѣ, неужели не чувствуете, что принимать за нее благодарность стыдно?..»

Страстный тонъ этой рѣчи обнаруживаетъ, что для автора это—наболѣвшій вопросъ о роли художника въ общественной борьбѣ. Мы думаемъ, что авторъ и правъ, и не правъ. Онъ вѣрно отмѣтилъ успокаивающее въ извѣстные моменты вліяніе искусства, которое для многихъ замѣняетъ тогда подлинную жизнь со всѣми ея мучительными терзаніями. Но онъ забылъ, что то же искусство, еще со временъ Тиртея, возбуждавшаго своею пѣснью спартанскихъ воиновъ, служило и служитъ огромнымъ возбудителемъ борьбы. Все зависитъ отъ того, въ какой моментъ проявляетъ себя искусство. Когда жизнь подавлена, и болото затягиваетъ общественную арену, заглушая стоны жизни, тогда и искусство является только «буферомъ», помогающимъ пріятно и удобно выносить толчки. Въ такія глухія времена, когда «ликуетъ врагъ, молчитъ въ недоумѣніи вчерашній другъ, качая головой», и искусство часто (хотя не всегда) обречено на безсиліе, и въ лучшемъ случаѣ не даетъ погаснуть «возженнымъ искрамъ». Но это безсилье не лежитъ въ существѣ искусства, а распространяется на него извнѣ, какъ и на другія проявленія общественной жизни. Уже одно то, что и въ эти мрачные моменты искусство служитъ прибѣжищемъ для всего возвышеннаго и благороднаго, какъ было, напр., въ тридцатые и сороковые годы,—выдѣляетъ искусство и возноситъ его на высоту. Вотъ почему упрекъ, брошенный молодымъ авторомъ своимъ увлеченнымъ слушателямъ, несправедливъ и попадаетъ не по адресу. Живая, вѣковѣчная связь между искусствомъ и жизнью такъ сильна, что трудно раздѣлить ихъ взаимное вліяніе; нельзя сказать, что искусство замѣняетъ «порывъ броситься въ битву», когда сплошь и рядомъ оно усиливаетъ именно этотъ порывъ; нельзя назвать «душевнымъ развратомъ» влеченіе къ «нѣжной музыкѣ»—искусство, которое, между прочимъ могло создать и «Марсельезу».

Конечно, этими замѣчаніями не исчерпывается затронутый г. Вересаевымъ вопросъ. Съ обычной прямотой г. Вересаевъ ставитъ ребромъ вопросъ чрезвычайно сложный и, самъ себѣ противорѣча, выполняетъ, какъ художникъ, важнѣйшую общественную функцію: будитъ мысль и въ образахъ заставляетъ переживать читателя свои мучительныя и плодотворныя сомнѣнія. Мы невольно вспоминаемъ и другое произведеніе того же автора—«На поворотѣ», возбудившее столько разговоровъ, споровъ, нападокъ и похвалъ. На этомъ примѣрѣ авторъ еще яснѣе могъ бы увидѣть, какую огромную возбудительную силу скрываетъ въ себѣ искусство, что и влечетъ насъ такъ сильно къ представителямъ его. Подчасъ это увлеченіе выражается и въ нелѣпыхъ формахъ, достойныхъ осмѣянія, но не въ этомъ сила...

Чтобы покончить съ отдѣломъ беллетристики «Литературнаго дѣла», укажемъ еще прекрасный разсказъ «Волки» г-жи Дмитріевой, по нашему мнѣнію, лучшій въ сборникѣ. Картина зимней мятели и бодро пробивающаго себѣ дорогу сквозь нее крестьянскаго мальчика такъ хороша и содержательна, что значеніе этого очерка далеко выходитъ за предѣлы обычныхъ разсказовъ изъ крестьянской жизни,

«Мнѣ чудились снѣжныя поля, надъ которыми пляшетъ вьюга и гдѣ во мракѣ одиноко бродятъ голодные волки; мнѣ слышались стоны вѣтра, гулъ лѣса, волчій вой и волчьи разговоры... Какія-то мрачныя тѣни, скаля длинные острые зубы и приникая къ земли, скользили среди мертваго безмолвія снѣжныхъ пустынь и исчезали во тьмѣ, которой, казалось, не будетъ конца... И я думала о Митрошкѣ, который въ чистомъ полѣ храбро борется съ злою вьюгой и шагъ за шагомъ прокладываетъ себѣ путь среди волчьей тьмы и волчьяго воя. Доберется ли онъ и найдетъ ли дорогу въ темномъ лѣсу жизни? Или и его тоже слопаютъ волки и задушитъ глухой лѣсъ, какъ онъ уже задушилъ его маленькую сестренку?» Такъ заканчиваетъ авторъ свой очеркъ, и вопросъ его не возбуждаетъ тревоги въ сердцѣ читателя: слишкомъ свѣжъ и бодръ его Митрошка, чтобы за него мы могли опасаться. И не такія мятели застилали пути ему, и не такія волчьи стаи преграждали путь, а все по-легоньку Митрошка выбивался на дорогу, не теряя вѣрнаго направленія къ свѣту и свободѣ...

Въ научно-публицистическомъ отдѣлѣ сборника затронуты самые разнообразные вопросы, но одно объединяетъ ихъ—современностъ настроенія, молодого и свѣжаго. Мы коснемся только немногаго, чтобы показать, насколько сборникъ отвѣчаетъ интересамъ нашего времени. Три статьи въ этомъ отношеніи особенно характерны: г. Булгакова «Васнецовъ, Достоевскій, Вл. Соловьевъ и Толстой», Николая Бердяева «Къ философіи трагедіи» и г. Аничкова «Вильямъ Моррисъ и его утопическій романъ».

Въ своихъ четырехъ «параллеляхъ» г. Булгаковъ возбуждаетъ одинъ изъ основныхъ вопросовъ современности—о національности, какъ она проявляется въ творчествѣ народа. По его мнѣнію, «самымъ заманчивымъ является тотъ источникъ національнаго самопознанія, который открывается въ созданіяхъ великихъ дѣятелей духа, принадлежащихъ къ изучаемой народности и стихійно отразившихъ въ себѣ ея черты. Мысль невольно обращается къ выдѣленію сходнаго и основного, что свойственно созданіямъ національныхъ героевъ, и въ этомъ видитъ квинтъ-эсенцію народности». Объединяющимъ творчество названныхъ четырехъ художниковъ и мыслителей началомъ авторъ считаетъ религіозное стремленіе, исканіе Бога. «Религіозная идея и религіозная страсть опредѣляютъ собой творчество Васнецова, совмѣщающаго въ себѣ идеалиста и реалиста въ самомъ лучшемъ смыслѣ этихъ словъ». «Достоевскому принадлежитъ въ раскрытіи религіозной жизни и психологіи русскаго народа такое же значеніе, какъ Васнецову въ живописи». Тоже чувство и тѣ же идеи «являются опредѣляющими и для философской дѣятельности Вл. Соловьевъ». Относительно Толстого и говорить нечего: «для читателя очевидно, сколь безмѣрно значеніе Толстого въ религіозно-нравственной жизни нашего и всего европейскаго общества». Такимъ образомъ, по мнѣнію г. Булгакова, національное отличіе, національный признакъ русской народности заключается въ религіозной идеѣ.

Странное впечатлѣніе производятъ выводы автора этой талантливой и живой статьи. Не говоря уже объ искусственности его сопоставленій, о чрезмѣрности оцѣнки, напр., Васнецова, весьма и весьма манернаго и неискренняго художника,—г. Булгаковъ хватаетъ черезъ край, доходя чуть не до отри-

цянія западно-европейской науки. Такъ, говоря о Соловьевѣ, г. Булгаковъ совершенно неожиданно разражается тирадой, удивившей насъ именно въ его устахъ: «Идеалъ свободной теократіи и пересмотръ, критика и переоцѣнка при свѣтѣ этого христіанскаго идеала нашей теперешней соціальной науки, соціальныхъ идеаловъ и общественной жизни, вотъ самое дорогое завѣщаніе, которое оставлено намъ Вл. Соловьевымъ, и которое намъ надлежитъ благочестиво исполнить. Вотъ тема для русскихъ соціологовъ, юристовъ и экономистовъ; этимъ, а не ученическимъ переписываніемъ и повтореніемъ книжекъ западной науки во всей ея исторической ограниченностью можно создать самостоятельную научную мысль въ Россіи». Странно слышать такія рѣчи отъ профессора политико-эконома, столько обязаннаго именно западно-европейскому научному духу и западной наукѣ. Мы думаемъ, что видѣть главное отличіе русской національности въ религіозности такъ же односторонне, какъ односторонне увлеченіе покойнаго славянофильства «самобытностью» русскаго духа, призваннаго открыть невѣдомыя истины Запада. А «переоцѣнка» западной науки съ точки знанія особой русской религіозности—это уже сугубая странность, для которой мы не подыщемъ имени. Для всякой науки есть одинъ только критерій—истина, а двухъ истинъ не бываетъ, и то, что истинно по ту сторону западной границы, не можетъ, быть ложью по сю, и обратно. Фальшью отдавали въ свое время всѣ славянофильскія исканія своей русской правды, отличной отъ общечеловѣческой,—не звучитъ истиной и этотъ призывъ къ переоцѣнкѣ «при свѣтѣ христіанскаго идеала теперешней соціальной науки». И почему именно русскимъ ученымъ должна принадлежать эта странная честь? Самостоятельную русскую науку они едва-ли создадутъ этимъ путемъ, такъ какъ опытъ прошлаго достаточно убѣдилъ всѣхъ, что національзмъ, въ какую-бы форму онъ ни облекался, никогда не даетъ національной науки. Что сдѣлали славянофилы въ научной области? Ничего. Все, чѣмъ русскій народъ можетъ гордиться въ наукѣ, сдѣлано людьми, возвышавшимися надъ партійной рознью славянофильства и западничества. И это очень понятно. Всякая исключительность, нарочитое съуженіе умственнаго кругозора неминуемо влечетъ къ узости, однобокости, мелочности, словомъ къ началамъ, съ которыми не мирится свободное научное изслѣдованіе, считающееся только съ правдой. Вообще г. Булгаковъ «зарвался», что называется. Мѣстами тонъ его статьи до того небрежно-вызывающій, что за автора становится неловко. «Философская мысль Германіи въ теченіи XIX в. служила», по увѣренію его, «на побѣгушкахъ у естествознанія»; «дешевый естественно-научный позитивизмъ»,—что это за языкъ?! Профессору «не къ лицу и не пристало» выражаться языкомъ дешевой уличной прессы о предметахъ первостепенной научной важности.

Впрочемъ, мы увѣрены, что какъ человѣкъ науки, и самъ г. Булгаковъ не пойдетъ въ предлагаемомъ направленіи, а просто увлекся имъ построенной схемой. Несомнѣнно въ его статьѣ одно, это—отмѣчаемое имъ, оживленіе религіознаго чувства за послѣднюю четверть прошлаго вѣка и въ русскомъ обществѣ, что давно уже принято, какъ фактъ, по отношенію къ Западу, гдѣ религіозное настроеніе объявило смертную борьбу мѣщанству. Какъ на

одинъ изъ такихъ признаковъ религіознаго воодушевленія, указываетъ г. Бердяевъ въ своей статьѣ «Къ философіи трагедіи», на драмы Метерлинка, въ которыхъ изображается въ самомъ чистомъ видѣ вѣчный трагизмъ человѣческой жизни. Метерлинкъ, по мнѣнію, Бердяева, «понимаетъ самую внутреннюю сущность человѣческой жизни, какъ трагедію. Для изображенія трагизма человѣческой жизни не нужно чисто внѣшняго сцѣпленія событій, не нужно катастрофъ, не нужно шума и крови. Вѣчная внутренняя трагедія совершается до этого, совершается въ тишинѣ, она можетъ свалиться на человѣка ежесекундно, когда онъ менѣе всего ждетъ, такъ какъ въ самой сущности жизни скрывается безысходныя трагическія противорѣчія». Показавъ на главнѣйшихъ драмахъ Метерлинка эту трагическую сущность жизни, авторъ дѣлаетъ рядъ глубокихъ вы• о современномъ настроеніи. «Въ современной жизни,—говоритъ онъ,—существуетъ цѣлое теченіе,—теченіе очень интересное, указывающее на какой-то духовный переломъ, на исканіе новыхъ путей и новыхъ идеаловъ. Оно слагается изъ людей, всей душой протестующихъ противъ пошлости жизни, противъ мѣщанства, противъ угашенія духа и буржуазнаго увлеченія внѣшними матеріальными интересами. Эти новые люди протестуютъ противъ разсудочной культуры во имя культуры трагической красоты; но они слишкомъ часто стоятъ въ сторонѣ отъ великаго освободительнаго движенія человѣчества и оторваны отъ историческихъ традицій человѣческаго разума». «Они ищутъ выводовъ хода въ мистицизмѣ, который долженъ вознаградить ихъ за всѣ утраты, понесенныя отъ вторженія позитивизма и матеріализма въ ихъ идеалистическую душу. Но мистицизмъ самъ по себѣ есть признакъ безсилія и указываетъ на необходимость какого-то новаго поворота. Мистицизмъ всегда бываетъ симптомомъ потребности въ новомъ міросозерцаніи». Авторъ, указывая на заслугу Метерлинка и людей его настроенія, возставшихъ противъ мѣщанства и пошлости, вмѣстѣ съ тѣмъ указываетъ и на отрицательное ихъ значеніе, выразившееся, «въ невѣріи въ человѣческую мысль и въ прогрессъ и въ отсутствіи активности». «Новое искусство,—заканчиваетъ онъ,—и новые люди должны соединиться съ борцами за свободу и справедливость на землѣ, и тогда, можетъ быть, исчезнетъ дряблость однихъ и грубость другихъ. И обѣ стороны должны, прежде всего, проникнуться безусловнымъ уваженіемъ къ человѣческому разуму и къ тѣмъ людямъ теоретической мысли, которые ищутъ свѣта и жизни. Пора уже поставить во главѣ угла всего нашего міросозерцанія и нашего эпическаго отношенія къ жизни идею *личности*, которая заключаетъ въ себѣ наибольшее духовное содержаніе. Но только на почвѣ религіи возможно окончательное объединеніе истины, добра и красоты и признаніе ихъ единой правды, многообразной лишь въ эмпирической видимости. Такая религія нужна человѣку, такъ какъ безъ нея онъ не можетъ справиться съ трагическими проблемами, поставленными загадками бытія».

Типичнымъ представителемъ «новыхъ людей», осуществляющихъ единеніе борьбы за новую красоту съ борьбою за правду и справедливость на землѣ, является знаменитый художникъ, писатель и общественный боецъ Вильямъ Моррисъ, которому посвящена одна изъ интересныхъ статей сборника. Проф. Евг.

Аничковъ знакомитъ читателя въ блестящей характеристикѣ съ этимъ оригинальнѣйшимъ человѣкомъ, который въ удивительной гармоніи сочеталъ лучшія силы человѣка конца XIX в. Мечтатель и въ то же время энергичный дѣятель на самыхъ разнообразныхъ поприщахъ, писатель, живописецъ, фабрикантъ и политическій агитаторъ, Моррисъ всюду проводилъ одну идею, положившую особый отпечатокъ на послѣднюю четверть истекшаго вѣка,—это идея о «неразрывной связи, соединяющей каждый эстетическій вопросъ съ вопросами экономическими и общественными». Когда появился (въ началѣ 80-хъ годовъ) извѣстный романъ Беллами, Моррисъ сильно протестовалъ противъ казарменнаго типа жизни, выведенной въ романѣ, какъ идеалъ будущаго. «Я полагаю, писалъ онъ тогда,—что идеалъ будущаго не въ сокращеніи человѣческой энергіи, не въ сведеніи труда до минимума, идеалъ заключается въ сведеніи лишь до минимума *тягости* труда и при томъ настолько, чтобы тягость эта перестала быть тягостью; въ этомъ и состоитъ главное пріобрѣтеніе человѣчества, но о немъ можно будетъ мечтать лишь тогда, когда люди станутъ гораздо болѣе равными между собою, чѣмъ это допускаетъ утопія Беллами». Надъ «уравненіемъ» человѣческимъ онъ и работалъ всю жизнь, стараясь высшіе классы сблизить съ низшими на общедоступномъ для нихъ полѣ искусства. На лекціяхъ и митингахъ, въ романѣ «Ни откуда», на выставкахъ и путемъ художественныхъ издѣлій онъ тѣмъ и другимъ доказывалъ, что не трудъ самъ по себѣ тяжелъ и изнурителенъ, а условія его и главное его форма. Нужно такъ поставить трудъ, чтобы онъ доставлялъ не только грубую пользу, но и прежде всего—наслажденіе. Сдѣлать это можетъ только искусство. «Искусство есть не только придача къ жизни, безъ которой не можетъ обойтись ни одинъ свободный и счастливый человѣкъ, оно—необходимое и неизбѣжное выраженіе человѣческаго счастья». Искусство тоже трудъ, но трудъ доставляющій наслажденіе. Только въ единеніи съ искусствомъ трудъ потеряетъ современный *рабій* стимулъ къ энергіи. Въ романѣ «Извѣстія ни откуда» Моррисъ рисуетъ утопическую картину жизни, въ которой каждый шагъ, каждая работа соединены съ искусствомъ и обставлены художественно. Это искусство будущаго не только то наше искусство, представителями котораго выступаютъ великіе писатели, живописцы и музыканты. Будущіе люди не забудутъ ихъ и не перестанутъ восторгаться ими, даже, пожалуй, больше насъ, потому что лучше насъ будутъ понимать ихъ. Но, кромѣ того, эти люди будущаго культивируютъ особое всенародное искусство, которое и придаетъ ихъ жизни своеобразный отпечатокъ. Это искусство декоративное. «Дома, мебель, домашняя утварь, платье—все это неизбѣжно носитъ у будущихъ людей характеръ артистическій. Всѣ вещи, которыми они пользуются,—произведенія искусства. Люди будущаго вновь открыли, что истинная тайна счастья заключается въ непосредственномъ интересѣ къ подробностямъ каждодневной жизни и въ поднятіи ихъ на высоту искусства». Эту оригинальную для практическаго вѣка идею Моррисъ началъ широко осуществлять, основавъ фабрику художественнаго производства, которая брала на себя убранство частныхъ и общественныхъ домовъ. Фабрика поставляла фрески и обои для стѣнъ, мебель, утварь, ковры, цвѣтныя стекла, посуду и проч.

Самъ Моррисъ и цѣлая школа первоклассныхъ художниковъ поставляла образцы, рисунки, модели, по которымъ искусно обученные рабочіе изготовляли «художественный товаръ».

Но это увлеченіе искусствомъ не только не обособило Морриса отъ реальной текущей жизни,—оно связало его съ нею еще тѣснѣе. Его всегда ужасала жизнь современнаго англійскаго рабочаго въ чаду и дыму громадныхъ фабрикъ, въ грязныхъ и тѣсныхъ конурахъ, замѣняющихъ жилище. Чѣмъ выше былъ его идеалъ эстетической жизни, тѣмъ страшнѣе представлялась ему духовная и матеріальная нищета рабочаго класса. «Когда я сижу за работой дома у самаго окна, я часто вижу, какъ мимо меня проходитъ толпа рабочихъ, о грубости ихъ такъ много было писано недавно въ газетахъ и отъ времени до времени писалось и раньше. И дѣйствительно, когда я слышу ихъ ругательства, ихъ крики и все это нравственное извращеніе, унижающее славный языкъ Шекспира и Мильтона; когда я вижу загрубѣлое отупѣніе и на лицахъ, и въ движеніяхъ проходящихъ мимо людей, во мнѣ встаетъ также отупѣніе и грубость, и меня охватываетъ какая-то злоба до тѣхъ поръ, пока я не вспомню и,—я надѣюсь,—я чаще всего буду вспоминать, что только счастливый случай, заставившій меня родиться въ почтенномъ семействѣ и въ довольствѣ, доставилъ мнѣ возможность находиться по сю сторону окна, среди восхитительныхъ книгъ и очаровательныхъ произведеній искусства, а не тамъ за окномъ, въ пустынной улицѣ, въ вонючихъ кабакахъ, въ гадкихъ разоренныхъ квартирахъ». И мысль объ обездоленныхъ никогда не покидала его, двигая имъ на общественной и политической аренѣ, въ мастерскихъ, гдѣ онъ являлся старшимъ и опытнымъ товарищемъ, а не хозяиномъ, въ литературѣ и поэзіи, гдѣ онъ пробуждалъ въ другихъ живой интересъ къ этимъ же товарищамъ по труду и мечталъ о лучшемъ будущемъ.

Мы обозрѣли далеко не все содержаніе «Литературнаго дѣла», остановившись только на тѣхъ произведеніяхъ, которыя намъ кажутся болѣе характерными и выпуклыми для обрисовки общей физіономіи новаго сборника, на томъ, въ чемъ ярче и сильнѣе чувствуется вліяніе современнаго настроенія. Но еще остается въ немъ интересный матеріалъ, вполнѣ достойный вниманія, въ статьяхъ гг. Тарле, Богучарскаго, Странника, въ беллетристическихъ произведеніяхъ Скитальца, Муринова, Брусянина и другихъ. Какъ новый опытъ такого рода изданія, «Литературное дѣло» очень удачно и, насколько читатели могутъ судить по нашему отрывочному отзыву, сборникъ самъ по себѣ не уступаетъ любому изъ нашихъ серьезныхъ журналовъ какъ по литературности, такъ и содержательности.

А. Б.

РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ.

На родинѣ.

Къ біографіи Н. А. Добролюбова. Въ «Нижегородскомъ Листкѣ» находитъ отчетъ объ одномъ изъ недавнихъ засѣданій нижегородской архивной коммиссіи, посвященномъ памяти Н. А. Добролюбова. Предсѣдатель коммиссіи доложилъ о полученномъ имъ отъ В. И. Глоріантова свѣдѣніяхъ о Добролюбовѣ. Г. Глоріантовъ—товарищъ знаменитаго писателя по семинаріи—находитъ, что свѣдѣнія, имѣющіяся о Добролюбовѣ, еще не полны. Напримѣръ, нѣтъ объясненія, почему онъ не поступилъ въ духовную академію, куда собирался поступить цѣлый годъ и объ его поступленіи куда есть прошеніе его отца къ епископу Іереміи—благословить его сына на это поступленіе. Хотя г. Глоріантовъ не видѣлъ Добролюбова въ послѣдніе семинарскіе его годы (былъ вынужденъ поступить на службу раньше окончанія курса), но воспоминаніе о немъ сохранилось у него чрезвычайно живо; если бы онъ былъ художникъ, онъ могъ бы нарисовать на память его портретъ. «Это была единственная личность среди товарищей,—пишетъ онъ,—привлекавшая къ себѣ вниманіе, прежде всего своимъ исключительнымъ свѣтскимъ лоскомъ», а потомъ разными обстоятельствами «его аристократическаго домашняго образованія». Онъ не походилъ на бурсака и по той причинѣ, что не испыталъ всѣхъ горестей жизни, которыми мы всѣ съ самаго дѣтства до самыхъ костей были проникнуты. Явился Н. А. въ семинарію не изъ глуши сельской, какъ почти всѣ его товарищи, и не отъ бѣднаго священно-церковно-служителя, а отъ городского благовоспитаннаго образованнаго родителя, съ хорошими средствами, хорошимъ общественнымъ положеніемъ. У него всего было много для воспитанія сына: учебныхъ пособій, учителей руководителей, онъ поступилъ прямо въ семинарію, а не въ уѣздное духовное училище. А знаете ли, что тогда были эти училища? Тамъ былъ полный педагогическій деспотизмъ, грубое обращеніе учителей, учениковъ сильно истязали, способно-способности ихъ не развивали, а заглушали. Къ этому надо прибавить бѣдность учениковъ, постоянную нужду во всемъ, житье въ скученныхъ, грязныхъ квартирахъ, часто настоящую крѣпостную зависимость отъ хозяевъ, которые помыкали ими, заставляли выполнять грязную работу, а въ праздники награждали за это кусочкомъ пирога или приваркомъ.

«Жизнь эта была горькая, безотрадная. Естественно, что люди выходили изъ нея запуганные, робкіе, не способные находиться въ порядочномъ обществѣ. Всѣхъ этихъ прелестей Н. А. не испыталъ. И въ семинаріи, правда, были дерзкіе, грубые субъекты, говорившіе ученикамъ: оселъ, скотина, дуракъ. Но отъ этихъ оскорбленій Н. А. былъ гарантированъ вліяніемъ своего родителя, по милости котораго и въ научныхъ занятіяхъ ему давалось преимущество противъ другихъ болѣе его достойныхъ учениковъ. Но по справедливости нужно отвести къ его преимуществамъ и блестящее свѣтское образованіе, полученное благодаря тому, что въ домѣ отца Н. А. имѣлъ квартиру князь Трубецкой. Въ семьѣ князя онъ росъ, какъ родной сынъ. Тамъ были и гувернеры, и гувернантки: онъ пріобрѣлъ тамъ и изящныя свѣтскія манеры, и возвышенные идеалы, которые оказали ему впослѣдствіи въ его литературной дѣятельности великую услугу, въ совершенствѣ изучилъ щеголеватый французскій языкъ, принятый въ аристократическомъ обществѣ, и не аттестованный ему въ семинаріи въ числѣ пройденныхъ наукъ. Этимъ объясняется, что изъ необязательныхъ предметовъ семинаріи онъ предпочелъ модному французскому языку нѣмецкій. Не удивительно, что такъ взлелѣянный, при полномъ довольствѣ и спокойствіи, онъ вошелъ еще юношей по окончаніи семинаріи, не стѣсняясь и смѣло, въ среду благородныхъ и образованныхъ лицъ и сдѣлался такимъ исключительнымъ и прославленнымъ литераторомъ».

А. И. Тиховъ сообщилъ нѣсколько эпизодовъ изъ школьной жизни Н. А. Добролюбова по воспоминаніямъ одного изъ современниковъ послѣдняго по семинаріи. Самъ авторъ воспоминавій былъ старше Добролюбова однимъ двухгодичнымъ курсомъ: онъ былъ въ богословскомъ классѣ, когда Добролюбовъ учился въ философіи (въ 1848—50 гг.). Авторъ воспоминаній, теперь престарѣлый старецъ-священникъ, на школьной скамьѣ, въ семинаріи, пописывалъ стихи и слылъ поэтомъ не только на своемъ курсѣ, но и по всей семинаріи. Въ то же время и Н. А. Добролюбовъ, который еще мальчикомъ, въ низшимъ отдѣленіи семинаріи, удивлялъ всѣхъ своею развитостью и начитанностью и также пописывалъ стихи, сталъ уже, оказывается, на школьной скамьѣ проявлять свои критическія способности, и въ этомъ отношеніи пользовался даже особымъ авторитетомъ среди семинаристовъ.

Этимъ только можно объяснить то обстоятельство, что нѣкоторыя изъ стихотвореній автора воспоминаній, тогда ученика богословія, переданы были братомъ его на судъ никому другому, а именно Н. А. Добролюбову ученику философіи.

Н. А. разсмотрѣлъ доставленные ему стихи богослова, призналъ въ авторѣ поэтическій талантъ, но и недостаточную отдѣлку въ стихахъ. «Алмазъ,—выразился по этому поводу со свойственной ему силою критикъ,—дорогой камень, но безъ полировки и приличной оправы не привлекаетъ взора». Для примѣра, какъ нужно писать стихи, Добролюбовъ прислалъ автору нѣсколько своихъ стихотвореній, отзываясь о нихъ, какъ о рубленой хорошо прозѣ безъ поэтическаго огня.

О послѣдующихъ годахъ Добролюбова, по уходѣ изъ семинаріи, авторъ

воспоминаній замѣчаетъ, что Н. А. пріѣзжалъ изъ Петербурга въ Нижній погостить у сестеръ, но оставался почти безвыходно дома—«все писалъ и писалъ,—хмурый, неразговорчивый». Другой фактъ изъ школьной жизни Добролюбова относится къ послѣднему году пребыванія его въ философскомъ классѣ и также можетъ служить къ характеристикѣ Добролюбова, какъ ученика. Въ іюлѣ 1850 г. учитель естественныхъ наукъ въ семинаріи Леонидъ Сахаровъ пожертвовалъ въ правленіе семинаріи зоологическую коллекцію, состоящую изъ 300 №№ насѣкомыхъ и 13 №№ пауковидныхъ, собранную и приведенную имъ въ систематическій порядокъ. При этомъ учитель Сахаровъ счелъ своею обязанностью свидѣтельствовать предъ правленіемъ семинаріи благодарность четверымъ ученикамъ философскаго класса и въ числѣ ихъ Николаю Добролюбову—«за усердное ихъ содѣйствіе въ трудахъ собиранія насѣкомыхъ». Этотъ учитель (Леонидъ Сахаровъ), піонеръ своего предмета въ семинаріи и большой любитель своего дѣла, украшенный медалью отъ Императорскаго вольнаго экономическаго общества, долженъ былъ пробудить большую любовь и уваженіе въ своемъ воспріимчивомъ и умномъ ученикѣ къ естествознанію, тѣмъ болѣе, что, какъ это видно изъ приведеннаго факта, Добролюбовъ въ этомъ отношеніи находился подъ непосредственнымъ и ближайшимъ руководствомъ Сахарова.

На окраинахъ Москвы. Московскій санитарный врачъ г. Ставровскій, завѣдывавшій во время минувшей переписи г. Москвы переписнымъ участкомъ на одной изъ восточныхъ окраинъ города, былъ пораженъ «удивительными и маловѣроятными» фактами, характеризующими жилищныя условія окраиннаго населенія. «Никогда—пишетъ онъ въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ»—никому и въ голову не пришло бы, что въ XX столѣтіи на окраинѣ города могутъ люди жить круглый годъ въ землянкѣ». Сказано это очень сильно—проживаніе городского пролетаріата въ землянкахъ, также какъ и въ иной, еще менѣе вѣроятной обстановкѣ, ни для кого не секретъ. Но во всякомъ случаѣ факты, сообщаемые г. Ставровскимъ настолько характерны для ознакомленія съ условіями жизни городской бѣдноты, что съ ними не мѣшаетъ познакомиться. Вотъ что разсказываетъ онъ на основаніи личныхъ впечатлѣній и данныхъ добытыхъ переписью.

«Семья изъ четырехъ человѣкъ, мною переписанная, помѣщается въ землянкѣ на берегу ямы, изъ которой выбирается глина. Жилище это занимаетъ площадь въ квадратную сажень, вышина его $2^1/_2$ арш. Освѣщается оно небольшимъ дернымъ оконцемъ, площадь немного болѣе четверти аршина, отапливается небольшою желѣзною печью, въ которой готовиться и незавидный обѣдъ. Для спанья устроены двухъэтажныя нары въ противоположной отъ двери сторонѣ. Мать съ сыномъ трехъ лѣтъ проводятъ здѣсь цѣлый день, а хозяинъ съ шуриномъ уходятъ днемъ на работу. На ночлегъ собирается сюда вся семья. Въ ночное время воздуха на человѣка приходится $0,_2$ кубической сажени. Вмѣсто платы за это жилище утилизируется человѣческій трудъ. Хозяинъ земли, на которой выстроена землянка, заставляетъ обитателя ея отрабатывать слѣдуемую плату у него по двору его дома (домъ находится довольно далеко отсюда) и въ

другихъ мѣстностяхъ Москвы, куда пошлетъ. Отапливается землянка на счетъ землевладѣльца-арендатора. Рядомъ есть еще такое же жилище (землянка), но оно пустуетъ, такъ какъ арендаторъ земли не даетъ зимою дровъ для отопленія. Если бы давалось отопленіе, то и эта землянка была бы занята. «Очень большой спросъ былъ на землянку въ эту зиму», говорилъ хозяинъ первой землянки.

Посмотримъ теперь, какъ разрѣшается жилищный вопросъ у безсемейныхъ, безпріютныхъ, называемыхъ на обиходномъ языкѣ золоторотцами, босяками и т. п. Одинъ изъ счетчиковъ моего переписного отдѣла переписалъ ночью въ день переписи болѣе 20-ти человѣкъ, ночующихъ въ пустыхъ товарныхъ желѣзнодорожныхъ вагонахъ. Эти бѣдняки рѣшаютъ жилищный вопросъ въ силу жестокой житейской необходимости очень легко и просто. Они отдыхаютъ тамъ, гдѣ застанетъ ихъ ночь.

«Счетчикъ мнѣ разсказывалъ: «Вотъ подхожу я къ одному вагону. Лежатъ тамъ двое, прижавшись одинъ къ другому, потому что такъ теплѣе,—одинъ другого согрѣваютъ. Спрашиваю: «Хозяинъ, а хозяинъ! Вставай-ка!»—«Чего тебѣ?» «Я—переписчикъ. Какъ тебя зовутъ?» «Ну, ладно!.. Незачѣмъ тебѣ знать ни моего имени, ни фамиліи!.. Я самъ грамотный!.. Пиши: слесарь съ большой дороги Гадячскаго уѣзда Полтавской губерніи, 23-хъ лѣтъ!»

«Счетчикъ далъ ему папиросу, заполнилъ бланкъ другого, очевидно, его товарища, и хочетъ уходить. Слесарь говоритъ: «Пошарь въ другихъ-то вагонахъ еще!.. Насъ тутъ такихъ человѣкъ съ двадцать будетъ».

Мой переписной отдѣлъ можно раздѣлить на три части. Въ первую входитъ территорія, всецѣло состоящая въ составѣ города, во вторую—территорія, имѣющая отношеніе къ городу только со стороны санитарной и административно-полицейской, и, наконецъ, третья всецѣло относится къ уѣзду.

«По даннымъ переписи, населеніе всего переписнаго отдѣла исчисляется въ 27.206 человѣкъ обоего пола,—мужчинъ, женщинъ и дѣтей. Занимаетъ это населеніе 2.886 квартиръ, размѣщенныхъ въ 602-хъ жылыхъ строеніяхъ, а присоединяя сюда еще 15 общежитій въ учрежденіяхъ, всего получится 617 жилыхъ владѣній. Безъ жилья владѣній по отдѣлу 36. Судя по приведеннымъ цифровымъ даннымъ, вѣдь это цѣлый уѣздъ нѣкоторыхъ губерній Россійской имперіи. Изъ этого общаго количества населенія на одну первую часть отдѣла приходится 10.134 человѣка. Изъ общаго количества квартиръ на эту только часть приходится 1.293 квартиры, причемъ получается до девяти человѣкъ на каждую квартиру (8,62). Такъ рѣзко бросается въ глаза плотность квартирнаго населенія! Владѣній съ жильемъ здѣсь 275, что на каждое владѣніе даетъ не менѣе 4—5-ти квартиръ (4,3). Безъ жилья владѣній—10.

«И этотъ городокъ въ большомъ городѣ,—прежде бывшая деревня,—занимаетъ площадь въ видѣ треугольника не болѣе 2—$1^1/_2$ десятинъ, перерѣзанныхъ 15-ю переулками, шириною не болѣе, а нерѣдко и менѣе вышины домовъ. Огромное большинство этихъ переулковъ не мощено, мощены всего три—четыре. Постройки, за исключеніемъ двухъ-трехъ каменныхъ, всѣ деревянныя, такъ близко примыкаютъ другъ къ другу, что цѣлый переулокъ пред-

ставляется одною сплошною казармой, до того рѣзко бросается здѣсь въ глаза тѣснота и скученность построекъ. Дворы также всѣ почти не мощены. Помойницы, мусорницы, ретирады примитивнаго устройства. Осенью и весною тутъ стоитъ непролазная грязь. Такое состояніе улицъ и дворовъ не можетъ не отражаться и на опрятности самыхъ квартиръ, особенно нижнихъ и подвальныхъ этажей. Квартиры въ большинствѣ случаевъ здѣсь коечно-каморочныя, всѣ биткомъ набиты бѣднымъ рабочимъ людомъ, такъ какъ съемщики и съемщицы квартиръ эксплуатируютъ каждую буквально половицу.

«Во второй территоріи переписнаго отдѣла, за камеръ-коллежскимъ валомъ, въ минувшую перепись зарегистрировано 8.249 человѣкъ мужчинъ, женщинъ и дѣтей. Занимаютъ они 888 квартиръ, размѣщенныхъ въ 228-ми жилыхъ владѣніяхъ. При этомъ на каждую квартиру около 10-ти жильцовъ (9,3) и на каждое жилое владѣніе—до 4-хъ квартиръ (3,9). Владѣній безъ жилья на этой территоріи—14. Всѣ жилища носятъ тотъ же характеръ, какой былъ только что описанъ. Замощена только одна улица, потому что это—шоссейная дорога, между тѣмъ какъ тѣ улицы и переулки, гдѣ замѣчается скученность людей и построекъ, вовсе не замощены, такъ что весною и зимою бываетъ буквально невозможно ни пройти, ни проѣхать. Въ довершеніе картины внѣшняго вида этой части отдѣла, домовладѣльцы въ большинствѣ держатъ на своихъ немощеныхъ дворахъ свиней и другихъ домашнихъ животныхъ, отъ чего загрязненіе мѣстности со всѣми дворами и квартирами еще усиливается.

«На описанныхъ территоріяхъ живутъ рабочіе съ завода Гужона съ семействами, башмачники, сапожники, разные мелкіе ремесленники, разнаго рода мастеровые изъ мастерскихъ желѣзныхъ дорогъ (Курской и Нижегородской), мусорщики, старьевщики, встрѣчаются и нищіе. Недостатокъ воды довершаетъ картину непригляднаго санитарнаго состоянія мѣстности и построенныхъ тутъ жилищъ. Воды не достаетъ не только для цѣлей чистоты и опрятности,—ея не хватаетъ въ большинствѣ даже для пищи и питья».

Совершенно аналогичное санитарное состояніе можно по свидѣтельству г. Ставровскаго, наблюдать и въ сосѣднихъ съ описанной мѣстностяхъ и вообще на окраинахъ Москвы.

Коновалы и ихъ промыселъ. Что такое коновалъ? Это—отвѣчаетъ «Новое Дѣло»—крупный деревенскій хищникъ. Онъ не только портитъ и калѣчитъ крестьянскій скотъ, онъ обманываетъ довѣрчивыхъ и невѣжественныхъ крестьянъ всевозможными способами: выдаетъ себя за сборщика пожертвованій на Аѳонъ, въ Іерусалимъ, продаетъ разныя чудодѣйственныя травы, дѣлаетъ нашептыванія и наговоры и т. д.

Путь легкой наживы всегда привлекателенъ для людей, и коноваловъ въ деревнѣ появляется съ каждымъ годомъ все больше. Теперь этимъ воровскимъ промысломъ занимаются почти поголовно большія села Шемарино, Скрипино, Сарбаево, Киртеманы, деревни Княжуха, Ратманово и др. с. (Симбирской губерніи, Ардатовскаго уѣзда).

Промыселъ начинается ранней весной. На лошади или пѣшкомъ коновалы

отправляются въ путь. У однихъ въ кибиткѣ, а у другихъ въ кошелькѣ за плечами сложены разнаго рода травы и снадобья, ромашка, кора ясеня, одесскія литографированныя на шелкѣ и полотнѣ изображенія Аѳонской горы, находящихся на ней монастырей и разныхъ иконъ Богоматери и проч. У нѣкоторыхъ за поясомъ болтаются на показъ полиціи нѣсколько желѣзныхъ инструментовъ, дающихъ имъ возможность выдавать себя за конскихъ лѣкарей, «коноваловъ».

Промыселъ продолжается всю весну. Къ полевымъ работамъ большинство коноваловъ возвращается, но послѣ этого они снова уходятъ уже на всю зиму до конца января. Коновалы направляются, прежде всего, въ «хохлацкія» губерніи: Воронежскую, Харьковскую, Екатеринославскую, области Донского и Уральскаго войскъ. Многіе уходятъ также въ западныя окраины Сибири и губерніи горнозаводскаго промысла.

Богатые коновалы ѣздятъ обыкновенно вдвоемъ—одинъ играетъ роль хозяина, другой работника. Подъѣзжая къ селу, они останавливаютъ встрѣчающихся и разспрашиваютъ, какъ зовутъ у нихъ священника, представителей сельской власти, узнаютъ о болѣе состоятельныхъ жителяхъ и главнѣйшихъ событіяхъ изъ ихъ жизни, о падежахъ скота и т. п. Затѣмъ коновалъ смѣло ѣдетъ въ село, выбираетъ дома болѣе богатыхъ поселянъ и въ одномъ изъ нихъ останавливается. Здѣсь онъ выдаетъ себя за купца. Потомъ самъ коновалъ куда-нибудь уходитъ, а работникъ его разсказываетъ крестьянамъ всякія басни о своемъ хозяинѣ: о чудесныхъ исцѣленіяхъ людей и скота, объ изгнаніи домового и другой нечистой силы и т. д. Крестьяне охаютъ и изумляются. А работникъ продолжаетъ врать, какъ его хозяинъ съ 10 лѣтъ отданъ былъ въ Англію, обучался тамъ разнымъ языкамъ, что онъ знаетъ Бога, Божьи законы, ученіе евангельское, «хронологическія науки», старинные цвѣтники, лѣчитъ всякую болѣзнь. Затѣмъ является самъ коновалъ и разыгрывается, примѣрно, такая сценка.

— Давненько ли, хозяева, проживаніе здѣсь имѣете?

— Да какъ тебѣ сказать, не наврать; хозяйка, чай, поди ужъ лѣтъ десятокъ будетъ?—отвѣчаетъ хозяинъ.

— Коли не быть; пожалуй, и побольше, отвѣчаетъ старуха.

— Добре, добре, хозяева! А что, столько лѣтъ вы на своемъ мѣстѣ живете, никакого замѣчанія не замѣчаете у себя?

— Нѣтъ, родимый, нѣтъ! А что, развѣ ты чего-нибудь замѣтилъ?

— Замѣтилъ, не замѣтилъ, а вотъ вышелъ я до своего коня, взглянулъ я тутъ по вашему хозяйству, по старанію вашему, по житію. Старанье ваше, вижу я, доброе, и всѣмъ вы отъ Бога довольны. Но я замѣтилъ, есть тутъ у васъ поганая земля изъ подъ дохлаго скота, взята она съ хитрыми словами, да съ негодными дѣлами и разсыпана, раструшена по всему вашему хозяйству, чтобъ ни въ чемъ вамъ счастья и добра не было. Такъ я вотъ хочу дать вамъ наставленіе, какъ жить поживать. Вы старанье приложите, хорошаго человѣка пріищите. Не тѣ люди хорошіе и свѣдущіе (басни коновала записаны дословно), что въ вашихъ краяхъ есть бабки да ворожейки, въ кулакъ шепчутъ,

да въ воду смотрятъ,—тѣхъ людей не призывайте, а такого человѣка поищите, кто знаетъ Бога и божьи законы, хронологическія науки, старинные цвѣтники. Есть въ тѣхъ росписаніяхъ 360 травъ, а изъ 360—77 Спаситель сотворилъ для насъ, грѣшныхъ рабовъ. Въ 77 есть въ первомъ десяткѣ первая трава Адамова голова, христіанскій плодъ отъ нея пошелъ, вторая трава—плакунъ, для женскихъ дѣлъ спонадобляется, третья трава—ливеръ, четвертая—Петровъ крестъ. А вы не забудьте, достаньте пятую траву—Ерусалимскій цвѣтъ, трава отъ Почаева монастыря. Надъ той травой служатъ обѣдни и молебны. Слѣдуетъ вамъ этой травы достать да по Божію закону на три части раздѣлить; первую часть скоту употребить, вторую часть съ ладономъ сообщить, да на свѣтлое Христово воскресенье все свое хозяйство окурить, а третью часть для своего хозяйства сохранить. Часть эту смѣшать да по хозяйству—по житью разбросать, а какъ будетъ къ концу подходить, еще на Пасху соли туда подложить.

— Гей ты, парень, собирайся, поѣдемъ. А вы, хозяева, наставленье исправьте, чего не забудьте.

— Сдѣлай ты Божеску милость, Христовъ человѣкъ, начинаютъ просить коновала хозяева. Гдѣ намъ окромя тебя такого человѣка сыскать, ужъ исправь самъ, чему насъ тумаковъ училъ,—мы твоей заслуги не забудемъ...

— Некогда, хозяева, тороплюсь, потому въ Зарайскѣ давно ждутъ, письмами такъ и закидали. Гайда, парень, поѣдемъ.

— Ужъ, сжалься ты надъ ними, Сисой Григоричъ, потому знаешь—люди темные, не знаютъ, куда отъ лихого человѣка дѣться, говоритъ работникъ.— Люди хорошіе, доброе дѣло помянутъ.

— Помянемъ, помянемъ, родимый, только ты добро намъ скажи, вѣкъ за тебя станемъ Бога молить.

— Ну, что дѣлать, соглашается наконецъ коновалъ,—часокъ постою, добро сотворю. Пойду въ чемоданъ слазаю.

Коновалъ скоро возвращается съ «Ерусалимскимъ цвѣтомъ», т.-е. истолченой корой ясеня, въ которую для запаха положено двѣ-три капли или мятнаго, или регальнаго масла. Хозяева совершенно побѣждены запахомъ «Ерусалимскимъ», такъ какъ рѣдкій паломникъ, возвращаясь со святой земли, не приноситъ съ собой пузырька съ регальнымъ, сильно пахучимъ масломъ. Коновалъ велитъ зажечь предъ иконами свѣчу, положить на столъ хлѣбъ и солоницу, а самимъ хозяевамъ встать на колѣни и молиться. Потомъ, пройдя впередъ, онъ начинаетъ вслухъ читать заклятье:

«Благослови меня, Господи, раба Божія, на добрыя дѣла. Стану я добро творить, Слово Божье говорить, чтобъ на хлѣбъ наговорить. На то дерево ходяче отсылаю—отклинаю я Іуду въ порожнія земли, чтобъ тебѣ здѣсь не бывать, у скота кормовъ не отнимать, ни во дни, ни въ полуночи. Я у негоднаго человѣка умъ-разумъ помрачаю, его глаза тьмой закрываю. Избави насъ, Господи, со всѣхъ сторонъ, отъ сѣвера, отъ полденъ, съ востока и съ запада. Взмыла на небесахъ туча грозная, туча грозная, туча страшная. Душу тѣломъ не измѣришь, тучѣ мѣры не найдешь. Вотъ упалъ изъ тучи камень,

огнемъ пламемъ. Никто къ этому камню не подходилъ, только подходили отцы-патріархи, тотъ камень кропили, а въ этомъ камнѣ Ерусалимскій списокъ. Не царь, не король его писалъ, а самъ Богъ написалъ: почтите братъ брата, отецъ сына, сынъ отца. Ежели не почтете, сошлетъ на васъ Господь птицу; носъ у нея желѣзный, когти булатные. Ваши тѣлеса станетъ терзати, за ваши прегрѣшенія, за ваши безчестья» и т. д.

Въ концѣ своего заклинанья коновалъ поворачивается, выходитъ на дворъ, оканчиваетъ свою кощунственную молитву отсылкой «нечистаго духа» на западъ и востокъ, на сѣверъ и на югъ. Затѣмъ коновалъ даетъ для употребленія «Ерусалимскій цвѣтъ» и требуетъ вознагражденія.

Столкновеніе г. Сухотина съ г. Карповымъ и рѣшеніе сената. По словамъ «Смоленскаго Вѣстника», г. Сухотинъ, чернскій предводитель дворянства, въ одномъ изъ засѣданій административнаго присутствія Чернскаго уѣзда, обратился къ волостнымъ старшинамъ съ рѣчью, которую затѣмъ отпечаталъ на гектографѣ и разослалъ по волостнымъ правленіямъ. Въ рѣчи этой г. Сухотинъ высказалъ между, прочимъ, слѣдующее:

«Старшины, вы есть ближайшіе сотрудники земскихъ начальниковъ и ближайшіе наблюдатели во всемъ, что происходитъ въ жизни ввѣреннаго вамъ населенія, почему я нахожу, что ваша священная обязанность заключается не въ одномъ изученіи только одной формальной стороны вашихъ обязанностей, но и въ изученіи внутренней жизни каждаго домохозяина ввѣреннаго вамъ населенія. И изучивъ только такимъ образомъ ввѣренное вамъ населеніе, вы можете быть дѣйствительно полезными сотрудниками и помощниками вашихъ земскихъ начальниковъ. Я позволилъ бы себѣ посовѣтовать вамъ, старшинамъ: 1) почаще просматривать тѣ законоположенія, которыми вы должны руководствоваться для достиженія этой цѣли, 2) обратить ваше особенное вниманіе на слѣдующіе главные пункты, отъ которыхъ зависитъ, по моему мнѣнію, упорядоченіе ввѣреннаго вамъ населенія въ нравственномъ и матеріальномъ отношеніяхъ: 1) самое важное—это вселеніе въ населеніе сознанія, что нѣтъ въ мірѣ равноправныхъ, а потому каждый изъ насъ долженъ оказывать должное уваженіе старшему себѣ по лѣтамъ, по положенію извѣстному и т. п. причинамъ. Кому изъ насъ неизвѣстно, что гдѣ если верхъ беретъ не происхожденіе, то беретъ верхъ капиталъ, образованіе и т. п., а потому всѣ эти лжеученія, что передъ Богомъ мы всѣ равные, а потому другъ съ другомъ мы должны быть равны и быть за панибрата, есть не что иное, какъ одинъ пустой разговоръ, что на каждомъ шагу вы можете видѣть у себя, даже между своимъ сословіемъ: такъ, напримѣръ, крестьянинъ нѣсколько зажиточный пользуется между своими односельчанами извѣстнымъ уваженіемъ и привилегіей, почему же послѣ этого происхожденіе, либо извѣстное общественное положеніе не можетъ требовать со стороны младшихъ себя и не пользующихся положеніемъ этимъ извѣстнаго уваженія?»

Далѣе ораторъ въ весьма лестныхъ выраженіяхъ отозвался о своей прошлой дѣятельности на службѣ земскаго начальника, выразивъ твердую увѣренность,

что его полюбилъ народъ за его начальническую строгость, и въ заключеніе еще разъ настойчиво «рекомендовалъ» старшинамъ строго блюсти данныя имъ, г. Сухотинымъ, заповѣди, которыя старшины должны были прочитать къ точному исполненію на всѣхъ волостныхъ и сельскихъ сходахъ.

Нѣкоторымъ диссонансомъ, среди общаго ревностнаго исполненія въ уѣздѣ предводительской программы, явилось критическое отношеніе къ ней со стороны земскаго начальника г. Карпова. И когда вслѣдъ за этимъ г. Карповъ не вышелъ торжественно вмѣстѣ съ священникомъ на подъѣздъ встрѣчать предводителя при посѣщеніи этимъ послѣднимъ одной изъ школъ (сукмановской), г. Сухотинъ не стерпѣлъ и обратился къ г. Карпову съ оффиціальнымъ письмомъ, въ которомъ поведеніе г. Карпова г. Сухотинъ объясняетъ нежеланіемъ земскаго начальника подчиняться требованіямъ, предъявленнымъ начальствомъ. «Находя такія ваши дѣйствія несоотвѣтствующими задачамъ, указаннымъ въ указѣ 1889 г. іюля 12 дня,—заканчиваетъ г. Сухотинъ,—считаю своимъ долгомъ, какъ представитель дворянъ, которые меня избрали большинствомъ болѣе двухъ третей голосовъ для водворенія порядка въ уѣздѣ, соотвѣтствующаго правительственнымъ взглядамъ, но нѣсколько поколебленнаго до меня, и какъ представитель власти въ уѣздѣ, на котораго закономъ 12-го іюля 1889 г. возложена обязанность наблюденія за приведеніемъ въ исполненіе реформы, а также и наблюденіе за правильнымъ нравственнымъ воспитаніемъ народа и юношества, указать на всѣ вышеприведенныя неправильныя ваши дѣйствія и предупредить васъ, что если вы будете и впредь продолжать дѣйствовать по своему, а не по требованію начальства и несогласно съ общими дѣйствіями остальныхъ земскихъ начальниковъ, то я буду вынужденъ просить его превосходительство тульскаго губернатора и губернскаго предводителя объ удаленіи васъ отъ должности земскаго начальника, какъ дѣйствующаго въ разрѣзъ съ требованіями, предъявляемыми правительствомъ. Зная же вашъ взглядъ на должность свою и ваше несочувствіе этой службѣ, который вы публично высказывали въ коммиссіи по рабочему вопросу, вмѣстѣ съ С. Л. Толстымъ, я увѣренъ въ томъ, что вы не послѣдуете моимъ указаніямъ, а потому я просилъ бы васъ не доводить меня до предполагаемаго моего рѣшенія».

По полученіи этого письма, земскій начальникъ г. Карповъ обратился съ жалобой въ сенатъ, пріобщивъ къ дѣлу текстъ отлиграфированной рѣчи г. Сухотина и подлинное письмо его къ жалобщику.

Правительствующій сенатъ, разсмотрѣвъ обстоятельства настоящаго дѣла, пришелъ къ слѣдущему заключенію.

«Признавъ, что письмо Сухотина къ Карпову имѣетъ и по содержанію, и по формѣ служебный и оффиціальный характеръ, сенатъ нашелъ, что письмо заключаетъ въ себѣ рядъ указаній на неправильныя, по мнѣнію Сухотина, дѣйствія земскаго начальника Карпова и при томъ въ такихъ выраженіяхъ, которыя представляются неумѣстными даже въ сношеніяхъ начальника съ подчиненными, за симъ изъ сопоставленія предупрежденія Сухотина о томъ, что онъ вынужденъ будетъ, при неподчиненіи Карпова требованіямъ начальства, просить объ увольненіи его отъ должности, съ заключительной частью: «я

увѣренъ въ томъ, что вы не послѣдуете моимъ указаніямъ, а потому я просилъ бы васъ не доводить меня до предполагаемаго моего рѣшенія», можетъ быть сдѣланъ тотъ единственный выводъ, къ коему пришелъ и жалобщикъ, т.-е., что ему, Карпову, Сухотинъ предлагаетъ выйти въ отставку. Между тѣмъ, на основаніи 66 ст. полож. зем. нач., земскіе начальники подчиняются надзору и руководству мѣстныхъ губернаторовъ и губернскаго присутствія и подвергаются удаленію отъ должности въ порядкѣ, указанномъ статьями 132—142 того же положенія, уѣзднымъ же предводителямъ дворянства, по силѣ ст. 101 того же положенія, предоставляется лишь ревизировать дѣлопроизводство земскихъ начальниковъ и подвѣдомственныхъ послѣднимъ волостныхъ и сельскихъ управленій, съ представленіемъ въ подлежащихъ случаяхъ своего заключенія по такимъ ревизіямъ на усмотрѣніе губернскаго присутствія. За симъ ни въ Высочайшемъ указѣ 1889 года, іюля 13-го (собр. узак. 1889 года, ст. 690), ни въ положеніи о земскихъ начальникахъ, ни въ другихъ частяхъ свода законовъ не установлено подчиненности земскихъ начальникъ уѣздному предводителю дворянства, какъ начальнику, имѣющему право поставлять на видъ своимъ подчиненнымъ упущенія въ исполненіи ими своихъ обязанностей и предупреждать о возможности удаленія отъ должности. По всѣмъ симъ соображеніямъ слѣдуетъ признать, что предводитель дворянства Сухотинъ, обращаясь къ земскому начальнику Карпову съ вышеуказаннымъ письмомъ, тѣмъ самымъ вышелъ изъ предѣловъ возложенныхъ на него по закону обязанностей. Равнымъ образомъ представляются неумѣстными какъ тѣ разъясненія и наставленія, касающіяся ученія православной церкви, съ коими Сухотинъ обращался къ волостнымъ старшинамъ, ибо подобнаго рода поученія относятся къ обязанностямъ представителей духовнаго вѣдомства, но отнюдь не предводителей дворянства, такъ и разсылка волостнымъ старшинамъ литографированныхъ экземпляровъ его рѣчи для прочтенія на волостныхъ и сельскихъ сходахъ, какъ программы его дѣйствій по должности предводителя дворянства, въ виду того, что основаніемъ дѣятельности всѣхъ состоящихъ на службѣ государственной или общественной должностныхъ лицъ должны служить должностныя узаконенія, а также законныя распоряженія высшей власти и ближайшаго начальства, посему, не усматривая въ дѣйствіяхъ Сухотина состава преступленія по должности, наказуемаго въ судебномъ порядкѣ, — правительствующій сенатъ опредѣлилъ: поставить чернскому уѣздному предводителю дворянства статскому совѣтнику Сухотину на видъ его неумѣстныя и неприличныя дѣйствія по отношенію къ земскому начальнику Карпову».

Граммофонъ въ деревнѣ. Въ декабрѣ однимъ изъ попечителей сельской школы аткарскаго уѣзда былъ показанъ граммофонъ въ школѣ. Для этого — разсказываетъ «Саратовскій Дневникъ» — попечитель въ трехъ урокахъ далъ дѣтямъ понятіе сперва о матеріальности газообразной среды воздуха, а затѣмъ коснулся его движенія, производимаго имъ звука и перевода звука на запись и обратно. Въ совершенно простыхъ выраженіяхъ оказалось вполнѣ возможнымъ сдѣлать доступными юной аудиторіи эти понятія. Въ этомъ

легко было убѣдиться изъ письменныхъ отвѣтовъ, которые дали ученики. Видимыя слѣдствія матеріальности воздуха въ этихъ отвѣтахъ мальчики и дѣвочки изобразили такъ (отвѣты придуманы ими по собственной иниціативѣ): Воздухъ поднимаетъ пыль, перья, дымъ, бумажный змѣй, гонитъ облака, вертитъ вертушки, крылья мельницы, колышетъ рѣку, волнуетъ ниву, качаетъ траву, хлѣбъ колышетъ, осыпаетъ спѣлую рожь, качаетъ деревья, ломаетъ деревья, осыпаетъ листья, носитъ солому, сноситъ ометья, крышу срываетъ съ избъ, надуваетъ паруса, гоняетъ корабль, волнуетъ рѣчку, волнуетъ море. Послѣ этихъ повѣрочныхъ отвѣтовъ оказалось возможнымъ идти впередъ. Въ слѣдующій разъ было объяснено, что движеніе воздуха (въ просторѣчіи «вѣтеръ») способно переходить въ звукъ (вѣтеръ свиститъ, воетъ) и коснуться тѣхъ записей вѣтра на сыпучихъ матеріалахъ (отпечатки), какія всѣмъ намъ знакомы на пескѣ и снѣгу. Труднѣе всего далось понятіе объ индивидуальности записей и связи ихъ съ характеромъ духновенія. Далѣе въ третій урокъ слѣдовала аналогія тѣхъ же явленій звука: запись на пластическомъ матеріалѣ (воскъ). Всякій особый звукъ даетъ свою особую бородку; если пѣть или говорить передъ барабанной перепонкой, къ которой приклеена шпилька, перепонка дрожитъ, качаетъ шпильку, а эта виляетъ по вощаной дощечкѣ, которую мы тихонько будемъ двигать подъ шпилькою по столу. Отъ звука «а» получимъ особую бороздочку, отъ «б» особую и т. д. Теперь обратный ходъ шпильки по пороздкамъ—обратная передача (въ то время, какъ мы молчимъ и слушаемъ). Шпилька качаетъ перепонку такъ, какъ велитъ ей борозда, и отъ перепонки въ воздухѣ сдѣлаются совсѣмъ такіе толчки, которые ее толкали и могли сдѣлать такія, а не другія бороздки. Отвѣты дѣтей не оставляли сомнѣнія, что все понято--и въ этотъ же разъ показанъ былъ тотъ инструментъ, на которомъ записано, что передъ нимъ пѣли и говорили и который послѣ того самъ можетъ пѣть и говорить. Какъ ни понимали дѣти эту возможность, какъ ни были къ ней подготовлены, но когда это произошло, когда первые звуки человѣческой рѣки громко и явственно понеслись изъ машины въ пространство—дѣтскія лица всѣ расцвѣли и маленькіе слушатели разомъ встали, точно по мановенію волшебнаго побужденія... Да и нельзя не сознаваться, что импульсъ былъ дѣйствительно волшебный!

Машинка пѣла «Тройку» (дуэтъ мужского и женскаго голоса), народную пѣсню «По ельничку» (хоръ), дуэты и solo, «Отче нашъ»—хоръ пѣвчихъ Знаменской церкви и т. п. Учитель, любитель пѣнія, и мѣстный священникъ не менѣе были довольны.

Надо сказать, что вводныя уроки и самая демонстрація граммофона были проведены безъ всякихъ предварительныхъ обѣщаній. Никто не зналъ, къ чему это клонится и что будетъ показано. Иначе, вѣроятно, не было бы отбою отъ взрослыхъ въ школѣ. И нельзя было бы съ достаточнымъ толкомъ посвятить маленькій народъ въ нужныя объясненія, и показываніе граммофона сводилось бы къ показыванію фокуса. Граммофонъ былъ привезенъ въ корзинѣ и распакованъ въ школѣ въ послѣдній моментъ. Такимъ образомъ, никто не зналъ что въ деревню привезли граммофонъ. Показанный въ школѣ, онъ былъ немед-

ленно увезенъ въ домъ, а школа оставалась еще не распущенной. И все-таки полное incognito граммофона, казалось, успѣло еще сохраниться; едва его первые звуки раздавались въ домѣ, по направленію отъ всѣхъ службъ и ближайшихъ избъ, точно по электрическому сигналу, съ необыкновенной поспѣшностью понеслись бабы и мужики. Эти взрослые люди буквально летѣли огромными, смѣшными шагами къ дому. Въ комнату явилась депутація изъ нѣсколькихъ человѣкъ и просила «дозволить послушать диковинную машинку»: «Мы ужъ вамъ отработаемъ, только позвольте...»

Депутаціямъ этимъ не было конца въ теченіе нѣсколькихъ дней. Это было рѣшительно событіе. Не только любопытство «послушать» было для всѣхъ удовлетворяемо, но граммофонъ былъ не разъ разбираемъ совсѣмъ и показана была та слюдяная пластинка, кружочекъ, которая является единственной и неоспоримой виновницей всего крика и разнообразія звуковъ, какими инструментъ наводняетъ окружающій воздухъ. Теорія граммофона легко въ немногихъ словахъ поддавалась простому истолкованію. Восторгъ былъ искренній, здоровый и заражалъ цѣльностью и непосредственностью проявленій. «Умный человѣкъ простую штуку придумалъ», слышалось замѣчаніе. «Теперь штука простая—а ты бы выдумалъ! Теперь и намъ слесарь Иванъ сдѣлаетъ...» говорилъ еще кто-то. «Да ты слышалъ, баринъ сказывалъ, какъ этотъ (Эдисонъ) ходилъ по берегу и видѣлъ, какъ волны морскія на пескѣ бороздъ понадѣлали, а мы эти бороздки каждый день видѣли на снѣгу у плетней».—«Ты видѣлъ, что-жъ не придумалъ?»—«Не придумалъ. А ты не видѣлъ? выдумалъ?»—«На то и наука», вздыхаетъ кто-то и, конечно, слѣдуетъ естественная сентенція, формула народной мудрости извѣстно, «ученье свѣтъ, неученье тьма»...

Типиченъ былъ старикъ, который не удовлетворился ролью слушателя издалека—онъ вплоть подошелъ къ рупору и какъ-то бокомъ, наклонивъ голову, зло поглядывалъ искоса въ нутро весело кричавшей трубы—казалось, онъ не прочь размахнуться... Угадывая его подозрѣніе, «что тутъ все-таки не можетъ быть безъ нечистаго» хозяинъ граммофона поставилъ молитву. Когда стройные звуки «Отче нашъ» полились съ такой же отчетливостью и очевидностью онъ встрепенулся. Злое выраженіе съ лица сгладилось, но лицо осталось строго-серьезное. «Н-да! Такъ, стало голосъ и человѣкъ можетъ сдѣлать!» сказалъ побѣжденный старикъ и удалился въ толпу. Онъ ушелъ совсѣмъ. Было какъ-то его жаль: точно онъ уступалъ мѣсто чему-то новому, чуждому, но очевидному.

За мѣсяцъ. 11-го апрѣля Высочайшимъ рескриптомъ генералъ-адъютантъ П. С. Ванновскій уволенъ, по болѣзни, отъ должности министра народнаго просвѣщенія, причемъ ему изъявлена монаршая благодарность за преданность, побудившую его, не взирая на преклонные года, принять на себя столь трудную дѣятельность. Того же числа уволенъ, согласно прошенію, отъ должности товарища министра народнаго просвѣщенія тайный совѣтникъ Мѣщаниновъ, а товарищу министра д. с. с. Зенгеру повелѣно быть управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія. Именнымъ Высочайшимъ указомъ 27-го апрѣля

товарищемъ министра народнаго просвѣщенія назначенъ директоръ института экспериментальной медицины С. М. Лукьяновъ.

— Новый управляющій министерствомъ народнаго просвѣщенія Г. Э. Зенгеръ, прошедшій по учебному вѣдомству почти всѣ ступени, начиная отъ преподавателя древнихъ языкозъ, извѣстенъ какъ знатокъ классической литературы и рѣдкій въ наше время латинистъ. Ему принадлежатъ, между прочимъ, переводы стихами классической латыни нѣкоторыхъ произведеній Пушкина, Лермонтова и др. 24-го апрѣля, принимая чиновъ центральнаго управленія министерства, Г. Э. Зенгеръ обратился къ нимъ съ рѣчью, въ которой сдѣланы нѣкоторыя указанія на дальнѣйшую судьбу средней школы. Въ министерствѣ сосредоточены въ настоящее время обширные матеріалы по вопросу о преобразованіи средней школы. Съ одной стороны, ихъ составляютъ труды коммиссіи, которою руководилъ лично т. с. Н. П. Боголѣповъ. Труды эти легли въ основаніе проектовъ преобразованія гимназій и реальныхъ училищъ, разработанныхъ уже другого коммиссіею подъ предсѣдательствомъ д. т. с. К. П. Яновскаго. Съ другой стороны не менѣе обильный матеріалъ даютъ и труды коммиссій, работавшихъ въ управленіе вѣдомствомъ генерала Ванновскаго. По всеподданнѣйшему докладу Г. Э. Зенгера послѣдовало Высочайшее соизволеніе на то, чтобы и тѣ и другіе проекты преобразованія средней школы, т.-е. и выработанные подъ руководствомъ тайнаго совѣтника Боголѣпова, и подготовленные генералъ-адъютантомъ Ванновскимъ, поступили на обсужденіе тѣхъ совѣщательныхъ органовъ, коимъ по закону предоставлено разсмотрѣніе дѣлъ, относящихся до внутренняго устройства учебныхъ заведеній. Вслѣдствіе того предстоитъ въ ближайшемъ будущемъ вполнѣ разсмотрѣніе означенныхъ проектовъ въ ученомъ комитетѣ министерства и затѣмъ въ совѣтѣ министра народнаго просвѣщенія. Работа, возлагаемая такимъ образомъ на оба учрежденія, увеличится еще оттого, что имъ же будутъ переданы на заключеніе отзывы педагогическихъ Совѣтовъ среднихъ учебныхъ заведеній и попечительскихъ совѣтовъ о результатахъ произведеннаго въ истекающемъ учебномъ году опыта примѣненія предположеній, выработанныхъ къ половинѣ іюня 1901 года въ министерствѣ.

«Если, сообщилъ далѣе управляющій министерствомъ—принять наконецъ во вниманіе, что съ окончаніемъ нынѣшняго учебнаго года истекаетъ срокъ дѣйствія Высочайшаго повелѣнія 11-го іюня 1901 года о различныхъ измѣненіяхъ въ учебныхъ планахъ младшихъ классовъ гимназій, прогимназій и реальныхъ училищъ, то нельзя не признать настоятельной необходимости безотлагательно озаботиться правильной постановкой вопроса объ устройствѣ учебной части среднихъ общеобразовательныхъ заведеній на предстоящій школьный годъ. Строго говоря, долженъ бы снова вступить въ силу тотъ порядокъ вещей, который указанъ въ законѣ. Но по соображеніи фактическихъ обстоятельствъ, создавшихся въ школѣ, представляется неизбѣжнымъ установленіе въ ней и на будущій годъ временнаго устройства. Это временное устройство должно быть осуществлено съ наименьшими для нея потрясеніями, съ возможнымъ соблюденіемъ педагогическихъ требованій, и притомъ такъ, чтобы не предрѣшались конечные результаты реформы средней школы. Въ виду того, что министерство

не въ правѣ допускать собственною властью отступленій отъ закона, а также въ виду разнообразныхъ техническихъ затрудненій, возникающихъ при разрѣшеніи указаннаго вопроса, я всеподданнѣйше испросилъ Высочайшее Государя Императора соизволеніе на образованіе коммиссіи при участіи отъ каждаго учебнаго округа директора гимназіи и директора реальнаго училища для обсужденія наиболѣе цѣлесообразныхъ по сему поводу мѣропріятій. Предположенія коммиссіи поступятъ также на разсмотрѣніе ученаго комитета и совѣта министра, а затѣмъ, при невозможности внести ихъ на уваженіе Государственнаго Совѣта съ такимъ разсчетомъ времени, чтобы они, по одобреніи ихъ въ законодательномъ порядкѣ, могли быть осуществлены въ подлежащихъ учебныхъ заведеніяхъ съ начала будущаго школьнаго года, предположенія эти будутъ непосредственно повергнуты мною на Высочайшее Его Императорскаго Величества благовоззрѣніе».

По вопросу о реорганизаціи высшихъ учебныхъ заведеній Г. Э. Зенгеръ, обращаясь къ профессорамъ московскаго университета, сказалъ, что предстоитъ обсужденіе работы, начатой при генералѣ Ванновскомъ, въ полномъ объемѣ, съ участіемъ представителей университетовъ и высшихъ техническихъ заведеній, а также другихъ вѣдомствъ. Учрежденіе коммиссіи съ этою цѣлью представляется желательнымъ къ самому началу будущаго учебнаго года.

— Бывшій товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ сенаторъ т. с. кн. Оболенскій и директоръ департамента государственнаго казначейства т. с. Дмитріевъ назначены товарищами министра финансовъ, такъ что теперь будетъ уже четыре товарища министра финансовъ.

— Начальникъ главнаго управленія по дѣламъ печати кн. Шаховской уволненъ отъ занимавшейся имъ должности, и на его мѣсто назначенъ бывшій товарищъ министра народнаго просвѣщенія сенаторъ т. с. Звѣревъ.

— Исправляющимъ должность директора департамента государственной полиціи на мѣсто уволеннаго отъ должности д. с. с. Зволянскаго, назначенъ исправляющій должность прокурора харьковской судебной палаты коллежск. сов. Лопухинъ, съ производствомъ въ статскіе совѣтники.

— 26-го минувшаго апрѣля въ с.-петербургскомъ военно-окружномъ судѣ разсмотрѣно дѣло о Степанѣ Валеріановѣ Балмашевѣ, преданномъ суду за предумышленное убійство покойнаго министра внутреннихъ дѣлъ егермейстера Сипягина. Военно-окружный судъ, признавъ Балмашева виновнымъ, приговорилъ его, на основаніи ст. 279 кн. XXII, воинск. уст. о наказ., по лишеніи всѣхъ правъ состоянія, къ смертной казни чрезъ повѣшеніе. Поданная осужденнымъ кассаціонная жалоба разсмотрѣна главнымъ военнымъ судомъ въ засѣданіи 29-го апрѣля и оставлена безъ послѣдствій. 3-го сего мая приговоръ приведенъ въ исполненіе, въ порядкѣ ст. 963 и 964 уст. уг. суд.

«Правительств. Вѣстн.» сообщаетъ, что 5 го сего мая, въ гор. Вильнѣ, въ 12-мъ часу вечера, на мѣстнаго губернатора, генералъ-лейтенанта фонъ-Валя произведено нападеніе изъ побужденій свойства, очевидно, политическаго. Генералъ легко раненъ двумя выстрѣлами изъ револьвера въ руку и въ ногу.

Злоумышленникъ задержанъ на мѣстѣ преступленія и предается военному суду.

Стрѣлявшій въ фонъ-Валя, по доставленіи въ арестантскую, назвалъ себя мѣщаниномъ м-ка Онишишки, Ново-Александровскаго уѣзда, Ковенской губерніи, Гиршемъ Давидовымъ Лекертомъ.

— Въ «Правительств. Вѣстникѣ» напечатано слѣдующее сообщеніе:

«Въ послѣднее время въ Полтавской и Харьковской губерніяхъ произошли серьезныя нарушенія общественнаго порядка. Сущность происшедшаго заключается въ слѣдующемъ. Около половины минувшаго марта въ смежной съ Полтавскимъ уѣздомъ части Константиноградскаго уѣзда, Полтавской губерніи, въ помѣщичьи экономіи стали являться скопомъ сосѣдніе крестьяне и, ссылаясь на недостатокъ продовольствія, просить о даровой выдачѣ имъ хлѣба и корма для скота. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ той же мѣстности замѣтно возросло количество ночныхъ кражъ хлѣба, картофеля и сѣна. Вскорѣ отъ просьбъ крестьяне перешли къ требованіямъ, сопровождавщимся нерѣдко возгласами: «Все равно, скоро все наше будетъ», а затѣмъ и къ угрозамъ, что въ случаѣ отказа возьмутъ все силою. Всѣ эти явленія наблюдались на сравнительно небольшомъ пространствѣ въ районѣ крупныхъ усадебъ, близъ селеній Константиноградскаго уѣзда—Максимовка, Варваровка, Ѳедоровка и Лисичье, изъ коихъ послѣднее, какъ оказывается, было мѣстомъ пребыванія нѣкоторыхъ лицъ изъ числа занимавшихся преступною пропагандою. Возбужденіе среди населенія постепенно усиливалось, и наконецъ 28-го марта большая толпа крестьянъ деревни Максимовки и отчасти жителей сосѣднихъ деревень прибыла на подводахъ въ одинъ изъ хуторовъ имѣнія его высочества герцога Мекленбургъ-Стрелицкаго, Карловку, съ угрозами отняла у управляющаго ключи амбаровъ и вывезла нѣсколько тысячъ пудовъ картофеля. Этимъ въ Полтавскомъ и Константиноградскомъ уѣздахъ начались явныя безчинства. Крестьяне открыто, цѣлыми обозами, иногда до трехсотъ — четырехсотъ подводъ, нападали на усадьбы помѣщиковъ и богатыхъ казаковъ, отбивали замки у амбаровъ, сараевъ и кладовыхъ и увозили хлѣбъ, кормъ для скота, сельскохозяйственныя орудія, а иногда угоняли скотъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ при этомъ въ толпѣ грабителей слышались крики: «Берите, вы должны сдѣлать, какъ въ книжкѣ написано, это все наше». 30-го марта полтавскій губернаторъ, признавъ необходимымъ для водворенія спокойствія принять чрезвычайныя мѣры, отправился съ тремя батальонами пѣхоты на мѣсто безпорядковъ и 1-го приступилъ къ ихъ прекращенію, идя по слѣдамъ грабителей. Появленіе войска, производя должное впечатлѣніе въ тѣхъ селеніяхъ, которыя оно занимало, не могло сразу возстановить порядокъ въ прочихъ мѣстностяхъ. Въ обоихъ уѣздахъ Полтавской губерніи грабежи продолжались, и 31-го марта была въ числѣ другихъ въ Константиноградскомъ уѣздѣ разграблена крупная экономія купца Волика, откуда увезено около 20.000 пудовъ хлѣба. Затѣмъ волненіе стало приближаться къ Полтавѣ. 1-го апрѣля толпа крестьянъ произвела нападеніе на отстоящую верстахъ въ 10-ти отъ города мельницу владѣльца Трепке, при селѣ Ковалевкѣ. Командированныя туда полтавскимъ вице-губернаторомъ двѣ роты пѣхоты прибыли на мѣсто уже въ то время, когда крестьяне возвращались изъ имѣнія Трепке послѣ произведеннаго грабежа. Земскій начальникъ

сопровождавшійся воинскую команду, арестовалъ 20 человѣкъ и приступилъ къ производству дознанія. Тѣмъ временемъ вооруженная кольями и вилами толпа стала наступать на команду и на предупрежденіе командовавшаго штабъ-офицера о томъ, что онъ будетъ вынужденъ стрѣлять, отвѣтила камнями и глумленіемъ. Послѣ этого по толпѣ былъ данъ залпъ, коимъ двое грабителей убиты и семь ранены (одинъ изъ раненыхъ умеръ, раны прочихъ не опасны). 2-го апрѣля безпорядки въ Константиноградскомъ уѣздѣ, благодаря передвиженіямъ войскъ, усиленныхъ еще четвертымъ батальономъ, высланнымъ изъ Полтавы, стали стихать, хотя нѣсколько усадебъ подъ самой Полтавой были еще разграблены. 3-го апрѣля произошла новая вспышка волненій въ Константиноградскомъ уѣздѣ, не имѣвшая особаго значенія, и затѣмъ безпорядки въ Полтавской губерніи были окончательно прекращены. Всего въ этой губерніи разграблено 54 усадьбы. 31-го марта волненія перешли въ Харьковскую губернію, охвативъ въ ней Валковскій уѣздъ и незначительную часть Богодуховскаго. Послѣ трехдневнаго развитія въ Полтавской губерніи, перейдя въ Харьковскую, безпорядки здѣсь проявились въ еще болѣе разнузданной формѣ: крестьяне, уже не ограничиваясь расхищеніемъ хлѣба, картофеля и сѣна, грабили инвентарь, угоняли скотъ, иногда уносили домашнюю утварь, опустошили нѣсколько усадебъ и двѣ изъ нихъ сожгли.

«Донесенія о появленіи грабителей въ Валковскомъ уѣздѣ были получены харьковскимъ губернаторомъ княземъ Оболенскимъ, незадолго передъ тѣмъ вступившимъ въ управленіе губерніею, вечеромъ 31-го марта. Въ ту же ночь онъ выѣхалъ на мѣсто безпорядковъ, взявъ батальонъ пѣхоты и сотню казаковъ. Утромъ 1-го апрѣля войска застали грабителей въ имѣніи генерала-отъ-инфантеріи Перлика, отбили у нихъ награбленное имущество, наказали виновныхъ и арестовали около 50 человѣкъ. Захвативъ затѣмъ крестьянъ на грабежахъ въ двухъ сосѣднихъ усадьбахъ Полтавской губерніи, князь Оболенскій узналъ о разграбленіи большого свекло-сахарнаго завода купца Молдавскаго въ селѣ Ново-Ивановскомъ, Валковскаго уѣзда, но успѣлъ придти съ воинскою командою лишь по окончаніи нападенія. Съ завода этого было расхищено до 30.000 пудовъ сахара и всевозможная утварь, а также разобраны по частямъ и увезены машины и уведено сто пятьдесятъ паръ воловъ. Толпа дошла здѣсь до такого неистовства, что кинулась на заводскую больницу, похитила всѣ медикаменты изъ аптеки, вырывала и уносила тюфяки изъ-подъ больныхъ. Въ это время прибылъ губернаторъ съ небольшою горстью казаковъ, задержалъ значительное количество грабителей и, подвергнувъ ихъ наказанію, водворилъ порядокъ. Хотя 1-го и 2-го апрѣля въ разныхъ мѣстахъ Валковскаго уѣзда безпорядки и продолжались, но благодаря высланнымъ изъ Харькова подкрѣпленіямъ большая часть нападеній была войсками своевременно застигнута и остановлена. Тѣмъ не менѣе предупредить случаи разграбленія вездѣ не удалось. 1-го числа толпа разграбила усадьбу помѣщицы Гаевской и подожгла ея строенія; въ тотъ же день подверглась нападенію богатая помѣщичья усадьба Кантакузовка. Въ ней разграблены амбары, уведенъ скотъ, расхищена вся дорогая движимость дома и библіотека. Въ имѣніи землевладѣльца Духовского,

Осиновѣ, крестьяне, расхитивъ всю движимость, разобрали по бревнамъ домъ и увезли ихъ съ собою. Къ вечеру 1-го апрѣля толпа грабителей приблизилась къ городу Валкамъ. 2-го апрѣля на улицахъ этого города появились передовыя группы крестьянъ, шедшихъ на грабежъ, но по прибытіи губернатора вечеромъ 2-го числа порядокъ былъ возстановленъ и безчинствующіе наказаны. На этомъ закончились безпорядки въ Валковскомъ уѣздѣ. Всего въ этомъ уѣздѣ разграблено 25 землевладѣльческихъ усадебъ и экономій; приблизительно въ такомъ же количествѣ случаевъ грабежи были предупреждены. Кромѣ того, въ прилегающей къ Валковскому уѣзду мѣстности Богодуховскаго уѣзда были разграблены двѣ усадьбы при селѣ Рябковкѣ и хуторѣ Благодатномъ; хуторъ же Мирный подвергся нападенію, но былъ во-время спасенъ. Энергичный образъ дѣйствій харьковскаго губернатора и объявленіе имъ народу, что участь добровольно возвратившихъ награбленное будетъ смягчена, заставили участвовавшихъ въ грабежахъ крестьянъ одуматься и въ послѣдовавшіе за прекращеніемъ безпорядковъ дни крестьяне стали представлять въ волостныя правленія, для возвращенія потерпѣвшимъ, похищенное имущество и приносить повинныя, составляя по этому предмету общественные приговоры. Немедленно по возникновеніи грабежей какъ въ Полтавской, такъ равно и въ Харьковской губерніяхъ на мѣсто безпорядковъ прибыли представители судебной власти и приступлено было къ производству предварительныхъ слѣдствій. Одновременно съ тѣмъ были возбуждены дознанія черезъ офицеровъ отдѣльнаго корпуса жандармовъ. Этими разслѣдованіями выяснено, что въ смежныхъ между собою частяхъ Полтавскаго и Константиноградскаго уѣздовъ, гдѣ хозяйственное положеніе крестьянъ, переживших за послѣдніе годы нѣсколько недородовъ, не вполнѣ удовлетворительно, свила себѣ гнѣздо противоправительственная пропаганда, выразившаяся усиленнымъ распространеніемъ среди крестьянъ преступныхъ брошюръ и изданій на малороссійскомъ языкѣ. Въ этихъ изданіяхъ сельское населеніе призывалось къ возстанію противъ властей и къ завладѣнію имуществомъ помѣщиковъ.

«Къ изложенному необходимо добавить, что распространившіеся въ обществѣ слухи о лицахъ, подвергшихся будто бы насилію со стороны крестьянъ, такъ же, какъ и о крестьянахъ, засѣченныхъ по распоряженіямъ властей, невѣрны. Основаніемъ къ возникновенію послѣдняго рода толковъ послужило, очевидно, то обстоятельство, что для прекращенія грабежей власти были вынуждены примѣнить тѣлесное наказаніе къ вожакамъ возстанія о болѣе упорнымъ его участникамъ. Наказанія эти, должное воздѣйствіе на крестьянъ, устранили необходимость въ принятіи болѣе крутыхъ мѣръ, подобныхъ тѣмъ, къ которымъ пришлось прибѣгнуть въ селѣ Ковалевкѣ. При подавленіи безпорядковъ лица, руководившія отдѣльными толпами грабителей, и болѣе виновные изъ среды послѣднихъ были задержаны; равнымъ образомъ заключены подъ стражу и нѣкоторыя лица изъ числа участвовавшихъ въ преступной среди крестьянъ пропагандѣ.

«Въ настоящае время общественное спокойствіе въ Полтавской и Харьковской губерніяхъ возстановлено; слѣдуетъ полагать, что принятыя мѣры къ

усиленію въ этихъ мѣстностяхъ полицейской охраны обезпечатъ сохраненіе тамъ порядка и впредь».

— Харьковскій губернаторъ шталмейстеръ кн. И. Оболенскій за отлично-усердную и ревностную службу и примѣрную распорядительность по прекращенію безпорядковъ въ Валковскомъ уѣздѣ награжденъ орденомъ св. Владиміра 2-й степени. Полтавскій губернаторъ камергеръ д. с. с. Бельгардъ уволенъ отъ занимаемой имъ должности, съ причисленіемъ къ министерству внутреннихъ дѣлъ и съ оставленіемъ въ придворномъ званіи.

— Пять уѣздовъ Полтавской губерніи: Полтавскій, Константиноградскій, Переяславскій, Лубенскій и Кременчугскій объявлены министромъ внутреннихъ дѣлъ въ положеніи усиленной охраны.

— 11-го мая правительствующему сенату данъ нижеслѣдующій именной Высочайшій указъ: «Происходившіе въ послѣднее время въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Полтавской и Харьковской губерній безпорядки сопровождались рядомъ нападеній крестьянъ на сосѣднія усадьбы причинившихъ владѣльцамъ значительные убытки.

«Возлагая отвѣтственность за эти убытки не только на лицъ, непосредственно виновныхъ въ означенныхъ преступныхъ дѣйствіяхъ, но и на тѣ сельскія общества, кои своимъ преступнымъ попустительствомъ способствовали развитію безпорядковъ, мы повелѣваемъ:

«1) Отпустить изъ государственнаго казначейства, сверхсмѣтнымъ кредитомъ по отдѣлу чрезвычайныхъ расходовъ сего 1902 года, 800.000 рублей на вознагражденіе потерпѣвшихъ землевладѣльцевъ Константиноградскаго, Полтавскаго, Валковскаго и Богодуховскаго уѣздовъ, за убытки, непосредственно причиненные имъ означенными безпорядками;

«2) возложить исчисленіе таковыхъ убытковъ и назначеніе лицамъ, заявившимъ о томъ ходатайство, соразмѣрнаго по соображеніи съ указанною суммою вознагражденія на особыя временныя коммиссіи, образуемыя, подъ предсѣдательствомъ полтавскаго и харьковскаго губернаторовъ, при участіи губернскихъ предводителей дворянства и другихъ должностныхъ лицъ мѣстнаго финансоваго и по крестьянскимъ дѣламъ управленія;

«3) предоставить министрамъ внутреннихъ дѣлъ и финансовъ, по взаимному соглашенію, опредѣлить составъ и порядокъ дѣйствій означенныхъ коммиссій и свои по сему предмету предположенія внести на наше утвержденіе чрезъ комитетъ министровъ, и

«4) для возмѣщенія государственному казначейству указанной въ п. 1 суммы, установить съ сельскихъ обществъ и селеній, крестьяне коихъ принимали участіе въ безпорядкахъ, дополнительный къ существующимъ окладной сборъ, съ тѣмъ, чтобы ежегодный размѣръ онаго, и срокъ его взысканія были опредѣлены, для отдѣльныхъ обществъ и селеній, порядкомъ, указаннымъ выше, въ п. 2 и чтобы взиманіе этого сбора, на общемъ съ прочими окладными платежами основаніи, было начато не позднѣе второй половины текущаго года.

«Правительствующій сенатъ не оставитъ учинить, къ исполненію сего, надлежащее распоряженіе.

«На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано «НИКОЛАЙ».

— На основаніи ст. 154 уст. о ценз. и печ., св. зак., т. XIV, изд. 1890 г. министръ внутреннихъ дѣлъ опредѣлилъ пріостановить изданіе газеты «Саратовскій Дневникъ» на два мѣсяца.

— Почти было возстановившееся здоровье гр. Л. Н. Толстого опять пошатнулось: у Льва Николаевича открылся брюшной тифъ.

— До 20-го мая поступило пожертвованій въ пользу школы имени В. П. Острогорскаго въ Валдаѣ.

1.	Отъ	редакціи	«Міръ Божій» ежегодный взносъ	300	р.
2.	»	г-жи	О. Ю. Б.	10	»
3.	»	»	Чюминой	5	»
4.	»	»	Благонравовой	1	»
5.	»	г-на	Бернашевскаго	3	»
6.	»	ред.	Энцикл. Слов. Гранатъ и К°	25	»
7.	»	г-на	Первухина	1	»
8.	»		Учительницы	1	»
9.	»		Студента	1	»
10.	»	г-жи	Козловой	3	»
11.	»	г-на	Султанъ-Крымъ Гирея	5	»
12.	»	»	М. А. Стаховича ежегодный взносъ	25	»
			Всего	380	р.

Деньги переданы комитету, завѣдующему школой.

Изъ русскихъ журналовъ.

«Журналъ Мин. Нар. Просв.», май.—«Рус. Старина», май.—«Истор. Вѣстникъ», май.—«Рус. Мысль», мартъ, апрѣль.—«Вѣстн. Европы», май.—«Рус. Богатство», мартъ.

Въ бумагахъ Жуковскаго сохранился набросокъ комической оперы—«Богатырь Алеша Поповичъ, или страшныя развалины», помѣченный 1804 годомъ и до сихъ поръ не появлявшійся въ печати. Разбирая содержаніе этого произведенія, которое представляется чѣмъ-то въ родѣ либретто, написанномъ отчасти въ прозѣ, отчасти въ стихахъ, съ романсами и дуэтами для пѣнія и съ подробными сценическими указаніями, Акад. Алдръ Н. Веселовскій отмѣчаетъ на стран. «Журн. Мин. Нар. Просв.» (май) его значеніе главнымъ образомъ, какъ показателя стремленій Жуковскаго найти въ русской старинѣ матеріалъ для поэтическаго творчества. При этомъ, однако, «судя по тому, что въ трехъ мѣстахъ рукописи вмѣсто Любимиры (героини) стоитъ зачеркнутое имя Матильды, мы вправѣ предположить,—пишетъ авторъ, что, какъ и для «Двѣнадцати спящихъ дѣвъ», Жуковскій могъ заимствовать канву либретто изъ какого-нибудь нѣмецкаго источника. Сама Матильда напоминаетъ героиню романа Новалиса—

«Heinrich von Oesterdingen». Освѣщеніе русской жизни средневѣковое рыцарское; кромѣ Алеши, богатыри (участвующіе въ пьесѣ)—Добрыня Никитичъ, Чурило Пленковичъ, Василій Богуславичъ, Еруслянъ Лазаревичъ, Илья Муромецъ—являются исключительно въ качествѣ хора: ихъ застава гостинница Силуяна, въ которой дѣйствіе постоянно возвращается; они пьютъ подъ пѣсню и балалайку Соловья-пѣвца, либо куда то ѣдутъ и снова въ гостинницѣ». Содержаніе либретто Жуковскаго сводится къ тому, что богатырь Алеша Поповичъ, въ бытность въ Кіевѣ «на играхъ богатырскихъ», влюбился въ дочь боярина Громобоя Любимиру, которую скупой отецъ не хотѣлъ выдать за бѣднаго богатыря. Алеша путемъ разныхъ приключеній забываетъ свою возлюбленную, при чемъ ему помогаетъ духъ Милолики, убитой мужемъ, разбойникомъ Горюномъ, и являющейся теперь въ видѣ старца, живущаго въ «страшныхъ развалинахъ», гдѣ хранится кладъ. Другой покровительницей Алеши выступаетъ волшебница Доброда. У Алеши слуга оруженосецъ Барма—«кудрявая голова», трусъ, хвастунъ и объѣдало, напоминающій, по замѣчанію А. Н. Веселовскаго, своею рѣчью Лепорелло: «въ сущности одна его партія и даетъ право на названіе оперы комической». Любимира просватана отцомъ за богатаго жениха Калиту, но она любитъ Алешу и противится браку, на которомъ настаиваетъ Громобой. Калита представляется «злодѣемъ» пьесы, убившимъ дочь стараго Добрыни за то, что она отвергла его любовь. Духъ умершей является Калитѣ среди «страшныхъ развалинъ», при чемъ Калита восклицаетъ, падая на землю: «О, Перунъ, я погибъ!»—но ему предстоитъ совершить еще семь убійствъ въ 34 года своей жизни, и, наконецъ, въ отомщеніе умереть отъ руки своей матери. Все либретто составлено изъ ряда фантастическихъ приключеній, съ появленіемъ различныхъ духовъ, привидѣній, съ провалами и превращеніями, и, оставшись «въ черновикѣ», любопытно только какъ матеріалъ изъ котораго, по замѣчанію А. Н. Веселовскаго, «вышли Громобой и Вадимъ». Кромѣ «Алеши», тотъ же изслѣдователь называетъ другое задуманное Жуковскимъ произведеніе изъ древне-русской жизни,—а именно поэму о «Владимирѣ» (Мономахѣ), для которой онъ тщательно собиралъ матеріалы, изучалъ лѣтописи и въ тоже время вдохновлялся образцами западно-европейскаго искусственнаго эпоса. Но замыселъ остался невыполненнымъ (сохранилось лишь два плана поэмы), и, въ концѣ концовъ Жуковскій пришелъ къ грустному сознанію, что «древняя исторія Россіи слишкомъ для насъ далека и трудно угадать и живо представить сіи времена отдаленныя: слишкомъ будетъ ощутителенъ вымыселъ поэтическій». Единственно доступный матеріалъ—это лѣтописи, «но надобно быть великимъ творцомъ, чтобы воздвигнуть стройное зданіе изъ щебня лѣтописи», надобно быть «такимъ гигантомъ, какъ Вальтеръ Скоттъ и Шекспиръ». Авторъ статьи присоединяетъ къ указаннымъ Жуковскимъ затрудненіямъ особенности его поэтическаго дарованія: «Жуковскій не эпикъ, онъ лирикъ даже тогда, когда становится разсказчикомъ, прислушиваясь къ сказкамъ и къ мѣрному паденію греческаго гекзаметра».

Мы говорили уже въ нашихъ предыдущихъ двухъ журнальныхъ обозрѣніяхъ о печатавшихся въ «Русской Старинѣ» въ высшей степени интересныхъ сообщеніяхъ И. А. Бычкова, касающихся темныхъ обстоятельствъ, сопровождавшихъ паденіе и ссылку М. М. Сперанскаго. Мы убѣждены, что читатели не посѣтуютъ на насъ, если и въ этомъ обозрѣніи мы коснемся еще разъ судьбы того же Сперанскаго, ибо и въ майской книжкѣ «Русской Старины» снова имѣется объ этомъ предметѣ чрезвычайно интересное сообщеніе И. А. Бычкова, подъ заглавіемъ: «Пребываніе Сперанскаго въ Нижнемъ Новгородѣ и Перми».

Сперанскій высланъ былъ изъ Петербурга въ сопровожденіи пристава Шипулинскаго въ ночь съ 17-го на 18-е марта 1812 года и уже 23-го марта прибылъ въ Нижній-Новгородъ. Оттуда Сперанскій послалъ съ Шипулинскимъ къ министру полиціи Балашову письмо, къ которому приложено было также письмо изгнанника къ императору Александру. «Въ чемъ состояло это послѣднее письмо, намъ неизвѣстно», было сказано въ книгѣ Корфа «Жизнь графа Сперанскаго». «Такъ, дѣйствительно, и было во время составленія нашей книги,—писалъ баронъ Корфъ впослѣдствіи,—но по смерти государственнаго канцлера графа Нессельроде, послѣдовавшей въ 1862 году, это письмо было найдено между его бумагами въ подлинникѣ, писанномъ по французски отъ начала до конца рукою Сперанскаго». Въ 1867 году баронъ Корфъ напечаталъ въ «Русскомъ Архивѣ» нѣсколько дополненій къ «Жизни графа Сперанскаго»; въ томъ числѣ онъ предполагалъ помѣстить и это нижегородское письмо Сперанскаго къ императору Александру, но затѣмъ перемѣнилъ свое намѣреніе. По смерти графа Нессельроде письмо Сперанскаго поступило въ государственный архивъ, откуда было извлечено и напечатано недавно скончавшимся Н. К. Шильдеромъ въ его извѣстномъ трудѣ по исторіи царствованія Александра Перваго.

«Письмо это,—говорится въ замѣткѣ барона Корфа, особенно замѣчательно тѣмъ, что открываетъ, въ чемъ Сперанскій видѣлъ *главную* и *единственную* причину своего паденія: именно въ составленномъ имъ *проектѣ конституціи* (фраза о томъ подчеркнута въ самомъ подлинникѣ). Этимъ же отчасти выясняются и загадочныя слова пермскаго письма Сперанскаго: «вашею (обращаясь къ государю), а не своею тайною я связанъ». Вся опала произошла вслѣдствіе дѣятельнаго соучастія Александра въ реформаторскихъ идеяхъ его любимца; когда пора послѣднихъ прошла для государя или была оттѣснена силою обстоятельствъ, тогда онъ рѣшился пожертвовать и Сперанскимъ, съ цѣлью убѣдить общественное мнѣніе, что такого соучастія не существовало и что все это были одни *личные* замыслы государственнаго секретаря, *вдругъ* будто бы подмѣченные и открытые. Придворные интриганы явились тутъ только желанными пособниками собственныхъ плановъ государя».

Балашовъ предписалъ нижегородскому губернатору тщательно слѣдить за сношеніями и перепиской Сперанскаго, что, разумѣется, доставляло послѣднему не мало огорченій. Къ этому же времени относится и одинъ въ высшей степени замѣчательный эпизодъ изъ жизни Сперанскаго. Эпизодъ этотъ былъ сооб-

щенъ барону Корфу княземъ Георгіемъ Александровичемъ Грузинскимъ (бывшимъ въ 1812 году нижегородскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства), но не былъ включенъ въ «Жизнь графа Сперанскаго», «какъ не подтвержденный (въ то время),—замѣчаетъ Корфъ,—никакими другими доказательствами, которыя непремѣнно требовались бы для факта такой первостепенной важности».

Эпизодъ этотъ состоялъ въ слѣдующемъ:

«По званію предводителя дворянства,—пишетъ князь Грузинскій,—я состоялъ въ то время подъ главнымъ начальствомъ графа Петра Александровича Толстого (начальствовавшаго въ Нижнемъ 3-мъ округомъ военнаго ополченія и имѣвшаго особыя уполномочія и по гражданской части), а ему, по обязанности формировать запасныя войска и по разнымъ другимъ порученіямъ, часто приходилось отлучаться изъ Нижняго. При такихъ отлучкахъ всѣ приходившія на его имя бумаги онъ довѣрялъ вскрывать мнѣ, съ тѣмъ, чтобы, въ случаѣ экстренности, дѣлать по нимъ и исполненіе. Разъ я вскрылъ, такимъ образомъ, отношеніе къ Толстому графа Растопчина, который требовалъ немедленной присылки Сперанскаго въ Москву, безъ объясненія, однако, для чего именно. Я отвѣчалъ, что Сперанскій находится въ Нижнемъ по особому высочайшему повелѣнію, и потому я не въ правѣ исполнить это требованіе, а представлю о немъ графу Толстому. Но пока шла переписка, французы вошли въ Москву, и Сперанскій вскорѣ затѣмъ былъ отправленъ въ Пермь, къ великой радости губернатора Руновскаго, освободившагося, наконецъ, отъ плѣнника, котораго каждый шагъ тяготилъ его».

«Но здѣсь,—замѣчаетъ Корфъ,—рождается вопросъ—и въ этомъ мы полагаемъ *важность* факта—съ какою же цѣлью, Растопчинъ отважился на такой самовластный поступокъ? Безъ сомнѣнія, съ одною только,—по крайней мѣрѣ, какъ думали въ то время Грузинскій и съ нимъ нѣкоторые другіе—чтобъ ненавидимаго народомъ (?) предать на жертву возбужденнымъ страстямъ, подобно несчастному Верещагину. Къ всегдашней административной политикѣ Растопчина не присоединялась ли тутъ еще, можетъ статься,—какъ ни страшно выговорить,—жажда удовлетворенія личной злобѣ?...»

Въ сентябрѣ 1812 года Сперанскій былъ, по высочайшему повелѣнію, увезенъ съ фельдъегеремъ изъ Нижняго въ Пермь, гдѣ, конечно, продолжали циркулировать среди чиновниковъ слухи о мнимой измѣнѣ Сперанскаго. Досужія кумушки прибавляли при этомъ, что Сперанскій продалъ отечество не за деньги, а за польскую корону.

— Слава Богу!—сказалъ онъ, когда такая версія дошла до его свѣдѣнія,—начинаютъ лучше обо мнѣ думать: за корону все-таки извинительнѣе соблазниться...

Въ той же книжкѣ «Русской Старины» напечатано нѣсколько писемъ, которыми обмѣнялись между собою въ 1837 году императоръ Николай I и проживавшій въ то время въ Римѣ великій князь Михаилъ Павловичъ. Письма эти напечатаны съ Высочайшаго разрѣшенія Государя Императора. Изъ письма

императора Николая I мы приведемъ одно мѣсто, которое касается смерти Пушкина.

«Съ послѣдняго моего письма здѣсь ничего важнаго не произошло, кромѣ смерти извѣстнаго Пушкина отъ послѣдствій раны на дуэли съ Дантесомъ. Хотя давно ожидать было должно, что дуэлью кончится ихъ неловкое положеніе, но съ тѣхъ поръ, какъ Дантесъ женился на сестрѣ жены Пушкина, а сей послѣдній тогда же письменно отрекся отъ требованной сатисфакціи, надо было надѣяться, что дѣло заглушено. Дотоль Пушкинъ себя велъ, какъ каждый бы на его мѣстѣ сдѣлалъ; и хотя никто не могъ обвинять жену Пушкина, столь же мало оправдывали поведеніе Дантеса, и въ особенности гнуснаго его отца, Гекерна. Но послѣдній поводъ къ дуэли, котораго никто не постигаетъ и заключавшійся въ самомъ дерзкомъ письмѣ Пушкина къ Гекерну, сдѣлалъ Дантеса правымъ въ семъ дѣлѣ. C'est le cas de dire, chassez le naturel, il revient au galop. (Вотъ когда по истинѣ можно сказать: «гони природу въ дверь, она влетитъ въ окно»). Пушкинъ погибъ, и слава Богу умеръ христіаниномъ. Это происшествіе возбудило тьму толковъ, наибольшею частью самыхъ глупыхъ, изъ коихъ одно порицаніе поведенія Гекерна справедливо и заслуженно; онъ точно велъ себя какъ гнусная каналья. Самъ сводничалъ Дантесу въ отсутствіе Пушкина, уговаривая жену его отдаться Дантесу, который будто бы къ ней умиралъ любовью, и все это тогда открылось, когда послѣ перваго вызова на дуэль Дантеса Пушкинымъ, Дантесъ вдругъ посватался на сестрѣ Пушкиной; тогда жена Пушкина открыла мужу всю гнусность поведенія обоихъ, бывъ во всѣхъ отношеніяхъ невинна. Такъ какъ сестра ея точно любила Дантеса, то Пушкинъ тогда же отказался отъ дуэли. Но должно ему было при томъ и оставаться, чего не вытерпѣлъ. Дантесъ подъ судомъ, равно какъ Данзасъ, секундантъ Пушкина; и кончится по законамъ; и, кажется, каналья Гекернъ отсюда выбудетъ».

Переходимъ къ «Историческому Вѣстнику».

Не подлежитъ сомнѣнію, что столь часто повторяющіеся у насъ, а въ первой половинѣ восьмидесятыхъ годовъ истекшаго столѣтія принявшіе положительно эпидемическій характеръ, «антиеврейскіе безпорядки» уходятъ своими корнями, какъ и всякое крупное соціальное явленіе, глубоко въ историческую почву русской жизни, но несомнѣненъ также и тотъ фактъ, что въ этихъ, печальной памяти, «погромахъ» много виновата наша пошлая, человѣконенавистническая, quasi-патріотическая, юдофобская пресса. Разжигать самые низменные инстинкты толпы, играть на звѣриныхъ чувствахъ массы, сѣять рознь и вражду, восхвалять все русское (теперь, въ виду франко-русскаго альянса, дозволительно хвалить также и «французское») и поносить все чужеземное, значитъ, по мнѣнію печальныхъ рыцарей нашей «самобытности», дѣлать національное дѣло. Сколько нелѣпыхъ басенъ распространяется до сихъ поръ этого рода прессой, хотя бы объ одномъ только употребленіи евреями крови христіанскихъ дѣтей! И темные невѣжественные слои нашего народа воспринимаютъ на вѣру слова частью столь же невѣжественныхъ, частью безсовѣстныхъ га-

*

зетчиковъ и въ результатѣ получаются такія явленія, за которыя жестоко приходится расплачиваться, какъ жертвамъ этой недостойной травли инородцевъ, такъ и самимъ «громиламъ», и отъ которыхъ остаются въ барышахъ лишь тѣ же газетчики - «самобытники», наполняющіе въ такихъ случаяхъ страницы своихъ изданій «интересными» описаніями событій отъ собственныхъ и несобственныхъ корроспондентовъ и собирающихъ этимъ способомъ обильную жатву изъ кармановъ любителей сильныхъ ощущеній...

Объ одномъ изъ такихъ, имѣвшихъ мѣсто въ 1884 году въ Нижнемъ-Новгородѣ, «еврейскихъ погромовъ» напечатана въ майской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» поучительная статья г. Юдина. Поводомъ къ погрому послужили «циркулировавшіе въ то время повсюду слухи, будто евреи воруютъ христіанскихъ дѣтей и убиваютъ ихъ, чтобы имѣть кровь младенца для какихъ-то своихъ священнодѣйствій». Дѣло было такъ.

«Вечеромъ 7-го іюня у дома Трунова, на Пирожниковской улицѣ, въ Кунавинѣ, полуторагодовая дочь крестьянки Рогожиной Анна, оставленная безъ присмотра, упала въ грязь и не могла выбраться изъ лужи, плакала и кричала: «мама, мама!» Въ это время по улицѣ проходили двѣ еврейскія дѣвочки Сара Пейсахъ 7-ми лѣтъ и Розалія Блохъ 10 лѣтъ. Увидя безпомощно барахтавшагося ребенка, онѣ подбѣжали къ нему, подняли его и понесли, чтобы передать матери. Дѣвочка не переставала кричать. Крикъ ея услышала Рогожина и выбѣжала на улицу.

«— Ахъ, вы, жидовское отродье!—не узнавъ въ чемъ дѣло, вдругъ, ни съ того, ни съ сего, напустилась она на дѣвочекъ: зарѣзать хотите мою дочь? —И пошла «сыпать». — Сейчасъ въ полицію заявлю! — рѣшительно сказала она и бросилась съ дочерью къ управленію макарьевской части.

«Дѣвочки перетрусили и поспѣшно скрылись къ себѣ, въ домъ Бабушкина на 4 линіи, гдѣ помѣщалась еврейская синагога.

«Въ злобѣ пущенное слово эхомъ отдалось по улицѣ. На ту пору мимо проходила толпа полупьяныхъ рабочихъ, слышавшая весь этомъ шумъ. Спьяна имъ показалось, что дѣвочку уже зарѣзали евреи и унесли въ свою молельню. Съ крикомъ и бранью бросились они и мигомъ окружили послѣднюю, требуя выдачи ребенка. На шумъ сталъ собираться еще народъ. Толпа мѣщанъ, рабочихъ и мастеровыхъ росла все больше и больше, неистовствуя на разные лады...»

Отсюда и начался «погромъ». Было убито четверо мужчинъ, одна женщина и одинъ мальчикъ 13-ти лѣтъ; сильно ранено пять евреевъ; двое изъ нихъ умерли по дорогѣ въ земскую больницу, третій—купецъ Дайцельманъ—скончался въ больницѣ къ вечеру на другой день.

Само собою разумѣется, что нашлись и «очевидцы» того, какъ евреи зарѣзали дѣвочку.

— Сама видѣла, собственными своими глазыньками,—расказывала толпѣ крестьянка Косырева:—схватили жиды-то нашу русскую дѣвочку махонькую, зарѣзали ее, потомъ за ноги повѣсили, а напослѣдокъ взяли да и вытащили на улицу. На-те, молъ!..

Любопытно, что бывшій тутъ же полицейскій надзиратель Соколовскій «не

только не остановилъ разсказчицу, но даже удалился съ пристани, оставивъ ее продолжать свои разсказы...»

Въ то время на воеводствѣ въ Нижнемъ-Новгородѣ былъ извѣстный русскій Гарунъ-аль-Рашидъ Н. М. Барановъ. Онъ прибылъ на мѣсто происшествія въ сопровожденіи полицеймейстера Каргера, который тутъ же арестовалъ нѣсколькихъ «зачинщиковъ». Но въ это время въ другомъ мѣстѣ улицы усилились крики. «Народъ всей массой ринулся туда, полиція была смята, захваченные зачинщики отбиты. Четверо мастеровыхъ набросили на голову Баранова рогоженный куль и вмигъ его скрутили. «А, защитникъ жидовскій! Бей его!» Но тутъ опять раздались крики: «Ура! Помогите!..» Это громили третій еврейскій домъ. Мастеровые бросили свою жертву и поспѣшили на зовъ. Проходившіе мимо городовые узнали губернатора по краснымъ лампасамъ и освободили его».

Когда, наконецъ, при содѣйствіи войскъ безпорядки были затушены, то «Барановъ издалъ строжайшій запретъ писать о томъ что-либо въ газетахъ, хотя это было далеко не въ его власти. Послѣдствія скоро сказались и имѣли *обратное дѣйствіе*. Извѣстія достигали редакцій не прямо отъ собственныхъ корреспондентовъ по почтѣ или телеграфу, а контрабанднымъ путемъ изъ частныхъ писемъ и чрезъ проѣзжающихъ. Вслѣдствіе этого являлись преувеличенія противъ дѣйствительности». Столичныя и провинціальныя юдофобскія газеты старались изъ всѣхъ силъ свалить вину на самихъ же евреевъ. Самъ Барановъ писалъ 18 іюня министру внутреннихъ дѣлъ такія строки: «большая часть общества весьма сочувственно и близоруко смотрѣла на случившееся, и подъ вліяніемъ такихъ статей, какъ, напримѣръ, помѣщенная въ № 2.980 «Новаго Времени» и умышленно ложныхъ корреспонденцій «Казанскаго Листка» склонна къ оправданію неизбѣжности еврейскихъ безпорядковъ».

Почему же виноваты въ погромахъ сами евреи? Отвѣтъ на это всегда одинъ: потому что евреи эксплуатируютъ русскихъ, грабятъ ихъ, высасываютъ изъ нихъ всѣ соки. Насколько малоосновательно подобное мнѣніе относительно нижегородской земли можно судить по словамъ покойнаго предсѣдателя нижегородской ученой архивной коммиссіи А. С. Гацискаго, который, тщательно изучивъ многовѣковую исторію этой земли, пришелъ къ заключенію, что исторію эту и безъ вліянія на нее еврейскаго элемента можно выразить такими словами: «Караулъ!... Грабятъ!.. Шесть вѣковъ къ ряду почти неумолчно раздавался на нижегородской землѣ этотъ отчаянный крикъ... То грабила мордва, то русскіе колонизаторы, то новгородскіе ушкуйники, то татары; то давали себя знать усобицы нижегородскихъ князей, то накладывала свою руку Москва, то бушевали вольныя вольницы смутнаго времени, то Разинъ гулялъ съ своими молодцами по матушкѣ Волгѣ, то Пугачовъ наводилъ страхъ на всякаго мирнаго жителя, то Москва освѣщала своимъ пожаромъ 1812 года все, что связывало съ нею нижегородскую землю». Перечень историческихъ событій, изъ которыхъ составилось далекое и недалекое прошлое нижегородской земли, можно было бы, конечно, продолжать и гораздо дальше, но и приведеннаго достаточно для опроверженія нелѣпаго взваливанія всѣхъ золъ общественной жизни на однихъ евреевъ.

Самъ «защитникъ евреевъ» Барановъ, бросаясь отъ одной сумасбродной мѣры къ другой, вскорѣ учредилъ подъ предсѣдательствомъ вице-губернатора Неклюдова коммиссію для провѣрки правъ на жительство проживавшихъ въ Нижнемъ евреевъ. Начались высылки не имѣвшихъ такого права евреевъ, но, по свидѣтельству автора цитируемой нами статьи, «эта тяжелая мѣра коснулась только бѣднѣйшей части населенія (еврейскаго), и отнюдь не богачей, какъ болѣе вреднаго и опаснаго для общества элемента». Четверо гражданъ Нижняго гг. Шутягинъ, Балдинъ, Муратовъ и Зотовъ тогда же писали по этому поводу полицеймейстеру Каргеру такія строки:

«Высылаются евреи, не имѣющіе права жительства. Результатъ онаго, безъ сомнѣнія, отзовется на самобѣднѣйшихъ, не вредящихъ ни обществу, ни правительству, а кулака эксплуататора, вѣроятно, не придется выкурить, ибо онъ всегда съ законными правами. Почему не выключена отсюда г-жа Якобсонъ? Фамилія эта всякимъ христіаниномъ вспоминается съ содроганіемъ. Мужъ ея многихъ нашихъ православныхъ обдѣлалъ до нищеты. Онъ, правда, за это провелъ часть времени въ тюрьмѣ и арестантскихъ ротахъ и, благодаримъ Создателя, его отсюда выжили. Теперь спрашивается: зачѣмъ проживаетъ здѣсь его жена? Она «шуруетъ» лучше и почище мужа, занимается аппетитно всѣмъ чѣмъ угодно, особенно «процентами»: у нея открыты кругомъ всѣ карманы. Вотъ на кого не грѣхъ распространить въ буквальномъ и исполнительномъ смыслѣ законъ! Вѣрнѣе всего, что ее въ спискахъ высланныхъ евреевъ не помѣстили: вѣдь она богачиха и родню по мужу богатую имѣетъ».

Заявленіе это не повлекло за собою никакихъ практическихъ результатовъ.

Для разбора дѣла о бывшихъ въ Нижнемъ-Новгородѣ безпорядкахъ прибылъ изъ Москвы военно-окружной судъ, который и приговорилъ 6 обвиняемыхъ къ каторжнымъ работамъ на двадцать лѣтъ, троихъ на восемьнадцать лѣтъ, одного на двѣнадцать, одного на семь и одного на четыре года: остальные обвиняемые были приговорены къ ссылкѣ въ Сибирь, къ тюремному заключенію на разные сроки и т. д.

Таковъ былъ эпилогъ одного изъ «погромовъ»...

Самъ Барановъ не прочь былъ признать, что «радикальнымъ средствомъ къ полному обезпеченію мирной тишины въ будущемъ» онъ считаетъ «поднятіе въ народѣ уровней какъ экономическаго такъ и образовательнаго», но эти-де «задачи, осуществленіе которыхъ требуетъ много времени должны, быть обсуждаемы въ связи со многими общими вопросами». Въ виду же того, что «общихъ вопросовъ» поднимать тоже не предполагалось, «радикальное средство» для исцѣленія болѣзни откладывалось на неопредѣленно долгое время...

Не говоря объ измѣненіи экономическихъ условій, въ которыхъ живетъ масса нашего народа, поднятіе его «образовательнаго уровня» сослужило бы, конечно, громадную службу на пути предотвращенія возможности такихъ явленій, какъ антиеврейскіе и многіе другіе «погромы». Школа и школьное образованіе—вотъ тѣ двѣ сферы, наполненіе которыхъ надлежащимъ содержа-

ніемъ должно было бы давно уже принести у насъ очень хорошіе плоды. Но именно положеніе этихъ-то двухъ сферъ и особенно послѣдней оставляетъ желать очень и очень многаго. Въ этомъ смыслѣ весьма поучительна напечатанная въ мартовской и апрѣльской книжкахъ «Русской Мысли» статья г. Тулупова подъ заглавіемъ «Народныя чтенія въ городахъ и селахъ». Въ статьѣ этой авторъ задался цѣлью прослѣдить, какъ стояло у насъ дѣло народныхъ чтеній на рубежѣ двухъ столѣтій; матеріаломъ же для такой работы послужили ему, главнымъ образомъ «свѣдѣнія, собранныя однимъ изъ просвѣтительныхъ обществъ Москвы, нынѣ почти прекратившемъ свою дѣятельность».

Все болѣе и болѣе просыпающееся въ нашемъ народѣ стремленіе къ свѣту и знанію влечетъ за собою всегдашнюю готовность русской интеллигенціи идти навстрѣчу народившейся духовной потребности народа. Значительная часть такихъ интеллигентныхъ силъ поглощена устройствомъ и организаціей учрежденій для внѣшкольнаго образованія народа и въ частности учрежденіемъ народныхъ чтеній. Работа интеллигенціи въ этомъ направленіи имѣетъ за собою уже болѣе, чѣмъ двадцатипятилѣтній опытъ и потому весьма интересно бросить общій взглядъ на пройденный путь, проанализировать причины встрѣчавшихся на этомъ пути препятствій и оцѣнить достигнутые результаты. Для всего этого статья г. Тулупова даетъ цѣнныя данныя.

Народныя чтенія возникли первоначально въ 1874 году въ Москвѣ при обществѣ распространенія полезныхъ книгъ, организовавшемъ для этого особую коммиссію, но услугами этой коммиссіи долго не могъ пользоваться даже Московскій уѣздъ такъ какъ по обнародованному 24-го декабря 1876 года закону, народныя чтенія разрѣшалось устраивать лишь въ столицахъ и губернскихъ городахъ. Все многомилліонное населеніе деревень и уѣздныхъ городовъ было совершенно лишено права на этотъ способъ внѣшкольнаго образованія. Такъ дѣло существовать, конечно, не могло вѣчно, но извѣстенъ, съ другой стороны, принципъ нашей жизни «поспѣшать съ медлительностью» и потому лишь въ 1888 году вопросъ о народныхъ чтеніяхъ чуть-чуть подвигается впередъ. Изданными въ этомъ году правилами объ уѣздныхъ отдѣленіяхъ епархіальныхъ училищныхъ совѣтовъ послѣднимъ предоставлялось между прочимъ «содѣйствовать устройству чтеній для народа подъ руководствомъ приходскихъ священниковъ въ школьныхъ помѣщеніяхъ». Съ этого момента явилась возможность устройства чтеній и въ деревняхъ, но на практикѣ дѣло это чаще всего ограничивалось лишь духовно-нравственными бесѣдами священниковъ съ крестьянами, чтеніемъ житій святыхъ и троицкихъ листковъ. Въ виду всего этого многія земства ходатайствовали о распространеніи правилъ 1876 года на всю имперію, но до 1893 года ходатайства эти не имѣли никакихъ практическихъ послѣдствій. Въ этомъ году петербургской коммиссіи народныхъ чтеній было дано разрѣшеніе на устройство народныхъ чтеній по всему району петербургскаго учебнаго округа, а въ октябрѣ 1894 года право устраивать чтенія въ уѣздныхъ городахъ и селахъ получила и вся Россія. Правительственное распоряженіе по этому поводу гласило слѣдующее:

«Комитетъ министровъ, разсмотрѣвъ представленіе министра народнаго про-

свѣщенія, по ходатайству тверскаго губернскаго земскаго собранія относительно устройства народныхъ чтеній внѣ губернскихъ городовъ, полагаетъ: 1) предоставить министру народнаго просвѣщенія объявить тверскому губернскому земству, что ходатайство объ устройствѣ народныхъ чтеній можетъ быть удовлетворено не иначе, какъ при точномъ каждый разъ указаніи, примѣнительно къ установленнымъ правиламъ, кто именно предполагаетъ устроить чтенія, и при одобреніи означенныхъ лицъ мѣстнымъ общеадминистративнымъ, духовнымъ и учебнымъ начальствомъ и 2) на будущее время предоставить министру народнаго просвѣщенія, по предварительному каждый разъ соглашенію съ министромъ внутреннихъ дѣлъ и оберъ-прокуроромъ святѣйшаго синода, разрѣшать народныя чтенія въ уѣздныхъ городахъ и селеніяхъ, съ тѣмъ, чтобы таковыя чтенія производились подъ непосредственнымъ наблюденіемъ и отвѣтственностью ближайшихъ представителей духовнаго или учебнаго вѣдомства, и чтобы нравственная и политическая благонадежность лицъ, занимающихся устройствомъ народныхъ чтеній, была надлежащимъ образомъ удостовѣрена».

Эти правила поставляли такимъ образомъ каждый *частный случай* устройства народныхъ чтеній въ зависимость отъ полученія на то согласія со стороны трехъ министровъ. «Насколько такой порядокъ вещей не соотвѣтствовалъ запросамъ жизни и времени,—справедливо говоритъ г. Тулуповъ, извѣстно всякому, кто такъ или иначе соприкасался съ дѣломъ внѣкласснаго образованія. Уходили долгіе годы (нерѣдко 5—6 лѣтъ) на процедуру и переписку по вопросу объ устройствѣ чтеній въ той или другой мѣстности; лица, возбуждавшія ходатайства, иногда успѣвали уже уѣхать изъ той мѣстности, для которой они хлопотали, а иногда даже умереть, прежде чѣмъ приходило, наконецъ, давно жданное разрѣшеніе читать народу брошюры, прошедшія цензуру и особое одобреніе; уходила масса силъ и энергіи на переписку, всевозможнаго рода справки и хлопоты, и нужно было обладать своего рода геройствомъ, чтобы не опустить преждевременно руку и добиться благопріятныхъ результатовъ. Мы не говоримъ уже о частныхъ лицахъ,—но въ такомъ же положеніи часто находились цѣлыя общественныя организаціи..»

Приведя много иллюстрацій къ только что сказанному, г. Тулуповъ воспроизводитъ далѣе опубликованный въ свое время «Циркуляръ по харьковскому учебному округу» касательно устройства народныхъ чтеній.

«Предоставляя вѣдомству народнаго просвѣщенія,—гласитъ этотъ циркуляръ, право разрѣшенія, а равно и выборъ предметовъ и способовъ чтеній, новыя правила (о народныхъ чтеніяхъ), выработанныя комитетомъ министровъ, возлагаютъ на губернаторовъ высшій надзоръ за направленіемъ этого дѣла, сообразно цѣлямъ правительства, и въ этихъ видахъ никто не можетъ быть допущенъ къ производству чтеній безъ предварительнаго одобренія губернатора», потому что, поясняется далѣе «неправильное и несогласное съ видами правительства отношеніе къ этому важному вопросу съ самаго начала можетъ облегчить переходъ народныхъ ученій въ руки людей неблагонамѣренныхъ и способствовать обращенію чтеній въ орудіе противоправительственной пропаганды. И губернаторы должны съ особою тщательностью удостовѣриться въ качествахъ и на-

правленіи какъ лицъ читающихъ, такъ въ равной мѣрѣ и тѣхъ, которыя являются устроителями чтеній, конечно, отнюдь не упуская изъ вида намѣреніе правительства облегчить народу способы пользоваться, черезъ посредство чтеній, общеполезными свѣдѣніями. При выдачѣ одобрительныхъ разрѣшеній необходимо помнить, что народное чтеніе лишь тогда полезно, когда читающій проникнутъ исключительно одною цѣлью содѣйствія народному развитію и принимаетъ на себя этотъ трудъ безъ всякихъ тенденцій, чуждыхъ основнымъ началамъ нашего государственнаго устройства. Поэтому всѣ распоряженія губернатора относительно народныхъ чтеній должны исходить изъ того основного положенія, что безъ полной увѣренности въ томъ, что лица, читающія и устраивающія чтенія, заслуживаютъ одобренія правительства, нельзя ожидать отъ народныхъ чтеній той пользы, которая оправдала бы самое ихъ разрѣшеніе. Справки объ означенныхъ лицахъ, независимо данныхъ, имѣющихся у мѣстнаго жандармскаго управленія и у полиціи, могутъ быть, между прочимъ получаемы и отъ предводителей дворянства, земскихъ начальниковъ и пользующихся авторитетнымъ положеніемъ въ уѣздахъ землевладѣльцевъ».

Можно подумать, что при такихъ условіяхъ контроля, надзора и всякаго рода предупредительныхъ мѣръ противъ возможности обращенія народныхъ чтеній въ нѣчто, съ видами правительсто несогласное, дается, по крайней мѣрѣ, болѣе или менѣе полный просторъ лекторамъ избирать книги для чтенія въ зависимости отъ состава аудиторій, уровня умственнаго развитія слушателей и т. д. На практикѣ же ничего подобнаго нѣтъ: до 1896 года и прошедшимъ всѣ вышеуказанныя испытанія лекторамъ разрѣшено было для чтенія лишь 200—250 тощенькихъ брошюрокъ, спеціально для того составленныхъ. Лишь съ этого года, послѣ цѣлаго ряда ходатайствъ о расширеніи каталога чтеній со стороны различныхъ общественныхъ учрежденій, было разрѣшено читать въ народныхъ аудиторіяхъ всѣ книги, допущенныя въ ученическія библіотеки низшихъ учебныхъ заведеній; но и такое расширеніе оказалось на практикѣ, крайне недостаточнымъ, и внѣшкольное образованіе при помощи народныхъ чтеній оставляетъ желать еще очень и очень многаго.

Подводя итоги своей статьи, г. Тулуповъ излагаетъ желательныя улучшенія въ дѣлѣ организаціи народныхъ чтеній въ видѣ слѣдующихъ положеній:

1) Народныя чтенія, при слабомъ развитіи у насъ грамотности, являются въ настоящее время наиболѣе удобнымъ средствомъ для распространенія знаній въ народѣ вмѣстѣ съ тѣмъ за ними слѣдуетъ признать первенствующее значеніе въ дѣлѣ предоставленія народу разумныхъ развлеченій и отвлеченія его отъ пьянства.

2) Устройство народныхъ чтеній должно лежать на обязанности прежде всего нашихъ общественныхъ учрежденій, каковы земства и городскія управленія, что не исключаетъ, конечно, широкаго участія въ этомъ дѣлѣ со стороны просвѣтительныхъ обществъ и кружковъ, а также частныхъ лицъ. Желательно также, чтобы и возникшія почти повсюду попечительства о народной трезвости въ дѣлѣ устроенія народныхъ чтеній проявили свое участіе въ той мѣрѣ, которая соотвѣтствовала бы ихъ средствамъ и положенію.

3) Желательно, чтобы народныя чтенія въ городахъ, а также и селахъ были обезпечены удобными, спеціально приспособленными, помѣщеніями, каковыми являются такъ называемые народные дома.

4) Матеріалъ для чтеній необходимо расширить, хотя бы до размѣровъ, опредѣляемыхъ каталогомъ для безплатныхъ библіотекъ—читаленъ. Въ чтеніяхъ популярно-научныхъ желательна систематичность.

5) Для дѣтей желательно устройство особыхъ чтеній.

6) Желательно удешевленіе фонарей и картинъ, чему можетъ способствовать между прочимъ безпошлинный ввозъ изъ заграницы (ходатайства объ этомъ между прочимъ, были предприняты Курскимъ и Саратовскимъ земствами).

7) Необходимо, чтобы волшебный фонарь былъ принадлежностью каждой сельской школы, служа не только для чтеній, но и для нагляднаго преподаванія.

8) Необходимо, чтобы при каждой земской управѣ былъ достаточный запасъ картинъ къ волшебному фонарю, и чтобы школы, гдѣ устраиваются чтенія, снабжались ими по извѣстному плану. Въ настоящее время такой складъ картинъ существуетъ при елецкой земской управѣ, гдѣ на учительскихъ совѣщаніяхъ выработанъ, между прочимъ, и планъ пользованія ими.

9) Взиманіе платы съ посѣтителей народныхъ аудиторій нежелательно.

10) Желательно, чтобы чтенія, смотря по мѣстнымъ условіямъ, сопровождались музыкальными или вокальными исполненіями.

11) Чтобы обезпечить чтенія достаточнымъ контингентомъ лекторовъ, необходимо ходатайствовать о томъ, чтобы лекторы допускались безъ особаго на то разрѣшенія съ возложеніемъ отвѣтственности на руководителей чтеній.

12) На окраинахъ желательны чтенія на мѣстномъ языкѣ.

13) Желательно введеніе народныхъ чтеній въ обиходъ тюремной жизни.

14) Для изученія вкусовъ и потребностей слушателей, необходимо собираніе свѣдѣній объ отношеніи аудиторіи къ читаемому. Позволимъ здѣсь указать на способъ опроса слушателей, принятый въ с. Смоленскомъ, Петербургской губерніи. Въ аудиторіи вывѣшена кружка, въ которую предлагается опускать записки съ обозначеніемъ, что желательно было бы прослушать, какія чтенія понравились больше и почему.

15) Тамъ, гдѣ чтенія ведутся уже продолжительное время, желательно дальнѣйшее развитіе ихъ въ формѣ публичныхъ лекцій и систематическихъ курсовъ по тѣмъ или другимъ отраслямъ знанія.»

Таковы безусловно желательныя къ осуществленію ихъ въ жизни положенія г. Тулупова касательно народныхъ чтеній. Мы прибавимъ отъ себя пожеланіе, чтобы положенія эти сдѣлались, такъ сказать, программами и лозунгами, около которыхъ должна настойчиво сказываться общественная иниціатива и энергія въ столь настоятельномъ дѣлѣ, какъ правильная постановка одного изъ важнѣйшихъ видовъ внѣшкольнаго образованія народа.

Въ тѣсной связи съ вопросами о поднятіи уровня умственнаго развитія населенія Россіи находятся также и вопросы объ организаціи управленія сельскихъ жителей. О неудовлетворительности этой организаціи и въ частности въ

высшей степени неудовлетворительномъ составѣ волостныхъ писарей въ нашей литературѣ говорилось и говорится очень много. Сильное впечатлѣніе произвели въ свое время полубеллетристическіе очерки покойнаго Астырева. «Въ волостныхъ писаряхъ», а истекшій со времени появленія этого произведенія десятокъ лѣтъ нисколько не подвинулъ къ рѣшенію такъ живо и талантливо затронутые авторомъ вопросы. Предлагались, правда, разныя мѣры, направленныя къ улучшенію личнаго состава волостныхъ писарей, въ родѣ увеличенія имъ содержанія, созданія кассы взаимопомощи для волостныхъ писарей и ихъ помощниковъ и т. д., но всѣ эти мѣры во-первыхъ, не осуществились на дѣлѣ и во-вторыхъ, носятъ слишкомъ палліативный характеръ, чтобы привести къ сколько-нибудь хорошимъ результатамъ. Вопросу о волостныхъ писаряхъ посвящена въ майской книжкѣ «Вѣстника Европы» составленная «по личнымъ воспоминаніямъ и наблюденіямъ» статья г. Маричева подъ заглавіемъ «Волостной писарь и волость». Не предлагая никакого опредѣленнаго рѣшенія по вопросу о волостныхъ писаряхъ и волостномъ управленіи, г. Маричевъ посвящаетъ свою статью изложенію современнаго состоянія этого дѣла и иллюстрируетъ многочисленными, взятыми прямо изъ жизни, примѣрами, то въ высшей степени плачевное положеніе, въ которомъ находится наше сельское управленіе. Авторъ говоритъ, что изъ его статьи читатель увидитъ «къ лучшему или къ худшему измѣнилось положеніе дѣлъ въ волостныхъ правленіяхъ со введеніемъ въ дѣйствіе закона 12-го іюня 1889 года, т.-е. труднѣе ли стало волостнымъ писарямъ совершать свои подвиги при земскихъ начальникахъ, или же, подъ спасительной защитой «сильной власти» и при полной независимости отъ волостного общества, имъ стало еще свободнѣе примѣнять къ дѣлу свое искусство». За полученіемъ отвѣта на этотъ вопросъ отсылаемъ читателя къ статьѣ г. Маричева.

Намъ кажется, что никакія мѣропріятія въ этой области не дадутъ желательныхъ плодовъ, если во главѣ дѣла не будетъ поставлено твердое намѣреніе провести въ жизнь тѣ принципы, которые формулировалъ происходившій недавно въ Петербургѣ съѣздъ дѣятелей по кустарной промышленности. Какъ извѣстно, съѣздъ остановился на развитіи самодѣятельности населенія, какъ на главномъ условіи для поднятія его промышленнаго и общественнаго духа, и призналъ для этого необходимымъ «а) широкое развитіе просвѣщенія на основѣ всеобщаго обученія и надлежащаго простора для взаимодѣйствія образованныхъ слоевъ и трудящихся массъ населенія. б) обезпеченный правопорядокъ и в) свободное устройство образовательныхъ, техническихъ и промышленныхъ союзовъ».

Когда на этомъ фундаментѣ будетъ покоиться жизнь сельскаго населенія и вообще всей Россіи, то—мы глубоко убѣждены въ этомъ—получатъ наилучшее разрѣшеніе и никакъ не двигающіеся теперь впередъ вопросы о волости и волостныхъ писаряхъ.

Въ мартовской книжкѣ «Русскаго Богатства» помѣщена коротенькая, но очень интересная статистическая замѣтка г. М. К., озаглавленная «Образова-

тельный цензъ уѣздныхъ властей въ земскихъ губерніяхъ». На основаніи собранныхъ по этому вопросу и воспроизводимыхъ въ названной статьѣ точныхъ цифръ, авторъ показываетъ, что уровень образованія нашихъ предводителей дворянства, предсѣдателей земскихъ управъ и въ особенности исправниковъ оставляетъ еще желать очень многаго. Вотъ что гласитъ составленная авторомъ татьи табличка.

	Въ процентахъ.			
	Высшее.	Среднее.	Низшее.	Военное.
Предводители	40,79	41,44	17,76	26,64
Предсѣдатели	29,41	43,03	27,52	23,22
Исправники	1,96	29,49	67,93	25,66

Кажется, до «перепроизводства» въ Россіи образованныхъ людей, чѣмъ постоянно волнуется наша охранительная пресса, намъ еще далеко.

За границей.

Американскіе трёсты; Пирпонтъ Морганъ. Пропаганда трезвости. Образованіе трёстовъ (trust) составляетъ одно изъ характерныхъ явленій въ современной экономической жизни Соединенныхъ Штатовъ и встрѣчаетъ даже среди американцевъ многочисленныхъ противниковъ, видящихъ въ такихъ союзахъ предвѣстниковъ финансоваго феодализма и опасающихся, что могущество государства растворится въ могуществѣ всѣхъ этихъ промышленныхъ ассоціацій. Начало этого движенія совпало съ концомъ испано-американской войны, но оно все еще продолжаетъ развиваться, и теперь уже не найдется ни одной области промышленности въ Соединенныхъ Штатахъ, въ которой бы рѣшительное слово не принадлежало какому-нибудь трёсту.

Европа и въ особенности Англія сильно заинтересованы этимъ движеніемъ въ Америкѣ и, главнымъ образомъ, организаціей грандіознаго океанскаго треста подъ руководствомъ Пирпонта Моргана. Этотъ трестъ уже поглотилъ четыре важнѣйшихъ пароходныхъ общества въ Англіи и поставилъ часть англійскаго торговаго флота подъ контроль американскихъ финансистовъ. Англійская печать забила теперь тревогу и предостерегаетъ Англію, что старинная поговорка «Британія царитъ на морѣ» превратится скоро въ пустой звукъ. «Пока еще до этого далеко,—утѣшаютъ нѣкоторыя газеты, — но надо во-время принять мѣры». А между тѣмъ, пока эти мѣры будутъ приняты, океанскій трестъ разрастется и мало-по-малу окончательно окружитъ своею сѣтью Англію и Европу.

Имя Пирпонта Моргана, организатора знаменитаго океанскаго треста, сдѣлалось очень популярнымъ въ Европѣ, и газеты печатаютъ его біографію и статьи о немъ. Моргана называютъ «Self made man», но это не вполнѣ правильно, такъ какъ онъ былъ сыномъ банкира и имѣлъ все-таки нѣкоторое состояніе. Прадѣдъ его эмигрировалъ изъ Англіи въ Массачусетъ и тамъ положилъ основаніе благосостоянію фамиліи Моргана. Пирпонтъ Морганъ прошелъ курсъ бостонской гимназіи и затѣмъ три года пробылъ въ Германіи въ гет-

тингенскомъ университетѣ. 21 года онъ занялъ уже самостоятельное мѣсто въ американскомъ финансовомъ мірѣ и сдѣлалъ своею спеціальностью возстановленіе погибающихъ желѣзнодорожныхъ обществъ, которыя, подъ его руководствомъ, начинали новое существованіе, путемъ организаціи союзовъ или трестовъ. Въ самое короткое время ему удалось подчинить, такимъ образомъ, своему вліянію большую часть восточной и южной желѣзнодорожной сѣти Соединенныхъ Штатовъ. Даже въ Соединенныхъ Штатахъ такой быстрый успѣхъ финансовыхъ предпріятій считается безпримѣрнымъ. Въ первый разъ со времени существованія американскаго союза былъ заключенъ въ Америкѣ, въ 1899 г., европейскій заемъ при посредствѣ фирмы Моргана и затѣмъ въ 1901 г. Морганъ организовалъ свой пресловутый стальной синдикатъ—огромное акціонерное общество, дѣятельность котораго внушаетъ серьезныя опасенія. Во всякомъ случаѣ, такія грандіозныя финансовыя предпріятія, какія возникаютъ теперь благодаря Моргану составляютъ даже въ Америкѣ исключительное явленіе. Морганъ пріѣхалъ въ Лондонъ на нѣсколько дней и въ этотъ короткій промежутокъ времени успѣлъ пріобрѣсти цѣлое общество пароходства, съ 38-ю большими и маленькими судами, и совершилъ это такъ просто и такъ скоро, какъ будто дѣло шло о покупкѣ дома. Вслѣдъ затѣмъ онъ организовалъ гигантское предпріятіе — океанскій синдикатъ, поглощающій теперь вниманіе всего дѣлового міра и возбудившій серьезную тревогу въ Англіи вслѣдствіе присоединенія къ этому синдикату трехъ главнѣйшихъ обществъ трансатлантическаго пароходства. Вообще еще никогда ни одинъ изъ финансовыхъ предпринимателей не заставлялъ такъ много говорить о себѣ и не держалъ весь дѣловой міръ въ такомъ напряженномъ состояніи, какъ Морганъ. Его считаютъ однимъ изъ величайшихъ современныхъ финансовыхъ геніевъ и указываютъ на то, что въ 1895, 1896 и въ декабрѣ 1899 г. онъ спасъ Соединенные Штаты отъ банкротства и предупредилъ всеобщую дѣловую панику. Но для характеристики Моргана интересно то, что этотъ финансистъ, находящійся во главѣ предпріятій, дающихъ занятія 250.000 человѣкъ и доходы и расходы которыхъ равняются доходамъ и расходамъ цѣлаго германскаго государства, самъ ведетъ необыкновенно скромную жизнь, не гонится ни за пышностью, ни за титулами. Единственнымъ его развлеченіемъ служатъ поѣздки на яхтѣ. Во время этихъ поѣздокъ онъ придумываетъ свои грандіозныя финансовыя комбинаціи, которыя и приводитъ въ исполненіе немедленно по своемъ возвращеніи. Но такъ какъ онъ очень несообщителенъ и никому не повѣдаетъ своихъ плановъ, пока они окончально не созрѣютъ у него въ головѣ, то никогда никто не знаетъ, когда онъ уѣзжаетъ на своей яхтѣ, какимъ предпріятіемъ онъ намѣренъ удивить міръ.

Въ Нью-Іоркѣ начался настоящій крестовый походъ противъ воскреснаго пьянства. Изъ 7.000 городскихъ трактировъ, только 1.500 открыты теперь по воскресеньямъ, да и то они не имѣютъ права отпускать спиртные напитки иначе, какъ вмѣстѣ съ обѣдомъ. Недавно даже возникъ по этому поводу любопытный вопросъ, можно ли считать бутербродъ обѣдомъ, такъ какъ въ одномъ изъ трактировъ кліентъ потребовалъ бутербродъ и затѣмъ вина, которое и

было отпущено ему. Вопросъ этотъ былъ переданъ на разсмотрѣніе судьѣ, который и рѣшилъ его въ положительномъ смыслѣ, т.-е., что по закону бутербродъ можно считать обѣдомъ. «Очень часто въ моей молодости, — сказалъ судья, — бутербродъ, даже безъ масла, служилъ для меня обѣдомъ, и я не вижу, почему теперь должно быть иначе. Поэтому я по совѣсти долженъ сказать, что считаю бутербродъ обѣдомъ». Такое рѣшеніе судьи облегчило положеніе трактирщиковъ, которые съ спокойною совѣстью отпускаютъ теперь вино, вмѣстѣ съ бутербродами. Другой законъ, разрѣшающій отпускать напитки путникамъ, также даетъ возможность трактирщикамъ угощать виномъ своихъ кліентовъ, являющихся къ нимъ подъ видомъ путниковъ. Тѣмъ не менѣе дѣло трезвости въ Америкѣ все-таки подвигается впередъ. Почти весь желѣзнодорожный персоналъ принадлежитъ теперь къ обществу трезвости. Крупныя желѣзнодорожныя линіи принимаютъ на службу только такъ называемыхъ «total abstianers», которые могутъ засвидѣтельствовать, что они абсолютно не употребляютъ никакихъ спиртныхъ напитковъ. Между прочимъ въ Соединенныхъ Штатахъ наблюдается любопытное явленіе: по мѣрѣ того, какъ пьянство начинаетъ все болѣе и болѣе распространяться среди зажиточныхъ классовъ, рабочіе становятся приверженцами трезвости. Масса рабочихъ газетъ проповѣдуетъ идеи трезвости и во многихъ мѣстахъ уже продажа вина и пива запрещена окончательно. Напр., въ штатѣ Висконсинъ насчитываютъ уже триста городовъ и деревень, гдѣ нельзя получить никакихъ спиртныхъ напитковъ. Въ штатѣ Нью-Іоркъ, въ 700 мѣстахъ воспрещена продажа спиртныхъ напитковъ; то же самое въ Мэнѣ, Канзасѣ, Вермонтѣ и Іова. Въ штатѣ Георгія продажа спиртныхъ напитковъ допущена только въ нѣкоторыхъ городахъ. Въ Южной Каролинѣ, Массачусетсѣ и Кентуки пропаганда трезвости дѣлаетъ большіе успѣхи. Почти во всѣхъ штатахъ отдѣльнымъ округамъ дано право рѣшать самостоятельно вопросъ о продажѣ спиртныхъ напитковъ и запрещать эту продажу, если населеніе округа найдетъ это нужнымъ. Мѣстное управленіе сельскихъ округовъ пользуется этимъ правомъ въ широкихъ размѣрахъ и помогаетъ распространенію трезвости среди населенія.

Картины французскихъ выборовъ. Выборы въ французскую палату депутатовъ только что закончились полною побѣдою прогрессивныхъ элементовъ, но борьба была жаркая. Какія средства пускались въ ходъ противниками, къ какимъ союзникамъ они прибѣгали, объ этомъ можно судить по разнымъ бурнымъ инцидентамъ, происходившимъ въ разгаръ избирательной агитаціи. «Figaro», напр., описываетъ слѣдующія сцены: «Къ аптекѣ подъѣзжаетъ элегантный экипажъ, изъ котораго выходитъ столь же элегантно одѣтая дама и обращается къ аптекарю: «Могу я говорить съ вами конфиденціально?» — «Къ вашимъ услугамъ, сударыня». — «Нѣтъ, здѣсь я не могу, тутъ насъ могутъ всѣ услышать. Нѣтъ ли у васъ такого мѣстечка, гдѣ бы мы были гарантированы отъ нескромныхъ ушей?» Изумленный аптекарь нѣсколько подозрительно смотритъ на свою посѣтительницу, то тѣмъ не менѣе отводитъ ее въ заднюю комнату. — «Я жена X, — говоритъ она, — мой мужъ, какъ вамъ извѣстно, выступаетъ кан-

дидатомъ въ вашемъ округѣ, но такъ какъ онъ очень занятъ, то я являюсь его представительницей...» Разговоръ продолжается съ полчаса и затѣмъ та же самая исторія повторяется въ лавкѣ бакалейщика, булочника и другихъ торговцевъ. Женщины на этихъ выборахъ, какъ увѣряютъ всѣ французскія газеты, принимали гораздо большее участіе, чѣмъ прежде и агитировали самымъ усерднымъ образомъ. Въ особенности много энергіи обнаружили въ данномъ случаѣ разныя свѣтскія дамы, защитницы клерикализма, монархизма и націонализма во Франціи. Онѣ набирали кліентовъ среди своихъ поставщиковъ, дѣйствуя на нихъ соблазнительными обѣщаніями и угрозами, разными возваніями и заставляя ихъ такимъ образомъ поддерживать своихъ кандидатовъ. Очень знаменательно, что несмотря на всѣ эти махинаціи реакція все-таки понесла пораженіе на парламентскихъ выборахъ. Кассаньякъ напечаталъ въ «Autorité» любопытное письмо, полученное имъ изъ Боньеръ де-Бигоръ. Авторъ письма спрашиваетъ его, нельзя ли найти для этого округа консервативнаго кандидата «молодого и дѣятельного и могущаго истратить отъ 60 до 80.000 фр. на свое избраніе». «При такихъ условіяхъ онъ смѣло могъ бы разсчитывать на большинство въ 1.500—2.000 голосовъ. Округъ бѣденъ—прибавляетъ авторъ письма—и обитатели его избалованы добротою и щедростью своего прежняго депутата, Эдмона Блана, сына арендатора игорнаго дома въ Монако. Бланъ слагаетъ съ себя свои полномочія и вмѣстѣ съ этимъ намѣренъ, повидимому, прекратить и свои полномочія и вмѣстѣ съ этимъ намѣренъ прекратить и свои щедрыя подачки округу. Надо найти на его мѣсто человѣка, который бы могъ проявить такую же щедрость по отношенію къ округу». Кассаньякъ приходитъ въ ужасъ отъ этого письма и отъ сумбура понятій, происходящаго въ головѣ почтенныхъ обитателей Пиренейскаго округа, воображающихъ, что выборы служитъ лишь для того, чтобы снабжать ихъ деньгами. Личность Эдмона Блана, бывшаго представителя этого округа, пользующагося извѣстностью на скачкахъ, къ сожалѣнію, могла только содѣйствовать укрѣпленію этого убѣжденія,—«Крестьяне этого округа, прибавляетъ Кассаньякъ, въ нравственномъ отношеніи гораздо болѣе испорчены, нежели городскіе рабочіе, которымъ заработокъ доставляетъ благосостояніе и независимость и которые не разсчитываютъ на случайныя подачки пріѣзжихъ гостей, наводняющихъ въ извѣстные мѣсяцы пиренейскіе курорты». И развѣ такое явленіе составляетъ исключеніе? Для многихъ округовъ выборы являются манной небесной и притязанія избирателей постоянно возрастаютъ. Кандидатъ, истратившій 80—100.000 фр., чтобы удовлетворить ненасытныхъ избирателей Баньеръ де-Бигорръ, долженъ быть готовъ къ возобновленію такихъ же расходовъ черезъ четыре года. И такъ безъ конца, пока не произойдетъ какая-нибудь серьезная нравственная перемѣна, которая создастъ совершенно иныя условія выборовъ.

Далеко не всѣ кандидаты сами поддерживаютъ свою кандидатуру и принимаютъ непосредственное участіе въ избирательной агитаціи. Вслѣдствіе неопытности, а иногда просто изъ любви къ спокойствію, они предпочитаютъ поручать свое дѣло третьему лицу, а именно избирательному агенту. Такіе избирательные агенты бываютъ разнаго рода. Одни изъ нихъ состоятъ чле-

нами комитета партій и дѣйствуютъ изъ убѣжденія и изъ честолюбія. Но есть избирательные агенты, которыхъ можно назвать «антрепренеромъ выборовъ». Какой-нибудь кандидатъ является къ такому господину и говоритъ ему: «Я хочу быть депутатомъ. Вотъ 50.000 фр. Полагаюсь на васъ». Антрепренеръ тогда принимается за дѣло и выборы устраиваются безъ всякихъ хлопотъ со стороны кандидата. Одинъ французскій журналистъ, сотрудникъ газеты «Temps», посѣтилъ теперь, послѣ выборовъ, одного изъ самыхъ популярныхъ антрепренеровъ желающихъ разумѣется сохранить свое инкогнито. Антрепренеръ пожаловался журналисту на плохія времена. «Ахъ—сказалъ онъ,—мы не увидимъ возрожденія буланжизма! Два раза не бываетъ такой эпохи, то было хорошее время! Теперь кандидаты обращаются къ лигамъ. Лиги убили наше ремесло».—«Да, но вѣдь лига должна же обращаться къ избирательнымъ агентамъ,—замѣтилъ журналистъ.—Почему же она не обращается къ вамъ?»—«Нѣтъ, эти господа предпочитаютъ комитетскихъ избирательныхъ агентовъ,—замѣтилъ меланхолически антрепренеръ,—хотя эти люди неопытны и совсѣмъ не знаютъ ремесла, не умѣютъ какъ мы вести избирательной компаніи, ослѣплять и соблазнять избирателей и заставлять ихъ признать нашего кандидата. Въ результатѣ получается, что кандидатъ, обращающійся къ лигѣ, тратитъ большія деньги и часто безъ всякаго толку».

Журналистъ попросилъ антрепренера разъяснить ему свой способъ дѣйствія. «Я не могу конечно разоблачить вамъ всѣ тайны нашего ремесла,—сказавъ антрепренеръ; но въ общихъ чертахъ объясню вамъ нашу стратагему. Когда мнѣ укажутъ избирательный округъ, въ которомъ я долженъ дѣйствовать, то я собираю свой парижскій персоналъ—50 камло, которыхъ я раздѣляю на два отряда: одни будутъ буржуа, другіе пролетаріи.

«Я покупаю за 25 фр. полный костюмъ для первыхъ, такъ какъ у этихъ бѣднягъ ничего нѣтъ, наряжаю ихъ въ цилиндры или котелки и поручаю имъ разыгрывать роль комми-вояжеровъ, представителей торговыхъ фирмъ и т. д. Они должны заводить знакомство съ избирателями и расхваливать имъ достоинство моего кандидата. Камло-пролетаріи занимаются такою же пропагандою въ кабачкахъ и др. мѣстахъ. Затѣмъ, если устраиваются публичныя собранія, то мои агенты слѣдятъ за тѣмъ, какъ обстоитъ дѣло. Если собраніе принимаетъ оборотъ, невыгодный для моего кандидата, то мои камло прерываютъ рѣчи ораторовъ, свистятъ, лаютъ и производятъ шумъ, какъ только на трибунѣ показывается конкурентъ. Нашимъ же ораторамъ они неистово апплодируютъ. Въ случаѣ, если бы намъ грозило полное пораженіе на митингѣ, наши камло устраиваютъ свалку и заставляютъ прервать митингъ, не допустивъ вотировать резолюцію въ пользу противника. Ну, а на другой день мы, въ своихъ газетахъ, обвиняемъ его друзей въ томъ, что они помѣшали собранію.

— У васъ есть спеціальныя газеты?—спросилъ журналистъ.

— Ну, конечно. Въ одномъ изъ значительныхъ округовъ я основалъ нѣсколько періодическихъ изданій, которыя служатъ представителями каждаго направленія. Такъ, напримѣръ, вооружившись клерикальною газетой, я от-

правляюсь къ духовенству и, искусно заведя разговоръ объ избирательной борьбѣ, начинаю хвалить своего кандидата, подвергающагося нападкамъ ультра-клерикальнаго и монархическаго органа въ этомъ округѣ. Добрякъ кюре, конечно, останавливаетъ мой панегирикъ словами: «Какъ? вѣдь, это атеистъ, франмассонъ!..» — «Какое заблужденіе! — восклицаю я. — Посмотрите-ка, что онъ пишетъ въ своей газетѣ». И я показываю кюре свою клерикальную газету. Къ вліятельнымъ же избирателямъ противоположнаго образа мыслей я посылаю одного изъ своихъ сотрудниковъ: «Да, вѣдь, это клерикалъ, іезуитъ и т. д.», возражаютъ тамъ на похвалы моего сотоварища. Въ отвѣтъ онъ развертываетъ другой, основанный мною органъ, антиклерикальный и демократическій, и старательно доказываетъ, что мой кандидатъ долженъ быть кандидатомъ свободомыслящей партіи...»

— Ну, а вашъ кандидатъ, какого онъ былъ образа мыслей? Кѣмъ онъ былъ?

— Онъ былъ милліонеромъ...

Что касается стоимости выборовъ, то, по словамъ антрепренера, она далеко не одинакова во всѣхъ округахъ. Въ Парижѣ выборы, какъ оказывается, обходятся дешевле, нежели въ провинціи. «Въ нашемъ почтенномъ городѣ можно быть избраннымъ за 85.000 франковъ, — заявляетъ антрепренеръ, — ну, а въ другихъ округахъ все будетъ зависѣть отъ обстоятельствъ и... избирателей».

Передавая свою бесѣду съ антрепренеромъ, журналистъ съ грустью замѣчаетъ, что и система всеобщаго голосованія не избѣгла вліянія испорченности нравовъ. Но принципъ остается великимъ и долженъ восторжествовать въ концѣ-концовъ. «А теперь намъ остается утѣшать себя мыслью, — прибавляетъ журналистъ, — что есть счастливыя исключенія!»

Англійская жизнь. Жизнь консервативнаго женскаго союза «Primrose League» побудила женщинъ либеральнаго образа мыслей тоже организовать союзъ подъ именемъ «Женской либералъ-уніонистской ассоціаціи», къ которой принадлежатъ многія изъ выдающихся женщинъ Соединеннаго королевства. Оба союза пользуются большою популярностью въ англійскомъ обществѣ и оспариваютъ другъ у друга вліяніе. Недавно происходило годовое собраніе «Primrose League», на которомъ предсѣдательствовалъ лордъ Салисбюри, а вслѣдъ затѣмъ состоялось такое же собраніе женской либералъ-уніонистской ассоціаціи, на которой сказалъ замѣчательную рѣчь другой министръ, лордъ Сельборнъ. Онъ также, какъ и лордъ Салисбюри, занимался преимущественно южно-африканскимъ вопросомъ, и оба министра оказались вполнѣ солидарны во взглядахъ на рѣшеніе этого вопроса. И тотъ, и другой высказались въ пользу примирительной политики. Но лордъ Сельборнъ воздалъ при этомъ должное бурамъ и ихъ достоинствамъ и мужеству и прибавилъ слѣдующее: «Въ исторіи этой войны буры будутъ казаться гораздо болѣе великими, нежели мы, и великими не только своими военными качествами, но и своимъ характеромъ». По мнѣнію почтеннаго лорда, причиною того, что буры оказались такими замѣчательными воинами и гражданами, лежитъ именно въ томъ, что они «плохо образованы!» Лордъ Сельборнъ поторопился пояснить свою мысль, которая многимъ показа-

лась странной. «Знаніе мало значитъ, — сказалъ онъ, — а характеръ все! Мы обязаны геройскимъ бурамъ тѣмъ, что поняли эту истину и поэтому мы должны главное значеніе въ нашихъ народныхъ школахъ придавать не такъ называемому образованію, а воспитанію характера».

Въ этихъ словахъ Сельборна заключается явный намекъ на школьную реформу и на взгляды правительства на это дѣло, поэтому-то школьный проектъ и возбуждаетъ особенное вниманіе. Онъ еще не прошелъ въ парламентѣ и пока еще служитъ предметомъ горячихъ толковъ и полемики въ газетахъ. Но то, что лордъ Сельборнъ счелъ нужнымъ въ своей рѣчи намекнуть на школьную реформу, доказываетъ, конечно, какъ сильно заинтересовано въ ней правительство.

Почти одновременно съ этими двумя собраніями происходило и засѣданіе совѣта женской либеральной федераціи, которую называютъ въ Англіи «женскимъ парламентомъ», такъ какъ число членовъ совѣта достигаетъ уже 550. Газеты посвящаютъ цѣлыя статьи засѣданіямъ этого «женскаго парламента», такъ какъ въ немъ разсматриваются обыкновенно самые жгучіе современные вопросы. Послѣднее засѣданіе занималось преимущественно различными сторонами рабочаго вопроса, причемъ отведено было также много вниманія внѣфабричной работѣ, которую признано нужнымъ регулировать, потому что очень часто работа дома, а не въ мастерской, совершается при еще худшихъ гигіеническихъ условіяхъ. Слѣдующимъ важнымъ вопросомъ былъ вопросъ о помѣщеніи—«Housing Problem», какъ называютъ это англійскія газеты. По оффиціальнымъ даннымъ въ Лондонѣ 900.000 человѣкъ страдаютъ отъ тѣсноты и недостатка помѣщеній; при томъ именно терпитъ больше всего трудолюбивая часть населенія, тѣ, кто создалъ богатство страны. «Крупные промышленники должны перенести свою дѣятельность изъ городовъ въ деревни, — сказала докладчица по этому вопросу, мистриссъ Батсонъ.—Образцомъ для нихъ можетъ служить фабрика мистера Кэдбюри въ Бурнвиллѣ!» «Если бы всѣ фабриканты—хозяева мастерскихъ, послѣдовали примѣру мистера Кэдбюри, то рабочій вопросъ, если и не пересталъ бы существовать, то все же потерялъ бы свой острый характеръ», прибавила она въ заключеніе своей рѣчи, покрытой аплодисментами. Послѣ того собраніе вотировало резолюцію о внесеніи въ парламентъ предложеній, касающихся устройства жилищъ для рабочихъ и расширенія дѣятельности женскихъ инспекторовъ, число которыхъ должно быть увеличено.

То, что серьезныя англійскія газеты, какъ «Daily News», «Times» и др., со вниманіемъ слѣдятъ за преніями, происходящими на митингахъ женской федераціи, указываетъ, что этой федераціи придается немаловажное общественное значеніе. «Это маленькій парламентъ (small parliament),—говоритъ «Daily News»,—представляющій собраніе серьезныхъ женщинъ, отдающихъ свое время и свое сердечное вниманіе общественнымъ нуждамъ и отыскивающихъ способы облегчить страданія человѣчества и исправить соціальную несправедливость».

Положеніе фабричныхъ работницъ также составляетъ предметъ особеннаго вниманія женскихъ ассоціацій въ Англіи. Въ Лондонѣ уже съ 1888 года су-

ществуетъ союзъ для организаціи отдыха фабричнымъ работницамъ (Factory Girls lountry Holiday Fund), устроенный миссъ Мери Канней, которая сначала въ видѣ опыта помѣстила въ деревни трехъ больныхъ работницъ для того, чтобы онѣ поправились. Опытъ увѣнчался такимъ успѣхомъ, что на слѣдующій годъ оказалось возможнымъ устроить такой отдыхъ уже 38 работницамъ, и союзъ съ каждымъ годомъ расширялъ свою дѣятельность, такъ что въ 1895 г., какъ видно изъ отчета, 874 работницы пользовались сельскимъ отдыхомъ. Правда, онѣ могли оставаться безъ работы лишь коротое время, отъ 8-ми до 14-ти дней, но даже и такой короткій срокъ пребыванія въ деревнѣ, на свѣжемъ воздухѣ, приносилъ имъ огромную пользу и возстановлялъ ихъ силы.

Организація союза отличается простотой. Онъ не имѣетъ собственнаго помѣщенія за городомъ и распредѣляетъ своихъ кліентокъ по фермамъ, уплачивая за нихъ извѣстную сумму. Въ каждомъ мѣстѣ, гдѣ находятся кліентки союза, о нихъ заботится мѣстный священникъ и какая-нибудь проживающая въ этомъ же округѣ дама; и тотъ, и другая образуютъ наблюдательный комитетъ союза, вѣдающій нужды своихъ кліентокъ. Вообще союзъ не имѣлъ до сихъ поръ недостатка въ добровольныхъ помощникахъ вездѣ и поэтому спокойно разсылаетъ своихъ кліентокъ по разнымъ мѣстамъ. Но, разумѣется, союзъ стремится все-таки къ тому, чтобы организовать собственную «колонію отдохновенія» для работницъ. Энергія его членовъ ручается за то, что цѣль будетъ достигнута.

Ранніе браки въ Англіи. Въ лондонскихъ газетахъ, въ отдѣлѣ судебной хроники, часто можно встрѣтить отчеты о разбирательствѣ въ полицейскомъ судѣ супружескихъ жалобъ, причемъ приглашенные въ судъ супруги, на которыхъ приносится жалоба за отсутствіе заботливости о семьѣ, оказываются порою необыкновенно молоды, это 17-ти 18-ти-лѣтніе мальчики, успѣвшіе, однако, обзавестись женой и дѣтьми. Недавно въ одинъ изъ полицейскихъ судовъ въ Лондонѣ явилась 16-ти-лѣтняя женщина съ ребенкомъ на рукахъ, жаловавшаяся на то, что мужъ не хочетъ содержать ее и ребенка. Мужъ ея 17-ти-лѣтній юноша служитъ посыльнымъ и зарабатываетъ 16 шиллинговъ въ недѣлю, что, разумѣется, мало для содержанія семьи въ Лондонѣ. Мужъ, въ свою очередь, жаловался на свою жену, что она ничего не умѣтъ дѣлать, долго спитъ и не заботится о хозяйствѣ.

Такого рода факты въ Лондонѣ далеко не составляютъ исключенія. Какъ оказывается по статистикѣ, въ Лондонѣ находятся 1.300 брачныхъ паръ, не достигшихъ 20-ти-лѣтняго возраста, и даже бываютъ случаи, что выходятъ замужъ 13-ти-лѣтнія дѣвочки. По послѣднимъ статистическимъ отчетамъ въ Лондонѣ проживаютъ 10 замужнихъ женщинъ; едва достигшихъ 15-ти-лѣтняго возраста; 23—16 лѣтъ; 164—17 лѣтъ, 971—18 лѣтъ; 2.712—19 и 6.632—20 лѣтъ. Мужчинъ женатыхъ въ возрастѣ отъ 16 до 19 лѣтъ—787 и 20 лѣтъ—2.022.

Статистика указываетъ также, что наибольшее число раннихъ браковъ падаетъ на бѣднѣйшіе кварталы; простыя подёнщики, едва зарабатывающіе на

*

кусокъ хлѣба, женятся гораздо чаще и раньше обезпеченныхъ ремесленниковъ и вообще зажиточныхъ людей. Разница въ этомъ отношеніи между бѣдными и богатыми кварталами Лондона очень велика. Въ Баттерзеа, напримѣръ, въ одномъ изъ лучшихъ западныхъ кварталовъ Лондона насчитывается всего 134 женатыхъ въ возрастѣ 19 лѣтъ; 308—20 лѣтъ и 3.677—21 года, тогда какъ въ Стинней, бѣднѣйшемъ изъ восточныхъ кварталовъ, получены слѣдующія цифры: 371, 898 и 8.884. Разумѣется, большинство этихъ раннихъ браковъ несчастны, и такая семья страшно бѣдствуетъ. Большею частью юныя жены не умѣютъ ничего дѣлать, ни стряпать, ни шить, и не привыкли ни къ какой домашней работѣ, что вполнѣ понятно, такъ какъ онѣ выросли въ такой же бѣдной семьѣ, въ тѣсномъ и грязномъ помѣщеніи и, за исключеніемъ обязательныхъ часовъ которые онѣ должны были проводить въ школѣ, все остальное время онѣ проводили на улицѣ. Ихъ мужья получили точно такое же уличное воспитаніе. Обыкновенно эти юноши, выбирая себѣ подругу жизни изъ своей среды, разсчитываютъ, прежде всего, имѣть въ ней даровую прислугу, прачку и кухарку, но ихъ скоро постигаетъ разочарованіе, такъ какъ эти дѣвочки, выросшія на улицѣ, не умѣтъ ни стряпать, ни стирать. Большая часть этихъ браковъ кончается тѣмъ, что супруги добровольно расходятся. Но иногда къ этому вынуждаетъ бѣдность или преступленіе одного изъ супруговъ, приводящее въ тюрьму. Въ лондонскихъ рабочихъ домахъ содержится много женатыхъ мужчинъ и замужнихъ женщинъ, вдовцовъ и вдовъ, въ возрастѣ отъ 15 до 16 лѣтъ. Статистика лондонскихъ тюремъ указываетъ, что изъ 850 заключенныхъ несовершеннолѣтнихъ—болѣе 200 женаты. По даннымъ послѣдней переписи въ Англіи и Уэльсѣ 56.398 женатыхъ мужчинъ и женщинъ не достигли еще совершеннолѣтія. За послѣднія 50 лѣтъ число раннихъ браковъ, особенно въ Лондонѣ, значительно увеличилось, несмотря на ухудшеніе соціальныхъ условій. Нѣкоторыя изъ ассоціацій, поставившихъ себѣ цѣлью борьбу съ соціальнымъ зломъ, обратили на это вниманіе и занимаются въ настоящее время розыскиваніемъ въ лондонскихъ бѣднѣйшихъ кварталахъ такихъ дѣтскихъ супружествъ и улаженіемъ ихъ затрудненій. Въ то же время эти ассоціаціи ведутъ пропаганду противъ подобныхъ раннихъ необдуманныхъ браковъ. Большія лондонскія газеты также заговорили объ этомъ. По ихъ мнѣнію, при существующихъ условіяхъ, ранніе браки приходится считать зломъ, съ которымъ надо бороться. Однако среди соціальныхъ проповѣдниковъ далеко не всѣ раздѣляютъ такіе взгляды на ранніе браки и только находятъ, что нужно установить закономъ извѣстный возрастъ для вступленія въ бракъ и нельзя допускать браковъ между тринадцатилѣтними дѣвочками и шестнадцатилѣтними мальчиками, а затѣмъ надо позаботиться о томъ, чтобы дѣвочки въ бѣднѣйшихъ кварталахъ не только обучались грамотѣ въ школѣ, но и пріобрѣтали другія знанія, которыя могутъ имъ впослѣдствіи пригодиться въ домашней жизни.

Вмѣстѣ съ послѣднею народною переписью въ Лондонѣ была въ первый разъ подведена въ лондонскомъ графствѣ статистика женскаго труда, причемъ работницы подраздѣлены на незамужнихъ, замужнихъ и вдовъ. Оказывается,

что общее число работницъ въ Лондонѣ, старше десятилѣтняго возраста, достигаетъ 1.924.368, причемъ незамужнихъ—933.754. «Эта цифра незамужнихъ работницъ, которыя должны фабричнымъ или инымъ трудомъ зарабатывать для себя кусокъ хлѣба,—говоритъ «Daily News»,—служитъ самымъ краснорѣчивымъ аргументомъ противъ стереотипной фразы о томъ, что призваніемъ женщины должна быть семья и домашній очагъ и по этому незачѣмъ открывать имъ доступъ въ различныя профессіи. Но число замужнихъ работницъ также съ достаточною ясностью указываетъ, что семья и домашній очагъ въ огромномъ числѣ случаевъ не могутъ обойтись безъ женскаго труда».

Итальянскій бандитъ XX вѣка. Въ Италіи, въ городѣ Мокка, разбирается въ данный моментъ очень любопытный процессъ, бросающій яркій свѣтъ на характеръ и взгляды населенія южной Италіи, въ особенности Калабріи. Это процессъ Музолино, представляющій настоящую «cause célèbre» и поглощающій общественное вниманіе Италіи настолько, что Музолино превратился въ настоящаго «героя дня». Несмотря на то, что онъ сдѣлалъ 13 покушеній на убійство, публика, наполняющая залу суда, относится къ нему скорѣе симпатично, и это очень характерно для образа мыслей калабрійцевъ. Музолино бѣжалъ изъ тюрьмы, потому что считалъ себя невинно осужденнымъ (его судили за покушеніе на убійство) и рѣшилъ отомстить всѣмъ тѣмъ, кого считалъ виновниками своего осужденія, свидѣтелямъ, судьямъ и. т. д. Какъ и всѣ его соотечественники, онъ находилъ, что, мстя врагамъ, онъ исполняетъ лишь священный долгъ и никто не имѣетъ права въ это вмѣшиваться. Такой взглядъ раздѣляетъ, повидимому, значительная часть публики, смотрящая на обычай «vendetta», какъ на частное дѣло, котораго судъ даже не долженъ касаться. Само собою разумѣется, что при господствѣ такихъ взглядовъ, Музолино не могъ считать себя виноватымъ и не считаетъ таковымъ и теперь. «Я не былъ никогда бандитомъ!» объявилъ онъ судьѣ высомѣрнымъ тономъ. Дѣйствительно, онъ никогда не убивалъ ради грабежа и съ гордостью заявляетъ объ этомъ. Цѣлыхъ два года онъ скрывался въ горахъ и 800 человѣкъ солдатъ и полицейскихъ неустанно розыскивали его, но ему удавалось скрываться отъ нихъ и спасаться отъ ихъ преслѣдованій, благодаря сочувствію населенія. Разумѣется, это сочувствіе онъ пріобрѣлъ только потому, что онъ былъ «мститель», а не разбойникъ. Всѣ усилія доказать на судѣ, что онъ выманивалъ или грабилъ деньги, оказались безуспѣшны.

Музолино ни за что не хотѣлъ предстать въ судъ въ одеждѣ каторжника и требовалъ, чтобы ему разрѣшили надѣть гражданское платье, хотя это и противозаконно, «иначе меня присяжные примутъ за разбойника,—замѣтилъ онъ предсѣдателю суда,—если они увидятъ меня въ тюремной одеждѣ. Пока мнѣ не дадутъ другой одежды и не позволятъ одѣться, какъ порядочному человѣку, я низачто не покажусь въ судъ. Пускай судятъ меня безъ меня!» Предсѣдатель, думая склонить его, сказалъ ему, что вовсе не въ одеждѣ дѣло, а въ его собственныхъ оправданіяхъ, которыя могутъ убѣдить присяжныхъ въ томъ, что онъ не бандитъ. Но на это Музолино довольно ловко возразилъ

предсѣдателю: «Точно такъ, signor presidente, но вѣдь если бы вы были одѣты, какъ фермеръ, то никто бы не принялъ васъ за судью». Въ концѣ концовъ, судъ уступилъ настояніямъ Музолино, и ему было позволено снять арестантское одѣяніе на время судебнаго разбирательства, затѣмъ онъ объявилъ, что будетъ говорить на судѣ, но подъ условіемъ, чтобы его не прерывали. Когда судья остановилъ его какимъ-то замѣчаніемъ, то онъ довольно строго замѣтилъ ему: «Не прерывайте меня!» Онъ разсказалъ свою жизнь въ горахъ Аспромонте, гдѣ онъ скрывался въ теченіе многихъ мѣсяцевъ. «Я никогда не нападалъ ни на кого, кромѣ своихъ враговъ и измѣнниковъ,—сказалъ онъ.— Часто я видѣлъ проходящихъ мимо моего тайнаго убѣжища карабинеровъ, но я ихъ не трогалъ, и единственный карабинеръ, котораго я ранилъ, былъ тотъ, который выстрѣлилъ въ меня два раза». Этотъ карабинеръ, обремененный семьею, старался выслѣдить Музалино, для того, чтобы получить назначенную за него премію. Однажды онъ прошелъ мимо Музолино, притаившагося въ кустахъ. Музолино крикнулъ ему, чтобы онъ остановился, иначе онъ, Музолино, будетъ стрѣлять. Испуганный карабинеръ исполнилъ приказаніе. Тогда Музолино выхватилъ у него ружье, разрядилъ его и затѣмъ, зарядивъ его дробью, приказалъ карабинеру убираться, когда же тотъ пустился бѣжать, то онъ выстрѣлилъ ему въ ногу, «чтобы проучить его». «Я не хотѣлъ убивать его,—прибавилъ Музолино,—потому что онъ—отецъ семейства».

Музолино внушалъ священный страхъ калабрейской стражѣ и въ этомъ можно было убѣдиться на судѣ, такъ какъ стражники, вызванные въ судъ свидѣтелями, проходя мимо рѣшетки, за которою сидѣлъ Музолино, крестились и явно испытывали трепетъ, какъ будто Музолино находился на свободѣ.

Замѣчательно, что всего лишь одинъ человѣкъ, сынъ котораго, карабинеръ, былъ убитъ Музолино, явился въ судъ въ качествѣ истца. Остальные калабрійцы, родственники убитыхъ, не явились въ судъ, отчасти потому что они считаютъ месть семейнымъ дѣломъ и одинъ изъ нихъ откровенно заявилъ, что если Музолино снова очутится на свободѣ, то онъ или его дѣти постараются убить его, чтобы отомстить за пролитую кровь, но онъ не станетъ унижать себя, выступая противъ него свидѣтелемъ на судѣ. Калабрійская честь не дозволяетъ этого и при такихъ воззрѣніяхъ на честь, господствующихъ среди всего населенія Калабріи, не только самъ Музолино не считаетъ себя преступникомъ, но и всѣ калабрійскіе крестьяне раздѣляютъ ею взгляды на убійство. «Месть—священное дѣло», говорятъ они, и, вслѣдствіе этого, судъ оказывается въ крайне трудномъ положеніи, такъ что все судебное разбирательство пріобрѣтаетъ довольно своеобразный характеръ, въ особенности интересный для этнографовъ и психологовъ.

Свидѣтели, вызванные обвинительною стороной, зачастую своими безъискусственными разсказами выставляли Музолино совершенно въ иномъ свѣтѣ, чѣмъ то было бы желательно обвиненію. Музолино, напримѣръ, постоянно настаиваетъ на томъ, что онъ былъ невинно осужденъ и что онъ преслѣдовалъ только тѣхъ людей, которые хотѣли захватить его, чтобы послать на каторжныя работы, и если ему случалось иной разъ нечаянно ранить безвин-

ныхъ людей, то его мучила совѣсть и онъ всячески старался загладить сдѣланное зло. И вотъ, вызванный обвиненіемъ бригадиръ Анджелоки, который былъ раненъ Музолино, разсказалъ, что Музолино ухаживалъ за нимъ, перевязывалъ ему рану и бѣгалъ для него за льдомъ къ сосѣднимъ пастухамъ. Вообще, этотъ человѣкъ, хладнокровно убивавшій тѣхъ, кого онъ считалъ своими врагами, выказалъ въ этомъ отношеніи необычайную чувствительность и трогательную заботливость о человѣкѣ, котораго онъ считалъ невинно пострадавшимъ.

Конечно, это показаніе свидѣтеля произвело такую сенсацію въ залѣ суда, что даже Музолино замѣтилъ это и обратившись къ адвокату противой стороны, который вызвалъ этого свидѣтеля, сказалъ насмѣшливо: «Grazzia, signor avvocato!» (Благодарю васъ г. адвокатъ). Адвокатъ послѣ этого, желая сгладить благопріятное впечатлѣніе, сталъ говорить, что Музолино писалъ письма, посредствомъ которыхъ онъ выманивалъ деньги. Музолино вскипѣлъ. «Музолино честный человѣкъ!—вскричалъ онъ, говоря о себѣ въ третьемъ лицѣ.—Никогда онъ не писалъ такихъ писемъ. Другіе пользовались его именемъ и писали ихъ!» Дѣйствительно, одинъ бригадный капитанъ подтвердилъ это и разсказалъ, что въ то время, когда Музолино находился въ бѣгахъ, разныя лица назывались его именемъ и являлись къ зажиточнымъ гражданамъ Калабріи, выманивая у нихъ деньги.

Судъ надъ Музолино затягивается вызовомъ свидѣтелей и разными побочными инцидентами и, главнымъ образомъ, распрей между адвокатами. Было даже нѣсколько дуэлей. Все это заставляетъ предполагать, что участь Музолино еще не скоро рѣшится.

Общественные вопросы въ Германіи. Вопросъ о допущеніи женщинъ въ политическія собранія не сходитъ со сцены въ Германіи. Въ прусской палатѣ депутатовъ недавно происходили по этому поводу весьма горячія пренія, вызванныя петиціей ферейна прусскихъ народныхъ учительницъ, требующихъ допущенія женщинъ къ участію въ политическихъ союзахъ. Депутатъ Кригеръ, свободомыслящій, обратился къ палатѣ съ просьбой отнестись къ этой петиціи доброжелательно. «Женщина играетъ все болѣе и болѣе выдающуюся роль въ общественной жизни, и содержаніе порядка въ домѣ мужчины не составляетъ уже ея единственной обязанности, какъ прежде,—сказалъ онъ.—Мы видимъ, что женщина занимаетъ различныя общественныя должности и поэтому ей нельзя отказывать въ правѣ участвовать въ политическихъ ферейнахъ, посѣщать ихъ собранія и т. д. Министръ внутреннихъ дѣлъ заявилъ, что онъ допуститъ женщинъ въ политическія собранія, лишь съ тѣмъ условіемъ, чтобы онѣ занимали тамъ отдѣльныя опредѣленныя мѣста. Но такое распоряженіе носило бы не германскій, а восточный характеръ».

Министръ внутреннихъ дѣлъ фонъ-Гаммерштейнъ призналъ въ своей рѣчи, что дѣятельность женщинъ дѣйствительно очень расширилась въ новѣйшія времена. «Разумѣется, этотъ фактъ слѣдуетъ привѣтствовать съ радостью вслѣдствіе многихъ соціальныхъ соображеній,—прибавилъ онъ,—и для жен-

щины это, несомнѣнно, имѣло благодѣтельные результаты. Но какъ далеко слѣдуетъ допускать участіе женщинъ въ общественной жизни—на этотъ счетъ мнѣнія расходятся въ цѣломъ мірѣ. Конечно, мы всѣ согласны съ тѣмъ, что въ области благотворительности дѣятельность женщины для всѣхъ насъ незамѣнима. Но можетъ ли быть полезна ея дѣятельность въ политическомъ отношеніи, хотя бы въ отдаленномъ будущемъ?—на этотъ счетъ могутъ существовать сомнѣнія. Условія не измѣнились въ этомъ отношеніи съ тѣхъ поръ, какъ 50 лѣтъ тому назадъ былъ изданъ указъ, устанавливающій права собраній и ферейновъ, и мы стоимъ и теперь на той же самой точкѣ зрѣнія, на какой мы стояли 50 лѣтъ назадъ, и, по моему мнѣнію, это вполнѣ правильно, что въ чисто политическихъ ферейнахъ женщинамъ дѣлать нечего. Я не желаю допускать женщинъ къ участію въ политическихъ преніяхъ и дать имъ возможность вмѣшиваться въ политическія дѣла. Для насъ было бы печально, если бы женщины, со своею легкою возбудимостью, стали дѣйствовать на народъ! Мы должны остерегаться этого, поэтому за полиціей должно быть сохранено право вмѣшаться, если она найдетъ нужнымъ, но иначе обстоитъ дѣло, если женщины будутъ только зрительницами и слушательницами въ политическихъ собраніяхъ. Тогда онѣ должны занимать мѣста, совершенно отдѣленныя отъ участниковъ собранія, и, такимъ образомъ, ихъ положеніе, какъ простыхъ слушательницъ и зрительницъ, будетъ удостовѣрено. Если женщины будутъ являться лишь какъ зрительницы и если это будетъ подчеркнуто внѣшнимъ образомъ тѣмъ, что онѣ будутъ занимать отдѣльныя мѣста, то въ такомъ случаѣ онѣ могутъ вполнѣ разсчитывать на нашу любезность и предупредительность. Пусть же онѣ поостерегутся нарушить эти правила, такъ какъ въ такомъ случаѣ легко можетъ быть, что мы будемъ вынуждены прибѣгнуть къ строгому выполненію закона».

Разумѣется, эта рѣчь Гаммерштейна, вызвавшая демонстративное сочувствіе правой въ прусской палатѣ и одобрительные отзывы консервативной печати, возбудила снова горячую полемику въ германскихъ газетахъ. Либеральная печать иронически поздравляетъ германское правительство, Гаммерштейна и консерваторовъ, что они оказываются такими стойкими. «Въ самомъ дѣлѣ, извольте-ка устоять на одномъ мѣстѣ въ теченіе 50 лѣтъ, когда кругомъ все движется и устремляется впередъ!—восклицаетъ одна изъ либеральныхъ газетъ.—Но консерваторы и правительство съ Гаммерштейномъ во главѣ сумѣли выполнить этотъ фокусъ. Для нихъ то, что мы всѣ именуемъ женскимъ вопросомъ, не существуетъ вовсе. Какіе же могутъ быть разговоры по этому поводу съ фонъ-Гаммерштейномъ? Вѣдь не всякій способенъ простоять 50 лѣтъ на одномъ мѣстѣ, какъ онъ, или настолько же лѣтъ вернуться назадъ!»

Тѣмъ не менѣе уже то, что прусскій министръ допускаетъ присутствіе женщинъ, хотя бы въ качествѣ зрительницъ и слушательницъ, на политическихъ собраніяхъ составляетъ нѣкоторый шагъ впередъ. Такъ поняли это и передовыя женщины Германіи, опубликовавшія воззваніе, въ которомъ приглашаютъ женщинъ посѣщать все-таки политическіе ферейны и собранія, для того, чтобы ознакомиться съ главными политическими вопросами, имѣющими для

женщинъ такое же важное значеніе, какъ и для мужчинъ. «Присутствуя пока только въ качествѣ слушательницъ и зрительницъ на политическихъ собраніяхъ,—говорится въ этомъ воззваніи,—мы можемъ получить недостающее намъ политическое воспитаніе».

Изъ иностранныхъ журналовъ.

Больная Англія.—Женщины писательницы въ Германіи.—Императоръ Вильгельмъ и Сесиль Родсъ.—Культура турецкихъ женщинъ.

Въ статьѣ о болѣзняхъ, подтачивающихъ нѣкогда здоровый организмъ Англіи, напечатанной въ «Revue des Revues», Жакъ Фино говоритъ, что въ числѣ причинъ, вызвавшихъ ослабленіе Англіи, главное мѣсто принадлежитъ причинамъ нравственнаго свойства. Въ своей страстной погонѣ за богатствомъ Англія потеряла многія изъ своихъ прежнихъ душевныхъ качествъ, которыя могли обезпечить ей счастье и довольство. По мѣрѣ того, какъ увеличивалось число ея колоній и накоплялись ея національныя богатства, ея международныя соціальныя отношенія падали. Цивилизаторская миссія англійскаго народа постепенно отошла на второй планъ и на первый планъ выступили «аппетиты» завоевательнаго народа. Мало-по-малу Англія почувствовала себя изолированной и ненавидимой всѣми. Священнымъ алтаремъ для Англіи сдѣлалась торговая контора, и на этотъ алтарь она приноситъ въ жертву всѣ свои прежнія честолюбивыя стремленія и мечты. Въ настоящее время существуетъ странное противорѣчіе между честностью англичанъ въ частныхъ сношеніяхъ и ихъ полнымъ презрѣніемъ къ принципамъ справедливости въ международныхъ отношеніяхъ. Это противорѣчіе, по мнѣнію Жака Фино, особенно рѣзко выразилось во время гаагской конференціи, гдѣ, благодаря Англіи, потерпѣли неудачу нѣсколько важныхъ для будущаго человѣчества проэктовъ. Слишкомъ усиленно занимаясь торговлей, англичане, мало-по-малу, пріобрѣли недостатки, свойственные этого рода занятію—они совершенно потеряли способность увлекаться абстрактными идеями, напр., идеей равенства, братства и т. п., какъ это случалось съ другими народами. Англичанинъ обыкновенно не замѣчаетъ ничего, кромѣ своей матеріальной и непосредственной выгоды, и, вслѣдствіе этого, англійское правительство вынуждено, если только оно не желаетъ сдѣлаться непопулярнымъ, главное свое вниманіе удѣлять торговлѣ страны и заботиться о грубой силѣ, не обращая вниманія ни на какія нравственные принципы, которые могутъ мѣшать примѣненію этой грубой силы. Англійскій геній воплощался въ лордѣ Пальмерстонѣ, а теперь въ Чэмберленѣ, но благородный Гладстонъ былъ уклоненіемъ. Что касается Чэмберлена, то англичане охотно прощаютъ ему и его безтактность въ общественной жизни, и его министерскую недобросовѣстность, именно потому, что онъ понялъ и открыто проводитъ въ своей дѣятельности девизъ англійскаго народа: «Самолюбіе и интересы англичанъ выше всего!» Сравните политическія рѣчи французскихъ и англійскихъ ораторовъ и вы увидите, какъ много высказывается альтруистическихъ воззрѣній

въ однихъ и какъ мало въ другихъ! Англійскіе политическіе дѣятели и государственные люди, прежде всего, имѣютъ въ виду интересы митрополіи и и передъ этими интересами должны отодвигаться на задній планъ страданія 290 милліоновъ индусовъ. То же относятся и къ бурамъ. Жалобы этого маленькаго и несчастнаго народа почти не встрѣчаютъ отзвука въ Англіи. Но серія несчастій, которыя обрушились на Англію въ настоящее время, должна имѣть благопріятное вліяніе на ея судьбу и косвеннымъ образомъ на судьбу Европы. Уже теперь Англіи пришлось отказаться отъ своего прежняго принципа «splendid isolation», который служилъ лишь выраженіемъ эгоизма, сознающаго свою силу. Союзъ съ Японіей, можетъ быть, представляетъ первый шагъ къ другимъ союзамъ. Потерявъ престижъ своей силы, Англія теперь должна постараться возстановить свои связи съ остальнымъ цивилизованнымъ міромъ и на могилѣ ея финансоваго и коммерческаго господства, можетъ быть, возродится международная солидарность. Англія возстанетъ въ будущемъ лучшей, чѣмъ она была до сихъ поръ; душа народа не можетъ сохранять неподвижную форму. Историческія условія дѣйствуютъ на нее и постепенно измѣняютъ ея форму, иногда совершенно передѣлывая ее по новому. Пока народъ представляетъ изъ себя скалу, о которую разбиваются человѣческія волны, онъ можетъ сохранять въ своемъ олимпійскомъ величіи свой эгоизмъ и свою жестокость. Но если скала пошатнется, то народъ долженъ спуститься волей-неволей къ простымъ смертнымъ, стоящимъ у подножія скалы, раздѣлить ихъ радости и горести и привыкнуть къ солидарности, благодаря которой сдѣлается возможнымъ осуществленіе мечты о всеобщемъ разоруженіи и всеобщемъ мірѣ. «И вотъ, благодаря этому,—говоритъ Жакъ Фино,—Англія XX вѣка, хотя и будетъ болѣе слабой, чѣмъ Англія XIX вѣка, но въ то же время она станетъ болѣе гуманной, болѣе любящей и, вслѣдствіе этого, болѣе любимой».

Шарль Оммонъ въ «Revue des Revues» посвящаетъ свой очеркъ женщинамъ писательницамъ въ Германіи. Уже въ X вѣкѣ, при Оттонѣ I, женскіе монастыри въ Германіи были очагами германской литературы. Монахини изучали латинскихъ авторовъ и старались имъ подражать. Но въ XVIII вѣкѣ женская германская литература пріобрѣла особенный блескъ и затѣмъ постепенно развивалась, участвуя во всѣхъ эволюціяхъ германскаго общества въ теченіе XVIII и XIX вѣка. Въ 1870 г. Берлинъ сдѣлался центромъ политической, общественной и частной жизни германской націи и послѣ франкфуртскаго трактата къ Берлину устремились люди изъ разныхъ концовъ Германіи, такъ какъ въ этомъ городѣ сосредоточивались всѣ надежды и мечты о славѣ. Тамъ появились новые пророки, съ презрѣніемъ относившіеся къ старому литературному поколѣнію до войны. Послѣднимъ убѣжищемъ старой литературы начала XIX вѣка былъ салонъ писательницы Элизы Гогенштауфенъ. Тамъ собирались приверженцы стараго литературнаго теченія; принцъ Георгъ Прусскій читалъ тамъ свои стихи, которыя онъ подписывалъ «Conrad», и тамъ возникали споры о Шиллерѣ и Гёте. Но молодые, между тѣмъ, одерживали побѣду за побѣдой. Натуралисты пріобрѣтали все больше сторонниковъ, и женщины,

вступивъ въ общества, основанныя съ цѣлью положить конецъ тираніи прошлаго, поставили себѣ главною цѣлью раскрытіе новыхъ соціальныхъ явленій, до тѣхъ поръ не прослѣдованныхъ, и одно изъ первыхъ мѣстъ занялъ феминизмъ. Женская душа подверглась въ литературныхъ произведеніяхъ самому тонкому и тщательному анализу и конечно это изслѣдованіе женской души лучше всего могли сдѣлать женщины писательницы. Передъ женскою литературой въ Германіи открывалось въ этомъ отношеніи широкое и неизвѣданное поле, которое она могла культивировать съ большою пользою для себя, выполняя, такимъ образомъ, соціальную миссію, заключающуюся въ своей собственной эмансипаціи.

Современная германская критика съ большою похвалой отзывается о писательницѣ Маріи Эбнеръ фонъ-Эшенбахъ. Но публика повидимому не раздѣляетъ мнѣнія критики, на что указываетъ статистика книжной торговли въ Германіи. Изъ документовъ, доставленныхъ наиболѣе значительными германскими библіотеками, видно, что произведенія Маріи Эшенбахъ читаются очень мало. Германская публика не хочетъ идти по тому пути, на который ей указываютъ ея руководители; она выбираетъ другую дорогу. Выразительницей новыхъ тенденцій въ современной литературѣ являются Габріель Рейтеръ. Она раскрываетъ женскую душу и описываетъ то, что можетъ только чувствовать и испытывать женщина, и поэтому ея первый романъ заставилъ встрепенуться всѣхъ женщинъ, показывая имъ то, что происходитъ въ женской душѣ. Но во главѣ всей литературы и современнаго германскаго романа стоитъ Клара Вибигъ. Она родилась въ 1860 г. въ Трестѣ, а въ 1897 г. напечатала собраніе повѣстей: «Die Kinder der Eiffer», въ которомъ она изображаетъ съ удивительнымъ художествомъ и соблюденіемъ мѣстнаго колорита свою родную страну. Но теперь она вступила въ область соціальнаго романа и отъ этого яркость красокъ у нея поблекла. Ей слѣдовало постоянно дышать живительнымъ воздухомъ своихъ родныхъ полей, но она предпочла ему зараженную атмосферу столицы и это вліяніе отразилось на ея послѣднихъ литературныхъ произведеніяхъ, которыя представляютъ каррикатуру на берлинское общество, но каррикатуру мертвую, а не живую. Во всякомъ случаѣ теперь Клара Вибигъ героиня дня, ея романъ «Das tägliche Brod» поглощается всѣми классами и читателями Германіи. Новый ея романъ, только что вышедшій «Wacht am Rhein» уже ради только одного названія долженъ имѣть такой же успѣхъ. Но развѣ это не указываетъ, прибавляетъ авторъ статьи—что литературные вкусы германской публики въ 1902 году еще далеко нельзя назвать вполнѣ здравыми и установившимися?

Мистриссъ Мери Мильсъ Патрикъ, состоящая президентомъ женской американской колоніи въ Константинополѣ, помѣщаетъ въ «New Liberal Rewiew» статью о культурѣ среди турецкихъ женщинъ. По ея словамъ, за послѣдніе годы произошли замѣчательныя перемѣны въ этомъ отношеніи. Интеллектуальное развитіе турецкихъ женщинъ сдѣлало огромные успѣхи и очень многія изъ турецкихъ дамъ, скромно закрывающія свои лица покрывалами

въ уваженіе къ турецкимъ обычаямъ, въ то же время состоятъ сотрудницами журналовъ и пишутъ статьи о какихъ-нибудь научныхъ вопросахъ для ежедневныхъ газетъ или обсуждаютъ проблемы англо-бурской войны. Нѣкоторыя изъ турецкихъ женщинъ, имѣя какія-нибудь судебныя дѣла, сами защищаютъ ихъ на судѣ, не прибѣгая къ адвокатамъ, многія женщины самостоятельно занимаются торговлей въ разныхъ частяхъ турецкой имперіи и вообще выказываютъ стремленія къ независимости. Но таланты турецкихъ женщинъ въ настоящее время всего сильнѣе проявляются въ литературѣ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ былъ основанъ въ Константинополѣ журналъ, въ которомъ участвовали преимущественно турецкія женщины, хотя издавалъ его мужчина. Литература представляла излюбленную профессію женщинъ и число женщинъ писательницъ въ Турціи съ каждымъ годомъ возрастаетъ. Очень много беллетристокъ, но есть также писательницы публицистки и такія, которыя пишутъ популярныя научныя статьи. Одна изъ такихъ женщинъ писательницъ состоитъ постоянною сотрудницей большой константинопольской газеты, другая издала цѣлую книгу по педагогикѣ, а третья приготовляетъ комментарій къ Корану. Многія женщины начинаютъ серьезно учиться по выходѣ замужъ и, по словамъ мистриссъ Патрикъ, обнаруживаютъ большія способности, въ особенности къ языкамъ. Въ Турціи въ лучшихъ классахъ общества встрѣчаются очень образованныя женщины, прекрасно владѣющія двумя или тремя европейскими языками.

Берлинская рабочая школа.

(Письмо изъ Берлина).

Знаніе—великая сила. Въ борьбѣ за существованіе, за лучшее соціальное положеніе, знаніе является однимъ изъ самыхъ могучихъ и цѣнныхъ орудій. Не только спеціальное, техническое знаніе, безъ котораго, понятно, ни одинъ спеціалистъ обойтись не можетъ, но и знаніе общее, знаніе, помогающее осмысливать окружающую дѣйствительность, дающее возможность понять и оцѣнить дѣйствующія въ обществѣ силы и уразумѣть роль свою и значеніе въ дѣлѣ созиданія новыхъ, высшихъ формъ общественнаго бытія. Эта простая и, кажется, безспорная, но далеко еще не общепризнанная идея прокладываетъ себѣ все болѣе широкій путь, проникаетъ все болѣе широкіе народные слои, захватываетъ все большее число общественныхъ дѣятелей. Она же, вѣроятно, руководитъ и тѣми сотнями рабочей молодежи, которыя аккуратно три раза въ недѣлю наполняютъ по вечерамъ скромную залу берлинской рабочей школы. Это своеобразное и во многихъ отношеніяхъ любопытное учрежденіе пріютилось послѣ долгихъ скитаній въ зданіи профессіональныхъ рабочихъ союзовъ, въ Gewerkschafthaus'ѣ. Небольшое сравнительно помѣщеніе убрано чрезвычайно просто. Вѣнскія стулья вокругъ небольшихъ деревянныхъ столиковъ, небольшая каѳедра, черная классная доска на мольбертѣ—вотъ вся школьная мебель. Со стѣны, противъ двери, глядитъ серьезное вдумчивое лицо любимца

нѣмецкихъ рабочихъ, основателя школы—покойнаго Вильгельма Либкнехта. По правую руку виднѣется нарисованная бѣлой краской маска Робеспьера. Эти два портрета составляютъ все украшеніе залы. Никакихъ учебныхъ пособій, никакихъ картъ, рисунковъ—только нѣсколько табличекъ съ характерною для нѣмцевъ надписью: «Во время занятій пиво разносить не дозволяется». Въ общемъ видъ школы ничѣмъ не отличается отъ внутренности средней руки ресторана,—только черная доска напоминаетъ вамъ, что вы имѣете дѣло не съ привычнымъ пріютомъ берлинскаго бюргера.

Но если простая скромная обстановка не обращаетъ на себя особаго вниманія наблюдателя, то съ тѣмъ большимъ интересомъ слѣдитъ онъ за составомъ школьной аудиторіи. Большинство ея составляютъ молодые люди лѣтъ 18—25. Встрѣчаются лица и моложе этого возраста, есть сѣдые и лысые старики. Женщинъ сравнительно мало—человѣкъ 8—10 не больше. По внѣшнему облику ихъ трудно узнать, что имѣешь дѣло съ рабочими. На всѣхъ лицахъ лежитъ печать такой интеллигентности, выразительности и сознанія собственнаго достоинства, что по нимъ не прочтешь, что всѣ эти юноши и старики пришли сюда прямо отъ станка или верстака, гдѣ цѣлый день проработали подъ командой требовательнаго хозяина. Платьемъ нѣмецкій рабочій мало отличается отъ представителей другихъ слоевъ общества. Въ этомъ отношеніи онъ не похожъ на своего русскаго собрата. Безъ воротничка, галстуха и манжетъ онъ не позволитъ себѣ выйти на-люди. Только руки—мозолистыя, иногда не совсѣмъ освободившіяся отъ разныхъ лаковъ и красокъ—выдаютъ ихъ обладателей. Только по нимъ можно узнать, что имѣешь дѣло съ представителями рабочихъ элементовъ. Работницы не отстаютъ отъ своихъ коллегъ-мужчинъ и являются въ изящныхъ шляпкахъ и платьяхъ. Берлинскую работницу не отличишь по костюму отъ какой-нибудь петербургской чиновницы—и, пожалуй, она щеголеватѣе ея.

Учителя еще нѣтъ, и аудиторія уже полна. Въ ожиданіи лекціи всѣ потягиваютъ пиво, безъ котораго не можетъ обойтись ни одинъ порядочный нѣмецъ. Пиво въ жизни нѣмца играетъ довольно значительную роль. И его спокойствіе и выдержка на публичныхъ собраніяхъ въ большой степени находятся въ зависимости отъ отвлекающаго и развлекающаго вліянія стакана добраго мюнхенскаго или «свѣтлаго». Пиво развлекаетъ нѣмца, и онъ не скучаетъ отъ привычнаго молчанія. Только изрѣдка онъ перебросится парой фразъ съ своимъ сосѣдомъ и опять умолкаетъ, сосредоточенно попивая изъ своей кружки. Женщины ничуть не уступаютъ мужчинамъ и почти передъ каждой красуется солидная посудина съ утѣшительнымъ напиткомъ.

Часовая стрѣлка показываетъ девять. Къ каѳедрѣ пробирается молодой нѣмецъ съ бритыми бородой и усами, медленнымъ взглядомъ обводитъ аудиторію и звонитъ. Начинается лекція. Сегодня онъ говоритъ о литературѣ новаго времени. Не поддѣлываясь къ своей аудиторіи, не выискивая «популярныхъ» выраженій и оборотовъ, просто, точно передъ группой студентовъ, рисуетъ онъ тѣ особенности новой культурной эпохи, которыя отличаютъ ее отъ среднихъ вѣковъ и древности. Онъ говоритъ о широкомъ и быстромъ ростѣ техники, о

печатномъ станкѣ, о томъ, что онъ сдѣлалъ доступнымъ низшему народному слою сокровища европейской литературы, давъ возможность книгѣ проникнуть въ самыя далекія и темныя захолустья. Затѣмъ онъ разсказываетъ о желѣзныхъ дорогахъ, ихъ оживляющемъ вліяніи на народныя сношенія, на обмѣнъ націй своими культурными пріобрѣтеніями и т. д., и т. д. Давъ общій очеркъ эпохи, онъ переходитъ къ характеристикѣ выдающихся писателей первыхъ десятилѣтій новаго періода. Передъ слушателями проходятъ довольно ярко и выпукло обрисованными фигуры Аріосто, Лопе-де-Вега, Тассо, Лютера, Ганса Сакса и другихъ. Лекція приходитъ къ концу, и утомленный лекторъ награждается оживленнымъ «браво!» Наступаетъ перерывъ, послѣ котораго слѣдуетъ самая интересная часть вечера—дискуссія. Лекторъ проситъ слушателей обращаться къ нему съ возраженіями или вопросами. Нѣсколько минутъ никто не рѣшается. Наконецъ, выискивается смѣльчакъ, и дебаты начинаются. Молодой парень, «волнуясь и спѣша», старается пояснить, какъ онъ понялъ нѣкоторыя мѣста прочитанной лекціи. Его заинтересовало замѣчаніе лектора о писателяхъ, для которыхъ искусство является самоцѣлью, находящихъ удовлетвореніе въ самомъ процессѣ художественнаго творчества, и писателяхъ для которыхъ искусство служитъ средствомъ, орудіемъ, посредствомъ котораго они стремятся провести въ жизнь, въ человѣческія головы извѣстныя идеи. Онъ говоритъ не особенно складно, отрывисто, угловато, но за этой нескладной, спотыкающейся рѣчью чувствуется порядочное знакомство съ новѣйшей литературой и не поверхностное ея пониманіе... За нимъ молодой безусый рабочій спрашиваетъ о томъ, какое мѣсто занимаетъ въ исторіи того времени нѣмецкій поэтъ Мартинъ Опицъ. Объ Опицѣ лекторъ не говорилъ совсѣмъ, и этотъ вопросъ обнаруживаетъ, что аудиторіи не чуждо нѣкоторое знаніе литературы. Вообще всѣ вопросы и разсужденія, которыя мнѣ пришлось здѣсь выслушать, произвели на меня впечатлѣніе, что аудиторія понимаетъ своего лектора и со вниманіемъ прослушала его лекцію.

Вопросы литературы да еще вдобавокъ литературы прошлыхъ столѣтій лежатъ довольно далеко отъ повседневныхъ заботъ и интересовъ нашей аудиторіи. И если, несмотря на это, она и здѣсь проявляетъ довольно большой интересъ и пониманіе, то этого тѣмъ болѣе можно ожидать на лекціяхъ по политической экономіи, по дисциплинѣ, которая тѣснѣйшимъ образомъ подходитъ къ самымъ насущнымъ и животрепещущимъ проблемамъ современности Въ теченіе текущей четверти года по этому отдѣлу читается и дебатируется вопросъ о биржѣ и банкахъ. Банкъ и биржа—два важныхъ и интересныхъ вопроса для современнаго нѣмца. Промышленный кризисъ, охватившій за послѣдніе годы многія области индустріи, привелъ къ крушенію довольно значительное количество банковъ и сильно повліялъ на биржевыя дѣла. Въ печати и на собраніяхъ очень много говорилось по этому поводу, и естественно, что у многихъ рабочихъ является желаніе поближе познакомиться съ организаціей, функціями и соціальнымъ значеніемъ этихъ институтовъ. Но и не будь даже кризиса, очень вѣроятно, что и тогда объявленный курсъ привлекъ бы не меньшее количество слушателей. Дѣло въ томъ, что за послѣдніе годы

среди нѣмецкихъ рабочихъ наблюдается широкое и интенсивное развитіе профессіональныхъ союзовъ. Отъ сознательнаго и дѣятельнаго члена такой корпораціи требуется подчасъ довольно порядочное знакомство со всякими финансовыми операціями, умѣнье вести и понимать бухгалтерскую отчетность и знаніе функцій различныхъ банковъ, а иногда и биржи. Вотъ почему на курсахъ политической экономіи можно встрѣтить большее число стариковъ, очевидно, сильно интересующихся и участвующихъ въ профессіональномъ движеніи. Этотъ интересъ сказывается и въ дебатахъ.

Однако, такая сухая и скучная матерія, какъ вопросы банковской и биржевой организаціи, не надолго приковываетъ вниманіе молодежи. Достаточно малѣйшаго повода, чтобы банкъ и биржа отступили на заднiй планъ, а ихъ мѣсто заняли вопросы болѣе общаго и захватывающаго свойства. Лекторъ говоритъ, напримѣръ, объ акціяхъ и акціонерныхъ обществахъ. Незамѣтно въ дебаты вкрадывается чье-нибудь замѣчаніе объ отношеніи Бернштейна къ этому институту. Этого достаточно. Акціи и акціонерныя общества забываются и весь вечеръ проходитъ въ разговорахъ о Бернштейнѣ, бернштейніанствѣ, о движеніи и конечной цѣли и т. д. Безъ бернштейніанства, безъ дебатовъ за и противъ новаго теченія не обходится, кажется, ни одна лекція. По крайней мѣрѣ, въ тѣ вечера, когда мнѣ приходилось посѣщать школу, этотъ вопросъ ни разу не отсутствовалъ. И нужно слышать, съ какимъ знаніемъ дѣла ведутся эти разговоры, какое знаніе и пониманіе соотвѣтствующей литературы обнаруживаетъ эта рабочая аудиторія! Я слышалъ въ разное время 8 или 10 ораторовъ и только одинъ изъ нихъ выказалъ непониманіе того, о чемъ говорилъ. Остальные же прямо поражали своимъ развитіемъ. Какъ бы ни показалось это удивительнымъ, нужно сказать, что дебаты рабочей школы ничуть не уступаютъ по своему интересу дебатамъ нѣмецкихъ и русскихъ студенческихъ ферейновъ. Въ одномъ же отношеніи, въ умѣньи ясно, толково выразить свою мысль, русскій студентъ даже уступитъ нѣмецкому рабочему. Русскій человѣкъ вообще не умѣетъ говорить публично, ибо гдѣ же ему и учиться подобнымъ вещамъ? Да и зачѣмъ ему умѣнье говорить? Въ его жизни оно является лишнимъ орудіемъ. Нѣмцу же нельзя не умѣть говорить. Общественная жизнь нѣмца волей-неволей заставляетъ его высказываться и, благодаря долгой практикѣ, средній нѣмецъ говоритъ довольно недурно. Рабочіе отстаютъ въ этомъ отношеніи отъ своихъ согражданъ изъ другихъ слоевъ общества, вотъ почему руководители школы ввели въ курсъ преподаваемыхъ предметовъ ораторское искусство.

Для развитія способности свободно и умѣло владѣть рѣчью въ школѣ устраиваются подъ руководствомъ учителя примѣрныя собранія съ примѣрными дебатами. Темы рефератовъ выбираются самими учащимися. При этомъ наблюдается чрезвычайное разнообразіе интересовъ, хотя въ общемъ преобладаетъ, конечно, наиболѣе близкій рабочему рабочій вопросъ. При мнѣ предлагались, напр., темы: «О значеніи логики для рабочихъ», «О фальсификаціи пищевыхъ продуктовъ», «О развитіи капитализма и рабочемъ классѣ», «О профессіональныхъ союзахъ» и т. п. Очень многіе интересуются вопросами воспитанія, одинъ предложилъ даже рефератъ на тему по... стенографіи.

Предложившій тему составляетъ рефератъ и произноситъ его передъ всей школой. Онъ не долженъ при этомъ читать по бумажкѣ и пользуется только краткимъ конспектомъ. Затѣмъ слѣдуютъ обычные дебаты.

Кто же устроилъ и кто руководитъ этой своеобразной школой? Устроили ее сами рабочіе и сами же ею руководятъ. Начало ей было положено лѣтъ десять тому назадъ на многотысячномъ собраніи, передъ которымъ покойный Либкнехтъ въ страстной рѣчи разъяснялъ необходимость и важность такой школы. Либкнехтъ писалъ потомъ объ этомъ собраніи и говорилъ, что никогда еще такъ хорошо не чувствовалъ себя, какъ среди этихъ тысячъ собравшихся. Въ ихъ глазахъ онъ читалъ о стремленіи къ знанію, къ свѣту, къ истинѣ и ему страстно хотѣлось утолить эту святую жажду. Будущность его дѣтища рисовалась ему въ самыхъ розовыхъ краскахъ.

Было положено въ тотъ же вечеръ начать пріемъ учащихся и тогда же записалось нѣсколько сотъ желающихъ. Въ различныхъ частяхъ обширной германской столицы было основано около шести школъ, и работа закипѣла. Скоро, однако, радостное и полное надеждъ настроеніе руководителей стало принимать все болѣе мрачный характеръ. Школы работали себѣ въ убытокъ. Каждый годъ приносилъ значительные дефициты и всѣ ожидали близкаго краха. Тогда была сдѣлана послѣдняя попытка: изъ шести школъ образовали одну. Реформа оказалась удачной, и школа приняла прочную организацію. Теперь всѣ друзья этого симпатичнаго учрежденія спокойно смотрятъ на его будущее.

Школа имѣетъ въ настоящее время слѣдующее устройство. Всѣ учащіеся образуютъ собою ферейнъ школы. Для вступленія въ этотъ ферейнъ уплачивается членскій взносъ въ размѣрѣ двадцати пяти пфениговъ (12 коп.) въ мѣсяцъ. Кромѣ учащихся, въ этомъ обществѣ могутъ принимать участіе и посороннія лица. Учителя также являются членами общества, но не могутъ быть избираемы въ составъ правленія. Правленіе вмѣстѣ съ учительской коллегіей вырабатываетъ програму занятій, причемъ финансовая сторона вопроса вполнѣ зависитъ отъ перваго. Учебный годъ дѣлится на четыре триместра, въ теченіе каждаго прочитывается законченный курсъ. Въ общемъ каждый курсъ состоитъ изъ десяти лекцій по каждому изъ трехъ предметовъ, послѣ которыхъ слѣдуютъ дебаты. За каждый курсъ уплачивается, помимо членскаго взноса, одна марка (50 коп.) учебной платы.

Главными предметами является исторія и политическая экономія. Въ области послѣдней главное вниманіе обращается не на теоретическую, абстрактную часть ея, а на практическую. За послѣднія пять лѣтъ только два триместра были посвящены «основнымъ понятіямъ». Всѣ остальные были заняты вопросами въ родѣ «современнаго рабочаго движенія», «защиты рабочихъ», «кооперативнаго движенія» и т. д. Было нѣсколько курсовъ по праву и по естественной исторіи. Послѣдняя пользуется наименьшимъ вниманіемъ, что объясняется отчасти неудовлетворительностью преподаванія. Это станетъ понятнымъ, если сказать, что школа не обладаетъ пока никакими аппаратами или коллекціями, и занятія не могутъ сопровождаться соотвѣтствующими демонстраціями.

Среди учебнаго персонала встрѣчается много крупныхъ именъ. Въ раз-

личное время занятіями руководили такія лица, какъ извѣстный Конрадъ Шмидтъ, Вольфгангъ Гейне, Рихардъ Кальверъ, Кампфмейеръ, Шиппель и т. д. Въ спискѣ членовъ больше всего рабочихъ столярнаго мастерства. Это первенствующее мѣсто они занимаютъ уже въ теченіе пяти или шести послѣднихъ лѣтъ. Остальныя профессіи представлены въ различные годы различно. Общее число различныхъ профессій доходитъ ежегодно до 200. Кромѣ рабочихъ и ремесленниковъ, встрѣчается еще и прислуга, извозчики, приказчики и т. д. Среди членовъ-неучащихся можно найти двухъ-трехъ студентовъ, врачей, архитекторовъ и другихъ лицъ вольныхъ профессій.

При школѣ имѣется солидная библіотека въ 1.200 томовъ, среди которыхъ можно найти много капитальныхъ сочиненій. Больше всего читается, конечно, беллетристика, за которой слѣдуютъ книги по соціальнымъ вопросамъ, естественной исторіи, исторіи народовъ и философіи.

Для развитія болѣе тѣсныхъ личныхъ отношеній между членами школы каждыя двѣ-три недѣли устраиваются увеселительныя собранія. Но и здѣсь руководители школы не упускаютъ случая дать своимъ сочленамъ матеріалъ для умственнаго развитія. Программа вечера обыкновенно такая, что до начала собственно увеселительной части прочитывается рефератъ, послѣ котораго слѣдуетъ иногда очень оживленная дискуссія. Темы рефератовъ самыя разнообразныя, какъ, напр., «О зубныхъ болѣзняхъ», «Спиноза и Гёте», «Драма»; «Душевныя болѣзни». Рефераты эти читаются выдающимися писателями и общественными дѣятелями и посѣщаются многочисленной, доходящей до пяти и шести тысячъ человѣкъ, публикой. Въ спискѣ референтовъ встрѣчаются такія имена, какъ Августъ Бебель, профессоръ Ястровъ, Бернштейнъ. Увеселительная часть всегда состоитъ обыкновенно изъ танцевъ, привлекающихъ массу такихъ элементовъ, которые еще не доросли до пониманія извѣстныхъ интересовъ. На этихъ вечерахъ они имѣютъ случай познакомиться съ ними и это увеличиваетъ кругъ школы и число ея учениковъ. Кромѣ танцевъ, въ увеселительной части программы фигурируютъ время отъ времени декламація и концертные номера. Посѣщеніе этихъ вечеровъ оставляетъ всегда самое отрадное впечатлѣніе. На этихъ скромныхъ собраніяхъ видишь людей, въ которыхъ долгій физическій трудъ не убилъ естественной и священной жажды знанія, а послѣдняя не умертвила способности наслаждаться простыми и здоровыми радостями жизни. Кто умѣетъ цѣнить эти радости, у кого не погибло еще стремленіе къ высшему и лучшему, тотъ не отстанетъ также въ борьбѣ за дальнѣйшее развитіе культурнаго прогресса.

S.

НАУЧНЫЙ ОБЗОРЪ.

Металлическіе сплавы.

Металлы и ихъ сплавы играютъ громадную роль въ матеріальной сторонѣ жизни современнаго человѣчества. Милліоны человѣческихъ жизней проходятъ въ трудѣ, посвященномъ добыванію металловъ и ихъ обработкѣ. Желѣзныя дороги, все болѣе и болѣе густой сѣтью обтягивающія материки, паровой флотъ желѣзныхъ судовъ, бороздящій океаны, безчисленные фабрики и заводы, работающіе машинами, грозныя арміи — все и вся требуетъ металловъ, и больше всего—желѣза. При этомъ замѣчательно то обстоятельство, что металлы идутъ въ дѣло не въ чистомъ видѣ, а въ видѣ сплавовъ. Металловъ, употребляемыхъ въ чистомъ видѣ, очень немного: платина, мѣдь, ртуть, свинецъ, серебро.

Изъ чистой платины, сплавляемой пламенемъ гремучаго (кислородо-водороднаго) газа, приготовляются для химическихъ заводовъ, неразъѣдаемые кислотами сосуды, служащіе, главнымъ образомъ для выпариванія слабыхъ растворовъ сѣрной кислоты и полученія крѣпкой сѣрной кислоты.

Чистая мѣдь идетъ въ большихъ количествахъ на проводники электрическихъ токовъ; чѣмъ она чище, тѣмъ лучше она проводитъ электрическую энергію и тѣмъ, слѣдовательно, выгоднѣе ее употреблять въ наивозможно чистомъ видѣ. Ртуть идетъ для приготовленія термометровъ, барометровъ и другихъ физическихъ приборовъ, неизбѣжныхъ орудій физика и химика въ чисто научныхъ и техническихъ лабораторіяхъ.

Остальные металлы употребляются въ дѣло техникой только въ видѣ сплавовъ.

Въ теченіе многихъ тысячелѣтій люди довольствовались небольшимъ числомъ сплавовъ, въ составъ которыхъ, какъ главныя составныя части, входили мѣдь и олово. Это были такъ называемая до-историческая и античная бронзы. Желѣзо, замѣнившее бронзу, ковко, ему удобно придавать молотомъ любую форму, но въ чистомъ видѣ оно было слишкомъ мягко. И не маловажнымъ успѣхомъ въ дѣлѣ пользованія металлами, явилось наблюденіе надъ измѣненіемъ твердости желѣза послѣ того, какъ его процементуютъ, пропитаютъ углемъ и получатъ крѣпкую сталь, подобную знаменитой дамас-

ской стали арабовъ. Развитіе опытныхъ наукъ, принесшее съ собою химическія знанія, отразилось могучимъ образомъ на искусствѣ получать металлическіе сплавы желаемыхъ свойствъ—на металлургіи. Новые металлы, открываемые химіей, находятъ все чаще и чаще примѣненіе также въ видѣ сплавовъ. Но дѣло изготовленія металлическихъ сплавовъ самыхъ разнообразныхъ свойствъ еще долгое время остается покорнымъ преданіямъ, навыкамъ, необобщенныхъ наблюденіямъ.

Почему та или другая примѣсь къ чистому металлу сообщаетъ ему новыя, иногда полезныя въ техническомъ смыслѣ, иногда вредныя свойства? Что такое, собственно говоря, представляютъ собою въ химическомъ отношеніи металлическіе сплавы? Сами химики, отъ которыхъ металлурги естественно ожидали отвѣта на эти вопросы, еще такъ недавно были совершенно не въ состояніи отвѣтить на это. Химія относила металлическіе сплавы къ классу «неопредѣленныхъ соединеній», прикрывая этимъ словомъ свое полное незнаніе истинной природы сплавовъ.

Между тѣмъ техника, накопляя запасы наблюденій и заводскихъ опытовъ достигла блестящихъ результатовъ. Богатое углеродомъ желѣзо—чугунъ, будучи легкоплавкимъ, выплавляется въ громадныхъ количествахъ изъ грандіозныхъ, непрерывно дѣйствующихъ доменныхъ печей и вагранокъ. Какъ лава изъ дѣйствующаго вулкана, чугунъ льется непрерывной струей изъ доменной печи, куда засыпаютъ желѣзную руду (окислы желѣза) и уголь, а снизу вдуваютъ нагрѣтый воздухъ Наливая расплавленный чугунъ въ грушевидные громадные сосуды (конверторы), въ дно которыхъ продувается сильной струей воздухъ, Бессемеръ далъ способъ выжигать изъ чугуна углеродъ, фосфоръ, сѣру, марганецъ и другія примѣси и получать, опять-таки непрерывнымъ путемъ,—сталь. По желанію, такимъ образомъ можно получать сталь, содержащую большее или меньшее количество углерода, а слѣдовательно и дающую, при остываніи, металлъ большей или меньшей твердости и ковкости. Другой металлургъ Мартэнъ придумалъ иначе обезуглероживать чугунъ для полученія стали. Онъ плавилъ чугунъ въ особой печи, нагрѣваемой газомъ, и прибавлялъ туда желѣзной руды. Кислородъ руды соединяется съ углеродомъ чугуна, сожигаетъ углеродъ въ углекислоту, вся масса метала кипитъ въ печи, а металлургу только остается слѣдить за тѣмъ, чтобы въ нужное время выпустить изъ печи сталь. Благодаря такимъ способамъ сдѣлались возможны отливка гигантскихъ пароходныхъ валовъ, громадныхъ переднихъ и заднихъ стальныхъ рамъ для гигантовъ броненосцевъ (форштевней и ахтерштевней), колоссальныхъ молотовъ, приводимыхъ впослѣдствіи въ дѣйствіе парами, громадныхъ стальныхъ балокъ для мостовъ и т. п.

И война, этотъ бичъ человѣчества, какъ и раньше въ погонѣ за острымъ мечомъ, такъ и теперь, требуя все новыхъ и все болѣе совершенныхъ орудій истребленія людей, повліяла на успѣхи металлургіи. Военныя суда одѣлись желѣзной и стальной броней, а грозящія имъ съ берега пушки увеличились въ размѣрахъ и увеличили силу зарядовъ и вѣсъ ядеръ; и тѣ, и другія, и защита и нападеніе потребовали стали особыхъ, высшихъ свойствъ. Появились непробиваемыя хромоникелевыя судовыя брони, покрытыя слоемъ сильно

углеродистой стали (цементованная броня); появились сложенныя изъ трубъ и надѣтыхъ на нихъ оболочекъ и колецъ стальныя пушки, выдерживающія громадныя давленія пороховыхъ газовъ и бьющія за 15—20 верстъ ядрами изъ хромовой стали съ твердыми и острыми, какъ ножъ или сверло, концами. Но и потребности мирнаго времени вызывали у металлургіи появленія на свѣтъ сплавовъ съ не менѣе поразительными свойствами. Для астрономическихъ цѣлей и для мореплаванія весьма важно имѣть хронометры, идущіе вѣрно, несмотря на рѣзкія перемѣны въ температурахъ, независимые отъ времени года, или отъ перемѣны мѣста при переходѣ корабля изъ-подъ сѣверныхъ широтъ въ тропическія. Поэтому было весьма желательно имѣть такой металлъ, который не отзывался бы расширеніемъ или сжатіемъ на тепло или холодъ; такой металлъ былъ найденъ въ видѣ сплава желѣза съ 15% никкеля, съ весьма незначительнымъ коэффиціентомъ расширенія. Желательно было имѣть взамѣнъ золота и серебра желтый и бѣлый металлы, хорошо полирующіеся и не окисляющіеся, и техника дала алюминіевую бронзу, трудно отличимую отъ золота, и мельхіоръ, замѣнившій серебро. Для цѣлей воздухоплаванія легкій алюминій показался еще недостаточно легкимъ, и вотъ техника, сплавляя алюминій съ магніемъ, даетъ еще болѣе легкій, но такой же ковкій и гибкій—магналій. Кажется, нѣтъ требованія, котораго не могла бы выполнить техника, пользуясь тѣмъ или другимъ сплавомъ, комбинируя въ разныхъ пропорціяхъ металлы, изготовляя двойные, тройные и четверные сплавы. И можно надѣяться на еще большее, если природа сплавовъ будетъ освѣщена всесторонне научнымъ образомъ.

Это время, наконецъ, почти настало. У исторіи открытій техники и научныхъ вопросовъ существуетъ своя логика, внутренне управляющая появленіемъ и разъясненіемъ той или другой технической или научной задачи. Объяснить природу сплавовъ стало возможнымъ только тогда, когда накопился извѣстный рядъ научныхъ пріемовъ, извѣстный запасъ научныхъ работъ и изслѣдованій, направленныхъ къ этой цѣли, наконецъ, извѣстный уровень физическихъ и химическихъ знаній. На вопросѣ о сплавахъ особенно ясно видно вліяніе извѣстной степени совершенства орудій изслѣдованія на судьбу научныхъ вопросовъ. Безъ пирометра Лешателье, позволяющаго мѣрить температуры до 1.600°, и безъ современныхъ сильныхъ и усовершенствованныхъ микроскоповъ вопросъ о томъ, что такое сплавы, оставался бы и до сихъ поръ за семью печатями. Вспомнимъ, какъ образуются сплавы. Остановимся для простоты на случаѣ сплава двухъ металловъ. Мы расплавляемъ или одинъ, или оба металла и соединяемъ ихъ, сливая въ одинъ общій сосудъ или растворяя твердый металлъ въ жидкомъ или расплавленномъ, затѣмъ оставляемъ охлаждаться и получаемъ твердый сплавъ съ новыми свойствами, болѣе или менѣе отличающими его отъ взятыхъ вначалѣ металловъ. Каждый изъ металловъ характеризуется своими физическими свойствами, ему одному принадлежащими: опредѣленной температурой перехода изъ твердаго состоянія въ жидкое (точкой плавленія или затвердѣванія), температурой кипѣнія, твердостью, удѣльнымъ вѣсомъ, электропроводностью, способностью разрываться при опредѣлен-

ной нагрузкѣ, при опредѣленномъ усиліи (коэффиціентъ сопротивленія, предѣлъ упругости и т. д.). Научное изученіе сплавовъ начинается тогда, когда стремятся изучить измѣненіе физическихъ свойствъ сплава въ зависимости отъ его состава. Большинство современныхъ изслѣдователей такъ и поступаетъ. Выбравъ какое-нибудь одно физическое свойство, напр., свойство плавиться при опредѣленной температурѣ, къ чистому металлу начинаютъ прибавлять все большія и большія количества другого и замѣчаютъ измѣненія температуры плавленія или другого изслѣдуемаго физическаго свойства. Получаютъ рядъ сплавовъ двухъ металловъ, представляющій по своему % составу переходъ отъ 100% одного металла къ 100% другого. Отложимъ на двухъ параллельныхъ отвѣсныхъ линіяхъ величины, пропорціональныя величинамъ даннаго свойства металловъ, напр., температуры плавленія, плотности и т. п., а разстояніе между этими вертикальными линіями раздѣлимъ на сто частей. Предположимъ, что мы приготовили рядъ сплавовъ, отличающихся другъ отъ друга на десять процентовъ, и опредѣлили для каждаго изъ сплавовъ данное свойство (напр., t° плавленія), отложили на вертикаляхъ, идущихъ изъ каждаго десятаго дѣленія нашей горизонтальной линіи, раздѣленной на сто, величину, пропорціональную измѣренному свойству; соединимъ вершины вертикалей одной сплошной кривой, и мы увидимъ ходъ измѣненія даннаго свойства сплавовъ въ зависимости отъ ихъ состава. За послѣднее время набралось довольно много изслѣдованій подобнаго рода, и вотъ сопоставленіе результатовъ изученія *различныхъ* физическихъ свойствъ цѣлаго ряда сплавовъ *одной пары* металловъ и дало возможность заглянуть глубже въ природу сплавовъ.

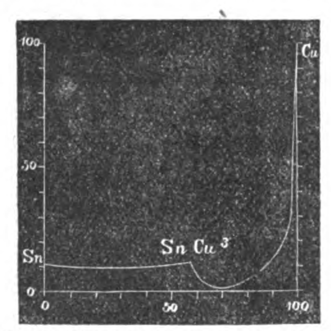
Выше было уже сказано, что лѣтъ 15 тому назадъ химія относила сплавы къ области «неопредѣленныхъ химическихъ соединеній», куда относили также и растворы солей и другихъ веществъ въ водѣ и другихъ растворителяхъ.

Неопредѣленными соединеніями называли такія, къ которымъ можно было прибавлять все большія и большія количества одной изъ составныхъ частей, не мѣняя существеннымъ образомъ, такъ сказать, рѣзкими скачками свойствъ соединенія. Такъ, напримѣръ, растворъ поваренной соли или напр. спирта въ водѣ являются наиболѣе подходящимъ примѣромъ неопредѣленнаго химическаго соединенія. Прибавляя къ водѣ все новыя и новыя количества соли (до 36% по вѣсу) мы получаемъ рядъ жидкостей все болѣе и болѣе соленыхъ, удѣльный вѣсъ ихъ *постепенно* возрастаетъ, капиллярные свойства, напримѣръ способность подниматься въ узкой волосной стеклянной трубочкѣ, *постепенно* уменьшается. Однимъ словомъ, мы *постепенно* мѣняемъ свойства растворителя (воды или другого вещества). При поверхностномъ и неполномъ наблюденіи казалось, что тоже можно было сказать и про растворы одного металла въ другомъ (про сплавы). Но это на самомъ дѣлѣ происходитъ не такъ. Возьмемъ для примѣра сплавы олова и мѣди.

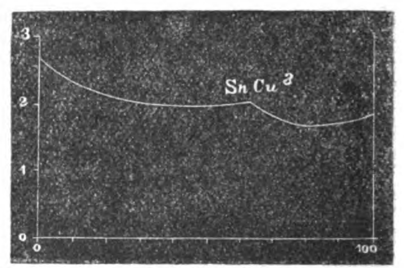
Фиг. 1, 2 и 3 изображаютъ ходъ измѣненія 1) электропроводности, 2) способности расширяться отъ теплоты и 3) плотности оловяномѣдныхъ растворовъ. Мы видимъ, что кривыя обнаруживаютъ своеобразные изломы. Если мы обратимъ вниманіе на процентный составъ сплава, которому отвѣчаетъ такой пере-

ломъ или переходъ въ физическихъ свойствахъ, то окажется, что этотъ процентный составъ отвѣчаетъ опредѣленнымъ кратнымъ отношеніямъ между количествами олова и мѣди, этотъ составъ можно изобразить простой точной химической формулой $SnCu_3$ *).

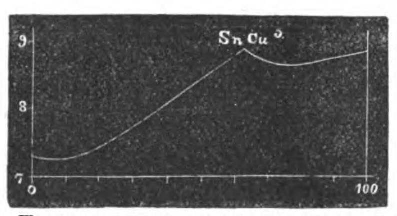
Что же скрывается подъ этой ученой символикой? Для того чтобы отвѣтить на это, припомнимъ еще разъ, что такое сплавъ и какъ онъ получается. Расплавленный оловяно-мѣдный сплавъ представляетъ собою жидкость, составленную изъ частицъ мѣди и олова, это смѣсь жидкой мѣди и жидкаго олова. При застываніи, при затвердѣваніи этихъ жидкостей, если онѣ не вступаютъ между собой въ опредѣленное химическое соединеніе, будетъ происходить слѣдующее. Подобно жидкой водѣ при застываніи обращающейся въ кристаллы льда, жидкія олово и мѣдь соберутся въ отдѣльные кристаллы и застывшій сплавъ будетъ предста-

Фиг. 1. Электропроводность мѣдно-оловянныхъ сплавовъ.

Фиг. 2. Измѣненіе коефф. расширенія мѣдно-оловянныхъ сплавовъ.

Фиг. 3. Плотность мѣдно-оловянныхъ растворовъ.

влять неоднородное твердое тѣло, составленное изъ перепутавшихся между собою кристалликовъ мѣди и олова. Но если при нѣкоторомъ опредѣленномъ % составѣ сплава въ немъ образуется химическое соединеніе между мѣдью и оловомъ и если количества мѣди и олова точно отвѣчаютъ отношеніямъ, требуемымъ химической формулой, то жидкій сплавъ будетъ состоять не изъ отдѣльныхъ частичекъ мѣди и олова, но изъ сложныхъ частицъ мѣдно-оловяннаго соединенія. Такой застывшій сплавъ будетъ вполнѣ однороднымъ, состоящимъ изъ кристалловъ опредѣленнаго соединенія мѣди и олова. Видъ этихъ кристалловъ отличается отъ кристалловъ не соединившихся мѣдныхъ и оловянныхъ кристалловъ. Мы получили новый химическій индивидъ, какъ бы новый металлъ, во всей его массѣ физически однородный. Вотъ почему и явился въ

*) По ошибкѣ гравера на рис. № 3 вмѣсто $SnCu_3$ поставлено $SnCu_5$. *Ред.*

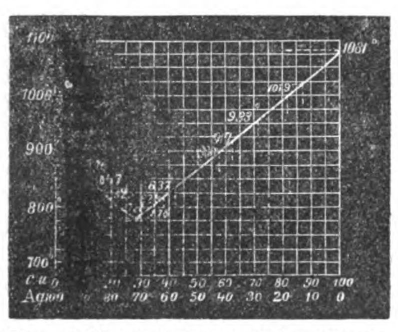
этомъ мѣстѣ изломъ на кривыхъ, характеризующихъ измѣненія различныхъ свойствъ мѣдно-оловянныхъ сплавовъ.

Здѣсь то и сказалась нужда въ микроскопѣ, при помощи котораго можно было бы воочію убѣдиться въ однородности кристаллическаго строенія микроструктуры сплавовъ. Приложить микроскопъ къ изученію природы металлическихъ сплавовъ было дѣломъ не легкимъ: металлы прозрачны для свѣтовыхъ лучей только въ видѣ необычайно тонкихъ пластинокъ. Трудно отшлифовать изъ металлическихъ сплавовъ такія прозрачныя пластинки, какія петрографы приготовляютъ для изученія подъ микроскопомъ структуры различныхъ горныхъ породъ и минераловъ. Стали шлифовать поверхность металлическихъ сплавовъ, протравлять различными химическими реактивами эти шлифованныя поверхности, изобрѣли способы сильно освѣщать сбоку такіе шлифы, заставляя отражаться лучи сильнаго свѣта отъ этихъ шлифованныхъ поверхностей и направляя отраженный свѣтъ въ микроскопъ. И вотъ передъ глазами металлографовъ, т.-е. изслѣдователей, занятыхъ изученіемъ миcкроструктуры металловъ и ихъ сплавовъ, появились полныя своеобразной прелести картины таинственной до тѣхъ поръ области микроструктуры металлическихъ сплавовъ. Еще одной неразгаданной тайной въ наукѣ стало меньше, еще одна пядь изъ области неизвѣстнаго была завоевана чоловѣческимъ умомъ, ненасытнымъ въ своей пытливости и любознательности.

При разсматриваніи шлифа нѣкоторыхъ сплавовъ, кромѣ ясно очерченныхъ опредѣленныхъ кристалловъ чистыхъ металловъ и ихъ химическихъ соединеній, бросается въ глаза наблюдателей еще одна особенность микроструктуры: твердыя составляющія сплава, будь то кристаллы чистыхъ металловъ или кристаллы ихъ химическихъ соединеній другъ съ другомъ, не всегда являются ясно и рѣзко выраженными; иногда все поле зрѣнія занято какими-то струйками, полосками или точками, окруженными концентрическими кругами или овалами; иногда эти струйки окружаютъ ясные кристаллы. Что такое представляетъ изъ себя эта струйчатая, полосатая составная часть сплавовъ? Для того, чтобы рѣшить этотъ вопросъ, надо разсмотрѣть явленіе затвердѣванія сплавовъ. Всякій металлъ (назовемъ его А) обладаетъ своей опредѣленной температурой плавленія или перехода жидкаго состоянія въ твердое и обратно. Прибавленіе другого какого-нибудь металла Б понижаетъ эту точку плавленія. Точно также и прибавленіе металла А къ металлу Б понижаетъ точку плавленія Б. Употребляя описанный выше пріемъ графическаго изображенія этого явленія, мы получимъ двѣ идущія книзу и пересѣкающіяся кривыя.

Будемъ говорить о мѣдно серебряныхъ сплавахъ. Какъ изъ охлождаемыхъ слабыхъ соляныхъ растворовъ при ихъ замерзаніи выпадаютъ кристаллы воды (ледъ), такъ изъ бѣдныхъ серебромъ мѣдносеребряныхъ сплавовъ выдѣляется при застываніи сначала мѣдь и лишь подъ конецъ смѣсь мѣди и серебра. То же справедливо и для правой части нашей кривой (фиг. 4), т.-е. для бѣдныхъ мѣдью сплавовъ. Чѣмъ ближе будетъ подходить составъ сплава къ тому, который плавится при самой низкой температурѣ, т.-е. чѣмъ меньше будетъ избытокъ серебра или мѣди сравнительно съ составомъ этого наиболѣе

легко плавкаго изъ мѣдносеребряныхъ сплавовъ, тѣмъ менѣе будетъ промежутокъ времени между началомъ затвердѣванія (выдѣленія кристалловъ металла, находящагося въ избыткѣ) и концомъ,—т.-е. полнымъ затвердѣваніемъ сплава. Разныя въ началѣ температуры затвердѣванія (или плавленія) чистыхъ металловъ (мѣдь—1081°, серебро 960°) отъ прибавленія мѣди къ серебру и серебра къ мѣди будутъ все понижаться и понижаться, пока не сдѣлаются равными. Сплавъ такого состава и будетъ наиболѣе низко плавящимся изъ мѣдно-серебряныхъ сплавовъ, именно, при 778°. При затвердѣваніи такого сплава ни серебро, ни мѣдь не имѣютъ никакого преимущества, вслѣдствіе котораго бы сначала выдѣлялся бы одинъ металлъ, а потомъ другой. Оба металла будутъ выдѣляться въ твердомъ видѣ изъ сплава одновременно, и затвердѣвшій сплавъ получитъ полосатое, струйчатое строеніе, равномѣрно распредѣленное по всей массѣ. Итакъ, такой сплавъ, который имѣетъ самую низкую температуру застыванія, отлагаетъ при затвердѣваніи одновременно оба металла, обѣ составныя его части заразъ и при томъ въ тѣхъ же самыхъ относительныхъ количествахъ, въ которыхъ они находились въ жидкомъ сплавѣ. Такимъ образомъ, несмотря на кристаллизацію заразъ обоихъ металловъ, составъ жидкаго сплава не мѣняется и потому онъ застываетъ весь сполна при постоянной температурѣ. Это дѣлаетъ такой сплавъ, получившій названіе *эвтектическаго* (т.-е. хорошо составленнаго), отчасти похожимъ на опредѣленное химическое соединеніе, такъ какъ всякій химическій индивидъ застываетъ, затвердѣваетъ при одной опредѣленной и постоянной температурѣ. Прежніе изслѣдователи и принимали эвтектическіе сплавы за опредѣленныя соединенія, но это было ошибочно. Микроскопическое изслѣдованіе ясно обнаруживаетъ неоднородное, полосатое, струйчатое строеніе эвтектическихъ сплавовъ.

Фиг. 4. Кривыя пониженія температуры плавленія мѣдно-серебряныхъ сплавовъ.

Эти сплавы съ самой низкой точкой плавленія среди имъ подобныхъ сплавовъ, т.-е. составленныхъ изъ тѣхъ же металловъ, замѣчательны еще слѣдующимъ. Ихъ образованіемъ, появленіемъ эвтектики оканчивается затвердѣваніе большинства сплавовъ. Въ самомъ дѣлѣ, если охлаждать сплавъ какого-нибудь другого состава, а не эвтектическаго, то онъ выдѣляетъ кристаллы того изъ двухъ тѣлъ (металловъ, или металла и опредѣленнаго двуметаллическаго соединенія), которое находится въ избыткѣ по отношенію къ составу эвтектической смѣси, и вотъ мало-по-малу составъ жидкой части приближается къ эвтектическому составу. Такимъ образомъ затвердѣваніе сплавовъ любого состава оканчивается всегда при одной и той же температурѣ, отвѣчающей точкѣ застыванія эвтектической смѣси. Вотъ почему кристаллы металловъ или ихъ соединеній въ сплавѣ бываютъ окружены слоистой, струйчатой массой, которая и есть не что иное, какъ послѣдняя застывшая эвтектическая часть затвердѣвшаго сплава.

Когда металлы способны вступить между собой въ соединеніе, какъ, напр., олово и мѣдь, о которыхъ говорилось выше, то кривая, изображающая ходъ измѣненія температуръ плавленія сплавовъ въ зависимости отъ ихъ состава, разбивается эвтектическими точками на нѣсколько участковъ. Каждое опредѣленное междуметаллическое соединеніе можно считать за особый металлъ, который можетъ давать эвтектическіе сплавы съ другимъ ближайшимъ по составу соединеніемъ или съ металломъ, къ которому онъ приближается по своему составу. Такія отношенія были найдены на кривыхъ температуръ плавленія и обнаружены микроскопическимъ изслѣдованіемъ строенія многихъ сплавовъ, напр., олова—мѣдь, олова—сурьма, сурьма—платина, алюминія—мѣдь и мн. др.; у этихъ сплавовъ двѣ эвтектическихъ точки.

Но вотъ при изученіи сплавовъ нѣкоторыхъ металловъ были найдены новыя отношенія металловъ другъ къ другу, отличащіяся отъ описанныхъ выше. Нѣкоторыя вещества, при охлажденіи ихъ расплавленной смѣси, обладаютъ свойствомъ давать однородные кристаллы, причемъ въ составъ этихъ кристалловъ входятъ оба вещества и къ тому же въ количествахъ, мѣняющихся въ очень широкихъ предѣлахъ.

Такія смѣси называются *изоморфными*. Опредѣленіе температуръ плавленія подобныхъ изоморфныхъ смѣсей, сдѣланныя надъ органическими соединеніями и минеральными солями, показали, что въ такомъ случаѣ кривая, изображающая ходъ измѣненія температуры плавленія въ зависимости отъ измѣненія состава смѣси, не имѣетъ изломовъ, особыхъ выдающихся точекъ и часто приближается по своему виду къ прямой, соединяющей точки плавленія обоихъ составныхъ частей смѣси. Такія отношенія наблюдены на сплавахъ никкеля съ желѣзомъ, серебра съ золотомъ, висмута съ сурьмой.

Подводя итогъ сказанному о затвердѣваніи сплавовъ, можно произвести классификацію извѣстныхъ понынѣ двойныхъ сплавовъ и раздѣлить ихъ на нѣсколько группъ.

I. Сплавы, образованные механическимъ сопоюженіемъ кристаловъ чистыхъ металловъ.

Олово—цинкъ.
Олово—висмутъ.
Олово—свинецъ.
Свинецъ—сурьма.
Висмутъ—цинкъ.
Кадмій—цинкъ.
Цинкъ—алюминій.
Мѣдь—висмутъ.
Мѣдь—свинецъ.

II. Сплавы, заключающіе опредѣленныя химическія соединенія.

Олово—мѣдь.
Сурьма—мѣдь.
Алюминій—мѣдь.
Висмутъ—мѣдь.
Олово—алюминій.
Ртуть—калій.
Ртуть—натрій.
Ртуть—свинецъ.
Олово—никкель.
Мѣдь—никкель.
Цинкъ—сурьма.
Алюминій—серебро.
Сурьма—алюминій.
Таллій—свинецъ.
Олово—магній.

III. Сплавы, дающіе изоморфную смѣсь.

Висмутъ—сурьма. Золото—серебро.

Желѣзо—никкель.

IV. Сплавы, содержащіе опредѣленное химическое соединеніе, изоморфное съ однимъ изъ металловъ:

Цинкъ—мѣдь. Кадмій—серебро.

Цинкъ—серебро. Олово—сурьма.

Олово—серебро. Серебро—сурьма.

Разсмотрѣнные до сихъ поръ нами сплавы имѣли то свойство, что ихъ металлы въ жидкомъ состояніи сполна во всѣхъ отношеніяхъ смѣшиваются другъ съ другомъ, подобно спирту и водѣ. Но есть и такіе металлы которые относятся другъ-другу какъ масло и вода или почти также: они не смѣшиваются другъ съ другомъ, ихъ взаимная растворимость ограничена, они образуютъ при сливаніи въ жидкомъ видѣ два слоя разнаго состава, которые застывая и даютъ два разные сплавы. Таковы висмутъ и цинкъ, мѣдь и свинецъ. Такое явленіе ограниченной растворимости наблюдается и для другихъ жидкостей. Такъ обыкновенный сѣрный эфиръ (составная часть общеизвѣстныхъ гофманскихъ капель), будучи налитъ на воду, не смѣшивается вполнѣ съ ней. Снизу образуется водный слой содержащій небольшое количество эфира, сверху плаваетъ эфирноводный слой. Къ такимъ не смѣшивающимся другъ съ другомъ металлами относили мѣдь и желѣзо, но недавніе опыты указали, что совершенно чистые жидкіе мѣдь и желѣзо вполнѣ смѣшиваются другъ съ другомъ и образуютъ однородные сплавы, мѣняющіе составъ отъ 100% мѣди до 100% желѣза. Но стоитъ только вмѣсто чистаго желѣза взять углеродистое желѣзо—сталь или чугунъ, и мѣдь нельзя сполна сплавить съ такимъ желѣзомъ въ однородный сплавъ, при остываніи она отслоивается; такимъ образомъ углеродъ или его соединеніе съ желѣзомъ (карбидъ желѣза), содержащееся во всякой стали, вытѣсняетъ мѣдь изъ ея сплавомъ съ желѣзомъ. Это научное изслѣдованіе надъ сплавами мѣди объяснило давно замѣченный техниками фактъ дурного вліянія примѣси сколько-нибудь значительныхъ количествъ мѣди на крѣпость и другія свойства стали.

Мы не будемъ касаться здѣсь сплавовъ металловъ съ неметаллическими элементами или съ соединеніями послѣднихъ съ металлами, каковы, напримѣръ, соединенія желѣза съ углеродомъ (карбиды желѣза), желѣза съ фосфоромъ (фосфиды), съ кремніемъ (силисиды), хотя эти полуметаллическія вещества ведутъ себя въ сплавахъ съ желѣзомъ совершенно также, какъ и металлы: образуютъ эвтектики, даютъ соединенія, изоморфныя смѣси. Громадное техническое значеніе этихъ соединеній металловъ съ неметаллическими элементами, въ особенности карбида желѣза, какъ веществъ, вліяющихъ своими превращеніями на микроструктуру стали, не позволяетъ касаться этого предмета вкратцѣ.

В. Яковлевъ.

НАУЧНАЯ ХРОНИКА.

Опыты г. Бахметьева надъ насѣкомыми.—Физiологическое дѣйствiе магнита.—Лучи радiя для слѣпыхъ.—Пушки противъ града.—Средняя продолжительность жизни и пониженiе рождаемости во Францiи.

Опыты г. Бахметьева надъ насѣкомыми. Приводимъ вкратцѣ содержанiе четырехъ работъ Бахметьева, связанныхъ между собой содержанiемъ и являющихся продолженiемъ ранѣе вышедшей работы его о температурѣ тѣла болгарскихъ насѣкомыхъ въ зависимости отъ движенiя животнаго и температуры воздуха. Для точныхъ опредѣленiй температуры тѣла насѣкомыхъ Бахметьевъ употреблялъ термоэлектрическiй аппаратъ и очень чувствительный гальванометръ. Его наблюденiя и опыты показали, что при искусственномъ охлажденiи воздуха раньше, чѣмъ насѣкомое замерзнетъ, охлаждается его лимфа. Замерзаютъ же насѣкомыя только послѣ того, какъ, смотря по виду, полу, индивидууму и состоянiю питанiя, перейдена для каждаго такъ наз. «критическая точка». Вмѣстѣ съ тѣмъ, благодаря выдѣленiю свободной теплоты, образующейся при окоченѣнiи, температура тѣла поднимается на много градусовъ. Четыре вышедшiя недавно работы г. Бахметьева затрогиваютъ совершенно новые вопросы бiологiи и по содержанiю распадаются на три части. Въ первой изъ нихъ разсматривается зависимость температуры насѣкомыхъ отъ теплоты воздуха, влажности, отъ движенiй, питанiя и дыханiя. При обыкновенной влажности воздуха (Бахметьевъ дѣлалъ опыты, главнымъ образомъ, надъ бабочками) и при искусственно нагрѣтомъ воздухѣ, температура тѣла насѣкомаго всегда ниже температуры воздуха. При болѣе влажномъ воздухѣ, чѣмъ это бываетъ нормально, происходятъ обратныя явленiя. Изъ этого Бахметьевъ дѣлаетъ выводъ, что болѣе низкая температура въ первомъ случаѣ является слѣдствiемъ испаренiя. Движенiе крыльевъ поднимаетъ температуру тѣла, покой понижаетъ; послѣ продолжительнаго покоя, температура тѣла насѣкомаго сравнивалась съ температурой воздуха или была, во всякомъ случаѣ, очень близка къ ней. Наиболѣе высокая температура тѣла, достигнутая бабочками, благодаря движенiямъ, въ среднемъ не превышала 36° Ц.; но, если и послѣ этого искусственнымъ раздраженiемъ заставить бабочку дѣлать движенiя крыльями, то температура тѣла поднималась иногда и до 40° Ц. Если покой и движенiе часто смѣняютъ другъ друга, то температура тѣла въ каждый послѣдующiй перiодъ движенiя опускается ниже, чѣмъ въ предыдущiй. Внезапное, часто наблюдаемое прекращенiе движенiя крыльевъ бабочки происходитъ не вслѣдствiе усталости; такъ, напримѣръ, одна бабочка въ подобномъ случаѣ продолжала еще дѣлать слабыя движенiя крыльевъ почти въ теченiе часа. Многочисленныя наблюденiя надъ бабочками (длинныя путешествiя впродолженiи нѣсколькихъ дней) доказываютъ, что бабочки далеко не такъ скоро устаютъ. Также невѣрно мнѣнiе, что вѣерообразныя движенiя крыльевъ дѣйствуютъ

охлаждающимъ образомъ и тѣмъ ослабляютъ увеличеніе температуры, происходящее отъ движенія. Ложность этого мнѣнія доказывается тѣмъ, что при обрѣзываніи крыльевъ, температура тѣла бабочки повышается очень мало. По Бахметьеву вышеупомянутая остановка движеній крыльевъ происходитъ отъ паралича мускуловъ вслѣдствіе повышенія температуры. Если температура подымается до 50° Ц., то параличъ становится общимъ и полный, за параличемъ слѣдуетъ смерть. Опыты съ искусственно повышенной температурой воздуха показали также, что этотъ проходящій и частичный параличъ наступаетъ только при высокой температурѣ тѣла. При пониженіи температуры воздуха также наступаетъ параличъ; въ одномъ случаѣ это наблюдалось уже при 27° Ц. Голодъ понижаетъ температуру тѣла насѣкомыхъ, дыханіе повышаетъ ее.

Вторая часть изслѣдованій г. Бахметьева распадается на два отдѣла. Въ первомъ разсматривается прижизненный максимумъ температуры. Температура, смертельная для насѣкомаго колеблется между 46° и 53° Ц., въ зависимости отъ частоты дыханія, обмѣна веществъ, отъ испаренія, величины насѣкомаго и, наконецъ, отъ отношенія между бѣлковыми веществами и водой, находящихся въ тѣлѣ животнаго.

Большой біологическій интересъ представляетъ опредѣленіе вліянія низкой температуры на насѣкомое и выясненіе обстоятельствъ, при которыхъ совершается противодѣйствіе ей, а также и опредѣленіе температуры, при которой на ступаетъ смерть (прижизненный минимумъ температуры). На «критическую температуру», послѣ которой наступаетъ смерть, имѣетъ большое значеніе быстрота охлажденія; подъ этимъ Бахметьевъ понимаетъ число градусовъ, при которыхъ температура насѣкомаго въ теченіе *одной минуты* быстро падаетъ, начиная отъ произвольно взятой температуры (Бахметьевъ за таковую беретъ—4° С). Изъ опытовъ выяснилось, что не только «критическая температура» для одного и того же самого вида при различной скорости охлажденія имѣетъ различна, но также и разница между критической температурой и нормальной температурой замерзанія въ различныхъ опытахъ была очень большая.

Бахметьевъ ставилъ опыты также и надъ личинками, куколками, и сравнивалъ результаты, полученные при этихъ опытахъ, съ результатами опытовъ надъ взрослыми насѣкомыми. И здѣсь максимумъ и минимумъ температуры, при которой умираетъ насѣкомое, различны, смотря по виду, полу и стадіи развитія, въ какомъ находится насѣкомое.

Физіологическое дѣйствіе магнита. Ш. Фере сдѣлалъ недавно интересное сообщеніе о физіологическомъ дѣйствіи магнита. Еще въ XVIII столѣтіи Андри и Турэ указывали, что магнитъ можетъ облегчить нѣкоторыя нервныя разстройства. Въ XIX столѣтіи Маггіочани вернулся къ опытамъ Турэ и Андри. Его изслѣдованія показали, что магнитъ возвращаетъ потерянную чувствительность у истеричныхъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже и при органическихъ пораженіяхъ. При этомъ дѣйствіе магнита обнаруживается скорѣе при прибли-

женіи его къ той части тѣла, гдѣ потеряна чувствительность. Но магнитъ возстанавливаетъ не только чувствительность, но и движенія у истеричныхъ, что и было изучено Фере съ помощью динамометра и динамографа. По Фере оказывается, что если поднести магнитъ къ здоровой сторонѣ истеричной больной, то двигательная энергія ея сразу повышается; съ другой стороны опытами Петерсона и Кенелли сдѣланными въ эдисоновской лабораторіи, установлено, что даже самые сильные магниты не оказываютъ никакого дѣйствія на здоровыхъ людей.

Фере утверждаетъ, что дѣйствіе магнита тѣмъ яснѣе и энергичнѣе, чѣмъ конечность, на которую его направляютъ, больше утомлена. Если послѣ полнаго отдыха дѣйствовать магнитомъ въ началѣ работы на сторону, которая начала работать, то прежде всего замѣчается пониженіе работы. При тѣхъ же условіяхъ магнитъ со стороны не работающей вызываетъ небольшое увеличеніе работы. Въ обоихъ случаяхъ увеличеніе и уменьшеніе продолжаются втеченіе одинаковаго промежутка времени. Затѣмъ картина мѣняется; за первоначальнымъ уменьшеніемъ работы слѣдуетъ увеличеніе ея, за увеличеніемъ—уменьшеніе. Послѣ идутъ послѣдовательныя колебанія: то уменьшенія, то увеличенія; это же замѣчается также и при примѣненіи магнита къ уставшей конечности, гдѣ вначалѣ обнаруживается увеличеніе работы. Если приблизить магнитъ къ средней линіи тѣла, то первичныя или вторичныя увеличенія длятся дольше, послѣдовательныя же колебанія слабѣе. Оба магнитные полюса дѣйствуютъ одинаково; направленіе магнита не оказывало замѣтнаго дѣйствія.

«Магнитъ, слѣдовательно,—говоритъ Фере,—дѣйствуетъ какъ сильный возбудитель, который уменьшаетъ работу, если человѣкъ отдохнулъ, и увеличиваетъ её у уставшаго».

Если приблизить магнитъ къ испытуемому субъекту во время работы такъ, чтобы онъ этого не замѣтилъ, то регистрирующіе приборы отмѣчаютъ все же явленія, описанныя нами выше. Слѣдовательно нельзя думать, что здѣсь играетъ роль внушеніе.

Г. Броунъ нашелъ, что при дѣйствіи магнита происходятъ также измѣненія кожной чувствительности, соотвѣтствующія измѣненіямъ двигательнымъ.

Лучи радія для слѣпыхъ. *Гизель* нашелъ, что одна изъ флуоресцирующихъ солей радія продолжаетъ возбуждать свѣтовое впечатлѣніе даже тогда, когда между нею и глазомъ находится какое нибудь непрозрачное тѣло, напр., желѣзо. Присутствіе радія обнаруживается сіяніемъ, который наполняетъ все поле зрѣнія. То же самое сіяніе замѣчается, если къ виску приложить стеклянную трубочку, въ которой находится нѣсколько сантиграммовъ хлористаго радія. *Жаволь* вмѣстѣ съ *Кюри* поставили нѣсколько опытовъ съ цѣлью узнать, какое дѣйствіе оказываетъ радій на слѣпыхъ. Опыты эти констатировали зависимость ощущенія свѣта, испускаемаго радіемъ, отъ состоянія сѣтчатой оболочки даннаго субъекта. Если оболочка эта осталась здоровой, то свѣтовое ощущеніе отъ лучей радія воспринимается слѣпыми такъ же, какъ и зрячими. Поэтому, если было бы возможно сдѣлать прозрачными роговыя оболочки въ тѣхъ случаяхъ,

когда слѣпота происходитъ вслѣдствіе непрозрачности послѣднихъ, то такіе слѣпые, могли бы видѣть, при помощи лучей радія.

Пушки противъ града. *Гутеро* въ «Annuaire de la société météorolique de France» разбираетъ результаты стрѣльбы изъ пушекъ противъ града, полученные въ сѣверной Италіи, въ 1900 г., въ Виндишъ-Фрейштрицъ, въ 1900 и 1901 г., и въ Пруссіи. Гутеро предпринялъ эту работу съ цѣлью выяснить вліяніе пушечныхъ выстрѣловъ на грозовыя тучи.

Пушки, употребляемыя для стрѣльбы противъ града, состоятъ изъ мортиры и воронкообразной трубы. Наиболѣе полные опыты были произведены Перитеромъ и Трабартомъ около Граца. Дымъ и горячіе газы, происходящіе отъ взрыва пороха, выходятъ изъ мортиры въ видѣ крутящагося кольца. Это кольцо, аналогичное кольцу, получаемому при куреніи табака, бываетъ видимо наблюдателю, смотря по состоянію погоды и неба; лучше всего можно наблюдать за кольцомъ при сырой погодѣ и небѣ, сплошь покрытомъ тучами. Сначала діаметръ кольца равенъ діаметру жерла, но на нѣкоторомъ разстояніи отъ него діаметръ увеличивается и можетъ дойти до одного метра. При выхожденіи газовъ и дыма изъ жерла слышится очень характерный свистъ, продолжающійся 10 и даже 20 секундъ *).

Перитеръ и Трабартъ вычислили скорость газовъ по выходѣ изъ такой пушки, а также и дальнѣйшее уменьшеніе этой скорости, при помощи хронографа, измѣряя имъ время, употребляемое газами для прохожденія извѣстнаго пространства; опыты производились съ зарядами различной силы. Градобойная мортира была цилиндрической формы и имѣла 30 сант. въ діаметрѣ и 30 въ длину; воронка-резонаторъ—2 метра 50 сант., а діаметръ ея раструба 52 сантиметра. Стрѣльба производилась въ вертикальномъ и горизонтальномъ направленіяхъ. Опыты этихъ двухъ австрійскихъ ученыхъ показали, что средняя скорость сначала увеличивается съ увеличеніемъ количества пороха, пока зарядъ не достигнетъ вѣса въ 180 граммовъ. При большихъ зарядахъ скорость уменьшается, такъ что для полученія наилучшаго результата зарядъ долженъ быть равенъ 180 грам.

Средняя скорость немного больше, если стрѣлять въ вертикальномъ направленіи, чѣмъ въ горизонтальномъ. Вначалѣ скорость въ вертикальномъ направленіи равна приблизительно $1^1/_4$ скорости въ горизонтальномъ. Можно вычислить, на какомъ разстояніи скорость должна быть равной нулю, и получить такимъ образомъ представленіе о разстояніи, на которое можетъ бить такой газовый «снарядъ». При горизонтальной стрѣльбѣ и зарядѣ въ 180 граммовъ, разстояніе это будетъ равняться приблизительно 200 метр., при стрѣльбѣ въ вертикальной 300 метр. Въ исключительныхъ случаяхъ, при обстоятельствахъ особенно благопріятныхъ, оба эти разстоянія могутъ достичь—первое 300, другое 400 метровъ. Скорость, какъ было сказано, постепенно уменьшается, въ особенности же въ первую секунду и въ началѣ второй, при зарядахъ въ 180 гр.

---

*) I. M. Pernter und Trabert. «Untersuchungen über das Wetterschiessen» (Meteorologische Zeitschrift, 1900, p. 385).

При меньшихъ же зарядахъ, наоборотъ, замедленіе скорости вначалѣ слабое, затѣмъ сильно увеличивается.

Такимъ образомъ, опыты показали, что, если приписывать благопріятное вліяніе на грозовую тучу кольцу изъ газа и дыма, то для того, чтобы получить такое кольцо, нужно употреблять большіе снаряды и заряды. Результаты, полученные въ 2-хъ различныхъ областяхъ, какъ бы подтверждаютъ этотъ выводъ.

Лѣтомъ 1900 г. метеорологическая станція въ Римѣ послала двухъ ученыхъ слѣдить за результатомъ стрѣльбы противъ града въ сѣверной Италіи. Одинъ изъ нихъ, Риццо, поселился съ этой цѣлью въ Casale, въ мѣстности, гдѣ находится 93 синдиката, владѣющіе 2.400 градобойными мортирами; другой же ученый Покетино—въ Канельяно, гдѣ слѣдилъ за стрѣльбой 300 синдикатовъ, имѣющихъ 7.000 мортиръ.

Оба наблюдателя сомнѣваются, чтобы грозовое облако могло бы быть разорвано подъ вліяніемъ газовъ выстрѣла или же моллекулярнаго сотрясенія; лично они ни разу этого не наблюдали. Конечно, это не можетъ еще служить аргументомъ противъ градобойной стрѣльбы. Гораздо интереснѣе статистика, веденная г. Покетино. Эта статистика обнимаетъ собой всѣ случаи когда, выпадалъ градъ, съ указаніемъ мѣста, дня и часа. Всѣ результаты сгруппированы въ слѣдующія пять категорій.

1) Градъ выпадаетъ, несмотря на правильную стрѣльбу, и въ 10 случаяхъ на 100 причиняетъ вредъ. Такихъ случаевъ 46.

2) Градъ при неправильной стрѣльбѣ—18 случаевъ.

3) Правильная стрѣльба; града выпадаетъ мало какъ внѣ, такъ внутри области стрѣльбы; 67 случаевъ.

4) Въ области, гдѣ стрѣляютъ, градъ не выпадаетъ, тогда какъ внѣ ея выпадаетъ очень большое количество; 50 случаевъ.

5) Неправильная стрѣльба: вредъ, принесенный градомъ, меньше тамъ, гдѣ стрѣльба производилась, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ; 10 случаевъ.

Результаты эти указываютъ, что случаи сгруппированные въ-1-ой и во 2-ой неблагопріятны, тогда какъ 2-хъ послѣднихъ—благопріятны. Результаты 2-ой группы сомнительны, такъ какъ неизвѣстно слѣдуетъ ли приписать выпаденіе града неправильности стрѣльбы, или же вообще ея недѣйствительности. Не принимая во вниманіе 18 случаевъ этой категоріи, имѣемъ 60 случаевъ благопріятныхъ и 113 неблагопріятныхъ. Первая и четвертая категорія представляютъ противоположные результаты и обнимаютъ собой почти одно и тоже количество случаевъ. Итакъ результаты 1900 г. кажутся совершенно неблагопріятными въ мѣстности, находившейся подъ наблюденіемъ Покетино. Нужно при этомъ замѣтить, что итальянскія станціи снабжены небольшими градобойными снарядами, зарядъ которыхъ равняется отъ 40 до 80 грам. пороха, и потому интересно познакомиться со станціями, которыя употребляютъ большіе снаряды, напр., Виндишъ Фрейштрицъ. Синдикатъ здѣсь владѣетъ 40 мортирами на пространствѣ въ 40 квадратныхъ километровъ, такъ что каждая мортира оберегаетъ отъ града приблизительно 1 километръ, но это разстояніе иногда измѣняется немного, въ зависимости отъ расположенія мѣстности вино-

градниковъ, въ оберегавіи которыхъ и заключается главная цѣль данныхъ градобойныхъ станцій.

Снаряды, употребляемые здѣсь состоятъ изъ мортиры, калибромъ 30 милим., къ которой придѣлана труба—резонаторъ въ 4 метра вышины. Зарядъ равняется 180 грам. пороха и все устройство приспособлено такъ, чтобы въ часъ можно сдѣлать отъ 40 до 50 выстрѣловъ.

Въ 1900 г. насчитали 29 грозовыхъ дней и 37 грозъ. Въ 1901 г.— 30 грозовыхъ дней и 37 грозъ. Градъ выпалъ 13 разъ въ вышеупомянутой мѣстности. Распредѣленіе по мѣсяцамъ было слѣдующее:

1900	май	1	день	1901	май	3	дня.
»	іюнь	5	»	»	іюнь	2	»
»	іюль	1	»	»	августъ	1	»

Въ оба эти года града выпало мало и градины были бѣлыя и большею частью мягкія. Градины величиной въ маисовое зерно или же въ лѣсной орѣхъ выпали только 6 разъ.

При первомъ взглядѣ на карты, приложенныя къ отчету этихъ станцій, бросается въ глаза, что ни въ 1900 г., ни въ 1901 г. градъ не выпадалъ внутри центральнаго оберегаемаго участка, но только на периферіи его. Такъ на территоріи, занимаемой десятью станціями ни разу не было града въ продолженіи всѣхъ 2-хъ лѣтъ.

Результаты довольно благопріятные, но все же необходима статистика за болѣе продолжительный періодъ, чтобы судить о томъ, зависятъ ли благопріятные результаты отъ стрѣльбы въ облака или нѣтъ.

Съ 1898 года прусскимъ метеорологическимъ институтомъ были начаты опыты съ цѣлью опредѣлить вліяніе пушечныхъ выстрѣловъ на частоту грозъ и выпаденія града. Результаты трехлѣтнихъ наблюденій опубликованы Лахманномъ *).

Наблюденія были сдѣланы на 12 поляхъ, разсѣянныхъ по всей Пруссіи; вокругъ каждаго изъ нихъ производились сравнительныя наблюденія на многихъ станціяхъ (отъ 3 до 5), расположенныхъ на сколько возможно на одинаковыхъ разстояніяхъ отъ опытныхъ полей. Конечно, не всегда было возможно выполнить это послѣднее условіе, и въ дѣйствительности разстоянія станцій, гдѣ производились сравненія отъ полей, гдѣ происходила стрѣльба, разнились отъ 13 до 21 километра и даже для одной станціи до 26 километровъ. Поэтому нельзя сравнивать между собой результаты, полученные на этихъ различныхъ группахъ станцій. Затѣмъ, стрѣльба не продолжалась для всѣхъ группъ одинъ и тотъ же промежутокъ времени. Такъ, для большей части изъ нихъ она производилась въ теченіе 2-хъ мѣсяцевъ (іюнь, іюль); на 3-хъ поляхъ она продолжалась цѣлый годъ, и 6 мѣсяцевъ на всѣхъ остальныхъ. Орудія и снаряды были также различны: полевыя орудія со снарядомъ въ 0,6 килогр., крѣпостныя пушки со снарядомъ въ 100 килогр., большія морскія пушки со снарядомъ болѣе, чѣмъ въ 100 кило. Но все же

---

*) Meteorologische Zeitschrift, стран. 559.

результаты наблюденій очень интересны, они сведены въ слѣдующей таблицѣ. Подъ буквою А обозначена число грозовыхъ дней, число грозъ и выпаденія града на станціяхъ, служащихъ для сравненія; подъ В—соотвѣтственныя числа для полей, гдѣ производилась стрѣльба.

Годовое среднее число:

СТАНЦІИ.	Грозовыхъ дней. A	B	A—B	Грозъ. A	B	A—B	Града. A	B	A—B
Арисъ	23,6	19,0	—4,6	35,0	29,7	— 5,3	1,5	1,7	—0,2
Торнъ	17,8	14,3	—3,5	20,8	16,0	— 4,8	0,7	1,3	+0,6
Гаммерштейнъ	17,0	10,7	—6,3	21,5	12,7	— 8,8	1,1	0,7	—0,4
Ламздорфъ	21,5	12,3	—9,2	26,6	13,3	—13,3	0,5	0,7	+0,2
Ютербогъ	16,7	15,7	—1,0	21,1	19,7	— 1,4	0,8	1,3	+0,5
Куммерсдорфъ	21,3	14,3	—7,0	31,2	19,7	—11,5	1,1	0,7	+0,4
Локштедтъ	19,3	10,3	—9,0	23,8	11,0	—12,8	2,6	1,3	—1,3
Меппень	22,2	27,7	—5,5	36,2	35,0	— 1,2	2,1	1,3	—0,8
Везель	20,2	17,7	—2,5	26,2	23,0	— 3,2	1,4	1,7	+0,3
Ванъ	26,2	26,0	—0,2	40,7	35,0	— 5,7	2,3	3,3	+1,0
Ейзенборнъ	15,8	13,5	—2,3	17,2	15,0	— 2,2	2,2	0,5	—1,7
Дармштадтъ	25,2	21,3	—3,9	34,1	24,3	— 9,8	2,2	2,7	+0,5

Нѣкоторыя уклоненія довольно большія (напр., Ламздорфъ и Меппень), должно быть, произошли вслѣдствіе ошибочныхъ наблюденій. Во всѣхъ случаяхъ, исключая одного, видно, что грозовые дни рѣже на опытныхъ поляхъ, чѣмъ въ окрестностяхъ; въ среднемъ разница равняется немного меньше 4-хъ дней. Единственное исключеніе составляетъ Меппень, гдѣ стрѣльба производилась морскими и береговыми орудіями. Число грозъ также рѣже на опытныхъ поляхъ, чѣмъ на провѣрочныхъ поляхъ. Что касается града, онъ выпадалъ такъ рѣдко, что трудно вывести болѣе или менѣе вѣрное заключеніе. Лахманнъ приходитъ къ выводу, что, если считать всѣ наблюденія вѣрными, то числа показываютъ, что пушечная стрѣльба уменьшаетъ количество грозъ.

Слѣдовательно, наблюденія, сдѣланныя въ Виндишъ-Фрейштрицъ и въ Пруссіи, говорятъ за благопріятное дѣйствіе стрѣльбы изъ пушекъ противъ града. Но все же вопросъ остается подъ сомнѣніемъ; онъ можетъ быть рѣшенъ благодаря только наблюденіямъ, тщательно произведеннымъ и веденнымъ въ теченіе многихъ лѣтъ *).

Средняя продолжительность жизни и пониженіе рождаемости во Франціи. Въ французскомъ статистическомъ сборникѣ о движеніи населенія приведены интересныя цифры о средней продолжительности жизни во Франціи за истекшее столѣтіе. Оказывается, что эта средняя была въ періодъ 1806—1810 г.—30

*) Французскія работы по этому вопросу слѣдующія: «Les orages à grêle et le tir au canon. par F. Houdaille, Paris, 1901. «La défense des vignes contre la grêle» par J. de Chabannes La Palice, Lyon, 1901 г. На нѣмецкомъ брошюра G. Suschning. «Das Wetterschiessen», Graz, 1901.

лѣтъ и 5 мѣсяцевъ для мужчинъ и 32 г. 6 м.—для женщинъ, за періодъ же 1896—1900 г. для мужчинъ—43 г. 8 м., для женщинъ—46 л. 1 м.

Такимъ образомъ, менѣе чѣмъ за столѣтіе средняя продолжительность жизни во Франціи повысилась на 14 лѣтъ. Особенно сильно это повышеніе было въ концѣ столѣтія; такъ, общая (и мужчинъ, и женщинъ) средняя съ 40 лѣтъ въ 1885 г. достигла въ 1900 почти 45 лѣтъ. Такой громадный прогрессъ объясняется, конечно, прежде всего, могучимъ ростомъ культуры и благосостоянія страны. Но имѣется причина и другого порядка — это прогрессивное уменьшеніе рождаемости. Такъ, въ періодъ 1806—1828 г. на 10.000 челов. населенія во Франціи рождалось въ годъ 315 чел., въ періодъ 1859—1868 г.—266 чел., въ періодъ 1879—1883 г.—248 челов., а въ 1899 и 1900 г. —всего по 219 чел. Мы видимъ, что менѣе чѣмъ въ столѣтіе рождаемость уменьшилась почти на 100 на 10.000 и въ настоящее время число рожденій только въ нѣкоторые года превышаетъ, и то весьма незначительно, число смертей, въ иные же годы (1890, 1891, 1892, 1895, 1900) даже ниже послѣдняго.

Извѣстно, что наибольшій процентъ смертности приходится на первый годъ жизни человѣка, и если рождаемость въ данной странѣ крайне незначительна, то одинъ уже этотъ фактъ долженъ сильно повысить среднюю продолжительность жизни. Поэтому высокую продолжительность жизни во Франціи нельзя приписать только однимъ благопріятнымъ условіямъ культурной жизни этого народа, нѣкоторый, и, вѣроятно, весьма значительный, процентъ нужно скинуть со счетовъ, какъ обязанный своимъ происхожденіемъ совершенно другимъ причинамъ.

В. А.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ

ЖУРНАЛА

„МІРЪ БОЖІЙ".

Іюнь 1902 г.

Содержаніе:—Критика и исторія литературы.—Исторія всеобщая.—Соціологія и политическая экономія.—Философія—Естествознаніе и географія.—Народное образованіе.—Новыя книги, поступившія въ редакцію для отзыва.—Новости иностранной литературы.

КРИТИКА И ИСТОРІЯ ЛИТЕРАТУРЫ.

Тарасенковъ. «Послѣдніе дни жизни Гоголя».—«Гоголевскій сборникъ».—*Н. Энгельгардтъ.* «Исторія русской литературы».

Послѣдніе дни жизни Н. В. Гоголя. Записки его современника доктора Тарасенкова. Изданіе второе, дополненное по рукописи. М. 1902. Стр. 33. **Ц. 30 к.** Брошюра доктора Тарасенкова, одного изъ врачей, лечившихъ Гоголя, написана въ апрѣлѣ 1852 года. Впервые она была напечатана въ «Отечественныхъ Запискахъ» въ концѣ 1856 г., но съ пропускомъ нѣкоторыхъ фактовъ и именъ. Эти пропуски явились въ печати только въ концѣ девяностыхъ годовъ, въ IV томѣ «Матеріаловъ для біографіи Гоголя», составленныхъ Шенрокомъ. Воспоминанія Тарасенкова, напечатанныя теперь въ полномъ видѣ, содержатъ много крайне интересныхъ фактовъ и представляютъ документъ первостепенной важности для ознакомленія съ послѣдними днями жизни великаго писателя. И тѣ объясненія, которыя даетъ Тарасенковъ относительно истинныхъ причинъ смерти Гоголя, заслуживаютъ серьезнаго вниманія, хотя эти объясненія и высказаны очень осторожно. «Духовный элементъ—говоритъ докторъ Тарасенковъ,—кажется, былъ преобладающею причиною его безпокойства, потрясеній и могъ вызвать тѣлесныя страданія... Кромѣ безденежья, разныхъ неудачъ, разочарованій... самое его творчество потрясло его здоровье: въ описаніяхъ житейской пошлости онъ весь переселялся въ описываемое и глубоко страдалъ, какъ бы живя на время жизнью своихъ героевъ. Изучая все встрѣчающееся въ жизни, онъ ясно понималъ пошлое даже тамъ, гдѣ другіе его не видали, и скорбѣлъ о немъ... Въ послѣдующихъ своихъ сочиненіяхъ онъ надѣялся разрѣшить глубокую задачу совершенствованія; представить лучшій порядокъ вещей, лучшихъ людей, лучшую жизнь. Окруженный религіозными людьми и самъ всегда искренно преданный религіи, въ послѣднее время онъ подвергся исключительному ея вліянію и окончательно убѣдился, что она одна разрѣшитъ и для другихъ, и для него всѣ возможныя задачи. Совершенствованіе, кажется, онъ началъ съ себя самого и предложилъ себѣ вопросъ: какъ ему жить и дѣйствовать, чтобъ не упустить ничего, предписываемаго православіемъ?.. Вѣроятно, ему казалось, что онъ не исполнилъ одного изъ подвиговъ христіанскихъ—изможденія плоти, о которомъ такъ высоко отзываются подвигоположники, отшельники міра; онъ возненавидѣлъ плоть свою, пересталъ ее питать, рѣшился быть отшельникомъ въ мірѣ». Но все-таки, по мнѣнію доктора Тарасенкова, «никакъ нельзя утверждать, что Гоголь умеръ отъ голода». Ближайшей причиной смерти былъ рѣзкій переходъ «съ французской кухни на пустынническій столъ», переходъ, вызвавшій катарръ желудка и кишекъ. Что касается медицинской помощи, то грубые и невѣжественные эскулапы,

по мнѣнію доктора Тарасенкова, только усилили страданія послѣднихъ дней Гоголя и ускорили приближеніе его смерти. Такъ какъ Гоголь отказывался отъ всякой медицинской помощи, а въ послѣдніе дни своей жизни даже и отъ пищи, то врачи рѣшили лѣчить больного насильно, какъ человѣка, не владѣющаго разсудкомъ. «Обращеніе ихъ (докторовъ),—говоритъ Тарасенковъ,— было неумолимое; они распоряжались (съ Гоголемъ), какъ съ сумасшедшимъ, кричали передъ нимъ, какъ передъ трупомъ. Клименковъ приставалъ къ нему, мялъ, ворочалъ, поливалъ на голову какой-то ѣдкій спиртъ» и т. д. И никакія просьбы Гоголя оставить его въ покоѣ не останавливали этого «медика-палача».

Слѣдуетъ отмѣтить также, что докторъ Тарасенковъ самымъ рѣшительнымъ образомъ отвергаетъ широко распространенное и принимаемое даже Ломброзо мнѣніе, будто бы Гоголь страдалъ извѣстнымъ тайнымъ порокомъ (см. стр. 20).

С. Ашевскій.

Гоголевскій сборникъ. Подъ редакціей проф. М. Сперанскаго. Кіевъ. 1902. Стр. 445 Цѣна 2 р. Гоголевская коммиссія, образованная при нѣжинскомъ историко филологическомъ институтѣ, между прочимъ, ознаменовала пятидесятилѣтнію годовщину смерти Гоголя изданіемъ особаго сборника, который занятъ почти исключительно обзоромъ литературы о великомъ юмористѣ, описаніемъ гоголевской выставки, устроенной въ Нѣжинѣ, и документами, извлеченными изъ архива бывшей «Гимназіи высшихъ наукъ».

Библіографическій обзоръ, составленный г. Заболотскимъ, занимаетъ болѣе ста страницъ и охватываетъ литературу о Гоголѣ съ 1829 года до августа 1901 года. Литература до 1880 года обозрѣвается въ связномъ очеркѣ съ указаніемъ главнѣйшихъ трудовъ о Гоголѣ и главнѣйшихъ точекъ зрѣнія на его литературную дѣятельность. Позднѣйшая литература представлена въ систематическомъ перечнѣ книгъ, статей и замѣтокъ о Гоголѣ, а также его писемъ, посвященныхъ ему стихотвореній и т. д. Отъ подобнаго же обзора, даннаго г. Венгеровымъ въ «Источникахъ словаря русскихъ писателей», вторая половина труда г. Заболотскаго отличается большею полнотою и систематичностью, а главнымъ образомъ, тѣмъ, что о содержаніи отдѣльныхъ произведеній даются краткія указанія.

Описанію выставки предпосланы двѣ статьи проф. Сперанскаго: «Портреты Гоголя» (здѣсь же приведены отзывы современниковъ Гоголя о его наружности) и «Гоголь въ народной книжкѣ и картинкѣ». Изъ послѣдней статьи видно, что лубочная литература воспользовалась для передѣлокъ только четырьмя произведеніями Гоголя, а именно: «Віемъ», «Страшной местью», «Ночью подъ Рождество» и «Тарасомъ Бульбой». Передѣлки эти произведены съ такими искаженіями фабулы, не говоря уже о стилѣ, что «въ результатѣ получается не Гоголь, а фантазіи на гоголевскую тему».

Самый каталогъ выставки занимаетъ болѣе ста страницъ и содержитъ перечень портретовъ Гоголя, рисунковъ и видовъ, имѣющихъ отношеніе къ его жизни и творчеству, бумагъ, автографовъ, рисунковъ и сочиненій Гоголя, журналовъ, въ которыхъ онъ участвовалъ, переводовъ, переложеній и передѣлокъ его сочиненій, музыкальныхъ произведеній на гоголевскія темы и т. д. Особенный интересъ могъ бы имѣть перечень портретовъ родныхъ, друзей, знакомыхъ и современниковъ Гоголя, а также позднѣйшихъ писателей, артистовъ, музыкантовъ и художниковъ, дѣятельность которыхъ имѣла то или иное отношеніе къ Гоголю; къ сожалѣнію, въ этомъ отдѣлѣ даются нерѣдко неточныя и неполныя свѣдѣнія. Такъ, напримѣръ, Анненковъ названъ беллетристомъ, Станкевичъ—«крупнымъ писателемъ», кн. В. Ѳ. Одоевскій—«бывшимъ арзамасцемъ», Н. Павловъ—издателемъ «Московскихъ Вѣдомостей» и т. д. Невѣрно, неточно или неполно также указаны и отношенія Гоголя къ нѣкоторымъ изъ его современниковъ. На стр. 235-ой говорится, что Гоголь надѣялся получить отъ цесаревича матеріальную поддержку, но не упомянуто, что онъ получилъ

черезъ Жуковскаго 4 т. рублей. Объ отношеніяхъ Плетнева къ Гоголю сказано только, что онъ много помогалъ Гоголю въ его хлопотахъ о «Мертвыхъ душахъ». О министрѣ Уваровѣ сообщается, что «съ нимъ Гоголь состоялъ въ перепискѣ». Объ И. Аксаковѣ говорится, что онъ вмѣстѣ съ Гоголемъ бывалъ у Смирновой въ Калугѣ въ 1851 году, тогда какъ на самомъ дѣлѣ Аксаковъ познакомился со Смирновой еще въ 1845 году. Лучше было бы вовсе не говорить о взаимныхъ отношеніяхъ Гоголя и его современниковъ, чѣмъ говорить такъ неполно и невѣрно, какъ это сдѣлано въ каталогѣ нѣжинской выставки.

Наиболѣе цѣнную часть «Гоголевскаго сборника» представляетъ отдѣлъ документовъ, имѣющихъ отношеніе или къ самому Гоголю, или къ тому учебному заведенію, въ которомъ онъ учился. Тутъ мы находимъ списки воспитанниковъ гимназіи, ихъ отмѣтки, росписаніе учебныхъ предметовъ и учебнаго времени, учебныя программы, списокъ экзаменаціонныхъ вопросовъ по отдѣльнымъ предметамъ, списокъ темъ для сочиненій по русскому языку и т. д. Особенно интересны журналы педагогическихъ конференцій, переносящіе насъ въ доброе старое время. Вотъ, напримѣръ, выдержки изъ «Протоколовъ конференціи за мартъ 1825 года», гдѣ говорится о храмовомъ праздникѣ гимназіи. «При говореніи слова отецъ архимандритъ и при восклицаніи многолѣтія всѣ предстоящіе обращали взоры на портреты ихъ сіятельствъ, основателей (гимназіи), *нарочито въ храмѣ* на приличномъ мѣстѣ поставленные, къ вящшему оживотворенію благодарныхъ чувствованій». Далѣе говорится, что во время обѣда и пансіонеры, и «чиновники» гимназіи «изъ пламенной любви и привязанности мысленными взорами, казалось, искали присутствія его сіятельства (графа Безбородко), истиннаго своего покровителя, и душами въ тѣхъ мѣстахъ съ нимъ были, кои его высокую особу скрываютъ для вящшихъ будущихъ радостей, съ благодушнымъ терпѣніемъ ожидаемыхъ» (стр. 344—345).

Кое-гдѣ въ протоколахъ конференцій встрѣчается и имя Гоголя. Такъ, напримѣръ, въ февралѣ 1824 года воспитанникъ Яновскій (т.-е. Гоголь) получилъ по поведенію *единицу* «за неопрятность, шутовство, упрямство и неповиновеніе». Но послѣ угрозы исключить его изъ гимназіи Гоголь исправился и въ мартѣ «велъ себя отлично хорошо». Въ 1827 году проф. Билевичъ представилъ конференціи рапортъ, въ которомъ, между прочимъ, жаловался на дерзость и нахальство Яновскаго. По своей крайней безграмотности представляетъ также интересъ прошеніе Гоголя и его письменный отвѣтъ на экзаменѣ по русской исторіи.

Въ общемъ, «Гоголевскій сборникъ» представляетъ цѣнный вкладъ въ литературу о Гоголѣ. *С. Ашевскій.*

Николай Энгельгардтъ. Исторія русской литературы XIX столѣтія. Т. I (1800—1850). Спб. 1902. Г. Энгельгардтъ взялся написать весьма нужную и полезную для русскаго читателя книгу, но выполнилъ свою задачу крайне своеобразно. Прежде всего надо отмѣтить, что онъ расположилъ историко-литературный матеріалъ по десятилѣтіямъ, такъ какъ, по его мнѣнію, «въ общемъ ритмъ десятилѣтій положительно наблюдается въ литературной эволюціи». Но достаточно сопоставить это дѣленіе съ тѣмъ дѣленіемъ исторіи русской литературы на двадцатипятилѣтія, которое было предложено г. Бороздинымъ въ его книжкѣ «Сто лѣтъ литературнаго развитія», чтобы видѣть, какъ искусственны установленныя г. Энгельгардтомъ рубрики. И въ самомъ дѣлѣ, развѣ второе десятилѣтіе XIX вѣка не расколото Отечественной войной и войнами за освобожденіе Европы на двѣ различныя половины? Развѣ первая половина третьяго десятилѣтія походитъ на вторую? Развѣ сороковые годы нисколько не измѣнились послѣ февральской революціи? Наконецъ, развѣ такъ называемые «шестидесятые годы» укладываются въ рамки седьмого десятилѣтія? Но творецъ этого искусственнаго дѣленія идетъ гораздо дальше: самую дѣятельность русскихъ писателей онъ подчиняетъ «ритму десятилѣтій», хотя уже приведенный имъ

примѣръ Пушкина какъ разъ и не подходитъ подъ этотъ измышленный ритмъ. Только забывъ, что «Борисъ Годуновъ» написанъ въ половинѣ двадцатыхъ годовъ, можно утверждать, какъ это дѣлаетъ г. Энгельгардтъ, что «на тридцатые годы упадаетъ расцвѣтъ (у Пушкина) высоко самобытнаго драматическаго творчества».

Какъ ни искусственно такое расположеніе матеріала, при которомъ литературная дѣятельность Жуковскаго, напримѣръ, разсматривается чуть не въ десяти мѣстахъ книги, можно было бы примириться съ неудачнымъ планомъ ради цѣннаго содержанія, тѣмъ болѣе, что и при иномъ расположеніи историко-литературнаго матеріала, напримѣръ, по авторамъ или по «главнымъ теченіямъ», нельзя избѣжать нѣкоторыхъ неудобствъ. Но и содержаніе «Исторіи русской литературы XIX вѣка» не можетъ удовлетворить даже очень скромнымъ требованіямъ, особенно послѣ того «широковѣщательнаго и многошумящаго» предисловія, которое предпослано книгѣ. Въ этомъ предисловіи обѣщано дать относительно каждаго десятилѣтія «исторію критики, исторію романа и всѣхъ остальныхъ формъ повѣствовательной прозы, исторію стихотворной формы, исторію драматургіи и исторію литературныхъ кружковъ». Всѣ эти отрасли литературы должны быть разсмотрѣны во «взаимоотношеніи», причемъ «откидывается само собой раздѣленіе писателей на непризнанныхъ и признанныхъ, забытыхъ и безсмертныхъ, изящныхъ и безвкусныхъ, великихъ и малыхъ, литературно-безнравственныхъ и либерально-благонамѣренныхъ, овецъ и козлищъ». Составитель книги задается самыми широкими цѣлями: онъ хочетъ дать, съ одной стороны, «наглядное представленіе о литературной эволюціи и преемствѣ писателей нашего столѣтія», съ другой—«справочную книгу для всѣхъ интересующихся литературой». Не умолчалъ авторъ и о той «долгой и тяжелой работѣ», которая выпала на его долю при составленіи «Исторіи русской литературы». «Намъ приходилось,—говорится въ предисловіи,—по многимъ отрывочнымъ и недостаточнымъ трудамъ нашихъ библіографовъ составлять библіографическіе указатели по десятилѣтіямъ произведеній критики, прозы, поэзіи и драмы... Исторія литературныхъ кружковъ требовала просмотра многихъ мемуаровъ, записокъ, сборниковъ писемъ... приходилось употреблять не мало времени на утомительный просмотръ множества старыхъ журналовъ» и т. д. Авторъ не обольщенъ, конечно, своимъ трудомъ настолько, чтобы не допускать въ немъ «частныхъ недосмотровъ и мелкихъ неточностей», но зато онъ чуждъ и той ложной скромности, которая помѣшала бы ему заявить, что его трудъ «дастъ возможность *едва ли не впервые* наглядно обозрѣть литературную эволюцію XIX вѣка».

Перейдя отъ предисловія къ самой книгѣ, читатель не замедлитъ убѣдиться, что приведенныя обѣщанія удовлетворены въ весьма слабой степени. Въ книгѣ говорится и объ общественномъ движеніи, и о критикѣ, и о журналистикѣ, и объ изящной литературѣ, но говорится обо всемъ этомъ такъ бѣгло и отрывочно, что «нагляднаго представленія о литературной эволюціи и преемствѣ писателей» не получается, хотя авторъ и не останавливается ни передъ какими, даже самыми рискованными сближеніями. Онъ никогда не упускаетъ случая сблизить отдѣльные стихи двухъ поэтовъ, хотя бы въ сближаемыхъ стихахъ общаго было одно-два слова. Самаго незначительнаго сходства отдѣльныхъ произведеній по формѣ или по содержанію для автора «Исторіи русской литературы» вполнѣ достаточно, чтобы упомянуть о «преемствѣ писателей». «Можно сказать,—читаемъ мы, напримѣръ, на стр. 65,—что какъ «Марьина роща»—«Бѣдная Лиза», въ которой сентиментализмъ замѣненъ романтизмъ, такъ «Бояринъ Орша» не что иное, какъ «Марьина роща», въ которомъ неопредѣленный романтизмъ замѣненъ столь же неопредѣленнымъ байронизмомъ». Точно такъ же сближаетъ г. Энгельгардтъ «Гимнъ глупцамъ» Карамзина съ комедіей Грибоѣдова, а «Свѣтлану» Жуковскаго со сномъ Татьяны въ «Евгеніи

Онѣгинѣ». Настолько же удачно и производимое имъ сближеніе отдѣльныхъ литературныхъ типовъ.

Еще менѣе достигнута вторая цѣль—сдѣлать «Исторію русской литературы» справочной книгой. Обиліе фактическихъ ошибокъ и опечатокъ, своеобразный планъ книги, отсутствіе алфавитнаго указателя и даже общаго оглавленія—все это мѣшаетъ книгѣ г. Энгельгардта быть справочнымъ изданіемъ, Библіографическій отдѣлъ «Исторіи» также страдаетъ существенными недостатками. «Отдѣльные параграфы,—говорится въ предисловіи,—сопровождаются необходимыми и достаточными библіографическими указаніями»; но для кого эти указанія веобходимы и достаточны, трудно понять. Для библіографа и спеціалиста въ области исторіи русской литературы эти указанія излишни и недостаточны. Что же касается образованнаго читателя или журналиста, которые захотѣли бы ближе познакомиться съ тѣмъ или другимъ литературнымъ дѣятелемъ, то они найдутъ въ библіографическихъ указаніяхъ г. Энгельгардта много крайне маловажнаго, въ родѣ замѣтокъ о портретахъ, могилахъ или письмахъ, и не найдутъ часто новѣйшихъ изслѣдованій и такихъ книгъ и статей, которыя необходимо было бы рекомендовать для первоначальнаго ознакомленія съ тѣмъ или другимъ писателемъ. Такъ, напримѣръ, въ библіографіи ѳ Радищевѣ не указаны статья г. Якушкина въ «Энциклопедическомъ словарѣ», статья г. Мякотина въ сборникѣ «На славномъ посту», и статья г. Боброва «Радищевъ, какъ философъ». О журналистикѣ перваго десятилѣтія г. Энгельгардтъ счелъ нужнымъ указать только одинъ «Указатель къ «Вѣстнику Европы» Полуденскаго. Въ библіографію о Карамзинѣ не попала книга г. Сиповскаго о «Письмахъ русскаго путешественника». Въ библіографіи о Жуковскомъ не указаны статья Тихонравова и переписка поэта со своими племянницами, напечатанная въ «Русской Старинѣ» 1883 года. О Герценѣ не указана книжка г. Смирнова и статьи г-жи Некрасовой. Въ число десяти важнѣйшихъ книгъ о Пушкинѣ попала и книга г. Щеглова (!) «Новое о Пушкинѣ». О Хомяковѣ и Кирѣевскихъ не указаны книжки г. Лясковскаго, а ѳ К. Аксаковѣ—статья г. Венгерова въ «Критико-библіографическомъ словарѣ». О Баратынскомъ не указаны статьи гг. Андреевскаго, Саводника, Стороженки, «Татевскій сборникъ» г. Рачинскаго и т. д. О нѣкоторыхъ же писателяхъ, напримѣръ, о Далѣ, о гр. Растопчиной, не указано ни одной критической и біографической статьи, а сочиненія Даля, если повѣрить г. Энгельгардту, послѣ 1846 года не выходили отдѣльнымъ изданіемъ.

Обѣщаніе не дѣлать различія между первоклассными писателями и меньшей литературной братіей также не соблюдено въ достаточной степени. Нѣкоторымъ второстепеннымъ дѣятелямъ удѣлено даже черезчуръ много мѣста, напримѣръ, А. Измайлову, Нарѣжному, Булгарину, отчасти Загоскину. Зато ѳ многихъ второстепенныхъ писателяхъ только упомянуто, хотя сочиненія ихъ въ свое время играли видную роль. Такъ, напримѣръ, повѣствовательной прозѣ второго десятилѣтія удѣлено 22 страницы, но изъ нихъ 20 страницъ посвящены «Исторіи» Карамзина. Тридцатые годы г. Энгельгардтъ считаетъ «расцвѣтомъ русской прозы» и даетъ довольно подробный обзоръ прозаическихъ произведеній Пушкина и Гоголя, остальнымъ же беллетристамъ посвящается всего полторы страницы.

Изъ всѣхъ обѣщаній, данныхъ въ предисловіи, исполнено только одно. «Мы *воздерживались*,—говоритъ г. Энгельгардтъ,—отъ напрасныхъ разглагольствованій и изложеній «своими словами». Мы старались характеризовать писателей яркими цитатами и приводили оцѣнки ихъ изъ нашихъ выдающихся критиковъ». Цитаты, особенно изъ малодоступныхъ или забытыхъ сочиненій,—вещь хорошая и необходимая, когда онѣ служатъ для подкрѣпленія собственныхъ мыслей автора статьи или книги. Но когда цитатами *возмѣщается* или *замаскировывается* недостатокъ собственныхъ сужденій, тогда книга полу-

чаетъ характеръ журнальныхъ или газетныхъ обзоровъ текущей печати, при составленіи которыхъ дѣйствуютъ не столько перомъ, сколько ножницами. При такомъ почти механическомъ наборѣ цитатъ не трудно впасть въ противорѣчія и сбить читателя съ толку, а также наполнить книгу устарѣлыми взглядами и невѣрными фактами. Книга г. Энгельгардта, можно сказать, переполнена цитатами, при выборѣ которыхъ авторъ новой «Исторіи русской литературы» не брезгалъ даже такими источниками, какъ книга Гербеля о русскихъ поэтахъ. Кромѣ того, цитаты не всегда заимствованы изъ первыхъ рукъ, не всегда идутъ къ дѣлу и не всегда стоятъ на своемъ мѣстѣ. Такой небрежный подборъ цитатъ и вообще крайне небрежное отношеніе автора къ своему труду обусловили невѣроятное обиліе всякаго рода противорѣчій, ошибокъ и странностей. Такъ, напримѣръ, на стр. 41 Шишковъ названъ «тонкимъ, логическимъ и гибкимъ критическимъ умомъ», а на стр. 565 безъ всякихъ возраженій приведено мнѣніе кн. Вяземскаго: «Шишковъ былъ не умный человѣкъ». Подобныя противорѣчія встрѣчаются на одной и той же страницѣ. Такъ, на стр. 421 сначала приводится заявленіе Тургенева, что «въ жилахъ Бѣлинскаго текла безпримѣсная кровь—принадлежность нашего великорусскаго духовенства», а вслѣдъ за этими словами г. Энгельгардтъ уже отъ себя говоритъ, что отецъ знаменитаго критика былъ лѣкарь, женатый на дочери флотскаго офицера. На стр. 596 г. Энгегардтъ сначала сообщаетъ, что Островскій первымъ своимъ произведеніемъ «Картина семейнаго счастья» сразу обратилъ на себя «вниманіе всей Москвы». А нѣсколькими строками ниже приводится показаніе Ап. Григорьева, что первое произведеніе Островскаго прошло «почти что» незамѣченнымъ.

Еще больше въ книгѣ г. Энгельгардта всякаго рода фактическихъ ошибокъ и недосмотровъ. О Жуковскомъ, напримѣръ, говорится, что онъ «насаждалъ романтизмъ своими балладами», которыя печатались въ журналѣ Мерзлякова «Амфіонъ» (стр. 178), хотя этотъ журналъ издавался только въ 1815 году, а баллады Жуковскаго начали появляться съ 1808 года. Знаменитое заявленіе Кирѣевскаго: «у насъ еще нѣтъ литературы», по заявленію г. Энгельгардта, было напечатано въ «Европейцѣ» (стр. 249), тогда какъ на самомъ дѣлѣ оно было напечатано въ альманахѣ Максимовича «Денница». О кн. В. Одоевскомъ говорится, что онъ выступилъ на литературное поприще въ «Мнемозинѣ» 1824 г. (стр. 258), а не въ «Вѣстникѣ Европы» 1822 года, какъ это было на самомъ дѣлѣ. Романъ Герцена «Кто виноватъ?», по увѣренію г. Энгельгардта, появился въ полномъ видѣ въ «Современникѣ» (стр. 574). Знаменитое письмо Бѣлинскаго къ Гоголю изъ Зальцбрунна, по заявленію г. Энгельгардта, «напечатано цѣликомъ» въ книгѣ Пыпина о Бѣлинскомъ и въ книгѣ Барсукова о Погодинѣ (стр. 547). На самомъ же дѣлѣ въ обоихъ сочиненіяхъ письмо Бѣлинскаго напечатано съ пропусками. Сомнительно также и заявленіе г. Энгельгардта, будто бы «подлинникъ письма Бѣлинскаго хранится въ отдѣленіи рукописей Императорской публичной библіотеки». Если бы тамъ былъ подлинникъ, незачѣмъ было-бы г. Барсукову перепечатывать письмо съ копіи, хранящейся въ бумагахъ Краевскаго.

Приведенныхъ данныхъ достаточно, чтобы судить о библіографической сторонѣ новаго труда по исторіи русской литературы. Біографическая его часть изобилуетъ не меньшими ошибками. Кромѣ того, необходимо отмѣтить, что объ однихъ писателяхъ сообщаются біографическіе факты, о другихъ же подобныхъ фактовъ не дается, чѣмъ затрудняется пониманіе творчества такихъ поэтовъ, какъ Батюшковъ и Жуковскій.

Такимъ образомъ, авторъ «Исторіи русской литературы» не могъ справиться въ должной мѣрѣ ни съ цитатами, ни съ біографическими и библіографическими данными. Если мы обратимся къ собственнымъ сужденіямъ г. Энгельгардта, то встрѣтимся съ не меньшими странностями и противорѣчіями. Такъ, въ одномъ мѣстѣ насъ увѣряютъ, что Пушкинъ вдохновлялся «Исторіей» Карамзина и

писалъ по ней «Бориса Годунова» (стр 174), а въ другомъ—оказывается, что Пушкинъ далъ Бориса не карамзинскаго, а народнаго, лѣтописняго (стр. 506). На стр. 379 Баратынскій названъ «буддистомъ въ русской лирикѣ», а на стр. 588 «вѣнцомъ» его поэзіи признается «Молитва», гдѣ поэтъ проситъ Творца:

И на строгій Твой *рай*
Силы сердцу подай.

Но буддійская нирвана и христіанскій рай вѣдь не одно то же. Иногда г. Энгельгардтъ рѣшается «смѣть свое сужденіе имѣть», но результатомъ такой смѣлости получились заявленія въ родѣ нижеслѣдующихъ: «Озеровъ незаслуженно забытъ» (стр. 113), «Кукольникъ болѣе, чѣмъ кто-либо изъ его современниковъ, одаренъ былъ драматическимъ талантомъ при свѣтломъ умѣ и прекрасномъ образованіи» (стр. 500), Печоринъ—«очень дурного тона Онѣгинъ» (стр. 555), Одиссей—«Фаустъ древности» (стр. 582) и т. д.

Языкъ «Исторіи русской литературы крайне отрывоченъ и небреженъ, а мѣстами отличается крайней вычурностью и невразумительностью. Вотъ, напримѣръ, сужденіе Энгельгардта о поэзіи Пушкина: «Единое начало проницаетъ все творчество Пушкина. Единый элементъ наполнялъ его духъ. Пушкинъ—это свобода. И вездѣ, гдѣ только есть свобода—тамъ и Пушкинъ. Муза Пушкина чуднымъ образомъ умѣла все претворять въ свободу. Доктринеръ, для котораго свобода находится въ либеральной прописи, не пойметъ широты Пушкина. Но Пушкинъ—это свобода русскаго народа. Это та всеобъемлемость свободы, которую нельзя заточить, такъ какъ она остается собою и въ казематѣ, и на плахѣ, всюду и всегда Поэзія Пушкина—сплошной гимнъ свободы. Это—великая хартія вольности, освободившая геній русскаго народа отъ ига подражательности. Поэзія эта—показатель той свободы, которую можетъ вмѣстить русскій духъ, которой онъ можетъ удовлетвориться» (стр. 344—5). А вотъ, напримѣръ, сужденіе г. Энгельгардта о неблагопріятныхъ условіяхъ для развитія русской литературы: «Цвѣтеніе духовной нивы нашей происходило въ условіяхъ неблагопріятныхъ въ высшей степени. Слово въ глубинѣ сознающаго духа зрѣло, и младенецъ долженъ былъ родиться богатыремъ. Но при разрѣшеніи отъ литературнаго бремени стояли акушеры, которые платонически воздыхали о невозможности затворить чрево рождающее и, во всякомъ случаѣ, мѣшали, сколько могли, правильному рожденію. Увы, сколько первородящихъ нашей литературы сгибло отъ этой опеки! Сколько плодовъ беременѣющаго духа явились на свѣтъ Божій искалѣченными, недоразвитыми! Писатели умирали, дѣлали мало. И это понятно. Въ трудномъ, болѣзненномъ дѣлѣ своемъ они не встрѣчали помощи. Окружающее сдѣлало все, чтобы отравить ихъ существованіе. И едва ли не треть нашего умственнаго урожая осыпалась на корню» (248). Иногда же авторъ прямо говоритъ библейскимъ языкомъ. О реакціи, вызванной февральской революціей, говорится такъ: «Олютѣли силы тьмы, и змій невѣжественнаго ханжества, изувѣрства и человѣконенавистничества сжалъ въ своихъ кольцахъ русскую литературу» (579).

Въ заключеніе можно только пожалѣть о томъ, что «долгая и тяжкая работа» автора не принесла желаннаго плода и не возмѣстила того пробѣла въ русской литературѣ, для устраненія котораго предназначалась разобранная книга. И относительно обѣщаннаго второго тома «Исторіи русской литературы» можно опасаться что и онъ будетъ составленъ такъ же неумѣло, поспѣшно и небрежно, какъ и первый. *С. Ашевскій.*

ИСТОРІЯ ВСЕОБЩАЯ.

Фюстель де-Куланжъ. «Исторія общественнаго строя древней Франціи».—*Ог. Тьерри.* «Городскія коммуны въ средніе вѣка.

Фюстель де-Куланжъ. Исторія общественнаго строя древней Франціи. Переводъ подъ редакціей И. М. Гревса. Томъ I. Римская Галлія. Ц. 3 р.

Въ развитіи исторической науки во вторую половину прошлаго вѣка Фюстель де-Куланжъ занимаетъ одно изъ наиболѣе видныхъ мѣстъ. Его работы смѣло могутъ быть сопоставляемы съ работами крупныхъ нѣмецкихъ изслѣдователей— Вайца, Зибеля, Гизебрехта и др. Но въ ихъ положеніи въ исторіографіи есть большая разница. Значеніе трудовъ нѣмецкихъ историковъ легко поддается учету, ибо ихъ выводы сдѣлались по большей части прочнымъ достояніемъ исторической науки, между тѣмъ, результаты огромной работы Куланжа далеко не всегда представляются безспорными, и нѣкоторые наиболѣе важныя изъ его заключеній нуждаются въ болѣе убѣдительной аргументаціи. Это обстоятельство до сихъ поръ вызывало и, вѣроятно, долго еще будетъ вызывать скептическое отношеніе къ Куланжу. Главари нѣмецкой исторической науки, которымъ приходилось заниматься тѣми же вопросами, что и Куланжу, напр., Вайцъ, Бруннеръ, даютъ его книгѣ рѣзкую, почти пренебрежительную оцѣнку. Только въ самое послѣднее время такое отношеніе начинаетъ смѣняться инымъ, менѣе высокомѣрнымъ. Недавно умершій Гешль въ своей послѣдней работѣ называетъ «Histoire des institutions politiques»—Schöne Werk, хотя и не согласенъ съ главными его положеніями. Въ Англіи къ Куланжу относились болѣе справедливо, чѣмъ у нѣмцевъ, но внѣ Франціи, какъ кажется, только въ Россіи Куланжъ нашелъ истинную оцѣнку своихъ трудовъ. Въ семинаріи проф. П. Г. Виноградова въ Москвѣ на «Cité antique» и «Histoire des institutions» воспиталось все молодое поколѣніе историковъ, въ Петербургѣ И. М. Гревсъ дѣлалъ то же, что въ Москвѣ проф. Виноградовъ.

Чѣмъ же объясняется такая странная судьба работъ французскаго историка? Несомнѣнно, пріемами его изслѣдованія. Ихъ можно охарактеризовать въ двухъ словахъ: Куланжъ хочетъ изгнать изъ историческаго изслѣдованія логику. Онъ не придаетъ никакой цѣны выводу, полученному не на основаніи текста, а добытому путемъ какого бы то ни было умозаключенія. Это—основа его критическаго метода, этимъ, какъ намъ кажется, объясняется и парадоксальность большинства его построеній. И въ «Исторіи учрежденій», и въ отдѣльныхъ этюдахъ — всюду онъ полемизируетъ съ нѣмецкой школой, обвиняя ея представителей—Зома и др., въ томъ, что они насилуютъ тексты и прибѣгаютъ къ произвольнымъ логическимъ заключеніямъ тамъ, гдѣ для этого нѣтъ никакихъ основаній. Такой взглядъ естественно долженъ былъ создавать для изслѣдователя соціальныхъ отношеній такой отдаленной эпохи, какою занимался Куланжъ въ своей главной работѣ, серьезныя затрудненія. Такихъ памятниковъ, въ которыхъ факты непрагматическаго порядка вскрывались бы непосредственно, и вообще немного, а для исторіи Франціи до IX в. ихъ совсѣмъ мало. Такъ что Куланжу приходилось одолѣвать тутъ цѣлый рядъ препятствій. Онъ всячески старался помочь горю и въ этомъ отношеніи сдѣлалъ очень много. Онъ, напр., доказалъ, что въ лѣтописяхъ заключается болѣе обильный матеріалъ для исторіи соціально-политическихъ отношеній, чѣмъ это принято думать; онъ умѣлъ выжимать изъ самаго ординарнаго свидѣтельства, мимо котораго не разъ съ пренебреженіемъ проходилъ историкъ, новое, порою цѣнное освѣщеніе того или иного явленія; путемъ филологическихъ конъектуръ и этюдовъ о словоупотребленіи въ различныя эпохи, онъ давалъ новое толкованіе заѣзженнымъ свидѣтельствамъ. Словомъ, тутъ его работа необыкновенно плодотворна; какъ аналитикъ, Куланжъ показалъ себя мастеромъ первой величины. Но даже его мастерство не всегда помогало заполнить тѣ огромные пробѣлы, которые находились въ источникахъ, и нечувствительно для себя Куланжъ вступалъ на путь той самой логической работы, которую онъ такъ рѣзко осуждалъ. Но его логика — иная, чѣмъ логика въ изслѣдованіяхъ нѣмцевъ. Куланжъ все-таки пришитъ къ тексту, онъ не отходитъ отъ него ни на шагъ, и логическія манипуляціи производитъ надъ текстомъ; отсюда происходятъ натяжки, которыя можно было бы назвать передержками, если бы

заранѣе не падало всякое подозрѣніе въ научной добросовѣстности автора. Это, несомнѣнно, отражается на результатахъ изслѣдованія, но общій принципъ ни мало отъ этого не страдаетъ. Остается во всей силѣ протестъ противъ внесенія въ анализъ предвзятой точки зрѣнія, противъ подчиненія изслѣдованія чуждой ему идеѣ. Въ этомъ заключается одна важная заслуга Куланжа. Другая болѣе общаго характера; она вытекаетъ изъ историко-философской концепціи автора. Куланжъ — яркій представитель эволюціоннаго направленія въ исторіографіи; онъ смотритъ на историческій процессъ, какъ на непрерывную цѣпь развитія, гдѣ ничто не возникаетъ изъ ничего и ничто не пропадаетъ безслѣдно, гдѣ крупныя явленія подготовляются исподволь, а не не появляются сразу. Если таковъ его взглядъ на процессъ исторіи, то ясно, каковы должны быть взгляды на науку, его изучающую. «Исторія, — говоритъ онъ въ одномъ мѣстѣ, — есть наука о ростѣ (dévenir); она не столько занимается фактами, какъ таковыми, сколько образованіемъ и измѣненіемъ фактовъ; это— наука о происхожденіяхъ, сцѣпленіяхъ, развитіяхъ, превращеніяхъ». Такому представленію а priori должны были быть чужды какіе бы то ни было «принципы» къ которымъ такъ охотно обращалась господствовавшая традиціонная школа, раздѣлявшаяся научно-національнымъ споромъ на два лагеря—романистовъ и германистовъ. Выводить крупное историческое явленіе изъ расовой психологіи, изъ свойствъ полуметафизическаго «народнаго духа» значило, съ точки зрѣнія Куланжа, заранѣе обрекать себя на цѣлый рядъ недоразумѣній и ошибокъ. Самъ онъ, какъ совершенно справедливо указываетъ И. М. Гревсъ въ своемъ предисловіи къ русскому переводу «Institutions», можетъ быть причисляемъ къ романистамъ съ очень крупными оговорками. Куланжъ протестовалъ противъ такой клички, и весь его трудъ краснорѣчиво говоритъ за то, что этотъ протестъ не былъ пустымъ звукомъ. Онъ далекъ отъ того, чтобы сводить все средневѣковое развитіе къ *однимъ* римскимъ зародышамъ. Его представленіе заключается въ томъ, что древніе зародыши питались и развивались въ новой средѣ, въ которой, по его мнѣнію, было мало специфически-германскихъ элементовъ. Съ этимъ представленіемъ соединяется другое — о живучести древней культуры и о торжествѣ античнаго культурнаго преданія надъ варварствомъ. Ясно, въ чемъ заключается разница между этой общей точкой зрѣнія и точкой зрѣнія представителей традиціоннаго направленія. Тезисъ Куланжа—выводъ, полученный аналитическимъ путемъ; тезисъ традиціоналистовъ — идея, управляющая анализомъ.

Какъ извѣстно, Куланжъ думалъ довести свое изслѣдованіе до революціи 1789 года, но смерть застигла его на каролингскомъ періодѣ. То, что онъ успѣлъ сдѣлать, никогда не утратитъ своего значенія въ исторической наукѣ. Куланжъ освѣтилъ ея пріемы, и уже одно это составляетъ крупную заслугу.

Первый томъ, переведенный подъ редакціей Гревса, заключаетъ въ себѣ характеристику до-римской Галліи, римскаго завоеванія и первую половину характеристики римской имперіи. Здѣсь, какъ и въ остальныхъ пяти томахъ необыкновенно вѣрныя и глубокія замѣчанія встрѣчаются рядомъ съ пародоксальными. Самый крупный пародоксъ заключается во взглядѣ на римскую имперію IV вѣка какъ на здоровый, жизнеспособный организмъ. Это одинъ изъ тѣхъ вопросовъ, въ которыхъ Куланжъ рѣзко разошелся съ господствующими воззрѣніями и разошелся совершенно напрасно. Чтобы выдержать до конца свою точку зрѣнія, Куланжъ принужденъ былъ дать невѣрную оцѣнку ряду общественныхъ явленій — декуріонату и проч. Къ сожалѣнію, мы не можемъ вдаваться въ подробную оцѣнку книги, ибо для этого пришлось бы писать цѣлую статью.

Переводъ очень хорошій. Редакторъ предназначилъ его для учащейся молодежи и дѣлаетъ это вполнѣ правильно. Воспитательное значеніе де-Куланжа огромно. Онъ будитъ мысль, учитъ разрушать авторитеты и пропагандируетъ

скептическую точку зрѣнія. Въ исторической наукѣ все это необыкновенно цѣнно. *А. Дживелеговъ.*

Огюстенъ Тьерри. Городскія коммуны во Франціи въ средніе вѣка. Переводъ Г. А. Лучинскаго съ предисловіемъ проф. Н. И. Карѣева. Цѣна 75 коп. Настоящая книжка представляетъ переводъ XIII — XXIV писемъ изъ книги Тьерри «Lettres sur l'histoire de France», появившейся въ 1827 году и сохраняющей до сихъ поръ значеніе классической работы по исторіи коммунальнаго движенія во Франціи. Исторія французскихъ коммунъ, несомнѣнно, одна изъ любопытнѣйшихъ страницъ средневѣковой исторіи какъ по драматизму событій, такъ и по тому огромному значенію, которое пріобрѣла коммуна, какъ политическая форма. Въ настоящее время, благодаря изслѣдованіямъ Люшера, Жири Флака и другихъ историковъ, мы знаемъ хорошо, что представляли изъ себя коммуны, при какихъ условіяхъ онѣ возникли, какъ было организовано въ нихъ управленіе, какъ онѣ погибали. Но въ то время, когда Тьерри принимался за составленіе исторіи коммунъ, не было сдѣлано почти ничего. Ему чуть не съ самаго начала пришлось продѣлывать всю работу. Въ этомъ главное значеніе его книги.

Почему же Тьерри обратилъ вниманіе на эту почти забытую серію фактовъ исторіи Франціи. Быть можетъ, ни на чемъ не выясняется такъ ярко связь исторической науки съ жизнью, какъ на этомъ фактѣ. Современныя событія были главной причиной того, что Тьерри сдѣлался историкомъ буржуазіи. Въ ту пору—это была эпоха реставраціи—происходила упорная борьба между реакціонной землевладѣльческой аристократіей и либеральной капиталистической буржуазіей. Реставраціонное правительство стояло, конечно, на сторонѣ аристократіи и не хотѣло считаться съ притязаніями буржуазіи. Буржуазія доказывала, что ея притязанія справедливы, что они идутъ гораздо дальше ненавистнаго и правительству и аристократіи 1789 года и выставила изъ своей среды нѣсколько ученыхъ которые взялись доказать это положеніе научной работой. Тьерри былъ изъ ихъ числа. Въ XIII письмѣ, которое служитъ какъ бы общимъ введеніемъ къ исторіи важнѣйшихъ коммунъ (1-я глава перевода) онъ съ первыхъ же страницъ вступаетъ въ полемику съ конституціонной хартіей 1814 года, въ предисловіи къ которой утверждается, что коммуны обязаны своимъ освобожденіемъ Людовику VI, а подтвержденіемъ и расширеніемъ своихъ правъ Людовику IX и Филиппу IV. Тьерри справедливо замѣчаетъ, что авторитетъ хартіи въ историческихъ вопросахъ совершенно ничтоженъ, и ему ничего не стоитъ опровергнуть эту странную теорію. Онъ указывалъ на то, что королю въ эпоху возникновенія коммунъ принадлежала незначительная территорія Франціи, что на ней-то какъ разъ не возникло ни одной коммуны, а если короли вмѣшивались въ дѣла своихъ вассаловъ, то тутъ ихъ политика была обусловлена исключительно ихъ выгодой. Въ настоящее время, послѣ изслѣдованія Люшера, мы знаемъ очень хорошо, каково было отношеніе королевской власти къ коммунальному движенію, и факты не всегда подтверждаютъ взгляды Тьерри. До Филипа II короли колеблются; они не знаютъ, какъ относиться къ новоявленнымъ городскимъ организаціямъ; для безопасности они становятся чаще на сторону сеньоровъ и лишь деньгамъ удается иногда измѣнить ихъ отношеніе въ пользу коммунъ. Филиппъ - Августъ уже сознательно поддерживаетъ послѣднія, видя въ нихъ союзниковъ противъ враждебныхъ королевской власти сеньоровъ. Съ Людовика IX начинается періодъ порабощенія коммунъ королевской властью.

Отвергая активную роль королевской власти въ созданіи коммунъ, Тьерри выставляетъ другую гипотезу. Это—знаменитая гипотеза вооруженнаго захвата вольностей коммунами. «Они,—говоритъ онъ о прежнихъ историкахъ,—приписываютъ политикѣ королей результаты, въ дѣйствительности достигнутые народнымъ возстаніемъ, и одно изъ наиболѣе энергичныхъ движеній демократіи превращаютъ въ простую административную реформу». Основа мыслей нашего исто-

рика такова. Къ эпохѣ освобожденія коммунъ французское общество дѣлилось на два класса: галло-римское населеніе и германскій слой; первое порабощено, второе господствуетъ. Коммунальная революція была возстаніемъ противъ германскихъ завоевателей. Позднѣе, въ «Considérations sur l'histoire de France» (1840), Тьерри, опираясь на Вильду, укажетъ и способъ при помощи котораго создавалась присяжная коммуна на сѣверѣ Франціи; это германская гильдія, которая теперь нашла приложеніе къ муниципальному устройству. На югѣ же муниципальный режимъ пошелъ отъ римскаго.

И въ этомъ пунктѣ наука отказалась слѣдовать за Тьерри. Люшеръ доказалъ, что борьба была не только не единственнымъ, но даже не преобладающимъ способомъ завоеванія коммунальныхъ вольностей. На ряду съ нею существовало и соглашеніе между сеньоромъ и горожанами; горожане обязывались уплачивать ежегодно извѣстный оброкъ, а сеньоръ признавалъ за ними право избирать своихъ должностныхъ лицъ и вершать судъ. Гипотезы о связи гильдіи и римскаго муниципальнаго строя съ коммуной также отвергнуты; зато въ настоящее время выставляется на первый планъ другой фактъ, о которомъ Тьерри почти ничего не говоритъ—возрожденіе торговли. Безъ измѣненія экономическихъ условій эмансипація была бы совершенно невозможна.

Что касается до изложенія исторіи отдѣльныхъ коммунъ (Манса, Камбре, Нуайона, Бове, Сенъ-Кантена, Лана, Амьена, Суассона, Санса, Реймса, Везле), то тутъ въ упрекъ ему можетъ быть поставлено только одно: Тьерри спуталъ хронологію. Зато взаимодѣйствіе между коммунами, вліяніе одной на другую коммунальныхъ конституцій выяснено хорошо. Но лучшее, что есть въ книгѣ Тьерри—это, несомнѣнно, увлекательный, захватывающій разсказъ. Это одинъ изъ лучшихъ образцовъ художественнаго прагматическаго повѣствованія. Тьерри прямо осуществляетъ завѣтъ Вольтера: faut armer Clio du poignard, comme Melpomene. Если Тьерри до сихъ поръ читается съ интересомъ, и будетъ читаться съ интересомъ всегда, то этимъ книга его обязана, главнымъ образомъ, внѣшнимъ даннымъ.

Переводъ сдѣланъ старательно, но собственныя имена коверкаются безжалостно: встрѣчаются такія формы, какъ Гіенна (вмѣсто Гіень), Фландра (во Фландрѣ, стр. 24). Сравнительно съ 10-мъ французскимъ изданіемъ 1856 года, съ которымъ мы свѣряли переводъ, есть уклоненія, меньше примѣчаній. Переводчикъ пользовался, вѣроятно, другимъ изданіемъ. Къ книгѣ приложено предисловіе проф. Н. И. Карѣева, въ которомъ онъ вкратцѣ выясняетъ значеніе книги. *А. Дживелеговъ.*

СОЦІОЛОГІЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ.

В. Тотоміанцъ. «Потребительныя общества на Западѣ».—*Альфредъ Носсигъ.* «Современный аграрный вопросъ».—*В. Зомбартъ.* «Соціализмъ и соціальное движеніе въ XIX в.».

В. Ѳ. Тотоміанцъ. Потребительныя Общества на Западѣ. Изданіе Б. Н. Звонарева. О книгѣ г. Тотоміанца въ нашемъ журналѣ не появлялось до сихъ поръ отзыва вовсе не потому, чтобы книга того не заслуживала. Напротивъ, трудъ г. Тотоміанца представляетъ собою значительный вкладъ въ литературу предмета о потребительныхъ обществахъ, и въ настоящее время, когда вышедшая изъ застоя, русская жизнь проявляется многообразными группировками общественныхъ элементовъ, трудъ этотъ имѣетъ не только теоретическую цѣнность, но и практическое значеніе. Г. Тотоміанцъ даетъ очерки исторіи и современнаго положенія потребительныхъ обществъ въ Бельгіи, Швейцаріи, Даніи, Франціи, Германіи, Италіи, Австро-Венгріи, Голландіи, Швеціи, Норвегіи, Испаніи и Португаліи. Нѣкоторые очерки кооперативнаго движенія на Западѣ

авторъ помѣщалъ и въ нашемъ журналѣ, другіе печаталъ онъ въ «Народномъ Хозяйствѣ», «Научномъ Обозрѣніи» и др., но, выпуская свою книгу, онъ не только включилъ въ нее рядъ очерковъ, въ печати раньше не бывшихъ, но и переработалъ и значительно дополнилъ новыми данными прежде имъ напечатанные въ разныхъ журналахъ. Съ предметомъ, которому г. Тотоміанцъ, видимо, отдалъ много труда и энергіи, онъ хорошо знакомъ, и книгѣ этого автора можно вполнѣ искренно пожелать всякаго успѣха. *В. Б.*

Альфредъ Носсигъ. Современный аграрный вопросъ. (Alfred Nossig. Die moderne Agrarfrage. Berlin — Bern, 1902). Изящно написанный трудъ Носсига посвященъ одному изъ наиболѣе жгучихъ вопросовъ современности. Интенсивный ростъ капитализма, его широкое реформирующее вліяніе заставили выдающихся теоретиковъ минувшаго вѣка заняться изученіемъ эволюціи по преимуществу промышленной; земледѣліе, положеніе его въ настоящемъ, роль его въ будущемъ въ значительно меньшей мѣрѣ занимало экономистовъ XIX ст. Передовыя политическія партіи также свое главное вниманіе обращали на городъ съ его живымъ промышленнымъ населеніемъ, почти забывая неподвижную и косную деревню. Время шло, политическія партіи разростались, и въ городѣ имъ становилось тѣсно. Игнорируемое прежде крестьянство, его экономическая и политическая малоподвижность сильно отражались на ходѣ дѣлъ въ городѣ. Вскорѣ пришлось признать, что «отъ Ирландіи до Сициліи и отъ Андалузіи до Россіи и Болгаріи крестьянство представляетъ собою довольно значительный факторъ населенія, производства и политической власти» (Энгельсъ). Практическіе дѣятели рѣшили поэтому расширить область своей дѣятельности и пойти въ деревню. Но очутившись тамъ, они наткнулись на цѣлый рядъ неожиданностей. Конструируя, по аналогіи съ промышленной эволюціей, эволюцію аграрную, помянутыя партіи и ихъ идеологи жестоко обманулись. Придя въ деревню они увидали, что «сельское хозяйство развивается не по тому шаблону, по которому развивается промышленность, что оно подчиняется собственнымъ законамъ» (Каутскій). Тогда теоретики принялись за самостоятельное изученіе сельскаго хозяйства, стараясь отыскать и опредѣлить эти законы. Вскорѣ читающая публика была завалена цѣлымъ рядомъ книгъ и статей, трактующихъ о земледѣліи. Вопросъ еще пока далеко не исчерпанъ, и трудъ Носсига нельзя считать лишнимъ или запоздавшимъ.

Работа нашего автора еще не вполнѣ закончена. Лежащая передъ нами книга занимается по преимуществу описаніемъ фактическаго положенія земледѣлія, выясняетъ роль различныхъ вліявшихъ и вліяющихъ на него факторовъ, оставляя вопросы аграрной политики до слѣдующаго тома. Обладая солидной эрудиціей, авторъ, кромѣ того, постарался дополнить свое знакомство съ предметомъ личными наблюденіями. Центральнымъ пунктомъ своего изложенія Носсигъ дѣлаетъ вопросъ о жизнеспособности мелкаго крестьянскаго земледѣлія, рисуя для этого крестьянское хозяйство Франціи и Германіи. Съ Россіей авторъ повидимому совсѣмъ незнакомъ, объ Америкѣ, Бельгіи, Даніи и т. д., говоритъ лишь мимоходомъ. Съ особымъ интересомъ слѣдитъ онъ за вліяніемъ историческихъ пережитковъ на ходъ современнаго земледѣлія, тщательно отмѣчая положительные и отрицательные моменты различныхъ правовыхъ институтовъ, аграрной техники и методовъ аграрной политики общества и государства. Горячій защитникъ мелкаго землевладѣнія, Носсигъ старается доказать, что если въ данный моментъ крестьянское хозяйство и отстаетъ отъ крупнаго, то въ этомъ виновато не оно само, а помянутыя выше правовыя и другія вліянія.

Наиболѣе интересными страницами книги нужно считать отдѣлъ, посвященный сельскому кооперативному движенію въ Германіи. Еще одному фактору авторъ посвящаетъ цѣлую четверть своего труда (140 стр. изъ 587).—Носсигъ большой сторонникъ сельскохозяйственной коопераціи и не жалѣетъ красокъ въ изображеніи благодѣтельнаго вліянія и ея реформирующаго значенія. Онъ

такъ увлекается своей привязанностью, что незамѣтно для себя выходитъ изъ добровольно принятой роли простого изобразителя и предвосхищаетъ заключенія, которыя должны быть сдѣланы лишь во второмъ томѣ. Признаться, мы ожидаемъ послѣдняго безъ нетерпѣнія. Судя по нѣкоторымъ мѣстамъ разбираемой книги, по разбросаннымъ тутъ и тамъ теоретическимъ разсужденіямъ, приходишь къ заключенію, что особаго интереса вторая часть имѣть не будетъ. Какъ теоретикъ Носсигъ слабъ. Сила его въ изображеніи, въ обрисовкѣ дѣйствительности, что очень возможно находится въ связи съ его художественнымъ талантомъ. Въ берлинскихъ кружкахъ Носсигъ извѣстенъ какъ скульпторъ, музыкантъ, драматургъ и художественный критикъ. Не видя и не слыша его художественныхъ твореній, мы и не судимъ о нихъ. Возможно, что увидавъ, мы бы нашли его глубочайшимъ мыслителемъ среди художниковъ. Но среди мыслителей онъ, безусловно, выдающійся мастеръ изложенія.

Для образчика его теоретической силы укажемъ на главу «о конечныхъ цѣляхъ товариществъ». По мнѣнію автора, развитіе сельской кооперации приводитъ къ устройству коммунальнаго товарищества, вѣдающаго всѣ рѣшительно вопросы общественнаго бытія коммуны. Быть можетъ, это и такъ. Быть можетъ, и наблюдается такая тенденція и можно указать на тѣ моменты, которые въ своемъ развитіи должны привести къ такому результату. Задача теоретика и заключается въ томъ, чтобы показать намъ эти движущія силы и указать ихъ проявленія. Что же дѣлаетъ Носсигъ? Онъ ограничивается цитатами изъ сочиненій вожаковъ кооперативнаго движенія, гдѣ говорится, что эти послѣдніе намѣреваются вести товарищества по такому то пути. Добрыя намѣренія вещь, конечно, очень прекрасная, но въ качествѣ аргумента они, къ сожалѣнію, никакой цѣнности имѣть не могутъ.

Непріятно, а иногда комично дѣйствуютъ наскоки автора на извѣстную книгу Каутскаго объ аграрномъ вопросѣ. Какъ и Гертцъ, онъ часто стучится въ открытую дверь, навязываетъ Каутскому свои собственные тезисы и затѣмъ побѣдоносно опровергаетъ ихъ. Несмотря не всѣ эти недочеты, мы все-таки повторяемъ, что книга Носсига далеко не лишняя и чтеніе ея не безполезно.

Р. Ольгинъ.

В. Замбартъ. I. Соціализмъ и соціальное движеніе въ XIX ст. Перев. съ нѣм. подъ ред. В. Богучарскаго. II. «А все таки!» Пер. съ нѣм. Спб. 1902 г. Изд. Звонарева. Стр. 328. Ц. 1 руб. Въ первой статьѣ бреславскій профессоръ знакомитъ насъ съ сущностью и исторіей «соціальнаго движенія XIX ст.», т.-е. эмансипаціонныхъ стремленій рабочаго класса, параллельно съ исторіей соціализма, какъ идеальнаго отраженія этихъ стремленій. Въ изложеніи обѣихъ сторонъ предмета авторъ является убѣжденнымъ «эволюціонистомъ», въ противоположность революціоннымъ взглядамъ другихъ теоретиковъ и практиковъ, примыкая въ этомъ случаѣ къ Э. Бернштейну и др. «критическимъ марксистамъ». Понимая исторію вообще и исторію «соціальнаго движенія», въ частности, какъ «исторію борьбы классовъ» (стр. 1), онъ, однако же настоятельно подчеркиваетъ, что наибольшими своими завоеваніями рабочій классъ обязанъ не насильственнымъ переворотамъ, а медленному, упорному, мирному натиску въ сферѣ экономической и политической какъ въ профессіональныхъ союзахъ (англійскіе trade unions), такъ и на парламентскихъ скамьяхъ и путемъ законной политической агитаціи (въ особенности въ Германіи). Съ другой стороны, критически разбирая различныя соціалистическія теоріи XIX ст. отъ «утопистовъ» (Р. Оуэнъ, С. Симонъ, Фурье и др.), вѣрившихъ, что соціализмъ придетъ на землю, «яко тать въ нощи», и оставшихся неизвѣстными широкимъ массамъ, до К. Маркса, отца всего современнаго движенія, онъ преклоняется передъ «историческимъ реализмомъ» послѣдняго, такъ какъ благодаря ему уничтожены въ корнѣ наивная вѣра въ «дѣланіе революцій» и водарился здравый «эволюціонизмъ». Революціонные элементы

взглядовъ Маркса и Энгельса В. Зомбартъ считаетъ чисто субъективными придатками, порожденіемъ побочныхъ историческихъ обстоятельствъ, «болѣе же глубокій смыслъ марксизма», по его мнѣнію, заключается именно въ пониманіи исторіи, какъ медленнаго, вѣкового процесса, идущаго исподволь; практически это пониманіе должно отразиться медленной, постепенно реформаторской работой, путемъ которой «люди и явленія должны быть раньше созданы, чтобы сдѣлать возможнымъ новый общественный строй» (29 стр.). Поэтому, признавая необходимость политической дѣятельности для рабочаго класса, авторъ главныя свои симпатіи отдаетъ той сторонѣ движенія, которая уже въ современную среду вноситъ черты соціализма, а именно профессіональнымъ союзамъ, общественному хозяйству современныхъ городовъ и проч. Въ заключеніе статьи онъ, съ возвышенной точки зрѣнія «теоретика, держащаго въ рукахъ не факелъ страстей, а свѣтильникъ просвѣщенія» (129 стр.), совѣтуетъ пролетаріату и впредь держаться спокойно эволюціонной тактики и, «вѣря, что двери новаго зданія... удалены отъ насъ на далекое, быть можетъ, очень далекое разстояніе, стараться по возможности уютнѣе устроить жизнь въ старомъ зданіи» (137 стр.).

Вторая статья—«А все таки!» (по нѣм. «Dennoch!»), примыкаетъ къ послѣднему выводу автора. Она излагаетъ сущность такъ называемаго «профессіональнаго» движенія и его исторію, преимущественно въ Англіи (по трудамъ С. и Б. Уэббовъ). Авторъ съ глубокимъ уваженіемъ относится къ работѣ, исполненной англійскими trade unions'ами въ теченіе 2-ой половины XIX в., въ результатѣ которой, по его словамъ, получается постепенная замѣна «промышленнаго феодализма» «промышленнымъ конституціонализмомъ». Съ меньшей симпатіей относится онъ къ германскимъ Gewerkschaften, образованнымъ самими политическими партіями въ пылу борьбы и въ видѣ ея орудій, а не выросшимъ естественно, подобно англійскимъ союзамъ. Для всѣхъ странъ ему кажется образцомъ профессіональнаго движенія именно англійскій его типъ.

Какъ извѣстно, авторъ принадлежитъ къ многочисленнымъ за послѣднее время «критикамъ» Маркса изъ среды самихъ марксистовъ. Нельзя сказать, чтобы ихъ критика была всегда удачна и съ методологической стороны правильна.

Можно, конечно, согласиться, что марксизмъ—доктрина эволюціонная, поскольку онъ построенъ на принципѣ развитія; но за послѣднее время слову «эволюція» стали придавать (подобно нашему автору) не этотъ широкій, философскій, а болѣе специфическій смыслъ: слово «эволюція» становится изъ научнаго, объективнаго термина скорѣе терминомъ практическимъ, указывающимъ на антипатію даннаго лица къ широкимъ политическимъ дѣйствіямъ и предпочтеніе мелкой экономической борьбы. Нашъ авторъ тоже сторонникъ такого «экономизма»; правъ или неправъ онъ въ этомъ случаѣ, мы не имѣемъ возможности разбирать, но мы укажемъ, какими пріемами авторъ «углубляетъ» смыслъ марксизма, а читатель пусть судитъ, законны ли съ философской точки зрѣнія такіе пріемы. «Методъ» его общій всѣмъ эклектикамъ. Эклектикъ рѣшилъ, что данная теорія «ошибочна въ существенныхъ пунктахъ и не можетъ быть поддерживаема въ ея цѣломъ» (86 стр.), не позволяетъ себѣ, однако ниспровергнуть ее цѣликомъ, а принимается «исправлять» ее, здѣсь прибавитъ, тамъ убавитъ, затѣмъ округлитъ, и получится «болѣе глубокій смыслъ». Такъ поступаетъ, напр., Зомбартъ съ «борьбой классовъ»: у Маркса это единственный факторъ исторіи, Зомбартъ же добавляетъ сюда еще «борьбу національностей». Марксъ обосновываетъ будущее «обобществленіе производства» на чисто матеріальномъ процессѣ развитія производительныхъ силъ внутри капиталистическаго общества, а Зомбартъ «требуетъ психологическаго обоснованія соціальныхъ явленій» (92 стр.), почему и добавляетъ еще рядъ двигателей исторіи: «ненависть, зависть (sic!), возмущеніе» пролетаріата противъ буржуазіи, «контрасты», необезпеченность существованія» и проч. Характерно, что такого

увеличеннаго состава двигателей все же не хватаетъ профессору для полной увѣренности въ достиженіи идеала, и онъ берется доказать лишь необходимость его «существованія», а отнюдь не «осуществленія»—сколько здѣсь отнято отъ Маркса!

Но ужъ настоящую брешь наноситъ Марксу, на взглядъ автора, аграрный вопросъ: «исправленіе» здѣсь заходитъ такъ далеко, что авторъ заговариваетъ о «пожертвованіи коллективистическими идеалами» (!) въ пользу какого-то туманнаго «демократизма» (142 стр.). Еще одна двѣ легкихъ поправки относительно религіи и націонализма, и старый Марксъ предстоитъ передъ нами въ такомъ безобидномъ профессорскомъ колпакѣ, что, пожалуй, пришлось бы ему повторить, глядя на такой «марксизмъ», свою знаменитую фразу: «Moi, je ne suis pas marxiste»...

Округленіе своей эклектики нашъ критикъ находитъ въ плоскомъ философскомъ тезисѣ «безчисленнаго множества дѣйствующихъ причинъ» (стр. 128 и др.), на самомъ же дѣлѣ ея основой служитъ обыкновенный буржуазный оппортунизмъ, стремящійся и міровымъ процессамъ навязать сытое филистерское расположеніе къ миру и спокойствію. За это, однако, же онъ и наказывается неизлечимымъ порокомъ внутреннихъ противорѣчій. Этотъ порокъ ярко отражается и на нашемъ авторѣ, когда онъ выступаетъ въ непримиримой маскѣ «борьбы классовъ» въ началѣ 1-й статьи, чтобы въ концѣ ея запѣть весьма сладкую пѣсню о «корректности борьбы» (158—160 стр.). Какъ будто корректность мыслима тамъ, гдѣ одни гибнутъ, а другіе устраиваются на ихъ костяхъ! Нѣтъ для насъ ничего страннаго и въ томъ, что авторъ то называетъ себя «мы, буржуазные критики» (88 стр.), то говоритъ о «нашемъ пролетарскомъ движеніи» (142 стр.). Эклектикъ обязательно запутается въ собственныхъ мысляхъ!

Впрочемъ, за отсутствіемъ у насъ неэклектическихъ сочиненій по этому вопросу, слѣдуетъ рекомендовать книжку, какъ сравнительно дѣльную и, съ фактической стороны, добросовѣстную. Переводъ, помимо нѣкоторыхъ погрѣшностей, вполнѣ толковый, читается легко, цѣна недорогая. *А. Д.*

ФИЛОСОФІЯ.

Іерузалемъ. «Введеніе въ философію».

Іерузалемъ. Введеніе въ философію. Пер. съ нѣм. П. Ѳ. Некрасовъ. Спб. 1902. Что въ настоящее время въ публикѣ существуетъ интересъ къ философіи, показываетъ, между прочимъ, то обстоятельство, что на русскій языкъ переведены многія сочиненія, имѣющія цѣлью ознакомить читателей въ доступной формѣ съ тѣмъ, что такое философія, какія она поставляетъ задачи и какъ она ихъ приблизительно рѣшаетъ. Таково, напр., сочиненіе Паульсена «Введеніе въ философію»; *Кюльпе.* «Введеніе въ философію»; *Виндельбандъ.* «Исторія философіи». Такую же задачу преслѣдуетъ и книга Іерузалема съ тою, впрочемъ, разницей, что въ то время, какъ первыя требуютъ нѣкотораго навыка въ отвлеченномъ мышленіи, послѣдняя излагаетъ тѣ же вопросы въ такой элементарной формѣ, что они доступны пониманію читателя съ небольшой подготовкой. Правда, она изложена очень кратко. Краткость мѣстами доходитъ до того, что объясненіе того или другого философскаго понятія принимаетъ такой же характеръ, какой оно имѣетъ въ небольшихъ словаряхъ. Несмотря на это, противъ книги Іерузалема едва ли можно было бы что-нибудь сказать. Ее нельзя считать излишней въ нашей небогатой философской литературѣ. Она, безъ всякаго сомнѣнія, могла бы найти свой кругъ читателей, для которыхъ она была бы полезной. Къ сожалѣнію, говоря о переводѣ книги Іерузалема, нельзя не отмѣтить того печальнаго факта, что въ послѣд-

нее время, съ возрастаніемъ распространенія книгъ, съ увеличеніемъ переводной литературы достоинство переводовъ ухудшается; переводы книгъ часто берутъ на себя такія лица, которыя не знакомы не только съ переводимымъ предметомъ, но часто даже просто съ языкомъ. И то, и другое мы должны отмѣтить въ настоящемъ случаѣ. Переводчикъ не только совершенно не знакомъ съ философіей, но не знакомъ даже съ нѣмецкимъ языкомъ. Чтобы наше утвержденіе не показалось голословнымъ, приведемъ примѣры тѣхъ промаховъ, которые допустилъ переводчикъ. На стр. 50 перевода мы читаемъ: «Предметъ окажется въ дѣйствительности другимъ или иначе *созданнымъ*», вмѣсто «или съ иными свойствами». Очевидно, переводчикъ смѣшиваетъ значеніе словъ: beschaffen и geschaffen. На стр. 54: «Кантъ первый опровергъ этотъ послѣдній взглядъ, изслѣдовавъ формы разума, при помощи которыхъ только и *сдѣлался* возможнымъ опытъ», вм. *дѣлается* возможнымъ опытъ. Очевидно, переводчикъ не отличаетъ werde отъ wurde. На той же стр. Sinnlichkeit переводится посредствомъ «способность къ чувственному воспріятію» (!) вм. «чувственность». Переводчикъ во всей книгѣ не отличаетъ Verstand отъ Vernunft и вмѣсто «разсудокъ» пишетъ или «разумъ», или «умъ». Вслѣдствіе незнакомства съ терминами, переводчикъ совершенно извращаетъ мысли переводимаго автора. На той же стр. 54-й мы читаемъ: «Такимъ образомъ, все доступное нашему познанію опредѣляется въ нашемъ представленіи о мірѣ, прежде всего, врожденными формами способности къ чувственнымъ воспріятіямъ, *затѣмъ*, пространствомъ и временемъ и, наконецъ, категоріями *разума*». Въ такой передачѣ совершенно нельзя узнать теоріи Канта, которая у Іерузалема выражена слѣдующимъ образомъ: «Все доступное нашему познанію опредѣляется прежде всего, врожденными формами чувственности: пространствомъ и временемъ, а затѣмъ категоріями разсудка». На стр. 56: «Имѣются основныя формы чувственныхъ воспріятій и ума, которые не происходятъ вслѣдствіе опыта, а существуютъ до него и лишь *формой* дѣйствующей на него (!) вещи въ себѣ дѣлаетъ его возможнымъ». Эту мысль, если бы переводчикъ ее понялъ, слѣдовало бы перевести слѣдующимъ образомъ: «Существуютъ формы разсудка, которыя возникаютъ не благодаря опыту, но которыя существуютъ до всякаго опыта и которыя дѣлаютъ возможнымъ опытъ посредствомъ формированія (Gestaltung) вещи въ себѣ дѣйствующей на нихъ». Пусть читатель пойметъ смыслъ слѣдующей фразы, который и для переводчика остался непонятнымъ (стр. 69): «Критическій реализмъ не говоритъ, какъ наивный: вещи суть *таковы*, какими онѣ намъ кажутся, но говоритъ: онѣ *также* таковы». На стр. 67 begriffliches Denken переводится пер. «размышленіе надъ понятіями» вм. «мышленіе въ понятіяхъ». На стр. 75 мы находимъ фразу, которая показываетъ, что переводчикъ не вникалъ въ смыслъ переводимаго. «Если, какъ хотятъ Кирхгофъ и *Махъ*, наука имѣетъ своей задачей только описаніе фактовъ, а по формулировкѣ *Макса* является ничѣмъ инымъ, какъ экономически обставленнымъ опытомъ» и т. д. Переводчикъ не понялъ, что здѣсь дѣло идетъ объ одномъ авторѣ Mach'ѣ, и нѣм. родит. падежъ Mach's принялъ за особаго писателя Макса. На стр. 78: «Легко происходитъ, что такія понятія, какъ *обладаніе разумомъ* разсматриваются въ качествѣ врожденныхъ». Вмѣсто этой безсмысленной фразы должно было бы стоять: «Легко происходитъ то, что такія понятія считаются первоначальнымъ достояніемъ разсудка и признаются врожденными». Стр. 86. Декартовское: «Ясное и *отчетливое* представленіе» у переводчика превращается въ «ясное и *понятное* представленіе». Терминъ das beharrende «пребывающее», переводчикъ повсюду переводитъ посредствомъ «косный», что въ понятіи субстанціи не имѣетъ никакого смысла. Терминъ Ereigniss перев. посредствомъ «происшествія» вм. процессъ, событіе. Затѣмъ встрѣчаемъ рядъ извращеній именъ. Напр. (стр. 71), «Сиріанцы» вм. Киренаики, (стр. 106), «Желэнъ» вм. Гейлинксъ, «нео-кантиніанцы» вм. неокантіанцы.

Къ книгѣ переводчикъ приложилъ словарь философскихъ терминовъ, но этотъ словарь, составленный по Eisler'у, изобилуетъ чрезвычайно грубыми промахами, показывающими незнакомство автора съ элементарной философской терминологіей. Напр.: «Ассерторическимъ называется сужденіе, въ которомъ *показывается* или отрицается связь двухъ понятій», вм. «показывается» слѣдовало сказать *утверждается*. Въ «Таблицѣ Категорій»: (стр. 225) сказано «Общность (взаимодѣйствіе) между дѣйствительнымъ и страдательнымъ видомъ» (?!). Ни о какихъ «видахъ» Кантъ не говорилъ: дѣло идетъ просто о предметахъ, оказывающихъ дѣйствіе и подвергающихся дѣйствію. «Координація—логическое *сочетаніе* понятій», по мнѣнію переводчика. Въ школьныхъ учебникахъ логики говорится, что координація есть *соподчиненіе* (Beiordnung) понятій, а не сочетаніе. При объясненіи термина «мотивизмъ» переводчикъ вмѣсто того, чтобы сказать: «воззрѣнія, которыя противостоятъ другъ другу по *отношенію* къ происхожденію представленія пространства» и т. д. перевелъ: «Воззрѣнія, которыя относятся *отрицательно* (?) къ психологическому происхожденію» и т. д. и, вслѣдствіе такой грубой ошибки, совершенно извратилъ опредѣленіе. Ошибокъ, подобныхъ только что указаннымъ, въ книгѣ чрезвычайное множество.

Весьма неудачно составленъ и указатель литературы. Переводчикъ, видимо, не имѣлъ никакого представленія о рекомендуемой литературѣ. Такъ, напр., по психологіи онъ рекомендуетъ «начинающимъ» *Вундта* «Физіологическую психологію» (книга эта на самомъ дѣлѣ доступна только спеціалистамъ), а для «болѣе подробнаго изученія» онъ рекомендуетъ *Лэддъ* «Очеркъ элементарной психологіи» (краткій конспектъ психологіи). Въ IV отд. рекомендуются книги, которымъ отнюдь не мѣсто въ элементарной книжкѣ. Здѣсь рекомендуются статьи, помѣщенныя въ «Отечественныхъ Запискахъ» 1859 года, въ «Современникѣ» 1860 года и т. п., между тѣмъ какъ выдающіяся, новѣйшія монографіи по тѣмъ же вопросамъ совершенно не упоминаются. Это, конечно, происходитъ отъ того, что переводчикъ въ «сильной степени», какъ онъ самъ сознается, пользовался указателемъ русскихъ книгъ, приложеннымъ къ «Введенію въ философію» Кюльпе. Въ отдѣлѣ VI указывается книга Бельтова, «Монистическій взглядъ на исторію», между тѣмъ какъ Вольтманнъ, Масарикъ, Штаммлеръ совершенно не упоминаются.

Если принять въ соображеніе указанные нами промахи перевода книги Іерузалема, то весьма сомнительной окажется та польза, которую онъ можетъ принести читателю. *Проф. Г. Челпановъ.*

ЕСТЕСТВЕННАЯ ИСТОРІЯ, КОСМОГРАФІЯ И ГЕОГРАФІЯ.

М. Фостеръ и *Л. Шоръ*. Физіологія для начинающихъ.—Проф. *В. М. Шимкевичъ*. Біологическія основы зоологіи.—*С. Щербаковъ*. Курсъ космографіи для среднихъ учебныхъ заведеній.—*Кобельтъ*. Географическое распредѣленіе животныхъ въ холодномъ и умѣренномъ полюсахъ сѣвернаго полушарія.

М. Фостеръ и Л. Шоръ. Физіологія для начинающихъ. Переводъ Д. Д. Бекарюкова. Съ 111 рис. въ текстѣ. Москва. 1902. Читатель, не знакомый съ физіологіей, найдетъ въ книжкѣ М. Фостера и Л. Шора кратко и толково изложенныя основы этой интересной и важной отрасли біологіи. Въ виду того, что физіологія тѣсно связана съ химіей, физикой, описательной анатоміей и гистологіей (микроскопической анатоміей), авторы сначала излагаютъ, конечно, въ самой краткой и элементарной формѣ, главнѣйшія основы означенныхъ наукъ. Въ главѣ І-й даются свѣдѣнія по химіи и физикѣ, въ гл. ІІ-й указываются существенныя различія между живымъ и мертвымъ организмами, а равно между животными и растеніями. Въ гл. ІІІ-й описывается

*

общее строеніе животнаго тѣла, гл. IV-я посвящается изложенію строенія крови, а затѣмъ, въ гл. V, VI и VII авторы излагаютъ макро-и микроскопическое строеніе костной системы, хрящей и соединительной ткани вообще. Описаніемъ строенія мышцъ и мышечныхъ движеній оканчивается общая часть физіологіи, и съ гл. IX начинается уже частная физіологія, т.-е. описываются функціи различныхъ системъ (кровообращенія, дыханія, пищеваренія и др.), причемъ предварительно сообщается вкратцѣ анатомическое строеніе каждаго отдѣльнаго органа, входящаго въ составъ данной системы. Книжка читается легко и снабжена многими, довольно хорошо исполненными рисунками, облегчающими пониманіе текста.

Недостатокъ физіологіи Фостера и Шора заключается въ томъ, что въ ней общая часть изложена не совсѣмъ дидактично и, помимо, того, авторы, вообще не приняли во вниманіе новѣйшихъ научныхъ данныхъ, касающихся различныхъ отдѣловъ физіологіи. Такъ, сначала авторы описываютъ строеніе и свойства крови, костную систему, строеніе хрящевой и соединительной ткани и, наконецъ, изложивъ строеніе мышцъ и мышечныя движенія, переходятъ къ частному отдѣлу физіологіи—къ кровообращенію. О нервной ткани въ общемъ отдѣлѣ не говорится ни слова, и съ этой важной и интересной тканью читатель впервые знакомится лишь въ гл. XVII, въ которой описывается нервная система. Было бы гораздо цѣлесообразнѣе, если бы авторы сначала познакомили читателя съ основами описательной и микроскопической анатоміи въ систематическомъ порядкѣ, а затѣмъ, касаясь физіологіи различныхъ системъ, постепенно знакомили бы его съ анатоміей отдѣльныхъ органовъ.

Кромѣ указанныхъ, въ книжкѣ имѣются еще и другіе недостатки чисто научнаго характера. Такъ, напр., на стр. 39 говорится, что красныя кровяныя клѣтки «имѣютъ одинаковую величину», что фактически невѣрно. Хрящи и фибриллярная соединительная ткань называются «промежуточной тканью» (стр. 75), терминъ этотъ неудачно придуманъ авторами, такъ какъ соединительную ткань въ настоящее время принято называть «опорною» или «поддерживающей» тканью. Неправильно излагается строеніе основного вещества хряща; послѣднее авторы считаютъ безструктурнымъ, между тѣмъ какъ въ дѣйствительности оно состоитъ изъ соединительнотканныхъ фибриллей. Многорядный плоскій эпителій называется неправильно «чешуйчатымъ» (стр. 187). Печеночныя дольки авторы обозначаютъ названіемъ «комочки», а описаніе желчныхъ капилляровъ и протоковъ изложено столь неясно, что изъ него читатель не въ состояніи составить себѣ вѣрнаго представленія о томъ, гдѣ начинаются желчные капилляры и какая разница между ними и болѣе крупными протоками. Пульпа (мякоть) селезенки описывается невѣрно. Въ главѣ о кожѣ почти ничего не упоминается о нервныхъ аппаратахъ, которыми оканчиваются чувствующее нервы. Въ описаніи строенія нервной системы авторы придерживаются прежнихъ, въ настоящее время уже устарѣвшихъ взглядовъ и не принимаютъ во вниманіе тѣхъ новыхъ наблюденій, которыя за послѣдніе годы во многомъ существенно измѣнили наше представленіе о строеніи нервной системы. Органы чувствъ изложены такъ же неудовлетворительно и несогласно съ новѣйшими научными данными, какъ и строеніе нервной системы.

Указанные и имъ подобные недостатки, конечно, не желательно видѣть въ научной книжкѣ, предназначаемой даже для начинающихъ изученіе физіологіи. Переводъ книжки сдѣланъ вполнѣ удовлетворительно, и она, безспорно, принесетъ извѣстную долю пользы читателю, интересующемуся физіологіей.

Проф. А. Догель.

Проф. В. М. Шимкевичъ. Біологическія основы зоологіи. Съ 260 рис. въ текстѣ. Второе пересмотрѣнное и дополненное изданіе. С.-Петербургъ. 1902 г. Книжка проф. В. М. Шимкевича появилась недавно въ печати уже вторымъ изданіемъ. Первоначально біологическія основы зоологіи были напе-

чатаны въ «Семейномъ университетѣ» г-на Комарскаго и вполнѣ справедливо заслужили себѣ лестный отзывъ въ различныхъ періодическихъ популярныхъ и научныхъ изданіяхъ. Дѣйствительно, авторъ съумѣлъ, со свойственнымъ ему талантомъ, въ весьма ясной и доступной формѣ изложить тѣ основные вопросы біологіи, знаніе которыхъ необходимо для всякаго, кто только желаетъ познакомиться съ зоологіей. Въ первой главѣ книги проф. Шимкевичъ знакомитъ читателя съ различными гипотезами возникновенія жизни на землѣ, а равно и съ тѣми условіями, безъ которыхъ немыслима жизнь. Тутъ же онъ указываетъ на отличіе и сходство въ строеніи растеній и животныхъ и касается вопроса о механическомъ и виталистическомъ пониманіи жизненныхъ явленій. Вопросъ этотъ въ послѣднее время особенно интересуетъ какъ публику, такъ и ученыхъ, среди которыхъ у насъ имѣется не мало поклонниковъ виталистическаго ученія, утверждающихъ, что знаніе лишь однихъ законовъ физики и химіи еще не раскроетъ передъ нами тайны сложныхъ жизненныхъ явленій, что послѣднія, вѣроятно, подчиняются особой силѣ, присущей только живой матеріи. Самъ авторъ, будучи убѣжденнымъ антивиталистомъ, приводитъ въ своей книгѣ не мало данныхъ, говорящихъ если не противъ виталистическаго ученія, то, во всякомъ случаѣ, указывающихъ, что пока еще преждевременно говорить о существованіи особенной силы, управляющей жизненными явленіями. Во второй главѣ подробно описывается строеніе и жизненныя свойства клѣтокъ и одноклѣточныхъ организмовъ и отводится довольно много мѣста процессамъ прямого и непрямого (каріокинетическаго) дѣленія клѣтокъ, при чемъ приводятся гипотезы, высказываемыя для объясненія каріокинеза. Глава третья посвящена описанію многоклѣточныхъ животныхъ а равно вопросамъ о происхожденіи простыхъ тканей и ихъ строенія, о самостоятельности отдѣльныхъ частей организма и происхожденіи многоклѣточныхъ организмовъ. Затѣмъ въ гл. IV авторъ говоритъ о дѣленіи животныхъ на типы и подтипы, о происхожденіи двурядной симметріи, вторичной полости тѣла и метамеріи. Что касается пяти остальныхъ главъ, то онѣ читаются съ особеннымъ интересомъ, такъ какъ въ нихъ авторъ вводитъ читателя въ ту, недавно еще столь туманную и мало изученную область біологіи, которая касается сложныхъ процессовъ оплодотворенія яйцевой клѣтки и образованія зародышевыхъ пластовъ, различныхъ анамалій въ развитіи, а также вопросовъ о вліяніи на развитіе искусственныхъ условій, безполомъ размноженіи и, наконецъ, о трансформизмѣ и наслѣдственности. Послѣднія двѣ главы авторъ дополнилъ, сравнительно съ первымъ изданіемъ книги, новыми данными по регенераціи, по вопросамъ объ инстинктѣ, свѣченіи и экспериментальными изслѣдованіями о наслѣдственности. Приведенныя главы, какъ и вся книга, указываютъ на основательное знакомство автора съ обширной литературой затрагиваемыхъ вопросовъ, написаны живо, увлекательно и доступны даже читателю очень мало знакомому съ біологіей. Въ этомъ, между прочимъ, и лежитъ большая заслуга автора, что онъ сдѣлалъ свою книгу доступной большому кругу читателей и въ то же время удержалъ за ней строго научный характеръ. Книга снабжена многочисленными, довольно хорошо исполненными рисунками и страдаетъ, можно сказать, лишь однимъ недостаткомъ—она напечатана слишкомъ мелкимъ шрифтомъ.

Въ заключеніе остается лишь пожелать, чтобы въ русской научной литературѣ, съ легкой руки проф. Шимкевича, появлялись чаще подобные же очерки и по другимъ отраслямъ біологіи. *Проф. А. Догель.*

С. Щербаковъ. Курсъ космографіи для среднихъ учебныхъ заведеній. VII+184 стр. Ц. 1 руб. 1902. Наконецъ то мы дождались удовлетворительнаго руководства по космографіи. Курсъ г. Щербакова рѣзко отличается въ выгодную сторону отъ всѣхъ обращавшихся въ нашихъ школахъ до сихъ поръ. Въ немъ нѣтъ трудностей, непосильныхъ гимназисту, нѣтъ излишнихъ подробностей, выдуманныхъ, не имѣющихъ ничего общаго съ дѣйствительностью «облегченій»,

нѣтъ и сухихъ догматическихъ формулировокъ жирнымъ шрифтомъ, но есть все существенное, много новаго, важнаго и все въ удобопонятной, доступной формѣ. И не мудрено, конечно. Г. Щербаковъ, какъ практикантъ московской обсерваторіи, какъ предсѣдатель живого дѣятельнаго общества—нижегородскаго кружка любителей физики и астрономіи, стоитъ близко къ настоящему дѣлу. Онъ вноситъ въ свою книжку то, что дѣйствительно полезно, что можетъ имѣть цѣну и значеніе. Многолѣтняя педагогическая дѣятельность автора съ другой стороны способствуетъ болѣе выгодному распредѣленію матеріала. Авторъ не только обдумывалъ свой курсъ, но онъ и провѣрялъ его въ преподаваніи цѣлый рядъ лѣтъ. Отсюда такая опредѣленность и законченность въ планѣ. По числу возможныхъ въ году уроковъ, все содержаніе раздѣлено на главы — по одной *въ среднемъ* на урокъ, всего 22. Это курсъ нашихъ гимназій съ однимъ недѣльнымъ урокомъ. Въ каждой главѣ есть и дополненія мелкимъ шрифтомъ для тѣхъ школъ, гдѣ космографіи можетъ быть удѣлено по два часа въ недѣлю.

При разсмотрѣніи частныхъ вопросовъ, авторъ избѣгаетъ по возможности математическихъ выкладокъ. Практика ему показала, что при «щедрой систематизаціи курса ученикъ сплошь и рядомъ усваиваетъ только символы и отвлеченія, которые въ его сознаніи остаются совершенно резобщенными отъ соотвѣтствующихъ конкретныхъ представленій и такимъ образомъ сообщаемыя знанія пріобрѣтаютъ то формальное значеніе, которое совершенно чуждо основнымъ задачамъ и духу предмета». Авторъ совершенно вѣрно замѣчаетъ, что при умѣренномъ пользованіи математикой въ мелочахъ, рѣзче выступаетъ значеніе этого могучаго орудія въ болѣе важныхъ и интересныхъ вопросахъ. Конечно, и въ книжкѣ г. Щербакова тѣ или другія мѣста могутъ оказаться нѣсколько трудными для самостоятельнаго изученія, но помощь учителя въ классѣ устраняетъ затрудненія. Важно, чтобы разбирать и усваивать приходилось то, что дѣствительно стоитъ этого. Нельзя не отмѣтить краткой, но весьма важной главы въ разсматриваемомъ руководствѣ, подобной которой, къ сожалѣнію, мы не находимъ въ нѣкоторыя изъ прежнихъ курсовъ—это именно глава IV-ая, «Звѣздное время и его измѣреніе», являющейся необходимой для всякаго, кто хочетъ разобраться въ самыхъ элементныхъ явленіяхъ суточнаго движенія небеснаго свода. Къ книгѣ найдемъ нѣсколько практическихъ таблицъ, указаны главнѣйшія достопримѣчательности неба, доступныя невооруженному глазу и въ бинокль, пріемы первоначальной оріентировки на небѣ. Въ описаніи физическаго строенія небесныхъ тѣлъ приведено весьма много новѣйшихъ данныхъ. Особенно интересно сжатое изложеніе теоріи развитія кометныхъ формъ, принадлежащей нашему знаменитому ученому проф. Ѳ. А. Бредихину.

г. Щербаковъ предусмотрѣлъ и случай введенія учебника въ женскія учебныя заведенія, въ которыхъ не преподается тригонометрія. Онъ даетъ указанія, какія измѣненія въ изложеніи должны быть сдѣланы при такихъ обстоятельствахъ. Надо надѣяться, что трудъ г. Щербакова будетъ оцѣненъ по достинству. Желаемъ ему полнаго успѣха. *К. Покровскій.*

Кобельтъ. Географическое распредѣленіе животныхъ въ холодномъ и умѣренномъ поясахъ сѣвернаго полушарія. Переводъ съ нѣмецкаго З. Л. Біанки. Изд. А. Ф. Девріена, вып. I, стр. 112. Книга Кобельта предназначается не для ученыхъ, которые имѣютъ полную возможность разобраться въ положеніяхъ автора и оцѣнить ихъ по достоинству, а для аудиторіи, съ полнымъ довѣріемъ относящейся къ каждой строчкѣ, выходящей изъ-подъ пера человѣка науки, особенно, если эти строчки подкрѣпляются самонадѣяннымъ— «я доказалъ». И мнѣ кажется, что на обязанности З. Л. Біанки лежало ослабить впечатлѣніе, производимое этимъ «я доказалъ», и объяснить, что выводы Кобельта далеко не безспорны, а нѣкоторые даже весьма и весьма сомнительны. Возьмемъ хотя бы его положеніе, что «родиной животнаго, въ которой оно развилось первоначально, слѣдуетъ считать ту область, гдѣ оно

остается неизмѣннымъ на большомъ пространствѣ». Это положеніе не только не можетъ быть принято за аксіому, но оно даже ошибочно, если признать вліяніе среды на измѣняемость типа, такъ какъ условія существованія на родинѣ рѣдко остаются безъ существенныхъ измѣненій сколько-нибудь продолжительное время, съ другой же стороны, типъ можетъ найти подходящія къ первоначальнымъ условія далеко за предѣлами родины, гдѣ-нибудь на периферіи своего географическаго распространенія. Среди бабочекъ примѣровъ того, что видъ даже на мѣстѣ своей первоначальной родины способенъ давать множество разновидностей—сколько угодно (Colias wiskotti, группа Satyrus hüneri—abramovi и т. д.); но и среди другихъ порядковъ животныхъ такихъ примѣровъ не мало. Самъ же Кобельтъ утверждаетъ, что родиной соболя является Сибирь; между тѣмъ, именно въ Сибири соболь имѣетъ множество разностей. Наконецъ, даже приводимый Кобельтомъ въ подкрѣпленіе своего положенія примѣръ—распространеніе благороднаго оленя въ его прошломъ и настоящемъ доказываетъ вовсе не то, что мнится почтенному зоогеографу, а нѣчто совершенно обратное, такъ какъ, если считать доказаннымъ, что родиной благороднаго оленя является Европа (а именно это и стремится доказать Кобельтъ), то, принимая во вниманіе, что изъ современныхъ формъ благороднаго оленя наиболѣе близкими къ мосбахскому (ископаемому) являются американскій вапити (Cervus canadensis) и сибирскій маралъ, приходится заключить, что на родинѣ видъ этотъ потерпѣлъ измѣненія болѣе существенныя, чѣмъ на периферіи своего распространенія—въ Сѣверной Америкѣ и даже болѣе къ ней близкой Сибири.

Слѣдовало бы также переводчику остановиться и на нѣкоторыхъ явныхъ противорѣчіяхъ, въ которыя иногда впадаетъ Кобельтъ, и такъ или иначе помирить ихъ, а то на страницѣ 8 мы читаемъ, что «центрально-азіатское нагорье составляетъ отдѣльную провинцію палеобореальнаго царства; что оно особенно богато характерными формами млекопитающихъ, приспособившихся къ *суровому климату* и разрѣженному воздуху этихъ *негостепріимныхъ высотъ*»; а на 20 стр., что «распространенію на западѣ центрально-азіатскимъ типамъ помѣшали холодныя зимы сѣверныхъ склоновъ Кавказа»! Удивительно также, какъ небрежно обращался Кобельтъ съ географической картой, когда выкраивалъ свои зоогеографическія провинціи и подцарства; такъ, напримѣръ, какъ прикажете провести намѣченную имъ границу обширнѣйшей лѣсной котловины, «сибирской тайги», которая должна пройти «отъ Кульчжи (sic!), у подошвы Тянь-шаня приблизительно по гребню Кентэя (хорошо это «приблизительно»!) и Яблонова(го) хребта черезъ Витимское нагорье и по (?) среднему теченію Вилюя» да при томъ еще такъ, «чтобы она включила въ себя почти (не дурно и это «почти») весь бассейнъ Лены!» Жаль, что В. Л. Біанки, переводя такой вздоръ, не далъ себѣ труда проложить эту границу на картѣ, а предоставилъ разрѣшеніе этой непосильной задачи недоумѣвающему читателю, никакъ не предполагавшему, что границей сибирской тайги можетъ служить линія, «идущая отъ Кульчжи».

Для такой книги, какъ «Географическое распредѣленіе животныхъ», нѣкоторыя, вкравшіяся у Кобельта, ошибки довольно существенны и въ русскомъ переводѣ могли бы быть легко устранены. Такъ, напримѣръ, говоря о соболѣ, Кобельтъ пишетъ, что «онъ свойственъ *исключительно* сибирской тайгѣ». Между тѣмъ, еще Георги считалъ западной границей его распространенія Колу, что подтверждается и свидѣтельствомъ Вейнгольда, утверждавшаго, что мѣховая подать лапландцевъ сѣверной Скандинавіи состояла изъ собольихъ мѣховъ; имѣются и другія свидѣтельства, указывающія на сѣверъ, въ особенности же на сѣверо-востокъ Россіи, какъ на родину соболя; во времена Палласа его встрѣчали даже подъ Уфой, а въ восточныхъ частяхъ Уфимской губерніи и много позднѣе, причемъ послѣдній экземпляръ этого звѣрька былъ убитъ здѣсь въ 1849 г. На югъ соболь идетъ также довольно далеко; въ Тянь-шань'-

скихъ горахъ водится порода его (такъ называемый «кашгарскій соболь»), которая хотя и напоминаетъ длиннымъ хвостомъ куницу, но по остальнымъ признакамъ ближе стоитъ къ соболю, чѣмъ къ куницѣ (Сѣверцовъ). Все это указываетъ на то, что было бы осторожнѣе написать, что соболь свойственъ не «исключительно», а главнымъ образомъ, сибирской тайгѣ.

Не точно также у Кобельта и указаніе на географическое распредѣленіе кабарги: это животное появляется впервые не въ Амурскомъ краѣ, а западнѣе оз. Байкала, кажется, даже еще въ Алтайскихъ горахъ. Едва ли также не требуетъ исправленія замѣчаніе Кобельта, что къ востоку отъ Каспійскаго моря лисицу замѣняетъ корсакъ, такъ какъ лисица въ Закаспійской области и Бухарскомъ и Хивинскомъ ханствахъ вовсе не рѣдкость, корсака же М. Н. Богдановъ, изслѣдовавшій Хивинскій оазисъ, тамъ вовсе не встрѣтилъ (см. «Очерки природы Хивинскаго оазиса и пустыни Кизылъ-кумъ»). Странно также встрѣтить въ книгѣ, трактующей о географическомъ распредѣленіи животныхъ такія строки: «Переселеніе рыси въ Новый Свѣтъ не могло, однако, произойти черезъ Восточную Сибирь, такъ какъ ея нѣтъ ни тутъ, ни въ западной части Сѣверной Америки». Это утвержденіе совершенно невѣрно, потому что рысь въ Становыхъ горахъ не только весьма многочисленна, но и держится здѣсь во всѣхъ своихъ сибирскихъ разновидностяхъ, расцѣниваемыхъ мѣстными инородцами весьма различно—свѣтлыя шкурки дороже, красноватыя—дешевле.

Не останавливаясь на другихъ болѣе или менѣе крупныхъ упущеніяхъ разбираемой книги, съ коими въ русскомъ переводѣ предпочтительнѣе было бы не встрѣчаться, и переходя къ внѣшней сторонѣ этого новаго изданія фирмы А. Ф. Девріенъ, я, прежде всего, спѣшу отмѣтить одну странность въ выборѣ рисунковъ: иллюстраціи книги даютъ намъ изображенія глетчерной блохи въ маломъ масштабѣ, дятла, волка, сѣверныхъ оленей, бурыхъ медвѣдей, дикой кошки, бѣлыхъ куропатокъ, роговъ марала, т.-е. изображенія или излишнія въ такой книгѣ, какой является книга Кобельта, или малопоучительныя, такъ какъ едва ли кто изъ читателей ея не знакомъ въ натурѣ или въ болѣе отчетливыхъ изображеніяхъ со всѣми этими животными; съ другой же стороны, въ ней не имѣется изображеній такихъ животныхъ, какъ мускусный быкъ, напримѣръ, или морская выдра. Жаль также, что для изображенія сиватерія воспользовались не превосходнымъ рисункомъ англійскаго ученаго Мюри, помѣщеннымъ въ октябрьской книжкѣ 1871 года «Geological Magazine», а рисункомъ Шпехта, который, во-перыхъ не вѣренъ, а во-вторыхъ не даетъ должнаго понятія объ этомъ колоссальномъ млекопитающемъ.

Переводъ книги сдѣланъ удовлетворительно. Напрасно только В. Л. Біанки употребляетъ такія малоизвѣстныя слова, какъ, напримѣръ, «подсѣдъ» вмѣсто подлѣска, тѣмъ болѣе, что понятія, выражаемыя этими словами далеко не тожественны, ибо подсѣдомъ называется лишь молодая поросль, идущая на просѣкъ, а не та поросль, преимущественно изъ кустарныхъ породъ, которая частью окружаетъ, частью внѣдряется въ нетронутые лѣса. Равнымъ образомъ не совсѣмъ ясно употребленіе слова «оттокъ» въ фразѣ: сѣверо-восточный вѣтеръ оттокъ максимальнаго давленія воздуха. Въ «Толковомъ словарѣ живого великорусскаго языка». В. Даля имѣется слово «оттокъ», но оно означаетъ: желобъ, труба, стокъ. Я полагаю также, что слово «экваторіальный» не эквивалентно слову «широтный» и что слово «интергляціальный» съ успѣхомъ можно было бы замѣнить словомъ «междуледниковый».

Несмотря, однако, на указанные недочеты, которые легко могутъ быть исправлены въ послѣдующихъ выпускахъ, книга Кобельта заслуживаетъ полнаго вниманія, и мы желаемъ ей самаго широкаго распространенія. Трактуя о фактахъ захватывающаго интереса, она способна возбудить даже въ мало подготовленномъ читателѣ цѣлый рядъ вопросовъ, а стало быть, и стремленіе къ ихъ разрѣшенію; въ этомъ ея большое воспитательное значеніе.

Съ внѣшней стороны книжка издана прекрасно и можетъ служить украшеніемъ любой библіотеки. *Г. Е. Грумъ-Гржимайло.*

НАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНІЕ.

Ю. Н. Лавриновичъ. «Образованіе рабочихъ въ Россіи».—*П. Г. Мижуевъ.* «Школа и общество въ Америкѣ».—«Пятирублевыя общественныя библіотеки».

Ю. Н. Лавриновичъ. Образованіе рабочихъ въ Россіи. Спб. 1902. Настоящая брошюра представляетъ собою докладъ, читанный сначала г. Лавриновичемъ въ «Собраніи экономистовъ», а потомъ напечатанный въ журналѣ «Техническое Образованіе». Авторъ скомбинировалъ всѣ данныя интересующаго его вопроса и подвергъ детальной критикѣ всѣ существующія въ настоящее время мѣропріятія въ цѣляхъ образованія рабочихъ. Выводы автора далеко неутѣшительны. Для образованія какъ взрослыхъ, такъ и малолѣтнихъ фабричныхъ и ремесленныхъ рабочихъ,—въ Россіи сдѣлано, по свидѣтельству г. Лавриновича, очень мало. Попытка мин. нар. пр. насадить вечерніе и воскресные курсы для рабочихъ, вызванная извѣстнымъ циркуляромъ гр. Делянова, должна быть признана неудачною, такъ какъ при организаціи курсовъ не были приняты во вниманіе тѣ соціально-бытовыя условія, въ которыхъ находятся русскіе рабочіе. Попытка правительства распространить образованіе въ рабочемъ классѣ при посредствѣ законовъ 1882 и 1884 гг. объ обученіи малолѣтнихъ рабочихъ также не увѣнчалась успѣхомъ, такъ какъ этими законами «хотѣли примирить совершенно противоположные интересы хозяевъ и рабочихъ, а авторитетность законовъ дискредитировали недостаточною категоричностью ихъ положительныхъ постановленій». Что же касается образованія ремесленныхъ малолѣтнихъ и взрослыхъ рабочихъ, то всѣ попытки въ этой области свелись къ пожеланіямъ и ходатайствамъ, выраженнымъ съѣздами по техническому и профессіональному образованію и 1-мъ Всероссійскимъ съѣздомъ по ремесленной промышленности 1900 г. Далѣе авторъ совершенно справедливо указываетъ, какъ на сильнѣйшій тормазъ въ дѣлѣ распространенія образованія среди рабочихъ всѣхъ категорій, на ихъ малограмотность, а также на слишкомъ большую продолжительность рабочаго дня на фабрикахъ и въ ремесленныхъ мастерскихъ. Указавъ затѣмъ на тѣ препятствія, какія встрѣчаетъ общественная попытка, желая придти на помощь правительству въ дѣлѣ образованія народной массы, авторъ переходитъ къ изложенію мѣропріятій, необходимыхъ, по его мнѣнію, для окончательнаго разрѣшенія этого наболѣвшаго вопроса.

Въ заключеніе авторъ брошюры, признавая за русской интеллигенціей иниціативу всѣхъ просвѣтительныхъ начинаній, высказываетъ пожеланіе, чтобы образованіе рабочихъ, какъ дѣло національное, было ввѣрено ей въ лицѣ представителей городского и земскаго самоуправленія, общественныхъ учрежденій и отдѣльныхъ дѣятелей, извѣстныхъ своими просвѣтительными трудами.

Подъ этими пожеланіями, мы увѣрены, подпишутся всѣ истинные друзья народнаго образованія, для которыхъ это послѣднее справедливо является однимъ изъ главныхъ условій для поднятія умственнаго уровня народной массы.

Конст. Диксонъ.

П. Г. Мижуевъ Школа и общество въ Америкѣ. Спб. 1902 г. ц. 75 коп. Изданіе редакціи журнала «Техническое Образованіе. Новый трудъ г. Мижуева даетъ бѣглый очеркъ американской школы и общества, причемъ авторъ задался цѣлью связать характеристику американской школы съ наиболѣе крупными фактами, характеризующими американскую жизнь вообще. Книга

представляетъ несомнѣнный интересъ и, надо надѣяться, встрѣтитъ сочувствіе нашей читающей публики.

Указавъ въ первой главѣ на всеобщій интересъ, возбуждаемый американской школою, авторъ переходитъ къ характеристикѣ главныхъ особенностей американской школьной организаціи, наиболѣе существенной чертой которой является, какъ извѣстно, полная децентрализація. Область народнаго образованія въ Соед. Штатахъ не входитъ въ сферу компетенціи федеральныхъ властей, а находится всецѣло въ рукахъ отдѣльныхъ штатовъ, причемъ частныя учебныя заведенія всѣхъ родовъ и всѣхъ разрядовъ находятся внѣ всякаго контроля общественныхъ властей. «Въ Америкѣ, пишетъ г. Мижуевъ, всякій воленъ открывать какое угодно учебное заведеніе и учить тамъ кого угодно и чему угодно, находясь лишь подъ контролемъ общественнаго мнѣнія». Контроль же общественныхъ властей начинается лишь тогда, когда учебное заведеніе пользуется какими-либо субсидіями отъ правительствъ, что, по свидѣтельству г. Мижуева, возможно лишь въ весьма рѣдкихъ случаяхъ. Власть надъ американскими школами раздроблена между массой учрежденій, стоящихъ въ самой полной близости къ народу и подчиненныхъ непрерывному и дѣйствительному его контролю. Вслѣдствіе этого «въ Америкѣ больше, чѣмъ гдѣ бы то ни было, наблюдается самое полное соотвѣтствіе между тѣми идеалами, тѣми требованіями, которыя ставитъ народъ своимъ школамъ, и тою дѣйствительностью, которую тамъ находятъ подрастающія поколѣнія». Въ дальнѣйшемъ изложеніи дается бѣглый очеркъ постановки образованія какъ въ низшихъ и среднихъ американскихъ школахъ, такъ и въ высшихъ, причемъ особая глава отведена образованію техническому. Интересныя свѣдѣнія даетъ настоящая книга о женскомъ образованіи въ Америкѣ, а также объ организаціи внѣшкольнаго образованія, которое, какъ извѣстно, пользуется здѣсь громадной популярностью. Любопытныя данныя приводитъ г. Мижуевъ также и относительно учебныхъ заведеній для индѣйцевъ, негровъ, глухонѣмыхъ и слѣпыхъ.

Конст. Диксонъ.

Пятирублевыя общественныя библіотеки (Статистическій Ежегодникъ Вятской губерніи за 1899 г., Вятка. 1901). Въ вышеуказанномъ «Ежегодникѣ» Вятской губерніи помѣщено интересное изслѣдованіе о сельскихъ, такъ называемыхъ, *пятирублевыхъ* библіотекахъ, возникшихъ въ 1894 г. по инниціативѣ покойнаго предсѣдателя вятской губернской земской управы А. П. Батцева.

Въ 1899 году, согласно постановленію губернскаго земскаго собранія, было произведено изслѣдованіе этихъ оригинальныхъ библіотекъ, любопытныя данныя котораго сгруппированы въ вышеуказанномъ «Статистическомъ Сборникѣ». Составъ этихъ общественныхъ библіотекъ опредѣлялся къ концу 1899 года спискомъ книгъ, разосланныхъ въ 1896 г., и тремя дополнительными списками книгъ, которыя высылались губернской управой въ существующія уже библіотеки въ томъ же 1897 г., а также 1898 и 1899 годахъ. Основной списокъ содержитъ всего 90 книгъ (82 названія); 1-е дополненіе—6; 2-е въ дополненіе—24 и 3-е—20 книгъ. Расходъ на первый подборъ книгъ опредѣлялся первоначальной ассигновкой 15.000 руб., на каждое изъ дополненій—по 3.000 р., ежегодно ассигновавшихся губерн. земск. собраніемъ. Слѣдовательно, весь номинальный составъ библіотекъ достигалъ 140 книгъ и стоилъ 24.000 руб. Весь составъ библіотекъ распадается на 7 отдѣловъ: 1) духовно-нравственный, 2) историко-географическій, 3) медицинскій, 4) естественно-научный, 5) общественно-юридическій, 6) сельскохозяйственный и 7) беллетристическій. Подавляющее большинство требованій читателей падаетъ на книги религіознаго характера, что объясняется, по мнѣнію автора цитируемой статьи, ограниченностью умственнаго кругозора крестьянина и его непривычкой къ книгѣ.

Кромѣ того, чтеніе книгъ, особенно научнаго характера, для нашего мало-

грамотнаго крестьянина трудно и подчасъ прямо невозможно, тогда какъ чтеніе религіозныхъ книгъ считается религіознымъ подвигомъ и во что бы то ни стало преодолѣвается.

Изъ повѣстей и разсказовъ читались больше всего только маленькіе разсказы. Изъ газетъ и журналовъ въ эти библіотеки посылалась только «Вятская Газета», которая, какъ извѣстно, представляетъ первый опытъ настоящей народной газеты и издается вятскимъ губернскимъ земствомъ. Изъ массы отвѣтовъ, полученныхъ управою и напечатанныхъ въ настоящемъ изслѣдованіи, видно, что «Вятская Газета» читается очень охотно. Кромѣ этой газеты, въ нѣкоторыхъ библіотекахъ выписываются обществомъ (въ 47 биб.) или библіотекарями (въ 99 биб.) на спеціальныя или личныя средства и другія газеты и журналы. Больше всего выписываются: «Сельскій Вѣстникъ» (въ 133 библ.), «Крестьянское хозяйство» (въ 5 библ.), «Журналъ для всѣхъ» (въ 3 библ.), «Вокругъ Свѣта» (въ 2 библ.), «Сельско-хозяйственная газета» (въ 2 библ.), «Нива» (въ 2), «Пчеловодный Листокъ» (3), «Аѳонскіе листки» (2). Кромѣ того, въ отвѣтахъ, присланныхъ въ управу, встрѣчаются еще названіе слѣдующихъ журналовъ: «Родина», «Русскій Паломникъ», «Вѣстникъ трезвости», «Вѣстникъ Краснаго Креста» (?) «Воскресенье», «Садъ и огородъ», «Природа и Люди», «Вѣстникъ Иностранной Литературы», «Записки Мин. Зем. и Госуд. Имуществъ», газета «Свѣтъ». Больше всего выписываются журналы въ тѣхъ библіотекахъ, гдѣ библіотекарь имѣетъ повышенное образованіе. Библіотекари, выписывающіе журналы или газеты для себя, въ большинствѣ охотно даютъ читать и абонентамъ своей библіотеки; другіе же и желали бы давать да сомнѣваются, имѣютъ ли они на это право. Библіотеками интересуются даже инородцы и просятъ книгъ на инородческихъ языкахъ. Вообще, эти пятирублевыя библіотечки внесли массу новыхъ запросовъ въ крестьянскую массу Вятской губерніи и явились прочнымъ базисомъ, на которомъ можно будетъ поставить дальнѣйшее пріученіе сельскаго жителя къ книгѣ. Вятское губернское земство будетъ постепенно увеличивать въ нихъ запасъ книгъ и, можетъ быть, не далеко то время, когда при содѣйствіи самихъ сельскихъ обществъ, земствъ и частныхъ лицъ эти библіотеки обратятся въ обыкновенныя читальни. Во всякомъ случаѣ, опытъ вятскаго губернскаго земства крайне интересенъ, а полученныя изслѣдованіемъ данныя и отвѣты весьма цѣнны для сужденія о пользѣ библіотечнаго дѣла въ деревнѣ, хотя бы оно было и такъ, повидимому, микроскопично, какъ въ данномъ случаѣ. Большинство отвѣтовъ констатируетъ, между прочимъ, большой спросъ среди крестьянъ на газеты. Изъ перечисленныхъ выше газетъ и журналовъ, мы видимъ, какимъ образомъ удовлетворяется эта законная потребность сельскаго жителя знать не только то, что творится въ волостномъ правленіи и камерѣ земскаго начальника, но и вообще все, что дѣлается на бѣломъ свѣтѣ.

Кромѣ «Вятской Газеты», у насъ нѣтъ ни одной, строго говоря, народной газеты. Нельзя же признать таковой, напр., «Сельскій Вѣстникъ» или же «Русское Чтеніе», о которомъ мы какъ-то уже разъ давали отзывъ. на страницахъ нашего журнала. Всѣ подобныя изданія могутъ служить только суррогатомъ настоящаго живого періодическаго органа и то только при тѣхъ условіяхъ, какія существуютъ въ настоящее время относительно существованія народной литературы вообще и народныхъ газетъ и журналовъ въ частности. Условія эти крайне ненормальны, какъ и вообще всѣ тѣ ограниченія и преграды, какія встрѣчаетъ на своемъ пути внѣшкольное образованіе народа.

Конст. Диксонъ

НОВЫЯ КНИГИ, ПОСТУПИВШІЯ ВЪ РЕДАКЦІЮ ДЛЯ ОТЗЫВА

(съ 15-го апрѣля по 15-ое мая 1902 г.).

П. Гнѣдичъ. Антиподъ и др. разск. Изд. Суворина. Спб. 1902 г. Ц. 1 р. 50 к.
Ст. Руданьскій. Творы. Ц. 50 к.
А. М. Крымській. Изъ повистокъ и эскизовъ. Ц. 50 к.
З. Гиппіусъ. Третья книга разсказовъ. Спб. 1902 г. Ц. 2 р.
Островъ Сахалинъ. А. Чехова. Собр. соч. Т. X.
На разныя темы (1893—1901 г.). **Петра Струве.** Спб. 1902 г. Ц. 3 р.
Викторъ Гюго. Несчастные. Спб. 1901 г. Изд. Поповой. Ц. 3 р.
В. Ѳ. Тотоміанцъ. Муниципализація промышленныхъ предпріятій. Изд. «Книжное Дѣло» Мск. Ц. 1 р. 20 к.
В. В. Битнеръ. Народный университетъ. Подъ ред. «Страна чудесъ Новаго Свѣта». Изд. Сойкина. Ц. 50 к.
Его же. На рубежѣ столѣтій. Изд. Сойкина.
А. Н. Филипповъ. Гигіена дѣтей. Прив.-доц. московск. универс. Мск. 1902 г. Ц. 2 р.
Обзоръ сельск. хов. въ Полтавской губ. Полтава. 1901 г.
Статистич. ежегодникъ полтавск. губ. земства. 1901 г.
В. А. Мякотинъ. Изъ истор. русск. об-ва. Изд. Л. Ф. Пантелѣева. 1902 г. Ц. 2 р.
Вил. Вундтъ. Система философіи. Перев. съ нѣм. д-ра Нѣманскаго. Спб. 1901 г. Ц. 40 к.
В. Э. День. Населеніе Россіи по пятой ревизіи. Т. I и II. Ч. 3-я. Мск. 1902 г. Ц. 4 р. 50 к.
Отчетъ государ. сберег. кассъ за 1900 г. Спб.
К. М. Лусскаго. Въ благопріятной средѣ. Ром. Спб. 1902 г. Ц. 1 р.
Е. д'Эйхталь. Алексисъ Токвиль и либеральн. демократія. Перев. Васильевскаго. Изд. XX вѣкъ подъ ред. Н. Карѣева. Спб. 1902 г. Ц. 1 р.
Людв. Кржививцій. Психическія расы. Перев. съ польск. Р. В. Кржививцкой. Изд. XX вѣкъ. Спб. 1902 г. Ц. 50 к.
Проф. П. П. Мигулинъ. Реформа денежнаго обращенія въ Россіи и промышл. кризисъ. Харьковъ. 1902 г. Ц. 2 р.
Деревенскіе лѣтніе ясли-пріюты въ Воронежск. губ. 1901 г. Изд. воронежск. губ. земства.
И. Зангвилль. Трагедія Гетто. Изд. ред. «Всходы». Спб. 1902 г. Ц. 1 р. 25 к.
У. А. Порчинскій. Зерновая моль и простѣйшій способъ ея уничтоженія. Изд. Мск. землед. и госуд. имущ. Спб. 1902 г. Ц. 3 к.
Я. Ѳ. Шрейнеръ. Кротъ и важнѣйшіе способы борьбы съ нимъ. Изд. то же. Ц. 5 к.
К. Н. Россиковъ. О мѣрахъ борьбы съ хрущами. Изд. то же. Ц. 3 к.
В. Н. Майковъ. Собраніе сочиненій въ 2-хъ томахъ. Изд. Б. К. Фукса. Кіевъ. Ц. 2 р.
Л. С. Личковъ. Къ вопросу о реформѣ офиціальной статистики. Кіевъ. 1902 г.
И. Бродовскій. Еврейская нищета въ Одессѣ. Одесса. 1902 г. Ц. 30 к.
Лѣтнія колоніи московск. городск. начальн. училищъ. Отчетъ 1901 г. Мск. 1902 г.
Сборникъ статей по вопросамъ городск. жизни въ Россіи и за границей. Вып. II и III. Изд. моск. город. общ. управы. Мск. 1901 г.
Ип. Антоновичъ. Настроенія, очерки и разсказы. Мск. 1902 г. Ц. 1 р.
Н. В. Тепловъ. Что такое культура и что такое геніальность съ точки зрѣнія развитія культуры. Мск. 1902 г.
Начальное народное образованіе въ Россіи. Изд. Импер. вольно-эконом. об-ва. Т. IV.
Е. Ефимова. Царь-освободитель Александръ II. Мск. 1902 г. Ц. 6 к.
В. А. Весновскій. Спутникъ туриста по Уралу. Екатеринбургъ. 1902 г.
Врачъ Маляревская. Отсталыя дѣти. 1902 г.
Ѳ. П. Тарановскій. Феодализмъ въ Россіи. Варшава. 1902 г.
Скопальско-владичанско питанье. 1897—1902 г. Београд. 1902 г.
Погледъ върху дѣятельностьа на Бѣлгарската Екзархия (1877—1902 г.).
Сказки изъ сибирской дѣйствительности. Изд. кн. магаз. Макушина. Ц. 40 к.
И. Н. Канадѣевъ. Очерки закавказской жизни. Т. I. Спб. 1902 г. Ц. 2 р.
Н. Н. Лендеръ. Разсказы путника. Изд. А. Суворина. Спб. 1902 г. Ц. 1 р.
Н. Г. Молоствовъ. Борецъ за идеализмъ. (Слово правды о А. Волынскомъ). Рига. 1902 г. Ц. 1 р.
Н. П. Коропчевскій. Рѣчи. Изд. 2-е дополненное. 1882—1902 г. Ц. 3 р. 50 к.
Ѳ. В. Тарановскій. Сравнительн. правовѣдѣніе въ концѣ XX вѣка. Варшава. 1902 г. Ц. 25 к.
Владиміръ Вагнеръ, д-ръ зоологіи. Психологія животнихъ. Изд. 2-е. Мск. 1902 г. Ц. 1 р. 25 к.
Сост. Д. Ю. Бехли. Мѣропріятія нижегор. губ. земства по воспособленію кустарной промышленности. 1895—1902 г. Изд. нижегор. губ. земства. Спб. 1902 г. Ц. 40 к.
Aventino. По слѣдамъ Гоголя въ Римѣ. Мск. 1902 г. Ц. 30 к.
О. Э. Шмидтъ. Павловскій сталеслесарн. районъ Нижег. губ. Вып. I. Н.-Новгородъ. 1902 г.
И. С. Чехъ. Разсказы изъ старокавказск. жизни. Т. I и II. Спб. 1902 г. Ц. кажд. тома 1 р. 25 к.
Влад. Шуфъ. Гибель Шемахи (поэма). Изд. въ пользу пострад. отъ землетрясенія въ г. Шемахѣ. Ц. 40 к.
А. А. Бычихинъ. Результаты опытовъ удобренія виноградниковъ Бессарабіи минеральными туками въ 1901 г. Одесса. 1902 г

Сельскохоз. обзоръ Смоленск. губ. въ 1902 г. Изд. смоленск. губ. земской управы. Смоленскъ. 1902 г.

Томасъ Карлейль. Рѣчь лорда ректора эдинбургск. университ. Перев. съ англ. Н. Горбова. Мск. 1902 г. Ц. 25 к.

Ш. Сеньобосъ. Историческій методъ въ примѣненіи къ соціальнымъ наукамъ. Перев. съ франц. подъ ред. П. С. Когана. Мск. 1902 г. Ц. 1 р.

Н. И. Прохоровъ. Техникъ тонкоруннаго овцеводства въ предгорьяхъ Сѣверн. Кавказа. Спб. 1902 г.

Дю-Планти. Тетушка Пико. Разсказъ для дѣтей. Спб. 1902 г. Ц. 1 р.

К. Л. Хрѣновъ. Поэты изъ народа. Мск. 1902 г. Ц. 60 к.

Отчетъ о состояніи городскихъ начальн. училищъ, учрежден. московск. городск. думой за 1900 1901 уч. годъ.

Андрей Бѣлый. Симфонія. Книгоизд. «Скорпіонъ». Ц. 1 р.

А. К. Дживелеговъ. Средневѣковые города въ Западной Европѣ. Изд. ак. об-ва Брокгауз.-Ефрона. Спб. 1902 г. Ц. 1 р.

Д-ръ В. Кобельтъ. Географическое распредѣленіе животныхъ. Перев. съ нѣм. В. Л. Біанки. Вып. I. Спб. Изд. Девріена. 1902 г. Ц. всего сочин. въ 5-ти вып. 8 р. 50 к.

Отчетъ о состояніи начальныхъ училищъ въ Н.-Новгородѣ за 1900 г. Н.-Новгородъ. 1902 г.

Д-ръ М. Рудольфи. Общая физическая химія. Перев. съ нѣмец. Марголина подъ ред. прив.-доц. Я. И. Михаиленко. Изд. студ. Таценко. Кіевъ. 1902 г. Ц. 60 к.

А. Марлинскій (Бестужевъ). Замокъ Нейгаузенъ—Кровь за кровь. Изд. Суворина. Ц. 15 к.

Труды педагогич. об-ва при Императорск. московск. университ. Вопросы воспитанія и обученія. 1-е изд. Тихомирова. Мск. 1901 г. Ц. 1 р. 25 к.

Липскій. Цѣны на рабочія руки при заблаговремен. наймѣ на сельск.-хоз. работы. Изд. Новикова. Спб. 1902 г. Ц. 80 к.

И. Я. Акинфіевъ. Опредѣлитель семействъ цвѣтковыхъ растеній Европ. Россіи. Екатеринославъ. 1902 г. Ц. 40 к.

Отчетъ об-ва для доставленія средствъ высшимъ женскимъ курсамъ за 1900—1901 г. Спб. 1902 г.

Матеріалы по оцѣнкѣ недвижимыхъ имуществъ Смолен. губ. (Вяземск. уѣздъ) 1901 г. Смоленскъ. 1902 г.

В. И. Василенко. Очерки кустарныхъ промысловъ Полт. губ. Вып. I. Пряденіе и ткачество. Изд. губ. земства. Полтава. 1900 г.

Кустари и ремесленн. полтавск. губ. Труды статистич. бюро Полт. губ. земства. Полтава. 1901 г.

О. Н. Бутеневой. Разсказы о звѣряхъ. Перев. съ англ. Изд. Н. Березина. Спб. 1902 г. Ц. 1 р.

Морисъ Метерлинкъ Жизнь пчелъ. Перев. съ франц. К. Зиновьевой и Э. Яковлевой. Спб. Изд. Колпинскаго. Ц. 80 к.

Отчетъ комисс. по устр. публ. лекціи при Русск. лит. кружкѣ въ г. Ригѣ (1900—1901 г.). Рига. 1901 г.

D-r K-van der Borght. Торговля и торговая политика. Перев. съ нѣм. подъ ред. Е. И. Раговина. Спб. 1902 г. Ц. 3 р.

И. В. Колюбакинъ. Въ какомъ направленіи долженъ быть сдѣланъ шагъ въ дѣлѣ организаціи призрѣнія душевно-больныхъ. Мск. 1902 г.

А. Рождествина. Н. И. Пироговъ, какъ педагогъ. Казань. 1902 г. Ц. 30 к.

Н. И. Кузнецовъ. Систематическій сводъ указовъ правит. сената по земскимъ дѣламъ 1866—1900 г. Спб. 1902 г. Ц. 4 р.

Отчетъ Воронежск. библ. им. А. В. Кольцова за 1901 г.

К. Э. Линдеманъ. Общія основы энтомологіи Изд. Спб. д. Маркса. Ц. 4 р.

Томасъ Карлейль. Sartor Resartus. Жизнь и мысли Герръ Тейфельсдрека. Перев. съ англ. Н. Горбова. Мск. 1902 г. Ц. 2 р. 50 к.

Анны Иноземцевой. Внѣ почвы. Драма въ 5-ти дѣйств. Н.-Новгородъ. 1902 г.

П. Г. Мижуевъ. Школа и общество въ Америкѣ. Спб. 1902 г. Ц. 75 к.

Влад. Львовъ. Первое знакомство съ географіей Россіи. Мск. 1902 г. Ц. 1 р.

Труды комитета виноградства Имп. об-ва сельскохов. южн. Россіи. Одесса. 1901 г.

Г. Дорофеевъ. Характеристика творчества Н. В. Гоголя. Тифлисъ. 1902 г. Ц. 60 к.

Отчетъ о состояніи и дѣятельн. об-ва взаимн. вспомощ. учащимъ и учившимъ Томск. губ. за 1901 г. Томскъ. 1902 г.

Очерки домашнихъ промысловъ и ремеслъ Полт. губ. Вып. 2-й. Изд. полт. губ. земства. Одесса. 1900 г.

Переселенія изъ Полтавск. губ. съ 1861 по 1900 г. Вып. 1-й. Полтава. 1900 г.

А. Өедоровъ-Давыдовъ. Зори-весеннія. Изд. ред. журнала «Свѣтлячокъ» Ц. 40 к.

А. Г. Грабина. Прежде погибшіе. Разсказы. Спб. 1902 г. Ц. 50 к.

Д. Н. Маминъ-Сибирякъ. Разсказы и сказки. Т. II. Изд. «Дѣтское Чтеніе». Мск. 1902 г. Ц. 1 р.

П. Головачевъ. Сибирь. Природа, люди, жизнь. Изд. Ю. И. Базановой. Мск. 1902 г.

К. Головинъ (К. Орловскій). Собраніе сочиненій. Т. I—III. Спб. 1902 г. Ц. кажд. тома по 1 р. 25 к.

Раффи. Хентъ. Истор. ром. Перев. съ арм. Карамурза. Тифлисъ. 1901 г. Ц. 1 р. 50 к.

Проф. Іерузалемъ. Введеніе въ философію. Перев. съ нѣм. П. Некрасова. Спб. 1902 г. Ц. 1 р.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

«*The Social Evil*». *With special Reference to conditions existing in the City of New-York*. (*Potnam's Sons*). (*Соціальное зло*). Въ этомъ томѣ заключается подробное изслѣдованіе условій соціальнаго положенія главнѣйшихъ городовъ Европы. Далѣе авторъ разсматриваетъ положеніе Нью-Іорка и говоритъ о средствахъ борьбы съ соціальнымъ зломъ, отъ котораго страдаетъ американскій городъ. Всѣ, интересующіяся научными соціальными проблемами, найдутъ въ этой книгѣ очень много важныхъ свѣдѣній, касающихся этого вопроса. (Athaeneum).

«*A book of Secrets*». *With studies in the Art of self control, by Horatis W. Dresser*. (*Potnam's Sons*). (*Книга секретовъ*). *3 s. 6 d.* Въ книгѣ заключается много нравственныхъ истинъ, имѣющихъ практическое значеніе въ жизни. Каждый очеркъ представляетъ отдѣльное посланіе, опирающееся на конкретный опытъ и указывающее способы приспособленія къ современнымъ потребностямъ. Книга вполнѣ удовлетворяетъ требованію, чтобы идеи, которыя еще находятся въ періодѣ кристаллизаціи, были выражены ясно и опредѣленно. (Athaeneum).

«*Herder's pädagogische schriften und Aeusserungen*». *Mit Einleitung und Anmerkungen von D. Horst Keferstein* (*Bibliothek pädagogischer klassiker*). (*Педагогическія статьи Гердера*). Въ предисловіи къ статьямъ Гердера издатель говоритъ о его высокихъ заслугахъ въ области литературы, такъ какъ онъ указалъ новые пути, новыя точки зрѣнія и новые способы творчества. Но, главнымъ образомъ, издатель имѣетъ въ виду познакомить читателей съ Гердеромъ, какъ съ педагогомъ. Прежнее заблужденіе, что классическіе языки хороши для всего, встрѣчаетъ въ Гердерѣ самаго энергичнаго противника и въ то же время Гердеръ является горячимъ защитникомъ теорій удовлетворенія запросамъ времени. (Frankfurt. Zeit.).

«*The Empire of Business*» *by Andrew Carnegie* (*Harper and Brothers*) *10 s. 6 d.* (*Дѣловое царство*). Это сборникъ статей, написанныхъ въ разное время знаменитымъ американскимъ милліардеромъ и рѣчей, сказанныхъ имъ при разныхъ обстоятельствахъ. Онъ обращается къ молодымъ людямъ и говоритъ имъ, какъ добывать деньги, а затѣмъ обращается къ богатымъ и учитъ ихъ, какъ эти деньги расходовать. Но наиболѣе современный интересъ имѣетъ то, что касается трёстовъ, въ которыхъ онъ не видитъ большого вреда для дѣловыхъ сношеній. «Только тѣ,—говоритъ онъ,—имѣютъ основаніе опасаться трёстовъ, кто настолько безуменъ, что вступаетъ въ нихъ». Взгляды Карнеджи на богатство и обязанности богатыхъ людей достаточно извѣстны. (Daily News).

«*Au pays des Ba-rotsi, Haut Zambèze*». *Voyage d'exploration en Afrique par Alfred Bertrand. Avec 105 Illustrations et deux cartes. Paris* (*Hachette et C°*). *Въ странѣ Баротси, въ Верхнемъ Замбезе*). Прекрасно иллюстрированное описаніе путешествія, совершеннаго авторомъ въ качествѣ туриста въ область Верхняго Замбезе, гдѣ обитаетъ племя Баротси, описанное африканскимъ путешественникомъ Голубомъ, но самое интересное—это описаніе Джемсоновскаго набѣга, очевидцемъ котораго былъ авторъ, такъ какъ онъ совершилъ свой обратный путь отъ водопадовъ Замбезе черезъ страну мамабеловъ, Трансвааль, Наталь, Капскую колонію какъ разъ во время набѣга находился въ Трансваалѣ. (Journal des Débats).

«*Une femme avocat. Episodes de la Révolution. Mémoires de la comtesse de la Villirouet* (*1767—1813*). (*Just Poirson*). *5 fr.* (*Женщина адвокатъ. Эпизоды французской революціи*). Это мемуары, написанные женщиной, которая была посажена въ Ламбаллѣ, въ тюрьму, въ 1793 году и добилась не только свободы для себя, но и для 130 своихъ товарищей по заключенію, представляютъ очень любопытный историческій документъ, сообщающій много интересныхъ и мало извѣстныхъ подробностей изъ повседневной жизни во времена революціи. (Journal des Débats).

«*Studies in history and jurisprudence*» *by James Bryce, two vols. Oxford.* (*Clarendon Press*). (*Очерки исторіи и юриспруденціи*). Въ этихъ двухъ томахъ авторъ излагаетъ сущность своего курса въ оксфордскомъ университетѣ, гдѣ онъ читалъ прежде гражданское право. Авторъ въ общихъ чертахъ излагаетъ исторію и законы Англіи и сравниваетъ ихъ съ исторіей и законами Рима. Но самая интересная глава въ книгѣ та, въ которой авторъ разсказываетъ первобытную исторію Исландіи и подвергаетъ подробному анализу особенную конституцію первой исландской республики. Книга такъ написана, что ее прочтутъ съ интересомъ не одни только профессіональные юристы. (Daily News).

«*The Baxis of Social Relations*» *a study in Ethnic Psychology by Daniel G. Briston. London 8 s.* (*Lohn Murray*). (*Основы соціальныхъ отношеній*). Хотя этническая

психологія давно уже обращаетъ на себя вниманіе, этнологовъ и психологовъ, тѣмъ не менѣе до сихъ поръ еще она не служила предметомъ систематическаго изученія. Въ этомъ отношеніи названная книга представляетъ цѣнный вкладъ и, благодаря ясности и простотѣ изложенія доступна широкому кругу читателей. Авторъ подвергаетъ серьезному изслѣдованію очень важные соціальные вопросы. Трудъ автора раздѣляется на двѣ части, посвященныя изученію культурной и естественной исторіи этнической души. Очень интересны главы, въ которыхъ авторъ изслѣдуетъ болѣзни народной души и причины упадка націй, вымиранія и вырожденія. (Morning Post).

«Social Control: a Súrocy of the Foundations of Order» by Edward Alrwosth Ross (Macmillan and C⁰). (Соціальный контроль). Авторъ касается очень интереснаго вопроса и, повидимому, изучилъ всю существующую литературу по этому предмету. Но постоянныя ссылки на разныхъ авторовъ затрудняютъ чтеніе и сообщаютъ тяжеловѣсность книгѣ, такъ что врядъ ли она можетъ быть доступна большому кругу читателей, несмотря на весь свой интересъ. (Daily News).

«L'évolution de la vie» par le D-r Laloy. Paris. 2 fr. 50 (Schleicher). (Эволюція жизни). Авторъ преслѣдуетъ двойную цѣль: дать возможность лицамъ, не имѣющимъ спеціальнаго образованія, познакомиться съ новѣйшими успѣхами біологическихъ наукъ и составить, на основаніи послѣднихъ открытій ученыхъ и разсужденій философовъ, теорію жизни и ея эволюціи, которая могла бы служить выраженіемъ нашихъ знаній въ началѣ этого вѣка. Авторъ старается обсудить и разрѣшить цѣлую массу крайне важныхъ и интересныхъ вопросовъ, касающихся проблемы жизни. (Polybibleón).

«Weltall und Menschheit» Berlin. (Deutsches Verlagshaus Lang und C⁰). (Вселенная и человѣчество). Цѣлый рядъ нѣмецкихъ ученыхъ предприняли изданіе подъ этимъ названіемъ статей, указывающихъ на связь, существующую между исторіей развитія человѣчества и силами природы, начиная съ самой отдаленной древности до современной эпохи. Въ первой части этого сборника говорится объ изслѣдованіи земной коры, моря, атмосферы и небесныхъ тѣлъ, а вторая посвящается появленію и развитію земного населенія. Въ послѣдней части изслѣдуется многообразное примѣненіе силъ природы въ наукѣ и техникѣ и вліяніе великихъ открытій и подчиненія силъ природы человѣку на жизнь и мышленіе народовъ. Особенно хорошо составлена въ книгѣ исторія изслѣдованія силъ природы.

(Neue Freie Presse).

«Madagascar au début du vingdième siècle» Un vol. asec figures ef une grande carte en couleurs. Prix 20 fr. (De Rudeval et C° éditeurs). (Мадагаскаръ въ началѣ XX вѣка). Профессоръ парижскаго медицинскаго факультета Бланшаръ организовалъ курсъ, исключительно посвященный изученію колоній. Первый годъ существованія этого курса былъ посвященъ Мадагаскару. Въ книгѣ собраны лекціи, которыя были прочтены объ этомъ островѣ и заключаютъ въ себѣ самыя точныя и полныя свѣдѣнія географіи, геологіи, минералогіи, зоологіи, ботаники и этнографіи Мадагаскара. Одна глава спеціально посвящена европейской колонизаціи. (Journal des Débats).

«Question d'histoire et d'enseignement» par Ch. V. Langlois. (Вопросы исторіи и образованія). Всѣ очерки, помѣщенные въ этой книгѣ, посвящены исторіи высшаго образованія, преподаванію исторіи, историческому методу и библіографіи. Особеннаго вниманія заслуживаетъ глава о средневѣковыхъ университетахъ и международной ассоціаціи академій. (Revue de Paris).

«How to succed as a Journalist» by John Pendleton. London (Grant Richards). 2 s. 6 d. (Какъ сдѣлаться журналистомъ). Занимательная книга, такъ какъ она изображаетъ карьеру журналиста съ разныхъ сторонъ, но врядъ ли она можетъ служить руководствомъ для того, кто захочетъ сдѣлаться журналистомъ. Въ сущности авторъ не даетъ никакихъ совѣтовъ начинающему журналисту, а только разсказываетъ разные эпизоды изъ области журнализма и анекдоты обрисовывающіе взаимныя отношенія издателей, журналистовъ и публики.

(Daily News).

«Der Beruf und die Stellung der Frau» von Lohannes Möller (Verlag des Grünen Blätter) Leibzig (Назначеніе и положеніе женщины). Эта книга служитъ доказательствомъ, какое глубокое значеніе для современной культурной жизни человѣчества имѣетъ женскій вопросъ. Авторъ разсматриваетъ этотъ вопросъ преимущественно съ этической точки зрѣнія. Онъ не принадлежитъ къ числу слѣпыхъ и фанатическихъ противниковъ эмансипаціи женщины и признаетъ необходимость полной индивидуализаціи и самостоятельность незамужней женщины. Но тѣмъ не менѣе онъ видитъ въ бракѣ высшее назначеніе женщины, къ которому она должна стремиться. Авторъ отрицаетъ способность женщины къ продуктивной работѣ и слишкомъ мало вниманія посвящаетъ современнымъ экономическимъ условіямъ, которыя играютъ немаловажную роль въ исторіи женскаго движенія.

(Berliner Tageblatt).

«L'hygiène sociale» par E. Duclaux. Paris (Alcan) 6 fr. (Соціальная гигіена). Директоръ Пастёровскаго института Дюкло собралъ въ этой книгѣ лекціи, читанныя имъ въ «l'École des hautes études sociales». Онъ указываетъ въ этихъ лекціяхъ на опасность, которую представляетъ всякій больной для общества, и на необходимость борьбы съ зародышами болѣзней. Общество, говоритъ авторъ, должно смотрѣть на больного, какъ на постоянную угрозу, противъ которой оно плохо вооружено, и поэтому оно должно стараться помѣшать больному быть вреднымъ. Авторъ говоритъ о новыхъ открытіяхъ, которыя даютъ возможность установить принципы соціальной гигіены.
(Polybiblión).

«Les femmes docteurs en médecine» par Harget Fontanges Paris (Alliance coopérative du livre) 3 fr. 50. (Женщины доктора медицины). Авторъ этой книги говоритъ объ успѣхахъ феминизма въ области медицины и знакомитъ съ положеніемъ женскаго медицинскаго образованія во Франціи и за границей. Въ заключеніе авторъ приводитъ списокъ женщинъ докторовъ медицины во Франціи съ 1870 по 1900 годъ и перечисляетъ ихъ работы.
(Polybiblión).

«La distinction de classes dans la société allemande actuelle» par Eugène Regnier. Paris (Rousseau). 10 fr. (Различіе классовъ въ современномъ германскомъ обществѣ). Въ довольно пространномъ предисловіи авторъ излагаетъ исторію классовыхъ различій съ начала ихъ происхожденія до нашихъ дней. Но не исторія составляетъ главный предметъ изслѣдованія автора, а законодательство, которое обязано своимъ происхожденіемъ классовому различію и до сихъ поръ находится въ силѣ. Вообще эта книга представляетъ очень серьезное изслѣдованіе предмета, до сихъ поръ недостаточно изученнаго.
(Polybiblión).

«Philosophie des sciences sociales» par Antonin Roudelet. Paris (Roudelet) 3 fr. 50. (Философія соціальныхъ наукъ). Отыскивая, какой методъ наиболѣе подходитъ для соціальныхъ наукъ, авторъ не только представляетъ новую классификацію, но и резюмируетъ соціальныя науки. Онъ обсуждаетъ съ совершенно своеобразной точки зрѣнія науки экономическія, педагогическія, административныя, политическія и финансовыя, и хотя придаетъ имъ большое значеніе, но ставитъ на первое мѣсто все-таки принципы. Онъ одинаково предостерегаетъ и отъ утопій, и отъ излишняго эмпиризма.
(Polybiblión).

«Japan, our new Ally» by Alfred Stead Illustrated (Fisher Unwin). (Японія, наша новая союзница). Авторъ говоритъ, что во время своего послѣдняго пребыванія въ Японіи онъ встрѣчался со многими выдающимися японскими политическими и общественными дѣятелями, и это дало ему возможность «лучше понимать удивительную исторію Японіи». Онъ сообщаетъ очень интересныя данныя относительно современнаго состоянія Японіи въ различныхъ отношеніяхъ, приводитъ цифры и другія подробности, касающіяся хронологическаго, финансоваго и т. п. положеній страны. Что касается литературы и философіи, то японцы, разумѣется, не могутъ спорить съ древнимъ Китаемъ, такъ какъ они не могутъ указать философовъ, которые могли бы быть поставлены на ряду съ китайскими философами. Но по мнѣнію автора, это было счастьемъ для Японіи, такъ какъ это спасло ее отъ китайскаго консерватизма и помогло ей превратиться въ Новую Японію, представляющую политическое чудо нашего вѣка.
(Athaeneum).

За издательницу М. К. Куприна-Давыдова. За редактора Ѳ. Д. Батюшковъ

послѣдніе были очень изящные молодые люди и привѣтствовали Питера крайне любезно, но ему не понравились. Онъ готовъ былъ даже возненавидѣть ихъ, когда миссисъ Д'Аллуа пригласила его сѣсть между нею и мадамъ Меллери.

Питеръ пришелъ вовсе не затѣмъ, чтобы бесѣдовать съ мадамъ Меллери, но дѣлать было нечего, и онъ былъ слишкомъ вѣжливъ, чтобы показать свое недовольство француженкѣ. Около получаса ему пришлось бесѣдовать съ нею, когда уходъ м-ра Максуэлля нарушилъ на время порядокъ. Не успѣлъ гость скрыться за дверью, какъ миссисъ Д'Аллуа захотѣла снова возстановить его, но встрѣтила неожиданную преграду своимъ намѣреніямъ. Питеръ вывелъ свои заключенія изъ того, что миссисъ Д'Аллуа усадила его съ француженкой, а особенно изъ того, что все время старалась стать между нимъ и Леонорой и помѣшать ему говорить съ нею. По этому Питеръ воспользовался перемѣщеніемъ, произошедшимъ во время ухода Максуэлля, и, подойдя къ Леонорѣ, оживленно заговорилъ съ нею. Миссисъ Д'Аллуа нахмурилась, увидя это, но ничего не могла подѣлать. Когда Питеръ подошелъ къ Леонорѣ, она прощалась съ гостемъ и, казалось, не замѣтила его. Но не успѣлъ гость отойти, какъ она быстро обернулась къ нему и сказала:

— Я все время спрашивала себя, неужели вы уйдете, не поговоривъ со мною? Я боялась, что вы изъ тѣхъ людей, которые говорятъ «здраствуйте» и «прощайте» и считаютъ, что въ этомъ состоитъ весь визитъ.

— Я пришелъ только, чтобы видѣть васъ, и, конечно, не ушелъ бы, не поговоривъ съ вами. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ я могу быть очень настойчивымъ.

— Ѳ да,—сказала Леонора, съ видомъ глубокаго убѣжденія покачивая головой,—миссъ Де-Во мнѣ говорила.

— М-ръ Стерлингъ, — позвала его миссисъ Д'Аллуа.—Не можете ли вы разъяснить мнѣ смыслъ латинскаго девиза на этой печати?

Миссисъ Д'Аллуа протянула ему письмо, не вставая съ мѣста. Питеръ разгадалъ ея уловку: миссисъ Д'Аллуа опять хотѣла усадить его рядомъ съ собой, не затѣмъ, чтобы наслаждаться его обществомъ, но чтобы помѣшать его разговору съ Леонорой. Но Питеръ не имѣлъ ни малѣйшаго желанія позволить ей распоряжаться собой. Поэтому онъ сказалъ:

— Мадамъ Меллери мнѣ говорила, что миссъ Д'Аллуа прекрасно знаетъ латинскій языкъ. Я вовсе не хочу срамиться передъ ней и предлагаю ей первой перевести девизъ.

Онъ взялъ конвертъ, передалъ его Леонорѣ, подвинулъ ей стулъ, и самъ сѣлъ рядомъ съ нею.

Миссисъ Д'Аллуа была крайне недовольна, особенно при видѣ, какъ Питеръ и Леонора нагнулись вмѣстѣ надъ конвертомъ.

— In bonam partem, прочла Леонора.— Это совсѣмъ легко, мама! Это... да она меня не слушаетъ!

— Вы ей послѣ скажете. А теперь мнѣ надо съ вами обсудить нѣчто.

— А что именно?

— Программу обѣда у меня. Кого вы хотите пригласить?

— Вы въ самомъ дѣлѣ дадите обѣдъ для меня?

— Конечно.

— И позволите мнѣ позвать, кого я хочу?

— Непремѣнно.

— Вотъ-то прелесть! Дайте подумать. Маму и папу, конечно.

— Это четверо. Еще двухъ можно.

— Питеръ, если вамъ все равно... —Леонора колебалась одно мгновеніе и сказала просительнымъ голосомъ:—вы не хотите позвать мадамъ? Я ей разсказывала про вашу квартиру, и ей это доставило бы такое удовольствіе!

— Это пять,—сказалъ Питеръ.

— Шикарно!—воскликнула Леонора, но тотчасъ спохватилась: — я хотѣла сказать, что вы очень добры.

— А кто же будетъ шестымъ?

— Конечно, мужчина,—отвѣтила Леонора и наморщила лобъ отъ напряженія мысли.—Я почти никого не знаю!

Она посмотрѣла въ пространство, и Питеръ испугался при мысли, что она

можетъ вспомнить о маркизѣ и пригласить его.

— У васъ есть одинъ пріятель, съ которымъ мнѣ страшно хочется познакомиться. Только я не знаю, согласитесь ли вы позвать его?

— Кто же это?

— М-ръ Моріерти.

— Нѣтъ, я не могу позвать его. Я не хочу выставлять его на показъ, какъ рѣдкаго звѣря.

— О, я вовсе не такъ смотрю на него.

— Я думаю, вы поймете и оцѣните его хорошія стороны, но другіе?

Питеръ не называлъ именъ, но Леонора поняла его.

— Да,—сказала она,—вы совершенно правы.

— Вы когда-нибудь узнаете его,—утѣшалъ ее Питеръ,—если вамъ этого такъ хочется; но тогда мы не позовемъ никого, кто бы могъ сконфузить его или посмѣяться надъ нимъ.

— Право, я не знаю, кого бы еще позвать?

— Не хотите ли познакомиться съ Ле-Гранъ?

— Очень хочу. Вотъ и шестой!

— Значитъ, дѣло сдѣлано. Вы свободны девятаго?

— Да, я еще не буду выѣзжать этой весной, а мама съ папой еще не начинали, теперь сезонъ уже кончается, и я увѣрена, что мы не заняты.

— Спросимъ маму, и если она согласна, назначимъ девятаго.

— Питеръ, я хотѣла спросить васъ еще въ тотъ разъ. У васъ въ кладовой столько вина, а я думала, что вы не пьете.

— Да, я и не пью, но угощаю моихъ друзей, когда они навѣщаютъ меня. Я живу такъ, какъ мнѣ нравится, но поэтому-то и хочу, чтобы и другіе могли жить такъ, какъ имъ нравится. Стараться изъ любезности къ другимъ поступать такъ же, какъ они, слишкомъ обоюдоострая вещь.

Въ эту минуту къ нимъ подошла миссисъ Д'Аллуа.

— Что же, могли перевести?—спросила она, усаживаясь между ними.

— Конечно, — отвѣтила Леонора. — Это значитъ: «на лучшей сторонѣ», а, какъ девизъ, можно перевести: «за правое дѣло».

Миссисъ Д'Аллуа явилась, очевидно, съ тѣмъ, чтобы, по народному выраженію, «пустить корни». Питеръ завелъ разговоръ объ обѣдѣ, и когда она колебалась, Леонора позвала на помощь отца. Его голосъ оказался рѣшающимъ, и день былъ назначенъ. Питера пригласили на празднованіе дня рожденія Леоноры, разговоръ перешелъ на другіе предметы. Питеръ всталъ.

Прежде чѣмъ уйти, онъ сказалъ Леонорѣ:

— Я сегодня изучалъ вопросъ о національности и нашелъ, что я былъ правъ. Я написалъ вамъ удостовѣреніе самымъ лучшимъ моимъ почеркомъ и вручу вамъ его тогда, когда получу отъ васъ гонораръ.

— Сколько же вы хотите?—дѣловымъ тономъ спросила Леонора.

— Только, чтобы вы сами пришли за документомъ.

Глава XLII.

Разныя встрѣчи.

На слѣдующее утро Питеръ только что принялся за работу, какъ доложили, что его желаетъ видѣть «достопочтенный Теренцій Дентонъ».

— Просите, — сказалъ Питеръ и «достопочтенный» вошелъ.

— Добраго утра, Дентонъ. Очень радъ васъ видѣть. Я собирался сегодня самъ зайти въ ратушу на пару словъ, а вы избавили меня отъ труда.

— Знаю, что собирались, потому и предупредилъ васъ, — огрызнулся Дентонъ.

— Сядьте,—сказалъ Питеръ.

Питеръ изъ своего долголѣтняго опыта зналъ, что ничто не охлаждаетъ гнѣва извѣстнаго сорта людей, какъ во время предложенный стулъ на извѣстномъ разстояніи.

— Вы говорили противъ меня въ участкѣ и науськали ихъ на меня.

— Нѣтъ, я не науськивалъ ихъ. Я

просто говорилъ кое съ кѣмъ о томъ, какъ вы собираетесь подавать голосъ за концессію.

— Ну, не знаю. Самъ я не слыхалъ, а одинъ мой пріятель слышалъ, какъ меня раздѣлывали вчера вечеромъ Деннисъ съ Бленкерсомъ. Вѣдь это дѣло вашихъ рукъ.

— Можетъ быть... Но вѣдь, кажется, вы достаточно хорошо знаете меня и могли понять, что я не успокоюсь на нашемъ вчерашнемъ разговорѣ.

— Поэтому-то вы и натравили всю шайку на меня?

— Нѣтъ, я только хотѣлъ знать, что думаютъ мои избиратели о намѣреніяхъ своего альдермена.

— Послушайте, почему вамъ такъ полюбился этотъ Гуммель съ братіей.

— Мнѣ до него лично дѣла нѣтъ.

— Можетъ, потому, что Гуммель—крупный подрядчикъ, и вы наживаетесь на его дѣлахъ?

— Нѣтъ,—улыбнулся Питеръ.—Да и вы сами не думаете этого.

— Можетъ, онъ предложилъ вамъ свои акціи за полцѣны?

— Полно, Дентонъ. Вы отлично знаете, что всѣ ваши «tu quoque»—неумѣстны.

Дентонъ завозился на стулѣ. Эти два непонятныхъ ему латинскихъ словечка привели его въ смущеніе. Онъ не зналъ, заключается ли въ нихъ намекъ, угроза или оскорбленіе, и не рѣшался высказать своего невѣдѣнія, боясь показаться смѣшнымъ. Чтобы выйти изъ этого непріятнаго положенія, онъ рѣшился перемѣнить тему.

— Я не желаю быть ничьей собачонкой,—сказалъ онъ.

— Конечно,—согласился Питеръ, съ трудомъ подавляя улыбку,—вы не такой человѣкъ.

— И я не позволю никому мнѣ приказывать!

— Дентонъ, да никто не можетъ приказывать вамъ, какъ подавать голосъ. Мы выбрали васъ альдерменомъ, чтобы вы дѣлали то, что, по вашему мнѣнію, будетъ на пользу вашего участка и всего города. Вы отвѣчаете за свои дѣйствія только передъ своими избирателями и больше ни передъ кѣмъ. Мнѣ все равно, кто вамъ приказываетъ или совѣтуетъ; въ концѣ концовъ, вотируете вы, но потребуютъ отчета избиратели.

— Понимаю. Но если я вотирую не по вашему, вы натравляете на меня ребятъ.

— Я только говорю имъ, что думаю. Вы можете сдѣлать то-же. Наши шансы равны.

— Нѣтъ, не равны. Вы богаты и умѣете красно говорить.

— Вы знаете, что мои деньги тутъ не причемъ. И вы знаете также, что, говоря съ людьми, я никогда не ввожу ихъ въ заблужденіе. Если они вѣрятъ моимъ словомъ, то потому, что находятъ ихъ благоразумными, и потому, что я никогда никого не обманывалъ.

— Что же? вы хотите выжить меня?

— Надѣюсь, что нѣтъ. Я думаю, что вы будете хорошимъ альдерменомъ и тогда вспомните, что я это сказалъ вамъ.

— А теперь?

— Если вы подадите голосъ за ту, другую, концессію, я скажу избирателямъ, что, по моему мнѣнію, вы поступили дурно, и они сдѣлаютъ то, что найдутъ нужнымъ.

— Т.-е. чего вы захотите?

— Нѣтъ. Вы уже давно занимаетесь политикой и не можете не знать, что я ничего не могъ бы сдѣлать, если бы не съумѣлъ заставить моихъ избирателей думать такъ же, какъ я. Да и вы сами развѣ стали бы считаться съ моимъ мнѣніемъ, если бы не чувствовали, что за мной стоитъ весь участокъ?

Въ эту минуту дверь отворилась, и вошелъ Деннисъ.

— Тимъ мнѣ сказалъ, что вы одни съ Дентономъ, поэтому я и вошелъ прямо. Съ добрымъ утромъ, сэръ. Какъ поживаешь, Теренцій?

— Васъ только и нужно, Деннисъ. Скажите Дентону мнѣніе участка о концессіяхъ.

— Что же, мнѣніе у всѣхъ одно. А если Дентонъ заглянетъ ко мнѣ сегодня вечеромъ, такъ самъ узнаетъ, что всѣ думаютъ.

— Ничего бы они не думали, если бы мистеръ Стерлингъ не говорилъ съ

ними. Между ними нѣтъ одного на двадцать, который хотя бы зналъ, въ чемъ дѣло.

— Это потому, что большинство изъ нихъ люди рабочіе, некогда имъ за всѣмъ слѣдить. Послушайте, Дентонъ; я не хочу учить васъ, какъ вамъ подавать голосъ, я только говорю вамъ мое собственное мнѣніе. Обойдите участокъ да потолкуйте съ людьми. Тогда сами увидите, нужно ли вамъ опасаться меня въ будущемъ. Я не хочу ссориться съ вами; мы были прежде друзьями, и намъ гораздо легче дружно везти нашу повозку, чѣмъ лягаться. Мнѣ бы не хотѣлось видѣть другого на вашемъ мѣстѣ въ городскомъ совѣтѣ.—Питеръ протянулъ ему руку, и Дентонъ пожалъ ее.

— Хорошо, м-ръ Стерлингъ. Постараюсь не ссориться съ вами.—сказалъ онъ и вышелъ.

Питеръ обратился къ Деннису и улыбнулся ему.

— Никакъ они не могутъ понять, что дѣло въ избирателяхъ, а не во мнѣ. Каждый разъ, какъ что-нибудь не ладится, они нападаютъ на меня, и мнѣ бываетъ не легко ладить съ ними. Я ненавижу ссоры и недовольства.

— Только вы и можете усмирять ихъ. Право, Дентонъ былъ сегодня утромъ въ ужасно воинственномъ настроеніи, говорили мнѣ, а теперь тише воды, ниже травы, и не будь я Деннисъ Моріерти, если онъ не подастъ голосъ по совѣсти. Да, онъ самъ не подозрѣваетъ этого, но во вторникъ онъ будетъ вотировать честно.

Въ эту минуту маленькій Тимъ подалъ карточки Уаттса и Леоноры, и Питеръ велѣлъ просить ихъ. Когда они вошли и поздоровались, Питеръ сказалъ Леонорѣ:

— Миссъ Д'Аллуа, вотъ мой вѣрный другъ Деннисъ Моріерти. Деннисъ, миссъ Д'Аллуа желала познакомиться съ вами, потому что слышала, какіе мы съ вами друзья.

— Ей-Богу,—сказалъ Деннисъ, осторожно пожимая маленькую ручку, которая такъ охотно протянулась ему.— Намъ съ вами обоимъ везетъ, если такая милая барышня нами занимается.

— О, м-ръ Моріерти, какой вы льстецъ!

— Помилуйте барышня,—возразилъ Деннисъ.—Это истинная правда, сама за себя говоритъ.

— Питеръ, гдѣ же удостовѣреніе?

— Вотъ оно.

Питеръ подалъ ей прекрасно написанный, оформленный документъ, чрезвычайно внушительный, благодаря многочисленнымъ ссылкамъ на разные авторитеты, имена которыхъ были написаны красными чернилами, и скрѣпленный его оффиціальной подписью. Подпись Питера на удостовѣреніяхъ и чекахъ цѣнилась очень высоко.

— Посмотрите, м-ръ Моріерти! — вскричала Леонора. Она была въ такомъ восторгѣ, что желала подѣлиться съ кѣмъ-нибудь своей радостью. — Я всегда думала, что я француженка, хотя мнѣ это было очень обидно, а теперь м-ръ Стерлингъ сдѣлалъ меня американкой, и я такъ счастлива! Я ненавижу иностранцевъ!

Уаттсъ разсмѣялся.

— Потише, Крошка. Не говори этого м ру Моріерти. Онъ вѣдь самъ иностранецъ.

— О, я совсѣмъ забыла... Я не думала...—Бѣдная Леонора замолчала, въ ужасѣ отъ того, что сказала.

— Да нѣтъ,—вмѣшался Питеръ,— Деннисъ вовсе не иностранецъ. Онъ самый пламенный американецъ, какого я только знаю. Изъ моего собственнаго опыта я знаю, что у насъ самые горячіе патріоты—ирландцы, хотя это и звучитъ противорѣчиво.

— Полно.—сказалъ Уаттсъ.—Вѣдь ты самъ знаешь, что каждый ирландецъ клянется «старой родиной».

— Понятно,—возразилъ Деннисъ.— Такъ что-жъ изъ этого? Случается, что человѣкъ встрѣтитъ дѣвушку, красавицу, сильную, здоровую и полюбитъ ее отъ души. Что же вы скажете: ему нужно забыть свою старушку мать, потому что лицо ея въ морщинахъ, и силъ прежнихъ у нея нѣтъ, оттого что она прежде работала на него? Да развѣ онъ можетъ быть добрымъ мужемъ, если забудетъ мать?

Я не смѣю говорить, что я хорошій американецъ, въ присутствіи мистера Стерлинга, потому что я ничто въ сравненіи съ нимъ. Но я люблю Америку, и если ей понадобятся руки, кровь или жизнь Денниса Моріерти—пусть только скажетъ!

— Прекрасно,— сказалъ Уаттсъ.— Крайне поучительно, какъ убѣжденіе и какъ рѣчь; но дѣло не въ этомъ. Питеръ, мы явились сюда, чтобы сдѣлать все необходимое для ввода Крошки во владѣніе бабушкинымъ наслѣдствомъ, надъ которымъ я до сихъ поръ былъ опекуномъ. Вотъ тебѣ цѣлая куча бумагъ. Кажется, онѣ всѣ относятся къ этому.

— Папа думаетъ, что благоразумнѣе всего просить васъ, чтобы вы управляли моимъ капиталомъ и давали мнѣ только проценты. Я сама не могу имъ распоряжаться, пока мнѣ не минуло 25 лѣтъ.

— Ты долженъ вложить деньги въ какое-нибудь дѣло, Питеръ, а то Крошка будетъ изъ нихъ дѣлать пѣтушковъ и лодочки. Когда мы жили во Флоренціи, она кормила всѣхъ городскихъ попрошаекъ.

Питеръ до этихъ поръ отказывался вести чьи бы то ни было денежныя дѣла. Но теперь онъ рѣшилъ отступить отъ своихъ правилъ, находя, что это ему крайне выгодно. Не въ матеріальномъ отношеніи, конечно: денегъ было всего 92 тысячи, его гонораръ не превышалъ 400 долларовъ, но у него являлся законный предлогъ во всякое время видѣть Леонору, не говоря уже о письмахъ. Вотъ почему Питеръ весьма охотно выразилъ свое согласіе.

— Все это крайне просто, и если вы согласны подождать полчаса, я сейчасъ же велю написать довѣренность.

Питеръ сказалъ это, чтобы удержать ихъ у себя подольше, но тотчасъ же спохватился, что если бы онъ оставилъ у себя бумаги, Леонора должна была бы еще разъ пріѣхать подписать ихъ.

Питеръ горько раскаивался въ своемъ промахѣ, но исправить его уже было поздно. Онъ пригласилъ посѣтителей пройти въ кабинетъ, велѣлъ позвать старшаго писца и объяснилъ ему, въ чемъ дѣло.

«Не понимаю, чего онъ такъ торопится?» думалъ писецъ, уходя съ бумагами.

Когда Питеръ вошелъ въ кабинетъ, онъ увидѣлъ, что Уаттсъ и Леонора сидятъ въ креслахъ, а Деннисъ стоитъ передъ ними и съ жаромъ повѣствуетъ имъ что-то.

Вотъ что услышалъ Питеръ:

— «Шевелись, ребята, и найдите мнѣ сани!» Мы рѣшили, что онъ съ ума сошелъ, но онъ былъ нашимъ командиромъ, а приказъ всегда останется приказомъ.

Дулей нашелъ салазки, капитанъ взялъ ихъ, да какъ двинетъ полозьями вдоль рельсовъ по болтамъ! Такъ головки и отскочили! Потомъ онъ ударилъ по рельсамъ вбокъ, чтобы сдвинуть ихъ съ мѣста. А потомъ говоритъ: «Снимайте, молодцы, пояса, да связывайте ими рельсы».

Ничего мы не поняли, однако послушались. А въ это время стачники такъ и палятъ, пули такъ горохомъ и сыплются. «Бросай ружья, — говоритъ капитанъ,—бери рельсы, бѣглымъ шагомъ маршъ къ сараю!» Точно на парадѣ командуетъ. Поняли мы, что онъ надумалъ, со всѣхъ ногъ побѣжали. Ей-Богу, пробили дверь, какъ листикъ бумаги! Онъ первый кинулся въ сарай. «Назадъ! кричитъ. Прежде самъ погляжу, что надо дѣлать!» Видѣли бы вы: вошелъ онъ въ сарай, тамъ пламя такъ и бушуетъ, мы и снаружи то лица закрываемъ, чтобы не опалило, а онъ остановился и думаетъ. Потомъ закричалъ: «Берите ружья!» Пошли мы за нимъ, а Майкъ говоритъ мнѣ: «Плохо дѣло! Къ вагонамъ и не подступиться!» Вышелъ изъ сарая и говоритъ: «Ребята, жарковато тамъ, да коли не боитесь обжечься, мы все-таки этихъ бѣдняковъ вызволимъ. Хотите попробовать?»— «Хотимъ!» закричали мы всѣ. Ну, онъ и объяснилъ, какъ намъ выкатить вагоны, не трогая ихъ руками. «Стройся!— закричалъ.—Штыки вонъ. Первая шеренга заходи къ вагонамъ справа, вторая слѣва. Впередъ маршъ!» Мы и

пошли въ этотъ адъ, да выкатили вагоны, точно шли съ парада на Бродвей съ музыкой и знаменами.

— Развѣ васъ не обожгло?

— Да еще какъ, барышня! Посмотрѣли бы вы на насъ! Были чернѣе самого дьявола. У всѣхъ насъ волосы, гдѣ не были закрыты шапками, всѣ обгорѣли, не говоря ужъ объ усахъ, бородахъ и рѣсницахъ, ихъ ни у кого на другой день не было. Ей-Богу, всему отряду пришлось отлеживаться въ постеляхъ, кромѣ тѣхъ, что и лежать даже не могли.

— А м-ръ Стерлингъ?

— Да развѣ вы сами не знаете?

— Нѣтъ, не знаю.

— Онъ былъ совершенно обожженъ, докторъ даже боялся, что онъ ослѣпнетъ. Онъ поѣхалъ въ Парижъ, и уже тамъ его какъ-то вылечили. Охъ, барышня, ребята просто съ ума сходили отъ страха потерять его. Лучше бы полковой котъ пропалъ!

Питеру нѣсколько разъ хотѣлось прервать Денниса, но ему было такъ интересно наблюдать за смѣной выраженія на лицѣ Леоноры, которая не замѣтила его прихода, что онъ не рѣшился на это. Но вдругъ Уаттсъ сказалъ:

— Слышишь, Питеръ, тебя дорого цѣнятъ, дороже кота!

Всѣ засмѣялись, очарованіе было нарушено, и разговоръ сдѣлался общимъ, пока Деннисъ не ушелъ.

Послѣ его ухода принесли довѣренность, Питеръ прочелъ ее, а Леонора подписала.

— Посмотрите, какой кляксъ я посадила на вашу чистую пропускную бумагу,—сказала она, указывая на него перомъ.—Мнѣ очень стыдно.—Она написала на пропускной бумагѣ. «Слѣды неряшества Леоноры Д'Аллуа».

— Мадамъ Меллери всегда заставляла меня писать это въ моихъ тетрадкахъ, когда я ихъ пачкала.

Потомъ они простились.

— Мнѣ страшно нравится вашъ Деннисъ, — сказала Леонора.—Онъ такой славный!

Питеръ вполнѣ согласился съ нею.

Глава XLIII.

День рожденія.

Въ понедѣльникъ Питеръ вошелъ въ комнату Рея.

— Мнѣ нуженъ твой совѣтъ,—сказалъ онъ. — Завтра я приглашенъ на обѣдъ по поводу дня рожденія одной барышни, дѣлами которой я управляю. Какой подарокъ могу я ей послать?

— А ты хорошо ее знаешь?

— Мы съ ней друзья.

— Все, что хочешь, если ты хорошо ее знаешь, и она хорошо платитъ тебѣ.

— Значитъ можно и золотую вещь?

— Можно.

— Спасибо. — Питеръ хотѣлъ идти.

— Кто она, Питеръ? Я думалъ, что ты никогда не занимаешься такими пустяками. Ничего или четырехзначное число было твоимъ правиломъ?

— Такія ужъ случились обстоятельства,—улыбнулся Питеръ.

Когда Питеръ на слѣдующій вечеръ, здоровался съ одной очень нарядной дѣвицей, стоявшей у дверей залы рядомъ съ матерью, она сказала ему:

— Какая прелесть! — И маленькая ручка съ дорогимъ браслетомъ протянулась къ нему.—Цвѣты просто великолѣпны. Я не могла надѣть и десятую часть изъ нихъ, поэтому рѣшила надѣть только папины. Я поставила ваши въ мою комнату и оставлю ихъ тамъ.

Питеру пришлось уступить свое мѣсто другому гостю въ ту минуту, какъ онъ хотѣлъ попросить у нея цвѣтокъ изъ ея букета. Питеръ отошелъ немного въ сторону и остановился, не замѣчая никого; онъ видѣлъ только изящную фигурку въ вышитомъ вечернемъ платьѣ.

«Не думалъ, я что она можетъ быть прелестнѣе, чѣмъ въ амазонкѣ, но теперь вижу, что она создана для бальныхъ платьевъ», думалъ онъ.

Онъ чувствовалъ, что такое настойчивое наблюденіе неумѣстно, и, посмотрѣвъ кругомъ, подошелъ къ двумъ лицамъ, стоявщимъ на другомъ концѣ зала.

— Я только что говорила м-ру Бекману, что загипнотизирую васъ, и хотя вы стоите ко мнѣ спиной, сейчасъ же подойдете ко мнѣ.

— Право, это просто чудесно!—сказалъ м-ръ Бекманъ.—Положительно я буду бояться остаться съ вами вдвоемъ, миссъ Де-Во.

— О, не бойтесь, у меня нѣтъ ни малѣйшаго желанія гипнотизировать васъ. Какъ я рада,—миссъ Де-Во обратилась къ Питеру, — что вы подошли именно ко мнѣ.

Питеръ улыбнулся.

— Я такъ рѣдко бываю въ обществѣ, что становлюсь эгоистомъ. Я не хочу никого занимать и предоставляю друзьямъ занимать меня. Разскажите мнѣ, что вы подѣлываете?

Она не успѣла отвѣтить, какъ всѣ задвигались; Питеръ, быстро извинившись, перешелъ черезъ всю комнату и поклонился пожилой дамѣ:

— Миссисъ Гринелль, я буду имѣть честь...—и подавъ ей руку, повелъ къ столу. Миссъ Де-Во спокойно оперлась на руку м-ра Бекмана, но глаза ея слѣдили за Питеромъ.

Гостей было много, и обѣдали въ большой залѣ. Всѣ шестьдесятъ приглашенныхъ раздѣлились на небольшіе кружки по шести и восьми человѣкъ и размѣстились за маленькими столиками. Питеръ былъ знакомъ со всѣми, сидящими съ нимъ за однимъ столомъ. Это все были свѣтскіе люди, между которыми тотчасъ завязался обычный общій разговоръ на литературно-музыкально-артистическія темы. Питеръ спокойно ѣлъ свой обѣдъ, принимая участіе въ разговорѣ только тогда, когда къ нему лично обращались. Впрочемъ, обращались къ нему часто. Питеръ, какъ и многіе молчаливые люди, имѣлъ репутацію «человѣка съ мозгами». Кромѣ того, онъ вращался въ лучшемъ обществѣ, имѣлъ хорошее состояніе, считался завиднымъ женихомъ и былъ «интересный чудакъ». Поэтому колесница свѣтскаго «Джагернаута» не катилась уже черезъ него, не обращая на него вниманія, какъ прежде. Нельзя игнорировать человѣка, который дружитъ съ «избранными изъ избранныхъ», только за то, что онъ любитъ молчать. Свѣтскіе люди поступали въ этомъ случаѣ такъ же, какъ ребятишки изъ «треугольника», только вмѣсто «онъ дружитъ съ полисменомъ», говорили: «Онъ очень близокъ съ миссъ Де-Во, Отденами и Пеллями».

Питеръ смутно надѣялся, что будетъ сидѣть за однимъ столомъ съ Леонорой—онъ былъ слишкомъ скроменъ, чтобы мечтать вести ее къ столу, но за ея столикомъ собралась только молодежь, и онъ ничего не имѣлъ противъ этого, если бы тамъ не сидѣлъ маркизъ.

Питеръ начиналъ ненавидѣть иностранцевъ; но онъ вспомнилъ, что Леонора тоже ихъ ненавидитъ, а когда Леонора улыбнулась ему и подняла руку, на которой блестѣлъ его жемчужный браслетъ, — Питеръ совершенно успокоился.

Обѣдъ приближался къ концу, когда лакей подалъ ему карточку отъ Уаттса. «Меня просятъ сказать нѣсколько привѣтственныхъ словъ и представить Леонору. Хочешь ты отвѣчать мнѣ?» Питеръ прочелъ и приписалъ внизу: «Дорогая миссъ Д'Аллуа; прочтите это. Могу я сказать вамъ комплиментъ? Только одинъ? Или это васъ смутитъ?» Отвѣтъ сейчасъ же пришелъ: «Милый Питеръ, я не боюсь вашего комплимента и очень хочу его слышать». Питеръ спряталъ карточку въ карманъ, она не должна была пропасть. Бокалы наполнились, даже Питеръ позволилъ налить свой, и Уаттсъ поднялся. Онъ любезно привѣтствовалъ дорогихъ друзей, извинялся за свое долгое отсутствіе и докончилъ такими словами:

— Мы можемъ сказать вамъ, какъ дѣти, играя въ фанты: «Мы привезли вамъ подарокъ», потому что мы вернулись съ новымъ членомъ общества и представляемъ вамъ ее сегодня.

Питеръ всталъ, въ свою очередь, и отвѣчалъ хозяину.

— Ваши друзья оплакивали ваше отсутствіе, и по нашимъ счастливымъ лицамъ вы можете судить, какъ мы всѣ рады вновь привѣтствовать васъ. Мы боялись, что очарованіе европейскаго искусства, его красота и совершенство возьмутъ перевѣсъ надъ вашей любовью къ американской природѣ, несмотря на ея жизненность, свѣжесть и силу. Но

сегодня мы не можемъ больше жаловаться на ваше долгое отсутствіе, если ему мы обязаны такимъ счастливымъ и очаровательнымъ соединеніемъ американской природы съ европейскимъ искусствомъ, какъ миссъ Д'Аллуа.

Его рѣчь была принята громкими аплодисментами, всѣ пили за здоровье Леоноры. Скоро обѣдъ кончился, и дамы перешли въ гостиную.

Питеръ, казалось, былъ очень занятъ своей сигарой, но не успѣлъ Уаттсъ подняться изъ-за стола, какъ Питеръ вскочилъ и первымъ очутился въ гостиной. Онъ бросилъ быстрый взглядъ кругомъ и прямо направился къ дивану, на которомъ сидѣла Дороти и съ ней еще кто-то.

— Вамъ бы только объ ангелахъ говорить,—сказала Дороти.

— Я о васъ не говорилъ, а думалъ про себя, — отвѣтилъ Питеръ.

— Вотъ, — сказала Леонора,—жаль, что миссисъ Гринелль не слышала этого.

Питеръ посмотрѣлъ вопросительно, и Леонора продолжала.

— Мы говорили о васъ. Я васъ совсѣмъ не понимаю, вы вовсе не тотъ, какимъ васъ описывали. Всѣ говорили, что вы молчаливы и нелюбезны, что вы никогда не шутите; по моему, это неправда, и я думала, что вы перемѣнились. Но миссисъ Гринелль говоритъ, что никогда въ жизни еще не слыхала отъ васъ шутки или комплимента, и что въ клубѣ всѣ зовутъ васъ «Питеръ молчальникъ». Вы для меня просто загадка.

Дороти засмѣялась.

— Насъ здѣсь было четверо: миссисъ Гринелль, миссисъ Уинтропъ, Леонора и я; мы всѣ ссорились изъ-за васъ и всѣ говорили разное. Я утверждаю, что вы вовсе не такъ тверды и непоколебимы, какъ о васъ говорятъ. Вы—настоящій хамелеонъ, мѣняющій свою окраску сообразно съ деревомъ, на которомъ онъ сидитъ. А Леонора еще лучше придумала: она увѣряетъ, что вы много болтаете и шутите! Мы всего могли ожидать, только не этого!

— Мнѣ очень жаль, что мои разговоры и мое остроуміе цѣнятся такъ низко.

— Слышите? — сказала Леонора.— Развѣ я не говорила вамъ, что онъ умѣетъ шутить? Питеръ, вы не любите женщинъ?

— Безъ всякаго сомнѣнія,—отвѣтилъ Питеръ.

— Пожалуйста, скажите серьезно. Я имъ передала, что вы недавно сказали про солнышко, а миссисъ Уинтропъ увѣряетъ, что вы этого вовсе не думали, когда говорили, что вы женоненавистникъ, презираете женщинъ и хотите иногда просто отвязаться.

— Поэтому-то я и сижу теперь съ вами и Дороти,—отвѣтилъ Питеръ.

— Вы серьезно ненавидите женщинъ?—настаивала Леонора.

— Человѣкъ не обязанъ доносить самъ на себя,—улыбнулся Питеръ.

— Такъ вотъ почему вы не любите общества и избѣгаете говорить съ женщинами! Но теперь я хочу знать, за что вы насъ не любите?

— Представьте себѣ, — сказалъ Питеръ,—что васъ просятъ сѣсть играть въ вистъ, о которомъ вы понятія не имѣете. Вамъ будетъ весело?

— Конечно, нѣтъ.

— Ну, такъ я въ такомъ же положеніи по отношенію къ женскому обществу. Женщинамъ я никогда не нравился, и онѣ никогда не обращались со мной такъ, какъ съ другими мужчинами. Поэтому, когда мнѣ приходится занимать женщину, я теряюсь и какъ ни стараюсь, не могу ей понравиться. Меня никогда не встрѣчаютъ такъ привѣтливо, какъ другихъ.

— Что за вздоръ!—сказала Дороти.— Виноваты вы сами, а не мы. Вы смотрите на насъ такими серьезными глазами, у васъ такое суровое лицо, что мы сейчасъ же чувствуемъ себя передъ вами просто дурочками и ведемъ себя какъ таковыя. Я перестала васъ боятся только тогда, когда замѣтила, что на самомъ дѣлѣ вы боитесь меня. Не оправдывайтесь, вы боитесь всѣхъ женщинъ!

— Онъ нисколько не боится женщинъ, — утверждала Леонора. Въ эту минуту къ нимъ подошелъ м-ръ Бекманъ.

— Миссисъ Ривингтонъ, здѣсь се-

годня такъ называемое новоселье, и мнѣ сказали, что мы, если пожелаемъ, можемъ осматривать весь домъ. Не сдѣлаете ли вы мнѣ честь быть моей провожатой?

Дороти сдѣлала ему эту честь. Питеръ посмотрѣлъ на Леонору; глаза его искрились отъ сдержаннаго смѣха.

— Миссъ д'Аллуа, — началъ онъ слегка въ носъ, необыкновенно похоже копируя м-ра Бекмана,—здѣсь сегодня такъ называемое новоселье... Онъ остановился, и они оба расхохотались. Леонора вскочила съ мѣста.

— Съ удовольствіемъ. Жаль только, что миссисъ Гринелль не слышала васъ. Я и не подозрѣвала, что вы можете такъ отлично передразнивать.

— Это мальчишество, и мнѣ не къ лицу. Но я сегодня такъ счастливъ, что не могъ удержаться отъ искушенія.

Леонора спросила:

— Что же васъ сдѣлало такимъ счастливымъ.

— Мой новый другъ, — отвѣтилъ Питеръ.

Леонора ничего не отвѣчала, и они молча поднялись по лѣстницѣ. На верхней площадкѣ она остановилась.

— Съ какой же комнаты мы начнемъ?

— Съ вашей,—сказалъ Питеръ.

Они вошли въ ея спаленку и будуаръ. Здѣсь все интересовало Питера; ея картины, большей частью купленныя въ Европѣ, по ея собственному выбору; ея любимыя книги, и что она объ нихъ думала; тысячи разныхъ бездѣлушекъ, въ которыхъ высказывались ея вкусы и наклонности.

— Это все фотографіи моихъ лучшихъ друзей,—разсказывала Леонора.— А вашей у меня нѣтъ. Вы должны мнѣ ее дать.

— Я не снимался уже восемь лѣтъ, и у меня не осталось ни одной карточки.

— Снимитесь теперь.

— Хорошо, но вы должны дать мнѣ вашу фотографію. Питеръ самъ испугался своей дерзости и ждалъ отказа.

— А вамъ очень хочется?

— Очень.

— У меня ихъ масса, — сказала Леонора, выдвигая ящикъ своего письменнаго стола. — Я обожаю сниматься. Вотъ, выбирайте!

— Это очень трудно, — замѣтилъ Питеръ, перебирая фотографіи. — Въ каждой изъ нихъ есть что-нибудь такое, чего не хватаетъ въ другихъ. Будьте добренькой и дайте мнѣ эти четыре.

— Какой вы жадный, — засмѣялась Леонора.—Богъ съ вами, берите, только за это вы должны исполнить одну мою просьбу.

Питеръ спряталъ фотографіи въ свой бумажникъ.

— Въ чемъ дѣло,—спросилъ онъ.

— Миссъ де-Во давно уже разсказывала мнѣ о вашемъ «запасномъ капиталѣ» для помощи бѣднымъ. Теперь, когда у меня есть свои собственныя деньги, я хочу дѣлать то же, что она дѣлаетъ. Я буду давать вамъ по тысячѣ долларовъ въ годъ, а вы будете мнѣ разсказывать, что вы на нихъ сдѣлали.

— Конечно, я долженъ взять деньги, если вы будете настаивать. Но добра отъ этого не будетъ. Даже миссъ де-Во перестала давать мнѣ, да и я самъ вотъ уже пять лѣтъ не прибавилъ къ прежнему ни гроша.

— Почему же?

— Видите ли, сначала я давалъ въ долгъ людямъ, которые или попали въ бѣду, или нуждались въ маленькой поддержкѣ, чтобы не запутаться, и года три-четыре деньги быстро исчезали. Но потомъ мнѣ стали отдавать долги, часто даже съ процентами, и никто не обманулъ меня, такъ что теперь у меня на рукахъ больше, чѣмъ нужно. Около восьми тысячъ долларовъ роздано въ долгъ, и все-таки въ банкѣ еще больше пяти тысячъ.

— Какъ мнѣ жаль!—замѣтила Леонора. — Развѣ вы не хотите раздавать денегъ такъ, безвозвратно?

— Нѣтъ, это принесло бы больше вреда, чѣмъ пользы, какъ если бы вы стали давать больному опій, для уменьшенія боли. Онъ на мгновеніе останавливаетъ боль, но ослабляетъ организмъ,

такъ что больной въ будущемъ не въ состоянiи переносить страданiя. Все горе нашей благотворительности въ томъ, что она столько же вредитъ, сколько помогаетъ.

— Я пять лѣтъ мечтала объ этомъ. Какъ это жалко!—Леонора повѣсила головку. Питеръ не могъ видѣть ее печальной.

— Такъ какъ мой запасный капиталъ лежитъ теперь безъ употребленiя, я хотѣлъ послать тысячу долларовъ на устройство лѣтнихъ колонiй и въ общество яслей. Если хотите, я пошлю двѣ тысячи и возьму ваши деньги. Можетъ быть, мнѣ удастся употребить ихъ съ пользой.

— Какъ я рада! Но я думала, что вы не считаете, что бы благотворительныя общества были полезны?

— Нѣкоторыя безполезны, но только не тѣ, что заботятся о дѣтяхъ. Дѣти не чувствуютъ униженiя, и даровая помощь не сдѣлаетъ ихъ лѣнтяями. Мы должны дѣлать для дѣтей все, что въ нашихъ силахъ—въ ихъ рукахъ будущее страны. Если мы хотимъ, чтобы они служили родинѣ, какъ слѣдуетъ, мы должны спасти ихъ отъ болѣзней, невѣжества и порока, и первый шагъ въ этомъ направленiи—дать имъ здоровую пищу и здоровый воздухъ, чтобы они выросли тѣлесно-здоровыми людьми. Физически здоровый человѣкъ можетъ легче вести борьбу за существованiе.

— Ахъ, какъ интересно!—воскликнула Леонора. — Разскажите мнѣ еще про бѣдныхъ.

— Что же вы хотите знать?

— Какъ имъ помогать.

— Я разскажу вамъ, что уже давно задумалъ, но не могъ выполнить. Мнѣ кажется, лучшiй видъ истинной благотворительности — образовать общество, которое бы давало бѣднымъ деньги въ долгъ, какъ я дѣлалъ въ моемъ участкѣ. Видите ли, есть тысячи честныхъ бѣдняковъ, живущихъ на поденный заработокъ и не имѣющихъ возможности отложить ни гроша. Является болѣзнь, потеря мѣста, пожаръ, въ которомъ погибла обстановка и одежда, — или другое какое-нибудь несчастье, и они вынуждены закабалятся ростовщикамъ и закладчикамъ или обращаться къ унизительной для нихъ благотворительности. Есть сотни людей, которые могутъ легко справиться, если своевременно получатъ въ долгъ ничтожную сумму: одинъ мальчикъ получитъ мѣсто, если у него будетъ приличное платье; другой — если выучится ремеслу, но ему нечѣмъ жить во время ученiя. Дѣвушка можетъ заработать себѣ хлѣбъ, если у ней будетъ швейная машина, но у нея нѣтъ денегъ, чтобы купить ее; другая могла бы поступить на мѣсто, но у нея требуютъ залогъ, котораго она не можетъ дать. И вотъ, если бы всѣ эти люди могли обратиться въ общество, о которомъ я мечтаю, разсказать свою исторiю и, получивъ въ долгъ необходимую имъ сумму, уплачивать ничтожный процентъ,—вы сами видите, сколько было бы спасенныхъ.

— Сколько нужно для этого денегъ, Питеръ?

— Пока еще трудно сказать опредѣленно, но, мнѣ кажется, можно было бы начать со ста тысячами долларовъ.

— Такъ значитъ достаточно, чтобы сто человѣкъ дали по тысячѣ!—закричала Леонора.—Питеръ, я дамъ тысячу и заставлю папу и маму дать, и скажу друзьямъ...

— Деньги—не самое главное,—перебилъ ее Питеръ, которому страстно хотѣлось обнять и расцѣловать ее.— Если бы нужны были только деньги, я бы сдѣлалъ это самъ, а если бы у меня не хватило, мнѣ помогли бы миссъ Де-Во и Пелль.

— Такъ въ чемъ же тутъ дѣло?

— Главное—найти человѣка, который могъ бы завѣдывать предпрiятiемъ; я не могу отдать ему все мое время, я и въ другихъ направленiяхъ приношу извѣстную пользу. Человѣкъ этотъ долженъ быть дѣловой и обладать еще многими качествами, которыя обыкновенно плохо вяжутся съ дѣловитостью; онъ долженъ понимать бѣдняковъ, потому что ему придется судить, сколько довѣрiя заслуживаетъ каждый клiентъ. Представьте себѣ теперь, что вашъ дѣдушка, одинъ изъ лучшихъ нашихъ

банкировъ, отправится въ участокъ и начнетъ собирать справки о комъ-нибудь изъ его обитателей;—онъ ровно ничего не узнаетъ. А мнѣ каждый скажетъ свое мнѣніе даже прежде, чѣмъ я успѣю спросить. Человѣкъ, поставленный во главѣ такого учрежденія, долженъ умѣть отличать истину отъ лжи, иначе оно обанкротится черезъ мѣсяцъ и все-таки не удовлетворитъ и четверти нуждающихся Хотя я изъ личнаго опыта знаю, что бѣднякамъ смѣло можно довѣрять деньги, и что минимальный процентъ съ избыткомъ покроетъ неизбѣжныя потери.

— Какъ бы мнѣ хотѣлось еще поговорить съ вами, — вздохнула Леонора.—Но я слышу, что гости начинаютъ разъѣзжаться. Мнѣ надо идти проститься А какъ бы мнѣ хотѣлось помочь вамъ!

— Вы уже помогли мнѣ.

— Я? Чѣмъ же?

— Вы открыли мнѣ ваше теплое, любящее сердечко,—сказалъ Питеръ,—а это самая драгоцѣнная благотворительность.

Сходя съ лѣстницы, они встрѣтили Лиспенарда.

— Я только что простился съ вашей матерью,—сказалъ онъ.—Я хотѣлъ поговорить съ вами въ вашей комнатѣ, но вы были такъ увлечены разговоромъ, что миссъ Уинтропъ и я, мы оба не рѣшились прерывать васъ.

— Я васъ не видала,—сказала Леонора.

— Неужели?—удивился Лиспенардъ. —Я вамъ не вѣрю, вы просто дразнили насъ.

Онъ обратился къ Питеру.

— Ахъ, старый хитрецъ!—шепнулъ онъ.—Какъ онъ умѣетъ притворяться!

— Я два раза посылала за тобой, Леонора, — упрекнула дочку миссисъ Д'Аллуа. Гости стали прощаться, а тебя не было.

— Мнѣ очень жаль, мама. Я показывала домъ Питеру.

— Спокойной ночи,—сказалъ этотъ послѣдній.—Я обыкновенно ужасно боюсь парадныхъ обѣдовъ, но сегодняшній день былъ самымъ пріятнымъ днемъ въ моей жизни.

— Я очень рада. Благодарю васъ, Питеръ, и за браслетъ, и за цвѣты, и за рѣчь, за все, за все. Хотите розу?

Еще бы не хотѣть! Питеръ ничего не сказалъ, но такъ посмотрѣлъ, что роза моментально очутилась въ его петлицѣ.

— Не могу ли я васъ подвезти?—спросилъ его кто-то.—Намъ по дорогѣ.

— Благодарю васъ,—отвѣтилъ Питеръ,—у меня есть экипажъ.

Онъ отпустилъ извозчика и рѣшилъ идти пѣшкомъ, хотя путь предстоялъ не близкій. Ему хотѣлось на открытомъ воздухѣ одному наслаждаться своимъ счастьемъ.

«Она не только сама красота и грація», разсуждалъ онъ, «но и сама откровенность и правдивость! Она не думаетъ о деньгахъ, въ ней нѣтъ честолюбія, она еще не тронута свѣтомъ. Какъ она естественна и въ то же время сдержанна съ другими мужчинами! Она не станетъ ловить жениховъ, какъ большинство дѣвушекъ. Боже! какъ она прелестна!»

Отъ 57-й улицы до квартиры Питера было около четырехъ миль, но онъ не кончилъ еще своего размышленія, когда дошелъ до дому. Онъ еще долго сидѣлъ въ креслѣ, продолжая развивать ту же тему. Наконецъ, онъ всталъ и заботливо спряталъ записочку, фотографіи и розу.

Глава XLIV.

Счастливый день.

На слѣдующій день шелъ проливной дождь, но, несмотря на это, совершенно пренебрегая своими дѣлами, Питеръ сейчасъ же послѣ завтрака отправился на 57-ю улицу. Онъ спросилъ Уаттса и ждалъ, пока слуга пошелъ докладывать; вдругъ Питеръ услышалъ легкіе шаги и, обернувшись, увидѣлъ Леонору, которая возилась съ цвѣтами. Въ то же время и она замѣтила его.

— Добрый день, — сказалъ Питеръ.

— Совсѣмъ не добрый, отвѣтила

Леонора жалобнымъ голосомъ, протягивая ему руку.

— Почему же?

— Дождь идетъ, и мнѣ досталось сегодня.

— За что?

— За то, что я вчера дурно вела себя. И мама, и мадамъ нашли, что мое поведеніе было неприлично. Не думала я, что мнѣ запретятъ считать васъ моимъ настоящимъ другомъ.—Губки ея замѣтно задрожали.

Питеру страшно захотѣлось выбраниться «Почему эти бабы не могутъ оставить ребенка въ покоѣ?» думалъ онъ. Онъ спросилъ громко.

— Значитъ я виноватъ, что васъ обидѣли? Не могу ли поправить дѣло?

— Врядъ ли,—сказала Леонора нетвердымъ голосомъ.—Онѣ говорятъ, что каждый мужчина старается завладѣть исключительнымъ вниманіемъ дѣвушки, но ни одна хорошо воспитанная дѣвушка не допуститъ этого.

Питеру страстно захотѣлось взять ее на руки и положить на свое плечо эту прелестную, грустно опущенную головку, но онъ ограничился тѣмъ, что только сказалъ: «Я въ отчаяніи, что васъ бранили. Если бы я могъ предовратить это»!

Должно быть въ голосѣ его было что нибудь очень утѣшительное, потому что опущенная головка поднялась.

— Видите-ли,—объясняла Леонора,—я всегда была очень сдержана съ мужчинами, но вы совсѣмъ другое дѣло. А онѣ все-таки говорятъ, что я слишкомъ долго была съ вами на верху, и очень разсердились за фотографіи. Онѣ говорятъ, что я должна обращаться съ вами, какъ со всѣми. Но вѣдь вы—другое дѣло?

— О да! Питеръ былъ согласенъ, что онъ другое дѣло.

— М-ръ Д'Аллуа проситъ васъ въ библіотеку,—доложилъ въ это время лакей. Питеръ повернулся, чтобы уйти, но остановился и сказалъ:—Не могу ли я сослужить вамъ какую-нибудь службу или доставить вамъ какое-нибудь удовольствіе за то, что вамъ досталось изъ-за меня?

Леонора склонила головку на бокъ и искоса взглянула на него.

— Можно сохранить про запасъ?—спросила она.

— Конечно.

Черезъ минуту Питеръ здоровался съ Уаттсомъ.

— Какъ это мило съ твоей стороны! Точно былыя времена вернулись! Хочешь курить?

— Нѣтъ, не хочу, но ты не стѣсняйся. Мнѣ нужно переговорить съ тобой.

— Ну, выкладывай.

— Уаттсъ, я хочу добиться любви твоей маленькой дѣвочки.

— Старый дружище! — закричалъ Уаттсъ.—На всемъ Божьемъ свѣтѣ нѣтъ другого человѣка, которому бы я охотнѣе отдалъ ее!

— Спасибо, Уаттсъ,—сказалъ Питеръ съ волненіемъ. «Уаттсъ слабый человѣкъ, но добрый малый», подумалъ онъ. Питеръ уже забылъ, что онъ думалъ о немъ двѣ недѣли назадъ.

— Только, если я отдамъ тебѣ мою крошку, ты долженъ обѣщать мнѣ одну вещь.

— Что именно?

— Что ты никогда не скажешь ей... Ахъ, Питеръ, если бы ты зналъ, какъ я люблю мою дѣвочку, и какъ она меня любитъ! Пусть она никогда не узнаетъ ничего такого, что могло-бы измѣнить эту любовь. Не заставь насъ обоихъ страдать!

— Даю тебѣ слово, Уаттсъ, что отъ меня она ничего не узнаетъ

— Да благословитъ тебя Богъ, Питеръ! Вѣренъ, какъ всегда! Значитъ, все рѣшено. Предоставляю тебѣ полную свободу и желаю успѣха!

— Не будемъ пока говорить объ успѣхѣ. Но вотъ въ чемъ дѣло: миссисъ Д'Аллуа никогда не проститъ мнѣ того инцидента, и я понимаю ее. Я не могу навязываться противъ ея желанія. Это было бы слишкомъ жестоко, даже если бы я и рѣшился обойтись безъ ея согласія. Я хочу повидать ее сегодня. Тебѣ лучше судить—тебѣ ли сначала переговорить съ ней или мнѣ самому.

— Гм... Вотъ въ этомъ-то вся штука!

А не лучше-ли предоставить дѣло естественному теченію?

— Нѣтъ. Я не стану ухаживать за дѣвушкой и добиваться ея любви за спиной ея матери. Помни, Уаттсъ, мать единственное лицо, которому дѣвушка можетъ открыть свое сердце.

— Хорошо, я переговорю съ ней и приложу всѣ мои старанія. А потомъ пришлю ее къ тебѣ. Займись сигарой, чтобы тебѣ не наскучило ждать.

Уаттсъ поднялся наверхъ и постучался. «Войдите», отозвался голосъ. Уаттсъ просунулъ голову въ дверь.

— Мой цвѣточекъ не слишкомъ занятъ и можетъ подарить нѣсколько минутъ своему покорному слугѣ?

— Уаттсъ, вѣдь ты знаешь, что я живу только для тебя.

Уаттсъ бросился на кушетку.

— Иди же сюда, женушка, и слушай меня.

Миссисъ Д'Аллуа присѣла на кушетку и прижалась къ мужу. Уаттсъ поцѣловалъ ее въ щеку.

— Дорогая, — сказалъ онъ, — мнѣ нужно серьезно поговорить съ тобой. Какъ ты думаешь кто сидитъ внизу?

— Не знаю.

— Милый, старый Питеръ. И знаешь зачѣмъ онъ пришелъ?

— Зачѣмъ?

— За Крошкой.

— Что это значитъ?

— Онъ проситъ, чтобы мы позволили ухаживать за нею.

— О, Уаттсъ! — Миссисъ Д'Аллуа выпрямилась, и въ глазахъ ея выразился ужасъ.

— Мнѣ казалось, что она ему нравится, но онъ такой холодной безстрастный парень, что я не былъ увѣренъ.

— Вотъ этого именно я и боялась!

— Ахъ ты, дурочка! Чего же тутъ бояться?

— Уаттсъ, неужели ты согласишься?

— Да, понятно! Чего же тебѣ еще нужно? Богатство, репутація, умъ, здоровье (въ этомъ порядкѣ достоинства Питера располагались въ головѣ Уаттса) у него все есть; я не понимаю, чего ты еще можешь желать? Титула? Но титулованные гоняются только за приданымъ; они недостаточно порядочны, чтобы быть достойными войти въ гугенотскую семью, живущую въ Нью-Іоркѣ 250 лѣтъ. Однако, какая ты ненасытная, чуть дѣло коснулось двоей дочки!

— О, Уаттсъ! Подумай только!

— Не легко это сдѣлать, когда я не знаю о чемъ?

— Уаттсъ, неужели ты уже забылъ? О, нѣтъ! Ты не могъ забыть этого ужаснаго дня!

— Ахъ ты, моя безподобная пуританка! Такъ ты хочешь отказать Питеру за то, что онъ... ха, ха, ха! не католическій монахъ?

— Помилуй, цвѣточекъ, если ты будешь предъявлять подобныя требованія всѣмъ поклонникомъ Крошки, такъ лучше прямо повѣсить на дверяхъ: «Требуются женихи. Мужчинамъ являться безполезно!»

— Уаттсъ, не говори такъ!

— Женушка ты моя! Я только хочу тебѣ доказать, что ты не найдешь болѣе достойнаго человѣка, чѣмъ Питеръ, которому мы могли бы довѣрить свою малютку.

— Ему, съ такимъ пятномъ! О Уаттсъ, отдать ему наше милое, невинное, непорочное дитя!

— Ну, если ты хочешь для нея непорочнаго брака, отдай ее въ монастырь. Другого ты не найдешь, дитя мое.

— Уаттсъ! И ты это говоришь? А ты самъ? О, дорогой, я хочу чтобы наша дочь, наше единственное дитя, вышла за такого же благороднаго и честнаго человѣка, какъ ея отецъ. Вѣдь есть же такіе люди, какъ ты?

— Да, я думаю, есть много людей похожихъ на меня, цвѣточекъ? Но и я не лучше другихъ, только твоя любовь заставляетъ тебя утверждать противное!

— Не смѣй клеветать на себя! Ты самъ знаешь, что ты самый лучшій и самый чистый человѣкъ на свѣтѣ. Я въ этомъ увѣрена.

— Если во мнѣ есть что-нибудь хорошее, то этимъ я обязанъ тебѣ.

— Уаттсъ, ты не могъ бы быть дурнымъ, если бы даже старался.

Миссисъ Уаттсъ обняла мужа и крѣпко поцѣловала его.

Уаттсъ молча ласкалъ ее, потомъ сказалъ:

— Дорогая моя, чистая женщина никогда не пойметъ, что такое жизнь. Я люблю Крошку не меньше чѣмъ ты, и никогда не отдалъ бы ее человѣку, въ которомъ бы не былъ увѣренъ, что онъ составитъ ея счастье и будетъ ей вѣренъ. Я знаю до мельчайшихъ подробностей отношеніе Питера къ этой женщинѣ и клянусь тебѣ, что его не въ чемъ упрекнуть. Все, что было, уже покончено много лѣтъ тому назадъ и никогда больше не вернется. Онъ человѣкъ твердый и будетъ вѣренъ Крошкѣ. Она можетъ достаться человѣку, который обратитъ жизнь ея въ пытку; она можетъ увлечься негодяемъ, которому нужны только ея деньги и который не дастъ ей даже иллюзіи любви. Питеръ же любитъ ее и пережилъ уже всѣ ошибки молодости. Не забывай, кромѣ того, что мы обязаны ему жизнью нашей дорогой малютки. Дорогая моя, я люблю Крошку въ двадцать разъ сильнѣе, чѣмъ Питера. Ради нея и ради тебя я стараюсь устроить все къ лучшему.

Миссисъ Д'Аллуа тотчасъ же пошла въ библіотеку, гдѣ все еще сидѣлъ Питеръ. Она протянула ему руку, но Питеръ не взялъ ее.

— Мнѣ нужно прежде поговорить съ вами,—сказалъ онъ.—Миссисъ Д'Аллуа, та тяжелая сцена никогда не разыгралась бы въ вашемъ домѣ и въ вашемъ присутствіи, если бы я имѣлъ возможность предупредить ее. Она огорчила меня сильнѣе, чѣмъ вы можете думать. Я не негодяй. Несмотря на то, что очевидность противъ меня, я велъ чистую жизнь и также буду жить и впредь. Я... я люблю Леонору.

Люблю ее всей душой. И если вы отдадите ее мнѣ, если я добьюсь ея расположенія, я даю вамъ слово, что окружу ее всей любовью, всей нѣжностью и вѣрностью, какой она заслуживаетъ.

Согласны вы теперь дать мнѣ вашу руку?

«Онъ говоритъ правду», — думала миссисъ Д'Аллуа, слушая Питера. Она протянула ему руку:

— Я отдамъ ее вамъ, если она полюбитъ васъ.

Черезъ полчаса Питеръ вернулся въ гостиную къ Леонорѣ. Леонора лежала передъ каминомъ на полу, на тигровой шкурѣ и гладила большую персидскую кошку, которая мурлыкала отъ восторга и впускала когти въ тигровый мѣхъ. Питеръ остановился и любовался этой прелестной картиной, жалѣя, что онъ не кошка.

— Да, Дымка, — говорила Леонора ласковымъ голосомъ,—сегодня отвратительный день.

— Неправда, я буду ссориться съ вами,—сказалъ Питеръ, — сегодня чудесный день.

Леонора вскочила съ ковра.

— Мы съ Дымкой не вѣримъ этому.

— Повѣрите. Во первыхъ, я объяснился съ вашей мамой по поводу фотографіи, а она сказала, что никто не виноватъ.

Во вторыхъ, она оставила меня обѣдать, и до обѣда велѣла вамъ занимать меня. Въ третьихъ, она сказала, что мы можемъ быть какими угодно друзьями. И наконецъ, въ четвертыхъ, она пригласила меня на недѣлю въ Грейкортъ, какъ только вы туда переѣдете. Ну, такъ какой сегодня день?

— Просто чудесный! Правда, Дымка?

И Леонора, забывъ что она уже взрослая дѣвица, бросилась на коверъ, спрятала личико въ пушистую шкуру кошки и, украдкой глядя на Питера, сказала:

— Вы такъ хорошо умѣете утѣшать! Какъ я рада, что вы родились на свѣтъ.

Глава XIV.

Боссъ.

Высказавъ это пріятное для обоихъ мнѣніе, Леонора встала съ пола со словами:

— А теперь я хочу наградить васъ за то, что вы такой милый. Что вы хотите дѣлать?

— То, что вамъ будетъ пріятно.

— Нѣтъ, я хочу, чтобы вамъ было весело.

— Мнѣ только тогда и будетъ весело.

Часы пробили четыре.

—Знаю, знаю,—сказала Леонора.—

Будемъ вмѣстѣ пить чай.

— Я говорилъ вамъ, что сегодня очаровательный день.

— О да, славный денекъ, хотя все-таки темно, холодно и дождь льетъ.

— Такъ тѣмъ лучше, по крайней мѣрѣ, никто не придетъ мѣшать намъ.

— Знаете,—сказала Леонора, — что миссъ Де-Во разъ говорила про васъ? что вы во всемъ находите хорошее, и теперь я ее поняла.

— Ну, въ этомъ отношеніи мнѣ далеко до Денниса. Когда онъ говоритъ «славный денекъ», вы чувствуете, что оно такъ и есть.

Я ни разу не встрѣчалъ его что бы онъ не сказалъ: «славный денекъ». Я всегда говорю, что онъ носитъ солнечный свѣтъ въ душѣ.

— Какъ вы не похожи на того Питера, о которомъ мнѣ говорили, замѣтила Леонора.—Я никого не слышала, кто бы умѣлъ говорить такіе милые комплименты.

— Вы знаете, я—политикъ и хочу быть популярнымъ.

— О, Питеръ, можно вамъ сдѣлать одинъ вопросъ?

— Тысячу!—быстро отвѣтилъ Питеръ. Онъ былъ въ такомъ настроеніи, что готовъ былъ позволить все, что угодно. Что на него такъ дѣйствовало? Горячій чай, пылающій каминъ, лампа, бросающая на окружающіе предметы мягкій, розоватый свѣтъ, удобное покойное кресло или прелестное, улыбающееся ему личико?

Это намъ неизвѣстно.

— Видите ли,— начала Леонора, съ недоумѣніемъ покачивая головкой, — я начала читать газеты, т.-е. тѣ, что занимаются политикой, и я такъ много не понимаю, что хотѣла спросить у васъ объясненія.

— Я очень радъ—сказалъ Питеръ, есть такъ много вещей, о которыхъ я хотѣлъ бы разсказать вамъ.

— Ладно! — воскликнула Леонора, снова забывая, что рѣшила вести себя, какъ подобаетъ взрослой свѣтской дѣвицѣ:—а вы не будете смѣяться, если я стану предлагать глупые вопросы?

— Никогда!

— Что хотятъ сказать газеты, когда называютъ васъ «боссомъ»?

— Что у меня такое политическое вліяніе, что я могу до извѣстной степени повелѣвать.

— Кажется, на ихъ языкѣ «боссъ» что то нехорошее? — спросила Леонора довольно робко, точно боясь оскорбить Питера.

— Обыкновенно этимъ словомъ клеймятъ человѣка,—улыбнулся Питеръ,—по крайней мѣрѣ въ тѣхъ газетахъ, которыя вы читали.

— Развѣ вы дурной «боссъ»?—спросила Леонора совершенно серьезно.

— Нѣкоторые газеты утверждаютъ это.

— Это меня удивляетъ. Конечно, я знаю, что онѣ не правы, но развѣ такъ дурно быть «боссомъ», и развѣ вы дѣйствительно «боссъ»?

— Вы задаете мнѣ одинъ изъ самыхъ важныхъ вопросовъ всей американской политики. Врядъ ли мнѣ удастся разрѣшить его, но попробую объяснить вамъ какъ съумѣю. Есть у васъ друзья, совѣты или желанія которыхъ имѣютъ на васъ вліяніе?

— Да, напримѣръ, вы, — сказала Леонора, бросивъ на него быстрый взглядъ

— Прекрасно, тоже самое бываетъ и съ другими людьми, и вотъ это то обстоятельство и создаетъ такъ называемыхъ «боссовъ».

Въ каждомъ обществѣ есть нѣсколько человѣкъ, болѣе или менѣе вліяющихъ на остальныхъ. Случается, что одному человѣку подчиняются не болѣе шести другихъ, другому пятьдесятъ, третьему—тысяча. Одинъ достигаетъ власти, благодаря чисто физическому превосходству; другой дружескимъ обращеніемъ; третій—своими знаніями; четвертый—обманомъ или подкупомъ; пятый — честностью. Каждый изъ нихъ обладаетъ чѣмъ нибудь такимъ, что выдѣляетъ его изъ среды окружающихъ его заурядныхъ людей. Возьмемъ напримѣръ мой участокъ:

Буртонъ—призовой атлетъ, отличается физической силой. У него свой маленькій дворъ. Дрисколль—юмористъ и умѣетъ говорить, у него тоже свои поклонники. Слофтки популяренъ среди евреевъ, потому что онъ самъ изъ ихъ племени.

Берроусъ—полисменъ, и его всѣ любятъ за доброту и веселый нравъ. И такъ я могъ бы назвать вамъ многихъ людей, изъ которыхъ каждый чѣмъ нибудь выдѣляется надъ другими, мнѣніе которыхъ принимается другими во вниманіе, и, благодаря этому, они могутъ имѣть вліяніе при выборахъ. Это — первая ступенька лѣстницы.

— Что же, м-ръ Моріерти изъ нихъ?

— Нѣтъ, онъ чиномъ выше. Каждый изъ тѣхъ, о которыхъ я говорилъ вамъ, имѣетъ въ своемъ распоряженіи круглымъ числомъ 25 голосовъ. Но теперь мы переходимъ къ слѣдующей ступени лѣстницы. На ней стоятъ Деннисъ, Бленкерсъ, Дентонъ, Кеннеди, Шлергеръ и другіе. У нихъ не только есть свои собственные приверженцы, но каждый изъ нихъ имѣетъ еще вліяніе на нѣсколькихъ мелкихъ «боссовъ», о которыхъ я вамъ говорилъ. Взять напримѣръ Денниса: у него пятьдесятъ приверженцевъ, которые преданы ему безусловно, 250 такихъ, которые слушаютъ его съ интересомъ, и съ дюжину мелкихъ боссовъ, которые передаютъ его взгляды своимъ собственнымъ послѣдователямъ. Поэтому Деннисъ имѣетъ въ своемъ распоряженіи около 500 голосовъ. Конечно, для этого нужно имѣть большую силу и популярность, а потому подобные «боссы» принадлежатъ къ лучшимъ, способнѣйшимъ людямъ.

— Да, мнѣ нравится м-ръ Моріерти, и я понимаю, что и другіе его одобряютъ. Онъ такой безобразный, честный и веселый; просто прелесть!

— Затѣмъ идетъ слѣдующая степень: обыкновенно очень умные люди, хотя не всегда достаточно образованные. Ихъ превосходство надъ другими выражается въ томъ, что они лучше освѣдомлены и болѣе дальновидны. Напримѣръ, Галлагеръ и Деммеръ. Эти люди обыкновенно избираютъ политическую дѣятельность своимъ ремесломъ, поэтому могутъ отдавать ей несравненно больше времени, чѣмъ тѣ, которые должны работать для поддержанія существованія. Они не такъ нуждаются въ личной популярности, чѣмъ предыдущіе, но имъ необходимо имѣть неизмѣримо больше ума и опытности. Теперь вы сами поймете, что этимъ послѣднимъ, для собственной выгоды, чтобы провести свои намѣренія, необходимо встрѣчаться и работать вмѣстѣ, иначе имъ ничего не удастся сдѣлать. Понятно, что между этими 12—20 людьми есть тоже извѣстныя степени, и очень часто одинъ человѣкъ вліяетъ на нихъ всѣхъ, такъ точно, какъ каждый мелкій «боссъ» имѣетъ вліяніе на свой кружокъ. Вотъ такого-то человѣка газеты и зовутъ «боссомъ участка». Когда всѣмъ этимъ участковымъ «боссамъ» удастся соединиться для общаго дѣла, и между ними выдѣлится одинъ самый вліятельный, то онъ является уже «боссомъ» города.

— И это—вы?

— Да, т.-е. это значитъ, что въ городѣ и участкахъ ничего не предпринимаютъ, не посовѣтовавшись со мной. Впрочемъ я гораздо больше завишу отъ избирателей, чѣмъ они отъ меня, потому что если они рѣшатъ поступить не по моему совѣту, я безсиленъ помѣшать, такъ какъ власть на ихъ сторонѣ.

— Вы говорите о мелкихъ «боссахъ»?

— Не столько о нихъ, какъ о дѣйствительныхъ избирателяхъ. Нѣсколько разъ мнѣ случалось обращаться къ этимъ послѣднимъ, помимо «боссовъ».

— Значитъ вы все-таки можете заставить ихъ поступить такъ какъ вы хотите.

— Въ извѣстныхъ предѣлахъ — да. Какъ я вамъ говорилъ, я въ абсолютной зависимости отъ избирателей. Если они трижды отвергнутъ то, что я имъ предложу, меня поднимутъ на смѣхъ, и я лишусь вліянія. Изъ этого вы видите, что «боссъ» остается «боссомъ» только до тѣхъ поръ, пока онъ имѣетъ вліяніе на выборахъ.

— Они вамъ еще не измѣняли?

— До сихъ поръ—нѣтъ.

— Но если избиратели руководствуются также мнѣніями другихъ «боссовъ», какъ же вамъ удавалось достигнуть чего-нибудь?

— Это уже вопросъ практической политики, т.-е. вопросъ, кто съумѣетъ лучше убѣдить избирателей. Возьмемъ нашъ участокъ. Предположимъ, что мнѣ

необходимо добиться чего-нибудь, и я настаиваю. Представьте себѣ, что другіе лидеры также твердо рѣшили, что этого не будетъ. Избиратели раздѣляются одни за, другіе противъ, и каждая партія старается представить большинство на предварительномъ голосованіи. Я вмѣшиваюсь въ дѣло, иду въ толпу избирателей и говорю имъ, чего я добиваюсь и почему. Мои противники поступаютъ совершенно также, и избиратели рѣшаютъ между нами. Вопросъ теперь въ томъ, на какой сторонѣ будетъ большинство голосовъ. Такъ какъ я всегда имѣлъ успѣхъ въ этомъ, я—такъ называемый «боссъ», т.-е. я могу всегда заставить избирателей признать, что я—правъ.

— Какъ?

— Разными способами. Во-первыхъ, я всегда старался говорить избирателямъ правду и никогда не боялся сознаться, что я былъ неправъ, когда мнѣ случалось сдѣлать промахъ—поэтому вѣрятъ тому, что я говорю. Затѣмъ, въ противоположность другимъ политическимъ лидерамъ, я не стараюсь о своей выгодѣ, и люди чувствуютъ, что я дѣйствую безкорыстно. Наконецъ я стараюсь быть въ дружбѣ со всѣмъ участкомъ, поэтому когда мнѣ нужно добиться того, что имъ не нравится, личное расположеніе ко мнѣ дѣлаетъ то, чего бы я не могъ достигнуть никакими доводами. Гораздо легче влiять на этотъ простой, сильно чувствующій, но не разсуждающій народъ ласковымъ словомъ и дружескимъ рукопожатіемъ, чѣмъ логической аргументаціей. Мы такъ привыкли вѣрить тому, что мы прочли, если оно показалось намъ разумнымъ, что намъ трудно понять, какъ люди, читающіе газеты по складамъ и не привыкшіе дѣлать выводы изъ фактовъ, не убѣждаются сразу тѣмъ, что намъ кажется самымъ убѣдительнымъ доводомъ. Напротивъ, если человѣкъ, которому они довѣряютъ, изложитъ имъ тоже самое простымъ, понятнымъ языкомъ, они тотчасъ же согласятся. Я могу написать самую убѣдительную передовую статью и дать прочесть ее своему участку, и если они не будутъ знать, что именно я написалъ ее, она ихъ ни мало не убѣдитъ. Но дайте мнѣ войти въ «салонъ» и сказать посѣтителямъ его тоже самое—и не найдется ни одного, кто бы не принялъ къ свѣдѣнію моихъ словъ.

— Вы такъ популярны въ своемъ участкѣ?—спросила Леонора.

— Мнѣ кажется, что да. Меня вездѣ встрѣчаютъ привѣтливо и дружески. Но вѣдь я очень старался пріобрѣсть популярность. Я старался пріобрѣсти расположеніе каждаго человѣка въ участкѣ, потому что я хотѣлъ стать сильнымъ, такимъ сильнымъ, чтобы всѣ честные люди были на моей сторонѣ, если я захочу уничтожить то, что считаю зломъ.

— Вы говорите своимъ избирателямъ, какъ они должны подавать голоса?

— Я говорю имъ, какъ бы я поступилъ, но не какъ они должны вотировать. Однажды только я чуть не сдѣлалъ этого.

— Какимъ образомъ?

— Мнѣ пришлось около восьми мѣсяцевъ провозиться съ моими глазами, и большую часть этого времени я провелъ въ Парижѣ. А какъ разъ въ это время предварительное голосованіе выставило кандидатомъ на одну должность совершенно непригоднаго человѣка, который былъ осужденъ за убійство и помилованъ изъ политическихъ соображеній. Какъ только я былъ въ состояніи, я рѣшилъ вмѣшаться и, чтобы помѣшать этому позорному назначенію, началъ поддерживать республиканскаго кандидата, дѣйствительно превосходнаго человѣка. Я старался встрѣтиться и переговорить съ каждымъ избирателемъ своего участка и въ день выборовъ просилъ многихъ, какъ личнаго одолженія, подать голосъ за республиканца, а мои друзья просили другихъ. Даже Деннисъ Моріерти старался и вотировалъ въ пользу того, кого называлъ «грязнымъ республиканцемъ», хотя увѣрялъ, что никогда «не испачкаетъ рукъ такимъ грязнымъ дѣломъ». Это былъ единственный разъ, когда я дѣйствительно почти приказалъ, за кого подавать голосъ.

— И они сдѣлали по вашему?

— Единственный республиканецъ, котораго участокъ допустилъ послѣ 1862 г. былъ избранъ именно тогда. Для всѣхъ,

и даже для меня, его избраніе было большимъ сюрпризомъ, такъ какъ въ моемъ участкѣ демократы обладаютъ большинствомъ въ 4.000 голосовъ. Но я не смѣю повторять подобные опыты, потому что меня могутъ и не послушать.

Другими словами, я могу дѣлать то, что хочу, только въ томъ случаѣ, если прежде буду дѣлать то, чего хотятъ избиратели. Т.-е. чѣмъ больше я стараюсь удовлетворить избирателей, тѣмъ вѣрнѣе я могу разсчитывать, что они всегда будутъ готовы присоединить свои мнѣнія къ моему.

— Значитъ «боссы» на самомъ дѣлѣ не могутъ поступать такъ, какъ хотятъ?

— Нѣтъ, во всякомъ случаѣ если и могутъ, то недолго. Это одна изъ газетныхъ выдумокъ, отголосокъ прежнихъ идей, что великія дѣла совершаются властью одного человѣка. Если вы переберете всѣхъ людей, про которыхъ говорятъ, что они держатъ въ рукахъ весь городъ, и которыхъ называютъ «боссами», вы найдете, что они очень медленно достигали вліянія, но зато много лѣтъ оставались въ силѣ, хотя ихъ легко было бы разбить въ первой же борьбѣ. Но они сохраняютъ свою силу только благодаря желанію большинства, потому что въ тотъ день, когда они потеряютъ поддержку большинства избирателей,— ихъ власти придетъ конецъ.

Мы на дѣлѣ въ гораздо большей зависимости, чѣмъ представители, потому что ихъ выбираютъ на извѣстное количество лѣтъ, а мы каждую минуту можемъ потерять значеніе.

Почему я такъ силенъ въ моемъ участкѣ? Потому, что представляю собою извѣстное число голосовъ, которые подчиняются моимъ взглядамъ. Не имѣетъ никакого значенія для меня, чѣмъ я подчиняю ихъ, пока я могу контролировать ихъ. Но пока они принадлежатъ мнѣ, другіе лидеры не смѣютъ бороться со мной, и я, до извѣстной степени, дѣлаю, такъ, какъ хочу.

А такъ какъ я могу контролировать весь мой участокъ я сдѣлалъ его крупной силой въ городской политикѣ.

— Какъ вы этого достигли?

— Подавляя личную рознь. Видите ли число людей, которые борются изъ за власти или должности, всегда больше чѣмъ число могущихъ получить желаемое поэтому возникаетъ масса неудовольствій. Напримѣръ, когда я только что началъ заниматься политикой, Моріерти и Бленкерсъ такъ же именно стремились раздавить другъ друга, какъ и республиканцевъ. Теперь они закадычные друзья, а соединила ихъ личная симпатія ко мнѣ. Такимъ же способомъ мнѣ удалось помирить многихъ. Другихъ я заставилъ покориться иными способами. Каждаго человѣка приходилось изучить и понять и въ каждомъ случаѣ дѣйствовать разными средствами. Но мнѣ удалось помирить даже такихъ, которые сначала, казалось, были злѣйшими врагами, и изъ самаго буйнаго и невѣрнаго участка шестой сталъ теперь, по мнѣніе властей, самымъ надежнымъ, такъ какъ послѣднія пять лѣтъ онъ управляется огромнымъ большинствомъ. Поэтому и меня цѣнятъ въ «главной квартирѣ» и совѣтуются со мной.

Теперь вы понимаете что такое «боссъ» и откуда онъ берется?

— Да, Питеръ, я все поняла, кромѣ того, почему «боссы»—зло?

— Развѣ вы не понимаете, что все дѣло въ томъ, какіе люди они сами, и что за избиратели стоятъ за ними? Честный человѣкъ, располагающій голосами честныхъ избирателей,—хорошій «боссъ», и наоборотъ.

— Питеръ, я знаю, что вы хорошій «боссъ». Не правда ли, какъ жаль, что не всѣ «боссы» хороши?

— Я не нахожу, чтобы они были очень плохи. Они также честны не себялюбивы и добры, какъ и большинство людей. Конечно, и между «боссами» иногда попадаются дурные люди, какъ они есть вездѣ.

Но во время всей моей политической дѣятельности я ни разу не встрѣчалъ человѣка, способнаго вліять на тысячу людей впродолженіи пяти лѣтъ, который бы не былъ все таки лучшимъ человѣкомъ, чѣмъ тѣ избиратели, которые ему подчиняются. Большаго и требовать нельзя. Простой народъ не особенно быстро соображаетъ, но всегда съумѣетъ

отличить раба отъ демагога, если только вы дадите ему время.

— Какъ говоритъ старая пословица: «Ты можешь надуть всѣхъ—иногда, нѣкоторыхъ—всегда, но тебѣ не удастся надуть всѣхъ всегда,—произнесъ чей то смѣющійся голосъ.

Питеръ отвелъ глаза отъ лица Леоноры, съ которой онъ не сводилъ взгляда во все время разговора. Въ комнату вошелъ Уаттсъ.

— Пожалуйста, продолжай,—сказалъ Уаттсъ,—я не буду прерывать вашихъ политическихъ дебатовъ, я пришелъ только за чашкой чая.

— Мы съ миссъ Д'Аллуа разсуждали о «боссахъ», —объяснилъ Питеръ. Миссъ Д'Аллуа, когда женщины получатъ права голоса, какъ я надѣюсь,—я думаю, что вы будете великолѣпнымъ «боссомъ». Я увѣренъ, вы будете имѣть большое вліяніе на избирателей.

— О!—разсмѣялась Леонора.—Я никогда не буду «боссомъ». Я думаю, вы будете моимъ «боссомъ», и я всегда стану вотировать за васъ.

Питеръ подумалъ, что день еще лучше, чѣмъ онъ считалъ его.

Глава XIVI.

Лучшіе элементы.

На слѣдующій день, вернувшись съ прогулки, вмѣсто того, чтобы идти прямо въ кабинетъ, Питеръ зашелъ въ кухню.

— Все въ порядкѣ, Джениферъ?—освѣдомился онъ.

— Да, баринъ.

— Принесли цвѣты отъ Торлея?

— Да, баринъ.

— А конфекты и мороженое отъ Майллара?

— Да, баринъ.

— Вы заморозили шампанское?

— Да, баринъ.

— Джениферъ, не кладите сегодня такъ много луку въ соусъ «Изабелла», дамамъ это меньше нравится, чѣмъ мужчинамъ.

— Слушаю, баринъ.

— А вы не забыли поставить бургундское на солнце?

— Нѣтъ, баринъ. Почему вы думаете, что я все забылъ сегодня?

Джениферъ былъ занятъ такимъ важнымъ дѣломъ, какъ приготовленіе фарша изъ хлѣбныхъ крошекъ, жареныхъ устрицъ и луку, а такое явное сомнѣніе въ его способностяхъ раздражало его.

Питеръ не удовлетворился его отвѣтами и имѣлъ крайне озабоченный видъ. Онъ осмотрѣлъ внимательнымъ взоромъ всю маленькую кухню—не найдетъ ли какихъ упущеній, но ихъ не было.

Все, что онъ нашелъ сказать, было:

— Супъ очень вкусно пахнетъ, Джениферъ.

— Еще бы, сударь. Вѣдь въ немъ кварта самыхъ густыхъ сливокъ и сотня протертыхъ устрицъ. Такой супъ заставитъ души праведниковъ пожалѣть, что они уже умерли.

— Про себя Джениферъ думалъ:

«Кого это онъ ждетъ сегодня? Онъ никогда не волновался такъ, какъ сегодня, даже когда у насъ обѣдали президентъ и губернаторъ Портеръ».

Питеръ нѣсколько успокоился, вернулся въ свою комнату и тщательно переодѣлся. Справедливость заставляетъ насъ сказать, что онъ довольно долго смотрѣлся въ зеркало, однако, повидимому, безъ особаго удовольствія: озабоченное выраженіе не сходило съ его лица, и онъ даже вслухъ сказалъ: «я не выгляжу слишкомъ старымъ, но Уаттсъ какъ-то сказалъ, что я никогда не получу призъ за мою наружность, и онъ вполнѣ правъ. Хотѣлось бы мнѣ знать, нравятся ли ей красивые мужчины?

Питеръ забылъ о своемъ недоумѣніи, занявшись разборкой корзинъ съ цвѣтами въ столовой. Размѣщая букеты около приборовъ, онъ поднесъ одинъ букетикъ фіалокъ къ своимъ губамъ, прежде чѣмъ поставить его на мѣсто. Срѣзанными цвѣтами Питеръ усыпалъ всю скатерть. Когда все было готово, онъ снова поцѣловалъ букетикъ фіалокъ. Питеръ, должно быть очень любилъ цвѣты!

— Питеръ!—позвалъ его кто-то.

— Это вы, Ле-Гранъ? Идите прямо въ кабинетъ.

— Да, я такъ и сдѣлалъ. Чувствую себя у васъ, какъ дома. Какъ пожи-

ваете?—продолжалъ онъ,—когда Питеръ присоединился къ нему.

— Какъ всегда.

— Я нарочно пришелъ пораньше, чтобы поговорить съ вами, пока ваши гости не собрались. Питеръ, вотъ письмо отъ Моллера. Ему удалось достать первый оттискъ «Снятія съ Креста». Совѣтую вамъ купить его и выкинуть тотъ, что у васъ. Ужъ очень плохо онъ выглядитъ рядомъ съ другими.

— Очень радъ. Согласны вы этимъ заняться?

Въ эту минуту въ передней послышались голоса и шелестъ женскихъ платьевъ.

— Вотъ какъ? У васъ дамы?—удивился Ле-Гранъ.

— Боюсь, что мы слишкомъ рано,—сказала, входя, миссисъ Д'Аллуа.

— О нѣтъ, старые друзья никогда не могутъ быть слишкомъ рано.

— Что касается меня, то я положительно умираю отъ голода, — сказала Леонора, такъ крѣпко пожимая руку Питера, точно не видала его годъ, а не разсталась съ нимъ только два часа тому назадъ.

— Просто удивительно, какой аппетитъ является всегда послѣ верховой ѣзды! Особенно, если послѣ нея приходится ѣхать на край свѣта!

Питеръ велѣлъ скорѣе подавать обѣдъ.

— Что значитъ вся эта газетная болтовня сегодня? — спросилъ Уаттсъ, какъ только они сѣли за столъ.

— Слишкомъ долго было бы разсказывать!

— Говорятъ, что въ демократической партіи расколъ по поводу выборовъ новаго губернатора?

— Газеты кажется освѣдомлены лучше, чѣмъ я,—спокойно сказалъ Питеръ.

Ле-Гранъ засмѣялся.

— Миссъ Де-Во, Огденъ, Ривингтонъ, я—мы всѣ старались, въ первый и послѣдній разъ, заставить Питера говорить о политикѣ, и всѣ одинаково безуспѣшно. Говорятъ, что Костелль возлюбилъ его именно за умѣніе держать языкъ за зубами, и за это же драгоцѣнное качество онъ былъ призванъ замѣнить Костелля.

— Я не могу замѣнить его,—сказалъ Питеръ,—да и никто не можетъ. Я только наслѣдовалъ ему. А миссъ Д'Аллуа можетъ засвидѣтельствовать, что мое газетное прозвище «Молчальникъ младшій»—просто пасквиль. Развѣ я не болтунъ, миссъ Д'Аллуа?

— Право, я ничего не могу понять, — въ недоумѣніи отвѣтила Леонора,—говорятъ, что нѣтъ.

— Не думалъ я, что вы мнѣ измѣните такъ скоро.

— О!—сказала мадамъ.—Всѣ великіе люди молчаливы. Посмотрите на французовъ.

— О, мадамъ!—воскликнула Леонора.

— Вотъ это восхитительно!—хохоталъ Уатсcъ.

— Чего вы всѣ смѣетесь? М-ръ Стерлингъ, развѣ я не права?—мадамъ обратилась къ Питеру, какъ единственному человѣку, на лицѣ котораго не было скептическаго и насмѣшливаго выраженія.

— Мнѣ кажется, довольно рискованно приписывать какую-нибудь черту исключительно одной національности. Но большинство людей, которые много думаютъ, говорятъ мало, а среди французовъ много мыслителей.

— Мнѣ всегда ужасно нравился Мольтке именно за то, что онъ, какъ говорили про него, умѣетъ молчать на семи языкахъ,—замѣтилъ Ле-Гранъ.

— О да,—сказала Леонора,—это такъ успокоительно. Мы возвращались изъ Европы на пароходѣ съ французскимъ маркизомъ, который говоритъ на шести языкахъ, и ни на одномъ изъ нихъ не можетъ сказать чего-нибудь такого, чтобы стоило слушать.

Питеръ почувствовалъ огромное облегченіе.

— Питеръ,—обратилась къ нему Леонора,—м-ръ Ле-Гранъ увѣряетъ, что вы ни съ кѣмъ не говорите о политикѣ. Вѣдь это не относится ко мнѣ?

— О нѣтъ! быстро отвѣтилъ Питеръ.

— Я такъ и думала!—Глаза Леоноры заблестѣли отъ удовольствія.

— М-ръ Пелль завтракалъ у насъ сегодня; и я говорила съ нимъ о томъ, что вы мнѣ разсказывали про «боссовъ»,

и онъ мнѣ сказалъ, что дѣйствительно хорошихъ «боссовъ» не будетъ до тѣхъ поръ, пока подаютъ голоса одни грубіаны и кабатчики, а не лучшіе элементы общества. Я сразу увидѣла, что онъ правъ.

— Съ своей точки зрѣнія, пожалуй. Или, вѣрнѣе, съ точки зрѣнія общества.

— А вы другого мнѣнія?

— Безусловно.

— Почему же?

— Собственно говоря, всѣ здравые люди обязаны сами выбирать тѣхъ людей и тѣ законы, которые правятъ ими. Каждый золотникъ здраваго смысла принесетъ въ этомъ дѣлѣ свою пользу. Предположите, что половина всего народа слишкомъ невѣжественна, чтобы сознательно принимать участіе въ выборахъ. Въ такомъ случаѣ, вы сами видите, есть столько же шансовъ за то, что они будутъ вотировать правильно, какъ и противъ этого, а если результаты выборовъ получаются отрицательные, то только потому, что болѣе интелигентная часть общества вотировала неправильно, не вотировала вовсе или не потрудилась разъяснить дѣло прочимъ, но покинула ихъ на произволъ демагоговъ. Если мы допускаемъ, что въ каждомъ порядочномъ человѣкѣ есть капля здраваго смысла и опыта, его голосѣ не можетъ быть безполезнымъ. Предположимъ, что у насъ есть долларъ и тысяча пенни. Будемъ ли мы въ выигрышѣ, если выбросимъ пени за то, что они черезчуръ мелки, и оставимъ только долларъ? Вотъ почему я всегда поддерживалъ проэктъ, чтобы женщинамъ дали избирательныя права. Если мы прибавимъ къ прежнимъ избирателямъ десять милліоновъ новыхъ голосовъ, у насъ будетъ столько же шансовъ за правильность выборовъ и противъ вліянія подкупа на результаты ихъ.

— Ты, должно быть, сторонникъ того, что «всѣ вмѣстѣ знаютъ больше, чѣмъ каждый въ отдѣльности?» — спросилъ Уаттсъ.

Питеръ, казалось, совсѣмъ забылъ объ остальныхъ своихъ гостяхъ.

Вопросъ Уаттса заставилъ его вздрогнуть отъ неожиданности.

— Да, — сказалъ Ле-Гранъ, — мы всѣ слушали и горѣли желаніемъ сдѣлать нѣсколько вопросовъ. Когда мы видимъ подобный припадокъ откровенности, мы всѣ спѣшимъ воспользоваться имъ.

— Извините, — сказала Леонора, — я сама еще не кончила спрашивать. Скажите мнѣ, можете вы заставить людей сдѣлать то, что вы хотите, и выбирать только лучшихъ?

— Если бы я имѣлъ подобную власть, я не пользовался бы ею, — отвѣтилъ Питеръ.

— Почему?

— Потому что я не рѣшился бы взять на себя такую отвѣтственность и потому, что правительство изъ «лучшихъ» людей не годится для Америки.

— Отчего?

— Это олигархія. Заставлять толпу поступать хорошо, хочетъ она или нѣтъ, это то же самое, что заставить ребенка вести себя такъ, какъ онъ не хочетъ. Но со взрослыми людьми результатомъ подобной системы будетъ еще большее удаленіе общества отъ народа, еще большая зависимость и умственная безпомощность послѣдняго. Тогда какъ, если мы заставимъ каждаго человѣка вотировать самостоятельно, ему придется много думать, потому что разные люди будутъ давать ему противорѣчивые совѣты, — и это приблизитъ его къ болѣе образованнымъ классамъ.

Его собственныя ошибки будутъ воспитывать его, такъ какъ если при его содѣйствіи будетъ избранъ дурной человѣкъ или пройдетъ дурной законъ, онъ первый будетъ страдать отъ нихъ и долженъ винить только самого себя. Конечно, у насъ нѣтъ такого хорошаго управленія и такихъ законовъ, какіе могли бы назваться идеальными, но за то мы обладаемъ другими преимуществами

— Какими?

— Мы добиваемся людей и законовъ, желательныхъ для большинства. Они сами за себя говорятъ и сами себя поддерживаютъ. Не соединеніе словъ, типографской краски и бумаги дѣлаетъ законы, ихъ создаютъ потребности народа; если законъ не явится результатомъ желанія большинства того народа, ко-

торымъ ему предстоитъ управлять, онъ или останется мертвой буквой, или, навязанный искуственной политической системой, потребуетъ, для своего осуществленія, вмѣшательства вооруженной силы. Да и въ этомъ послѣднемъ случаѣ трудно ждать успѣха, если народъ будетъ упорствовать. Посмотрите, что вышло изъ попытокъ управлять Ирландіей вопреки общему настроенію.

Кромѣ того, мы достигли устойчивости нашей политики, почти незнакомой тѣмъ правительствамъ, которыя не желаютъ сообразоваться съ потребностями народа. Наша страна гораздо меньше измѣняла систему своего правленія, чѣмъ всѣ остальныя, за послѣдвія сто лѣтъ; у насъ меньше соціалистическихъ организацій и пропаганды, чѣмъ гдѣ бы то ни было, т.-е. меньше неудовольствія.

— Но, Питеръ, если американскій народъ настолько сознателенъ, какъ вы думаете, чѣмъ вы объясните появленіе извѣстнаго сорта людей, которые имѣютъ такое большое вліяніе.

— Тѣмъ, что лучшіе люди не стараются добиться его.

— Однако, у насъ постоянно возникаютъ новыя реформаціонныя движенія, руководимыя лучшими людьми; почему же ихъ не выбираютъ?

— Потому, что эти лучшіе люди слѣпы и неспособны и не умѣютъ пріобрѣсти вліяніе. Взгляните безпристрастно на дѣло, оставля въ сторонѣ личныя достоинства людей. Съ одной стороны мы видимъ «боссовъ», которые знаютъ и понимаютъ людей своего участка, которые съумѣли пріобрѣсти популярность, которые сдѣлали политику своимъ ремесломъ, насквозь пропитались ею и горькимъ опытомъ убѣдились, что имъ часто приходится поступаться своимъ мнѣніемъ, чтобы добиться единодушія и солиднаго большинства. Напротивъ того, реформаторъ—это обыкновенно человѣкъ, имѣющій и другія занятія и, если осмѣлюсь такъ выразиться, достигшій въ нихъ только частнаго успѣха. Я хочу сказать этимъ, что дѣйствительно дѣловому банкиру, коммерсанту или ремесленику нѣкогда заниматься политикой, и пускаются въ нее люди, потерпѣвшіе въ дѣлахъ нѣкоторую неудачу.

Кромѣ того, каждый реформаторъ увѣренъ, что только онъ одинъ правъ, поэтому онъ всласть ссорится со своими собратіями, и они рѣдко въ состояніи дѣйствовать соединенными силами.

Многія попытки реформъ въ Нью-Іоркѣ были просто смѣшны. Что вы скажете, если сотня занятыхъ людей соберется завтра и объявитъ, что они открываютъ новый банкъ, чтобы бороться со всѣми остальными банками Нью-Іорка?

А, между тѣмъ, наши реформаторы продѣлываютъ часто подобные фокусы въ политикѣ. Они говорятъ людямъ, волею народа стоящимъ у власти впродолженіи многихъ лѣтъ: «Вы негодяи, а народъ, избравшій васъ—невѣжда. Мы лучше васъ знаемъ, что нужно дѣлать, а теперь мы васъ выгоняемъ». Короче сказать, они обзываютъ избирателей дураками, но требуютъ ихъ поддержки. Реформаторы послѣдней эпохи вполнѣ прониклись теоріей, что «каждый новый человѣкъ не хуже стараго и даже чуточку лучше», и каждый изъ нихъ считаетъ, что онъ лучше всѣхъ. Народъ не выноситъ этого. Мнѣніе человѣка: «я лучше тебя», гораздо скорѣе можетъ уронить его въ глазахъ ему подобныхъ, чѣмъ какое угодно мошенничество, сдѣланное имъ.

— Развѣ вы не думаете, что реформаторъ въ принципѣ правъ?

— Въ девяти случаяхъ изъ десяти — да. Но въ политикѣ важно не то, чтобы вы были правы, а то, чтобы вы могли другихъ заставить повѣрять этому. Люди не любятъ, чтобы имъ говорили, что они невѣжественны и неправы, а именно это всегда лежитъ въ основаніи всѣхъ такъ называемыхъ реформаціонныхъ кампаній. Чтобы поднять новое движеніе, нужна громадная опытность, ловкость, тактъ и много другихъ качествъ. Люди въ большинствѣ случаевъ обструкціонисты, т.-е. консерваторы, и нужно много времени, чтобы подвинтить ихъ на что-нибудь.

— Если только ты не скажешь имъ, что дѣлать,—разсмѣялся Уаттсъ.—Тогда они живо поймутъ.

— Однако, имъ понадобилось пятвад-

цать лѣтъ, чтобы понять меня. Неужели вы не видите, какъ нелѣпо думать, что народъ такъ сейчасъ и ухватится за мнѣніе лучшихъ элементовъ общества. И это послѣ трехмѣсячной кампаніи! Люди являлись въ мой участокъ и ораторствовали въ пустыхъ залахъ; они наводняли насъ своими брошюрами, которыя служили только на растопку печей; они издавали газеты, которыхъ никто не читалъ. Но меня участокъ знаетъ, они испытали меня, большинство изъ нихъ любятъ меня. Я жилъ среди нихъ многіе годы; я ѣздилъ съ ними въ лѣтнія экскурсіи; я говорилъ съ ними сбъ ихъ дѣлахъ; я помогалъ имъ въ нуждѣ; я добрымъ словомъ поминалъ ихъ покойниковъ. Я крестилъ дѣтей у многихъ изъ нихъ. Съ другими я стоялъ плечо съ плечомъ, когда пули летѣли намъ навстрѣчу. Вѣдь многіе изъ теперешнихъ избирателей были дѣтьми, когда я появлялся среди нихъ и игралъ съ ними въ «треугольникѣ»; неужели ихъ слишкомъ мало, чтобы провести выборы такъ, какъ я совѣтую? Неужели вы думаете, что они отвернутся отъ меня только потому, что неизвѣстные имъ ораторы скажутъ, что я неправъ? Что меня ругаютъ копѣечные листки, которыхъ они не читаютъ? Вотъ въ чемъ истинная причина всѣхъ неудачъ нашихъ реформаторовъ. Логическіе аргументы умѣстны въ апелляціонномъ судѣ, но если нужно сорвать выборы большинствомъ въ пять тысячъ голосовъ, я предпочту пять тысячъ любящихъ сердецъ столькимъ же логическимъ выводамъ.

— Но вѣдь вы сами проводили реформы?

— Да, я пробовалъ, но всегда практическимъ путемъ. Т.-е., не вступая въ борьбу съ популярными политическими дѣятелями, но соединяясь съ ними такъ, чтобы они могли помочь мнѣ. Я пріобрѣлъ политическую силу только тогда, когда понялъ, что могу дѣлать только то, что не противорѣчитъ нуждамъ моихъ избирателей. Есть много способовъ дѣлать это. И тотъ «боссъ», который старается какъ можно больше удовлетворить потребностями народа, можетъ легче всего заставить его сдѣлать то, чего онъ вовсе не хочетъ.

Каждый разъ, какъ я поступался моими собственными желаніями и дѣломъ такъ, какъ хотѣлъ народъ, я пріобрѣталъ новую силу и бывалъ въ состояніи добиться того, что шло въ разрѣзъ съ мнѣніями народа и политиковъ.

— А въ результатѣ тебя ругаютъ.

— Конечно. Газеты зовутъ меня «боссомъ». Если бы избиратели были недовольны мною, они бы прозвали меня «реформаторомъ».

— Однако, Питеръ,—замѣтилъ Ле-Гранъ,—развѣ вы не хотѣли бы видѣть во главѣ правленія такого человѣка, какъ Джорджъ Уилльямъ Куртисъ?

— У м-ра Куртиса, вѣроятно, были самые благородные политическіе взгляды, но онъ былъ кабинетный человѣкъ, а кабинетные люди въ нашей странѣ никогда не будутъ имѣть успѣха на выборахъ. Въ Америкѣ никогда не можетъ быть лучшаго правительства, оно всегда будетъ среднимъ. М-ръ Куртисъ былъ только лидеромъ въ своей партіи, также какъ Тимъ Сюлливанъ—лидеръ въ своей. М-ръ Куртисъ въ своихъ передовыхъ статьяхъ высказывалъ чувства одного изъ элементовъ Америки, Сюлливанъ въ залѣ «Германія» пропагандировалъ настроеніе другого. Каждый изъ нихъ являлся представителемъ—одинъ пяти, а другой девяносто пяти процентовъ населенія Нью-Іорка. Если американцы въ чемъ-нибудь твердо увѣрены, такъ это въ томъ, что не позволяетъ держать себя на помочахъ и руководить собою «лучшему элементу», т.-е. меньшинству.

— Но вѣдь вы согласитесь, что Куртисъ способнѣе управлять, чѣмъ Сюлливанъ?

— Нѣтъ, до тѣхъ поръ, пока у насъ представительное управленіе. Мнѣ не нужно говорить, какъ бы я желалъ, чтобы всѣ представители были похожи на м-ра Куртиса.

— Я думаю, ему бы неудалось сдѣлаться «боссомъ», если бы онъ даже старался?

— Вѣроятно. Чтобы быть «боссомъ» нужны исключительныя способности, такъ же, какъ и для того, чтобы быть хорошимъ банкиромъ и купцомъ. Самъ я не знаю, изъ какихъ элементовъ скла-

дывается характеръ «босса», но думаю, что онъ долженъ симпатизировать тѣмъ людямъ, которыхъ онъ направляетъ, и вращаться среди нихъ. У м-ра Куртиса широкая, любящая натура, и, если бы народъ убѣдился въ этомъ, его бы полюбили. Но сдержаность, являющаяся слѣдствіемъ культуры, заставляетъ людей скрывать свои чувства, и надо много любви и самопожертвованія, чтобы заставить полюбить себя. Очень трудно заставить «мужика», какъ называетъ ихъ Уаттсъ, и такого человѣка, какъ Куртисъ, понять и оцѣнить другъ друга.

— Развѣ вы не считаете людей нашего круга самыми благородными и лучшими?—спросила миссисъ Д'Аллуа.

— Вѣдь даже выраженіе «noblesse oblige» прямо указываетъ на это,—подхватила мадамъ.

— Опытъ заставляетъ меня думать иначе, — отвѣтилъ Питеръ. — Конечно, есть громадная разница въ убѣжденіяхъ, идеалахъ и воспитаніи людей, и, какъ слѣдствіе этого, разница въ поступкахъ. Что же касается понятій добра и зла, то я не думаю, чтобы лучшіе классы или, вѣрнѣе, болѣе достаточные держали знамя справедливости выше чѣмъ бѣдняки

— Пощади, милый, — закричалъ Уаттсъ, — хоть для преступныхъ классовъ сдѣлай исключеніе!

— Всѣ мы это знаемъ, да признаться не хотимъ. Еще не такъ давно мнѣ пришлось плыть на большомъ океанскомъ пароходѣ. Насъ, пассажировъ перваго класса, было человѣкъ пятьсотъ. Все это были люди интеллигентные и достаточные. Однако больше половины изъ нихъ только и думала о томъ, какъ бы надуть правительство и не заплатить пошлины, т.-е. украсть у государства слѣдуемыя ему деньги.

Такимъ образомъ они не только собирались нарушить наши законы, но еще лгали весьма развязно. Нѣкоторые кромѣ того, во избѣжаніе непріятностей, собирались дать взятку таможеннымъ чиновникамъ, т.-е. не только сами готовы были стать ворами, но еще и другихъ хотѣли вовлечь въ преступленіе.

Я могу вамъ показать въ городѣ много такихъ домовъ, которые такъ густо населены, что каждый изъ нихъ представляетъ почти цѣлый избирательный участокъ. Въ этихъ домахъ, гдѣ двадцать человѣкъ годами живутъ и спятъ въ одной комнатѣ появленіе новаго маленькаго существа означаетъ, что остальные члены семьи будутъ имѣть меньше пищи и тепла. Но ни въ одномъ изъ этихъ домовъ процентъ лжецовъ, воровъ и совратителей не будетъ столь великъ, какъ среди пассажировъ перваго класса упомянутаго мною плавучаго дворца.

— Послушать Питера, такъ всѣхъ насъ надо упрятать въ тюрьму на всю жизнь,—хохоталъ Уаттсъ.

— Мнѣ кажется, съ его стороны это попытка расширить адвокатскую практику.

— Вы въ самомъ дѣлѣ думаете, Питеръ, что люди такъ дурны?—грустно спросила Леонора.

— Нѣтъ. Мнѣ въ жизни не случалось еще встрѣчать человѣка, котораго я бы назвалъ безусловно дурнымъ. Я встрѣчался съ людьми, которые казались мнѣ дурными, но, когда я ближе узнавалъ ихъ, я убѣждался, что въ нихъ хорошее перевѣшиваетъ дурное. Мы заблуждаемся, думая, что людей можно раздѣлить на хорошихъ и дурныхъ и провести между ними черту. На самомъ дѣлѣ въ каждомъ человѣкѣ есть своя доля добра и зла, и только въ рѣдкихъ случаяхъ зло перетягиваетъ добро. Я удивляюсь, сколько въ человѣчествѣ хорошаго, когда думаю, какъ много искушеній и случаевъ дѣлать зло.

— Однако, есть много людей очень развращенныхъ, — замѣтила миссисъ Д'Аллуа.

— О да,—подтвердила мадамъ,— вспомните о стачникахъ.

Чувство удовольствія наполнило душу Питера, но онъ старался не показать его.

— Позвольте разсказать вамъ одинъ случай, имѣющій отношеніе къ стачкамъ. Была сдѣлана попытка привлечь нѣсколько стачниковъ къ отвѣтственности, но этого не удалось сдѣлать за недостаткомъ доказательствъ. Однако нравственные улики противъ одного субъекта по имени Конелли, были настолько

также служащіе для привлеченія насѣкомыхъ. Приспособленіе къ опыленію вѣтромъ обусловило то обстоятельство, что даже и лѣтомъ растительность Кергуэльскихъ острововъ лишена яркихъ цвѣтовъ и производитъ довольно меланхолическое впечатлѣніе.

Гавань Газели, также какъ и всѣ другіе фіорды, врѣзающіеся въ островъ, покрыта всюду, гдѣ скалистыя стѣны подходятъ къ водѣ, обломками базальтовыхъ скалъ, которые затянуты разнообразно окрашенными видами лишаевъ. Разрушеніе каменныхъ породъ должно здѣсь особенно энергично сказываться, такъ какъ температура часто колеблеблется то въ ту, то въ другую сторону около 0°, и вода, просачивающаяся въ трещинахъ, замерзая, производитъ своимъ расширеніемъ

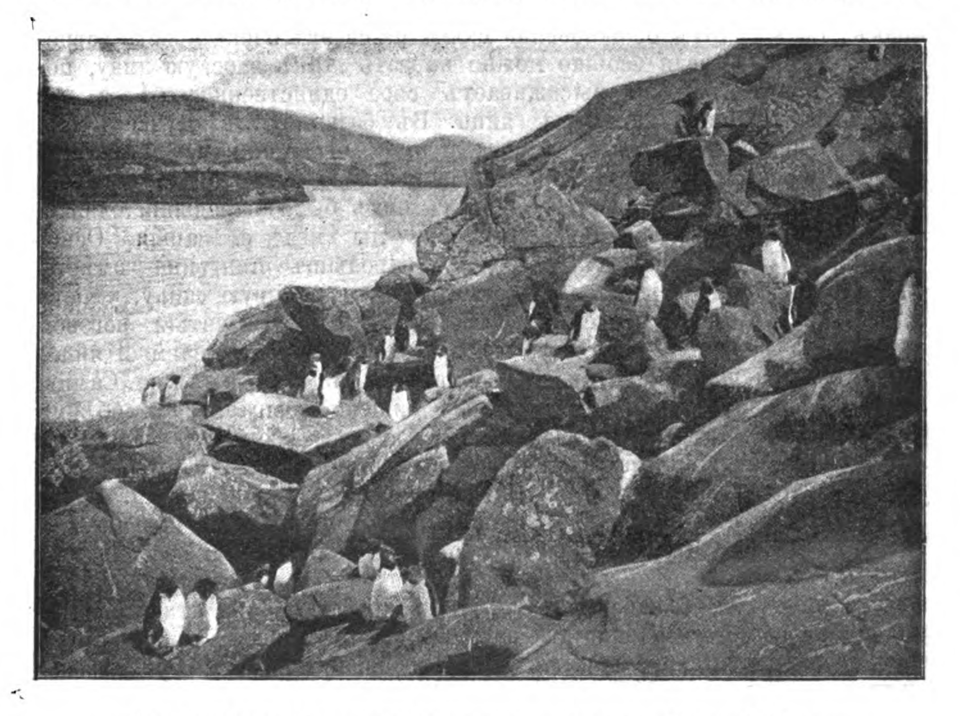

Рис. 47. Колонія пингвиновъ у входа въ гавань Хорошей Погоды.

раскалываніе камней. Эти мѣста, усѣянныя обломками, являются наиболѣе излюбленнымъ мѣстообитаніемъ одного вида пингвиновъ, который не мало оживляетъ природу острова. Это—превосходно окрашенный хохлатый пингвинъ (*Eudyptes chrysocome*), у котораго брюхо снѣжно-бѣло, спина и плавники стального сѣраго цвѣта, клювъ ярко-красный, такіе же глаза и пучокъ золотистыхъ перьевъ съ каждой стороны головы. Когда приближаешься къ поселенію пингвиновъ, то, прежде всего, они встрѣчаютъ посѣтителя страшнѣйшимъ крикомъ, напоминающимъ крикъ огромнаго стада гусей. Между птицами этими царятъ постоянные ссоры и раздоры; комическій видъ пингвиновъ зависитъ, главнымъ образомъ, отъ того обстоятельства, что они держатся на своихъ двухъ ногахъ, отставленныхъ далеко назадъ, совершенно какъ маленькіе гномы и съ самой забавной безпомощностью подпираются постоянно своими крыльями-плавниками. Всюду по груп-

памъ камней виднѣются самцы, стоящіе кучками и ревниво хватающіе клювомъ каждаго другого самца, который приблизится къ нимъ или даже нечаянно скатится откуда-нибудь сверху (рис. 47). Точно такъ же набрасываются они и на человѣка, если онъ изъ любопытства, привлеченный этимъ диковиннымъ зрѣлищемъ, вздумаетъ подобраться къ нимъ ближе. Лазанье по обломкамъ скалъ уже само по себѣ довольно затруднительно, тѣмъ болѣе, что всюду нога попадаетъ въ скользкій и вонючій пометъ птицъ. Когда затѣмъ удается подойти ближе къ кучкѣ пингвиновъ, то поднимается, прежде всего, всеобщій крикъ, и птицы, двигаясь бокомъ и собравшись вмѣстѣ, стараются нанести потревожившему ихъ удары клювомъ и плавниками. Не только на камняхъ, но и между ними начинается недовольный и тревожный крикъ: тамъ сидитъ обыкновенно самка на своемъ очень просто устроенномъ гнѣздѣ—если вообще можно назвать такъ плоскую ямку, покрытую пометомъ;—она высиживаетъ свое единственное бѣлое, не сильно запачканное пометомъ яйцо. Въ большинствѣ случаевъ она спокойно позволяетъ отнять у нея это яйцо, ограничиваясь лишь нѣсколькими ударами клюва. Мы собрали довольно много этихъ птицъ, и вскорѣ выяснилось, что почти во всѣхъ нихъ были зародыши близкіе къ вылупленію—вылупившихся птенцовъ мы нигдѣ не нашли. Освобожденный отъ яйцевыхъ оболочекъ зародышъ пингвина имѣетъ уже вполнѣ форму взрослаго, бѣловатое брюхо и сѣрую спину, у него нѣтъ только пучковъ перьевъ на головѣ. Сильно развитый роговой наростъ на верхнемъ ребрѣ клюва образуетъ такъ называемый яйцевой зубъ, при помощи котораго разбивается яйцевая скорлупа. Самцы дѣятельно заняты снабженіемъ самокъ пищею: прыгая сразу обѣими ногами внизъ по скалѣ съ вытянутою головою, изогнутой спиной и косо разставленными плавниками они спускаются къ водѣ, бросаются въ нее и только тамъ уже чувствуютъ себя въ родной стихіи. Плавники служатъ имъ веслами, при помощи которыхъ они плаваютъ и ныряютъ съ поразительной быстротою и выскакиваютъ на поверхность, какъ настоящіе дельфины. Можно часами сидѣть у колоніи пингвиновъ и не надоѣстъ наблюдать за этими оригинальными птицами! Нерѣдко они собирались вокругъ насъ, чистя и приводя въ порядокъ свои перья и постоянно ворочая во всѣ стороны свою голову съ золотистыми пучками перьевъ,—между собою они обмѣнивались то нѣжными взглядами, то гнѣвными ударами клюва и плавниковъ, а при нашемъ приближеніи поднимали отчаянный крикъ. Я не понимаю, правда, языка пингвиновъ, но думаю, что то, что они кричали по нашему адресу, блистая своими красными глазами и перекашивая свою голову, было, должно быть, очень нелестнаго свойства.

Постоянно встрѣчаются также между скалами футляроносы, поведеніе которыхъ, однако, несмотря на ихъ невинный видъ, далеко не заслуживаетъ одобренія: какъ только оставитъ самка пингвина свое гнѣздо, они ужъ тутъ какъ тутъ: ударомъ клюва разбиваютъ яйцо и съ жадностью поглощаютъ содержимое. Штудеръ, зоологъ экспедиціи «Газели», совершенно справедливо замѣтилъ, что футлярообразный придатокъ на клювѣ ихъ имѣетъ, главнымъ образомъ, то назначеніе, чтобы предохранять ноздри отъ залѣпленія бѣлкомъ яйца.

Если принять во вниманіе, сколько сотъ тысячъ находится пингвиновъ всюду, гдѣ имѣются по краямъ бухтъ скалы, и какое огромное количество другихъ плавающихъ птицъ присоединяется къ нимъ еще, то невольно придетъ въ голову вопросъ, откуда же беретъ все

это пернатое населеніе необходимый для его существованія огромный запасъ пищи. Уже безконечное количество раковинокъ моллюсковъ, находимыхъ всюду около гнѣздовій птицъ, убѣждаетъ насъ въ томъ, что антарктическій пернатый міръ питается преимущественно продуктами моря. Дѣйствительно, береговая фауна моря у Кергуэльскихъ острововъ необычайно богата. Достаточно приподнять камень у берега, чтобы оттуда выскочили десятки мокрицъ, разбѣгающихся во всѣ стороны, чтобы найти себѣ защиту подъ другими камнями,—нѣкоторыя изъ нихъ, напримѣръ, *Serolis latifrons*, удивительно напоминаютъ ископаемыхъ трилобитовъ. Вмѣстѣ съ ними встрѣчаются во множествѣ и щетинковые черви и огромное количество другихъ низшихъ животныхъ,—они особенно изобилуютъ между кустами всѣхъ оттѣнковъ краснаго цвѣта водорослей, которыми заростаетъ дно моря въ изобиліи. Извѣстно не менѣе 71 вида низшихъ морскихъ водорослей у Кергуэльскихъ острововъ; между ними ползаютъ красновато окрашенныя морскія звѣзды, офіуры и крабы, на нихъ сидятъ прикрѣпленныя асцидіи, мшанки, актиніи и гидроиды. Тамъ, гдѣ нѣтъ кустиковъ мелкихъ красныхъ водорослей, встрѣчаются въ береговой полосѣ огромныя ленты *Durvillea*, своеобразно расщепленныя на лопасти, или произростаетъ гигантскій фукусъ—*Macrocystis pyrifera*, держащійся на нѣсколько большей глубинѣ, чѣмъ *Durvillea*, на зеленовато-сѣромъ иловомъ грунтѣ дна; въ этомъ илу онъ развиваетъ цѣлое гнѣздо корней, сростающихся между собой какъ вѣтви коралла. Отъ корней этихъ отходитъ стебель съ ланцетовидными листьями, несущими бутылчатыя воздушныя камеры. Попадались растенія длиною болѣе 200 метровъ. Водоросль эта держится на скалахъ, лежащихъ не болѣе какъ на 20 метрахъ глубины, и, благодаря своимъ плавательнымъ приспособленіямъ, видна на поверхности, обнаруживая такимъ образомъ для моряка тѣ мѣста, которыхъ должно избѣгать при захожденіи въ бухты. Въ то же время на этой водоросли поселяются чрезвычайно разнообразные организмы, которые составляютъ излюбленную пищу птицъ: прежде всего на ней сидитъ огромное количество моллюсковъ блюдечекъ (*Patella*), которые своей ногой, имѣющей видъ какъ бы присоски, крѣпко держатся за гладкіе листья; болѣе старые листья нерѣдко совершенно покрыты мшанками и колоніями гидроидовъ, между которыми сидятъ свѣтло розовыя небольшія голотуріи (*Pentactella laevigata*), вытягивающія свои развѣтвленные щупальцы. Защищенныя мѣста бухтъ часто бываютъ покрыты сплошь на большое разстояніе мидіями (*Mytilus*), которыя по своей внѣшности чрезвычайно похожи на европейскихъ. Такимъ образомъ, и на поверхности моря, и на водоросляхъ, и на берегу для морскихъ птицъ постоянно готова обильная трапеза. Лишь въ одномъ отношеніи воды Кергуэльскихъ острововъ не могутъ быть названы богатыми,—именно фауна рыбъ въ нихъ развита чрезвычайно скудно: она ограничивается 4 видами костистыхъ рыбъ, которыя всѣ незначительной величины и принадлежатъ отчасти къ типичному для антарктической области роду *Notothenia*. Въ болѣе глубокихъ частяхъ бухтъ, не глубже 20 метровъ, находится также множество своеобразныхъ придонныхъ обитателей, къ которымъ въ окрестностяхъ Кергуэльскихъ острововъ, на плоской впадинѣ, соединяющей ихъ съ островомъ Хэрда, присоединяются формы, составляющія уже переходъ къ глубоководной фаунѣ.

Пользуясь нашимъ паровымъ катеромъ, мы два дня подъ рядъ драгировали въ гаваняхъ Газели и Хорошей Погоды и добывали въ

этихъ защищенныхъ мѣстахъ чрезвычайно обильный матеріалъ. Изъ сообщеній прежнихъ экспедицій вытекаетъ, что нерѣдко отдѣльныя бухты даютъ прибѣжище своеобразнымъ, исключительно имъ свойственнымъ формамъ, которыя на другихъ мѣстахъ рѣдки или отсутствуютъ. Въ виду того, быть можетъ, что морская фауна избранныхъ нами бухтъ была ранѣе не изслѣдована, намъ и удалось получить довольно значительное количество новыхъ для Кергуэльскихъ острововъ береговыхъ формъ. Такъ, нами была открыта на упомянутомъ гигантскомъ фукусѣ оригинальная медуза, которая не ведетъ свободноплавающаго образа жизни, а ползаетъ по водорослямъ при помощи своихъ развѣтвленныхъ щупалецъ. Въ нашихъ сѣверныхъ моряхъ медузы эти представлены родомъ *Eleutheria*, у котораго 8 дихотомически дѣлящихся щупалецъ, новая же кергуэльская форма обладаетъ цѣлымъ лѣсомъ краевыхъ щупалецъ и достигаетъ относительно значительныхъ размѣровъ. Между островками, раздѣляющими гавань Газели отъ гавани Хорошей Погоды, придонная фауна была развита особенно обильно, и здѣсь намъ удалось добыть огромнаго краснобу-

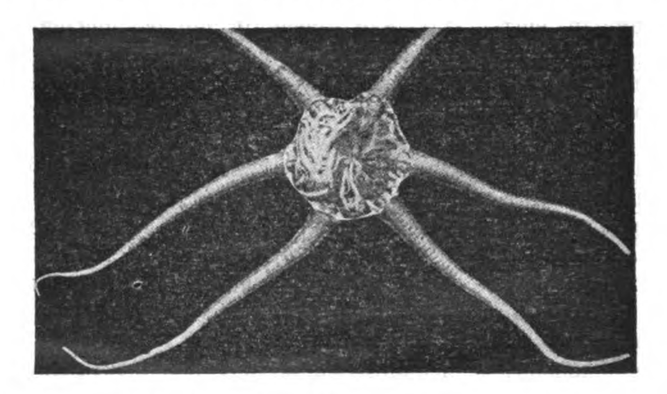

Рис. 48. Офіура *Ophioglypha hexactis* съ зародышами во вскрытой сумкѣ.

раго головоногаго съ 8 щупальцами, присутствіе котораго на Кергуэльскихъ островахъ еще не было съ увѣренностью констатировано.

Уже прежнимъ наблюдателямъ бросалось въ глаза, что почти всѣ изъ извѣстныхъ здѣсь морскихъ организмовъ проявляютъ особыя заботы о потомствѣ: личинокъ, живущихъ свободно, у нихъ не существуетъ, а развивающіеся дѣтеныши ихъ заключаются обыкновенно въ особыхъ защищенныхъ карманахъ матери до тѣхъ поръ, пока не сдѣлаются настолько самостоятельными, что могутъ сами добывать себѣ пищу. Въ отчетахъ экспедиціи «Чэлленжера» приведены и изображены чрезвычайно интересные примѣры такихъ заботъ о потомствѣ у морскихъ ежей (*Hemiaster*), морскихъ звѣздъ и у голотурій. Всѣ эти виды, описанные съ Кергуэльскихъ острововъ, были найдены нами снова; примѣромъ можетъ послужить прилагаемое изображеніе офіуры (рис. 48), во вскрытой капсулѣ которой заключаются молодые зародыши. Намъ удалось найти и такія формы, у которыхъ не было еще извѣстно существованія заботъ матери о потомствѣ,—такъ одна изъ актиній Кергуэльскихъ острововъ, оказалось, также выводитъ дѣтенышей между своими внутренними перегородками. Довольно трудно найти объясненіе этому явленію, получающему здѣсь такое широкое распро-

страненіе, тѣмъ болѣе, что то же самое наблюдается и въ арктическихъ водахъ. По всей вѣроятности, то обстоятельство, что молодыя животныя проходятъ свои первыя стадіи развитія болѣе гарантированными отъ тѣхъ опасностей, которыя представляются въ арктическихъ и антарктическихъ водахъ у поверхности, обусловливаетъ болѣе надежное размноженіе вида. Почему, однако, такая забота о потомствѣ отсутствуетъ или, во всякомъ случаѣ, отходитъ на задній планъ у формъ, водящихся въ умѣренномъ тропическомъ климатѣ, мы совершенно пока не можемъ сказать. Можно было бы заподозрить, что это обусловливается физико-химическими свойствами поверхности воды, но какъ разъ противъ этого говоритъ то обстоятельство, что именно у Кергуэльскихъ острововъ наиболѣе нѣжные поверхностные организмы встрѣчаются въ поразительномъ количествѣ. Поверхность моря

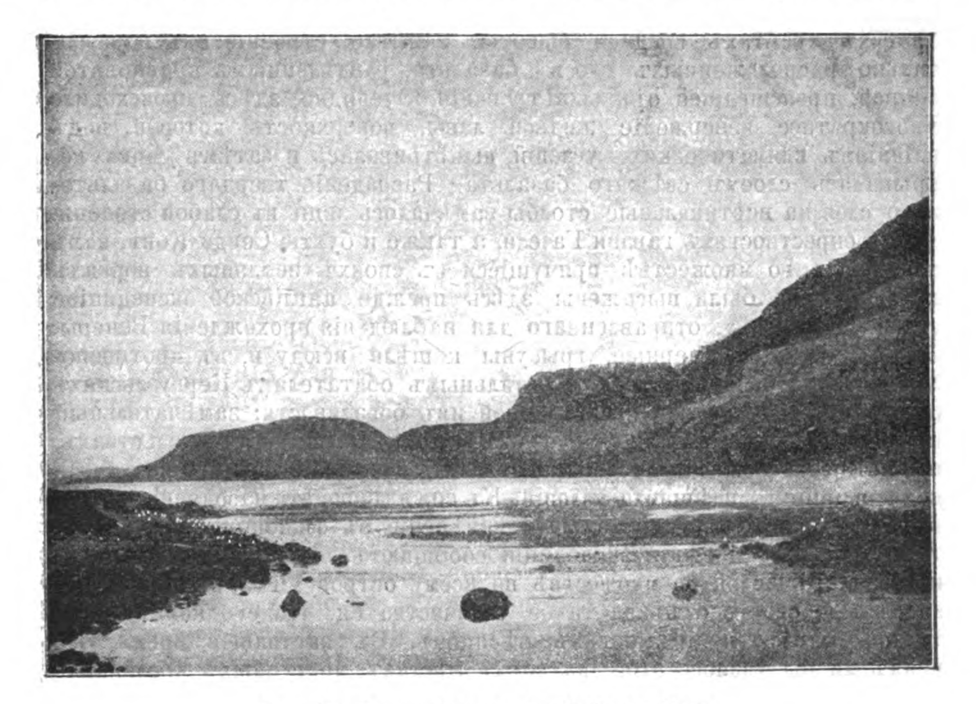

Рис. 49. Ландшафтъ въ бухтѣ Сенди-Ковъ.

оживляется прозрачными медузами, изящными гребневиками изъ родовъ *Bolina* и *Callianira* и колоніями сифонофоръ (*Agalma*). Наконецъ, въ области Кергуэльскихъ острововъ особенно обильно развитъ тотъ пелагическій міръ мельчайшихъ существъ, который является первоисточникомъ пищи, изъ коего черпаютъ ее существа, обитающія и на днѣ, и на поверхности, и даже на берегу. Къ антарктическимъ діатомовымъ водорослямъ присоединяются здѣсь еще зеленоватыя слизистыя массы шаровидныхъ водорослей, благодаря которымъ поверхность воды нерѣдко окрашена на далекое разстояніе.

Было вполнѣ естественно, что вскорѣ по приходѣ всѣ члены нашей экспедиціи разсѣялись въ разныя стороны, чтобы изучить, согласно со своими наклонностями, высшій и низшій животный міръ, растительность и геологію окрестностей. Офицеры наши вмѣстѣ съ капитаномъ

отправились на слѣдующее утро въ бухту, называемую Сенди-Ковъ и находящуюся направо отъ узкаго входа въ гавань Газели. Тамъ вниманіе ихъ было привлечено стадомъ морскихъ слоновъ, которые лежали около берега въ углубленіяхъ съ цѣлью переждать здѣсь періодъ линьки. Они убили 18 штукъ, съ которыхъ на слѣдующій день наша команда сняла шкуру и отчасти приготовила скелеты.

Попасть къ бухтѣ Сенди-Ковъ очень легко пѣшкомъ,—надо пересѣчь хребты холмовъ у входа въ гавань Газели и перебраться черезъ нѣсколько скопленій прѣсной воды, изъ которыхъ устремляются многочисленные потоки, вливающіеся въ бухту. Увлекаемыя ими массы гальки и песку образуютъ наносныя банки въ бухтѣ, которая окаймлена полого падающими откосами, покрытыми густымъ дерномъ изъ *Acaena*. Съ восточной стороны эта бухта ограничивается горою приблизительно въ 500 метровъ высоты, на которой, какъ и на всѣхъ другихъ хребтахъ средней высоты, замѣтно строеніе изъ горизонтально расположенныхъ слоевъ базальта, раздѣленныхъ красноватой почвой, происшедшей отъ вывѣтриванія. Очевидно, здѣсь происходило многократное изверженіе жидкой лавы, поверхность которой, подъ вліяніемъ климатическихъ условій, вывѣтривалась и затѣмъ снова покрывалась слоемъ свѣжаго базальта. Распаденіе твердаго базальтоваго слоя на вертикальные столбы замѣчалось лишь въ слабой степени.

Въ окрестностяхъ гавани Газели, а также и бухты Сенди-Ковъ, намъ попадались во множествѣ прячущіеся въ своихъ земляныхъ норкахъ кролики; они были высажены здѣсь прежде англійской экспедиціей судна «Воледжъ», отправленнаго для наблюденія прохожденія Венеры. Эти сѣрые, рѣже черные, грызуны кишѣли всюду и, въ противоположность не боящимся никого остальнымъ обитателямъ Кергуэльскихъ острововъ, не утратили свойственной имъ боязливости: замѣчательный примѣръ наслѣдованія психическихъ свойствъ при обстоятельствахъ, при которыхъ можно было бы предполагать пониженіе даннаго инстинкта подъ вліяніемъ внѣшнихъ условій. Къ сожалѣнію, это наводненіе острововъ кроликами вызвало также и измѣненіе въ физіономіи его растительности. Всѣ прежнія экспедиціи сообщаютъ, что кергуэльская капуста встрѣчается во множествѣ по всему острову; Россъ собралъ незадолго до своего отъѣзда такое количество ея, что его команда питалась ею въ теченіе многихъ мѣсяцевъ. Въ настоящее время уже врядъ ли бы удалось это,—на всѣхъ мѣстахъ, доступныхъ кроликамъ, капуста истреблена совершенно и встрѣчается лишь на отвѣсныхъ скалистыхъ стѣнахъ или же на островкахъ, разбросанныхъ по бухтамъ.

Несмотря на то, что морскіе слоны были убиты только утромъ, вокругъ нихъ собрались уже тысячи птицъ и усердно работали вокругъ труповъ, выклевывая мясо и стараясь добраться до внутренностей. Это удавалось лишь гигантскимъ буревѣстникамъ (*Ossifraga gigantea*), вооруженнымъ огромными клювами и напоминавшимъ своимъ поведеніемъ грифовъ болѣе теплыхъ странъ. Они окружали трупы сотнями и наѣдались до того, что не были въ состояніи летѣть. Хищныя и доминиканскія чайки также носились густыми тучами около тѣхъ мѣстъ, гдѣ наши матросы были заняты сдираніемъ шкуръ. Между морскими слонами находился лишь одинъ молодой самецъ, еще не имѣвшій характерныхъ признаковъ старыхъ самцовъ, именно хоботообразнаго удлиненія носовой области. Періодъ размноженія морскихъ слоновъ приходится на сентябрь. По сообщенію наблюдателей, около сотни самокъ находится подъ покровительствомъ одного самца, который

по величинѣ, по крайней мѣрѣ, вдвое болѣе самки и достигаетъ въ длину 9—10 метровъ; при помощи своихъ могучихъ бивней онъ отражаетъ нападеніе другихъ соперниковъ. Во время такой борьбы эти огромныя животныя со страшнымъ ревомъ приподнимаются, выпускаютъ со свистомъ воздухъ черезъ свой хоботъ и своими бивнями наносятъ другъ другу сильныя раны. Послѣ періода спариванія все стадо разсѣивается, и самки лишь въ сентябрѣ собираются снова на сушу и родятъ здѣсь по одному дѣтенышу, который становится половозрѣлымъ лишь черезъ 6—8 лѣтъ. Въ декабрѣ онѣ появляются снова и въ это время чрезвычайно неподвижны, совершенно не принимаютъ никакой пищи и, забравшись въ свое логовище, претерпѣваютъ линьку. Дѣйствительно, желудки убитыхъ экземпляровъ были совершенно пусты. Въ прежнія времена описаніями Росса были привлечены на Кергуэльскіе острова многочисленные китоловы и тюленебои, которыми были здѣсь произведены между морскими слонами сильнѣйшія опустошенія—во время боя этихъ беззащитныхъ животныхъ не щадили и молодыхъ тюленей. Къ счастью, бой тюленей сдѣлался мало-по-малу невыгоднымъ, и посѣщенія Кергуэльскихъ острововъ прекратились. Командиръ судна «Эвра» сообщаетъ, что онъ встрѣтилъ лишь одного единственнаго капитана, который отправлялся на Кергуэльскіе острова для охоты за морскими слонами. За послѣднее время, повидимому, тамъ не было опять ни одного промысловаго судна, и, по всей вѣроятности, исключительно благодаря этому обстоятельству, мы снова нашли всѣ бухты наполненными тюленями, и за короткое время нашего пребыванія видѣли больше морскихъ слоновъ, чѣмъ прежнія экспедиціи въ теченіе многихъ мѣсяцевъ. Они находились не только тамъ, гдѣ наши офицеры встрѣтили стадо около 30 головъ, но и всюду, гдѣ въ бухтѣ Сенди-Ковъ имѣлись мѣста достаточно пологія, чтобы животныя могли выбраться на берегъ. Очень скоро мы перестали употреблять противъ этихъ беззащитныхъ тварей огнестрѣльное оружіе и убивали ихъ палками. Нерѣдко мы сидѣли около самыхъ морскихъ слоновъ, и они обращались въ бѣгство лишь въ томъ случаѣ, если матросы пугали ихъ, иначе же они со своими дѣтенышами оставались совершенно спокойными и, не стѣсняясь нашимъ присутствіемъ, позѣвывали и спали.

Когда они были не въ сонливомъ настроеніи, то лежали на боку и лишь слегка приподнимали голову, осматривая окрестности своими замѣчательно красивыми и полными выраженія глазами, или же съ такою граціею, на какую способенъ лишь морской слонъ, почесывали свою спину и бока переднимъ ластомъ.

Вечеромъ 28-го декабря работы по очисткѣ нашихъ котловъ были закончены, и на слѣдующій день въ 5 часовъ утра мы снялись съ якоря. Барометръ упалъ съ 760 мм. (ночью съ 27-го на 28-е декабря) на 741 мм.,—это предвѣщало перемѣну погоды, которая и сказалась, прежде всего, легкимъ сѣверо-восточнымъ вѣтромъ. Пока судно спокойно скользило по привѣтливымъ водамъ гавани Газели и проходило заливъ Фоундери, постепенно поднимался туманъ, который спустился на море ночью, и мы могли послать послѣднее прости снѣжнымъ вершинамъ полуострова Обсерваціи. Въ то же время впервые открылся видъ на блещущую вдали снѣгами гору Росса вышиною въ 1.860 метровъ,—это самая высокая вершина Кергуэльскихъ острововъ.

Погода была совершенно спокойная, и мы безъ помѣхи подняли съ глубины 88 метровъ два трала, которые дали намъ множество интересныхъ представителей знаменитой кергуэльской фауны. Въ ячеяхъ сѣти

виднѣлись кроваво-красные гигантскіе пикногоны, тогда какъ конецъ сѣти былъ совершенно наполненъ актиніями, морскими звѣздами, ежами, офіурами, красивыми червями, ракообразными и крупными скатами.

Описавъ широкую дугу, мы обошли полуостровъ Бисмарка и, миновавъ острова Гове и Свенъ, дошли въ три часа дня до бухты Рождества. Входъ въ нее видѣнъ уже издали, такъ какъ передъ нимъ виднѣются ворота изъ скалъ, къ которымъ примыкаютъ сперва сравнительно низкія, затѣмъ круто подымающіяся вверхъ стѣны, ограничивающія передній широкій бассейнъ и задній съуженный отдѣлъ его. Мрачно подымается на южной сторонѣ бухты гора Хаверъ-Галь очень неправильныхъ очертаній, тогда какъ сѣверная сторона замыкается столообразной горой, подымающейся террассами. Красотою пейзажа бухта Рождества значительно превосходитъ Гавань Газели и всѣ другія бухты Кэргуэльскихъ острововъ, но зато она представляетъ судамъ сравнительно лишь плохую защиту, и всѣ командиры судовъ, стоявшихъ тамъ на якорѣ, жалуются на внезапно врывающіеся западные вѣтры, которые способны сорвать судно съ якорей. При нашемъ приходѣ бухта была спокойна, и я рѣшился съ д-ромъ Фангоффеномъ съѣхать на берегъ, чтобы познакомиться съ выходами каменнаго угля на крутыхъ стѣнахъ, отходящихъ отъ скалистыхъ воротъ. Во время этой прогулки вдоль отвѣсныхъ обрывовъ скалъ мы любовались чрезвычайно живописными видами. Не менѣе 4 ручьевъ низвергается съ обрывовъ, превращаясь въ пыль; у подножія нагромождены обломки скалъ, оживляемыя тысячами пингвиновъ. Нигдѣ намъ не приходилось видѣть ихъ въ такомъ невѣроятномъ множествѣ, притомъ шумъ они подымали такой, какъ будто въ засѣданіи вѣнскаго парламента обсуждался вопросъ о государственномъ языкѣ! Къ сожалѣнію, намъ не удалось пристать къ берегу, вслѣдствіе слишкомъ сильнаго прибоя, но мы ясно видѣли темныя жилы угля, выходящія на отвѣсныхъ обрывахъ. Уголь этотъ, однако, плохого качества и мало пригоденъ для топлива; по сообщеніямъ китолововъ, въ прилежащихъ гаваняхъ выходятъ слои угля нѣсколько лучшаго качества. На обратномъ пути къ нашему пароходу, стоявшему на якорѣ въ глубинѣ бухты, мы имѣли возможность познакомиться съ неудобствами бухты Рождества: неоднократно подымался порывистый вѣтеръ, который разводилъ такую волну, что пѣна ея обдавала насъ съ головы до ногъ. Лишь послѣ двухчасовой усиленной гребли удалось намъ добраться до судна.

Между тѣмъ, другіе члены экспедиціи совершили экскурсію на плоскій берегъ во внутренней части бухты и, какъ только пристали къ берегу, натолкнулись на крупнаго самца морского леопарда (*Ogmorhinus leptonyx*), который, будучи гораздо болѣе подвижнымъ и пугливымъ, чѣмъ морскіе слоны, тотчасъ же обратился въ поспѣшное бѣгство къ водѣ, но былъ настигнутъ по дорогѣ пулею. Морскихъ слоновъ, которые цѣлыми стадами лежали около лужъ съ прѣсною водою, оставили въ покоѣ, если не считать того, что одинъ изъ офицеровъ попробовалъ, не годятся ли они для верховой ѣзды. Компанія наша натолкнулась также и на королевскихъ пингвиновъ и убила нѣсколько штукъ. Узнавъ объ этомъ, мы еще разъ съѣхали на берегъ, чтобы снять шкуру съ морского леопарда и доставить на судно пингвиновъ.

На берегу намъ представилось зрѣлище полное жизни. Несмотря на то, что морской леопардъ былъ только что убитъ, вокругъ него собрались уже цѣлыя стаи огромныхъ буревѣстниковъ и коричневыхъ

хищныхъ чаекъ. Отъ этихъ голодныхъ, нахальныхъ птицъ не было положительно никакого покоя; одна изъ чаекъ вырвала у меня изъ рукъ вырѣзанное сердце морского леопарда, другія старались разорвать двухъ изъ убитыхъ пингвиновъ, несмотря на то, что тѣ выказывали еще признаки жизни. Между тѣмъ морскіе слоны совершенно не обращали вниманія на все происходившее вокругъ нихъ и спокойно лежали въ своихъ логовищахъ, окруженные пингвинами-осликами (*Pygocelis taeniata*) и цѣлой стаей королевскихъ пингвиновъ (*Aptenodytes longirostis*), достигающихъ 1 метра въ высоту. Пингвины эти—красивѣйшія между всѣми птицами антарктической области,—бѣлоснѣжное брюхо ихъ окаймлено ниже шеи ожерельемъ золотисто-желтыхъ перьевъ, тогда какъ спина, плавники и голова, снабженная длиннымъ и сильнымъ клювомъ,—сѣры. Они какъ будто чувствуютъ превосходство своей породы, и всѣ движенія ихъ исполнены сознанія своего достоинства. Тогда какъ хохлатые пингвины постоянно прыгаютъ и суетятся, королевскіе двигаются медленно и величественно, переставляя одну ногу за другой; съ самодовольнымъ видомъ расправляютъ они перышки на спинѣ или на отрощенномъ брюшкѣ и отъ времени до времени поднимаютъ свой клювъ кверху и испускаютъ по направленію къ небу хриплое карканье. Чаще всего, однако, они стоятъ со втянутой шеей и направленной косо вверхъ головою, какъ философы разсуждающіе о нирванѣ,—отъ жиру они повидимому задыхаются и терпѣливо ожидаютъ когда перемѣняются у нихъ перья—это было какъ разъ время линьки. Я не могъ отказать себѣ въ удовольствіи погнать все стадо къ берегу. Когда они пришли въ движеніе, казалось, что кучка почтенныхъ пасторовъ направляется въ залу своего собранія, или ректоры духовныхъ школъ, въ полномъ облаченіи и проникнутые собственнымъ достоинствомъ, идутъ на совѣщаніе. Когда я пробовалъ ихъ гнать поскорѣе, они старались доказать мнѣ ударами клювовъ и ластовъ, что такъ не полагается обращаться съ королевскими птицами; если же я останавливался, то вся компанія, очевидно въ полномъ изнеможеніи, останавливалась также и затѣмъ приводилась въ движеніе лишь съ большимъ трудомъ. Когда же мнѣ вздумалось запѣть «аллилуія», они всѣ вытянули шеи и, подтягивая мнѣ своими хриплыми «кре-кре-кре-кре», снова отправились въ путь. Подъ такой веселый аккомпаниментъ мы прибыли, наконецъ, черезъ полчаса къ лодкѣ. Матросы, которые выказали мало уваженія къ королевскому достоинству и схватили 4 самыхъ крупныхъ птицъ, чтобы доставить ихъ вмѣстѣ съ двумя пингвинами-осликами живыми на судно, подверглись такимъ отчаяннымъ ударамъ клювомъ и ластами, что врядъ ли они рѣшатся второй разъ на подобное покушеніе!

Въ 8 часовъ вечера мы подняли якорь и, кинувъ прощальный взоръ на живописныя стѣны бухты Рождества, усѣянныя футляроносами и сотнями тысячъ крикливыхъ пингвиновъ, направили нашъ путь на сѣверъ къ острову св. Павла.

Мы покинули своеобразную группу острововъ, которая навсегда останется у меня въ памяти, какъ настоящая страна обѣтованная для натуралиста. Когда возникли эти острова и какимъ способомъ получили они свою оригинальную фауну и флору?—вотъ вопросы, надъ которыми работали натуралисты съ самаго времени открытія Кергуэльскихъ острововъ.

Первоначально существовало предположеніе, что ранѣе въ антарк-

тической области находился огромный материкъ, который позднѣе погрузился въ море и оставилъ послѣ себя лишь немного слѣдовъ своего существованія въ видѣ сильно разбросанныхъ группъ островов. Это предположеніе являлось и причиною того, что до нашей экспедиціи антарктическій океанъ считался относительно мелководнымъ. Добытые нами факты присутствія большихъ глубинъ въ антарктическомъ морѣ отняли всякую почву у этой теоріи, по которой между Южной Америкой, Фалькландскими островами и болѣе южными группами антарктическихъ острововъ, съ одной стороны, и Кергуэльскими островами, съ другой, существовала ранѣе прямая связь, въ видѣ соединявшаго ихъ материка.

Итакъ, изъ очень глубокаго моря выдаются лишь отдѣльные вулканическіе острова, какими являются островъ Бувэ, острова Маріонскіе и Крозэ, Кергуэльскіе острова и островъ Хэрдъ. Доказано лишь, что обѣ послѣднія группы образуютъ одно цѣлое, такъ какъ онѣ соединяются сравнительно мелководнымъ плато, гдѣ глубина въ среднемъ около 200—300 метровъ. Какъ показали наши промѣры, по направленію къ западу глубины быстро падаютъ, и начинается настоящее глубокое море. Повидимому, и Маріонскіе острова, и острова Крозэ связаны съ Кергуэльскими подводнымъ хребтомъ, существованіе котораго, впрочемъ, не доказано пока достаточно точно промѣрами. Существовало ли, однако, соединеніе съ Южной Африкой—очень сомнительно, такъ какъ между названными группами острововъ и континентомъ снова встрѣчаются значительныя глубины. Лишь точное геологическое изслѣдованіе Кергуэльскихъ острововъ, которое обѣщаетъ массу интереснѣйшихъ открытій, могло бы рѣшить вопросъ—въ какой геологическій періодъ поднялись эти острова надъ уровнемъ моря. За исключеніемъ пропитанныхъ кремнеземомъ кусковъ дерева, мы не имѣемъ съ нихъ пока никакихъ окаменѣлостей, но, судя по сообщеніямъ китолововъ, таковыя могутъ быть найдены тамъ. Штудеръ предполагаетъ, что эти острова, какъ и многія другія группы базальтовыхъ острововъ, поднялись въ началѣ третичной эпохи, и мы далѣе будемъ еще имѣть случай обратить вниманіе читателей на одно обстоятельство, которое, повидимому, подтверждаетъ это предположеніе.

Если мы обратимся теперь къ флорѣ и фаунѣ острововъ, то должны еще предварительно замѣтить, что послѣ поднятія острововъ надъ уровнемъ моря они, вѣроятно, претерпѣли опять нѣкоторое опусканіе. Отдѣльные хребты ихъ выдаются надъ водою и образуютъ теперь лабиринтъ мелкихъ и крупныхъ острововъ и отчасти полуострововъ, связанныхъ узкими косами съ главнымъ островомъ, что мы замѣчаемъ на восточномъ берегу послѣдняго. Въ прежнія долины ворвалось море и образовало тѣ глубоко врѣзывающіеся фіорды, которые придаютъ островамъ такую характерную физіономію. Гипотеза такого опусканія подкрѣпляется тѣмъ обстоятельствомъ, что до сихъ поръ не было еще доказано нахожденія на островахъ береговыхъ линій, указывающихъ на поднятіе ихъ. Что касается до отступанія глетчеровъ, то оно врядъ ли можетъ служить доказательствомъ въ пользу опусканія острововъ,—болѣе вѣроятно, что оно обусловливалось наступленіемъ со времени ледниковаго періода болѣе теплаго климата. Такое измѣненіе климата, какъ было уже нами выше указано, подтверждается нахожденіемъ типичныхъ антарктическихъ организмовъ на Агуласской банкѣ, омываемой теплымъ теченіемъ. Далѣе мы должны принять въ соображеніе, что Кэргуэльскіе острова были ранѣе покрыты лѣсами, какъ это наблю-

дается теперь, напримѣръ, въ южной Патагоніи и на Фалькландскихъ островахъ, гдѣ произрастаютъ превосходные буковые лѣса. Средняя годовая температура здѣсь 4° С. и, какъ на всѣхъ океаническихъ островахъ, колеблется въ незначительныхъ границахъ, такъ что, надо думать, нѣтъ никакихъ препятствій къ произрастанію лѣсовъ на склонахъ, защищенныхъ отъ бурныхъ западныхъ вѣтровъ. Въ настоящее время, однако, деревья и кустарники отсутствуютъ на Кергуэльскихъ островахъ совершенно.

Что касается высшихъ растеній, то они отчасти выказываютъ близкое родство съ растительностью Огненной Земли. Въ особенности это можно сказать относительно видовъ лютиковъ, одной изъ гвоздикъ (Colobanthus), розоцвѣтнаго Acaena и обоихъ видовъ злаковъ. Пять видовъ растеній даже тождественны съ растеніями Огненной Земли, и къ нимъ относится и придающая столь характерный видъ островамъ Azorella selago. Одинъ изъ родовъ растеній, свойственный исключительно Кергуэльскимъ островамъ, выказываетъ, однако, связь съ далекимъ западомъ—это Lyallia Kerguelensis, ближайшіе родственники которой извѣстны съ Андовъ. Съ другой стороны, встрѣчаются виды, которые появляются снова на далекомъ востокѣ,—между ними особенно замѣчательно сложноцвѣтное *Cotula*, которое неизвѣстно на Огненной Землѣ, но было найдено на Аукленскихъ островахъ, лежащихъ на югъ отъ Новой Зеландіи. Всѣ эти виды имѣютъ отношенія, съ одной стороны. къ западу, съ другой—къ востоку; существуетъ, однако, и такое растеніе, которое свойственно исключительно Кергуэльскимъ островамъ, острову Хэрда и островамъ Маріонскимъ и Крозэ—это кергуэльская капуста (*Pringlea*). Существованіе явнобрачнаго растенія, къ тому же столь своеобразнаго, позволяетъ намъ съ полною справедливостью заключить, что группа Кергуэльскихъ острововъ съ начала третичнаго періода, когда началось образованіе цвѣтковыхъ растеній, занимала изолированное положеніе. Не будемъ разбирать далѣе выводовъ, къ которымъ приводитъ разсмотрѣніе тайнобрачныхъ,—большинство ихъ выказываетъ опять таки связь съ южной оконечностью Америки. Невольно, уже при самомъ поверхностномъ разсмотрѣніи флористическихъ особенностей Кергуэльскихъ острововъ, приходится заключить, что немногочисленныя формы высшихъ растеній были получены островами при содѣйствіи господствующихъ западныхъ вѣтровъ, преимущественно съ Огненной Земли. Они пробыли, однако, такъ долго въ изолированномъ состояніи, что образовали новые своеобразные мѣстные роды, изъ которыхъ одинъ, именно *Cotula*, опять-таки подъ вліяніемъ западныхъ вѣтровъ, распространился далѣе, до Аукленскихъ острововъ.

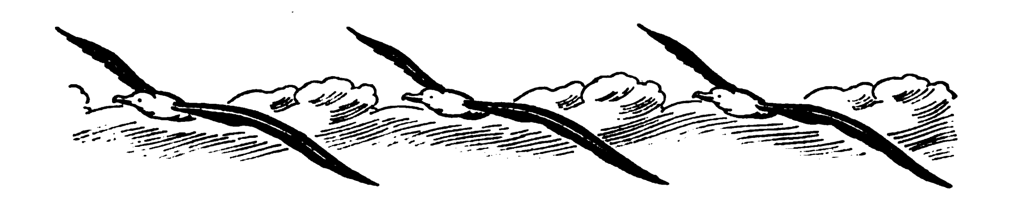
Такимъ же точно образомъ и зоологи не могутъ уже въ настоящее время прибѣгать для объясненія особенностей фауны Кергуэльскихъ острововъ къ гипотезѣ существованія антарктическаго материка,—имъ также приходится выяснять способы, какими, подъ вліяніемъ западныхъ вѣтровъ, эти острова были заселены характерными для нихъ формами. Что касается до плавающихъ птицъ, то, конечно не можетъ явиться никакихъ затрудненій въ объясненіи ихъ появленія. Кому приходилось собственными глазами видѣть, какъ неспособные къ полету пингвины избираютъ для своего передвиженія ледяныя горы, и какъ альбатросы, буревѣстники и буревыя ласточки сопровождаютъ судно чуть не черезъ все антарктическое море,—того не удивитъ широкое распространеніе этихъ формъ по всей антаркти-

ческой области. Изъ наземныхъ птицъ на островахъ имѣется лишь футляроносъ, котораго ближайшіе родственники находятся опять на антарктическихъ островахъ южно-американской области.

Что Кергуэльскіе острова заселены также насѣкомыми,—въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, но безкрылость ихъ указываетъ, во всякомъ случаѣ, на продолжительный процессъ естественной эволюціи. Въ данномъ случаѣ вырожденіе крыльевъ является приспособленіемъ къ существованію въ мѣстности, посѣщаемой сильнѣйшими бурями; интересно, что на Фальклендскихъ островахъ виды мухъ еще снабжены хорошо развитыми крыльями. Нахожденіе жуковъ слониковъ было поставлено еще Штудеромъ совершенно справедливо въ связь съ существованіемъ прежде лѣсного покрова. Труднѣе выяснить какими способами переселенія пользовалась единственная наземная улитка (*Helix Hookeri*) и дождевой червь Кергуэльскихъ острововъ. Однако и въ этомъ случаѣ надо принять во вниманіе, что родъ *Acanthodrilus*, къ которому относится дождевой червь, свойственъ южной области, и что ближайшіе родственники улитки имѣются въ Южной Африкѣ и на Огненной Землѣ.

Королевскіе пингвины (*Aptenodytes longirostris*).

ГЛАВА XII.

Новый годъ.—О. св. Павла.—О. Новый Амстердамъ.—Смерть д-ра Бахманна.—Работы у Кокосовыхъ острововъ.

Послѣ того, какъ мы вечеромъ 29-го декабря покинули бухту Рождества и потеряли изъ вида Кергуэльскіе острова, поднялась бурная погода, и побѣжали высокія волны отъ запада и сѣверо-запада. Судно наше претерпѣвало сильнѣйшую качку, вѣтеръ постепенно крѣпчалъ и достигъ къ полудню 30-го декабря 10 балловъ. Во время этой бури съ запада, барометръ поднимался и въ теченіе 12-ти часовъ поднялся болѣе чѣмъ на 20 мм., достигнувъ вечеромъ 30-го декабря 760 мм., тогда какъ въ бухтѣ Рождества онъ стоялъ на 735 мм. При этомъ замѣчалось повышеніе температуры воздуха, несмотря на то, что солнце лишь время отъ времени прорывало облака и освѣщало зеленоватое море и огромныя волны.

Тучи черныхъ буревѣстниковъ (*Majaqueus*) вмѣстѣ съ многочисленными альбатросами (*Diomedea melanophrys* и *D. exulans*) сопровождали насъ. Наши королевскіе пингвины были посажены въ клѣтку около штирборта, и, наблюдая за ними, мы прежде всего были поражены тою ловкостью, съ какою они балансировали при сильной качкѣ судна. Между собою они такъ несносно ссорились, что толстую самку, которая была вся истерзана сильными ударами клювовъ самцовъ мы захлороформировали и отдали препаратору снять съ нея шкурку; при этомъ оказалось, что она какъ разъ начинала линять. Трехъ остальныхъ пингвиновъ мы должны были раздѣлить перегородками, такъ какъ они постоянно надѣляли другъ друга сильнѣйшими ударами клюва и притомъ кричали, какъ гуси. Отъ клювовъ ихъ попадало и посѣтителямъ, если они подходили слишкомъ близко, но мало-по-малу птицы все же привыкали къ людямъ и чувствовали себя особенно хорошо, когда ихъ отъ времени до времени обливали водою. Прѣсную воду они глотали съ явнымъ удовольствіемъ, отъ другой же пищи отказывались. Положимъ, они были настолько жирны, что, очевидно, могли перенести періодъ линьки, не принимая пищи. Весь день они занимались тѣмъ, что приводили въ порядокъ свое опереніе, особенно много имъ было дѣла, когда ихъ поливали водою,—они вытягивали тогда шею, обтряхивали свое тѣло, поколачивали ластами и тщательно распрямляли перья на спинѣ и брюхѣ своимъ длиннымъ клювомъ, которымъ они могутъ добраться всюду.

31-го декабря западный вѣтеръ развелъ такое сильное волненіе,

что около 10-ти часовъ утра мы были принуждены повернуть носомъ противъ вѣтра и держаться противъ волны. О какихъ-либо работахъ нечего было и думать, но все же наши измѣренія температуры поверхности показали, что, подобно тому, какъ раньше, при приближеніи къ острову Бувэ, такъ и теперь при вступленіи въ болѣе теплыя области, подъ 45° юж. шир. наблюдались тѣ же замѣчательные скачки температуры, о которыхъ было уже говорено выше. Грязновато-зеленая вода, имѣвшая температуру въ 4—4,5°, чередовалась временами съ чисто голубыми полосами теплой воды въ 7, 6—9,4° С. Одновременно оказалось, когда мы подняли съ большимъ трудомъ пробу поверхностнаго планктона, что составъ микроскопическихъ организмовъ совершенно измѣнился: діатомовыя водоросли, преобладающія въ холодной водѣ, казались отмершими или разложившимися, тогда какъ, съ другой стороны, типичныя для теплой воды цератіи получили перевѣсъ. Характерныя холодноводныя формы, именно виды *Chaetoceras* и *Fragilaria* совершенно отсутствовали, и вмѣстѣ съ ними исчезли и встрѣчавшіяся въ области Кергуэльскихъ острововъ въ такомъ огромномъ количествѣ шарообразныя водоросли.

Наступающій Новый Годъ намъ пришлось опять встрѣчать въ бурѣ. Судно наше съ большимъ трудомъ боролось съ волнами, когда ровно въ 12 часовъ разнесся по безконечной шири водной стихіи звукъ нашего парового свистка, возвѣщавшій наступленіе Новаго Года.

1-го января 1899 года мы приблизились къ области максимальнаго атмосфернаго давленія, которое характеризуетъ эту часть Индійскаго океана между 38° и 34° юж шир. Барометръ стоялъ высоко и около наступленія Новаго Года показывалъ давленіе въ 768 мм. Затѣмъ онъ понемногу опять началъ падать и, въ соотвѣтствіи съ тѣмъ, въ теченіе сутокъ вѣтеръ сталъ поворачивать обратно движенію часовой стрѣлки,—онъ перешелъ съ западнаго на южный и сѣверный и, наконецъ, снова на западный, который принесъ съ собою пасмурную погоду, дождь и на ночь 2-го января густой туманъ. Тѣмъ не менѣе, намъ удалось какъ 1-го января, такъ и на слѣдующій день, благодаря умѣлому управленію судномъ, произвести два промѣра, которые указали глубины въ 3.436 и 3.296 метровъ. Пробы грунта показывали, что здѣсь уже нѣтъ характернаго для антарктической области бѣлаго діатомоваго ила, а имѣется желтоватый глобигериновый илъ. Температура дна на этихъ глубинахъ достигала 1,4°, тогда какъ на поверхности вода была уже нагрѣта до 12,5°—13,5°. Такъ какъ температура воздуха почти вполнѣ соотвѣтствовала температурѣ поверхности, то намъ вскорѣ пришлось облачиться въ болѣе легкія платья.

Во время произведенія промѣровъ показалось стадо изъ 20 китовъ гриндвалей,—это также доказывало, что мы вступили въ болѣе теплую область моря—уже въ теченіе многихъ недѣль намъ не приходилось видѣть фонтановъ, испускаемыхъ китами.

Вечеромъ 2-го января, послѣ нѣсколькихъ сильныхъ порывовъ, сѣверный вѣтеръ перемѣнился на западо-юго-западный и значительно ослабѣлъ; уменьшилось и волненіе.

Мы перешли уже за 40-ую параллель и, благодаря затянутому въ теченіе трехъ дней небу, не могли произвести астрономическаго наблюденія, такъ что находились въ сомнѣніи, правильно ли держимъ взятое направленіе на островъ св. Павла, тѣмъ болѣе, что два раза мѣняли курсъ, поворачивая противъ волны. Тѣмъ не менѣе, уже раннимъ утромъ 3-го января зоркій глазъ нашего капитана замѣтилъ на го-

ризонтѣ этотъ уединенно лежащій вулканическій островъ. Съ разсвѣтомъ небо прояснилось, и волненіе улеглось. Около 8-ми часовъ загремѣли наши якорныя цѣпи около входа во внутреннюю лагуну кратера, и мы отправились на берегъ, чтобы познакомиться съ этимъ островомъ, лежащимъ посреди Индійскаго океана въ 3.150 морскихъ миль отъ мыса Доброй Надежды и отъ береговъ Австраліи. Островъ св. Павла былъ такъ наименованъ знаменитымъ Ванъ-Дименомъ, который прошелъ между нимъ и островомъ Новымъ Амстердамомъ 17-го іюля 1633 г.; съ того времени островъ этотъ посѣщался многочислеными судами и многими научными экспедиціями; особенно долгое время пробыла здѣсь австрійская экспедиція «Навара», которая провела въ астрономическихъ, магнетическихъ и геологическихъ наблюденіяхъ время съ 19-го ноября по 6-е декабря 1857 г. Исторія открытія и природа этого острова была сдѣлана доступной болѣе широкому кругу читателей привлекательнымъ описаніемъ вышедшимъ изъ - подъ пера К. Фонъ-Шерцера. Мы провели здѣсь лишь нѣсколько часовъ, и потому описаніе наше будетъ коротко.

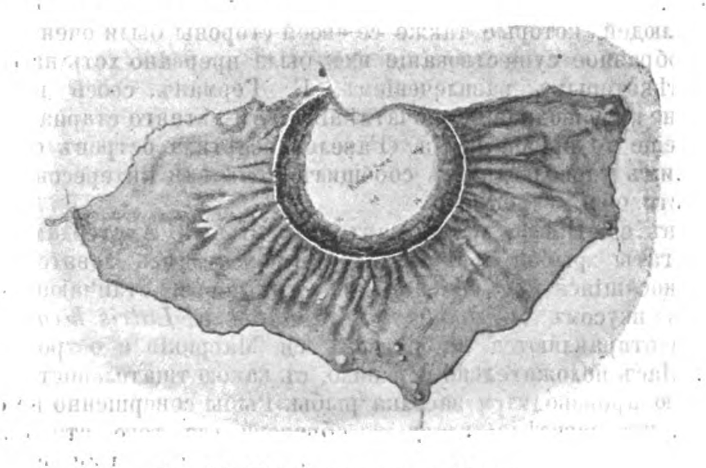

Рис. 50. Планъ острова св. Павла.

Островъ св. Павла походитъ по формѣ на подкову, отверстіе которой обращено къ сѣверо-востоку. Онъ образуется вулканомъ, около одной трети конуса котораго погрузилась на восточной сторонѣ въ море, за исключеніемъ небольшого остатка извѣстнаго подъ названіемъ Нинепинъ-Рокъ. Здѣсь открывается доступъ въ обширный кратеръ, сообщающійся съ моремъ.

Если смотрѣть съ восточной стороны, островъ кажется обширнымъ амфитеатромъ, въ который ведетъ лишь узкій проходъ. Мелководный барьеръ преграждаетъ доступъ въ глубокій бассейнъ, который со всѣхъ сторонъ окруженъ круто падающими и достигающими 271 метра въ вышину стѣнами. Виллемъ-де-Фламингъ нашелъ этотъ барьеръ, при своемъ посѣщеніи въ 1697 г., еще выступающимъ надъ водою,— лишь позднѣе напоръ волнъ прорвалъ его середину и образовалъ проходъ, къ сожалѣнію не достаточно глубокій, чтобы могли входить большія суда. Надежда, что когда-нибудь здѣсь будетъ устроена гавань, которая доставитъ возможность судамъ, идущимъ въ Остъ-Индію и Австралію, спасаться отъ свирѣпствующихъ въ этой части моря

бурь, врядъ ли когда-нибудь осуществится,—тому препятствуютъ не только значительность издержекъ, связанныхъ съ устройствомъ канала въ этомъ барьерѣ, но и то обстоятельство, что бассейнъ кратера защищаетъ далеко не отъ всякаго вѣтра. Именно, какъ сообщаетъ «Эвра»,—судно, присоединившее этотъ островъ къ французскимъ владѣніямъ и устроившее здѣсь провіантскій складъ,—югозападные вѣтры развиваютъ такой вихрь въ этомъ воронкообразномъ кратерѣ, что отъ выбрасыванія на берегъ могутъ предохранить лишь самые сильные якоря и цѣпи. Когда мы приблизились къ острову, мы замѣтили, что на сѣверномъ концѣ барьера кто-то машетъ французскимъ флагомъ. Вскорѣ мы разглядѣли нѣсколько человѣкъ, которые встрѣтили насъ, когда мы высадились, со свойственною французамъ любезностью и предупредительностью. Это былъ рыбопромышленникъ Германъ съ островов Товарищества, который вмѣстѣ со своимъ сыномъ и командой изъ 20 негровъ и малайцевъ занимается здѣсь рыболовствомъ. Рыболовная двухмачтовая шхуна стояла внутри кратера, недалеко отъ очень просто устроенныхъ каменныхъ домиковъ, въ которыхъ жили рыболовы. Впервые послѣ двухъ мѣсяцевъ мы встрѣтили опять постороннихъ людей, которые также со своей стороны были очень довольны, что однообразное существованіе ихъ было прервано хоть на нѣсколько часовъ нѣкоторымъ развлеченіемъ. Г. Германъ, своей внѣшностью совсѣмъ не производившій впечатлѣнія 70-ти-лѣтняго старца, прекрасно помнилъ еще то время, когда «Газель» посѣтила островъ св. Павла, и съ большимъ удовольствіемъ сообщилъ намъ всѣ интересовавшія насъ подробности объ островѣ.

Островъ св. Павла, также какъ и о. Новый Амстердамъ, чрезвычайно богаты рыбой. Главнымъ образомъ здѣсь ловятся крупныя рыбы, относящіяся къ семейству *Cirrithidae* и отличающіяся очень хорошимъ вкусомъ (*Chilodactylus fasciatus* и *Latris hecataria*); онѣ солятся и отправляются на островъ св. Маврикія и острова Товарищества. Насъ положительно поразило, съ какою тщательностью и чистоплотностью производится засолка рыбы. Рыбы совершенно не обладали запахомъ, что зависѣло, главнымъ образомъ, отъ того, что черезъ два дня послѣ засаливанія онѣ подвергались прессованію, чтобы извлечь весь жиръ. Хотя, по сообщенію г. Германа, какъ разъ во время нашего посѣщенія наступилило время, несмотря на хорошую погоду, неблагопріятное для рыбной ловли, командѣ нашей все же удалось въ короткое время добыть съ борта корабля на крючокъ большое количество очень вкусныхъ рыбъ. Внутри бассейна кратера наши рыбаки добыли множество превосходныхъ лангустовъ, которые понравились рѣшительно всѣмъ изъ нашей каютъ-компаніи. Колонисты острова св. Павла также снабдили насъ большимъ количествомъ свѣжей рыбы и лангустовъ (*Palinurus Lalandei*) и, въ свою очередь, приняли съ большою благодарностью отъ насъ сигары, табакъ и красное вино. Можно было подумать, что мы перенеслись въ отдаленныя времена мѣновой торговли, когда продаваемый товаръ въ глазахъ продавца не имѣлъ никакой цѣны, но зато тѣмъ болѣе цѣненъ для него былъ товаръ вымѣниваемый.

У берега моря, какъ на сѣверномъ концѣ барьера, такъ и въ пяти минутахъ ходьбы оттуда, на берегу кратера встрѣчаются въ качествѣ свидѣтелей неисчезнувшей еще вулканической дѣятельности теплые ключи, въ которыхъ обитатели острова варятъ свою рыбу и раковъ. Насъ поразило, что, несмотря на высокую температуру, камни

водоемовъ, заключавшихъ горячую воду, были покрыты зелеными водорослями. Въ береговой полосѣ обильно разрастались красныя водоросли, тогда какъ передъ входомъ въ кратеръ виднѣлась широкая полоса фукусовъ.

Довольно грустное настроеніе навѣваетъ цѣлый рядъ могилъ, находящихся за барьеромъ,—надписи на нихъ уже большею частью стерты. Въ одной изъ нихъ похороненъ матросъ французской экспедиціи, посланной для наблюденія прохожденія Венеры. Рядъ могилъ англійскаго брига, потерпѣвшаго крушеніе около барьера, свидѣтельствуетъ о томъ, что приближаться къ острову въ бурную погоду не безопасно.

Растительность острова св. Павла въ общемъ мало характерна: кустарниковъ и деревьевъ нѣтъ совершенно, но зато стѣны амфитеатра покрыты высокими кустами травы (*Poa Novarae* и *Scirpius nodosus*), за которые легко держаться, когда забираешься наверхъ. Между этими злаками разстилается коверъ изъ мховъ и печеночницъ, и между ними бросается въ глаза распространенная по всему свѣту старая знакомая *Marchantia polimorpha*. Ближе къ краю кратера встрѣчаются папоротники, именно *Blechnum boreale*, одинъ изъ плауновъ (*Lycopodium cernuum*) и водящаяся также на Кергуэльскихъ островахъ, *Lomaria alpina*, а между ними попадаются и цвѣтковыя растенія.

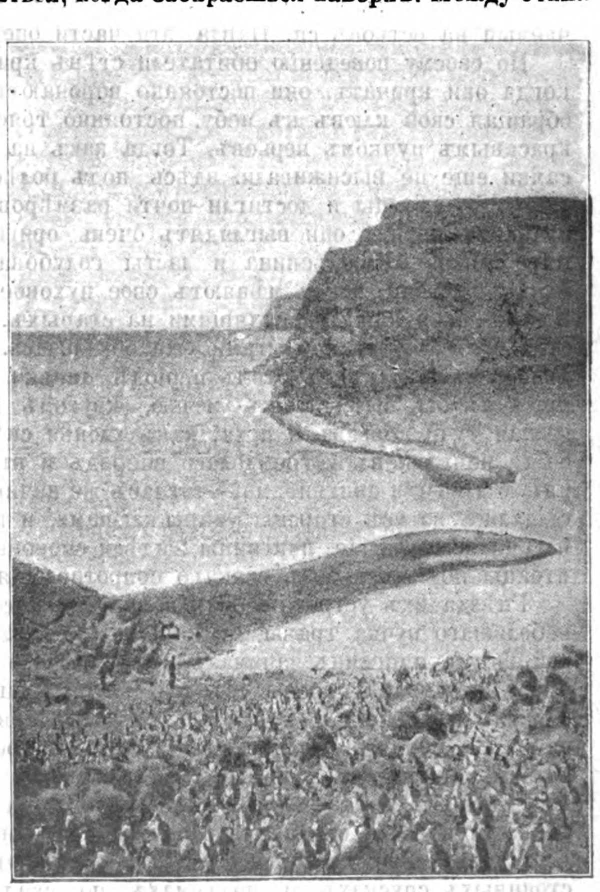

Рис. 51. Видъ на входъ въ внутреннюю лагуну о. Св. Павла.

Съ вершины кратера открывается видъ, поражающій своимъ величіемъ и врядъ ли имѣющій гдѣ-либо себѣ равный. Отвѣсно спускаются стѣны амфитеатра къ гладкому, какъ зеркало, и спокойному бассейну внутри его. Стѣны эти зеленоваты, благодаря присутствію высокихъ пучковъ травы, и лишь кое-гдѣ проглядываютъ сѣрые или красноватые слои золы, базальта и лавы. Обрывъ такъ крутъ, что, кажется, можно докинуть камнемъ до стоящей въ кратерѣ шкуны или до крышъ четырехъ домиковъ, пріютившихся у бухты. Несмотря на то, что море спокойно, длинныя волны прибоя все же не-

прерывно разбиваются о барьеръ, и вулканическія скалы опоясываютъ островъ каймою бѣлой пѣны. Подъ ногами разстилается безконечное пространство Индійскаго океана, и взоръ находитъ себѣ точку опору лишь въ нашемъ красивомъ суднѣ, стоящемъ на якорѣ (рис. 51).

Когда поднимаешься на стѣны кратера, цѣпляясь за траву, и доберешься примѣрно до середины, то не мало поражаетъ поднимающійся многоголосый крикъ. Взобравшись выше, встрѣчаешь огромное, пестрое общество пингвиновъ. Своей окраской и величиною они походятъ на хохлатыхъ пингвиновъ Кергуэльскихъ острововъ, но отличаются отъ нихъ болѣе длинными золотисто-желтыми пучками перьевъ на головѣ; при болѣе внимательномъ разсмотрѣніи замѣчаются и другія отличія, изъ которыхъ укажемъ лишь на одинъ,—именно у *Eudyptes chrysocome* Кергуэльскихъ острововъ уголъ рта и край нижней части клюва не покрытъ перьями и представляетъ изъ себя мясо-красную полосу, тогда какъ у *Eud. chrysolophus*, какъ былъ названъ видъ, встрѣчаемый на островѣ св. Павла, эти части оперены.

По своему поведенію обитатели стѣнъ кратера также отличаются—когда они кричатъ, они постоянно ворочаютъ шею во всѣ стороны и, обращая свой клювъ къ небу, постоянно трясутъ головою, украшенной красивымъ пучкомъ перьевъ. Тогда какъ на Кергуэльскихъ островахъ самки еще не высиживали, здѣсь, подъ болѣе теплымъ небомъ, вывелись уже птенцы и достигли почти размѣровъ взрослыхъ. Въ своемъ пуховомъ нарядѣ они выглядятъ очень оригинально и красиво; брюхо ихъ снѣжно-бѣлое, спина и ласты голубовато-сѣрые. Еще забавнѣе выглядятъ они, когда мѣняютъ свое пуховое опереніе: вырастающія новыя перья кажутся сидящими на старыхъ, какъ на толстой пушистой шубѣ, которая мѣстами уже обвалилась. Тысячи птенцовъ находились какъ разъ въ этомъ періодѣ линьки и производили впечатлѣніе какъ бы выѣденныхъ молью, кругомъ нихъ летали въ воздухѣ цѣлыя тучи перьевъ и пуха, какъ хлопья снѣга. Нерѣдко цѣлая компанія пингвиновъ устремлялась впередъ и вторгалась въ область, занятую другими пингвинами,—тотчасъ же начинался неописуемый крикъ, сыпались во всѣ стороны удары клювами, и непрошенные гости снова изгонялись. Другіе пингвины сидѣли спокойно по своимъ мѣстамъ, и птенцы позволяли безъ всякаго сопротивленія брать себя въ руки.

Гнѣзда ихъ устроены безъ всякаго искусства,—они состоятъ изъ небольшаго пучка травы, служащаго подстилкой. Нерѣдко одинъ какой-нибудь пингвинъ занималъ чужое гнѣздо и вызывалъ тамъ цѣлую бурю негодованія среди сосѣдей,—птицы энергично трясли пучками перьевъ на головѣ и, поднявъ свой клювъ вверхъ, посылали жалобы небу. Въ общемъ, должно замѣтить, что пребываніе среди обширной колоніи пингвиновъ, гдѣ вся почва покрыта пометомъ и выплюнутыми изъ клювовъ остатками головоногихъ и другой пищи, далеко не особенно пріятно, и органамъ обонянія приходится сильно страдать.

Удивительно, какъ много труда затрачиваютъ пингвины при постоянныхъ спускахъ и подъемахъ по скаламъ. Явственно замѣтны тропинки, протоптанныя ими въ теченіе столѣтій,—по нимъ они спускаются съ высоты къ морскому берегу противъ скалы Нинепинъ-Рокъ и затѣмъ опять поднимаются наверхъ, съ большимъ трудомъ неся добычу въ зобу. Птенцы были чрезвычайно жирны, такъ что мы невольно прониклись уваженіемъ къ заботамъ старшихъ пингвиновъ, которые все время то спускаются съ горы, то поднимаются и приносятъ своимъ птенцамъ пищу. При кормленіи птенцовъ они держатся

далеко одинъ отъ другого и всегда соблюдаютъ, чтобы не толкаясь около чужіе птенцы.

Рыбаки не ѣдятъ ни яицъ пингвиновъ, ни ихъ мяса, тѣмъ болѣе, что имъ доставляютъ достаточно мясныхъ продуктовъ выпущенные на островъ и одичавшіе кролики. Съ другой стороны, козы, которыхъ выпустила экспедиція «Новара», не развелись здѣсь, а различные виды овощей были истреблены кроликами.

Какъ ни живописенъ видъ съ вулкана острова св. Павла, все же нельзя особенно позавидовать постояннымъ обитателямъ этого островка, имѣющаго лишь 3 морскія мили въ діаметрѣ. Здѣсь нѣтъ ни одного деревца, дающаго тѣнь, ни одного журчащаго ручья,—въ теченіе южной зимы здѣсь завываютъ бури, образуютъ вихрь внутри вулканической воронки и разводятъ страшную волну въ бассейнѣ кратера. По цѣлымъ днямъ приходится сидѣть обитателямъ въ своихъ каменныхъ лачугахъ, у которыхъ вѣтеръ нерѣдко срываетъ крыши, и ничто не нарушаетъ однообразія ихъ существованія. Бассейнъ кратера не доступенъ для крупныхъ судовъ, добываніе прѣсной воды здѣсь затруднительно, и потому суда, направляющіяся въ Австралію или въ Остъ-Индію, не заходятъ на островъ св. Павла. Единственное развлеченіе для постоянныхъ жителей острова—это, когда вдали покажется парусъ или дымокъ парохода, и, какъ свѣтлыя точки, сохраняются въ ихъ памяти среди однообразнаго фона повседневной жизни посѣщенія судовъ научныхъ экспедицій.

Въ 2 часа пополудни мы подняли якорь, прошли нѣсколько морскихъ миль въ восточномъ направленіи, и когда затѣмъ лотъ показалъ глубину 672 метра, попытались спустить тралъ. Что мы находились надъ опаснымъ грунтомъ, показывало уже отсутствіе грунта въ лотовой трубкѣ, которая, очевидно, ударилась о скалу. Вскорѣ динамометръ указалъ значительное давленіе, свидѣтельствовавшее о томъ, что тралъ нашъ застрялъ. Мы имѣли все-таки возможность поднять его, но наверхъ онъ пришелъ въ очень грустномъ состояніи: не хватало половины желѣзной рамы, были потеряны оба желѣзныхъ груза, привязанныхъ къ концу сѣти, и мѣшокъ висѣлъ весь въ клочьяхъ. Несмотря на то, мы получили все же довольно обильную добычу. Повидимому, дно у острова св. Павла покрыто цѣлымъ лѣсомъ кораллокъ, къ которымъ присоединяются роговые кораллы и морскія перья изъ рода *Anthoptilum*. Синеватый стержень ихъ покрытъ бѣлыми полипами, глотка и выросты желудка которыхъ просвѣчиваютъ въ видѣ мясо-красныхъ пятенъ. Кромѣ этихъ животныхъ, въ разорванномъ мѣшкѣ нашлись еще гидроидные полипы, кремневыя губки, плеченогія, черви и сидящія на кораллахъ мясо-красныя актиніи.

Ночь была ясная и звѣздная, при совершенно спокойной погодѣ, и мы остановились въ виду строва Новаго Амстердама, такъ какъ предполагали слѣдующимъ утромъ произвести около него нѣкоторыя работы. Когда мы подошли съ разсвѣтомъ къ острову, мы имѣли рѣдкій случай видѣть его совершенно свободнымъ отъ облаковъ, тогда какъ море въ то же время было гладко, какъ зеркало.

Надъ островомъ выдается постепенно поднимающійся вулканическій конусъ въ 920 метровъ вышины, на которомъ замѣтно лишь небольшое отверстіе кратера. Кромѣ того, уже издали замѣтны многочисленные второстепенные конусы, которыхъ при приближеніи къ острову съ сѣверо-востока насчитывается не менѣе 8; за исключеніемъ самой высокой вершины, выдѣляется лишь еще одна гора на западной

*

части острова. Уже всѣ предыдущіе посѣтители острова убѣдились въ томъ, что онъ чрезвычайно трудно доступенъ. Вся южная и западная сторона его спускается крутымъ обрывомъ, около 80 метровъ высоты, прямо въ море, на востокѣ и сѣверо-востокѣ островъ ниже, но на берегу громоздятся такіе обломки лавы, что высадка невозможна. Лишь на сѣверо-востокѣ берегъ плоскій, и при спокойной погодѣ является возможность высадиться на шлюпкѣ. Здѣсь командиръ «Эвры» поставилъ въ январѣ 1893 г. флагштокъ и устроилъ складъ провіанта. Подойдя па 4 мили къ острову и опустивъ здѣсь тралъ на глубину 1.463 метр., не давшій большихъ результатовъ, мы направились прямо къ острову, чтобы попытаться высадиться. Мѣсто, удобное для якорной стоянки, было найдено нами вблизи отъ сѣверо-восточнаго берега. Какъ сообщали намъ рыбаки на островѣ св. Павла, у береговъ Новаго Амстердама находятся чрезвычайно вкусныя рыбы и лангусты, и, вѣроятно, благодаря этому обстоятельству, здѣсь особенно часто встрѣчаются киты. Мы видѣли нѣсколькихъ на небольшомъ разстояніи отъ судна.

Уже издали мы замѣтили на обрывахъ множество черныхъ и красноватыхъ точекъ, разсѣянныхъ по склонамъ и двигавшихся. Мы терялись въ догадкахъ: что они изъ себя представляютъ, тѣмъ болѣе, что ни въ одномъ изъ путешествій не упоминалось о существованіи здѣсь крупныхъ наземныхъ животныхъ. Наше изумленіе было велико, когда, подойдя ближе, мы замѣтили, что это стада быковъ, пасшіяся какъ вблизи береговъ, такъ и выше по склонамъ.

Одинъ коричневый быкъ занялъ позицію около флагштока, съ изумленіемъ глядѣлъ на пароходъ и билъ себя хвостомъ по бедрамъ. Къ встрѣчѣ съ такимъ внушающимъ уваженіе защитникомъ трехцвѣтнаго флага противъ германскихъ пришельцевъ мы совершенно не были подготовлены! Оба нашихъ лучшихъ стрѣлка, первый помощникъ и штурманъ горѣли желаніемъ поохотиться. Никто не оспаривалъ ихъ права перваго выстрѣла, мы спустили лодку и удачно пристали къ острову. Прячась за обломки скалъ, старшій помощникъ началъ подкрадываться къ быку, находившемуся въ 100 метрахъ отъ берега, и выстрѣлилъ. Надо думать, что вслѣдствіе волненія, охватившаго стрѣлка, также какъ и зрителей на пароходѣ, пуля его, миновавъ быка, ударилась въ скалу вулканическаго туфа и точно такъ же пролетѣла мимо и вторая. Тогда, однако, положеніе сдѣлалось критическимъ,—быкъ нагнулъ голову впередъ и направился къ своему противнику, лишь послѣ третьяго выстрѣла онъ остановился и затѣмъ медленно, съ сознаніемъ одержанной побѣды, возвратился не торопясь къ коровамъ и телятамъ, которые уже давно убѣжали внутрь острова.

Лавры товарища не давали покоя нашему штурману. Онъ началъ подкрадываться ко второму огромному черному быку, котораго мы наблюдали уже болѣе часа. Ему удалось подъ прикрытіемъ обломковъ скалъ подкрасться къ животному и удачнымъ выстрѣломъ подъ лопатку повалить его на землю. Раздалось громкое «ура», но въ этотъ же самый моментъ быкъ опять поднялся на ноги, подбросилъ рогами нѣсколько обломковъ лавы въ вышину и напалъ на одного изъ матросовъ, который преждевременно подскочилъ къ нему слишкомъ близко. Счастье еще, что во-время раздался второй выстрѣлъ, попавшій въ спинной мозгъ и окончательно убившій животное.

Команда принялась сдирать шкуру по всѣмъ правиламъ искусства и перетаскивать пудовые куски мяса на берегъ. Всеобщее изумленіе

возбуждалъ накожный покровъ животнаго—длинная мохнатая шерсть и длинная кисть на концѣ хвоста, а также и черепъ съ огромными рогами. На слѣдующій день мы имѣли удовольствіе, какого давно уже были лишены, именно ѣли свѣжія котлеты; надо, впрочемъ, сознаться, что врядъ ли кому приходилось дѣлать котлеты изъ такого жесткаго мяса.

Не было возможности добиться, какимъ способомъ попали быки на островъ Новой Амстердамъ. Командиръ «Эвры», высадившійся на островъ въ 1893 г. и упоминающій въ своемъ отчетѣ все, что можетъ быть полезно для потерпѣвшихъ у острова кораблекрушеніе, совершенно не говоритъ ничего о быкахъ, равно какъ и прежніе посѣтители острова. Если ихъ высадили съ тою цѣлью, чтобы дать возможность судамъ получать свѣжее мясо, то цѣль эта плохо достигнута. Коровы и быки бѣгаютъ по обрывамъ съ такою быстротою, что человѣкъ за ними не можетъ поспѣть. Для потерпѣвшихъ же кораблекрушеніе, не обладающихъ огнестрѣльнымъ оружіемъ, охота на быковъ слишкомъ опасна,—въ этомъ отношеніи было бы полезнѣе высадить кроликовъ и козъ. Можно было бы также порекомендовать упоминать въ руководствахъ къ мореплаванію, что здѣсь можно добыть въ огромномъ количествѣ лангустовъ, которые легко могутъ быть выловлены при помощи вентерей, сплетенныхъ изъ матеріала, находимаго на островѣ.

Послѣ описаннаго боя быковъ, путь былъ очищенъ для болѣе подробнаго ознакомленія съ островомъ. Вся поверхность его покрыта огромными вулканическими бомбами, которыя дѣлаютъ хожденіе по острову чрезвычайно затруднительнымъ и нерѣдко небезопаснымъ. Насколько трудно передвигаться по острову, можно судить по слѣдующему примѣру: 24-го августа 1853 г. около Новаго Амстердама разбилось англійское судно «Меридіанъ». Случайно проходившій мимо китобой замѣтилъ сигнальный огонь, разложенный на островѣ потерпѣвшими крушеніе, но благодаря сильному прибою не могъ ихъ взять. Сигналами дали имъ понять, чтобы они съ южнаго берега перешли на сѣверо-восточную сторону острова, гдѣ ихъ возьмутъ шлюпки. Несмотря на то, что островъ имѣетъ всего лишь 5 морскихъ миль въ ширину, несчастнымъ понадобилось не менѣе пяти дней, чтобы добраться до того мѣста, гдѣ и мы устроили нашу высадку.

Всюду зіяютъ черныя отверстія, въ которыя легко проваливается нога; приходится радоваться, когда отъ времени до времени попадетъ подъ ноги гладкая базальтовая поверхность, дающая твердую опору. Нерѣдко края базальтовыхъ покрововъ свѣшиваются и образуютъ глубокіе гроты, въ которыхъ можно найти защиту отъ непогоды. Вулканическая природа острова сказывается уже издали присутствіемъ черноватыхъ вулканическихъ конусовъ, которые встрѣчаются всюду, какъ вблизи берега, такъ и по бокамъ главнаго конуса. Два ближайшихъ конуса, расположенныхъ выше флагштока, недалеко отъ мѣста высадки, составляли цѣль нашей прогулки. Они оказались сложенными изъ черныхъ бомбъ и шлаковъ чрезвычайно правильной формы и настолько мало разложившимися, что это указываетъ, несомнѣнно, на недавность изверженія.

Природа носила отпечатокъ мрачной пустыни, скрашиваемой лишь богатой травяной растительностью, настоящимъ ковромъ травы. Болѣе всего бросаются въ глаза встрѣчающіеся и на островѣ св. Павла кусты *Poa Novarae* и *Scirpus nodosus*, достигающіе половины человѣ-

ческаго роста, ближе къ берегу они замѣщаются другимъ красивымъ злакомъ *Spartina arundinacea*. Между травами произрастаютъ папоротники изъ родовъ *Nephrodium* и *Aspidium* и встрѣчающаяся на Кергуэльскихъ островахъ *Lomaria alpina*. Особенно во впадинахъ, хорошо защищенныхъ со всѣхъ сторонъ обломками вулканическихъ породъ, мы находили прямо великолѣпные экземпляры папоротника *Nephrodium*, листья котораго достигали въ вышину полутора метра. Съ большою радостью встрѣтили мы здѣсь опять впервые низкое деревцо *Phylica nitida*, которое, какъ это ни странно, встрѣчается опять вмѣстѣ съ *Spartina arundinacea* на островѣ Тристанъ-д'Акунья, одиноко лежащемъ въ южномъ Атлантическомъ океанѣ. Деревца эти то стоятъ въ одиночку, то собраны въ небольшія рощицы.

Хотя ландшафтъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ и напоминалъ область травянистыхъ луговъ Камерунскаго Пика, но все же бросалось въ глаза, что растенія, покрытыя яркими цвѣтами, совершенно отсутствовали,—признакъ приспособленія растеній къ опыленію цвѣтовъ вѣтромъ, общій всѣмъ этимъ мѣстностямъ, обвѣваемымъ столь сильными вѣтрами.

Нигдѣ въ окрестностяхъ мы не замѣчали текущей воды. Прежніе посѣтители острова сообщаютъ, правда, что она имѣется на южной сторонѣ острова, и, разумѣется, существованіе быковъ было бы совершенно необъяснимо, если бы лѣтомъ прѣсная вода здѣсь совершенно изсякала.

На обломкахъ базальта, нагроможденныхъ по берегу, во множествѣ гнѣздятся хохлатые пингвины, птенцовъ которыхъ мы замѣтили и внутри острова въ области травы. Они находятъ себѣ обильную пищу въ обитающихъ здѣсь во множествѣ морскихъ организмахъ. Въ лужахъ морской воды, остающихся между скалами, растутъ изящные кустики красныхъ и известковыхъ водорослей, и между ними двигаются многочисленныя мелкія ракообразныя и морскіе ежи. Приспособленіе къ сильному прибою, замѣчаемому тамъ, сказывалось въ особенности наглядно у морскихъ звѣздъ, пятиугольное тѣло которыхъ прикрѣплялось къ поверхности скалъ точно присоскою и могло быть отдѣлено нерѣдко лишь съ большимъ трудомъ.

Между тѣмъ, нашъ океанографъ освидѣтельствовалъ складъ, устроенный «Эврою», который легко было найти по флагштоку и надписи. Оказалось, что за это время островъ былъ посѣщенъ людьми, такъ какъ изъ 13 бочекъ, оставленныхъ «Эврою», полными и нетронутыми остались лишь 8.

Пробывъ на островѣ 4 часа, мы подняли въ 3 часа дня якорь. Кто-то изъ бывшихъ на островѣ, очевидно, неосторожно обращался съ огнемъ, и мы замѣтили, что сухіе кусты травы выше мѣста нашей высадки загорѣлись. Этотъ степной пожаръ, подхваченный вѣтромъ, сталъ распространяться, и мы съ судна наблюдали такое же зрѣлище, какъ нѣкогда экспедиція «Новары»: на островѣ поднимались густыя облака дыма, и издали можно было подумать, что происходитъ вулканическое изверженіе.

Недалеко отъ берега, на 500 метрахъ глубины, мы попробовали опять спустить драгу. Она принесла намъ почти исключительно одни вулканическія лапилли, на которыхъ находилось лишь очень немного животныхъ. Область распространенія извергаемыхъ вулканами Новаго-Амстердама камней, вѣроятно, необыкновенно обширна, такъ какъ мы

еще на слѣдующій день, въ разстояніи уже 114 миль и на глубинѣ 2.414 метровъ, подняли тралъ, биткомъ набитый тяжелыми базальтовыми бомбами.

Покинувъ Новый Амстердамъ, мы взяли нашъ курсъ нѣсколько на сѣверо-востокъ, чтобы попасть возможно ближе къ линіи промѣровъ, произведенныхъ судномъ «Энтерпризъ». Мы вступили въ область максимумовъ атмосфернаго давленія, что и сказалось положеніемъ барометра на 775 мм. Послѣ тѣхъ бурныхъ дней, которые мы провели до прихода къ островамъ св. Павла и къ Новому Амстердаму, мы съ необыкновеннымъ удовольствіемъ видѣли, что солнце не сходитъ съ постоянно голубого неба. Правда, одновременно повысилась чрезвычайно быстро и температура, такъ что мы 9-го января имѣли уже 21,5°, а черезъ недѣлю и настоящую тропическую жару въ 28°. Вскорѣ на палубѣ опять начали устраивать души, не было больше никакого влеченія къ согрѣвающему грогу, пришлось извлечь тентъ, и вечера проводились на палубѣ, причемъ приходилось любоваться неописуемой роскошью южнаго звѣзднаго неба. Облака Магелланового созвѣздія явственно выдѣлялись направо отъ Млечнаго Пути, точно такъ же рѣзко обрисовывалось лишенное звѣздъ поле между Южнымъ Крестомъ и Млечнымъ Путемъ,—такъ называемый «Мѣшокъ съ углями», и съ особымъ великолѣпіемъ блисталъ Оріонъ. Я никогда не могъ себѣ объяснить, почему это оказываютъ такое особое вниманіе Южному Кресту и считаютъ его самымъ выдающимся изъ всѣхъ южныхъ созвѣздій—онъ совершенно не заслуживаетъ такого предпочтенія и теряется среди другихъ великолѣпныхъ созвѣздій.

Поверхность моря была гладка, какъ зеркало, и покрылась 5-го января животными, которыя въ субъантарктическихъ водахъ совершенно отсутствовали. Мелкія и крупныя физаліи колыхались на поверхности моря, перемѣшанныя съ синими парусниками (*Velella*); къ нимъ присоединялись колоніальные радіоляріи, сифонофоры, сальпы и небесно голубые крабы изъ рода *Halicarcinus*, которые тщательно обыскивали борта нашего судна. Чрезвычайно интересное зрѣлище наблюдали мы 6-го и 7-го января: цѣлые длиннѣйшіе ряды альбатросовъ сидѣли на поверхности моря и поднимались съ нея лишь когда нашъ пароходъ подходилъ къ нимъ слишкомъ близко. Мнѣ удалось подстрѣлить 4 изъ нихъ съ лодки, и они оказались представителями желтоклюваго альбатроса (*Diomedea chlororhynchus*); это были великолѣпныя птицы съ черными крыльями, которыя рѣзко выдѣлялись на снѣжно-бѣломъ тѣлѣ, темный клювъ ихъ на верхней сторонѣ имѣлъ красновато-желтую полосу. Очевидно, птицы эти собирались въ такія огромныя стаи, чтобы отправляться на свои гнѣздовья. Шауинсландъ припомнилъ изъ своего пребыванія на одиноко расположенномъ въ Тихомъ океанѣ островѣ Лейзанъ, что альбатросы появлялись тамъ въ точно опредѣленный день огромными стаями и принимались за кладку и высиживаніе яицъ. Несомнѣнно, и эти желтоклювые альбатросы избираютъ такую спокойную область моря для того, чтобы затѣмъ отправиться вмѣстѣ въ дальнѣйшее путешествіе.

Покинувъ эту компанію альбатросовъ, мы замѣтили позднѣе, что жизнь пернатаго царства вокругъ нашего судна чрезвычайно быстро стала убывать. Послѣднихъ сѣрыхъ альбатросовъ мы встрѣтили у

острова св. Павла, послѣдняго *Majaquens* мы застрѣлили 7-го января, и съ тѣхъ поръ наши постоянные пернатые провожатые стали попадаться все рѣже и рѣже.

Послѣ того, какъ мы покинули Новый Амстердамъ, наши промѣры не показывали постепеннаго увеличенія глубины, а обнаруживали сильно складчатый рельефъ дна; лишь 11-го января подъ 28° юж. шир. и 92° вост. долг. мы вступили въ область, гдѣ была найдена глубина въ 4.000, а затѣмъ и болѣе 5.000 метровъ. Одновременно оказалось, что грунтъ дна состоитъ изъ характерной, такъ называемой красной глины (red clay), которая обыкновенно встрѣчается на большихъ глубинахъ въ тропическихъ моряхъ. Лотъ нерѣдко погружался глубоко въ нее и приносилъ на поверхность шеколадно-коричневую вязкую массу, которая, будучи высушена, дѣлалась очень твердой и принимала нѣсколько болѣе свѣтлую окраску. Въ виду того, что нахожденіе этого грунта въ данной области Индійскаго океана до тѣхъ поръ не было доказано, должно замѣтить, что красная глина была прослѣжена нами на протяженіи около 10 градусовъ широты до окрестности Кокосовыхъ островов.

Подъ 27° шир. мы встрѣтили индійскій юго-восточный пассатъ, первоначально слабый, затѣмъ разыгравшійся въ бурю и въ теченіе нѣсколькихъ дней мѣшавшій намъ производить болѣе сложныя работы.

Быстрый переходъ изъ холодной области въ болѣе теплую былъ перенесенъ большинствомъ сочленовъ экспедиціи безъ всякихъ дурныхъ послѣдствій, но оказался, однако, гибельнымъ для одного изъ нашихъ товарищей по путешествію, заслужившаго всеобщую любовь и уваженіе. Нашъ врачъ, д-ръ Бахманнъ, чувствовавшій себя еще прекрасно на островѣ св. Павла и на Новомъ Амстердамѣ, при вступленіи въ теплую область, заболѣлъ давнишнимъ тяжелымъ недугомъ, связаннымъ съ сильными мигренями. Мы видѣли его послѣдній разъ мелькомъ вечеромъ 13-го января, когда же утромъ 14-го отворили его каюту, онъ оказался мертвымъ на койкѣ.

Въ немъ мы потеряли необыкновенно способнаго врача, прекрасно освѣдомленнаго въ медицинской наукѣ. Изъ чисто научнаго интереса оставилъ онъ свою, для молодого врача блестящую практику и принялъ участіе въ экспедиціи. Передъ отправленіемъ, онъ спеціально подготовился по бактеріологіи и, руководствуясь совѣтами профессоровъ Флюгге, Коха и Фишера, устроилъ превосходную бактеріологическую лабораторію на бортѣ «Вальдивіи». О способностяхъ его проф. Фишеръ говоритъ слѣдующее: «Въ докторѣ Бахманнѣ, участвовавшемъ въ экспедиціи въ качествѣ врача и бактеріолога, мы имѣли талантливаго и ревностнаго изслѣдователя, получившаго прекрасную подготовку въ институтѣ Флюгге. Насколько хорошо онъ подготовился къ своей задачѣ бактеріологическаго изслѣдованія, въ этомъ я лично могъ убѣдиться, когда онъ за нѣсколько недѣль до начала экспедиціи посѣтилъ меня въ Килѣ, чтобы посовѣтоваться о программѣ работъ и снаряженіи. Главною задачею своею онъ поставилъ изслѣдованіе морского дна и глубокихъ слоевъ воды, но имѣлъ также въ виду, насколько позволятъ обстоятельства, изучить и распредѣленіе бактерій на морской поверхности, въ особенности въ тѣхъ областяхъ Атлантическаго и Индійскаго океановъ, которыя не были еще въ этомъ отношеніи изслѣдованы. Безжалостная судьба не позволила ему довершить то дѣло, которому онъ посвятилъ всѣ свои силы».

Мы обязаны доктору Бахманну тѣмъ важнымъ выводомъ, что, какъ въ глубокихъ слояхъ воды, такъ и въ пробахъ грунта даже съ наиболѣе значительныхъ глубинъ находятся бактеріи. Когда позднѣе частые припадки маляріи у многихъ членовъ экспедиціи отрывали его отъ научныхъ занятій, онъ поставилъ себѣ задачею изучить измѣненія, которыя производятся паразитами маляріи въ красныхъ кровяныхъ тѣльцахъ. Это являлось тѣмъ болѣе интереснымъ, что послѣ нашего отхода изъ Камеруна дальнѣйшая возможность зараженія маляріей была предотвращена. Самоотверженія, съ которымъ онъ ухаживалъ за своими паціентами, больными маляріей, причемъ нерѣдко ему приходилось ночь превращать въ день, никто изъ насъ не забудетъ. Для насъ было тяжелымъ ударомъ, когда мы лишились этого талантливаго и преданнаго душою дѣлу сотоварища, и ударъ этотъ отягчался еще сознаніемъ, что теперь при заболѣваніяхъ и несчастныхъ случаяхъ мы будемъ лишены совершенно компетентной медицинской помощи. Потрясенные до глубины души, предали мы его тѣло 15-го января волнамъ Индійскаго океана, передъ собранной на палубѣ командой, послѣ нѣсколькихъ словъ сказанныхъ начальникомъ экспедиціи и капитаномъ. Случаю угодно было, чтобы какъ разъ въ этотъ день промѣръ нашъ показалъ наиболѣе значительную изъ всѣхъ найденныхъ нами глубину въ 5911 метровъ. Прахъ нашего товарища покоится теперь на морскихъ глубинахъ, тишина которыхъ никогда не будетъ нарушена, и изученіе которыхъ составляло задачу его жизни.

Юго-восточный пассатъ, въ который мы вступили 11-го января, значительно усилился и заставилъ насъ отказаться отъ работы глубоководными сѣтями. Лишь 17-го января вблизи Кокосовыхъ острововъ рѣшились мы произвести драгировку вблизи коралловыхъ рифовъ. Повидимому, рифы эти очень круто спускаются на глубину, такъ какъ всего лишь въ двухъ миляхъ отъ самаго большого изъ острововъ мы нашли огромную глубину въ 2.154 метра. Во время работъ драгою мы имѣли возможность любоваться своеобразнымъ зрѣлищемъ кораллового острова, едва поднимающагося надъ водной поверхностью и окаймленнаго пальмами. Этотъ островъ, называемый о. Росса, былъ интересенъ еще и въ историческомъ отношеніи,—именно на немъ провелъ два мѣсяца Дарвинъ, и изученіе его послужило фундаментомъ къ его классическому изслѣдованію коралловыхъ рифовъ. Мы ясно видѣли домъ Росса, на которомъ былъ поднятъ англійскій флагъ, не могли, однако, рѣшиться провести здѣсь болѣе продолжительное время, въ особенности, когда наша драга дала очень скудные результаты. Мы имѣли къ тому же въ виду, что позднѣе, на Малѣдивскихъ островахъ и въ архипелагѣ Хагосъ будемъ имѣть достаточно случаевъ познакомиться съ коралловыми атоллами.

Когда мы покинули Кокосовые острова, погода вскорѣ перемѣнилась. Температура еще утромъ поднялась до 28°, небо было покрыто облаками, и временами на наше судно низвергались цѣлые потоки тропическаго дождя. Мы были въ области сѣверо-западнаго муссона, который и разыгрался 19-го января. У Кокосовыхъ острововъ проба грунта показала, что дно покрыто глобигериновымъ иломъ и коралловымъ пескомъ. Когда же мы попали снова на болѣе значительныя глубины, составъ грунта дна быстро измѣнился. 19-го января мы нашли на 5248 метровъ глубины чистый радіоляріевый илъ, который послѣ промывки далъ безконечное количество изящнѣйшихъ кремневыхъ скелетовъ радіолярій. На одномъ единственномъ микроскопическомъ препа-

ратѣ приходилось встрѣчать такое обиліе и разнообразіе формъ, что наблюдателю понадобился бы цѣлый годъ для того, чтобы зарисовать всѣ эти различные скелеты и изучить ихъ. Въ виду того, что на красной глинѣ по предыдущимъ опытамъ водится очень мало организмовъ, мы рѣшили спустить тралъ на болѣе подходящемъ радіоляріевомъ грунтѣ,— этотъ тралъ былъ самымъ глубокимъ изъ поднятыхъ экспедиціею. Нами было выпущено 7.000 метровъ стального троса и черезъ 9 часовъ, въ 5 часовъ дня тралъ оказался снова на палубѣ. Богатаго сбора уже заранѣе нельзя было ожидать, но зато организмы, поднятые съ такой огромной глубины, гдѣ они живутъ подъ давленіемъ болѣе чѣмъ 500 атмосферъ, всегда представляютъ особый интересъ. Въ сѣти трала находилась морская звѣзда, относящаяся къ роду *Styracaster* (рис. 52), множество фіолетовыхъ обломковъ поломавшагося морского ежа и, кромѣ того, 5 актиній изъ рода *Cereanthus*, сидѣвшихъ въ кожистыхъ

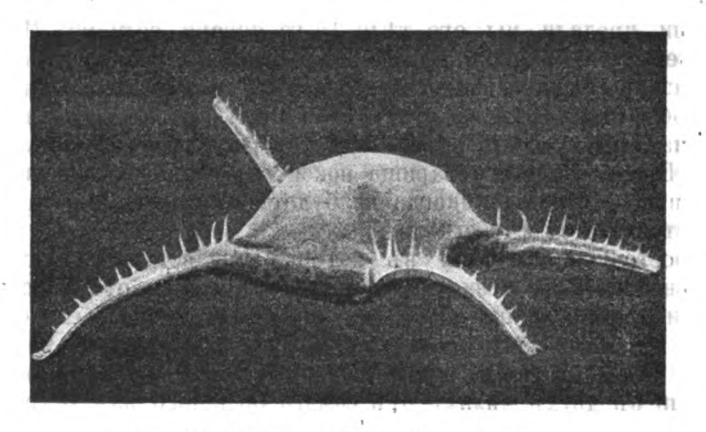

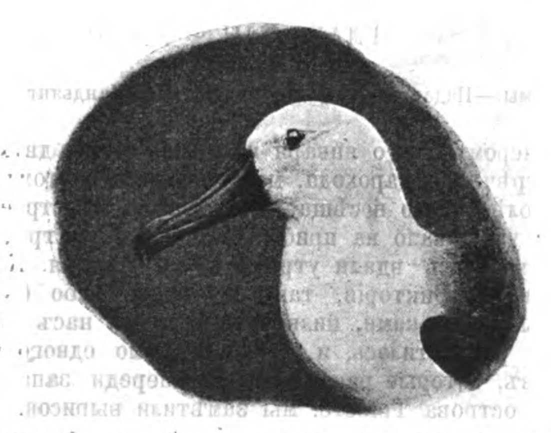
Рис. 52. Морская звѣзда *Styracas tes sp.*

трубкахъ, длиною около фута; къ нимъ присоединялась небольшая глубоководная губка и обломки голотуріи. Въ общемъ добыча эта показывала, что и на такой значительной глубинѣ находитъ еще возможнымъ существовать цѣлый рядъ организмовъ.

Давленіе водяного столба было такъ сильно, что нашъ глубоководный термометръ былъ имъ раздавленъ. Лишь на слѣдующій день могли мы убѣдиться въ томъ, что на глубинѣ 4.883 метровъ наблюдается температура въ 1,1°. Такая низкая температура была бы совершенно необъяснимой, если бы холодная антарктическая вода не распространялась постепенно вплоть до окрестностей Зондскаго архипелага.

Насъ изумило обиліе свободно плавающихъ глубоководныхъ организмовъ, добытыхъ въ этой области. Вертикальная сѣть, спущенная 18-го января до 2.500 метровъ глубины, принесла намъ массу рѣдчайшихъ глубоководныхъ формъ, между которыми находилось не менѣе 4 новыхъ видовъ ярко-красныхъ раковъ изъ рода *Notostomus*, кроваво-красная *Gnathophausia*, 5 представителей удивительно прозрачныхъ амфиподъ *Thaumatops*, 3 новыхъ головоногихъ, у одного изъ которыхъ находились стебельчатые глаза и, наконецъ, бѣловатыя рыбы, съ глазами, направленными наверхъ и также имѣющими видъ телескоповъ. Кромѣ

того, въ этомъ сборѣ имѣлось огромное количество интереснѣйшихъ червей, сальпъ, крылоногихъ моллюсковъ, медузъ и мелкихъ ракообразныхъ—трудно представить себѣ, сколько времени и труда потребуется для того, чтобы разобраться впослѣдствіи въ этихъ цѣнныхъ и по большей части новыхъ формахъ и сколько времени займетъ ихъ описаніе!

Желтоклювый альбатросъ (*Diomedea chlororhynchus*).

ГЛАВА XIII.

Суматра.—Бухта Эммы.—Падангъ.—Поѣздка въ Падангъ-Пандьянгъ.—Бовенландъ.

Когда мы вечеромъ 20-го января впервые послѣ двухъ мѣсяцевъ увидѣли огни встрѣчнаго парохода, мы убѣдились въ томъ, что попали теперь уже въ болѣе часто посѣщаемыя области. Быстрое уменьшеніе морской глубины указывало на приближеніе къ Суматрѣ, которая и дѣйствительно показалась вдали утромъ 21-го января. Какъ нѣкогда при приближеніи къ Викторіи, такъ и теперь небо было затянуто густыми дождевыми облаками, низвергавшими на насъ потоки ливня. Но вскорѣ небо расчистилось, и, проходя мимо одного изъ самыхъ южныхъ островов, которые располагаются впереди западнаго берега Суматры, именно острова Тріесте, мы замѣтили вырисовывающіеся на голубомъ фонѣ неба высокіе конусы хребта Баризанъ. Волны улеглись, и мы вступили въ область моря, ограничиваемую Суматрой и расположеннымъ передъ нею рядомъ островов,—область эта позднѣе поразила насъ не только богатствомъ своихъ подводныхъ сокровищъ, но и въ высшей степени своеобразнымъ распредѣленіемъ температурныхъ условій. Ночью на 22-ое января дождь былъ такъ силенъ, что вода проникала чрезъ всѣ люки и попала даже въ нашу каютъ-компанію. Одновременно, благодаря бурному сѣверо-западному муссону, воздухъ сдѣлался настолько туманнымъ, что ночью пришлось подавать сигналы паровымъ свисткомъ. Съ наступленіемъ утра туманъ, однако, разсѣялся, и передъ нами открылась картина, отъ которой трудно было оторваться. Горы Суматры поднимаются въ видѣ трехъ или четырехъ этажей, и надъ ними парятъ затянутые прозрачной голубоватой дымкой конусы вулкановъ. Долины были скрыты отъ взоровъ завѣсою облаковъ, которыя поддерживаютъ постоянную сырость въ дремучихъ дѣвственныхъ лѣсахъ, спускающихся по склонамъ. Въ море выдвигается цѣлый рядъ коралловыхъ островов и рифовъ, дѣлающихъ судоходство вблизи берега очень затруднительнымъ. Всѣ они, какъ и самый берегъ, покрыты густымъ лѣсомъ и по краю окаймлены пальмами, верхушки которыхъ склоняются надъ волнами моря. Взоръ не можетъ пресытиться зрѣлищемъ этихъ то низкихъ, то поднимающихся въ видѣ огромныхъ куполовъ зеленыхъ островковъ, — они положительно напоминаютъ плавающія корзины съ цвѣтами. Вдоль южнаго склона хребта Баризанъ страна населена, повидимому, не густо, и, лишь приближаясь къ Падангу, мы замѣтили болѣе явственные слѣды дѣятельности человѣка.

Въ воскресенье въ 5 часовъ дня 22-го января мы встали на якорь въ красивой бухтѣ Эммы, составляющей часть залива Королевы. Устройство здѣсь гавани было закончено лишь въ 1892 г.; она защищена

гораздо лучше открытаго рейда Паданга далеко выдающеюся въ море горою Обезьянъ и представляетъ изъ себя прекрасное убѣжище для разгрузки судовъ. Съ Падангомъ и съ угольными копями въ горахъ гавань Эммы соединена желѣзной дорогой и представляетъ изъ себя естественный исходный пунктъ для тѣхъ богатствъ острова, которыя иначе не могли бы быть вывезены по морю. Съ начала лѣта 1900 года пароходы германско-австралійской компаніи заходятъ на обратномъ пути изъ Австраліи разъ въ мѣсяцъ въ Падангъ и конкуррируютъ съ голландскими пароходными обществами, которыя до тѣхъ поръ одни только доставляли товары съ западной Суматры.

Мы пробыли 8 дней въ этой тихой и идиллической гавани на якорѣ и успѣли, положительно, полюбить ее и ея красивыя окрестности, несмотря на то, что при защищенномъ положеніи бухты температура здѣсь иногда становилась невыносимо высокою.

Заливъ Королевы, сѣверо-западный уголъ котораго обращенъ въ гавань, окруженъ широкимъ полукругомъ горъ, покрытыхъ лѣсомъ до самаго моря. Горы эти напоминаютъ по формѣ древній кратеръ и защищаютъ отъ восточныхъ и сѣверо-западныхъ вѣтровъ. Отъ сѣверо-западнаго берега залива тянется возведенный недавно молъ, который защищаетъ отъ волнъ съ юго-запада и юга. При возведеніи фундамента для стѣнъ набережной, построекъ станціи и огромныхъ сараевъ, служащихъ для угля, натолкнулись на затрудненіе, состоявшее въ томъ, что противъ всѣхъ ожиданій коралловая банка оказазалась очень незначительной толщины, всего лишь въ 4—8 метровъ и располагалась на иловатой почвѣ. Потому пришлось сдѣлать постройки насколько возможно легкими и при помощи остроумныхъ приспособленій постараться придать имъ возможно большую устойчивость.

Живыя колоніи коралловъ, между которыми снуетъ множество темныхъ морскихъ ежей, морскихъ звѣздъ и голотурій, покрываютъ дно бухты и въ хорошо защищенныхъ мѣстахъ образуютъ иногда настоящіе подводные сады и гроты, великолѣпіе красокъ которыхъ нельзя вообразить, обладая даже самой пылкой фантазіей.

Послѣ того, какъ были окончены обычныя формальности, и судно наше поставлено на якоря, я отправился уже вечеромъ въ Падангъ, чтобы получить столь долго ожидаемыя всѣми вѣсти съ родины отъ нашего консульства и телеграфировать о возвращеніи «Вальдивіи» изъ антарктическаго моря.

Въ Падангѣ, находящемся въ 7 километрахъ отъ гавани Эммы, мы встрѣтили нашего консула г. Шильда, которому было уже сообщено о приходѣ «Вальдивіи»; отъ него мы получили три тяжелыхъ тюка корреспонденціи и воспользовались затѣмъ любезнымъ приглашеніемъ его къ ужину. Наступила уже ночь, и намъ казалось, что мы перенеслись въ какую-то сказочную страну, въ особенности, когда мы возвращались домой въ экипажѣ, управляемомъ малайцемъ: мы ѣхали чрезъ густыя заросли пальмъ и бамбука при ослѣпительномъ свѣтѣ луны, мимо скрытыхъ въ кустарникахъ бамбуковыхъ хижинъ туземцевъ, въ воздухѣ мелькали миріады свѣтящихся жуковъ—все это такъ вліяло на насъ послѣ нашего утомительнаго путешествія, что намъ, дѣйствительно, казалось, будто это не дѣйствительность, а одна изъ сказокъ 1.001 ночи! Хотя мы и вернулись уже довольно поздно, всѣ наши сотоварищи еще не спали и съ ликованіемъ встрѣтили долго жданныя вѣсти изъ дому.

На слѣдующій день намъ пришлось сдѣлать визиты голландскимъ

властямъ, которымъ было поручено генералъ-губернаторомъ Батавіи оказывать намъ всякое содѣйствіе. Въ такомъ приказаніи, однако, не ощущалось особой надобности, такъ какъ и безъ того мы были встрѣчены настолько любезно, насколько вообще было возможно. Прежде всего намъ пришлось позаботиться о томъ, чтобы постараться добыть врача, который согласился бы сопровождать насъ во время дальнѣйшаго путешествія. Я былъ очень обрадованъ, когда встрѣтилъ въ начальникѣ голландскаго медицинскаго управленія Суматры соотечественника, именно полковника Кунерта изъ Шлезіи. Онъ телеграфировалъ въ Батавію, предлагая участіе въ экспидиціи одному голландскому военному врачу, но, къ сожалѣнію, тотъ за день передъ тѣмъ уѣхалъ съ съ острова. Намъ пришлось волей-неволей отказаться отъ нашего намѣренія, и оставалась лишь надежда, что, быть можетъ, удастся замѣнить безвременно скончавшагося доктора Бахманна на Цейлонѣ.

Падангъ представляетъ изъ себя типичный тропической городъ, растянувшійся до безконечности: онъ пересѣченъ широкими и содержимыми въ превосходномъ порядкѣ улицами по всѣмъ направленіямъ. Оріентироваться въ городѣ тѣмъ не менѣе довольно легко, такъ какъ каждая часть его носитъ особый характеръ.

Жителей въ Падангѣ, какъ мнѣ сообщилъ консулъ, по новѣйшимъ свѣдѣніямъ, около 3.300; изъ нихъ 1.900 европейцевъ (въ томъ числѣ войска и индоевропейцы), 26.000 туземцевъ малайцевъ, 4.000—китайцевъ, 1.000—арабовъ и индусовъ. Остатокъ приходится на долю туземцевъ острова Ніасъ, которымъ европейцы, какъ прилежнымъ рабочимъ, плотникамъ и садовникамъ, оказываютъ предпочтеніе передъ малайцами. Центръ торговли находится на правомъ берегу рѣки Паданга,—здѣсь расположены всѣ конторы и склады большихъ торговыхъ домовъ, а также консульства, различныя административныя учрежденія и обширные правительственные склады кофе. Естественный путь сообщенія въ дѣловой части города доставляетъ рѣка Падангъ, которая отъ устья приблизительно на полтора километра вверхъ по теченію доступна для плаванія малайскихъ джонокъ. Вокругъ этихъ послѣднихъ, стоящихъ по обѣ стороны рѣки на якоряхъ, постоянно кипитъ жизнь полная движенія: съ нихъ безпрерывно выгружаются различные продукты береговой полосы и расположенныхъ около Суматры островковъ,—такими продуктами является дерево, тростникъ, различныя смолы, копра, кокосовые орѣхи, рисъ, различные плоды и домашняя птица.

Къ торговому кварталу примыкаетъ китайскій кварталъ, который здѣсь, какъ и вездѣ, получаетъ своеобразный національный отпечатокъ, сообщаемый сынами Поднебесной имперіи каждому населяемому ими мѣсту. Передъ своими домиками, построенными изъ камня и выведенными вслѣдствіе постоянныхъ землетрясеній лишь въ одинъ этажъ, торговцы-китайцы раскладываютъ со вкусомъ и умѣньемъ мѣстные и европейскіе товары. Могу лишь засвидѣтельствовать, что всюду, гдѣ намъ приходилось дѣлать закупки у китайскихъ торговцевъ, товары отпускались намъ очень добросовѣстно и съ изысканною любезностью. Какъ мнѣ говорили, китайцевъ вообще не считаютъ здѣсь нежеланными пришельцами, и въ рукахъ ихъ сконцентрировалась значительная часть наиболѣе важныхъ торговыхъ предпріятій. Въ сопровожденіи консула я сдѣлалъ какъ-то вечеромъ визитъ одному изъ наиболѣе почтенныхъ представителей китайской колоніи. Это былъ самый красивый и самый развитой китаецъ, какого мнѣ когда-либо прихо-

дилось видѣть. Съ чисто рыцарской вѣжливостью принималъ онъ насъ въ своемъ домѣ, былъ очень польщенъ тѣмъ, что мы нашли его золоченую мебель красивою, и съ особой гордостью показывалъ намъ свою, дѣйствительно превосходную рѣзную кровать подъ балдахиномъ. Точно такъ же богато украшены китайскіе храмы, гдѣ чужеземца встрѣчаютъ съ большою предупредительностью, и бонза угощаетъ даже чашкою ароматнаго чая. На алтарѣ храма были изображены самыя убѣдительныя картины,—съ одной стороны, мукъ въ аду, съ другой—радостей въ раю: первыя мало отличались отъ тѣхъ ужасныхъ христіанскихъ изображеній, которыя рисовали нѣмецкіе художники временъ Кранаха, послѣднія же привлекаютъ вниманіе своею оригинальностью,—на одной изъ нихъ, напримѣръ, была изображена прехорошенькая молодая китаянка, которая доставляла китайцу въ раю высшее блаженство тѣмъ ... что отгоняла комаровъ отъ него своимъ вѣеромъ.

На ряду съ пріятными впечатлѣніями, не мало сохраняется у посѣтителя китайскаго квартала и менѣе пріятныхъ. Пыль и отвратительный запахъ, послѣдній въ особенности на рыбномъ и овощномъ рынкѣ, дѣлаютъ пребываніе тамъ мало завиднымъ, а лавочки для продажи опіума, около которыхъ сидятъ и курильщики этого зелья, позволяютъ познакомиться съ однимъ изъ ужаснѣйшихъ пороковъ человѣчества. Изъ моей памяти никогда не изгладится ужасное впечатлѣніе, полученное при посѣщеніи одного такого притона курильщиковъ опіума, въ которомъ я побывалъ какъ-то вечеромъ изъ любопытства.

Отъ китайскаго квартала широкая улица ведетъ мимо мастерскихъ китайскихъ мебельщиковъ, мимо европейскихъ типографій и комиссіонныхъ конторъ въ европейскій кварталъ. Онъ носитъ характеръ огромнаго и благоустроеннаго парка. Широкія улицы его окаймлены по обѣ стороны кокосовыми пальмами и группами тропическихъ деревьевъ. Практичность голландцевъ сказывается уже въ постройкѣ ихъ домовъ, вполнѣ приспособленной къ тропическому климату. Дома эти почти исключительно построены изъ дерева, располагаются на метръ отъ почвы, опираясь на столбы, и покрыты крышами изъ листьевъ пальмы «атапъ». Воздухъ можетъ свободно циркулировать подъ этими свайными постройками и потому жилыя комнаты, несмотря на влажный береговой климатъ и частые тропическіе дожди, остаются сухими и относительно прохладными. Передній и задній фасадъ дома окруженъ широкою верандою, причемъ передняя веранда служитъ въ то же время пріемною, гдѣ послѣ захожденія солнца, съ 7 до 8 вечера, принимаются визиты; задняя веранда служитъ обыкновенно столовою. Позади дома рядомъ съ обширнымъ тѣнистымъ садомъ располагаются постройки для прислуги, кухня и имѣющаяся здѣсь всегда ванная. Въ цистернѣ постоянно содержится холодная вода, которою утромъ и вечеромъ обливаются. Въ жилыхъ комнатахъ царитъ окруженная, пожалуй, даже слишкомъ многочисленною прислугою хозяйка дома, «нонья», одѣвающаяся обыкновенно въ мѣстный, приспособленный къ климату, малайскій нарядъ: поверхъ складчатаго саронга накидывается тонко вышитая бѣлая кофта, и на босыя ноги надѣваются лишь деревянныя туфельки. Только выходя изъ дому, дамы мѣняютъ этотъ мѣстный костюмъ на европейскій.

Въ центрѣ европейскаго квартала оставлено нѣсколько обширныхъ площадей, покрытыхъ дерномъ и производящихъ, благодаря красивому виду на горы и городкіе сады, чрезвычайно симпатичное и уютное

впечатлѣніе. Вокругъ нихъ располагаются клубы, превосходные отели, правительственныя учрежденія, судъ и огромный военный госпиталь. На одной изъ такихъ площадей—Михіельсъ-пленѣ возвышается готическій монументъ, воздвигнутый въ память пользующагося здѣсь большою славою генерала Михіельса, завоевателя Бовенланда и острова Бали.

Кто желаетъ быть подальше отъ городской суеты, тотъ найдетъ себѣ превосходное мѣсто для прогулокъ на Апенбергѣ и прилегающихъ высотахъ, гдѣ онъ можетъ наслаждаться зрѣлищемъ охраняемыхъ здѣсь и даже подкармливаемыхъ бананами обезьянъ и превосходными раскрывающимися передъ нимъ видами. Для любителя охоты представляется возможность поохотиться недалеко отъ города въ болотистыхъ мѣстностяхъ, заросшихъ бамбукомъ, пальмами нипа и пандавусами, на безчисленныхъ птицъ и на дикихъ свиней.

Кого интересуетъ живописное смѣшеніе различныхъ племенъ, обитающихъ въ Падангѣ, тотъ не долженъ упустить случая побывать въ базарный день на базарѣ. Эта огромная площадь покрыта безчисленными лавочками, расположенными правильными рядами; по краямъ ея расположился цехъ золотыхъ дѣлъ мастеровъ. Ихъ филиграновыя работы изумительно тонки. Съ ранняго утра приходятъ со всѣхъ сторонъ повозки, запряженныя буйволами Суматры, которые называются здѣсь «карбау», повозки образуютъ длиннѣйшій непрерывный рядъ, и всѣ руки заняты выгрузкою изъ нихъ привезенныхъ товаровъ, которые раскладываются прямо на землѣ или въ лавочкахъ.

Длинными рядами лежатъ на землѣ различные сорта овощей и превосходнѣйшіе тропическіе фрукты, производимые долиной Паданга. Бананы, ананасы, лимоны, апельсины, желтые плоды манго (*Mangifera indica*) и дынныхъ деревьевъ (*Carica papaya*), лежатъ здѣсь вмѣстѣ съ мангустанами (*Sarcinia mangostana*) водящимися исключительно на Зондскихъ островахъ. Нѣжный вкусъ, ароматъ и окраска одинаково выдѣляютъ изъ всѣхъ остальныхъ тропическихъ плодовъ мангустанъ съ его темно-красной корой, въ которой находятся отъ 6 до 8 снѣжнобѣлыхъ плодиковъ, заключающихъ вкусную мякоть и расположенныхъ розеткою. Тутъ же лежатъ огромныя кучи дуріановъ (*Durio zibethinus*), величиною съ голову; относительно этого плода мнѣнія сильно расходятся: тогда какъ одни, напримѣръ, Уоллесъ, считаютъ его превосходнѣйшимъ произведеніемъ архипелага и содержимое его твердыхъ зеленовато сѣрыхъ плодовъ, покрытыхъ острыми бугорками, наиболѣе вкуснымъ изъ всѣхъ растительныхъ продуктовъ, другіе не могутъ преодолѣть своего отвращенія передъ его запахомъ, напоминающимъ запахъ тухлыхъ яицъ. Запахъ этотъ, къ тому же, настолько прилипчивъ, что всѣ, кто ѣстъ дуріанъ, положительно пропитываются имъ, и какъ станціи, такъ и вагоны, употребляемые малайцами, наполнены этимъ ароматомъ. Самъ я не могу имѣть въ данномъ случаѣ собственнаго мнѣнія, такъ какъ слишкомъ проникся убѣжденіемъ, что запахъ и вкусъ плода неразрывно связаны между собою, и не могъ рѣшиться попробовать его. Здѣсь же приходится видѣть испанскій перецъ, вытянутые въ длину клубни бататовъ и служащіе для жеванія бетеля орѣхи пальмы пинангъ (*Areca Catechu*). Все малайское населеніе питаетъ чрезмѣрную страсть къ жеванію бетеля или «сири»,—малайцы завертываютъ кусочекъ орѣха и жженой извести въ листъ перечнаго бетеля (*Piper betel*) и жуютъ все это, при чемъ слюна ихъ окрашивается въ красный цвѣтъ, а зубы становятся черными.

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

